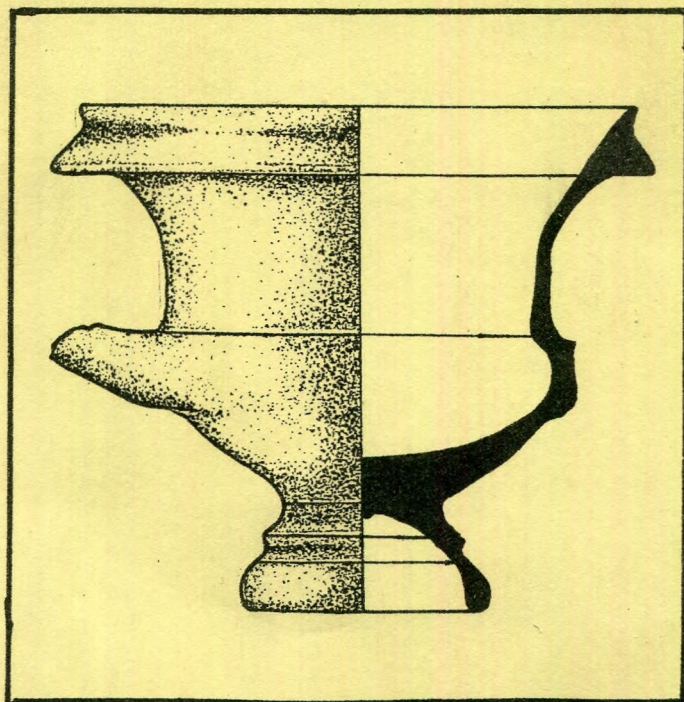

**СТАРОЖИТНОСТІ
СТЕПОВОГО
ПРИЧОРНОМОР'Я
І КРИМУ**

XI

ЗАПОРІЗЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ЗАПОРІЗЬКИЙ ОБЛАСНИЙ КРАЄЗНАВЧИЙ МУЗЕЙ

СТАРОЖИТНОСТІ СТЕПОВОГО
ПРИЧОРНОМОР'Я
І КРИМУ

XI

ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

МАТЕРІАЛИ КОНФЕРЕНЦІЇ
“ПРОБЛЕМИ СКИФО-САРМАТСЬКОЇ АРХЕОЛОГІЇ ПІВНІЧНОГО
ПРИЧОРНОМОР'Я”

(ДО 105 -РІЧЧЯ З ДНЯ НАРОДЖЕННЯ Б.М. ГРАКОВА)

Запоріжжя, 2004

УДК 902.6. (477.7)
ББК Т.4 (4 Укр.) 33
С 773

СТАРОЖИТНОСТІ СТЕПОВОГО ПРИЧОРНОМОР'Я І КРИМУ

ТОМ XI

Antiquities of Steppe Black Sea Region and Crimea

Рекомендовано до видання Вченою радою
Запорізького державного університету
(протокол № 10 від 24.05. 2004 р.).

С773 XI том складається з двох частин. У першій наводяться тези доповідей Міжнародної конференції “Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я”, присвяченої 105-річчю зі дня народження проф. Б.М. Гракова (4 граківські читання); у другій подані статті та замітки з окремих проблем доби палеоліту – епохи бронзи, вводяться у науковий обіг новітні матеріали Північного Причорномор'я і Криму.

Видання призначене для археологів, істориків, краєзнавців, для всіх, хто цікавиться далеким минулим України.

Volume XI consists of two parts. In the first theses of reports of International conference “Problems of Scythian-Sarmatian Archaeology of Northern Black Sea Region”, dedicated to the 105th anniversary of Professor B.M.Grakov (the 4th Grakov's readings) are represented, in the second the articles and notices concerning some problems of Palaeolithic Age – Bronze Epoch are published, the newest materials from archaeology of Northern Black Sea region and Crimea are put into scientific circulation.

The edition is intended for archaeologists, historians, specialists of local lore, history and economy and for all, who are interested in ancient past of Ukraine.

Свідectво про державну реєстрацію
друкованого засобу масової інформації:
серія 33 № 587 від 3 лютого 2004 р.
Постановою Президії ВАК збірник
включено до переліку фахових видань
(Бюлетень ВАК, № 6, 2000 р.).

Редакційна колегія:

П.П. Толочко – академік НАН України (гол. ред.)

В.М. Зубар – д.і.н.

Д.Н. Козак – д.і.н.

С.Р. Лях – д.і.н.

В.Ю. Мурзін – д.і.н.

В.В. Отрошенко – д.і.н.

Г.М. Тощев – к.і.н.

Ф.Г. Турченко – д.і.н.

Г.І. Шаповалов – д.і.н.

© автори

КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ НОУА В БЕЛОЗЕРСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ.

Одним из составных компонентов формирования белозерского погребального обряда в Северо-Западном Причерноморье является погребальный обряд предшествующей по времени культуры Ноуа. Абсолютная хронология культуры Ноуа- XVI-XIII в.в. до н. э. Финальная фаза соответствует периоду ВгС-На А (по Рейнеке). Вместе с тем ряд памятников культуры Ноуа фиксируется и в XII в. до н.э., что по времени синхронно с позднесабатиновским и раннебелозерским временем. Элементы культуры Ноуа оказали существенное влияние на процесс формирования белозерской культуры, что проявляется во многих культурных и материальных заимствованиях - домостроительстве, керамических формах, отдельных видах украшений и в том числе в погребальном обряде.

Наиболее многочисленная группа погребальных памятников культуры Ноуа локализуется в лесостепной Молдове на Среднем Пруте и включает в себя такие крупные могильники как Перерыта, Бадражий-Векь, Трушень, Кирилень, Брыешть, Бурлэнешть, Краснолевка. Могильники располагались по обоим берегам р. Прут, включая его притоки [1.-S.236]. Погребальные памятники культуры Ноуа в регионе представлены грунтовыми могильниками и впускными захоронениями в курганы предшествующих культур эпохи энеолита-ранней бронзы. Грунтовые могильники Ноуа, как правило, формировались на возвышенных местах-плато, вершинах холмов, гребнях водоразделов, зачастую вблизи курганных насыпей более раннего времени. Впускные захоронения, совершенные в насыпях курганов предыдущих эпох, сформированы в виде небольших могильников в юго-западных секторах (Коржеуць к 2, 4., Бадражий Векь к 23, Кирилень к.1-5., Бурлэнешть к.3., Перерыта к.1). При этом в Перерыте, Бурлэнешть и Кирилень захоронения зафиксированы и за пределами курганных насыпей, где образуют крупные грунтовые могильники. Подобная ситуация прослеживается и в белозерском погребальном обряде, за исключением того, что белозерские грунтовые могильники формируются рядом с курганами с основными белозерскими захоронениями (Казаклия, Будуржель).

Для ареала Ноуа на сегодняшний день насчитывается 710 погребений, из которых 565 концентрируется между Подкарпатьем Молдовы и Средним Прутом [1].

В 86 случаях установлена форма погребальных сооружений. Выделяются 4 основных типа:

1. Камеры овальной формы-51 (59,3%)
2. Камеры прямоугольной формы-29 (33,7%)
3. Каменные ящики (цисты)-5 (5,8%)
4. Каменные круги, либо кромехи-1(1,2%) (Sava.2002.236).

Вместе со 2-м типом учтены и камеры трапециевидной формы, которые, в дальнейшем, получают развитие в белозерской культуре. В ориентировке погребенных выделяется 8 основных секторов. Для Среднего Прута преобладает ориентировка в южном полукруге – ЮВ (110-155°), ЮГ (155-200°), ЮЗ (20-245°). В данной публикации не рассматриваются трупосожжения, количество которых в регионе составляет 15. При учете абсолютной ориентировки погребений культуры Ноуа отмечается преобладание В, ЮВ, Ю и ЮЗ, в меньшей степени встречается ориентировка на С. [1.-S.137, Abb.27]. В Припрутском регионе в 430 комплексах определена ориентировка. Из данного числа на Юг, в том числе и с отклонениями ориентировано 142 погребения. При этом в отдельных могильниках южная ориентировка доминирует могильник Бурлэнешть – ЮЗ-122 [2]. Подавляющее большинство захоронений культуры Ноуа было зафиксировано по костяку. Обряд погребения – скорченный. Степень скорченности скелета варьирует от сильной (20-45°) до средней (45-100°), что характерно и для погребений белозерской культуры. В свою очередь, южная ориентировка становится основной в белозерское время.

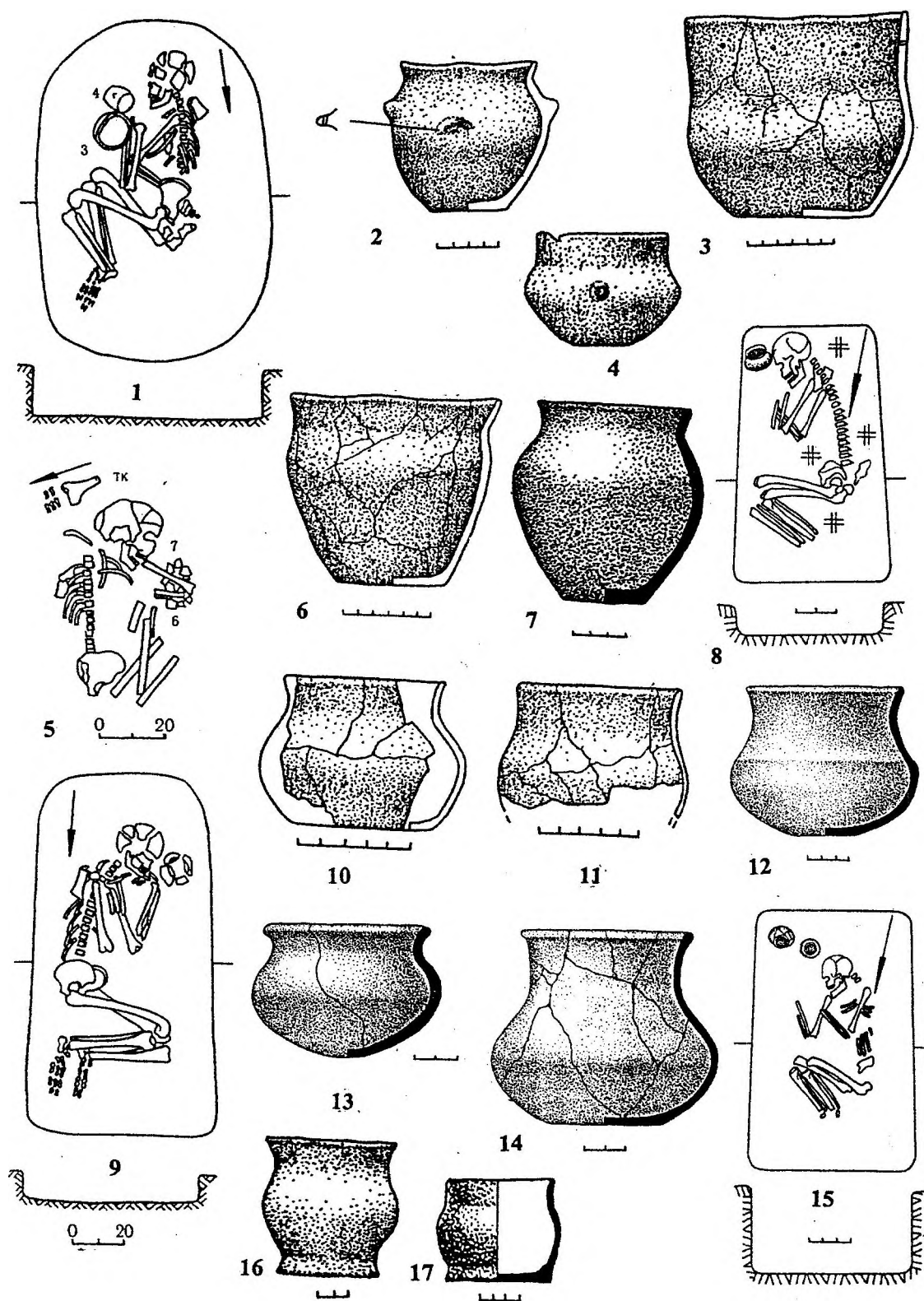

Рис.1. 1-3.- Перерыта п.19., 4. - Бадражий-Векъ п.1.-сосуд., 5, 10-11.-Перерыта п.62., 6, 9. - Перерыта п.20., 7 - Казаклия п.19-сосуд., 8, 12. - Казаклия п.42., 13-15. - Казаклия п.41., 16 - Бадражий-Векъ п-31-сосуд., 17.- Дивизия п 5/1-сосуд.

Захоронения Ноуа, ориентированные в южном полушарии в целом не выделялись из основной массы. Инвентарь, как правило, представлен 1-3 сосудами, реже изделиями из бронзы, кости и камня. Вместе с тем в ряде погребений с южной ориентировкой в инвентаре имелись керамические формы, получившие в дальнейшем развитие в белозерской культуре. Так в погр.1 могильника Бадражий-Век [3] имелся округлобокий кубок с цилиндрической шейкой и коническими налпами по тулову (рис 1,3). В белозерское время кубки становятся ведущей формой. В погр.8 того же могильника имелся баночный выпуклобокий сосуд с коническими налпами – форма присущая керамике белозерских поселений. В погр.31 могильника Бадражий-Век при скорченном скелете с ЮВ ориентировкой имелся баночный сосуд на кольцевом поддоне, с округлым туловом и горлом в форме раструба (рис.1,16). Аналогичный сосуд найден в белозерском погребении 5/1 (рис 1,17) у с. Дивизия, Татарбунарского р-на Одесской обл. Украины [4].

Чаша из погр.13 Бадражий-Век с выпуклым туловом и коническим сужающимся к устью горлом (рис 3,14) аналогична кубку подобной формы из погр.71 (рис 3,15) Казаклийского могильника белозерской культуры [5.-fig.23,6]. При этом скелет погр.13 ориентирован на ЮЮВ (рис 3,13). Из погр.36, совершенного с южной ориентировкой, могильника Бурлэнешть происходит чаша с округлым туловом принижённых пропорций и цилиндрическим горлом, широко открытым к устью (рис. 2,4,5). Подобная форма чаш, только без рукояток имеется в материалах белозерского могильника Казаклия (погр.34) (рис.2,7,12) и погр.13 (рис.3,6). С чашей из погр.34 мог. Казаклия совпадает по форме черпак из погр.15 мог. Бурлэнешть (рис.2,9). При этом скелет погр.15 ориентирован черепом на ЮВ. Кубки с „S”-видным профилем из погр. 41 мог. Казаклия (рис.1,12-15) совпадают по форме с кубками из погр.62 могильника Перерыта (рис.1,5,10,11), совершенного с ЮВ ориентировкой. В этом же захоронении имелась тризна из костей мелкого и крупного рогатого скота, расположенные слева от черепа погребённого – одна из черт, которые в дальнейшем фиксируются в белозерском погребальном обряде. Погребение 44 мог. Бурлэнешть, совершенное с ЮЮВ ориентировкой, сопровождалось широкооткрытой чашей, аналогии которой имеются в позднесабатиновских и раннебелозерских комплексах Буджака. (рис.2,10-11). Особый интерес представляет погребение 5/11. мог. Кирилень, где скорченный на правом боку погребённый, в овальной погребальной камере, ориентированный черепом на юг, сопровождался серолощенной чашей с горизонтальными налпами по тулову. Единственным отличием от белозерских чаш является наличие коротких вертикальных ручек на тулове, украшенных цилиндрическими налпами (рис.2,1-2). Погребение 19 мог. Перерыта [1] совершенное в овальной камере, с ЮВ ориентировкой скелета сопровождалось кубковидным сосудом с округлым туловом и цилиндрическим горлом широко открытым к устью и горшком с ручками-упорами (рис.1,1-3). Кубок подобной формы становится ведущим типом столовой белозерской посуды, в свою очередь горшок с ручками-упорами имеет широкий ряд аналогий в керамике поселений белозерско-тудоровского типа. Погребение 20 мог. Перерыта, совершено в трапециевидной погребальной камере. Скелет ориентирован на юг (рис.1,9). Из данного захоронения происходит горшок с высокими плечиками и цилиндрическим горлом (рис 1.9,6), который аналогичен горшку из погр.19 (рис. 1,7) Казаклийского могильника.

В могильнике Брыешть в Запутской Молдове [1] в погр.4, совершенном в овальной в овальной камере с ЮЗ ориентировкой имелась чаша с выпуклым корпусом и короткой цилиндрической шейкой, орнаментированная двумя рядами косых насечек, имеющая морфологическое сходство с белозерскими. Из погр. №10-11 того же могильника происходит серия сосудов представляющих собой чашу с прочерченным орнаментом (рис 4, 12), черпак с округлым туловом и цилиндрическим горлом, украшенный горизонтальными прочерченными линиями в сочетании с вертикальными (рис.4, 7). Аналогичный орнамент имеется на двух кубках погр.34/1 мог. Кочковатое [6.-С.32] (рис 4, 10-11]. На кубке с поселения Никулицел-Корнет культуры Бабадаг в Добрудже [7.-Р.220]

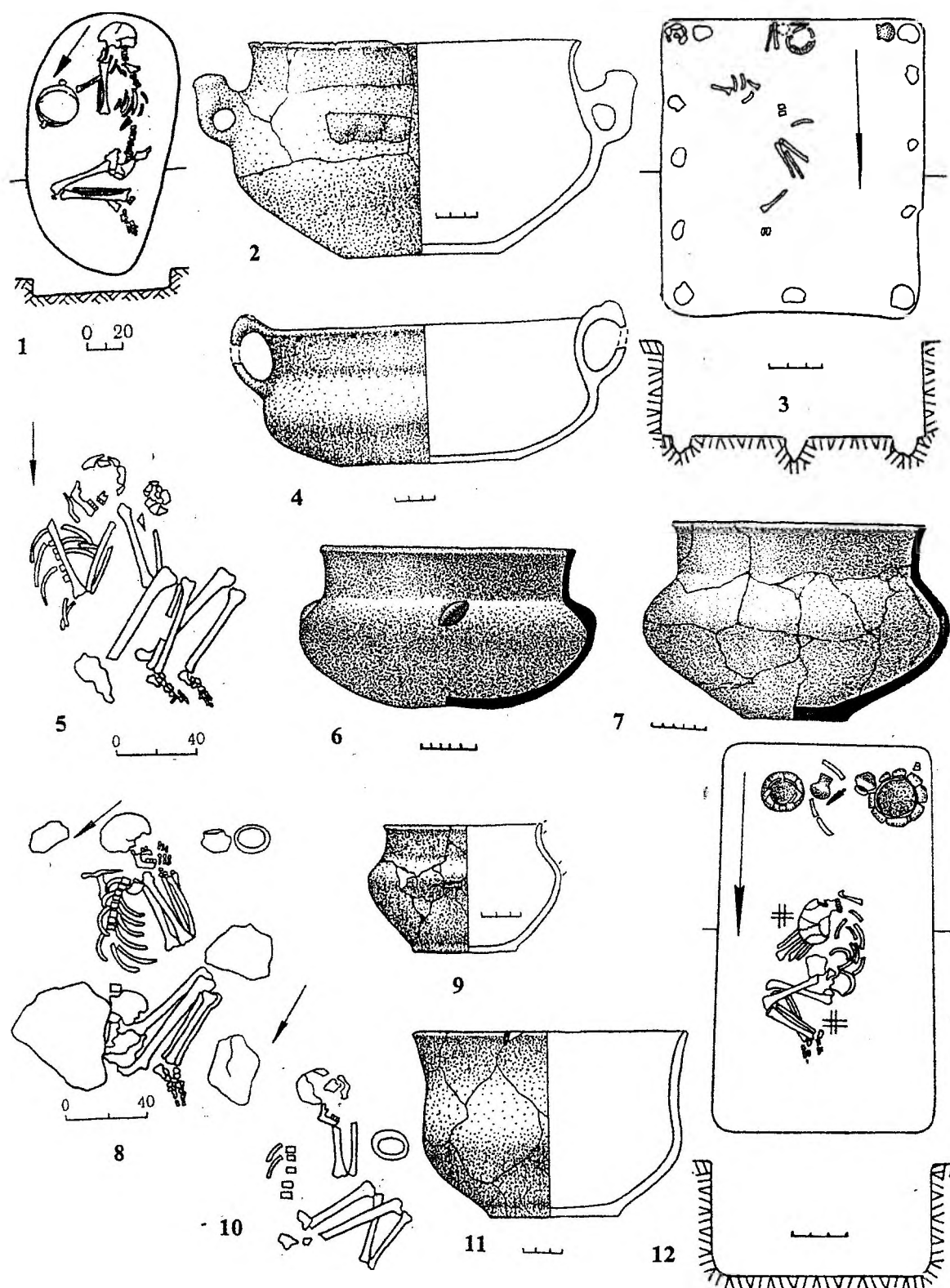

Рис.2. 1- 2 – Кирилень п.5/11., 3, 6 - Казакля п.13., 4, 5 - Бурлэнешть, п.36., 7, 12. - Казакля п.34., 8, 9. - Бурлэнешть п.15., 10-11. - Бурлэнешть п.44.

(рис 4, 6), а также на черпаке из слоя белозерского времени поселения Калфа [8]. Каннелированные чаши из погр.11 мог. Брыешть (рис 4, 2-3) имеют морфологическое сходство с чашами из погр.11, 27 Казаклийского могильника (рис. 4, 4-5). В отличие от белозерских чаш из погр. 11 Брыешть имели вертикальные петлевидные ручки. Подобное сочетание форм и орнаментальных мотивов на сосудах из погребальных комплексов в Брыешть вполне вероятно маркируют финальную фазу культуры Ноуа, так как в целом вышеперечисленные черты характерны для древностей типа Пребабадаг, Тэмеоань, Ханска-Холеркань-Балта и в том числе для белозерской культуры. В свою очередь в погребениях белозерской культуры могильников Кочковатое 36/1 и Плавни 9/7 найдены кубковидные сосуды орнаментированные несквозными наколами в верхней части тулова (рис 3, 1-2, 9-10). Подобный орнамент специфичен для керамики могильников Ноуа-Коржеуць, Бурлэнешть, Перерыта (рис 3, 3-4,5-6,7-8,11-12).

На сегодняшний день вполне справедлива версия о том, что часть населения культуры Ноуа на заключительном этапе своего существования – в XI в. до н.э. вытесняется раннегалыштатскими культурами-носителями каннелированной и прочерченной керамики с территории лесостепной Молдовы в степи Северо-Западного Причерноморья, занятые в этот период племенами сабастиновской культуры. Подобное продвижение и взаимовлияние сопровождалось появлением новых элементов и традиций в материальной и духовной культуре населения Буджака, что в свою очередь дало импульс к возникновению белозерской культуры.

В данной ситуации совершенно справедливым является мнение С. Моринца о формировании Нижнедунайского горизонта позднебронзовых памятников на базе поздних фаз культур Ноуа и Монтеору, что совпадает по времени с началом процесса «галыштатизации» в Карпато-Днестровском бассейне [9.-Р.160].

В погребальном обряде Ноуа присутствует южная, иногда с отклонениями ориентировка, в дальнейшем доминирующая в культуре Белозерка. В погребальных комплексах сабастиновской культуры на юг, без отклонений ориентированно 35 погребений, в культуре Ноуа их насчитывается 53. Выборка проводилась по погребальным памятникам обеих культур Пруто-Днестровского междуречья, результат позволяет утверждать, что преобладание южной ориентировки погребенных наиболее характерно для могильников культуры Ноуа. Степень скорченности скелета – от сильной до средней, практически идентична для Ноуа и белозерской культуры. Наблюдается преемственность в определенных керамических формах – кубки, чаши, черпаки, некоторые виды горшков, и орнаментация в дальнейшем бытует в белозерское время.

Преобладание типов керамики, которая может служить прототипом для белозерской посуды, наблюдается в захоронениях культуры Ноуа, ориентированных в южном полукруге. По предположениям В.П. Ванчугова, традиционная для белозерской культуры южная ориентировка является результатом взаимодействия с западными позднебронзовыми культурами [10.-С.130], которые автором не конкретизируются. В подтверждение приводятся тезисы В.В. Дворниченко о том, что в позднейшее время предскифское время южная ориентировка отмечается лишь на правобережье Днестра [11.-С.96-97]. Данные материалов Стойканского могильника периода галыштата, как справедливо отмечала А.И. Мелюкова, позволяют судить о том, что какое-то позднейшее население культуры Ноуа сохранило свои традиции во фракийском окружении [12.-С.35]. Подобные реминисценции культуры Ноуа в позднегалыштатских культурах Нижнего Подунавья могли проявиться только при опосредованном влиянии белозерского погребального обряда.

Формирование погребального обряда белозерской культуры представляет собой сложный процесс, связанный с кризисом блока культур Ноуа – Сабастиновка – Кослодженъ и формированием позднебронзовых образований с галыштатскими чертами типа Тэмеоань – Ханска – Холеркань – культура Белозерка – Балта. Данный процесс имел место в течении XII-нач.XI в. в. до н.э. и характеризовал собой культурно-хронологические изменения,

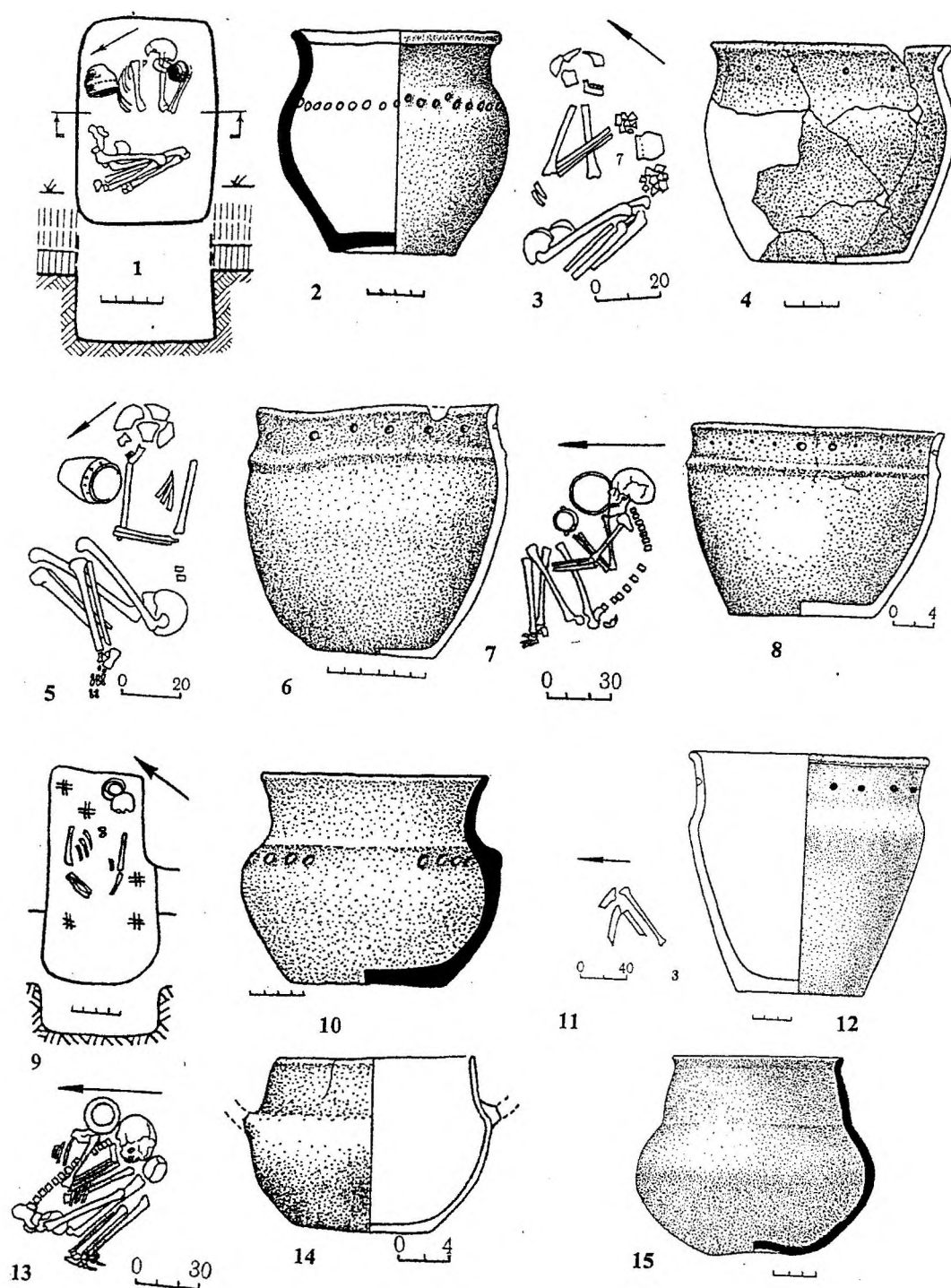

Рис.3. 1-2. - Кочковатое 36/1., 3-4. - Перерыта п.68., 5-6 - Перерыта п.60., 7-8 - Бадражий-Векъ п.10. 9-10 - Плавни п 9/7., 11-12 - Коржеуць п 2/2., 13-14 - Бадражий-Векъ п.13., 15. - Казакля п.71.

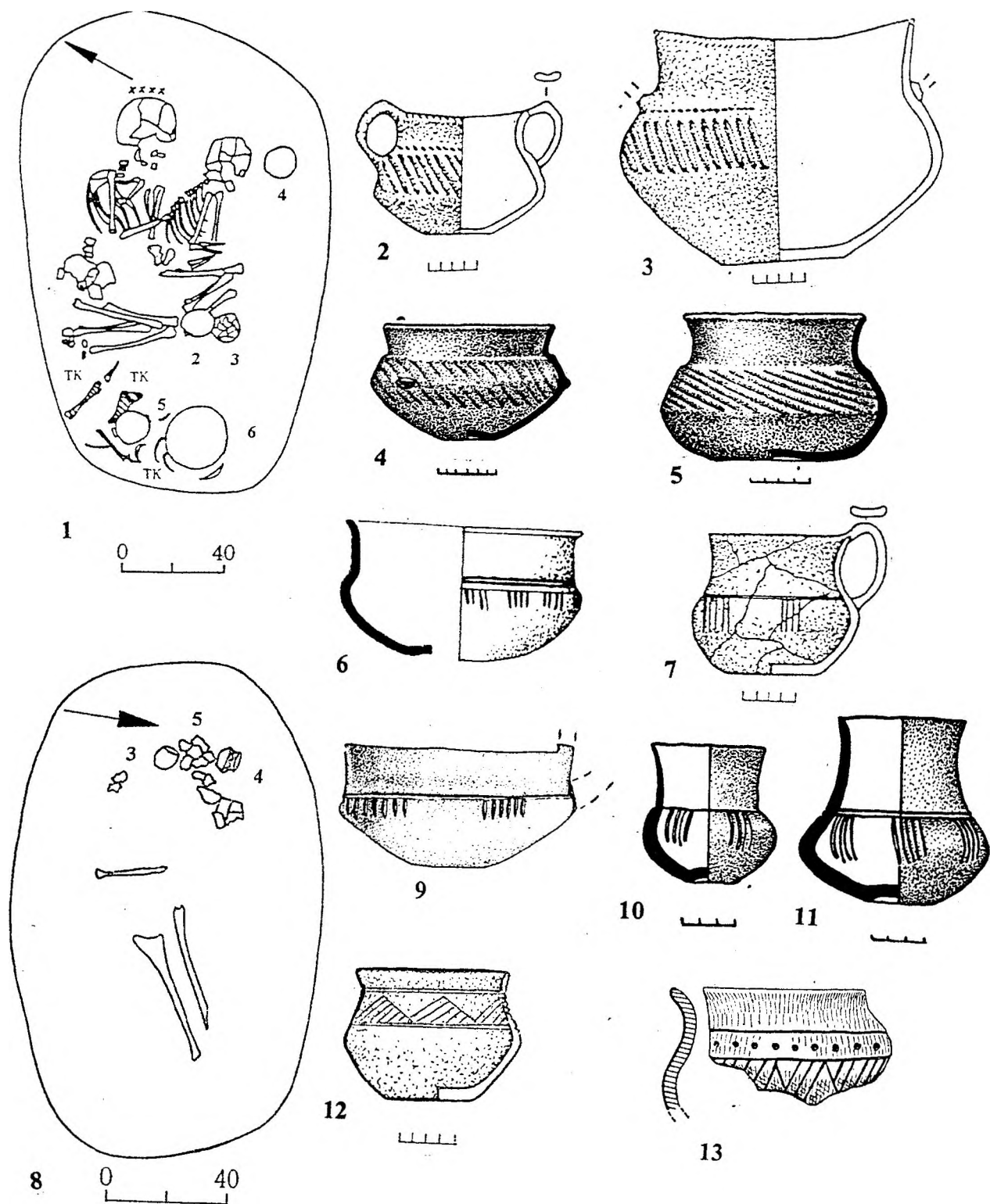

Рис.4. 1-3, 7. - Брыешть п.10., 4-5 - Казаклия п.27, 11., 6. - Никулицел - Корнет, кубок из слоя Бабадаг., 8-12. - Брыешть п.11., 9 - Калфа, черпак из слоя, 13. - поселение к-ры Кослоджень-Улму, кубок.

произошедшие в Юго-Восточной Европе на рубеже эпохи поздней бронзы – в начале раннего железного века.

1. Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. (mit Katalogbeiträgen von N. Boroffka, L. Dascălu, Ch. Dumitroaia, E.V. Jarovoi., T. Soroceanu). PAS. Bd. 19. Kiel 2002.
2. Levițki O., Demcenco T. Necropolă tumulară plană a culturii Noua de la Burlânești. Augustia 2.1997. – P. 103-122
3. Смирнова Г.И. Могильник культуры Ноуа у с. Старые Бедражи // КСИА. - №112. 1967. – С. 66-74
4. Vancugov V. P. Subbotin L.V. Noi complexe ale culturii Belozerka in zona dintre Nistru și Dunărea // Thraco-Dacica T.XXI. – București 2000. – P. 163-176.
5. Agulnikov S. Necropolă culturii Belozerka de la Cazaclia // Biblioteca Thracologica. T-XIV. – București 1996. – 113 p.
6. Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. – Киев, 1992.
7. Jugănaru G., Topoleanu F. Așezarea de tip Babadag de la Niculiței “Cornet”. // Peuce XI, 1995, p. 203-231.
8. Levițki O. Grupul Holercani-Hanska. Aspectul Pruto-Nistrean al complexusului hallstadian timpuriu cu ceramica incizata. Relations Thraco-illiro-helleniques. – București, 1994. – P.219-256.
9. Morintz S. Contribuiții arheologice in istoria tracilor timpuriu. T.I. – București 1978. – 216 p.
10. Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев 1990. – 164 с.
11. Дворниченко В.В. Некоторые вопросы развития культур предскифского времени // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев 1987. – С.221.
12. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. – М. Наука, 1979. – 225 с.

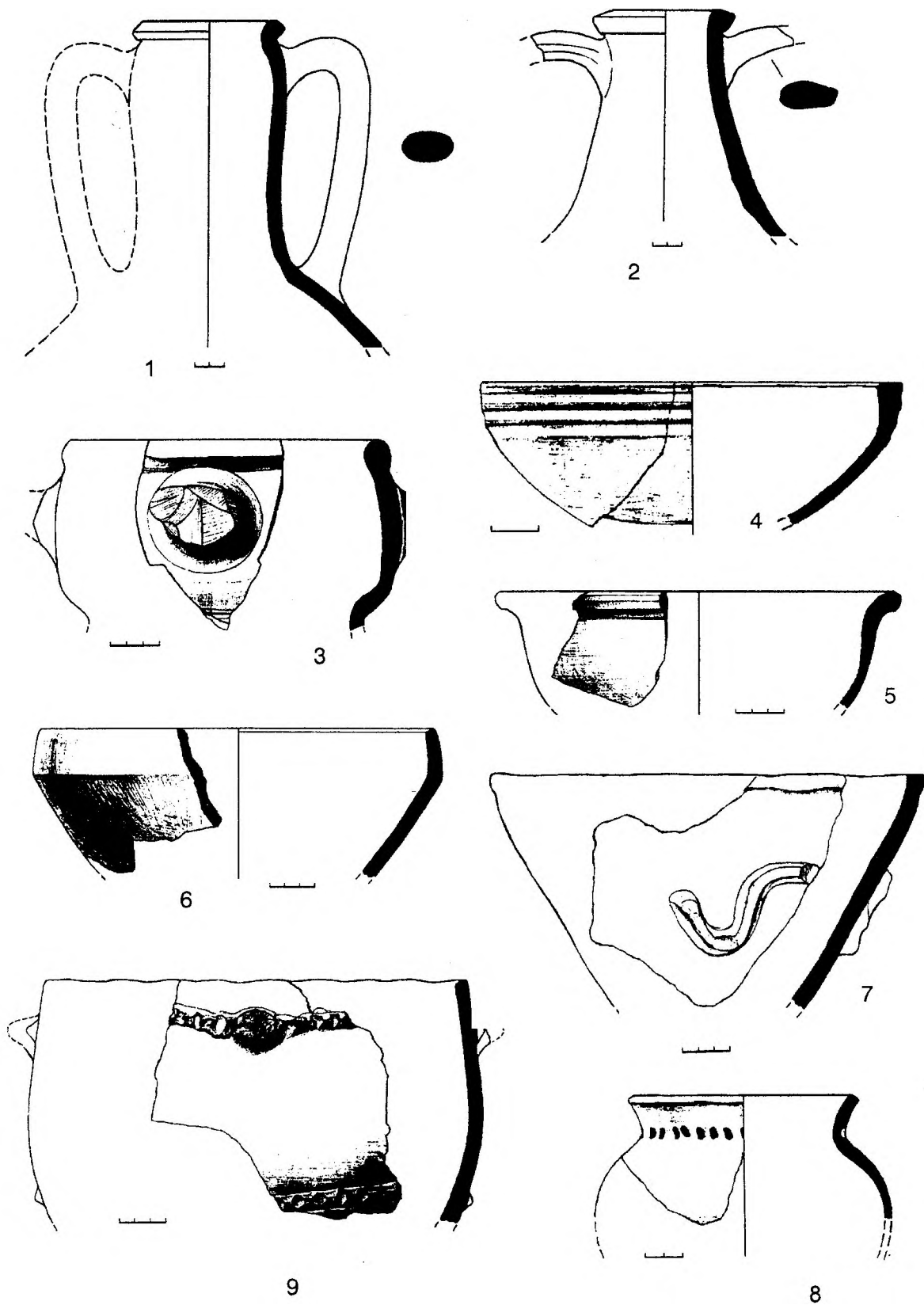
Агульников С.М., Бруйко И.В., Кожокару В.М., Субботин А.В.

ПОСЕЛЕНИЕ ГЕТОВ V В.ДО Р.Х. У с. НОВО-НЕКРАСОВКА НА НИЖНЕМ ДУНАЕ

Поселение Ново-Некрасовка-II было открыто в начале 60-х гг. XX в. [1.-С.217]. Однако, вплоть до 2003 г. все сведения о культурно-хронологической позиции данного памятника основывались исключительно на данных археологических разведок и полученном в ходе их проведения подъёмном материале. По этим данным поселение было отнесено к античному времени и определено, в основном как двухслойное. Отмечалось наличие материалов V-IV вв.до Р.Х. и римского времени. За исключением нескольких фрагментов, обнаруженных ещё при первом обследовании памятника, в дальнейшем диагностичная керамика V в. больше не встречалась. Зато стали попадаться обломки лепной посуды, предварительно датированные эпохой бронзы [2.-С.92-94].

Проведение на территории поселения строительные работы осенью 2002 – летом 2003 гг. (строительство объездной автодороги) позволило осуществить охранные раскопки памятника, которые дали результаты, излагаемые здесь в кратком виде.

Поселение Ново-Некрасовка-II располагается в 100-200 м к западу от западной окраины одноимённого села (Измаильский р-н Одесской обл.), на широком мысу, ограниченном водами озёр Ялпуг и Кугурлуй. Общая площадь четырёх раскопов составила ок. 2500 кв.м. Помимо комплексов с материалами V в.до Р.Х., отмечены также находки и

Материалы поселения Ново-Некрасовка

отдельные комплексы, содержавшие энеолитическую керамику (культура Гумельница), первых веков от Р.Х., позднего средневековья – раннего Нового времени.

Практически все строительные остатки представлены ямами различной формы (свыше 40). Из них подавляющее большинство содержало керамику V в. Последняя представлена несколькими группами. Наиболее многочисленную (с учётом стенок сосудов) составляют фрагменты амфорной тары. Далее следуют лепная керамика и сероглиняная гончарная «фракийского» типа. Единичными находками представлена поздняя «полосатая» ионийская посуда, толстостенная керамика (лутерии), а также античная сероглиняная гончарная. Определённой неожиданностью следует считать полное отсутствие фрагментов чернолаковой керамики. Количество индивидуальных находок крайне невелико. Это пряслица, бронзовый наконечник стрелы и обломки глиняного изделия, вероятно, пинтадеры.

Таким образом, основным датировующим материалом выступают фрагменты амфорной тары. Определимые фрагменты позволяют выделить три основных типа амфор, встреченных на поселении. Наиболее многочисленную группу составляют т.н. амфоры с «раздутым горлом» (рис.1,1). Исследователи затрудняются с определением центра производства таких сосудов. Чаще всего указывается на северную область Эгейского бассейна. Нас в данном случае, больше всего интересует датировка подобных амфор. В этом плане, разногласий среди исследователей значительно меньше. В основном, эти амфоры датируются второй-третьей четвертью V в.до Р.Х. [3.–С.88; 4.–Р.161].

Второй тип амфор представлен несколькими, хорошо определимыми фрагментами т.н. хиосских позднепухлогорлых сосудов (рис.1, 3). Центр их производства, а также датировка (середина-третья четверть V в.), сомнений не вызывают. Качественные и количественные характеристики хиосских амфор из поселения Ново-Некрасовка-II полностью соответствуют среднестатистическому ряду таких амфор.

Третий тип можно отнести к продукции Фасоса (рис.1, 2). Фрагменты из Ново-Некрасовки в основном соответствуют характеристикам фасосских амфор типа IB по А.П.Абрамову. Датировка этого типа определяется серединой-второй половиной V в.до Р.Х. [5.–С.33].

Основной «этнодиагностирующей» группой находок является лепная керамика. Если не считать маловыразительные стенки и днища сосудов, то абсолютное большинство фрагментов принадлежит довольно легко узнаваемой фракийской (гетской) лепной керамике. По сути, лишь два фрагмента можно уверенно причислить к лепной посуде скифского типа (рис.1,8). Из числа фрагментов фракийской керамики отметим обломок крупной лепной чаши в форме усечённого перевёрнутого конуса, который имеет фигурный налп, напоминающий греческую «омегу» (рис.1,7). Подобная форма в сочетании с изогнутыми пластическими налпами, характерна для ранней гетской керамики VI-V вв.до Р.Х. Похожие чаши известны в некрополе Равна (фаза Равна III [6.–Р.438-439, pl.XLVI-XLVII]). Столь же ранним можно считать и большой обломок верхней части горшка закрытого типа с двумя параллельными налпными валиками, из которых один (верхний) дополнительно оформлен небольшими выступами-налпами (рис.1,9).

Помимо лепных горшков, второй по численности группой лепной керамики являются миски. В нашей коллекции это довольно крупные сосуды с расширяющимися от дна стенками. Края мисок плавно загнуты вовнутрь, либо имеют выделенный бортик. Последний может быть поставлен прямо, либо загнут вовнутрь (рис.1,6).

Довольно большим количеством фрагментов представлены лепные диски, которые, вероятно, служили крышками для лепных сосудов.

Коллекция сероглиняной гончарной керамики, судя по верхним профилированным фрагментам, в основном состоит из мисок и чаш (рис.4,5). Первые обычно имеют вертикально поставленный бортик и широкий уплощённый венчик. Края вторых плавно отогнуты наружу и оканчиваются валикообразным венчиком. Поверхность мисок и чаш коричневого, серого, либо чёрного цвета и, как правило, залощена. В целом, комплекс

сероглиняной гончарной керамики из Ново-Некрасовки имеет ряд соответствий в аналогичном комплексе из Истрии и сельских поселений её округа VI-V вв. до Р.Х. В то же время, на нашем поселении полностью отсутствуют некоторые типичные для Северо-Восточной Добруджи формы. Так, совершенно не представлены кувшины-черпаки с высоко поднятой ручкой – едва ли не самый популярный тип сероглиняной гончарной керамики в Истрии и её округе в VI-V вв. до Р.Х. Нет и т.н. «сетчатых» лекан, мисок с вертикальными петлевидными ручками, ойнохой.

Всего лишь двумя фрагментами представлена толстостенная гончарная керамика. Оба фрагмента (от дна и края) принадлежат лутериям светло-жёлтого цвета с пористой поверхностью.

Единичные, мелкие фрагменты можно отнести к ионийской «полосатой» керамике первой половины V в. до Р.Х.

Обзор материала из раскопок поселения Ново-Некрасовка-II позволяет сделать следующий вывод. Основной слой поселения образовался в результате жизнедеятельности фракийских (гетских) племён, которые обитали здесь во второй-третьей четверти V в. до Р.Х. Такой дате вполне соответствует и найденный на поселении единственный металлический предмет – бронзовый опорновтульчатый наконечник стрелы. Судя по хронологическому интервалу предлагаемому для некоторых типов амфор, обнаруженных на поселении (Фасос, Менде), верхнюю дату можно продлить на всю вторую половину V в. Полное отсутствие некоторых типов амфор, являющихся своеобразной «визитной карточкой» IV в. до Р.Х. и легко узнаваемых даже по фрагментам (Гераклея, Синопа), исключает возможность существования поселения в этом столетии. Во всяком случае, по состоянию источников на сегодняшний день.

Впервые на левобережье Нижнего Дуная исследован памятник гетской культуры V в. до Р.Х. Предстоит выяснить каким образом это поселение связано с теми, достаточно динамичными историческими событиями, которые происходили на дунайском рубеже в этом столетии.

1. Шмаглій М.М., Черняков І.Т. Археологічні розвідки в пониззі Дунаю//Археологія. Т.ХІХ. –1964. – С.215-221
2. Сапожников И.В., Брюяко И.В., Кожокару В.М. Новые данные о поселении Ново-Некрасовка-II // Древнее Причерноморье. КС ОАО. – Одесса. 1999. – С.92-94
3. Монахов С.Ю., Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов. 1999.
4. Cook R.M., Dupont P., East Greek pottery. L.-N.Y. 1998.
5. Абрамов А.П., Античные амфоры. Периодизация и хронология// БС. – Вып.3. - 1993. – С.4-135.
6. Moscalu E. Ceramica traco-getica. – București, 1983.

Алексеев А.А.

ПО СЛЕДАМ Б.Н. ГРАКОВА В ПРИАЗОВЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СКИФСКОЙ СТЕПНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1950 г.)

В последнее время, мы, к сожалению, можем наблюдать, как деятельность человека приводит к потере нашего общего исторического наследия – памятников археологии. В связи, с чем встает необходимость спасения многих археологических объектов, так как потери в этой области не обратимы. Данная работа ставит своей задачей сопоставление полученных экспедицией Б.Н. Гракова данных с материалами последующих экспедиций и выявление потерь археологических памятников за прошедшие годы. Район Приазовья археологически изучен весьма неравномерно и неполно. Первые документально засвидетельствованные исследования в пределах современной Запорожской области проводились в Приазовье выходцами из Германии П.И. Кеппеном и И. Корнисом. В Приморском и Бердянских районах исследования курганов проводились в конце XIX в.

Н.И. Веселовским и Н.Е.Бранденбургом. В 30-40е гг. памятники Приазовья изучались М.А. Миллером. С 30х по 50е гг свои исследования проводил сотрудник Бердянского музея А.Я. Огульчанский. Однако особое место среди вышеуказанных исследователей по праву занимает профессор Московского государственного университета Борис Николаевич Граков, под руководством которого в 1949-50гг. были проведены археологические разведки Скифской степной экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Разведки 1950 г. проходили в два этапа:

1 этап – 20 мая – 6 июня – охватили устья балок и речек впадающих в море от Ногайска (совр. г. Приморск) до Буденовки. 2 этап – 17 июня – 5 июля – побережье Азовского моря от р. М. и Б. Утлюк до с.Обиточное. За период работы экспедицией Б.Н. Гракова был выявлен обширный комплекс археологических объектов:

Селищ – 82; курганов – 130 (из них курганов более 5м высотой – 9). Однако не все археологические памятники, указанные в отчете Б.Н. Гракова за 1950г., были обнаружены разведками последующих лет, проводившимися в Приазовском регионе и охватившими в частности и маршрут экспедиции. В 1977-78 гг. Н.И. Чередниченко исследовал Бердянский курган скифского времени. Разведки проводились экспедицией заповедника «Каменная могила» (Б.Д. Михайлов). В 1979-80гг. в зоне строительства первой очереди Приазовской оросительной системы вела поиск Приазовская археологическая экспедиция. Значительные объемы материалов в Приазовье были выявлены в 1986 г. в ходе археологических разведок ЗГУ. Экспедиция ставила своей целью сплошное выявление памятников, в том числе были обследованы и области разведок Б.Н. Гракова. В ходе разведок в указанных районах С.И. Андрух и Г.Н. Тощевым было выявлено: селищ – 16, курганов – 60. По следам Б.Н. Гракова в бассейне рек Малый и Большой Утлюк в 1988 г. прошла экспедиция Запорожского краеведческого музея под руководством И.Р. Тихомоловой. Однако часть объектов, указанных Б.Н. Граковым, не обнаружили, было выявлено 3 селища из 7 указанных им, а также 3 из 7 курганов. Ту же тенденцию – отсутствие археологических памятников, указанных Б.Н. Граковым мы можем наблюдать и у других исследователей. В целом, после 1950 г., археологами были обнаружены объекты выявленные Скифской степной экспедиции под руководством Б.Н. Гракова в таком объеме:

Селищ было найдено 21 из 82 у Б.Н. Гракова.

Курганов 103 из 130, кроме того, 4 новых кургана, не указанных в отчете Б.Н. Гракова.

Подобную ситуацию мы можем объяснить следующими причинами:

- 1.Антропогенный и техногенный факторы, приведшие к утрате ряда археологических объектов.
- 2.Не проведение во время разведок комплексного изучения памятника, в частности, шурфовки, с целью выяснения характера объекта. Таким образом в разряд поселений могли быть зачислены места сбора случайного подъемного материала.
- 3.Изменение рельефа побережья Азовского моря.
- 4.Несовершенная методика привязки археологических объектов затрудняющая идентификацию объектов.
- 5.Сокращение разведочных маршрутов в последнее десятилетие, прекращение программ по поиску бытовых памятников археологии.

Поэтому, не смотря на прошедшие 54 года, материалы Скифской степной экспедиции остаются важным источником информации.

В целом же мы можем наблюдать тенденцию к сокращению памятников археологии и это относится не только к наследию Б.Н. Гракова, ко всем археологическим объектам Запорожской области и Украины.

ОРУЖИЕ СКИФСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ МОГИЛЬНИКА МАМАЙ-ГОРА

Наличие оружия является характерной чертой скифских захоронений. Однако типы оружия и их количество варьируют в зависимости от профессионального и социального статуса погребенных, их пола и возраста. Большую роль играет дата совершения захоронения, свидетельствующая о характере военно-политической ситуации в определенный период времени и, соответственно, об уровне развития военного дела. Немаловажное значение имеет также изучение состава оружия как для памятников Скифии в целом, так и для отдельно взятых могильников. В последнем случае эта категория инвентаря позволяет определить уровень военнизированной определенного, отдельно взятого, коллектива, специализацию воинских подразделений, предоставляет данные для сопоставления с соседними группами и в конечном итоге позволит выяснить степень военизации отдельных регионов Скифии в определенный период времени. Здесь необходимо уточнить, что последнее соображение корректно при работе с памятниками оседлого и полукочевнического населения, имеющего стабильный ареал обитания.

Определенные шаги в этом направлении сделаны в исследованиях А.И.Мелюковой [1], Е.В.Черненко [2; 3], Е.П.Бунятян [4], В.С.Ольховского [5] и др. Исходные данные приводятся в публикациях любого памятника, кроме того, значительным подспорьем может служить свод погребальных памятников Скифии, подготовленный коллективом авторов [6], где приведены сведения о 2300 погребениях.

Заслуживает внимания также размещение инвентаря в камере, отражающее специфику погребального обряда региональных групп населения Скифии, или, как правило, этнографические особенности ношения оружия при жизни и его культовую значимость [5].

Прекрасным примером подобных исследований может служить один из наиболее полно изученных скифских могильников Мамай-Гора, располагающийся у с.Великая Знаменка Каменко-Днепровского района Запорожской области. За 16 полевых сезонов (1988-2003 гг.) на памятнике исследованы грунтовые могильники эпохи неолита, бронзы, средневековья, а также 180 курганов эпохи энеолита – средневековья [7-9]. Расцвет могильника приходится на скифское время. В этот период были сооружены 160 курганов. В них, а также под 3 насыпями эпохи бронзы, исследованы 352 погребения. В целом, все погребения совершены на протяжении столетия или немногим более и датируются концом V- IV вв. до н.э., хотя единичные комплексы относятся к началу V в. до н.э. В отличие от большинства скифских памятников, захоронения могильника в значительно меньшей степени подверглись ограблению, особенно с полным уничтожением костяка и выборкой всего инвентаря. Более 70% комплексов информативны для изучения погребального обряда и состава инвентаря.

Вооружение отмечено в 130 комплексах. Оно представлено оружием дальнего (стрелы), среднего (копья) и ближнего боя (мечи, топоры), фрагментами защитного доспеха.

Наконечники стрел обнаружены в 123 погребениях (69 мужских, 27 женских, 10 детских, 17 неопределенных). Как правило, в захоронение помещался один колчаный набор. Исключением являются 2 погребения; в одном (парном) зафиксированы два набора, в другом (одиночном) – три.

В подавляющем большинстве случаев в неограбленных захоронениях наконечники стрел были уложены компактно слева от костяка, остриями к ногам – у кисти, реже у колена, в единичных случаях на уровне плечевой кости или локтя левой руки. В 14 погребениях наконечники располагались справа от костяка – у кисти или в области колена. В одном захоронении наконечники находились в области стоп.

В трех случаях положение колчаных наборов нестандартно. В захоронении с тремя наборами два размещались справа и слева от черепа, третий у кисти левой руки; в одном

погребении наконечники находились у кисти левой руки, но остриями они направлены вверх, к черепу; в третьем случае наконечники были уложены справа и выше черепа у стенки, втулками к стенке. Вероятно, данный набор был помещен в погребение без древков или последние были специально обломаны.

Количество наконечников в захоронениях неравнозначно, численность их варьирует от 1 до 320. Колчаные наборы в среднем состояли из 20-40 наконечников. Доминируют бронзовые наконечники, трехгранные и трехлопастные, базисные и втульчатые, третьей и четвертой хронологических групп, бытовавших в Скифии во второй половине V-начале III вв. до н.э. [1.-С.23-30] Костяные, пулевидной формы, и железные трехлопастные наконечники крайне редки. Единичен двухлопастный лавролистный втульчатый с шипом, датирующийся VII-VI вв. до н.э. Он входил в состав колчанного набора с трехлопастными и трехгранными наконечниками.

В единственном погребении (к.139,п.6) прослежен отпечаток колчана подтрапещиевидной формы в виде тлена бурого цвета. Он фиксировался от запястья левой руки до скопления наконечников у коленного сустава. Длина 46,5 см, ширина в верхней части 11,5 см, в нижней – 16 см. Длина расширяющейся части 21 см.

Вероятно, застежкой для колчана является поделка из кости цилиндрической формы, располагавшаяся в районе скопления наконечников (к.148,п.1). Высота ее 1,2 см, диаметр 1х0,8-0,9х0,7 см, внутренний диаметр 0,6-0,5 см.

Наконечники копий и их фрагменты выявлены в 16 захоронениях. 7 экземпляров относительно хорошей сохранности. Они подразделяются согласно классификации А.И. Мелюковой на два отдела – остролистные и лавролистные [1.-С.35-44. табл.12; 13].

Преобладают остролистные наконечники – 6 экземпляров. Относятся к типу наконечников без ребра, в сечении перо имеет форму вытянутого овала или ромба. Длина их колеблется от 30,5 до 46,5 см. Длина пера варьирует от 22 до 30 см, втулки от 8,5 до 16,5 см. Ширина пера 3,2-4,5 см. Втулки конические, нижний диаметр равен 2,5-3 см. В одном случае нижний конец втулки был стянут кольцом. Отношение длины втулки к длине пера равно 1:2, реже 1:3 или 1:4.

Фрагменты копий из ограбленных погребений, судя по форме пера, относятся к этому же отделу.

Наконечники данного типа доминируют в IV в. до н.э. [1.-С.42].

В одном из погребений на остриях 2 наконечников копий найдены бронзовые скобки. Они изготовлены из тонких пластин длиной до 3 см, шириной до 1,2 см и соединились между собой тонкими железными гвоздиками. Вероятно, эти наконечники находились в футляре-(ах) из кожи, с укрепленным скобками его-(их) нижним краем.

Находки подтоков редки. С уверенностью можно констатировать наличие 4 экземпляров в двух погребениях. Они цилиндрической формы длиной 7-7,7 см, диаметром 1,4-2 см.

Наконечник копья лавролистной формы с ребром найден в одном погребении. Общая длина 25,5 см. Длина пера 10,5 см, ширина 3,3 см. Длина втулки 15 см, диаметр 2,6 см. Отношение длины втулки к длине пера равно 1:1,5

В неограбленных захоронениях наконечники копий располагались справа (3) и слева (2) от черепа погребенного, острием к стенке камеры. В одном случае копье было уложено под берцовыми костями правой ноги, острием к стопам, еще в одном (ограбленном) – вбито в дно камеры.

В погребения укладывали как правило один наконечник, в четырех комплексах было по два копья, в одном – три.

Значительно меньшим количеством представлены мечи. Целые экземпляры и фрагменты их найдены в 7 погребениях, из которых 6 мужских и 1 детское, парное.

В захоронениях мечи располагались, как правило, с левой стороны костяка, но размещение их не стабильно. В одном случае меч лежал на верхней половине туловища, слегка наискосок, перекрывая клинком кисть левой руки, во втором случае он был уложен

под локтевой и лучевой костями левой руки, параллельно туловищу, в третьем – между туловищем и рукой, в четвертом и пятом – слева от туловища, вдоль стенки камеры, или наискосок клинком к колену. Ни разу расположение меча в погребении не совпало с традиционным методом ношения его в реальной жизни, зафиксированным в скульптуре и торевтике, хотя и прослеживается тяготение его к левой стороне.

Все мечи подразделяются на два типа – акинаки и однолезвийные мечи.

Акинаки представлены 3 экземплярами. Сохранность их плохая. Все они принадлежат к отделу мечей с прямым брусковидным навершием и бабочковидным или ложно-треугольным перекрестьем. Согласно классификации А.И.Мелюковой они относятся к 3-ему типу I Отдела, широко распространенному в Скифии в IV-III вв. до н.э. [1.–С.51,52. табл.18,1-3,6-10]. Общая длина колеблется от 60 до 45 см, длина рукояти – 9-9,5 см, длина клинка без перекрестья – 35,5-40 см, ширина клинка у основания – 4-6,5 см.

Однолезвийные мечи и их фрагменты отмечены в 4 погребениях. Два меча хорошей сохранности. Клинки прямые, треугольные в сечении. По оформлению рукояти и перекрестья подразделяются на два типа. Один экземпляр обладает прямой, слегка расширяющейся к концу рукоятью без навершия. Перекрестье также отсутствует, клинок у основания плавно расширяется. Общая длина 37 см, длина клинка 27,5 см, длина рукояти 9,5 см. Ширина рукояти 2,5-3,7 см, ширина клинка у основания 4 см. На втором экземпляре навершие оформлено в виде овального бруска, размерами 3,2x1,4 см, перекрестье брусковидное, размерами 3,2x1,1 см. Общая длина изделия 34 см. Длина клинка 22,8 см, ширина 3,8 см. Длина рукояти 10,1 см, ширина 2,2 см. Рукояти и целых и фрагментированных экземпляров были обложены деревянными накладками, которые крепились железными заклепками. На целых экземплярах они располагались по 3 в ряд вдоль рукояти. Навершие второго меча также было обложено деревянными накладками, крепившимися двумя заклепками.

Определенный интерес при рассмотрении данной категории оружия вызывает цельнометаллический нож из погребения 4 кургана 54, располагавшийся на жертвенной пище. Методика его изготовления, форма и размеры резко выделяют его из круга скифских ножей и приближают к кругу однолезвийных мечей. Ручка подпрямоугольной формы в сечении. Длина 10,5 см, ширина 2 см, толщина 1,2 см. Конец ручки оформлен в виде брусковидного навершия длиной 2,7 см, шириной 1,2 см. Навершие насажено внутрь рукояти. Лезвие прямое, слегка изогнуто. Длина 9,2 см, ширина по центру 2 см. Возможно, данное изделие было полифункциональным и могло использоваться как в быту, так и в боевых действиях.

В единственном погребении (к.108,п.3) найден топор. Располагался поперек правой руки. Его длина 21 см, ширина 2,7 см, толщина 1 см. Втулка квадратная, размерами 1,5x1,5 см. Внутри нее сохранился конусовидный клин от деревянной рукояти. Данный экземпляр относится к боевым топорам 1 типа по классификации А.И. Мелюковой [10.–С.32. рис. 3, 1-4; 1.–С.65-66. табл.21,17]

Пращевые камни встречены в четырех погребениях и во рву одного из курганов. Их количество в одном комплексе колеблется от 1 до 2 экземпляров. Размещение в погребениях различно – в трех неограбленных захоронениях они располагались слева от черепа, у локтя левой руки, в заполнении входного колодца.

Защитное вооружение отмечено в единственном ограбленном погребении (к.5, п.3) и представлено железными панцирными пластинками.

Итак, различные категории вооружения встречены в 130 комплексах. Незначительное количество оружия в погребениях могильника во многом объясняется многочисленностью женских и детских захоронений. По подсчетам Л.В. Литвиновой, дети составляют 27% от общего числа погребенных, 1,2% особи юношеского возраста, пол которых не удалось определить, мужчины – 32,2% женщины – 39,6% [11].

Исходя из поло-возрастной статистики и учитывая редкую ограбленность захоронений можно полагать, что в военных действиях принимало участие 37% населения, оставившего

памятник (65% мужчин, 19% женщин). Наличие оружия в 10% детских (подростковых) захоронений (наконечники стрел, меч, копье) свидетельствует или о раннем привлечении детей к войне или об их сравнительно ранних сроках обучения обращению с оружием.

Сравнительный анализ статистических данных находок оружия в погребальных памятниках Скифии [4; 5] и могильника Мамай-Гора показывает их значительные различия с отчетливо прослеживаемой тенденцией резкого уменьшения на рассматриваемом памятнике абсолютно всех категорий вооружения.

Так, согласно подсчетам Е.П.Бунятян и В.С.Ольховского наконечники стрел встречались в 72,2% всех захоронений Скифии [4.–С.46] или 40,5% (79,9% комплексов с оружием) [5.–С.102], в то время как на Мамай-Горе стрелы отмечены всего в 34,9% всех комплексов (83% захоронений с оружием).

Наконечники копий составляют немногим более 4,2% всех погребений могильника (11,5% воинских захоронений). Эта цифра также резко отличается от результатов, полученных Е.П. Бунятян – 47,2% [4.–С.46] и В.С.Ольховским – 37,5% [5.–С.109].

Находки мечей в погребениях Мамай-Горы насчитывают менее 2% (около 5,4% захоронений с оружием), что не сопоставимо с данными Е.П. Бунятян – 23,4% [4.–С.46], но относительно близко к подсчетам В.С.Ольховского – 7-8% [5.–С.109, 118].

Единственная находка топора составляет около 0,3% от общего числа захоронений могильника (0,7% воинских захоронений), в отличие от 1,9% по данным Е.П.Бунятян [4.–С.47]

Пращевые камни найдены в 1,4% комплексов (3,8% захоронений с оружием) в отличие от 13,1% приведенных Е.П.Бунятян [4.–С.47].

В завершении этих статистических штудий необходимо отметить, что количество погребений с оружием на могильнике Мамай-Гора, с учетом всех его категорий, более сопоставимо с подсчетами В.С.Ольховского, нежели данными, приведенными в работе Е.П.Бунятян. Более того, малочисленность оружия сближает рассматриваемый памятник с такими локальными группами памятников IV-III вв. до н.э., выделенными В.С.Ольховским, как Поднестровская, Приольвийская и Западнокрымская, невзирая на существенные различия в погребальном обряде и инвентаре, и отличает его от более близких групп [5.–С.167-168].

Возможно, разница в подсчетах объясняется тем, что приводимые исследователями материалы происходили из рельефных насыпей и являются «сборными», а в нашем случае мы имеем дело с одним памятником, изучаемым широкими площадями.

Взаимовстречаемость вооружения разных типов в воинских захоронениях чрезвычайно редка и ярко демонстрирует структуру боевых подразделений населения, оставившего могильник.

Таблица 1

Взаимовстречаемость различных категорий вооружения в воинских захоронениях

Категории вооружения	Количество комплексов	%
Только стрелы	108	83
Стрелы и копья	10	7,7
Стрелы и мечи	3	2,3
Стрелы, копья, мечи	1	0,76
Стрелы и топоры	1	0,76
Только копья	4	3
Только мечи	2	1,5
Копья и мечи	1	0,76

Незначительная численность погребений с оружием, уменьшение в захоронениях IV в. до н.э. таких категорий вооружения как копья и дротики, мечи, при стабильном доминировании наконечников стрел, свидетельствует, видимо, не только об изменении

тактики боя, как о том писал В.С.Ольховский [5.–С.118], но и о коренном изменении образа жизни (переход к полукочевому скотоводству), резком обнищании населения, уменьшении роли войны и военных действий в жизни скифского общества.

Немаловажное значение при изучении структуры воинских контингентов, которые могло составлять население памятника, имеют археологозоологические определения. Согласно исследованиям СЕ.П.Секерской [12-13] лошади в составе стада занимали третье место после крупного рогатого скота и овец и количество их не превышало 22,8%. Эта цифра заметно отличается от данных Н.А.Гаврилюк (1.–С.81) в сторону уменьшения.

Большинство лошадей отнесены Секерской к типу малорослых бегового типа, которые использовались в скифской коннице. О том же свидетельствуют и находки конской узды в 8 комплексах и, в большей степени, захоронение воина с лошастью (к.29,п.1).

На основании полученных данных полагаем, что в случае участия в военных действиях население, оставившее могильник Мамай-Гора, выставляло преимущественно отряды легковооруженных пехотинцев-лучников и легкой конницы и в значительно меньшей степени всадников-копьемосцев и тяжеловооруженных воинов. Судя по категориям инвентаря, их составу и количеству в погребениях с наконечниками копий, фрагментами панциря, тяжеловооруженные воины составляли слой местной, родо-племенной, и крайне немногочисленной аристократии.

1. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. – М., Наука, 1964. (САИ. Д1-4).
2. Черненко Е.В. Скифский доспех. – К., Наукова думка, 1966.
3. Черненко Е.В. Скифские лучники – К., Наукова думка, 1981.
4. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV-III вв. до н.э. – К., Наукова думка, 1985
5. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). – М, Наука, 1991
6. Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В. и др. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – К., Наукова думка, 1986.
7. Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора. Книга II. – Запорожье, 2001.
8. Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I. - Запорожье, 1999.
9. Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга III. - Запорожье, 2004.
10. Іллінська В.А. Скіфські сокири // Археологія. – 1961. – Т.12
11. Литвинова Л.В. Палеоантропологический материал из могильника Мамай Гора (исследования 1992-1999 гг.) // Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга III. – Приложение I. - Запорожье, 2004.
12. Секерская Е.П. Археозоологические материалы могильника Мамай-Гора// Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I.- Приложение II. - Запорожье, 1991.
13. Секерская Е.П. Археозоологические материалы скифского могильника Мамай-Гора// Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора. Книга II.- Приложение II. - Запорожье, 2001
14. Гаврилюк Н.А. Скотоводство степной Скифии. - К.,1995

Безматерных А.Е.

АНТИЧНЫЕ АМФОРЫ ИЗ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА.

Набор греческих сосудов, происходящих из курганов Среднего Дона, в основном традиционен для скифского мира. Чаще всего встречаются амфоры, произведённые в Гераклея Понтийской. Гераклеяская продукция в курганах Среднего Дона, зафиксирована в шести комплексах (см. табл. 1). Хронологически все они принадлежат IV в. до н.э. При этом три сосуда из шести – ко второй половине этого века. На трёх из них имелись клейма.

Они принадлежат астиномам: Агатон (ΑΓΑΘΩΝΟΣ), Эвридам (ΕΥΡΥΔ[ΑΜΟ]) и Писистрат (ΠΕΙΣΙΣΤ[ΡΑΤΟ]). На клейме с именем Писистрата сохранилось также имя фабриканта – Архестрат (ΑΡΧΕΣΤΡΑΤ). Две другие гераклейские амфоры, из к. №6 Дуровка, и к. №40/26 Мاستюгино не клеймённые, но по морфологическим признакам, могут быть уверенно отнесены ко второй-третьей четверти IV в. до н.э. Ещё одна гераклейская амфора (к. №5 у с. Колбино) представлена фрагментами. Датировать её точнее, чем IV в. до н.э. не возможно.

Следующим черноморским центром-производителем среднедонских амфор, была Синопа. В курганах Лесостепного Подонья известно две амфоры синопского производства. Одна из них, из к. №13 у с. Колбино, сильно фрагментирована, однако поддаётся реконструкции и может быть отнесена к середине IV в. до н.э. На ручке амфоры отгиснуто сильно стёртое и совершенно нечитаемое клеймо, прямоугольной формы. Известно, что клеймение синопских амфор началось не ранее 60-х гг. IV в. до н.э. [1.–С.32]. Следовательно, сам факт наличия клейма даёт некоторое основание для определения нижней границы. Вторая синопская амфора из кургана №3 курганный группы Терновое I, представлена донцем и нижней частью тулова. Амфору, можно отнести ко второму типу синопских амфор, производившихся со второй четверти IV века до н.э. по третью четверть III века до н.э. [1.–С.33]. Итак, поступление амфор синопского производства на Средний Дон, хронологически ограничено главным образом второй половиной IV в. до н.э.

В к. №4 Дуровской курганный группы, была найдена амфора херсонесского производства. Она принадлежит наиболее распространенному среди находок херсонесских амфор типу I-Б. Большинство их клеймилось, но наша амфора клейма не имеет. Амфоры этого типа имеют несколько меньший размер, нежели прочие херсонесские амфоры, ангобированную поверхность и вдавленную полосу вокруг горла. Амфора фрагментирована. А.П. Абрамов датировал её первой третью III века до н.э.* [2.–С.186]. Судя по этой находке, здесь было совершено самое позднее из всех известных погребений среднедонской культуры скифского времени.

Последний, представленный в среднедонских курганах черноморский центр-производитель – Колхида. Колхидские амфоры, выделенные в отдельную группу в 1990-1992 гг. Г.Р. Цецхладзе [3]. Колхидская продукция на Среднем Дону представлена одним экземпляром. Амфора была обнаружена в инвентаре погребения 1 к. 18 у с. Колбино в 1997 г. Сосуд был раздавлен, однако его части находились в погребении целиком [4.–С.126]. Для колхидских амфор не характерно клеймение, но на найденном в кургане сосуде имеется графито в виде греческой буквы Α. Амфора может быть уверенно датирована второй половиной IV века до н.э. [4.–С.128].

Амфоры Средиземноморских центров явно преобладают (18 из 28). Амфоры Менды представлены пятью сосудами. Известно, что вина Менды массово поставлялись в Причерноморский регион. С.Ю. Монахов указал на первую половину V в. до н.э. как нижнюю границу поступления данного типа амфор в Причерноморье [5]. Принадлежность одной из них установлена по рисунку этой амфоры из статьи В.А. Городцова [6.–С.15]. Три из амфор Менды, выявлены в результате раскопок курганов №№ 14, 20 и 22 у с. Дуровка в 1986-1987 гг. [2]. У всех трёх сосудов оказались отбиты ножки и венчики. Пятая амфора из кургана №9 курганный группы у с. Терновое представлена только ножкой. Ножка характерного типа, с острым ребром, слегка загнутым вверх [7.–С.74]. Все мендейские амфоры, найденные на Среднем Дону датируются первой половиной IV в. до н.э. [2. – С.195, 200, 201].

Амфоры другого средиземноморского центра-производителя, о. Пепарет, были локализованы французскими учёными в 1992 году, по результатам раскопок на этом острове [1.–С.26]. Старое название этого типа амфор в отечественной науке – «амфоры

* Здесь и в дальнейшем упоминаются определения амфор, сделанные А.П. Абрамовым для монографии А.И. Пузиковой.

типа Солоха II». Клейма этих амфор носят англифический характер, как правило, круглой формы с одной греческой буквой. На Среднем Дону амфорная тара Пепарета представлена тремя неклеимёнными сосудами. Все они выявлены в погребениях у с. Колбино. При этом две из них находились в погребении кургана №1, и располагались по обе стороны от дромоса [7.–С.82], вторая в погребении №2 кургана №18. Об изначальном местоположении амфоры из кургана №18 нельзя сказать ничего определённого. Погребение было ограблено и амфора, найденная в юго-западном углу могильной ямы, могла быть перемещена туда грабителями [7.–С.109]. На пепаретских амфорах, найденных на Среднем Дону, клейм нет. Сосуды найдены в хорошем состоянии и датируются второй половиной IV века до н.э.

Третий средиземноморский центр-производитель, амфоры которого представлены в курганах Среднего Дона – о. Фасос. Амфоры фасосского производства поступали в Причерноморье с VI по III в. до н.э. Амфорная тара Фасоса начинает подвергаться клеймению с 90-х гг. IV в. до н.э. На Среднем Дону фасосские клейма не зафиксированы. В курганах Среднего Дона амфорная тара Фасоса является наиболее древней. К ним относятся сосуды из курганов №38 и №39 группы Частых и к. №14 у с. Русская Тростянка. Они датируются второй половиной V в. до н.э. [2.–С.21-22; 135]. Две другие амфоры были найдены в к. №22 у с. Русская Тростянка [2.–С.141] и к. №7 у с. Терновое [7.–С.69]. По форме тулова эти сосуды относятся ко второй половине IV века до н.э. Шестая амфора фасосского производства, происходит из к. №1 у с. Селявное, и датируется первой половиной IV в. до н.э.

В кургане №1 курганный группы у с. Дуровка, найдена амфора, место производства которой А.П. Абрамов определил как о. Кос или район полуострова Книд. Амфора пифоидной формы, с довольно высоким горлом. Хронологически она привязана ко второй половине IV-первой половине III в. до н.э. [2.–С.21]. Примечательно, что основной массив импорта косских амфор в Причерноморье приходится на III в. до н.э. [1.–С.43]. Что касается полуострова Книд, то он считался одним из крупнейших Средиземноморских производителей клеймённой амфорной тары. Массовый выпуск книдской продукции начинается с конца IV века до н.э. и продолжается по начало I в. н.э. [1.–С.39].

Помимо вышеперечисленных центров амфорного производства, в погребениях Среднего Дона выявлены ещё три амфоры: в к. №12 и №37 группы «Частых» и к. №19 у с. Колбино. В силу того, что указанные амфоры представлены незначительным количеством фрагментов, точное определение их не представляется возможным. Амфора из к. №37 группы «Частых», по старому заключению И.Б. Зеест, принадлежит к некоему средиземноморскому центру производства и датируется, в пределах V-IV вв. до н.э. [2.–С.21]. Также к неизвестному средиземноморскому центру принадлежит амфора из кургана №19 курганный группы у с. Колбино [7.–С.113]. Датировка амфоры при этом не приведена. Место, где была изготовлена третья амфора из кургана №12 «Частых Курганов», не установлено. Тем не менее, А.П. Абрамов смог датировать её третьей четвертью VI века до н.э. [2.–С.15]. Если это так, то это самая ранняя амфорная находка в курганах Лесостепного Подонья. Впрочем, нет полной уверенности в её принадлежности к погребальному инвентарю. Насыпь кургана была сильно повреждена позднейшими перекопами [2.–15.]. Поскольку же в заполнении могильной ямы прослеживаются следы старого шурфа, нельзя исключить вероятность того, что данная амфора входила в состав тризны.

1. Туровский Е.Я. Николаенко М.Ю. Горячук В.Н. Ладюков И.В. Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель. – Киев, 2001. – 110 с.
2. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. – М. 2001. – 272 с.
3. Цецхладзе Г.Р. Производство амфорной тары в Колхиде. // Греческие амфоры. Саратов. 1992. – С. 90-110.
4. Гуляев В.И. Савченко Е.И. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону. (Итоги исследований 1996-1997гг.) // РА. – 1998. – №4. – С. 115-132.

Табл. 1. Распределение амфор из курганов Среднего Дона по времени и центрам производства.

Периоды	VI век до н.э.		V век до н.э.		IV век до н.э.		III век до н.э.		
Пол. века	1*	2*	1	2	1	2	1	2	<u>Итого:</u>
Города									
Гераклея	-	-	-	-	3	3	-	-	6
Менда	-	-	-	-	5	-	-	-	5
Фасос	-	-	-	3	1	2	-	-	6
Синопа	-	-	-	-	-	2	-	-	2
Пепарет	-	-	-	-	-	3	-	-	3
Кос (Книд)	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Херсонес	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Колхида	-	-	-	-	-	1	-	-	1
Неизвестны центр	-	1		1	1	-	-	-	3

Табл. 2. Распределение типов амфор в курганных группах*

К. Гр. Центр	Частые Курганы	Мастюгино	Русская Тростянка	Дуровка	Терновое	Колбино	Староживотинное	Селявное
Гераклея	-	№30/6, №40/26, №16/36	-	№6	№5	-	№38	-
Менда	№1(1927)	-	-	№14, №20 №22	№9	-	-	-
Фасос	№38, №39	-	№14, №22	-	№7	-	-	№1
Синопа	-	-	-	-	№3,	№13	-	-
Пепарет	-	-	-	-	-	№1(2шт), №18 (погр.2	-	-
Кос (Книд)	-	-	-	№1	-	-	-	-
Херсонес	-	-	-	№4	-	-	-	-
Колхида	-	-	-	-	-	№18 (погр)1	-	-
Неизвестный центр	№12, №37	-	-	-	-	№19	-	-
<u>Итого:</u>	5	3	2	6	4	6	1	1

* 1 - первая половина века.

* 2 - вторая половина века.

* Для обозначения амфоры использован принятый в публикациях номер кургана.

5. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. – Саратов, 1999. – 678 с.
6. Городцов В.А. Раскопки «Частых Курганов», близь Воронежа в 1927 г. // СА. – 1947. – № X. – С. 13-46.
7. Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд). // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг. М., 2001. – С. 53-144.

Берёзкин А.П.

ФОТОГРАММЕТРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ

Дошедшие до нас архитектурные памятники составляют золотой фонд материальной культуры народов. Для решения задачи изучения памятников архитектуры и реставрации требуется наличие достоверных их изображений. Эффективнейший метод получения архитектурно-инженерных измерений – это фотограмметрия. Новый этап в развитии фотограмметрии начался совсем недавно, и связан с широким распространением персональных компьютеров и программного обеспечения к ним. В области фотограмметрии произошла просто революция. То, на что раньше опытный специалист затрачивал не один день, теперь выполняется простым нажатием нескольких клавиш клавиатуры персонального компьютера. Персональный компьютер в комплексе с фотоаппаратом превращается в **рядовую** настольную фотограмметрическую станцию, которая позволяет решать целый ряд задач не только специфических для фотограмметрии, но и в примыкающих к ним областях, и представляющих значительный интерес в исследовательской и реставрационной практике. Задача на первом этапе: закрепление и последующее воспроизведение с максимальной точностью всех существенных характеристик изучаемого архитектурного объекта, а также признаков, индивидуализирующих его. Стерефотограмметрическая съемка позволяет зафиксировать и в последующем воспроизвести характеристики и признаки исследуемого объекта в трёхмерной системе координат. На основе результатов фотосъемки, используя программное обеспечение в виде пакета графических программ и программ, построенных на базе ядра CAD (сокр. от англ. computer-aided design автоматизированное проектирование), строится пространственно-объёмная модель исследуемого объекта. Таким образом, настольная фотограмметрическая станция выступает как средство построения 3-D модели предмета. Преимущество стерео фотограмметрии по сравнению с традиционной фотосъемкой реализуется в том, что мы не только получаем представление о пространственном расположении индивидуальных признаков, но и имеем возможность, точно измерить их. Эта же функция идеально подходит к современной концепции виртуального электронного музея. Созданная в ходе исследовательской и реставрационной работы **инструментально точная** трёхмерная модель экспоната, может представлять собой законченный выставочный объект такого музея.

В последние годы современное математическое обеспечение, и широкое распространение персональных компьютеров с пакетом программного обеспечения подвело твердый фундамент под идеи широкого применения в фотограмметрии 35-миллиметровых фотокамер серийно выпускаемых промышленностью либо цифровых камер, что придает повышенную оперативность и мобильность во время выполнения архитектурно-инженерных работ, которые в основном сводятся к обходу архитектурного объекта и его фотографированию в процессе обхода. На основе результатов фотосъемки, используя программное обеспечение, строится виртуальная пространственно-объёмная модель измеряемого объекта.

Одним из перспективных направлений применения достижений современной фотограмметрии – это отслеживание деформаций и трещин в архитектурных сооружениях.

Оперативность получения результатов делают это направление особенно важным. С конца 2002 года в экспериментальной лаборатории заповедника началось опытное освоение методики работы со стереофотограмметрической системой. Так, в частности, моделировалась ситуация экспертной оценки диагностических характеристик раскола несущей стены архитектурного сооружения. В ходе работы была построена модель трещины несущей стены с нанесёнными на неё реперными и измеряемыми точками. Деформации на модели задавались с помощью микрометрического устройства перемещения с чётко фиксированной заданной величиной смещений. Затем, модель трещины фотографировалась. Экспериментальная съёмка велась с различным масштабом, с изменяемыми базисами и с различной конвергенцией оптических осей объективов. После обработки полученных снимков, информация в цифровом виде была занесена в компьютер. Вычисленные пространственные координаты точек были занесены в базу данных фотограмметрической системы. Имея цифровые значения координат точек, мы фиксировали пространственное смещение, изменение положения элементов несущих конструкций модели. По изменению цифровых значений координат точек можно судить о процессах, протекающих в конструкциях модели или памятника архитектуры.

На данном этапе в экспериментальной лаборатории Киево-Печерского заповедника проводится разработка и исследование методики построения профилограммы трещины – графики, фиксирующие характеристики поверхности – методами оптической дефектоскопии. Суть метода в том, что на измеряемый объект накладывается виртуальный световой высоко линеатурный растр. Эта методика с применением технологий фотограмметрии позволяет построить цифровую модель поверхности выбранного участка трещины и её профилограмму.

При проведении опытно-экспериментальных работ использовалось обычное фотооборудование: фотоаппарат класса Киев-19 с набором объективов. На основе проведенных экспериментов было установлено, что длиннофокусный объектив с фокусным расстоянием 1000 мм решает приблизительно 90% задач, которые даже теоретически могут возникнуть при измерении трещин на памятниках Киево-Печерского заповедника. Объективы с подобными параметрами серийно выпускаются промышленностью. Для решения более сложных и единичных задач возможно построение любого сверх длиннофокусного объектива на основе оптической скамьи и комбинации стандартных объективов. Всё перечисленное оборудование также серийно выпускается промышленностью. Перед фотограмметрической съёмкой производится калибровка камеры с выбранными объективами на предмет определения децентрализации объектива, уточнения фокусного расстояния, и определения величин дисторсии. Калибровка заключается в фотографировании тестового объекта с жестко заданными геометрическими параметрами. Далее в тело камеры, फिल्मный канал, жестко встраиваются элементы внутреннего ориентирования снимков, которые необходимы для повышения точности и внутренней привязки при построении трехмерного изображения. После получения фотоизображения, оно преобразуется в цифровой формат и заносится в память персонального компьютера. Далее на экране дисплея определяют по заданному алгоритму характерные точки изображения и маркируют их. После вычисления пространственных координат точек происходит триангуляционное построение плоскостей поверхностей трехмерной виртуальной модели. На этом построение каркасной, математически точной модели завершено. Для визуализации по разбитым плоскостям объект обтягивается фото текстурой. И на этом построение полноценной 3-D- модели заканчивается. При необходимости полученная каркасная модель объекта выводится на печатающее устройство в виде **чертежа любой сложности** либо поясняющего **полутонного рисунка**.

КРЫЛАТЫЙ КОНЬ – ГИППОКАМП – МОРСКОЙ КОНЕК И СКИФСКИЙ ПОСЕЙДОН.

Образы водных существ восходят к глубинным пластам духовной культуры индоевропейцев. Среди них – гигантская рыба, соотносимая с хтоническим женским божеством и ее паредр – небесный дракон, олицетворение водной стихии (1; 2.–С.66,74). В изобразительном искусстве народов скифо-сибирского круга образ рыбы известен с раннескифского периода (тувинские и алтайские курганы), а в Северном Причерноморье он представлен изображениями пресноводных рыб V – IV вв. до н.э. [3], выполненными в различных традициях.

Что касается морских существ, то в изобразительном искусстве Северного Причерноморья они становятся популярными со второй половины IV в. до н.э. Происходило это, вероятно, по мере усиления роли судоходства, в особенности морского. Уже во второй половине V в. до н.э. на Боспоре существовал значительный торговый флот, а ко второй половине IV в. до н.э. Боспор становится крупной военно-морской державой. Мощными военными флотами обладали также Афины и держава Александра Македонского [4.–С. 67,68]. Как полагают, уже во времена Спартокидов в официальной титулатуре правящих царей появляется упоминание их божественных предков – Эвмолпа, сына Посейдона, и Геракла [5.–С. 56, 326, 336]. Отсюда становится понятной популярность не просто водяных, но именно морских существ круга Посейдона, «спасителя кораблей».

Что касается скифской среды, то, по свидетельству Геродота (IV, 59,100), скифы царские, владения которых доходили до Таврики и Меотиды, почитали Посейдона – Тагимасада. Нам уже приходилось писать о водной и конской сущности этого культового персонажа [6.–С.50-52]. Можно также предположить, вслед за В.И.Абаевым и Ж.Дюмезилем, что в какой-то период это было и божество конкретной местности – Керченского пролива [7.–С.220-221], где сходились морские интересы Боспора, скифских царей, а также синдо-меотских племен. Не исключено и влияние боспорского официального культа Посейдона, особенно если учесть мнение о родстве скифской и боспорской (фракийской) царских династий. Отсюда – сходные воплощения образов эллинского Посейдона и Тагимасада, главного(?) божества правящей скифской династии 2 пол. IV в. до н.э. и его круга в эллинских центрах и в Скифии. Это серебряная амфора из Чертомлыка с протомай крылатого водяного коня (ряд исследователей, начиная с Д.С.Раевского и Д.А.Мачинского, справедливо связывают его с культом Посейдона-Тагимасада, но подчеркивают, прежде всего, небесную, солнечную природу этого образа), а также однотипные конские уборы из Большой Цымбалки и Толстой Могилы, с налобниками в виде Великой Богини (змеедевы) – прародительницы скифов – и крыловидные нащечники в виде стилизованных дельфинов – существ из свиты морского бога, почитавшегося, видимо, вместе с ней. В эллинской среде Посейдон Гиппий также нередко почитался вместе с Владычицами – Деметрой и ее дочерью [8.–С.110, 111, 115]. Возможно также, что кони с налобниками в виде рыб и “крылатыми” нащечниками (царский курган Солоха) символизировали именно Посейдона-Тагимасада, владыку вод [2.–С.68-69].

Среди персонажей изобразительного искусства Северного Причерноморья, которые можно соотнести с кругом владыки вод (в сферу его владычества входили как моря, так и пресноводные источники), можно выделить несколько основных групп. 1. Протома крылатого коня с большими крыльями и «плавниковым воротником» (рис.1,3). Птичьи крылья не характерны для морских обитателей и роднят его с персонажами типа греческого Пегаса. Как и Пегас, это волшебный конь небесной (солнечной) природы и водяной одновременно, тесно связанный с царским культом. Изображения крылатых коней (без плавникового воротника) известны в основном на памятниках, территориально близких к Боспору: золотые бляшки из Большой Близницы и Куль-Обы (рис.1,1), украшения

Керченского саркофага № 101 [9.-рис.39,6]. Иные находки: серебряное окончание ритона V-IV вв.до н.э. в Уляпском кургане №4, золотая бляшка из могильника Аймырлыг в Туве.

Уподобление коня птице, как и образ волшебного водяного коня хорошо известны в индо-иранской мифологии [10; 11]. Поэтому греческий иконографический образ Пегаса (сложного древнего персонажа с греческими и малоазийскими чертами) вполне мог соответствовать скифским и меотским представлениям. Пегас имел самое непосредственное отношение к водной стихии, хотя впоследствии вознесся на Олимп. Он – сын Посейдона (от Медузы Горгоны) и родился у истоков Океана, его имя в древнегреческом означало «источник» [12.–С.296]. Пегас тесно связан с героем Беллерофонтом, который в раннегреческих мифах соотносился с морской стихией и также был потомком Посейдона. Беллерофонт (убийца чудовища Химеры) и его крылатый конь находят параллели также в хеттской мифологии [13.–С.166-167]. Подобный персонаж был, видимо, не чужд и скифской мифологии: изображение героя верхом на крылатом коне (варварская копия античного оригинала) помещено на золотой бляшке из Большой Белозерки в Запорожской области (не опубликовано).

2. Крылатое существо (обычно его называют гиппокампом), имеющее некоторое сходство с морским коньком (золотые бляшки из Куль-Обы, рис.1,5). Это любопытное изображение, в котором соединены признаки различных существ (конских нет вообще). У него голова морского конька, крылья водного существа, змееподобное туловище с гребнем (встречаются у некоторых земноводных и рыб), серповидный хвост (напоминает хвост морских млекопитающих отряда сирен или дельфинов), большие рыбы плавники. От наземного существа – лишь уши, а также ряд птичьих перьев в основании крыла. Почти точная копия этого образа (но без крыльев) представлена на дне серебряного килика из Чмырева кургана, несколько более стилизованная – на Анапском саркофаге №21. Морского конька напоминает псалий из 5-го Уляпского кургана I пол. IV в.до н.э. [14.–С.61, рис.3,16]. У него характерный изгиб туловища и зубчатая грива, хотя явных черт морского существа нет (рис.2,3).

3. Более характерен для античного искусства несколько иной образ гиппокампа: с протомой реального коня (с передними ногами) и туловищем морского существа или земноводного, без крыльев. Если обратиться к этимологии слова «гиппокамп», то вторая его часть означает «гусеница» или некое существо с извивающимся и сгибающимся туловищем. Кампа – также имя мифического чудовища в Ливии, убитого Дионисом [15.–С.871]. В отличие от Пегаса, гиппокамп не имел личного имени, т.е. не был персонифицированным мифологическим образом. Гиппокампы, как и дельфины, были ездовыми животными Посейдона и его свиты, его символами. Классические изображения гиппокампов помещены на : лопасти ножен меча из Куль-Обы (рис.1,4), золотых подвесках к головному убору из Большой Близницы, концах золотого браслета из кургана Карагодеуашх, Анапском саркофаге №21, ольвийской терракоте V-IV вв.до н.э. [16.–рис.37]. Первые три изделия датируют второй половиной IV в.до н.э., анапский саркофаг – началом – I пол. III в.до н.э. Интересное изображение гиппокампа помещено на золотой бляхе из Александропольского кургана (рис.1,2). Первоначально, видимо, на его спине был наездник (тритон), от которого остались лишь ноги под брюхом животного (не поняты при копировании), а туловище его заменено схематически изображенным – еще одним – крылом.

Таким образом, большинство изображений волшебных коней, выполненных в греческой традиции, найдены в погребениях, территориально тяготевших к Боспору. Все три разновидности волшебных коней (крылатый конь, классический гиппокамп и гиппокамп-морской конек) представлены на золотых изделиях из Куль-Обы, где были захоронены эллинизированные представители династии скифских царей (из племени скифов царских?), что подтверждает сказанное выше об усилении роли культа скифского Посейдона в IV в. до н.э. прежде всего в их среде. Вероятно, в характерном для иранцев

образе священного царского коня в этот период стали особенно подчеркивать черты водяного существа.

Морской конек (*hipposampus*, отряд игловые, семейство игловые, размеры от 4 до 20- 25 см), мог привлечь внимание приморских жителей своим сходством с конем (рис. 2,1,2). Кроме того, морские коньки интересны своей совершенной мимикрией, а также «андрогинностью». Самец имеет на туловище специальный «карман», куда самка откладывает икринки [17.–С.418-420], из которых впоследствии вылупливаются до 200 маленьких, но полностью сформировавшихся коньков. Вполне логично включение этих существ, наряду с дельфинами, в свиту морского бога. Если предания о владыке пролива (Боспора) и повелителе рыб действительно бытовали в скифское время, то это могли быть ездовые животные (кони) того бесчисленного воинства, которое владыка волшебным образом вызывал из подземных хранилищ [см.:7.–С.220-221]. Не случайно, очевидно, изображения гиппокампов нередко сочетаются с военной тематикой: на них сидят Нереиды, везущие оружие или они соседствуют со сценами сражения (Анапский саркофаг №21).

Образы гиппокампа и морского конька, на наш взгляд, повлияли на иконографию фантастических существ, так называемых петушков (термин предложен В.А.Ильинской) [18.–С. 55]. В основном в них усматривают стилизованные конечности хищников в сочетании с головой копытного животного (полный анализ см. в работе А.Р.Канторовича [19]). В виде «петушков» оформлены детали конских уборов из скифских курганов второй половины IV в. до н.э. (2-й Мордвиновский, Гайманова Могила, уроч.Галушино, Новоселка, к.4 в верховьях Горного Тикича, Чертомлык, Бабина Могила и др.), а также золотые обкладки ритона из Толстой Могилы. К числу наиболее четких изображений относятся «петушки» из 2-го Мордвиновского кургана и Толстой Могилы (рис.2,5,6). Вероятно, основой этих изображений была фракийская иконографическая схема типа Крайовы – голова животного на двух стилизованных конечностях [19.–С.36-37]. Однако, несмотря на значительную стилизацию, черты водных существ также просматриваются довольно хорошо. Это, прежде всего, общие волнистые контуры фигуры, напоминающие рыб, дельфинов (особенно рис.2,14) и земноводных (ср. с изображением фантастических рыб из 1 Пазырыкского кургана и могильника Аймырлыг в Туве, рис.1,6,7). Сходство с водными существами усиливают «лапки» по бокам туловища, напоминающие плавники рыб (ср. со спинным плавником морского конька) либо конечности земноводных, а также окончание тулова в виде двух завитков, обрамленных широким веерообразным «плавником». Подобные существа, со стилизованными «лапками» в центральной части туловища, видимо, представлены на нащечниках из Большой Цымбалки (рис.2,10) «Лапки-плавники» прослеживаются у всех «петушков», в том числе из кургана у с.Дуровка (рис.2,12) и на фракийском изображении из Бедняково, где также довольно четко просматривается конская голова (рис.2,11). Водная тематика отражена еще в одной серии конских нащечников 2 пол.IV в. до н.э. – в виде так называемых птице-оленей. В нижней их части нередко изображены водяные символы, в том числе дельфины [20.–рис.21,5,6, 26,1-6, 21.–С.111-112].

Конечно, нельзя ожидать от многозначных образов позднего звериного стиля близкого сходства с реальными прототипами из животного мира. Все это синкретические существа. Но все же, думается, прав был Б.Н.Мозолевский, предположив, что изображение на обкладке ритона из Толстой Могилы могло быть гиппокампом [20.–С.59], как и «три стилизованные чудовища» на фракийских серебряных нащечниках из Хоминой Могилы [22.–С.216]. В последнем случае сходство с морским коньком, несмотря на «рыбьи головы» и гривы, особенно заметно (рис.2,4). Водное существо напоминает и персонаж на фракийских нащечниках из Аджиголя (рис.2,13), хотя в виде длинных завитков могли изображаться и гривы животных, а оформление концов пасти более характерно для хищников. Не исключено, что образ фантастического существа с чертами морского конька сложился именно в греко-фракийском искусстве, а затем появился в скифской среде (через Боспор?) в период широкого распространения фракийских уздечных наборов и

популярности морской символики. Например, в традициях фракийского искусства выполнены нащечники из Гаймановой Могила (рис.2,7), хотя во Фракии аналогичные изображения не найдены [ср.:23.-рис.8 и 9, С.124]. Бытовали «коньки» в течение довольно короткого периода в пределах 2 пол.ІV в.до н.э. и довольно часто копировались, что свидетельствует о значительной популярности образа. Наиболее ранние образцы - конские нащечники - более четкие и крупные (рис. 2,5-7), более поздние - мелкие бронзовые украшения конского оголовья (рис.2,8,9,14), напоминающие в горизонтальном положении голову кабана (о «зооморфных превращениях» см.[21]), а «конек» из Александропольского кургана превратился в лежащего льва [24.- II, таб. ХШ].

В некоторых курганах IV в.до н.э., которые обычно относят к числу позднейших (Александрополь, Краснокутский, к.63 у с.Бобрица) представлены уже в основном иные существа - так называемые грифоно-гиппокампы, сочетающие черты грифона (с рудиментарными конскими чертами) и змеи, но без «рыбных» признаков [см. 23.-рис.7,1,13,14; 24. -таб.ХП,6, XXXI,15; 25.-С.36-45]. Греческий гиппокамп и его вариации в зверином стиле вытесняются древним персонажем иранской (?) мифологии - хищным драконом, преимущественно наземным существом.

1. Шаповалов Георгий. Корабли веры. Судоходство в духовной жизни древней Украины. - Запорожье, 1997.
2. Шаповалов Георгій. Судноплавство у духовності давньої України. - Київ - Запоріжжя, 2001.
3. Колтухов С.Г. Образ рыбы в греко-варварском искусстве Северного Причерноморья. // Археология Крыма. - Т.1, Симферополь, 1997.
4. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1971.
5. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М-Л., 1949.
6. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов.- К., 1983.
7. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. - М.,1976.
8. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии.- К.,1992.
9. Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья //(САИ.-Г1 - 17). - М., 1969.
10. Литвинский Б.А. Кангюско-сарматский фарн. - Душанбе, 1968.
11. Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы.- К., 1977.
12. Тахо-Годи А.А. Пегас // Мифы народов мира. - Т.2. - М., 1982.- С.296.
13. Ботвинник М.И. Беллерофонт // Мифы народов мира.- Т.1. - М.,1980.- С.166-167.
14. Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце У-ІУ вв.до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ. - М., 1992.
15. Древнегреческо-русский словарь. Составитель И.Х.Дворецкий. -Т.1.-М.,1958.
16. Русяева А.С. Античные терракоты северо-западного Причерноморья.- К.,1982.
17. Жизнь животных. - Т.4, ч.1 /Рыбы/. - М., 1971.
18. Ильинская В.А. Скифская узда IV в.до н.э. // Скифские древности.- К., 1973.
19. Канторович А.Р. «Петушки» - один из образов звериного стиля степной Скифии // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ.- М.,1992.
20. Мозолевський Б.М. Товста Могила. - К., 1979.
21. Канторович А.Р. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле Степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. - Донецк, 2002.
22. Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с.Нагорное близ г.Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. - К., 1973.

23. Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.-М.,1976.

24. Древности Геродотовой Скифии. – С.ПБ, 1966.

25. Мелюкова А.И. Краснокутский курган. – М., 1981.

Рис.1. Фантастические кони и рыбы. 1,4,5 – Куль-Оба. 2 – Александрополь. 3 – Чертомлык. 6 – 1 Пазырыкский курган. 7 – Аймырлыг.

Рис.2. Морские коньки, “петушки” и их вариации. 1,2 – морские коньки. 3 – 5-й Уляпский курган. 4 -Хомина Могила. 5 – 2-й Мордвиновский курган. 6 – Толстая Могила. 7 – Гайманова Могила. 8 – Краснокутский курган. 9 – Чертомлык. 10 – Большая Цимбалка. 11 – Бедняково. 12 – Дуровка, к.№12. 13 – Аджиголь. 14 – Новоселка, к.№4.

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ПОДНЕСТРОВЬЯ, ПОБУЖЬЯ И ПОВОРСКЛЯ В VIII-VII ВВ. ДО Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛИЩА ВИШЕНКА-2).

Селище Вишенка-2 находится в среднем течении р. Ю.Буг, на окраине г. Винница. В 1992-1994 гг. была исследована вся доступная территория (5700 м²) с шестью усадьбами, организованными в две локальные группы – восточную и западную (рис. 1,1-3). Строительные остатки представлены многочисленными ямами. На восточном участке обязательным элементом двора была небольшая полуземлянка сложной конфигурации (рис. 1,4,5,7), тогда как на западном подобное сооружение единично и проще по устройству (рис. 1,6). Здесь же исследованы остатки наземного жилища продолговатой формы площадью около 70 м². Для хранения припасов копали погребки со ступеньками или ямами для столбов перекрытия. На усадьбе 3 удалось оконтурить место, где стоял хлев. Очаги и печи выносили за пределы жилищ. Однажды очаг был устроен на дне ямы (рис. 1,8), как в Поднестровье [1.– С.143].

Жители усадеб выращивали пшеницу-двузернянку, пленчатый ячмень, просо, возможно, огородные и плодовые культуры, разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней, собак. Находки пряслиц¹ и кусков гончарной глины свидетельствуют о местном изготовлении тканей и лепной посуды. Обработывали камень, на что указывают находки незаконченного наворачива булав, зернотерок, терочников.

С религиозными воззрениями можно связывать погребение похожего на чашу² свода черепа человека в специальной яме 19 на усадьбе 3. Различные источники указывают на культ мертвой головы у скифов-иранцев и некоторых индоевропейских народов древности. прежде всего кельтов [2.–С.63; 3.–С.287] Отдельные погребения черепов известны в лужицкой и высоцкой культурах [4.–С.75], с которыми связано и распространение орнитоморфных статуэток в украинской Лесостепи (рис. 1,12).

Сбрасывание в ямы обломков печей, очагов, продуктов горения указывает на почитание домашнего огня, культ предков, о чем свидетельствует упомянутая яма 4 с очажком и жертвоприношением животного на усадьбе 4 (рис. 1,8). Не менее интересны находки орнаментированных росписью сосудов в соседних с ней ямах 2 и 3. На обломке горшка из ямы 2 сохранились головки двух человечков, нанесенные черной краской (рис. 2,16). Недостающую часть композиции можно реконструировать с помощью аналогичных по стилю и технике исполнения рисунков на корчагах из кургана начала железного века у Дунайской Лужны в Словакии: по мнению Й. Владара, они иллюстрируют погребальные обряды местной гальштатской аристократии [5.–С.112,116-117, рис.77,78,82,83]. Культовый характер почти утраченного изображения весьма вероятен, если вспомнить находки в этом же комплексе горшка и кубка одинаковой формы, миниатюрной ложечки, двух мисок редкой профилировки, цедилки (рис. 2,14,15, 17;3,6,10,23). Рядом, в яме 3, найден обломок лепного горшка с углубленным орнаментом на шейке в сочетании с нарисованным изображением «бегущей волны» (рис. 2,13). Появления этого мотива связано с традициями фракийского гальштата: он представлен на импортной посуде культуры Басараби из предскифского горизонта Немировского городища, Жаботинского поселения, глиняных жертвенниках из Жаботина (VIII в. до н.э.) и раннескифского зольника 4 на Западном Бельском городище [7.–С.81; 8.–С.141-142; 9.–С.73; 10.–С.114,151]. В данном контексте интересна находка корчажки с нарисованным геометрическим орнаментом в погребении 1 (п.п. VII в. до н.э.) кургана 15 у с. Купьеваха в бассейне р. Ворсклы [11.–С.30, рис.30, 8].

¹ Точная аналогия фигурному пряслицу из культурного слоя усадьбы 1 (рис. 2, 11) известна на Восточном Бельском городище [6.–рис. 17, 23].

² Напомним, что находки чаш из черепов людей, которые Геродот приписывал скифам [Herod.: IV.65], известны только в Лесостепи, преимущественно на Восточном Бельском городище [6.–рис. 31, 1, 2].

Квадратный жертвенник с усадьбы 5 (рис.1, 9, 15) находит аналогии среди глинобитных позднечернолесских площадок в Непоротово и в жертвеннике из культового помещения раннего зольника 28 на Западном Бельском городище [1.–С.145,185, рис.10,2;14,1;15,6; 12.–С.30,31; 13.–С.31].

Наиболее массовой категории находок является **лепная посуда**. Прежде всего, это **горшки**, представленные следующими типами и вариантами:

I. Тюльпановидные. Вариант 1 – стройные, почти цилиндрические (рис. 2,1-6), с орнаментацией из проколов, “жемчужин”, реже в сочетании с тонким валиком под краем венчика, валиком с несомкнутыми концами на тулове, пальцевыми вдавлениями по тулову. Такие пропорции характерны для высоцкой культуры, позднечернолесских погребений у с. Лука-Врублевцевская, могилянской группы памятников Волыни [14.–рис.35,1; 36,1,3,8; 15.–С.57, рис.2,6,7]. **Вариант 2** – с наибольшим диаметром в верхней трети корпуса, опоясанного валиком, с проколами, иногда в сочетании с валиком, под краем венчика (рис. 2,7). Встречается на всей территории позднего варианта чернолесской культуры. В ряде случаев поверхность горшков 1 и 2 вариантов была ошершавлена раствором глины с примесью крупного песка или дресвы, как в лужицкой и высоцкой культурах. **Вариант 3** – с коротким венчиком, плавно переходящим в шейку и округлое тулово (рис. 2,10,12). Характерен для керамического комплекса Среднего Поднестровья первой четверти I тыс. до н.э. [1.–С.148-150, рис.91,5,6,7; 92, V]. Наиболее восточным пунктом, где обнаружен горшок такой формы, является погребение 8 (н. VII в. до н.э.) в кургане 2 у с. Купьеваха в Поворсклье [16.–С.114, рис.2,11; 11.–С.46].

II. С округло-коническим туловом. Вариант 1 – с отогнутым венчиком (рис. 2,13-15,18). Многие горшки орнаментированы пальцевыми или палочными вдавлениями, отпечатками штампа, как в закрытых предскифских комплексах у с. Днестровка-Лука в Поднестровье [17.–С.41,рис.6,2,9,10], в культуре Сахарна-Солончены [18.–рис. 3,6; 19.–С.204,рис.5, 6], в Полесье раннего железного века в результате переживаний традиций сосницкой и лебедовской культур [20.–С.38-39]. Такая форма горшков известна на чернолесских Субботовском и Московском городищах (21.–С.57,62,рис.30,5;44,1,2). Их более поздняя разновидность представлена сосудом из погребения 3 (п.п. VII в. до н.э.) в кургане 12 у с. Купьеваха [11.–С.21,рис.21,2]. **Вариант 2** – с S-видным венчиком, иногда орнаментированным отпечатками кольчатого штампа (рис. 2,16). Целые формы таких горшков не найдены, однако примечательно сходство фрагмента с рисунком и верхней части некоторых горшков культуры Гава в Закарпатье, вплоть до примеси крупной дресвы в керамическом тесте изделий [22.–С.133,135,рис.45,6]. **Вариант 3** – с венчиком «раструбом» (рис. 2, 19,20). Происхождение столь редкой формы горшков пока не ясно: их можно сопоставлять с отдельными типами посуды гальштатской, белозерской или лужицкой культур. Независимо от этого, форма обоих сосудов выглядит вполне устоявшейся, а условия их обнаружения не позволяют сомневаться в глубокой древности самих изделий, известных лишь на западном участке памятника. Несколько моложе находка похожего горшка на Мотронинском городище на Тясмине [23.–С.16,22,57, рис.28,2]. Другие редкие формы горшков – **цедилка, биконический, котловидный** (рис. 3,23,25, 6) – известны только на усадьбах раскопа III. На обеих частях поселения отмечены особенности в составе примесей к глине кухонной посуды: на восточном участке чаще встречается песок, а на западном – дресва, что может быть связано с различиями во времени существования “хуторов” [1.–С.150-151].

Столовая керамика представлена мисками, кубками и черпаками. **Миски** имели усеченно-конический корпус и различались по способам оформления верхней части. **Вариант 1** – с округлым плечиком и загнутым краем. Орнаментированы проколами и «жемчужинами», полуовальными выступами, отпечатками штампа или прочерченными линиями (рис. 3, 1-6). На общем фоне выделяется неорнаментированная миска с далеко заходящим краем из ямы 2 на усадьбе 4 (рис. 3,6), напоминающая нижнюю часть

амфоровидных корчаг культур гальштатского круга, например, Гава¹. **Вариант 2** – с открытой верхней частью и прямыми стенками (рис. 3,7,8), похожие на миски лужицкой и высоцкой культур. **Вариант 3** – с отогнутым венчиком и углубленным орнаментом на шейке (рис. 3, 9,10,19). Напоминают большие миски культуры Сахарна-Солончены и чернолесско-жаботинские подражания им. Редкие варианты мисок известны только на усадьбе 4 западного участка. На ней и усадьбе 5 сохранились отдельные фрагменты горшковидных **кубков** (рис. 2,12,15). Немногочисленные обломки **черпаков** могут быть отнесены к известным позднечернолесским и жаботинским типам (рис. 3,17,18,22) или же к изделиям сахарнянских керамистов (рис. 3,15,20,21) [18,рис.3,3,4,10,17; 24.–рис.10,9; 25.–С.71, рис.5,2,3,23-25]. К импортным изделиям принадлежит и фрагмент большой кружки шолданештского типа из ямы 26 на усадьбе 6 (рис. 3,24), аналогичной находке в предскифском слое Немировского городища [26.–Смирнова,1996: 187, рис.6,4]. В этом же комплексе найдены утюжковый растиральник или гладильник (рис. 1,14), как и на Григоровском городище (25.–С.66,рис.6,8), навершие каменной булавы (рис. 8,5). Похожие, в т.ч. незаконченные, навершия известны на обширной территории Юга Восточной Европы конца бронзового – начала раннего железного веков. В Среднем Поднепровье наиболее поздняя датированная находка каменной булавы происходит из кургана 524 у с. Жаботин, который принято относить к I этапу раннескифской культуры (с. – к. VIII в. до н.э.) [27.–С.87-89,105]. Такая дата тесно и положительно коррелирует с находкой шолданештского импорта, который не мог появиться здесь ранее с. VIII в. до н.э. [7.–С.80-81; 28.–С.18]. Нижнюю дату западного участка опережают сахарнянские черпаки, поскольку эта культура прекратила существование в п.п.VIII в. до н.э. вместе с собственно чернолесской культурой [29.–С.23]. Можно заключить, что западная часть памятника была обитаема в п.п.-с. VIII в. до н.э. На восточном участке нет явных приднестровских импортов, за исключением упомянутого голиградского сосуда. В пределах Украины гава-голиградские памятники датируются IX –н. VII вв. до н.э. с расцветом в VIII в. до н.э. [30.–С.135; 31.–С.32]. Отсутствие сахарнянских керамических изделий и форма черпака из ямы 20 на усадьбе 3 (рис. 3,18) позволяют датировать восточную часть селища второй половиной VIII в. до н.э. В целом, культура западного и восточного участков поселения принадлежит к одному из проявлений среднеднепровского локального варианта позднего Чернолесья, продолжившего свое развитие в предскифское и раннескифское время. Принципиальное значение имеют уникальные параллели с культурой обитателей Ворсклинского региона начала VII в. до н.э. Их появление было вызвано миграцией исторических неуров (Herod., IV, 17, 51, 105, 125) из Побужья и Поднестровья [32.–С.120-129] в Поворсклье [11.–С.74-75].

1. Крушельницька Л. І. Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток). – Львів, 1998.
2. Грантовский Э. А. О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1981.
3. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы: бронзовый и железный век. – М., 1974.
4. Крушельницька Л. І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. – К., 1985.
5. Vladař J. Praveka plastika. – Bratislava, 1979.
6. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – К., 1987.
7. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. – М., 1979.
8. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII – VI вв. до н. э.). – К., 1975.

¹ Повторное обращение к параллелям из этой культуры покажется более обоснованным, если учесть находку фрагмента голиградского сосуда с розовым ангобом на внутренней поверхности в яме 18 на усадьбе 2.

9. Покровская Е. Ф. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА. – К., 1962.
10. Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV АС. – 1911. – Т.3.
11. Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII-IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). – Харьков, 2001.
12. Шрамко И. Б. Некоторые итоги исследования 28 зольника Западного укрепления Бельского городища // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2001.
13. Задников С. А. Культовый комплекс раннескифского времени на Бельском городище // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2001.
14. Крушельницкая Л. И. Культуры раннескифского периода Верхнего Поднестровья и Западной Волыни // АПВЗ. – К., 1990.
15. Смирнова Г.И., 1997.
16. -Моруженко А.А.,1985:
17. Смирнова Г.И. Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. – Л., 1982.
18. Мелюкова А.И. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончены в Молдавии // КСИА. – М., 1982. – Вып. 170.
19. Кашуба Т. М., Гольцева Н. В. Сахарнянский могильник 1 (Цыглэу) // СА – 1991. - № 1.
20. Ковалева Л. Г. Поселения раннего железного века возле с. Волинцево на Сейме // Древности Среднего Приднепровья. – К., 1981.
21. Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. К., 1961.
22. Попович И. И. население Закарпатья В эпоху раннего железа // АПВЗ. – К., 1990.
23. Бессонова С. С., Скорый С. А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988 – 1996 гг.). – К. – Краков, 2001.
24. Смирнова Г. И. Севериновское городище: по материалам Юго – Подольской экспедиции 1947 – 1948, 1953 гг. // АСГЕ. – Л.,1961.- Вып. 2.
25. Смирнова Г. И. материальная культура Григоровского городища: к вопросу о формировании чернолесско – жаботинских памятников // АСГЭ. – Л., 1983. – В. 23.
26. Смирнова Г.И., 1996.
27. Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. – 1992. - №3
28. Мелюкова А. И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо – сарматское время. – М., 1989.
29. Смирнова Г. И. Культурно – исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тысячелетий до н. э. (автореф. докт. Дис.). – К., 1990.
30. Крушельницкая Л. И., Малеев Ю. Н. Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды) // АПВЗ. – К., 1990.
31. Смирнова Г. И. Основы хронологии предскифских памятников Юго – Запада СССР // СА. – 1985. - №4.
32. Граков Б. Н. Скифы. – М., 1971.

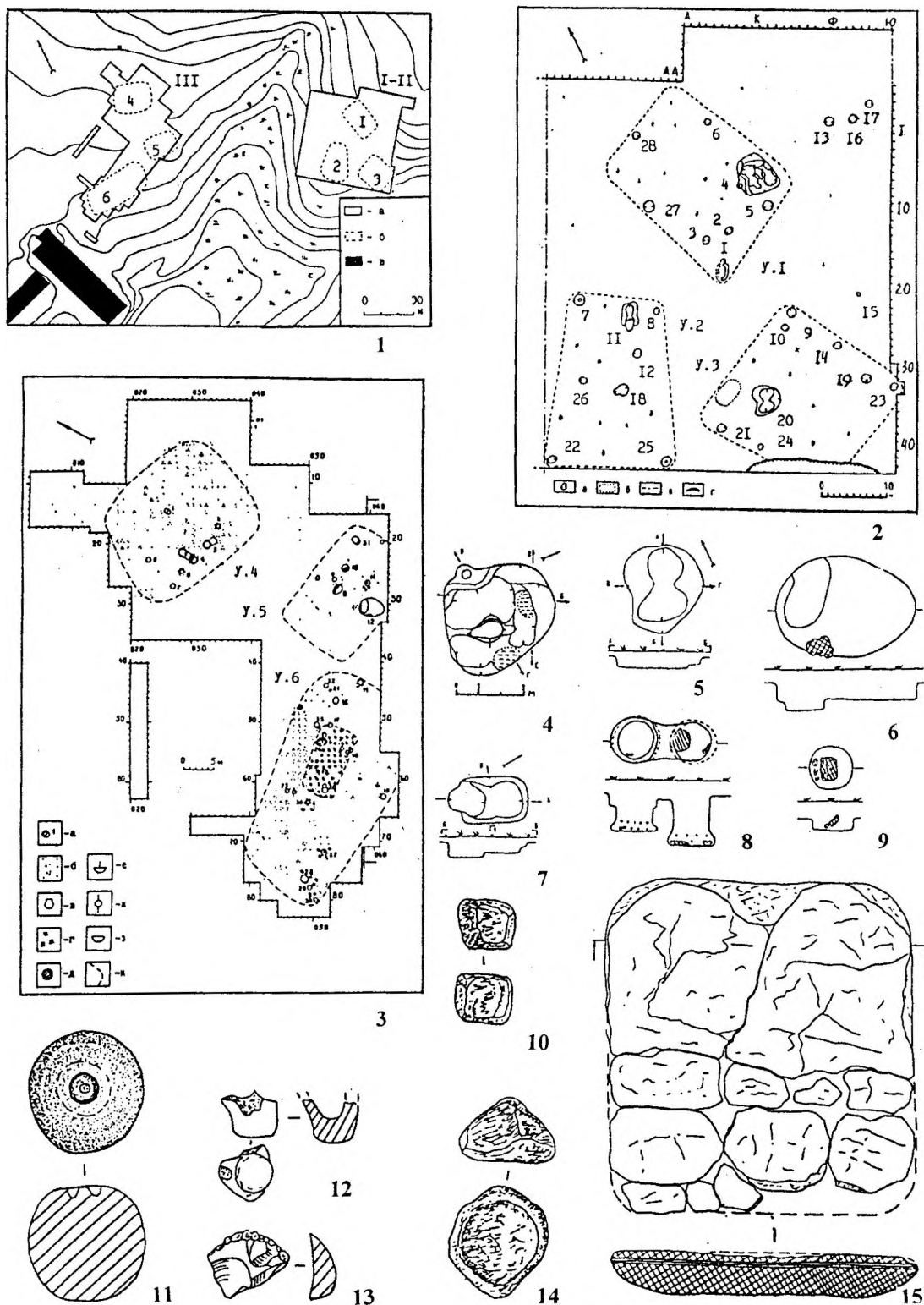

Рис. 1. Вишенка-2: 1-общий план поселения; 2 – план раскопа I-II (восточный участок); 3 – план раскопа III (западный участок); 4-7 – планы и профили землянок; 8-9 – планы и профили ям; 10, 14 – растиральники; 11 – наконечники стрел; 12 – фрагмент статуэтки; 13 – скребок; 15 – жертвенник. Материал: 10, 11, 13, 14 – камень, 12, 15 – глина.

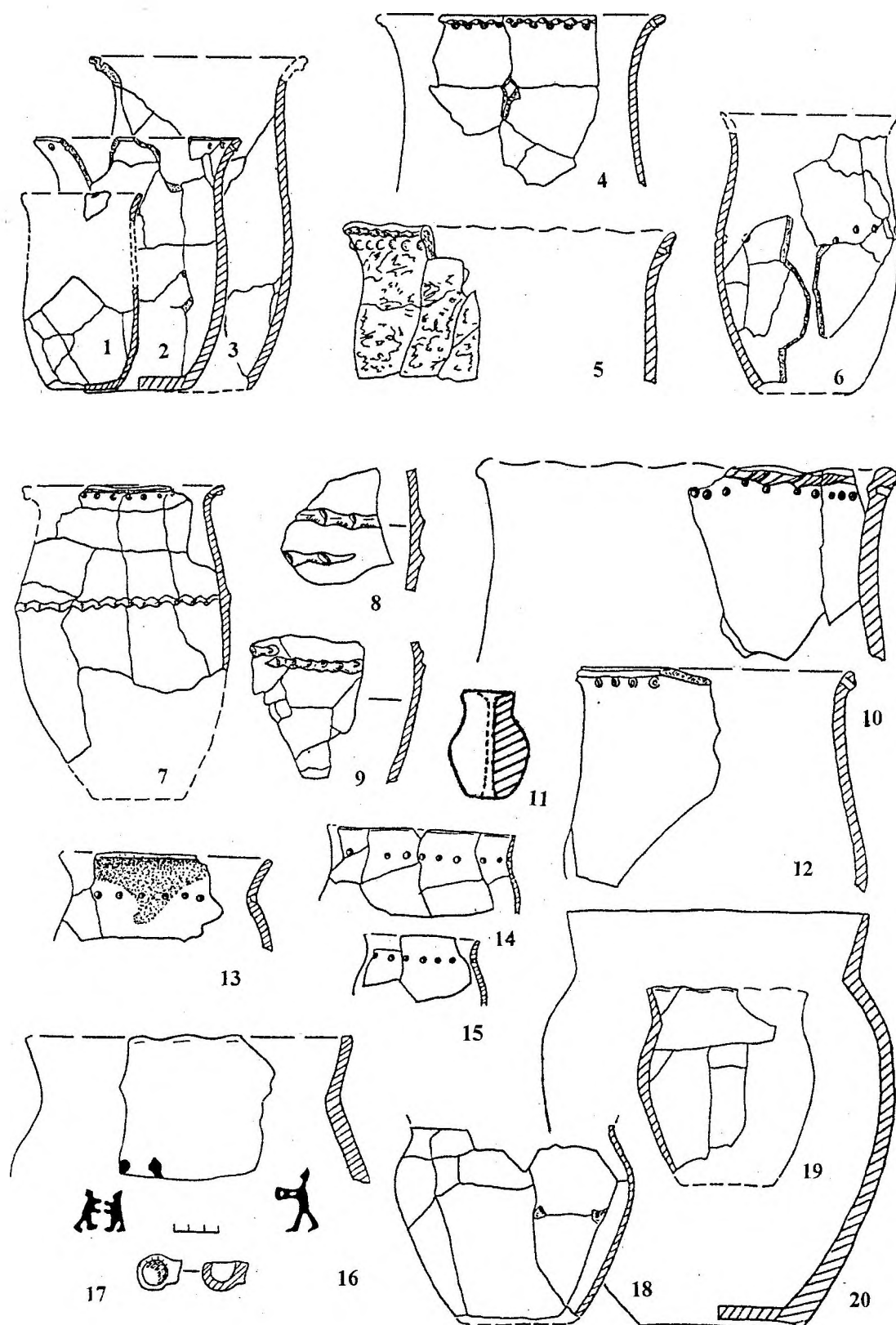

Рис. 2. Вишенка-2: 1-10, 12-16, 18-20 – образцы лепной посуды; 11 – пряслице; 17 – культовая ложечка. Материал: глина. (1, 11 – у.1; 7,8 – у.2; 9- у.3; 13-17 – у.4; 12, 20 – у.5; 4-6,10,18,19 – у.6).

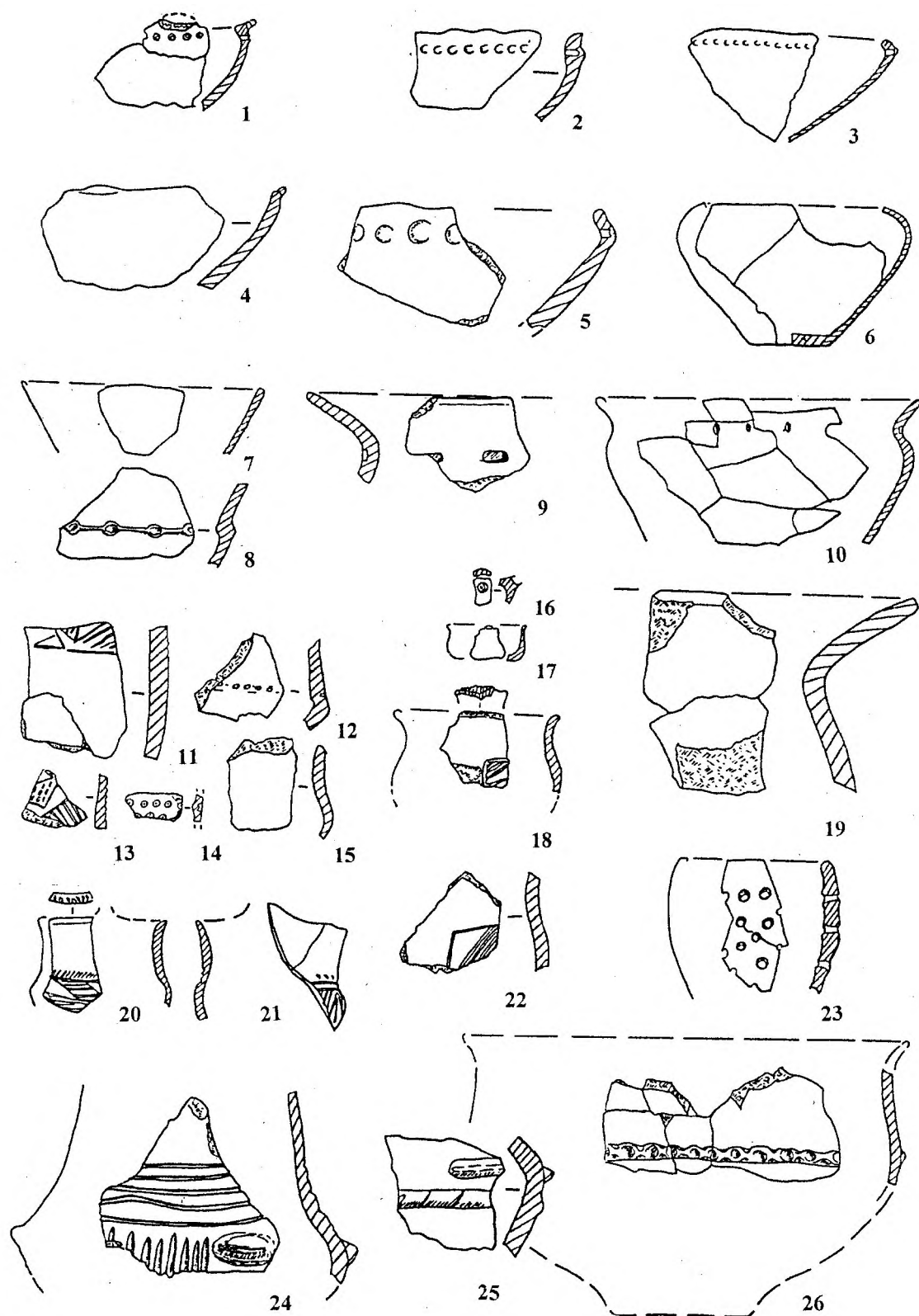

Рис. 3. Вишенка-2: 1-26 – образцы лепной посуды. Материал: глина. (1, 3 – у.1; 16, 17 – у.2; 18 – у.3; 2, 4, 6, 7-10, 19, 20, 21, 23 – у.4; 25 – у.5; 11-15, 22, 24, 26 – у.6).

ДО ПИТАННЯ ПРО ПОЛІТИЧНИЙ ЦЕНТР СКІФІЙ.

Останнім часом в скіфознавстві запанувала тенденція перегляду сталої тези Б.М. Гракова про місце та значення Кам'янського городища на Дніпрі, як політичного та адміністративного центру Скіфії [1; 2]. В монографії, присвяченій Єлизаветинському городищу в дельті Дону, констатується, що Кам'янське городище на Дніпрі – це не поселення міського типу, а велике сезонне торговище або економічний центр з конгломератом різночасових селищ. Проте зазначається, що Єлизаветівська просторова структура є утворенням міського типу [3.–С.238, 240].

Тобто на східному краю Скіфії, в оточенні курганів меншого соціального рівня, було місто, а в класичному, за всіма ознаками, центральному місці, при перевозі через найважливішу водну артерію країни, в пункті сходження мінімум шести торговельних шляхів, в оточенні надвеликих курганів - міське утворення не склалося. Але автори монографії за цей логічний перекося відповідальності не несуть, оскільки вони користуються висновками двох згаданих вище київських дослідників, які не усвідомили особливостей стратиграфії важливої пам'ятки і завели проблему оцінки її значення в глухий кут.

На нашу думку, висновок Б.М. Гракова про Кам'янське городище як центральну поселенську структуру Скіфії (4.–С.172) слід відкорегувати з урахуванням нової інформації. Останні публікації зборів О.В. Бодяньського та оглядів приватних нікопольських колекцій [5.–С.118-121; 6.–С.204-206; 7.–С.222-236; 8.–С.70-71; 9.–С.174-196] змушують під іншим кутом зору розглядати Капулівську просторову структуру, розташовану за 9 км від Кам'янки на правому березі Дніпра. В комплексі селищ біля с. Капулівка є підстави вбачати більш важливу, ніж Кам'янське городище, поселенську структуру часів Атея та його наступників. Це утворення міського типу було адміністративним центром регіону (місцем сезонного або постійного перебування ставки царя), місцем великої оптової міжнародної торгівлі, центром релігійного життя. В цьому нас переконують наступні обставини.

1. Благодатна заплава Дніпра та Капулівський мис, захищений гирлами Чортомлика та Базавлука, були місцем постійного життя людей майже у всі історичні епохи. Про це свідчить докладна добірка капулівських матеріалів доби енеоліту і бронзи, більшість яких походить зі зборів та розкопок О.В. Бодяньського [10.–С.131-133]. Головною принадою для давньої спільноти в цьому місці була можливість зручного перетину водної перепони. На стратегічне значення бродів-переправ біля Капулівки – Кам'янки і вірогідні військові сутички за контроль над ними вказують як знахідки кремневих вістер стріл доби ранньої бронзи [10.–С.134,143, рис. 2, 1-8; 4.–С.41, рис. 7], так і серії архаїчних стріл скіфського часу, що походять зі зборів на обох берегах.

2. Зібрана Б.М. Граковим та О.В. Бодяньським інформація засвідчує, що знайдені в цьому місці залишки більш ніж десяти невеликих селищ належали велетенській поселенській структурі скіфського часу. На сході ця структура починалась за річкою Чортомлик в південній частині с. Олексіївка (колиш. Чортомлик), центр її лежить під садибами с. Капулівка, західне крило виходить на с. Покровське, а південний край губився в заплаві, в районі колишньої Чортомлицької Січі та Сухой Плавні. “Степи Капулівки і Покровського на цілі кілометри усяні уламками амфор”, а “в кручах в цьому районі почали вимиватись цілі амфори” зазначав О.В. Бодяньський (Архів ІА НАНУ, №1957/10Б).

3. Територію Капулівського протоміста слід оцінювати мінімум в 1100 га, зважаючи на те, що частина узбережжя та заплави знаходиться під дзеркалом Каховського водосховища. Шар уламків амфор та ліпних посудин фіксувався в 1944 р. на острові, де розміщувалась Чортомлицька Січ, а товща культурного шару в Капулівці навпроти Січі становила 0,25 - 1,5 м [4.–С. 157]. 3 півночі Капулівсько-Покровську поселенську

структуру обмежувала обводнена балка, що відокремлювала її від правобережного плато. Вихід на плато, менш як 2 км завширшки, залишався біля північного краю с. Капулівка. Звідси ж відкривався і шлях на Правобережжя і далі в Лісостеп. Понад цим шляхом, що на своєму початку йшов вздовж правого берегу р.Чортомлик, простягнувся ланцюжок курганів. З шести десятків цих курганів - п'ять розкопав О.І. Тереножкін, половину з решти він визначив скіфськими. Варто на увагу й те, що навпроти південного краю цього ланцюжка, за 15 км на південь, за Дніпром, на Мамай –Горі, знаходиться унікальне скупчення з трьох довгих могил, що могли правити скіфам за вівтарі богу війни.

4. Розташування Капулівського городища, як і його лівобережного партнера, дозволяло здійснювати контроль за переправою та обслуговувати перетин великої ріки, маючи з цього значний зиск. Населення обох поселенських структур було зайнято обслуговуванням переправи та подорожніх, що змушені були чекати сприятливих умов перетину ріки, ремонтом транспортних засобів (можливо і продаж возів), ремісництвом, оптовою та роздрібною торгівлею. Рівень життя певного прошарку населення був досить високий, на що вказує значна кількість використаної амфорної тари. Вона ж вимальовує коло економічних партнерів, серед яких найважливіші – Херсонес, Синопа, Гераклея, Фасос. За іншими групами товарів та монетними знахідками слід назвати – Пантикапей та Ольвію.

5. Укріплені протоміста (Кам'янське та Капулівське городища) мали оточуючу їх округу із відкритих селищ-супутників, що утворювали на обох берегах Дніпра та на частині його заплави агломерацію на ділянці 40-55 км завдовжки. На центр цієї агломерації були "зав'язані" сухопутні торговельні шляхи, ще один напрям забезпечував Дніпро. Три з цих шляхів виводили на сусідні античні міста – Ольвію, Херсонес, Феодосію та Пантикапей. Протилежні напрямки вели до великих лісостепових городищ Наддніпрянщини.

6. Від появи колісного транспорту та розвитку караванної торгівлі це місце мало значення центрального для степів Нижнього Дніпра. Крім системи зручних бродів через розгалуження річищ Дніпра та Конки, саме сюди сходилися найзручніші напрямки руху степовими вододілами. Збудовані на цих вододілах, вздовж трас давніх шляхів, ланцюжки елітних курганів скіфів позначають поховальну периферію цього місця, підкреслюючи його значення. Оскільки цю концентрацію складають найбільші кургани на просторі від Дону до Дунаю, то, відповідно, є підстави вважати, що поселенська структура, до якої вони тяжіють, і є центральною для півдня Східної Європи. Тому цілком логічним є припускати тут існування столиці Скіфії – місця, в якому (чи поблизу нього) знаходилась ставка царів.

7. Наявність біля Капулівського городища носія верховної влади, а також центральних святинь держави гарантували безпечну торгівлю, з іншого боку, присутність царської ставки стимулювала товаропотоки. Кам'янське ж городище виступало як місто з потужними торговельно-ремісничими функціями і було невід'ємною лівобережною частиною свого сусіда-партнера.

Обираючи з цих двох потужних поселенських структур найбільш вірогідного претендента на місце столиці Скіфії, надамо перевагу Капулівці. Ця структура знаходилась на високому правому березі, займала зручний увігнутий бік річкового меандру і була первинною по відношенню до структур лівого берега. В цьому переконають й пріоритети євразійської містобудівної традиції. В Надчорномор'ї правобережні античні міста мають більшу вагу, ніж їх лівобережні сусіди. На Дніпрі всі губернські центри Російської імперії посідають правий берег. На правому березі Яїку (сучасний Урал) знаходилась і столиця Ногайської Орди - Сарайчук. Цікаво, що зі сходу місцевість, де знаходилось городище, була обмежена Яїком, а з заходу його протокою – Сарачинкою [11.–С.583]. Певним чином це перегукується з розташуванням чортомлицького Січового острова (і скіфським селищем на ньому).

Розташування Капулівсько-Кам'янської агломерації на двох протилежних берегах нагадує ситуацію розміщення міст на європейській та азійській частинах Боспору

Кімерійського. Капулівку дислоковано подібно Пантикапею, а Кам'янку відповідно Фанагорії. Фанагорія займала острів, а Кам'янка два півострови. Хоча відстань через заплаву між Капулівкою та Кам'янкою була в 4 рази коротшою, ніж відстань між боспорськими столицями. Причому, як і на Боспорі, обидва береги Дніпровської агломерації супроводжуються поселеннями меншого рівня, розтягнутими на ділянці в півсотні кілометрів.

Хоч обидві дніпровські поселенські структури мали майже симетричну поховальну периферію – були оточені практично рівними за значенням поховальними пам'ятками, все ж Капулівка переважає Кам'янку наявністю Нікопольського курганного поля, яке за рівнем заможності небіжчиків переважає лівобережну Мамай-Гору. Хронологічний діапазон елітних курганів правого берега більше відповідає часу Атея та його спадкоємців.

Певним аргументом на користь правобережної локалізації столиці Скіфії може слугувати й розташування на цьому ж березі (за п'ять днів шляху) культового центру в місцевості Еksamпей.

Капулівка мала ще й економічні переваги перед Кам'янкою, оскільки біля неї були зручні умови для влаштування гавані для невеликих суден. Ця гавань на невеликій протоці мала переваги під час льодоходу, що був загрозою для дерев'яних суден на великій воді.

На сьогодні, зібрання амфорних клейм з Капулівки кількісно та якісно переважає колекцію з розкопок Кам'янського городища. Схоже це ж відбувається і з чорнолаковою керамікою, якої на Кам'янському городищі відомо біля 15 уламків [4.–С.81]. Це свідчить про використання давніми мешканцями Капулівки більш широкого діапазону товарів і, відповідно, підносить їх статус. Велика ж кількість амфорного та монетного матеріалу Капулівки свідчить про істотне економічне піднесення цього центру в другій половині 4 – першій чверті 3 ст. до н.е. А саме стрімке зростання економіки вирізняє столицю від будь-якого іншого міста [12.–С.185].

Таким чином, Кам'янське городище – це частина центрального місця Скіфії, але не його головний елемент. На сьогодні є значні підстави вбачати в Капулівському городищі політичний, адміністративний та економічний центр скіфської кочової держави часів Атея та його наступників.

1. Ольговский С.Я. Социально-экономическая роль Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья. -К., 1987 - С.48-53.
2. Гаврилюк Н.А., Каменское городище и его округа// Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докл. межд. конф. I. –Запорожье, 1989. -С.31-32.
3. Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М. 2000. -280 с.
4. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. – №36. 1954. –237 с.
5. Плешивенко А.Г. Капуловский скифский комплекс // Скифы Северного Причерноморья VII - IV вв. до н.э. -М., 1999. -С.118-121.
6. Плешивенко А.Г. Датировка Капуловских памятников скифского времени по амфорным клеймам // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100- летию Б.Н.Гракова). Ш Граковские чтения. -Запорожье. -1999. -С.204-206.
7. Плешивенко А.Г. Капуловский комплекс скифского времени (по материалам коллекции А.В.Бодянского)// ССПК. –Запори́жжя, 2000. –Т.VIII. -С.222-236.
8. Плешивенко А.Г., Фатеев О.В. Новая коллекция амфорных клейм Капуловского городища // Проблемы истории и археологии Украины. -Харьков. –2001. -С.70-71.
9. Фатеев О.В. Синопский амфорный импорт на Капуловском поселении// ССПК. – Запори́жжя, 2002. –Т.X. -С.174-196.

10. Дровосекова О.В. Материалы эпохи энеолита и бронзового века из с. Капуловка Днепропетровской области // ССПК. –Запоріжжя, 2002. –Т.IX. –С.130-141.
11. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. -М., 2002. –752 с.
12. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов. -М. 1967. –424 с.

Бруяко И.В.

ОБНОВЛЁННАЯ СХЕМА ГАЛЬШТАТСКОЙ ХРОНОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ И ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

-Меткаф, это ваша нога? На которую я наступил?
-Никак нет, сэр. Это, наверное, лейтенанта Шайскопфа.
-Это вовсе не моя нога, - сказал лейтенант Шайскопф.
-Стало быть, всё же моя, - решил майор Меткаф.
-Так уберите её.
-Слушаюсь, сэр. Только сначала вам придётся убрать свою.
А то она стоит на моей.
-Вы предлагаете мне убрать ногу?
-Что вы, сэр! Никак нет, сэр!
-Тогда убирайте вашу и помалкивайте.

Дж.Хеллер «Поправка 22»

В самом кратком виде суть поправки можно сформулировать следующим образом. Как известно, гальштатская хронологическая схема понимается, как схема относительной хронологии, во-первых (размещение соответствующих ступеней (этапов) друг относительно друга), и только, во-вторых, как хронология абсолютная (привязка этих ступеней к летоисчислению до Р.Х.). В периодизации Г.Мюллера-Карпе этапу NaB, который как раз и подвергся наиболее серьёзной корректировке, было отведено 3 хронологические ступени (B₁-B₃). Причём, если для первой и третьей ступеней были приведены убедительные доказательства для их синхронизации с поздней Протовилланова (X в.) и Вилланова II (VIII в.), то фаза NaB₂ выделялась в значительной мере умозрительно поскольку предполагалось, что должен существовать некий промежуточный этап, который бы соответствовал этапу Вилланова I. Полноценного археологического контекста, который мог отчётливо выделять фазу NaB₂ на фоне двух других, явно недоставало. В особенности, «размытой» выглядела грань между фазами NaB₂ и NaB₃.¹

Предпринятый в 90е гг.ХХ в. пересмотр схемы Г.Мюллера-Карпе позволил прийти к следующим выводам. Статус полноценных хронологических фаз для периода NaB необходимо оставить за ступенями B₁ и B₃. Фаза NaB₂, в широком смысле не самостоятельная хронологическая ступень, а некая прослойка, фиксируемая лишь в отдельных, региональных культурно-хронологических срезах. В итоге, фазы NaB₂ и NaB₃ были объединены в одну, которая получила обозначение NaB₂/NaB₃ (NaB₂/B₃). Отмеченная ревизия сопровождалась и пересмотром абсолютных дат для этих ступеней на основе новейших дендрохронологических шкал Центральной Европы. В результате, была установлена верхняя граница для культурного блока Урненфельд (конец фазы NaB₂/B₃), и нижний предел для культур гальштатского круга в Центральной Европе (NaC₁) – рубеж 1й и 2й четверти VIII в.до Р.Х. (778±5 BC [1.–Р.103]).

Как известно, хронология памятников предскифской эпохи в степях Восточной Европы проецировалась на относительную хронологию соответствующих ступеней

¹ Оставалось неясным, следует ли соотносить NaB₃ с Вилланова II, Вилланова I, или с обеими сразу.

гальштатской схемы, с последующей механической подстановкой их абсолютных дат. Поэтому, если мы и в дальнейшем будем так же, с позволения сказать, сугубо «материалистически» обращаться с откорректированной гальштатской хронологией, то нас ожидает масса сюрпризов.

Для начала, удревнение контекста поздней Урненфельд автоматически удревняет и комплекс предскифских (киммерийских) древностей юга Восточной Европы. Затем, произойдёт нечто похожее на цепную реакцию. Вглубь VIII в., следом за HaC₁, устремится раннескифская культура периода РСК-I, во всяком случае, памятники т.н. «переходного» периода, которым уже «тесно» в рамках второй половины-конца VIII в. Из пределов VII в. до Р.Х. выйдет и РСК-2. А потом, может случиться то, что трудно себе даже вообразить. По логике вещей, за двумя старшими этапами, вниз по хронологической шкале должен двинуться и младший – РСК-3. Судьба его, в таком случае, может оказаться поистине трагичной, ибо тогда две группы исследователей с диаметрально противоположными взглядами на хронологию раннескифской культуры будут буквально разрывать этап РСК-3 на части, пытаясь, с одной стороны, обеспечить целостное представление о развитии раннескифских древностей в рамках VII в., а с другой – закрыть брешь первой половины VI в. до Р.Х. Но, и это ещё не трагедия. Впереди проверка на совместимость обновлённых хроноиндикаторов гальштатской (центральноевропейской) схемы и античного керамического импорта – главного хроноиндикатора раннескифских древностей Восточной Европы этапа РСК-3. Трудно представить, чем закончится столкновение «консерваторов» античников и «радикалов», занимающихся варварской периферией.

К счастью, забегая вперёд, скажу, что механическое использование новых дат гальштатской хронологии в ареале раннекочевнических древностей Причерноморья и Предкавказья, не представляется возможным, во всяком случае, пока.

Для начала, нужно отметить, что работоспособность новой схемы проверена лишь на ареале памятников т.н. «классической» Урненфельд, восточную границу которого определяют группы Штильфрид-Подолы и Русе (Штирия, Восточная Австрия, Западная Трансданубия, Юго-Западная Словакия и Южная Моравия [1.–Р.119, anm.70]). То есть, рубежом между «миром Урненфельд» и его восточной периферией остаётся Дунай, там, где он своим течением делит территорию нынешней Венгрии на западную и восточную части (т.н. «дунайская вертикаль», или «дунайское колено»).¹ Далее, для альпийской и смежных с ней областей корректировка относительной хронологии гальштатской схемы проделана почти исключительно на основе погребальных комплексов, обладающих разнообразным металлическим инвентарём. По сравнению с ареалом классической Урненфельд, к востоку от дунайской вертикали ощущается острый дефицит именно таких, богатых погребальных комплексов. То ли этих могильников действительно нет, то ли их плохо искали – в данном случае уже неважно.² Во всяком случае, К.Паре констатирует одну из двух важнейших особенностей Карпатского бассейна, которую поневоле приходится учитывать в хронологических штудиях – отсутствие погребений с богатым бронзовым инвентарём периода младшей Урненфельд – начала железного века (вплоть до HaC). Вторая особенность, которую называет К.Паре для этого региона – глубочайшие культурные изменения («tiefgreifende kulturelle Änderungen») в интересующую нас эпоху [2.–S.359], – на самом деле, тесно связана с первой, точнее даже, является её причиной. В итоге, исследователь с сожалением констатирует наблюдаемый во многих районах

¹ Совершенно аналогичная ситуация складывается в эпоху классического Гальштата. Восточной границей между «миром Гальштата» и блоком гальштаттизированных культур Карпато-Подунавья вновь выступает дунайская вертикаль.

² В качестве курьёза, но курьёза объективно присутствующего, напомним, что хронология одной из базовых культур общности «орнаментированного гальштата» – Инсула Банулуй – строится на находках трёх (!), более или менее диагностичных вещей, обнаруженных к тому же, в культурном слое.

Карпатского бассейна дисконтинуирует в депонировании бронзовых артефактов, затрудняющий построение относительной хронологии. Поэтому, для проверки работоспособности новой схемы в Карпато-Дунайском регионе предлагается использовать два других вида источников – клады и керамику. В первом случае, ещё предстоит выяснить важный процедурный момент, а именно, каким образом привести в соответствие толщину хронологического среза кладовой находки с инвентарём отдельно взятого погребения (могильника). Что касается керамики, то здесь ситуация ещё сложнее. Во-первых, необходимо учесть, что большинство коллекций происходит опять-таки из раскопок поселений. Во-вторых, относительная хронология этой керамики, будь то культуры т.н. позднегавского круга, или «орнаментированного гальштата» – разработана плохо. В-третьих, пока не совсем ясно каким образом созданную в обозримом будущем относительную хронологию керамических комплексов культур Карпато-Подунавья можно будет проецировать на новую схему альпийского региона, в основе которой, опять-таки, лежит корреляция металлических изделий из многочисленных могильников.

Как бы там ни было, но пока в основе относительной хронологии Карпато-Подунавья лежит соотношение различных групп кладов, разбитых на ступени («Depotfundstufe» – DFS). Состав кладов каждого горизонта сопоставляется с хроноиндикаторами гальштатских ступеней, и, таким образом, каждая DFS приведена в соответствие с откорректированной гальштатской схемой – **DFS IV** – HaB₁ (1050/1020 – 950/920 BC); **DFS V** – HaB₂/B₃ (950/920 – 800 BC); **DFS VI** – HaC₁ (от 800 BC → ? [2.–S.405, Tab.5]).¹

Методическую корректность сопоставления этих двух групп разнотипных источников, как уже отмечалось, ещё предстоит доказывать. Однако, иного выхода, похоже, действительно нет, поскольку, говоря об отсутствии могильников в Карпатском бассейне периода DFS IV/V, с одной стороны, с другой необходимо отметить крайне малое число кладов этого же периода в альпийском (точнее даже в восточноальпийском) регионе. Такое соотношение полностью соответствует той закономерности, которую подметил В.С.Бочкарёв и которую можно выразить следующей оппозицией: «Есть клады – нет погребений (могильников). Есть погребения – нет кладов». Эту фразу, быть может, не в таком радикальном виде (но, по сути, верно), неплохо иллюстрирует следующая таблица, составленная по данным К.Паре.

Как бы то ни было, но Карпато-Дунайский бассейн оказался «привязанным» к новой гальштатской схеме. На мой взгляд, этот шаг кажется явно преждевременным. По-видимому, такая поспешность объясняется вполне понятным желанием решить всё и сразу! Однако, трудно оспорить тот факт, что региональная хронология каких-то вещей может и не совпадать. Достаточно очевидно, к примеру, что в восточной части Карпатского бассейна – явной периферии общности Урненфельд – отдельные предметы могли использоваться (храниться) дольше, чем в основном ареале, где смена типов этих изделий зачастую определяет их реальный, хронологически наиболее короткий период бытования и выход из употребления. В связи с этим, вполне резонным кажется замечание Т.Кеменцеи о том, что смена культуры Урненфельд раннегальштатской, отнюдь не обязательно должна была происходить одновременно во всех районах. Этот общий тезис Т.Кеменцеи подкрепляет конкретными ссылками на ряд комплексов, в т.ч. открытых недавно, которые свидетельствуют о том, что вещи периода Урненфельд продолжают бытовать и в раннегальштатское время [3.–S.243-244]. Поэтому, полагает Т.Кеменцеи, использование термина «раннегальштатское время» для VIII в.до Р.Х. справедливо лишь там, где образование гальштатской культуры уже началось [3.–S.236].

О том, что не всё так просто, можно судить и по известной неуверенности, которая временами заметна среди самих инициаторов данной хронологической ревизии. Весьма

¹ Нетрудно заметить, что с определением верхней даты DFS VI, возникли вполне ожидаемые трудности. По схеме К.Паре, она теряется в актуальной бесконечности VII в.до Р.Х.

любопытен в этом отношении эпизод, связанный с датировкой, теперь уже знаменитого клада из Прюдь. Три исследователя, активно обосновывающих новую схему и, можно сказать, стоявших у истоков рождения самой идеи, не могут определиться с относительной датировкой этого северовенгерского клада. Г.Коссак последователен в абсолютных датах и, по-прежнему датирует Прюдь IX в.до Р.Х. Однако, в рамках относительной хронологии помещает клад уже в раннегалыштатский период [4.–S.63]. К.Паре придумал для клада совершенно громоздкую конструкцию в виде некой фазы «пра-НаС₁» [5.–P.14]. В.Торбрюгге датирует Прюдь позднеурненфельдским временем [6–S.442]. Для полноты картины, отметим и таблицу, составленную Л.Метцнер-Небелсик, ещё одним последователем новой хронологии, в которой Прюдь помещён в конец фазы НаВ₂/В₃ [7–S.102-103, Abb.1].

Изобилие хроноиндикаторов в альпийской области, при явном избытке огромных могильников, безусловно, окрыляет. Ареал, в котором корреляция подобных комплексов абсолютно корректна и безупречна, становится тесным. Хочется большего – распространить действие алгоритма на другие, более удалённые районы. Однако, по мере такого распространения, число этих безупречных для альпийского района хроноиндикаторов начинает стремительно сокращаться. В итоге, на границе Карпатского бассейна и Понтийской области количество таких хроноиндикаторов фактически равно нулю. По мере продвижения на восток, привычная почва явно уходит из-под ног К.Паре, и над судьбами населения Карпато-Дунайского района конца II- нач.I тыс.до Р.Х., он предлагает размышлять, уже опираясь на хронологию фибул и анализ собственно керамики [2.–S.413]. И, неудивительно, что клад из Фюгёд – важнейший комплекс, определяющий одновременно финал «фрако-киммерийского» горизонта и начало галыштатской культуры [8.–P.183] – в абсолютных датах новой схемы помещается почти там же, где и был в старой. Неизменной осталась и нижняя дата культуры Басараби – 800 г.до Р.Х. [2.–S.422]. Не потому ли, что на ранней ступени развития этой культуры ощущается явный недостаток металлических хроноиндикаторов?

Можно ли, в такой ситуации, механически сдвигать вниз по хронологической шкале предскифские комплексы юга Восточной Европы, учитывая, что их привязка к галыштатской схеме в большинстве случаев проводилась по контексту находок времени поздней и младшей Урненфельд? Вопрос далеко не праздный, ибо радикализм новой хронологии уже овладевает лучшими умами Восточной Европы (см.напр. [9.–124-125, 202].

После того, как произошло объединение ступеней НаВ₂ и НаВ₃ в одну и смещение её почти целиком в IX в., возникает вопрос о хронологических рамках древностей классического Галыштата, в частности, фазы «С», которая в схеме Г.Мюллера-Карпе занимала VII в.до Р.Х. (НаС₁-НаС₂). Теперь, ступень НаС выведена в VIII в. и располагается там, где и должна находиться «по законам жанра» – следом за младшей Урненфельд, т.е. после даты 778±5 ВС. Однако, за фазой «С» остался и VII век. Поскольку, вместо столетия, НаС теперь охватывает почти два, то модернизирована и прежняя двухступенчатая градация этой фазы. Ступень НаС₁ отныне делится на раннюю (НаС₁/«frühe») и позднюю (НаС₁/«späte»). Рубежом между ними является дата 720 ВС. При этом, НаС₁ нельзя считать полноценной фазой, универсальной для всего ареала классической галыштатской культуры поскольку выделяется она, пока лишь для западногалыштатского ареала. А, кроме того, археологическое содержание этой ступени (речь идёт опять-таки о могильниках) в количественном отношении явно уступает предшествующей (НаВ₂/В₃) и последующей (НаС₁/«späte») фазам [1.–Pare Ch.,1996, P.111). Таким образом, в методическом отношении процедура выделения раннего НаС₁ очень напоминает ситуацию, при которой появилась фаза НаВ₂ в схеме Г.Мюллера-Карпе. Видимо, ранний НаС₁ – это всё же ещё не «классический» Галыштат. Некий переходный статус этой ступени подтверждается тем, что опорные комплексы рубежа

НаВ/С (по схеме Г.Мюллера-Карпе), дабы избежать известного риска, помещают в фазу позднего НаС₁, т.е. примерно после 720 ВС. Это, фактически сводит к минимуму разницу при абсолютном датировании по схеме Г.Мюллера-Карпе и её новому, откорректированному варианту.¹ Уже упоминавшийся клад из Фюгёд, сочетающий в себе материалы раннего гальштата (НаС) и поздние вещи фрако-киммерийского горизонта (конец НаВ₃ по схеме Г.Мюллера-Карпе), наглядно демонстрирует тот факт, что статус НаС₁ («frühe») не вполне ясен и для убеждённых сторонников новой гальштатской схемы. Дело в том, что на синхронистических таблицах, Фюгёд помещается на рубеже НаС₁ («frühe») и НаС₁ («späte»), т.е. около 720 г.до Р.Х. [7.–Р.102-103, Abb.1]. Таким образом, видно, что по сравнению с прежней хронологической позицией клада (ок.700 г. [8.–Р.191:193]) произошло лишь его незначительное смещение вниз по хронологической шкале. По всей вероятности, археологическое содержание ступени НаС₁ («frühe») для Карпатского бассейна остаётся совершенно неясным, во всяком случае, пока.

В итоге, мне кажется, что нет нужды торопить события и немедленно переносить трафарет новой центральноевропейской схемы на памятники пред- и раннескифского периода юга Восточной Европы. Для начала, как минимум, необходимо выяснить степень корректности этой схемы для карпато-дунайского бассейна.

И всё же, трудно избежать искушения фразой «А, что если...». Иными словами, чем может «грозить» откорректированная схема хронологии Центральной Европы для древностей эпохи ранних кочевников восточноевропейских степей?

В качестве примера, возьмём погребальные памятники предскифского периода. Хронология культур лесостепных районов Молдавии и Украины тесно связана с развитием во времени орнаментированных керамических комплексов гальштаттизированных культур Карпато-Подунавья, об очевидных проблемах которых, связанных, прежде всего, с синхронизацией с новой альпийской схемой, было сказано выше.

Прежде всего, становится совершенно очевидным, что первые восточные импульсы, донесшие элемента материальной культуры ранних кочевников до Центральной Европы теперь необходимо будет датировать более ранним временем. До сих пор считалось, что впервые такие трансляции фиксируются в контексте древностей НаВ₂ (по Г.Мюллеру-Карпе). Этим событиям, в Восточной Венгрии непосредственно предшествовал горизонт кладов типа Хайдубёсермень позднего бронзового века (BVla по А.Можолитч), который сейчас располагается в НаВ₁ (X в.до Р.Х.). Причём, верхняя граница этого горизонта (DFS IV), куда входит и Хайдубёсермень, находится около 950/920 гг. [1.–Р.119]. В таком случае, сторонники центральноазиатского происхождения культуры ранних кочевников Евразии, получают независимое основание для того, чтобы датировать доаржанскую (по Н.А.Боковенко) фазу, а быть может, и сам Аржан, ещё X в.до Р.Х.

Учитывая, что финал «фрако-киммерийского» горизонта по-прежнему размещается где-то ближе к концу VIII в. (конец НаВ₃ или начало НаС₁ «späte»), хронология предскифских древностей юга Восточной Европы растягивается на два с лишним столетия. Смена предскифской культуры раннескифской, по-прежнему приходится на конец VIII в.до Р.Х.

Дальнейший сценарий развития событий, уже в рамках VII в., пока остаётся без изменений.

¹ Можно ли назвать эту новую схему – схемой К.Паре? Во всяком случае, сам К.Паре довольно часто употребляет фразу «моя система», «мои результаты» [2.–S.381-382, 384]

Количественное распределение кладов в альпийско-карпатском регионе

СТУПЕНЬ	АРЕАЛ		
	СЗ Балканы и ЮВ Альпы	СВ Альпы (Австрия, Моравия)	Карпаты (Словакия, Венгрия, Румыния)
DFS IV	25 (в т.ч. 24 с территории бывш. Югославии)	31	111
DFS V	12 (в т.ч. 11 с территории бывш. Югославии)	20	24
DFS VI	13 (в т.ч. 8 с территории бывш. Югославии)	2	61 (в т.ч. 19 с территории бывш. Югославии) ¹

1. Pare Ch.F.E., Chronology in Central Europe at the end of the Bronze Age//Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500-500 B.C. (Acta Archaeologica vol.67) København, 1996. – P.99-120.

2. Pare C.F.E., Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa. Teil I. Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11-8 Jahrhundert v.Chr.) // Jahrb.RGZM. 1998. 45. Jahrg.. 1999. – S.293-433

3. Kemenczei T., Zum früheisenzeitlichen Pferdegeschirr in Mitteleuropa//AAH. T.LI. fasc.1-4. – 2000. – S.235-247

4. Kossack G. Mitteleuropa zwischen dem 13. und 8. Jahrhundert// Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. (Monographien RGZM 35). 1995. – S.3-64

5. Pare Ch., Swords, Wagon-Graves and the beginning of the Early Iron Age in Central Europe. Marburg, 1991.

6. Torbrügge W., Die frühe Hallstattzeit (HaC) in chronologischen Ansichten und notwendige Randbemerkungen. Teil II. Der sogenannter östliche Hallstattkreis // Jahr.RGZM. 1992. 39. Jahrg. 1995. – S.425-614.

7. Metzner-Nebelsick L. Vom Hort zum Heros – Betrachtungen über das Nachlassen der Hortungstätigkeit am Beginn der Eisenzeit und die besondere Bedeutung des Königsgrabes von Seddin // Gaben an die Götter. Schätze der Bronzezeit Europas. Bestandskataloge. Bd.4. Berlin, 1997. – S. 93-99.

8. Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. – Krakow, 1993.

9. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. (Степные народы Евразии. Т.II). – М., 2001.

Буйских С.Б.

ОЛЬВИЯ И ВАРВАРЫ В VI-V ВВ. ДО Н.Э.

(НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)

Среди важнейших направлений исследований античных государств Северного Причерноморья, в особенности для эпохи греческой колонизации, по праву находится и проблема их взаимодействия с окружающим варварским миром. В применении к одному из

¹ Одновременное присутствие районов бывшей Югославии в двух колонках объясняется «неудобным» расположением этой страны, в результате чего, здесь могут находиться клады, относящиеся к двум географическим ареалам, отмеченным в таблице.

регионов колонизационного процесса на северопонтийском побережье – Нижнему Побужью – оценка греко-варварских контактов и связей для конца VII – начала V вв. до н.э. сводится к трем основным позициям. Это: 1) полное их отрицание [Лапин, 1966]; 2) признание варварского влияния на различные стороны жизни греческих колонистов, однако не более чем пассивного и не имевшего определяющего значения [Русяева, Скржинская, 1979; Отрешко, 1981; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Русяева, 1994; Крыжицкий, 1994; 2001]; 3) отведение т.н. «местному» населению существенной роли в жизни и культуре ранних Березани, Ольвии и сельских поселений Нижнего Побужья [Копейкина, 1981; Марченко, 1988; 1991; 1999; Марченко, Доманский, 1999; Соловьев, 1998; 1999; 2000] вплоть до подавляющего физического присутствия «туземцев» в регионе в определенные периоды.

Как известно, приверженцы последней концепции основывают свои построения не на комплексности источников, а на гиперболизации только отдельных их видов. К ним, в первую очередь (как для VI-V, так и для V-IV вв. до н.э.) они относят *лепную керамику* и углубленные в землю жилища – *землянки и полуземлянки*, а также *материалы некрополей* [Марченко, 1999.- С.162-164], где они находят «ощутимые» элементы варварского обряда и инвентаря. Особый упор в последней группе делается на погребения с оружием скифского типа.

Возьмем первый столп этой «варварологической» триады. Как представляется, при современном состоянии науки использовать лепную керамику [Марченко, 1974; 1976; 1980; 1987; 1988; 1991; 1995; Виноградов Ю.А., 2002] в качестве безусловной носительницы исключительно варварского этноса на каждом античном поселении и в каждом лепном обломке непременно видеть факт физического присутствия там варваров, по меньшей мере, тривиально. Назрело время прислушаться к мнению тех исследователей, которые не признают лепную керамику в качестве абсолютно стерильного этноопределителя варваров в условиях античного памятника. Важно отметить, что они допускают и находят в комплексах лепной посуды с самого раннего времени наличие и греческой продукции [Онайко, 1980.-С.89-90; Отрешко, Гаврилюк, 1982.-С. 89; 1998.-С. 17; Снытко, 1990; Крыжицкий и др., 1999: 84].

В отношении второй группы источников следует со всей определенностью сказать, что на базе большого фактического материала в литературе уже давно аргументированно доказано, что земляночное строительство на Березани, в Ольвии и на сельских поселениях Нижнего Побужья велось не варварами, а греческими колонистами [Лапин, 1966; Крыжицкий, Русяева, 1978; Крыжицкий, 1982; 1993; 2001; Мазарати, Отрешко, 1987; Крыжицкий и др., 1989; 1999; Buiskich A., Buiskich S., 2000]. Аналогичные с нижнебугскими, земляночные структуры открыты теперь во всех регионах Северного Причерноморья, где также соотносятся с греческими переселенцами, а не с варварами [Охотников, 1990; Золотарев, 1988; Кутайсов, 1990; Алексеева, 1991; 1997; Толстиков, 1992; Виноградов Ю.А., 1992; 1999; Бутягин, 1999; 2001; Виноградов, Рогов, 1997; Зинько, 1998].

Тем не менее, как показывают работы С.Л. Соловьева, можно полностью игнорировать эти неопровержимые факты и продолжать вновь и вновь отыскивать вездесущих варваров во всех землянках Нижнего Побужья архаического времени [Соловьев, 2000; 2000а; Solovev, 1998; Solovjov, 1999]. Аналогичным образом обстоит дело и с третьей группой источников. В ольвийском некрополе, пожалуй, не осталось ни одного признака погребального обряда и ни одной категории погребального инвентаря, которые бы не занесли в «варварские», причем наиболее массовые категории находок – греческая посуда и украшения объявляются нейтральными и вообще не учитываются при установлении этноса погребенных [Бессонова, 1991]. И это, несмотря на то, что появились исследования как по городскому ольвийскому некрополю архаического времени, так и по синхронным некрополям сельской округи [Козуб, 1987; Скуднова, 1988; Липавский, Снытко, 1990; Снытко, Липавский, 1990], в которых убедительно показан греческий характер этих памятников.

Что касается погребений с оружием в некрополе Ольвии VI – V вв. до н.э., то еще более сорока лет назад на основе всей суммы характеризующих их признаков был сделан авторитетный и не потерявший своей актуальности вывод о том, что «эти могилы принадлежат греческому населению» [Скуднова, 1960.-С.72]. Однако, ряд исследователей продолжает находиться в плену ошибочных и устаревших представлений [см. например, Книпович, 1940; 1941; Капошина, 1950]. В силу этого данная группа источников по-прежнему используется либо как доказательство смешанного характера населения ранней Ольвии [Ильинская, Тереножкин, 1983; Бессонова, 1991; Ольховский, 1991], либо как прямое свидетельство выразительного варварского (скифского) влияния на сложение комплекса ольвийского вооружения архаического времени [Мелюкова, 1964; Черненко, 1979; 1981; 1985; 1986].

Действительно, находки в Ольвии и на поселениях ее хоры рассматриваемого времени включают преимущественно набор типично скифских видов оружия. Это – мечи-акинаки, копья, дротики, лук и стрелы [Буйских, 1987; 2001; Назаров, 1988; 1994]. Однако (как для Ольвии, так и для Северного Причерноморья в целом) подмечена существенная особенность находок подобных предметов вооружения [Виноградов Ю.А., 1996]. Она состоит в том, что, если в материалах античных некрополей преобладают мечи и другие элементы оружия скифского типа, то для культурного слоя городов и поселений более типичны находки греческого оружия – фрагментов ксифосов, махайр, копий, щитов и т.д. [Черненко, 1977; 1984; Русяева, Черненко, 1980; Крыжицкий и др., 1989; Русяева, Назаров, 1994; Назаров, Соловьев, 2000; Черненко, Лейпунская, 2001]. В целом, материалы некрополей, по мнению Ю.А. Виноградова, показывают «явно деформированную картину характера вооружения граждан северопричерноморских апоекий» [1996.-С. 58].

Эту дилемму недавно, на наш взгляд, удачно удалось разрешить В.А. Папановой (2002) в ее работе о семантической роли оружия в античных погребениях. Как убедительно показала исследовательница, варварское оружие – оружие неприятеля – в греческие могилы клали с целью оберега, вкладывая в это сакральный смысл защиты не только мертвых, но и живых, от душ их врагов. Распространив этот важнейший вывод на ольвийские погребения с оружием VI – V вв. до н.э., можно сказать, что, проблема их этнической атрибуции получила дополнительное и немаловажное подтверждение в пользу греческого населения. Теперь достаточно уверенно можно говорить о том, что оружие скифских типов колонисты использовали для погребального обряда, а в реальной обстановке они применяли преимущественно греческое оружие [Виноградов Ю.А., 1996].

В этом плане весьма важным, высокоинформативным и полноценным, но пока еще мало привлекаемым источником для подтверждения этого и установления особенностей военного дела Ольвии архаического времени (помимо собственно находок фрагментов оружия) являются граффити с изображением воинов или предметов вооружения [Bujiskikh, 1999].

Этот источник, по нашему мнению, наиболее аутентичен и объективен, так как реально отражает и общий облик воина-колониста, и то, какие же типы оружия применялись в ольвийском ополчении. И здесь первенство будет исключительно за греческой паноплией. Об этом свидетельствует серия граффити VI-V вв. до н.э. из раскопок Березани [Лапин, 1961; Назаров, Назарчук, 1998] и Бейкуша [Буйских, 1987; 2001; 2002; Bujiskikh, 2001] с изображением гоплитов в полном боевом снаряжении. Данные граффити позволяют реконструировать весь набор как наступательного (двулезвийный меч-ксифос, копье), так и защитного (круглый т.н. «аргосский» щит, шлемы коринфского и аттического типов, панцирь, кнемиды) вооружения ольвиополитов. Дополняют эти важнейшие иконографические данные и граффити того же времени с изображением отдельных видов оружия – ксифоса и однолезвийного меча – махайры из Бейкуша [Русяева, 1971; 1979], части лофоса и фрагмента тульи шлема с Березани, а также более позднее граффити в виде головы воина в шлеме из Ольвии [Назаров, Крапивина, 1997].

В заключение укажем, что зачастую находки наконечников стрел т.н. «скифского» типа в городских слоях и некрополе Ольвии, равно как и на поселениях ее хоры и сельских некрополях, используют либо как наглядную иллюстрацию факта влияния скифского военного дела [Блаватский, 1954.-С. 79; Черненко, 1981.-С. 134-135], либо как свидетельство присутствия варваров в составе населения полиса [Капошина, 1950; 1956; Яценко, 1959; Мурзин, 1984.-С. 43-45; Гребенников, 1989]. На наш взгляд, это методически неоправданно в силу того, что упомянутые наконечники в рассматриваемое время активно использовались в Северном Причерноморье как скифами, так и греками [Завойкин, 1998.С.79], а в более широком ареале – и многими другими (кочевыми и оседлыми) племенами и народами [Andraschko, 1996.S. 228-229], в т.ч., что особенно важно отметить, и греками метрополии (см., например, Snodgrass, 1964.-P. 153; Erdmann, 1973; Reinholdt, 1992; Kunze-Götte, Tancke, Viernseis, 1999).

По той же причине нельзя спекулировать подобными находками и в других целях. Дело в том, что в качестве одного из главных аргументов они привлекаются при обосновании реальности для начала V в. до н.э. т.н. «натиска скифов», «скифской экспансии», «скифской военной угрозы» и т.п. [Доманский, Марченко, 1975; Марченко, 1980; Виноградов, 1980; Виноградов, Доманский, Марченко, 1990], вплоть до существования «скифского протектората» над Ольвией [Виноградов, 1981; 1983.С. 400; 1989.С. 90 сл.; Марченко, 1993]. Для подтверждения этих тезисов из публикации в публикацию уже много лет подряд (каждый раз со все большим элементом нагнетания) кочуют одни и те же «сраженные скифскими стрелами» ольвиополиты и березанцы, а вместе с ними – и собака из поселения Большая Черноморка-2 [Виноградов, 1981.-С. 138; 1989.С. 86-87; Марченко, 1999.-С. 147; Соловьев, 2000.С. 103-104]. В связи с этим следует сказать, что в литературе уже справедливо отмечался во многом надуманный характер подобных построений, противоречащих реальным фактам [Буйских, 1986.С.21; Крыжицкий и др., 1989.С. 95; Крыжицкий, 2001.С. 31].

Вышесказанное достаточно определенно свидетельствует о том, что степень заимствования греческими колонистами Нижнего Побужья скифского оружия функционально была минимальной, если на раннем этапе она вообще могла иметь место. Судя по всему, ионийские греки перенесли с собой в новый регион весь комплекс необходимого вооружения и связанных с ним тактических принципов, сложившихся к моменту начала колонизации еще в метрополии [Русяева, Назаров, 1994.-С. 51].

Попутно заметим следующее. Как показывают последние исследования, стойкие традиции метрополии, а не «местные» воздействия, прослеживаются во всех сферах материальной культуры греческих колонистов Нижнего Побужья, не говоря уже о духовной [Русяева, 1990; 1992]. Так, следы варварских влияний практически не обнаруживаются, например, в античном ремесленном производстве региона в VI-V вв. до н.э. В первую очередь, это касается бронзолитейного и ювелирного дела [Денисова, 1994; Островерхов, 1994; Трейстер, 1998; Treister, 1998]. Полностью отличный от скифского характер имело здесь и сельское хозяйство, прежде всего, земледелие [Pashkevich, 2001; Пашкевич, 2002] и животноводство [Журавлев, 1993; 1998; Žuravlev, 1999]. Ряд подобных характерных наблюдений можно было бы продолжить и дальше, однако в задачу настоящего сообщения не входит, изучение под этим углом зрения всех сторон жизни греческих колонистов Нижнего Побужья. Это – тема отдельного специального исследования.

Таким образом, мы рассмотрели три основных вида источников, используемых обычно в качестве оснований для размещения т.н. «представителей» или «выходцев» из племенного мира Степи и Лесостепи в Нижнем Побужье. Как видим, настойчивое желание некоторых исследователей заселить Березань, Ольвию и густую сеть других античных поселений региона «значительным варварским компонентом» приходит в прямое противоречие с реальными свидетельствами культуры и быта греческих колонистов. Явно односторонний подход к составлению этнокультурной (а также, этносоциальной) моделей

Нижнего Побужья в VI-V вв. до н.э. приводит к максимализации и настоящему обесцениванию одних привлекаемых источников и намеренному замалчиванию других. В итоге – историография обильно заполняется далекими от реальной действительности историческими реконструкциями, настолько отражающими, в основном, лишь субъективное мнение их авторов, что впору говорить не о Великой греческой колонизации, а о некоем всплеске на северопонтийских берегах колонизации варварской. Последняя же, как известно, в истории не засвидетельствована.

На наш взгляд, давно устоявшиеся концепции по рассматриваемой проблеме требуют значительной корректировки и критического пересмотра имеющейся источниковедческой базы. Решение столь важного и специфического вопроса как греко-варварское взаимодействие в регионе, в т.ч. выяснение глубины взаимовлияний двух культур, а тем более – установление реального участия т.н. «местного населения» в основании, становлении и развитии греческих апоикий – является весьма сложной задачей. Поэтому, чтобы быть успешным, оно должно базироваться на привлечении всех в совокупности (а не выборочных) данных, накопленных на сегодняшний день в ходе исследования Нижнего Побужья. Только тогда тема «Ольвия и варвары», возможно, откроется нам более близкой к истине стороной, чем та, которую мы имеем возможность видеть сейчас.

Былкова В.П.

ПРЕДМЕТЫ САРМАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ЛЮБИМОВСКОМ ГОРОДИЩЕ (РАСКОПКИ 1988-1990 ГГ.)

Присутствие сарматского компонента в составе позднескифской культуры Нижнего Днепра фиксировалось при анализе материалов могильников [1; 2.]. Что же касается городищ, то отмечалось, что почти ничего специфически сарматского в быту их населения не выявляется [3.-С.243]. Наиболее выразительные материалы демонстрируют раскопки на Золотой Балке, где найдены цилиндрические курьельницы – целая и фрагмент, два фрагмента кувшинов с зооморфными ручками, а также лепной сосуд с тамгообразными знаками и фрагмент зеркала [4.-С. 135-136, 197, 214, 216]. Охранные раскопки 1988-1990 гг. на левобережном Любимовском городище, где сарматские изделия прежде не выделялись, выявили несколько находок, которые обычно рассматриваются как этнические индикаторы непосредственного присутствия сарматов [5.-С.239].

Городище расположено на западной окраине с.Любимовка Каховского р-на Херсонской обл., ныне – на берегу Каховского водохранилища, до его строительства – на берегу р. Конки. Первые раскопки провела И.В.Фабрициус в 1926, 1927, 1929 гг., (коллекции хранятся в фондах Херсонского краеведческого музея, №№ ХЕМ-а-487-979), затем в 1951 и 1952 г.г. на памятнике работал Любимовский отряд Бериславской экспедиции ИА АН УССР под руководством Л.Д.Дмитрова [6], работы В.Н.Даниленко 1972 г. в отчетной документации не представлены, в 1978 г. охранные раскопки на городище проводила экспедиция “Славутич-1” под руководством В.М.Зубаря [7]. Раскопами экспедиции Херсонского краеведческого музея (далее – ХКМ) под руководством М.И.Абикуловой в 1988-1990 гг. открыто 338 м², обнаружены постройки двух строительных периодов и зольник [8., 9, 10]. Полевая документация и коллекции хранятся в фондах ХКМ и были предоставлены для работы начальником экспедиции, которой я благодарна за разрешение публикации.

Два раскопа заложены М.И.Абикуловой на интенсивно разрушающемся берегу в северо-восточной и северо-западной частях городища, в 1990 г. основной Береговой раскоп соединился с раскопом 1978 г. Автором последних раскопок уточнена стратиграфия, выделены два слоя и строительные остатки, относящиеся к двум строительным периодам. Мощность культурного слоя составляет 1,3 м. Строительные остатки выявлены только в основном раскопе, оба периода застройки характеризуются использованием камня

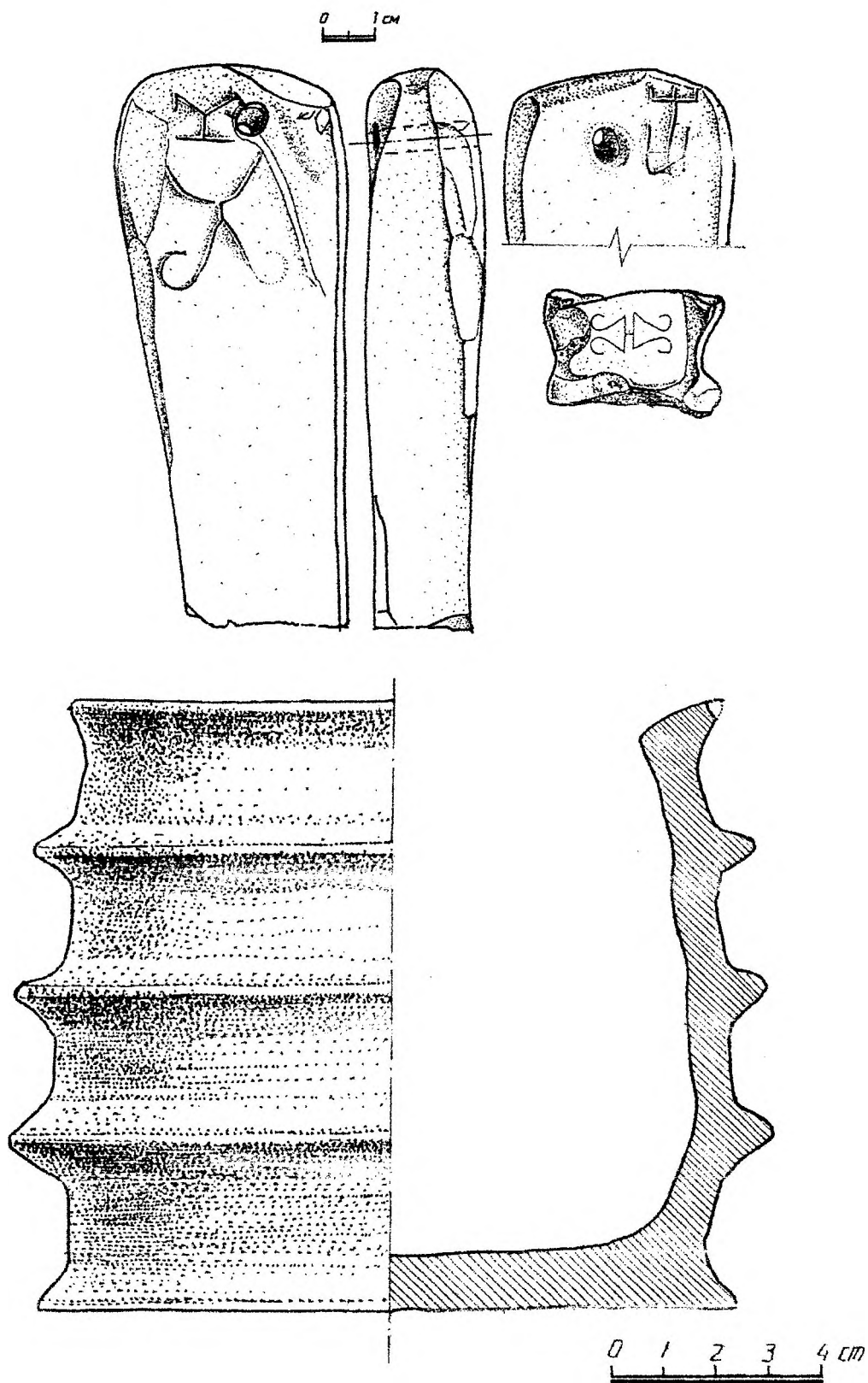

Рисунок выполнен С.А.Дяченко, Херсонский краеведческий музей.

(обнаружены остатки кладок, вымосток, очага), найдены также хозяйственные ямы. Датировка первого строительного периода - (II?) I в. до н.э. - I в. н.э., второго периода - от конца I до конца II вв. н.э., М.И.Абикулова использовала в качестве хроноиндикаторов фрагменты амфор и краснолаковой керамики. Предлагаемые к рассмотрению артефакты сарматского облика (Рис.) обнаружены на разных участках одного Берегового раскопа, заложенного в северо-восточной части городища. Ниже приводится описание предметов с указанием места находки и номера музейного хранения.

В 1989 г. в восточной части Берегового раскопа был обнаружен зольник, доследованный в 1990 г. Он представляет собой сброс золы в восточную балку со стороны западного склона, продолжавшийся на протяжении всего времени существования поселения. Длина открытой части зольника – 8 м, ширина – 4,6 м, глубина – 3,7 м. Среди около 500 находок (без учета костей) из золистого заполнения балки на уровне предматерикового и начала материкового слоя были обнаружены пять фрагментов лепной курильницы, одна сторона которой сохранилась практически полностью, сосуд отреставрирован, № ХКМ-а-9026/553. Курильница лепная сероглиняная цилиндрическая ребристая, слегка сужается в верхней части. Венчик отогнут не горизонтально, а под углом, край его на кончике сколот. На корпусе выделены три ребра. Дно представляет собой плоскую подставку и его выступ уравнивает ребристость корпуса. Диаметр венчика внешний – 12,6 см, внутренний – 9,6 см, ширина венчика восстанавливается 1,8 см, диаметр дна – 13 см, высота курильницы 11,9 см. Толщина стенок 0,8 см, ребра выступают на 0,7 см, толщина дна 1 см. Ребра заостряются, слегка округлены только на самом кончике. Поверхность заглажена, керамическое тесто не содержит крупных включений, обжиг ровный. Внутренняя поверхность курильницы носит следы огня, что скорее связано с ее использованием, но может объясняться и воздействием пожара.

По мнению автора раскопок, эта часть заполнения зольника формировалась в течение I в. н.э. Кроме фрагментов амфор, в том числе, вторичного использования, вместе с кусками курильницы найдена многочисленная (более 100 фрагментов) лепная керамика – фрагменты горшков, крышек, лощеных мисок зарубинецкого типа с выделенным ребром, двух лощеных корчаг гето-фракийского облика, орнаментированных рельефными валиками (на одном – горизонтальный валик с опущенным краем, на втором – дуговидный), обломки одной жаровни, а также шесть фрагментов сероглиняных сосудов и два – краснолаковых. Курильница вполне могла использоваться одновременно с ними и попасть в общий мусор, поскольку найдены только несколько ее фрагментов. В этом случае она должна относиться к первому строительному периоду, вероятнее, ко времени его завершения, и принадлежать жителю городища.

Сам тип подобных курильниц распространен в сарматской культуре и относится к этноиндикаторам [11.-С.172]. И.И.Гушина указывала, что находки курильниц с ребристой поверхностью встречаются в сарматских погребениях II-III вв. [12.-С.46-47]. Полная аналогия не обнаружена, самая близкая – это курильница из постройки № 38 на городище Золотая Балка, где с ней вместе найдены фрагменты амфор с двустольными ручками I в. до н.э. - I в. н.э., лепная посуда, обломки жаровни и очажной подставки, красноглиняный унгентарий [4.-С.53, рис. 28, 1]. В Золотобалковском могильнике ребристая курильница найдена во входной яме катакомбы с мужским и женским погребением I-начала II в. н.э. [2.-С.19-22]. Курильницы рассматриваемого типа являются редкой находкой не только на Нижнем Днепре, но и в позднескифских памятниках Крыма [13.-С.226-227]. Чаше эти курильницы имеют по два выступа на тулове подобно сосуду из Золотой Балки. По размеру сосуда и количеству выступов аналогией является находка из сарматского погребения у с. Баштетки I в. н.э. [14.-рис. 1, 6].

В 1990 г. в золистом слое второго строительного периода найден каменный оселок с тремя тамгообразными знаками, процарапанными в районе отверстия на двух поверхностях - № ХКМ-а- 9026/ 565. В этом квадрате был найден разнообразный керамический мусор, включая фрагменты средневековой керамики с поливой, выделяется нижняя часть

светлоглиняной амфоры с маленькой ножкой на узком поддоне второй трети I-первой половины II вв. н.э. [14.-тип В; 15.-рис. 2, 9]. Оселок, прямоугольный в сечении, изготовлен из желтоватого песчаника, поверхность частично заизвесткована. Три знака на оселке различны, но все относятся к сложным двусоставным [17.-С.83]. Один из них принадлежит к типу № 192 в сводной таблице Э.И.Соломоник [18.-С.169]; черточка закругления в районе отверстия тоньше и менее глубоко врезана, чем остальные линии, более вероятно, что, она сделана непреднамеренно и не имеет отношения к знаку. Аналогичные знаки распространены в Северном Причерноморье, из датированных памятников он представлен (возможно, дважды) на плите I в. н.э. из Керчи при вторичном ее использовании, среди беспорядочно разбросанных знаков и рисунков, имеющих элементы совпадения и с двумя другими изображениями, представленными на рассматриваемом оселке [18.-С.99, № 44, общая табл. – № 192, № 63]. На мраморном ольвийском льве № 1 имеются оба варианта изображения – с ломаными линиями и с закруглением с одной стороны [19.-табл. IV, 249; табл. VII, № 504]. Второй знак, расположенный на оселке ниже первого, имеет бо́льший размер, в данном составном виде встречается редко, а отдельно его части хорошо известны, например, в группах из пещеры Ак-Кая и на находках из Ольвии [18.-С.113-123]. Наибольшее сходство этот знак имеет с изображением на ольвийском льве №2 [19.-табл. IV, № 239]. Третьему знаку, расположенному на другой стороне, точных аналогий не найдено. Возможно, в его основу положен триденс. Самое близкое изображение представлено на краснолаковом сосуде из Херсонесского музея [19.-табл. IV, № 225]. Имеется также сходство со знаком на зеркале из Танаиса [19.-табл. VI, № 315].

Эта находка выделяется среди материалов позднескифских городищ Нижнего Днепра, расширяется география распространения сарматских знаков. Известный знак на сосуде из Золотой Балки процарапан до обжига, включен в орнамент и не имеет прямых аналогий среди сарматских знаков, поэтому предложено было отнести его к знаковому орнаменту [18.-С.160-161]. Необычно также сочетание трех сложных знаков на одном небольшом предмете, находившемся в личном пользовании. Поскольку тамгообразные знаки считаются знаками собственности, такое размещение непонятно. Оселки систематически встречаются в мужских сарматских могилах, но граффити на них фиксируются редко. В свод Э.И.Соломоник попали только два точильных бруска с единичными знаками, похожими на буквы, из гробниц в Керчи [18.-С.163-164 – по отчетам Шкорпила]. Что же касается поселений Крыма, то имеется находка оселка с тамгообразным знаком другого типа в помещении 7, II-III вв. н.э., на поселении у дер. Семеновки [20.-С.23, рис. 15, 6]. Условия находки на Любимовском городище не позволяют быть полностью уверенным в том, что предмет использовался именно жителем городища, поскольку завершение жизни на поселении автор раскопок связывает с вражеским нашествием и образование золистого слоя – с пожарами этого времени (подтверждением этому предположению служит и находка в слое скелета человека без следов погребения).

Астрагал с тамгообразным знаком - № ХКМ-а-8536/88 – найден в 1988 г. в яме №7 (в плане круглая, в разрезе неправильная трапецевидная, диаметр дна 1,76 м, горловины – 1,2 м, глубина, в среднем, 1 м, в заполнении содержится много пепла) вместе с еще тремя астрагалами без граффити и обработки, один из которых имел просверленное отверстие. Яма № 7, по наблюдению автора раскопок, использовалась на протяжении двух строительных периодов – сначала для хранения зерна, а позже – как мусорная. В заполнении ямы № 7 найдены фрагменты светлоглиняных амфор типа Синопа III с датировкой преимущественно I в. н.э. [21] и узкогорлых амфор с ребристыми ручками с датировкой от второй трети I в. н.э. до середины II в. н.э., найдены фрагменты лепных мисок и горшков, кружалной керамики, бронзовый браслет с сомкнутыми связанными концами, обломки железного изделия и стеклянная бусина, бочковидная красная, характерная для I-II вв. н.э. [22.-С.65, тип 22].

Тамгообразный знак на астрагале выделяется полной симметричностью, соединением двух одинаковых элементов. Аналогия основному знаку встречена на

краснолаковой тарелке из Танаиса, где в первых веках н.э. наблюдается увеличение сарматских элементов в материальной культуре [23.—С. 240, рис.], и на других предметах, из датированных комплексов можно указать знаки в Керченском склепе II в. н.э. [18.—С.107-108]. Два аналогичных знака, но соединенных основаниями, без черты, представлены на бронзовой пряжке [19.-табл. V, №350]. Встречен этот знак и на копьях III-IV вв. из Центральной Европы, в том числе и в таком же соединенном варианте, как на астрагале [18.—С.44]. Просверленные или подправленные астрагалы являются частой находкой на позднескифских городищах и в их могильниках, одна такая находка присутствует и в Золотобалковском могильнике [2.—С.152], но тамгообразные знаки на них не встречались. Отмечены находки с тамгой на костяных предметах — без уточнения — на территории Дакии в I в. до н.э.—I в. н.э. [24.—С. 247]. Сарматский знак на не типично сарматском предмете, по-видимому, свидетельствует о проживании сармата на городище, тем более, что наборы астрагалов, как правило, являются принадлежностью детских комплексов,

Таким образом, найденные на Любимовском городище три предмета, несомненно связанные с сарматской культурой, датируются в пределах I-II в. н.э. и могли принадлежать женщине, мужчине и ребенку. Если находка подвесного точильного камня из верхнего слоя предположительно может быть отнесена к ко времени вражеского наступления, то две другие должны принадлежать жителям городища, как и курильница из вышеупомянутого жилища 38 на Золотой Балке. В этом случае подтверждаются соседские отношения жителей поселения с какими-то группами сарматов. В Любимовке, как и на Золотой Балке, единичные сарматские материалы вписаны в общий археологический контекст, наблюдается смешивание культур. Определения по отдельным вещам нельзя принимать с уверенностью, но выделенные предметы отражают культовую практику и обычай нанесения тамгообразных знаков, т.е., представляют собой значимые компоненты культуры. На Чертовичском III городище кувшин с тамгообразным знаком и ребристая курильница были найдены именно в округлой полуземлянке с очагом в центре, которая отнесена к сарматскому типу построек [5.—С.239]. В Крыму имеются круглые полуземлянки, но они не выделяются особым инвентарем и их не обязательно связывают с пребыванием кочевого населения, однако отмечается, что со времени археологической фиксации сарматов в предгорных районах центрального Крыма в I в. н.э., они становятся жителями некоторых позднескифских поселений [25.—С.27-28; 26.—С.262]. Сарматские знаки появляются на территории Крымской Скифии в начале II в. н.э. [27.—С.111-112].

Датировки рассмотренных артефактов совпадают с хронологией Золотобалковского могильника [28]. Поскольку более ранние погребальные памятники, относящиеся к городищам Нижнего Днестра, не обнаружены, трудно установить, каким был погребальный обряд первых жителей городищ и как рано возникли их контакты с сарматами.

1. Абрамова М.П. 1962.Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днестра // МИА. — № 115.
2. Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. — К. 1972.
3. Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днестре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. — № 64. 1958.
4. Вязьмитина М.И. Золота Балка. — К., 1962.
5. Медведев А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов-на-Дону, 2000.
6. Дмитров Л.Д., Зуц В.Л., Копилов Ф.Б. Любимівське городище рубежу нашої ери // АП УРСР. — 1961. — Т. X.
7. Зубар В.М., Храпунов І. М. Нові дослідження Любимівського городища // Археологія. — 1989. — № 4.
8. Абикулова М.И. 1989.Отчет о раскопках Любимовского позднескифского городища за 1988 г. / ГАХО. ХКМ. Ф. р. - 3665, оп. 2, д. № 86-3 — 91-3.

9. Абикулова М.И. 1990. Отчет о раскопках Любимовского позднескифского городища за 1989 г. / ГАХО. ХКМ. Ф. р. - 3665, оп. 2, д. № 99-3 - 103-3.
10. Абикулова М.И. 1991. Отчет о раскопках Любимовского позднескифского городища за 1990 г. / ГАХО. ХКМ. Ф. р. - 3665, оп. 2, д. № 109-3 - 113-3.
11. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. - М., 1975.
12. Гущина И.И. О сарматах в юго-западном Крыму // СА. - № 1. 1967.
13. Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Позднескифский курган Саблы в центральном Крыму // Поздние скифы Крыма. (Труды ГИМ, вып. 118). - М., 2001.
14. Артеменко И.И., Левченко Б.М. Сарматское погребение у с.Баштечки Черкасской области // СА. - № 2. 1983.
15. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. - Вып. 156. 1978.
16. Абикулова М.І. Керамічна тара з пізньоскіфських пам'яток Нижнього Дніпра // Археологія. - 3. 1994.
17. Соломоник Э.И. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые века н.э. - К., 1983.
18. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. - К., 1959.
19. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. - К., 1975.
20. Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. - М. 1970.
21. Внуков С.Ю. 1993. Новые типы позднесинопской амфорной тары // СА. - № 3.
22. Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1. // САИ. Вып. Г1-12.
23. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.- М. 1972.
24. Сырбу В., Бырке В. Даки и сарматы в Восточно-Карпатском регионе (I в. до н.э. - I в. н.э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - Запорожье, 1999.
25. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981-1989 гг.) // МАИЭТ. - Вып. II. 1991.
26. Храпунов И.Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - Запорожье, 1999.
27. Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э.- III в. н.э. // ВДИ. - № 3. 2001.
28. Щукин М.Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. - Вып. 12. 1970.

Васильев А.А.

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ПРЯЖЕК С «ПОЧКОВИДНЫМ» ЩИТКОМ У ПОЗДНИХ САРМАТОВ

Одним из наиболее распространенных типов датирующих изделий в комплексах финального этапа позднесарматской культуры являются пряжки с овальными или округлыми рамками и щитками специфической овально-асимметричной формы (передняя часть щитка, при переходе к захватам, оформлена более крутой дугой, чем общий контур щитка). Обоймы подобной формы принято именовать «почковидными».

В настоящий момент существует два различных мнения о датировке пряжек с почковидным щитком в Северном Причерноморье. Одни авторы датируют их второй половиной III-IV вв. [1; 2.-С. 49; 3.-С.248] другие только IV в. [4; 5]. При этом выделяются два хронологических варианта [1; 5]. Более ранние пряжки характеризуются сравнительно короткими часто прогнутыми язычками с невысоким уступом у основания, рамки этих пряжек, как правило граненые, В.Ю.Малашев обозначает их как тип П9. Для ременных

застежек позднего варианта характерны массивные язычки, выступающие за край рамки с высоким уступом или рельефным выступом у основания, их рамки обычно гладкие, пряжки с описанной морфологией В.Ю.Малашев относит к типу П10.

На Западе пряжки с почковидным щитком входят в особую стилистическую группу, для которой характерны такие особенности оформления как чеканка и гравировка по поверхности рамок и щитков, фасетировка и огранка язычков и рамок, «зооморфизация» язычков и рамок, гофрированные захваты у щитков. Общепризнанно, что период широкого распространения оформленных подобным образом изделий приходится на ступени С3 и С3/D1 [6.-S.228 Abb. 1: 5,20; 7.-С.44]. Как отметил М.М.Казанский, такая датировка надежно обоснована многочисленными находками этих изделий в комплексах с монетами IV в. и надежными хроноиндикаторами, такими как *Zwiebelknopffibeln* типов 3/4 и 5 по Келлеру [4.-С.240 – 241]. Однако вопрос о времени появления пряжек Келлер А-В-С остаётся открытым. М.М.Казанский приводит данные М.Зоммера о совместных находках пряжек рассматриваемого типа с *Zwiebelknopffibeln* типа Келлер 1 и 2. Недавно О.В.Шаровым была предложена детализированная типология ранних вариантов крестовидных фибул и основанная на ней хронология. Самые ранние варианты существуют еще до крушения лимеса, а наиболее поздний вариант 1 типа датируется до 305/306 гг., начало изготовления фибул 2 типа приходится еще на период первой тетрархии [8.-С.196, рис. 7].

Проблема датировки пряжек рассматриваемой группы тесно связана с проблемой их происхождения. О.В.Шаров отмечает, что прототипом для массовых провинциально-римских изделий послужили единичные пряжки, выполненные по «особому заказу представителей варварской знати». Примером такого единичного изделия может служить пряжка из погребения А кургана 19 могильника Варпелев. Широко распространившись в среде сильно варваризированного воинского контингента Империи, эти пряжки вновь попадают в Барбарикум [9.-С.178-179]. О.В.Шаров рассматривая дату появления пряжек типа Варпелев и пряжек с чеканкой по рамке, приводит ряд комплексов которые, по его мнению, дают «достаточно раннюю дату появления этого типа пряжек, которая сильно отличается от дат предложенных другими исследователями» [9.-С.179].

Сам комплекс из кургана 19 могильника Варпелев в настоящий момент рассматривается в рамках фазы С2. Другой приводимый О.В.Шаровым комплекс конца III в. – парное погребение 3/4 из Гарласхайма. [9.-С.177-179]. М.Б.Шукин склонен датировать комплекс из Гарласхайма даже началом ступени С2 [10.-С.183]. Однако Я. Тейрал, М.М.Казанский, А.В.Мастыкова относят этот комплекс к фазе С3 [4.-С.241; 11.-С.172; 6.-S.228 Abb. 1: 1, 5 - 9]. В отношении комплекса из Варпелева М.М.Казанский принимает мнение У.Лунд Хансен о его принадлежности к ступени С2, но считает пряжку позднейшей вещью комплекса. В конечном итоге М.М.Казанский соглашается с нижней датой предложенной О.В.Шаровым – около 300 г. н.э. [4.-С.241].

М.М.Казанский отождествляет пряжки П9 и П10 с пряжками Келлер А, В, С и переносит датировку этих изделий на находки из позднесарматских погребений. На наш взгляд существует ряд причин не позволяющих принять эту точку зрения.

Северопричерноморские пряжки с почковидным щитком морфологически неоднородны, что и позволило выделить два описанных выше варианта. Поэтому такое обобщенное соотнесение причерноморских пряжек с провинциально-римскими представляется некорректным. К тому же за редчайшим исключением на причерноморских изделиях отсутствуют перечисленные выше специфические элементы декора характерные для провинциально-римских изделий.

В Северном Причерноморье (в первую очередь в Крыму) также весьма многочисленны находки пряжек в комплексах с монетами IV в. Эти пряжки по своему облику весьма близки застежкам П10 и четко отличаются от пряжек П9.

Находок последних в комплексах с монетами пока неизвестно. Это может объясняться спецификой денежного обращения в регионе во второй половине III в. или, по

меньшей мере, особенностями выпадения монет в погребальные комплексы этого периода. В.Ю.Юрочкин акцентировал внимание на том, что в Центральном и Юго-Западном Крыму в комплексах с инвентарем второй половины III в. встречаются монеты отчеканенные до 251 г. включительно [12.-С.305]. Все же мы можем назвать один опубликованный комплекс этого периода с более поздними монетами. Это могила 20 некрополя Дружное с монетой 253-268 гг. [13.-С.166]. Таким образом, позднейшая монета в крымских погребениях с инвентарем второй половины III в. была отчеканена в период правления Галлиена. Монеты IV в. маркируют уже совершенно другой культурный комплекс. Можно предположить, что распространение раннего варианта пряжек с почковидным щитком приходится на «безмонетный период» в Крыму. Это наблюдение может быть весьма ценным для определения хронологии пряжек рассматриваемого типа.

Одним из комплексов, подтверждающих высказанное предположение, является могила 152 некрополя Нейзац, содержащая два разновременных погребения [3]. Датировка первоначального погребения может быть уточнена благодаря сочетанию в его инвентаре изделий двух стилистических групп – сбруйного набора оформленного сплошными фасетками и небольшой пряжки, рамка которой орнаментирована расчлененными фасетками. Единственная на сегодняшний день прямая аналогия сердцевидной бляхе-подвеске из упомянутого сбруйного набора происходит из богатого буджакского погребения в кургане 9 могильника Нагорное [14.-С.44 – 50] которое датируется серединой III в. Одночленная лучковая фибула 5 варианта не противоречит датировке погребения 152/1 могильника Нейзац серединой III в.

Второе погребение сопровождалось парой пряжек с почковидным щитком и двухчастными наконечниками ремней со стреловидной подвеской, серебряной фибулой и некоторыми другими предметами. Факт подзахоронения может свидетельствовать о том, что умершие принадлежали к одной узкой социальной группе (кровнородственному объединению или мужскому союзу). В состав инвентаря каждого из погребенных входили серебряных предметов ременной гарнитуры, маркирующие их принадлежность к воинскому сословию. Повторное использование подбойной могилы говорит о том, что хронологический разрыв между совершением погребений был не слишком велик. Скорее всего, умершие были представителями двух последовательно сменившихся поколений. Субкультура этих поколений и находит своё археологическое выражение в фазах относительной хронологии. Таким образом, вторичное погребение было совершено около 270-290 гг.

Можно привести ещё несколько комплексов, которые могут дать более раннюю дату для пряжек рассматриваемого типа. Один из них – погребение 35/2 могильника Красная заря (Юго-Западный Крым). Данное погребение располагалось на участке некрополя, где концентрируются погребения II-III вв. В состав инвентаря входили пряжка П9, две пряжки с сегментовидными обоями, наконечники ремней с валиком по нижнему краю, квадратная пластинка с загнутыми краями и заклёпками по углам, кувшин с округлым туловом и ручкой крепящейся сразу под венчиком, браслет с несомкнутыми утолщенными концами, двучленная лучковая фибула [15.-С.32, 40, рис.2:1-10]. Квадратная пластинка, вероятно, является ременной бляхой типа Малашев С56. Подобные изделия характерны для группы IIб, которая датируется от середины III в. до времени около 300г. [5.-С.198, 200, 207]. Кувшин близок типу, выступающему в качестве индикатора I, II и III фаз могильников Крыма позднеримского времени – приблизительно от 190/200 до 270/280 гг. [16.-С.243-244, 248 рис.1:11].

В погребении Нещеретово вместе с пряжкой с почковидным щитком была найдена бусина (Казанский 1995: 247, рис. 1: 8, 6) типа 88 по О.Бобровской, выступающая индикатором раннего этапа черняховской культуры (фазы 1 и 2) [17.-С.162 рис. 4: 2].

О.А.Гей и И.А.Бажан включили пряжку с почковидным щитком, крепившуюся к ремню при помощи двух заклёпок с полусферическими шляпками, в состав индикаторов II фазы могильника Цибилиума, синхронной II периоду цибельдинской культуры [18.-С.92,

табл.19: П, 20; 91, табл.18], I и II периоды цибельдинской культуры синхронны фазе С1в/С2 (230/240-310/320 гг.) по К.Годловскому [18.-С.52, 96, табл.24].

Также как и для рассмотренных выше провинциально-римских пряжек для причерноморских изделий определение их нижней даты теснейшим образом связано с проблемой их происхождения.

М.П.Абрамова, не отрицая в принципе провинциально-римского происхождения пряжек с овальным (почковидным) щитком, указала на то, что прототипами некоторых восточноевропейских экземпляров могли быть и местные пряжки с округлыми щитками (Малашев П2а) [19.-С.213]. На возможность такого эволюционного ряда указывают гибридные формы, такие как пряжка из Алхасте (найденная с сильнопрофилированной фибулой второй половины III в.) и некоторые из пряжек Хумаринского могильника (не позднее конца III вв.) [19.-С.212, 210, рис. 1:32, 215, 214 рис.2: 14-16, 23-25].

В пользу местного происхождения рассматриваемых изделий могут свидетельствовать пряжки из комплексов середины III в. – погребения 5 могильника Суворово, и кургана 3 могильника Лебедевка VI, щитки которых имеют специфическую овально-ассиметричную форму [12.-С.306 табл. 1: 4; 20.-рис. 2: 15]. При этом морфология язычков и рамок этих пряжек естественно более архаична, чем у застёжек П9.

По нашему мнению гипотезу о местном происхождении пряжек П9 от пряжек П2а подтверждает анализ размещения заклёпок на их щитках. У всех экземпляров типа П2а, включая и пряжки из Суворово и Лебедевки на щитках по одной заклёпке. Все известные нам пряжки П 10 (поздняя разновидность пряжек с почковидным щитком) крепились к ремням не менее чем тремя заклёпками. В.Ю.Малашев отнес к этому типу ремennую застёжку с двумя заклёпками на щитке, которая, по его мнению, происходит из комплекса Чауш 5. Однако на самом деле в рассматриваемом погребении подобная пряжка отсутствует, экземпляр, приведенный М.М. Казанским и В.Ю.Малашевым, происходит из другого буджакского комплекса – погребения 1 кургана 12 могильника Владычень. Что касается его типологической атрибуции, то язычок рассматриваемой пряжки изготовлен из прямоугольной в сечении заготовки, и лишен отличительных особенностей таких язычков пряжек П10 – выступающей площадки у основания.

Нами было учтено 18 пряжек с описанными выше морфологическими признаками, приблизительно одинаковых по размерам, чтобы исключить влияние размеров щитка на возможное количество заклёпок. У двух из них на щитках размещалось по одной заклёпке, у семи – по две, у остальных девяти пряжек на щитках размещалось по три заклёпки. При этом удалось проследить взаимосвязь между количеством заклёпок и хронологической позицией комплекса. Погребения с пряжками П9 с тремя заклёпками как правило более поздние чем те, в которых найдены пряжки с одной-двумя заклёпками. Это показывает эволюцию в схеме оформления щитков пряжек и позволяет рассматривать количество заклёпок как хронологически значимый признак.

Таким образом, ранний вариант пряжек с «почковидным» щитком (П9) появляется в Северном Причерноморье приблизительно в 270/280 гг. и сменяется поздним вариантом (П10) около 320/330 гг. Материалы Припонтийского Барбарикума, на наш взгляд, позволяют проследить местный генезис пряжек с «почковидным» щитком и обосновать их раннюю дату независимо от провинциально-римских аналогов. Однако факт сходства двух групп изделий, позволивший некоторым авторам поставить между ними знак равенства, безусловно, требует объяснения. В качестве рабочей гипотезы можно предложить следующую версию. Как мы помним, О.В.Шаров предположил, что массово распространившиеся с начала IV в. в римской армии пряжки являются производными от несколько более ранних немногочисленных ремennых застёжек варварской знати. Рискнем предположить, что прототипами щитков специфической формы некоторых из этих пряжек послужили северопричерноморские изделия. Такое предположение не должно казаться таким уж нереальным. Существование в рассматриваемый период «мостов» культурных связей между Причерноморьем с одной стороны и Скандинавией и Позэльбьем с другой

общепризнанно, однако до сих пор складывалось впечатление, что движение на этих «мостах» было односторонним.

1. Bezuglov S.I. Keső római kori katakombás temetkezések az Also-Don-Videk sztyeppein // A Mora Ferenc Muzeum Evkönyve Studia Archaeologica. – Szeged. I. 1995.
2. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (II-IV в.в. н.э.) – Lublin. 2002.
3. Храпунов И.Н. О первых сармато-германских контактах в Крыму // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь. 2002 а.
4. Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. 1995.
5. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону. 2000.
6. Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frumittelalter. – Krakov. 1992.
7. Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V международного конгресса археологов – славистов. Т.4. – К. 1988.
8. Шаров О.В. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье // STRATUM +, № 3. 1999.
9. Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // ПАВ. Вып 1. 1992.
10. Щукин М.Б. Щербакова Т.А. К хронологии могильника Данчены // Данчены. Могильник черняховской культуры III - IV вв. н.э. Кишинёв. 1986.
11. Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы // Сто лет черняховской культуре. К. 1999.
12. Юрочкин В.Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса. 1997.
13. Храпунов И.Н. Масякин В.В. Подбойная могила второй половины III в. н.э. из могильника Дружное // STRATUM + ПАВ. 1997.
14. Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I - IV вв. н.э. – К. 1984.
15. Пуздровский А.Е. Зайцев Ю.П. Неневоля И.И. Новые памятники III- IV вв. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VII. 2001.
16. Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Боспоро – Херсонесские отношения и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии III - IV вв. н.э.// Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб. 1999.
17. Бобровская О.В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. К. 1999.
18. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов». М. 1997.
19. Абрамова М.П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Вып. VI. 1997
20. Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. I. – Волгоград. 2001.

МОТИВ ЖИВОТНОГО С ПЕРЕКРУЧЕННЫМ ТУЛОВИЩЕМ В СКИФО-СИБИРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ КAVKAZA.

В VII-VI вв. до н.э. на скифо-сибирский звериный стиль Северного Кавказа значительное влияние оказывают мотивы, почерпнутые из искусства Передней Азии: копытное с подогнутыми под туловище ногами, свернувшийся в кольцо кошачий хищник, голова хищной птицы. Однако с конца VI в. по IV в. в скифо-сибирском зверином стиле Северного Кавказа появляются сюжеты и оформление, связанные с искусством Поволжья, Алтая, Средней Азии и Сибири. Одним из таких сюжетов является мотив животного с перекрученным туловищем, на Северном Кавказе этот мотив встречается не часто. Зато он характерен для скифо-сибирского звериного стиля Сибири, Алтая VI-IV вв. до н.э. Л.Л.Баркова отмечает, что изображения животных с перекрученным телом, когда верхняя часть тела по отношению к нижней повернута на 180 градусов, изгиб тела подчеркивался рельефным «ремешком», проходящим вдоль хребта появляются на Алтае в V-IV вв. до н.э. Для этого периода орнаментации и наибольшее разнообразие образно-стилистических приемов, преобладание изображений хищников над копытными, появление новых мотивов в поздний период [1.-С.76.рис.4]. Приблизительно в этот период этот мотив получает распространение на Северном Кавказе. Данный мотив не встречается в образцах звериного стиля из памятников Переднего Востока, Китая, луристанских и кобанских бронз, и являясь характерной чертой кочевнического искусства позднего периода, может служить индикатором для определения культурных взаимосвязей в рамках скифо-сибирского звериного стиля. Н.Л.Членова полагает, что существуют связи между Монголией и Северным Кавказом, среди прочего она указывала на наличие вывернутых фигурок в памятниках Прикубанья и Северного Кавказа [2.-С.315]. Исследуя пути распространения скифских миграций, в том числе и на Северный Кавказ, Н.А.Боковенко отмечает пути, проходящие из Южной Сибири, через Алтай, Среднюю Азию, огибая с юга Каспийской море, проникающие на Кавказ с юга [3.-Fig.20]. Во многом эти миграции прослеженные им, подтверждаются и находками животных с перекрученным туловищем.

В Сибири и на Алтае этот мотив встречается как в сценах терзания, так и самостоятельно, на Северном Кавказе подобные изображения происходят из Урус-Мартановского могильника, курган 1; Ялхой-Мохкского 4-й могильника (Чечня) [4.-Рис.2.27]; на налобнике из ритуального комплекса кургана 2 у аула Уляп [5.-С.83. рис.9]., из погребального комплекса № 2 (1985 г.), Семибратнего кургана 2, 3 и 4 [6.-С. 34, рис.60; 7.-рис.136. СБр III – 28; ОАК за 1877 г. Рис.на С.14, №7], из Малых Семибратних курганов [ОАК за 1876 г. Рис. на С.134, №3] Малых Семибратних [ГЭ, МСБр, 29 по Е.В.Переводчиковой] (Прикубанье), Тамани, [ГЭ 2522/2 цит.по Переводчиковой,1995:100], из Гюзнос-1 (Абхазия) [8.-таб.ХХ(1)]. Аналогично изображена пара зайцев на зеркале из погребения из 2-го Новосельского кургана [9.-С.57-61.рис.1.1]. А также олень на наконечнике ножен из Ани-Ирзо у.с.Урус-Мартан (Чечня). Среди этих изображений выделяются следующие стилистические направления:

I. Особенно близки стилистически следующие изображения животных, найденных на Северном Кавказе и в Абхазии.

1.Изображение хищника на навершии кинжала из Урус-Мартановского могильника, курган 1 (рис.2.2).

2. Изображение копытного хищника на привеске (налобнике) из Ялхой-Мохкского 4-й могильника (рис.2.1).

3. Изображение «2-х повернутых в противоположные стороны звериных голов на изогнутых шеях» [6.-С.25] с общим туловищем на фигурной бронзовой пластине из могильника Семь Братьев, курган 3 (рис.1.1).

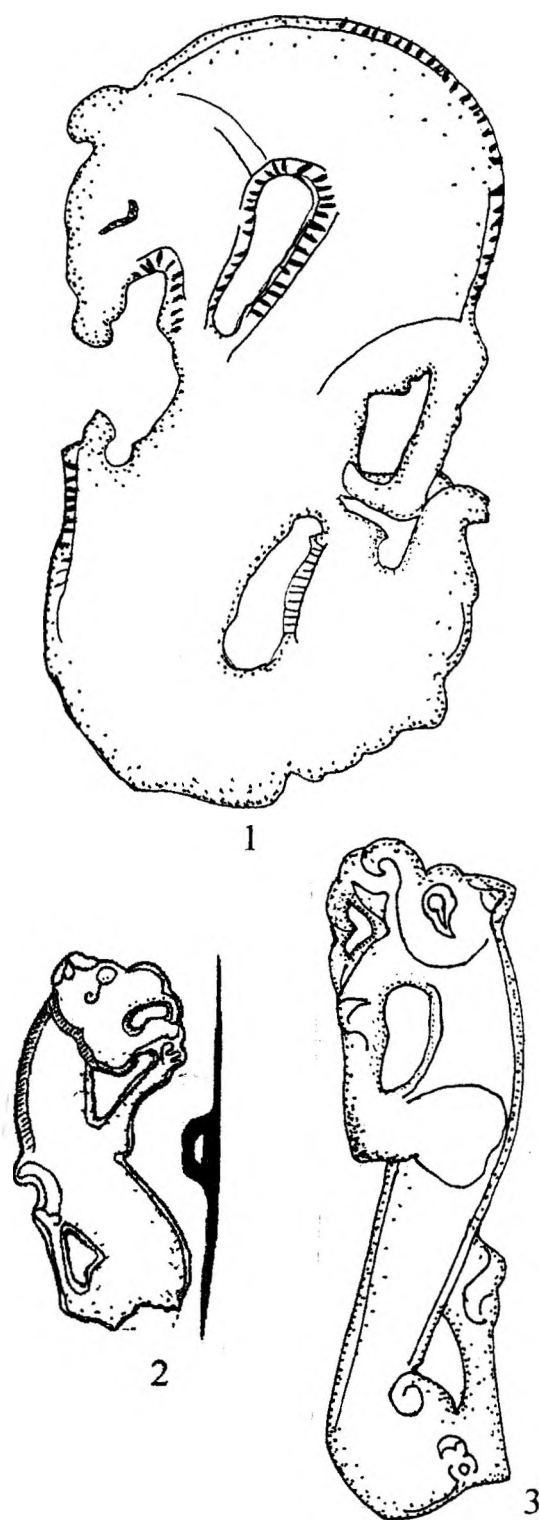

Рис. 1

4. Изображение хищника на налобнике из ритуального комплекса кургана 2 у аула Уляп (рис.1.3).

5. Изображение хищника на бронзовой привеске (налобнике) из могильника Гюэнос-1 (Абхазия) (рис. 1.2).

Для них характерны замкнутые восьмерковидные очертания, рифление по краю предмета, головы от туловища отделены параллельными полосами или рифлением. На изображениях из Ялхой-Мохка, Уляпа и Гюэноса встречаются головки орлов, размещенные на бедре и копытах. Изображения из Чечни в большей степени декорированы и выполнены с большей тщательностью. Морда хищного животного более вытянута и напоминает голову волка, что характерно для изображений звериного стиля из Нижнего Поволжья и Прикамья. Другие рассматриваемые нами изображения из Прикубанья и Абхазии, выполнены схематически, их основным декорирующим элементом, является поперечное рифление. С его помощью намечена шерсть, зубы. Торчащие уши хищников на бронзовых пластинках из Уляпа и Гюэноса изображены в виде пальметки, в чем проявляется античное влияние. Морда зверя более короткая, в большей степени напоминает кошачьего хищника.

К изображениям из Северного Кавказа и Абхазии очень близко изображение коня на золотой застежке со сценой терзания лошади львиным грифоном из Сибирской коллекции [7.-рис.180], на золотом пластинчатом браслете с изображением борьбы животных из Сибирской коллекции: на верхней и нижней полосе повторяется нападение волка на барана, а средняя занята нападением двух волков на лошадь [7.-рис.234а, б], на золотом пластинчатом браслете на шарнирах из Дуздака (низовья Сыр-Дарьи) [7.-рис.56]. Для них характерно лентовидное туловище, имеющее S-видное очертание, как у копытных, так и у хищников, схема изображения: передние согнутые конечности расположены перед мордой животного, задние соприкасаются со спиной, на бедре и ключице – изображение глаза, клюва, головы хищной птицы, для них характерен двойной контур, рельефный ремешок вдоль хребта. На изображении из Урус-Мартана также сохранился рельефный поясok проходящий вдоль тела.

Несколько более отдаленными аналогиями являются изображения на золотых нашивных украшениях в виде барса и золотых накладках на ножны кинжала в виде лося и коня из кургана Иссык [10. – табл.3, 4, 25], где при прочих вышеперечисленных чертах, туловище не лентовидное.

II. Особняком стоит изображение оленя на бронзовом наконечнике ножен из могильника Ани-Ирзо у с.Урус-Мартан. Передние ноги находятся перед мордой животного, задние над головой. Туловище изображено лентовидным, оно образует изгиб наконечника. На бедре помещено изображение головы хищной птицы. Эта схема напоминает изображение на бронзовой бляшке с изображением лани «с изогнутым вокруг головы телом» из Ордоса [7.-С. 122.рис.169].

III. Еще одним изображением животного с вывернутым туловищем является спаренное изображение зайцев на рукояти зеркала из погребения могильника Новосельские сады (Чечня). Здесь также у животных лентовидное туловище. Подобная трактовка туловища характерна для луристанского искусства. Для мотива животного с вывернутым туловищем характерна следующая закономерность – если изображен хищник, то лапы направлены в сторону морды и касаются ее, если это изображение терзаемого (копытного) животного, то ноги либо направлены вперед и проходят под мордой животного, либо согнуты и касаются бедра или живота. Это может быть прослежено как в сценах терзания (Сибирская коллекция), так и в одиночных изображениях животных. По-видимому, одиночные изображения животных с перевернутым туловищем являются производными от сцен терзания. Любопытно, что изображение копытного хищника из Ялхой-Мохкского могильника и зайцев из могильника Новосельские сады переданы как терзаемое животное с передними конечностями направленными от себя. Схема изображения сохраняется, вне зависимости

Рис. 2

от того в каком материале (войлок, бронза, золотая фольга) она воплощена или в какой технике.

Северокавказские образцы в большей степени близки сибирским и среднеазиатским находкам. Это является подтверждение версии Н.А. Боковенко о проникновении кочевников на Северный Кавказ с юга. При этом северокавказские изображения животного с вывернутым туловищем являются самыми западными образцами этого мотива.

1. Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в искусстве ранних кочевников Алтая. //АЭ №32.С-Пб. 1995.
2. Членова Н.Л. Новые данные о связях Монголии и Северного Кавказа в скифскую эпоху//Евразийские древности.М. 1999.
3. Bokovenko N.A. Asian influence on European Scythia.//Ancient Civilizations.- № 3,1. 1996.
4. Махортых С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах. // Скифы Северного Причерноморья. Киев. 1987.
5. Шедевры древнего искусства Кубани. М.,1987.
6. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Л. 1966.
7. Артамонов М.И. Сокровища саков. Л. 1973.
8. Шамба С.М., Гюзнос-1,Тбилиси. 1988.
9. Вольная Г.Н. Бронзовое зооморфное зеркало из 2-го Новосельского кургана. // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Армавир. 1997.
10. Акишев К.А. Курганы Иссык. М. 1978.

Высотская Т.Н.

АГРАРНЫЙ КУЛЬТ У ПОЗДНИХ СКИФОВ

Земледелие было одним из основных отраслей хозяйства поздних скифов. Об этом свидетельствуют находки зерен пшеницы, ржи и ячменя на городищах. На Алма-Кермене зерно хранилось помимо ям в амфорах и лепных горшках [1.–С.161]. На городище Тарпанчи обнаружено зернохранилище с остатками пшеницы, ячменя и ржи [2.–С.77]. Зерна тех же культур встречены в скифском слое Керкинитида. Правда, рожь в этом случае присутствовала как сорняк [3.–С. 86].

О развитии земледелия у поздних скифов говорят открытые на городищах многочисленные хозяйственные ямы в основном предназначенные для хранения зерна [4. – С.94, 95; 5.–С.33]. Некоторые из ям использовались как овины, т.е. служили для просушки зерна. Два таких овина открыты на Усть-Альминском городище. На их дне сохранились следы очагов, а в засыпи встречены многочисленные зерна пшеницы [5.–С.34].

Подтверждают занятие населения земледелием находки железных серпов (Алма-Кермен, 1.–рис. 49-2), а также множество фрагментов и целых каменных зернотерок и жерновов, каменные ступы [1.–рис. 50,51; 5.–рис. 12].

Пшеница шла на экспорт и была основным источником дохода, благополучия и процветания местного населения. Поэтому поздние скифы были заинтересованы в рынках сбыта, которые активно функционировали в Херсонесе и Ольвии.

И если с Херсонесом отношения зависели от политической конъюнктуры и не были стабильными, то Ольвия была постоянным и почти неизменным торговым партнером крымских скифов. В эллинистический период, насколько удалось проследить [6.–С.129], именно через Ольвию поступало в Неаполь родосское вино. Продолжались активные торговые связи с Ольвией и в первые века нашей эры. И многие товары в этот период скифы могли привозить из Ольвии в Крым на собственных судах [7], а крупнейшим

скифским портом на западном берегу Крыма в течение многих столетий, оставался древний Палакией – Усть-Альминское городище.

Забота об увеличении урожая, о плодородии земли – естественно являлась неизменной потребностью позднескифского общества.

Поэтому аграрный культ аграрной магии были популярен в местной среде.

Аграрный культ по своему происхождению очень древний. Он восходит к эпохе первобытного земледелия. Широко он был развит у трипольцев и выразился в отражении всех звеньев формулы: зерно + земля + дождь = урожай [8.–С.178].

При этом земля, почва, вспаханное поле, засеянное поле, уподоблялось женщине. Отсюда – многочисленные женские трипольские статуэтки со своеобразным магическим орнаментом [8.–С.179].

В раннем железном веке на городище Караван в Харьковской области существовало святилище, где совершались религиозные обряды, связанные с аграрной магией.

Это святилище представляло собой жертвенное место, рядом с которым располагался зольник [9.–С.184]. Примечательно, что среди многочисленных находок, обнаруженных вокруг святилища встречены выполненные из глины модели различных зерновых культур. По мнению Б.А.Шрамко, эти модели изображали зерна ячменя, пшеницы, ржи, проса, гороха и других культур [9. – С.189, С. 193, рис. 9]. Все эти данные свидетельствуют, о широком распространении у племен лесостепей Восточной Европы в раннем железном веке земледельческого культа. При этом нужно подчеркнуть, что неприменным атрибутом обряда, в данном случае, служил зольник. Зола, как указывает Б.А.Шрамко [9.–С.186], собиралась с жертвенника.

Культ женского божества, олицетворяющего производительные силы природы, был широко развит у греков.

Особенно интересно для нас, в данной связи, святилище, открытое в Илурате с терракотовым фигурками и жертвенным зольником рядом с ним [10.–С.217 сл.]. При этом исследователи Боспора подчеркивали, что в земледельческом культе проявляется взаимодействие античных греческих и местных скифо-сарматских элементов культуры [11. – С.84]. И.Г.Шургая видел в Илурате аграрный культ «в его наиболее ранней, первобытной форме», однако он полагал, что эллинизация местного, в основе своей скифского, населения Илурата не затронула религиозных его воззрений [10. –С.222].

У поздних скифов, с их развитым земледелием, аграрный культ проявился по разному. Как известно, население столицы государства – Неаполя было сильно эллинизовано [18.–С.209 сл.]. Неудивительно поэтому обнаружение на городище терракотовых статуэток богине Деметры [4. –С.72; 12. –рис. 2,12]. В здании Н (южный дворец Неаполя) такие фигурки встречены вместе с фрагментами терракот Коры-Персефоны. Подобное сочетание в сознании греков олицетворяло собой хлебные злаки [13.–С.28].

О значении культа Деметры для жителей Неаполя говорит посвящение Евмела, этой богине, а также изображение божества на монетах Скилура, чеканенных в Ольвии [14. – С.28]. Известны фрагменты терракот с изображением Деметры на Усть-Альминском городище – одном из крупнейших центров скифского государства в Крыму [15.–рис. 2].

Но особого внимания заслуживают открытые на скифских городищах специальные площадки для отправления обрядов, связанных с аграрными праздниками. На этих площадках в определенное время, скорее всего приуроченное к посеву, или уборке урожая, совершались какие-то ритуальные действия, жгли кострища, золу от которых ссыпали здесь же. В эти же дни для ритуалов приносили подношения: сосуды, грузила для ткацких станков, пряслица, монеты и пр. предметы. И постепенно близ площадок возникали громадные зольные холмы, содержащие остатки всевозможной утвари. Раскопкам подверглись зольники Неаполя и Усть-Альминского городища [16.–С.78 сл.]. В частично раскопанном зольнике последнего обнаружен в насыпи скелет собаки, а в одной из ям близ зольника сохранились скелеты 16 собак. В данном случае это животное выступает в роли

стража посевов и его участие в ритуалах, связанных с аграрной магией вполне объяснимо. Собака и у древних греков играла значительную роль в сакральном мировоззрении [17.–С.108, 109].

Все сказанное со всей полнотой свидетельствует не только о существовании у местного населения аграрного культа, но и о разносторонних его проявлениях, как о чертах заимствованных у греков, так и о собственно скифских, восходящих к древнему периоду.

В целом аграрный культ подчеркивает роль и значение земледелия, которое было и оставалось основой жизни позднескифского государства с момента его становления до гибели в первой половине III в. н.э.

1. Высотская Т.Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. К. 1972.
2. Щеглов А.Н. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма // СХМ - Вып. II. 1961.
3. Кутайсов В.А. Аграрная история Керкинитиды (часть I) // ХС, вып. X, Севастополь, 1999.
4. Высотская Т.Н. Неаполь - столица государства поздних скифов. – К., 1979.
5. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994.
6. Высотская Т.Н. Торговые связи Неаполя скифского в эллинистический период // ВДИ, № 4. 1978.
7. Высотская Т.Н. Был ли у крымских скифов свой флот (в печати).
8. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
9. Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // С А - № 1. 1957.
10. Шургая И.Г. Аграрная магия Илурата // Проблемы античной культуры. М., 1986.
11. Гайдукевич В.Ф. Илурат // МИА - № 85. 1958.
12. Зайцев Ю.П. Два сюжета из эллинистической хронологии Неаполя скифского // ХС, вып. X, Севастополь, 1999.
13. Русяева А.С. Культ Кори-Персефони в Ольвии // Археология, № 4. 1971.
14. Граков Б.А. Каменское городище на Днепре // МИА - № 36. 1954.
15. Высотская Т.Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.
16. Высотская Т.Н. К вопросу о позднескифских зольниках // РА. № 3. 2001.
17. Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород. 2002.
18. Высотская Т.Н. 1994. Влияние античной культуры на скифов поздней поры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. К. – С.209-216.

Гавриш П.Я.

ДОФОРТЕЧНИЙ ПЕРІОД В ІСТОРІЇ БІЛЬСЬКОГО ГОРОДИЩА

Найбільше у стародавній Європі укріплене поселення — Більське городище на Полтавщині вже давно привертає увагу широкого загалу дослідників археології раннього залізного віку. Воно розглядається більшістю вчених-скіфознавців як рештки міста Гелона (Геродот, IV, 108-109) — столиці протодержавного утворення осілих землеробів і скотарів у лісостепу Лівобережної України [1.–С.163]. Історія Більського городища ще не стала предметом монографічного дослідження, але проблема його виникнення вже порушувалася [2.–С.79; 3.–С.174-175; 1.–С.18-19, 30-31; 4.–1997: С.36 та інші]. Одностайності у поглядах вчених тут немає. Джерела, накопичені за більш ніж столітню історію археологічного дослідження Більського городища і прилеглої округи, особливо за останнє десятиліття, дозволяють знову звернутися до цієї актуальної проблеми.

За моїм переконанням, виникненню Більського городища, як укріпленого поселення, передував період існування поселення відкритого типу без фортифікаційних

споруд. Вчені, які зверталися до вказаної проблеми, фактично не згадують про це, очевидно, вважаючи, що утворення городищ у лісостепу України відбувалося одночасно із освоєнням зайнятої території осілим населенням. У той же час, думка, що Більське городище виникло на місці вже існуючого неукріпленого поселення, висловлювалася [5.—С.29, 36; 6.—С.63; 7.—С.95]. Думаю, що в історії більшості лісостепових городищ України, особливо великих за розмірами, існував так званий дофортетний період. Його часові рамки визначаються від появи перших житлово-побутових комплексів на окремій території до побудови перших захисних споруд у будь-якому вигляді.

Окремий історико-культурний мікрорегіон у середньому межиріччі Псла і Ворскли, центром якого у скіфську добу стало Більське городище, почав формуватися на жаботинському етапі передскіфської доби. Я не поділяю поширеної в історіографії думки про колонізацію території басейну Ворскли носіями чорноліської культури з Дніпровського Правобережжя та Поорілля на другій ступені її розвитку [8.—С.76-80]. Погодитися з такою гіпотезою можна лише в тому випадку, якщо розглядати жаботинський етап як заключний у розвитку чорноліської культури, що запропонувала Г.І.Мелюкова [9.—С.24].

Сьогодні вже накопичилося достатньо даних, які дозволяють стверджувати, що Більське поселення разом з кількома сусідніми поселеннями виникло ще в передскіфській час, вірогідно, вже на ранньому етапі жаботинського періоду лісостепової культури Придніпров'я. Це був своєрідний “кущ” синхронних і етнічноспоріднених поселень, які з'явилися в чужому етнокультурному середовищі бондарихінської культури на Лівобережній Україні. Подібне явище в передскіфську добу вже зафіксовано дослідниками у нижній течії Ворскли [10.—С.109-113]. Причиною переселення на нові, досить віддалені, землі осілого за своєю природою населення став постійний воєнно-економічний тиск і загроза поневолення від південних сусідів в степах Причорномор'я — кіммерійців [11.—С.66-76].

Хронологію початку колонізації “жаботинцями” Поворскля вчені визначають по-різному. Наприклад, Б.А.Шрамко вважає, що ці події сталися у другій половині VIII ст. до н.е. [1.—С.17-18]. І.В.Бруйко припускає, що нижня дата жаботинських старожитностей Більського городища може бути “опущена” до середини VIII ст. до н.е. [12.—С.284]. Ці твердження опираються на численні археологічні паралелі між старожитностями жаботинського кола Правобережної України і Більського городища з округою, зокрема, в типах поселень та їх житлово-побутових комплексів, у побутовій матеріальній культурі, особливо серед керамічного посуду, в культових артефактах.

На сьогодні можна вважати, що процес колонізації лісостепу Лівобережної України вихідцями з Дніпровського Правобережжя розпочався не пізніше останньої чверті VIII ст. до н.е. Зокрема, мешканці Більського мікрорегіону, найбільш вірогідно, своє етнічне коріння мають у басейні Тясмина, з яким спостерігається найбільше історичних етнокультурних паралелей.

Поява перших фортифікаційних споруд в Більському городищі була спричинена новою хвилею кочовиків у степах Причорномор'я — скіфів у другій чверті або середині VII ст. до н.е. [13.—С.35]. Саме загарбницькі наскоки степовиків на землеробські поселення Придніпровського лісостепу змусили їх мешканців десь у середині VII ст. до н.е. зводити оборонні споруди. Втім, лісостепове населення було не в змозі захистити кожне своє поселення, тому вибрало тактику укріплювати окремі поселення, враховуючи їх стратегічне розташування, вигідність топографічного розміщення, наявність будівельних матеріалів та інші чинники. Поява оборонних споруд навколо частини лісостепових поселень України на початку скіфської доби свідчить про відповідний соціально-економічний, політичний та ідеологічний рівень розвитку суспільства. Потреба зводити досить затратні оборонні споруди була продиктована не лише інстинктом самозбереження, а й необхідністю не поступитися ворогові накопиченими матеріальними цінностями, а головне — відстояти свою територію, як основний засіб існування етносоціального організму. Не останню роль відіграло і самоусвідомлення необхідності, а від так і

можливості, відстояти свою незалежність від загарбника спільними зусиллями всіх сільських громад.

Для того, щоб спорудити достатньо надійну для захисту фортецю, громаді потрібні значні людські резерви, великі матеріальні ресурси, достатній рівень технічної оснащеності і вмілих майстрів-фортифікаторів, а також організаційно-координуюче ядро і військового вождя. Добитися цього можна лише шляхом консолідації мешканців певного регіону, об'єднаних спільною метою – дати відсіч ворогу.

Населення Більського мікрорегіону, що складалося приблизно з десятка поселень із загальним числом в кілька тисяч осіб, мало всі умови і можливості збудувати для себе одну надійну фортецю. Більське поселення для цієї цілі, очевидно, вибране не випадково. Воно практично з усіх боків прикрите водними перешкодами і ярами, навколо є ліси і гаї, до нього можна дістатися мешканцям навколишніх поселень за 1-3 години, щоб сховатися і захищати свою фортецю. Можливо, зіграли свою роль й інші чинники. В будівництві Більського городища були сконцентровані зусилля мешканців всього мікрорегіону і проходило вона за здалегідь розробленим планом. На це вказують окремі факти. Дослідженнями в Більському Західному городищі з'ясовано, що культурні відкладення на його території займають лише незначну частину площі – десь півтора десятка зольників з прилеглими ділянками. Це означає, що на ранній порі Більське поселення фактично нічим не вирізняється серед інших поселень мікрорегіону. З появою оборонних споруд його площа збільшилася фактично на порядок – до 85 га. Звичайно, самі мешканці Більського поселення не могли побудувати, а головне утримувати і захищати, фортечну стіну довжиною близько 3,5 км. Очевидно, що фортеця, де могли поміститися понад десяток тисяч людей, була призначена для захисту населення всієї округи.

Будівництво захисної стіни, яку мало Більське поселення, вимагало величезних матеріальних та фізичних затрат, чому є переконливі свідчення. У 1985 р. мені випала нагода на чолі Полтавського загону в складі археологічної експедиції Харківського національного університету під керівництвом Б.А.Шрамка провести розкопки фортифікаційних споруд Західної фортеці Більського городища [1.–С.28-30]. З'ясувалося, що для спорудження першої фортечної стіни навколо поселення була викопана канавка глибиною 32 см і шириною верхньої частини 65 см. На дні канавки з інтервалом в 15-18 см було вбито стовпи діаметром 20-30 см, які були з'єднані між собою плетеним тином. Можливо, з внутрішнього боку до стовпкової стіни прилягало якесь легке риштування-поміст для розміщення захисників фортеці.

1. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — Киев: Наукова думка, 1987.
2. Ильинская В.А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном // Скифы и сарматы. — Киев, 1977. — С.73-95.
3. Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII-III вв. до н.э. // Советская археология. — 1985. — №1. — С.160-178.
4. Шрамко Б.А. Возникновение и развитие Бельского городища // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докладов. — Харьков, 1997. — С.36.
5. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // Материалы и исследования по археологии СССР. — №104. — Москва, 1961.
6. Ковпаненко Г.Т. Племена скифского часу на Ворсклі. — Київ: Наукова думка, 1967.
7. Шрамко Б.А. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. — Киев, 1973. — С.82-112.
8. Гавриш П.Я. Колонізація праслов'янами середнього межиріччя Псла і Ворсклі у ранньому залізному віці // Археологічний літопис Лівобережної України. — Число 2/1. — Полтава, 2002/2003. — С.76-80.
9. Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — Москва, 1989. — С.16-29.

10. Гейко А.В. До питання про виділення так званих “селищних кушів” на пам’ятках скіфського часу Нижнього Поворскля // Археологічний літопис Лівобережної України. — Число 2/1. — Полтава, 2002/2003. — С.109-113.
11. Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. — Киев-Полтава: Археология, 1999.
12. Бруйко И.В. Финал горизонта “штампованой” керамики раннего железного века в Украинской Лесостепи // Більське городище в контексті вивчення пам’яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996. — С.280-285.
13. Давня історія України. В трьох томах. — Том 2. Скіфо-антична доба. — Київ: Наукова думка, 1998.

Гейко А.В.

ДОСЛІДЖЕННЯ ОБОРОННИХ СПОРУД ОПІШНЕНСЬКОГО ГОРОДИЩА СКІФСЬКОГО ЧАСУ

Опішненське городище розташоване на східній околиці с.м.т.Опішне Зіньківського району Полтавської області та за 6 км на південь від Великого Більського городища. Укріплення займає довгий вузький мис правого корінного берега Ворскли. Західна і північно-західна сторони мису утворені балкою, що впадає в іншу балку. По останній, повз південний бік мису, протікає права притока Ворскли – маленька річка Тарапунька. Схили городища (за винятком частини західного боку) досить круті. Навпроти пам’ятки на лівому березі Ворскли, знаходяться некрополі скіфського часу, до складу яких входили такі відомі кургани, як Вітова Могила та Опішлянка.

На початку ХХ ст. Опішненське городище обстежувалося В.Г.Ляскоронським. Ним було знято окомірний план, вказано, що на поверхні пам’ятки зустрічаються уламки ліплених горщиків, обмазка, кістки тварин та людей. На той час укріплення у вигляді рову та валу, які оточували городище з усіх боків, у переважній більшості прекрасно збереглися. Оборонна лінія лише де-не-де розорювалася, найбільше постраждав вал північної, напільної сторони укріплення [1.-С.183-184, рис.37]. На жаль, культурної приналежності та хронологічної атрибуції городища дослідник не дав.

У 1940 р. Опішненське городище відвідав І.І.Ляпушкін. Уже тоді в результаті інтенсивного розорювання укріплена лінія була виражена не зовсім чітко. Шляхом зачистки оголень культурного шару ним встановлено, що товщина цього шару досягала до 1,0 м. Дослідник відніс пам’ятку до скіфського часу, але не визначив час її існування, лише вказав, що серед знахідок зустрічалися уламки чорних лискованих посудин [2.-С.93-94].

У 50-х рр. ХХ ст. пам’ятку оглянула Г.Т.Ковпаненко. У своїй монографії вона вказує площу городища, яка становила – 4,3 га [3.-С.50]. Пізніше тут бували працівники Полтавського краєзнавчого музею та Інституту керамології.

До середини 90-х рр. ХХ ст. територія городища була задернована. Зараз більшу частину пам’ятки займають городи місцевих жителів, іншу – сіножаті. На північному боці мису і городища знаходиться несанкціоноване сміттєзвалище, а у південно-західній частині укріплення нині не діюче кладовище. У південній частині майданчик городища поритий ямами: можливо, це – залишки ям від добування глини. Південна частина укріплення поросла деревами та кущами. Вал, через який проходила дорога з городища у заплаву р.Ворскла, на початку 90-х рр. ХХ ст. частково знівельований. Але найбільше пам’ятка постраждала від кар’єру по видобутку гончарної глини, який діяв до початку 90-х рр. ХХ ст., у результаті чого було знищено північно-східний кут укріплення. Площа руйнувань становить до 0,3 га.

Стародавні мешканці для заселення обрали центральну частину мису, відокремивши городище ровом і валом у найбільш вузьких його місцях. Подібне планування спостерігається і на Стасівському городищі [4.-С.14]. Опішнянське городище рів оточував з

усіх боків. Укріплення (рів та вал) північного та південно-західного боків городища ледве помітні. Добре зберігся вал (висотою до 2 м) лише у лісі, у південній частині поселення. Він утворений у результаті вибірки ґрунту із внутрішнього боку городища. Іноді сучасна глибина цієї вибірки сягає більше 1,0 м. На нашу думку, лише з цих боків і був насипаний вал. З інших існував ескарп висотою 6-11 м (рис.1).

З метою дослідження будови оборонної лінії у 2001-2002 рр. на пам'ятці здійснювалися археологічні розкопки [5.-С.8-11; 6.-С.7-11]. Перший перетин рову зроблено у південно-західній частині городища, у тій, що спускається в долину р.Ворскла (рис.2). За стратиграфічними спостереженнями можна послідувати три рови, які входили до складу оборонної лінії. Рів першого етапу існування городища досліджений не повністю, а лише його внутрішня частина. Очевидно, він був споруджений після ескарпування пологого схилу мису. Рів був заглиблений у материк на 1,12 м і мав плоске дно.

Лише рів другого будівельного періоду розкопаний повністю. На жаль, визначити час спорудження та існування рову за нечисленними стінками ліпленого посуду не вдалося. Спочатку схили мису були ще дужче ескарповані і рів перемістився ближче до внутрішнього краю городища. Частково була підрізана внутрішня стінка першого рову. За нашими спостереженнями, він не був засипаний. Новий рів мав складну конфігурацію. Його зовнішній край спочатку опускався під кутом 45°, далі полого йшов на глибину 5,95 см. Внутрішня стінка була вертикальною. Очевидно, тут закопувалися палі, які запобігали зсувові схилів незадернованого ескарпу, що призвів би до замулення рову. Крім того, колоди, поставлені сторч, покращували оборону городища. Теперішня ширина рову – 6,92 м, у минулому вона могла досягати до 8 м.

Через певний час рів був замулений плямистим коричнево-сіро-білим шаром з включеннями чорнозему і сажі. Товщина цих нашарувань складає від 0,51 до 1,80 м. У замуленому шарі на зовнішньому боці рову були поставлені вертикальні колоди. Товщина колод до 0,5 м. Ширина проміжків між ними складає 0,6 м. Вони заглиблені у материк лише на декілька сантиметрів, що говорить про новий період існування рову, коли його перестали вичищати. Слідом за цим укріпленням, на відстані 2,20 м розташовувалась траншея глибиною 1,27 м. Вона опущена у материк на 0,28 м. Ширина цієї траншеї – 0,42-0,6 м. Очевидно, в неї також вставлялися дерев'яні колоди, поставлені сторч, нижні кінці яких для міцності забутовувалися землею. Подібне виявлено на Західному [7.-С.30, рис.7] та Великому Більському городищах [8]. Очевидно, існування цих колод пов'язане з новим третім ровом, але перед ним зберігся заплилий старий, де вони і стояли. Це можна спостерігати на Західній фортеці Більського городища, де у останньому четвертому, будівельному періоді використовувалися старий та новий рови [7.-С.30, рис.7].

Будівництву третього рову передувало нове ескарпування схилів. Земля від ескарпування та заглиблення рову була використана для засипання першого та другого ровів. На профілі видно, що вона лежить нерівномірно, уступами. Все це було перекрито жовтою материковою глиною з дна рову. Хоча, слід зазначити, що улоговина на місці другого рову продовжувала існувати. Новий рів мав плоске і широке (більше 6 м) дно. Знахідок (уламків ліплених горщиків, обмазки), як і у інших ровах, у його заповненні виявлено небагато. Всі вони знайдені у верхніх заповненнях (до 1 м) і походять із змивів з городища чи ескарпу. Звідси походить і бронзове вістря стріли V-IV ст. до н. е. Цим часом можна датувати і рів.

У 2002 р. здійснено розкопки рову у південно-східній частині городища, в лісі. Він був викопаний після ескарпування схилу мису, на якому розташоване городище, мав трикутну форму (рис.1:2). Його ширина — 5,85 м, глибина — 2,83 м. Стратиграфія заповнення рову нескладна. Зараз він заповнений ґрунтом, утвореним унаслідок перегнивання листя дерев, нижче ішов суглинок з чорноземом та жовта глина з незначною домішкою чорнозему (змиви з ескарпу городища). За 5,27 м від зовнішнього краю рову зафіксовано ямку діаметром 0,17 м, яка була заглиблена у материк на 0,1 м. Очевидно, ця ямка пов'язана з існуванням частоколу, який стояв перед ровом. Подібне нами зустрічалось

під час розкопок попереднього рову. На жаль, у рові датуючих знахідок, за винятком окремих стінок ліплених горщиків, не виявлено, тому час його спорудження поки що визначити важко.

Закладений розкоп на самому городищі, на його південному краї, виявив ще один рів, який розташований на майданчику мису (рис.1:2). Він мав нахилені до середини стінки, які по верхніх краях рову дещо знижуються. Можливо, це відбулося внаслідок їх обвалення. Теперішня ширина рову – 6,9 м. Глибина – 3,68 м. На внутрішній стороні, на висоті 0,98 м від дна, рів мав виступ шириною 1,55 м. Подібне зустрілося і на Великому Більському городищі. Дослідники пов'язують його з випадковим залишком рову, попереднього будівельного періоду або з установкою на цьому виступі надовб, ямки від яких в розріз не попали [9.-С.46]. Не зустрічаються вони і на Опішненському городищі. Перше твердження І.Б.Шрамко та Б.А.Шрамко не підтверджується нашими розкопками. Очевидно, цей виступ зроблений спеціально.

До глибини 0,98-1,25 м рів був засипаний чорною землею. Далі йшли попіл та сажа. Шар останньої мав товщину 0,1-0,12 м. Очевидно, це залишки великої пожежі. Нижче залягали сіро-чорно-коричневий ґрунт та біла глина із різноманітними включеннями лінз попелу, сажі, обмазки тощо.

Перед зовнішнім краєм рову знаходився горизонтальний майданчик шириною до 1,8-2,0 м. Далі під кутом до 45° йшов ескарп. За внутрішнім краєм рову товщина культурного шару, що підвищувалася у бік городища, становила лише 0,15-0,2 м. Тут виявлені тільки поодинокі знахідки фрагментів кераміки.

Таким чином, Опішненське городище являло собою досить сильну укріплену лінію, яка захищала не тільки жителів самого поселення та околиць, а й південні підступи до Більського городища. Очевидно фортеця прикривала й брід через р.Ворскла та відгалуження від Муравського шляху, що йшло вздовж правого берега р.Мерла до Більського городища [7.-С.27]. Простежується багато спільного у влаштуванні укріплень Більського та Опішненського городищ. Це свідчить про їх спільні будівельні традиції і, можливо про участь населення з останнього у спорудженні оборонної лінії Більського городища.

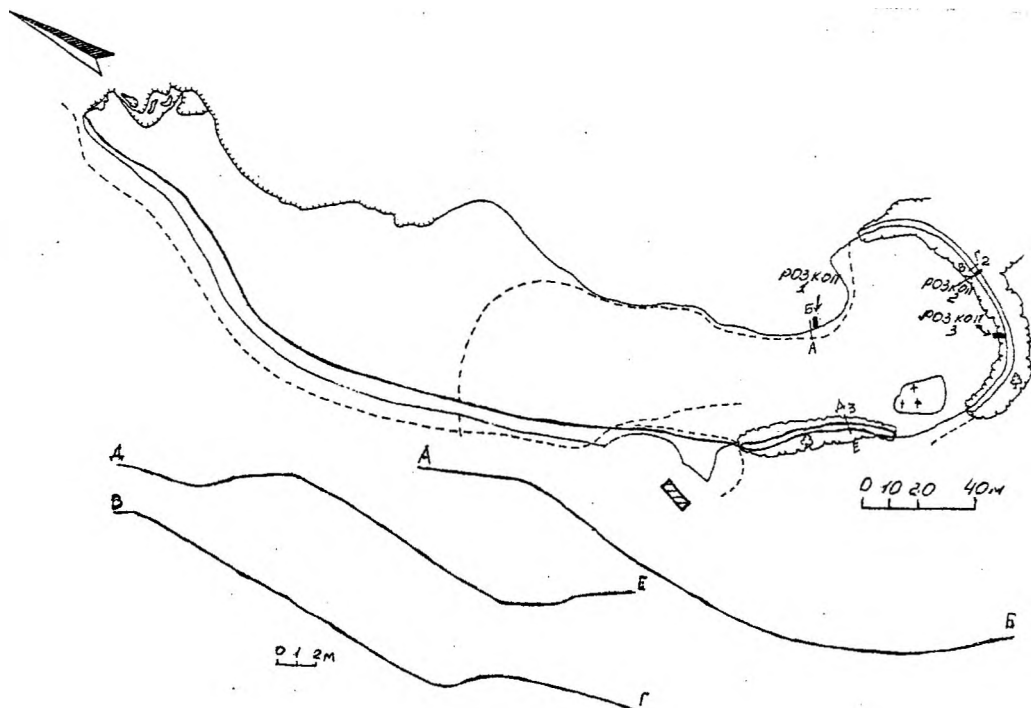

Рис. 1. План Опішненського городища, нівельованих профілів укріпленої лінії та місць розкопок.

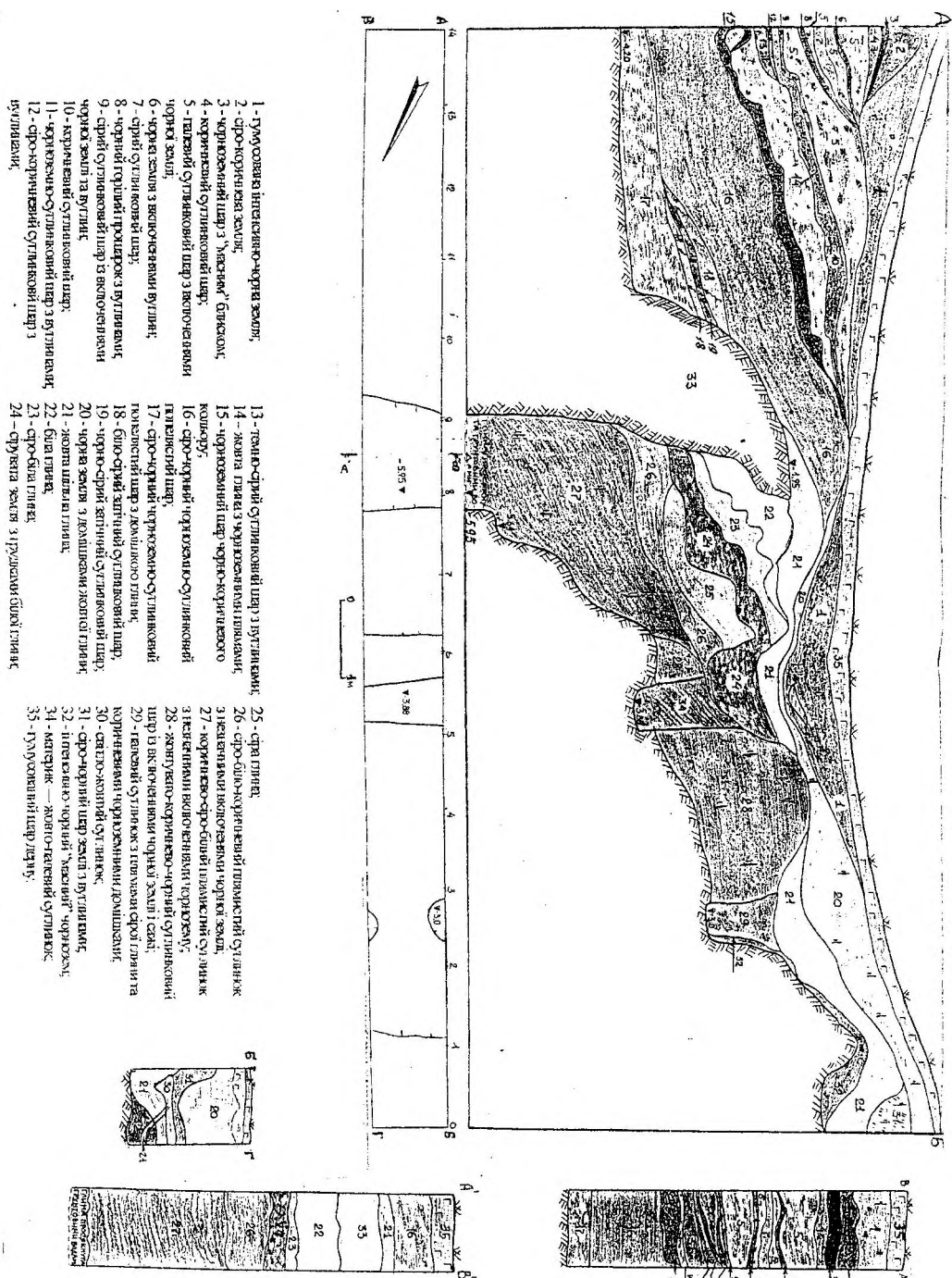

Рис.2. Опішненське городище. Статиграфія заповнень рову. Розкопки 2001 р.

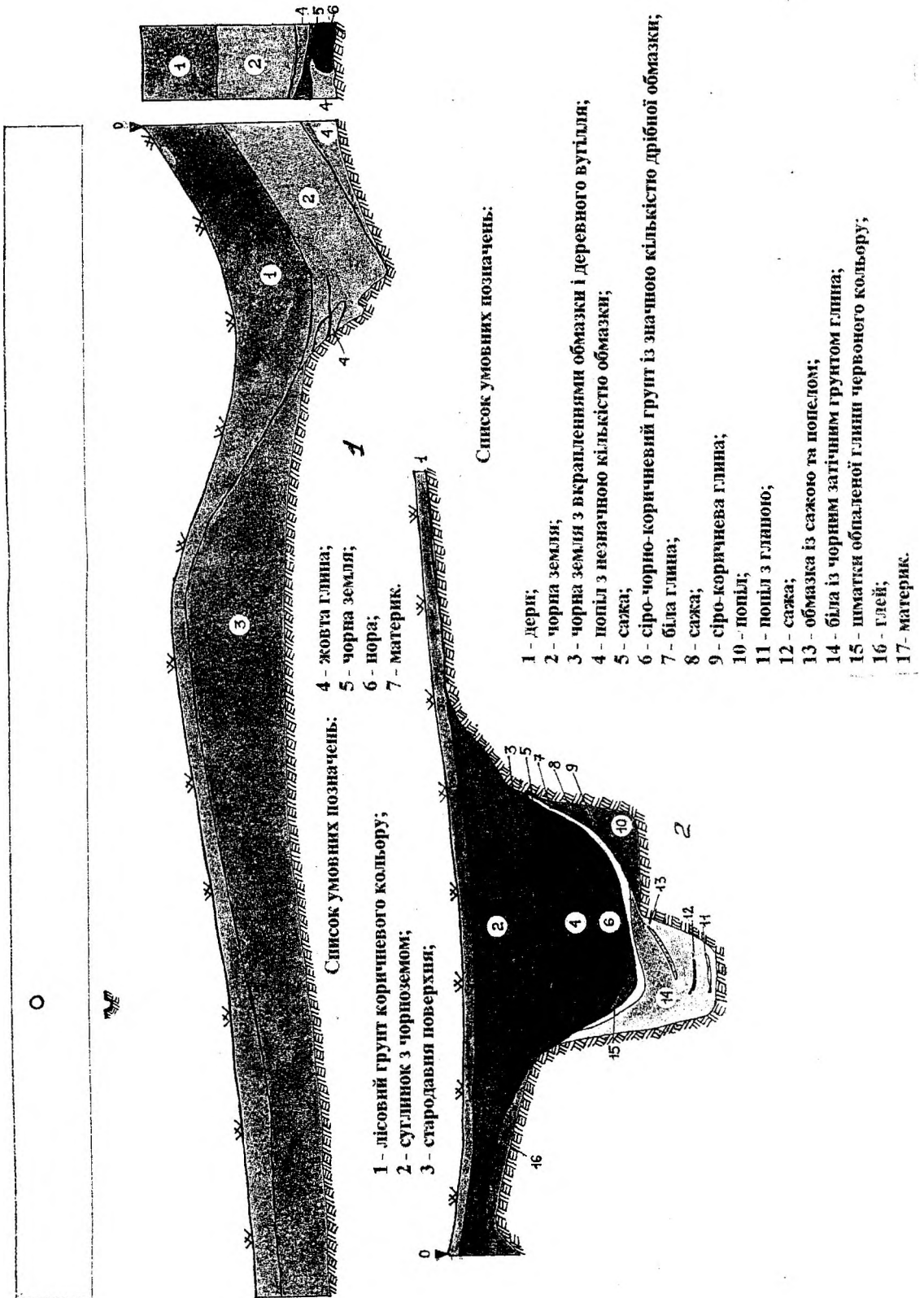

Рис.3. Опішненське городище. Статиграфія заповнень ровів. Розкопки 2002 р.

1. Ляскоронський В.Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Тр. XIII АС. — Москва, 1907. — Т.I. — С.183-184, рис.37.
2. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. — Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. — №104. — С.93-94.
3. Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. — Київ: Наук. думка, 1967. — С.50.
4. Супруненко О.Б., Гейко А.В., Кулатова І.М. Городище скіфського часу в с. Стасі у Середньому Поворсклі (попереднє повідомлення) // АЛЛУ. — Полтава: Археологія, 1999. — Ч.2. — С.14.
5. Гейко А.В., Коваленко А.В., Сапегін С.В. та ін. Звіт про археологічні дослідження у Полтавській області у 2001 році // НА ЦОДПА. — Ф.1 е., спр.340. — Полтава, 2002. — С.8-11, рис.4-24.
6. Троцька В.І., Щербань А.Л., Гейко А.В. та ін. Звіт про археологічні дослідження у Зінківському районі Полтавській області у 2002 році // НА ЦОДПА. — Ф.1 е., спр.340. — Полтава, 2003. — С.7-11, рис.16-37.
- 7.- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — Київ: Наукова думка, 1987. — С.30, рис.7.
8. Повідомлення О.Б.Супруненка.
9. Шрамко І.Б., Шрамко Б.А. Оборонні споруди Великого Більського городища // ПАП. — Полтава: вид. ПКМ, 1992. — С.46.

Глебов В.П.

ТИРАСПОЛЬСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ ПОДНЕСТРОВЬЯ – САРМАТЫ, СИРАКИ, СКИФЫ

Раскопки курганного могильника у с. Глиное на днестровском левобережье, ведущиеся с 1995 г., вновь привлекли внимание к так называемой тираспольской группе памятников Приднестровья скифского времени [1.—С.3-22; 2.—С.28-30; 3.—С.234-241; 4. — С.25-64]. На фоне почти полного запустения степей к западу от Волги после первой трети III в. до н.э. [5; 6.—С.186-197] открытие большой группы кочевнических памятников III-II вв. до н.э. в Поднестровье не могло не вызвать интереса исследователей.

Могильник Глиное представляет собой большую курганную группу, состоящую в основном из небольших индивидуальных насыпей с катакомбными захоронениями. Погребальный обряд характеризуется следующими чертами: абсолютное преобладание катакомб III типа по Б.Н. Гракову (около 90%), неоднократные случаи подзахоронений в погребальную камеру через дополнительный входной колодец, захоронения во входных колодцах лошадей (иногда в виде «чучел») и собак, уступы вдоль длинных стен колодцев, меридианальная, в основном северная ориентация погребенных и др. Время функционирования могильника определяется по надежным хроноиндикаторам (фибулы, амфорные клейма), как вторая половина III - первая половина II вв. до н.э.

На основании анализа погребального обряда и инвентаря Е.В. Яровой, И.А. Четвериков и А.Н. Дзиговский приходят к выводу о том, что могильник принадлежит нескифскому в своей основе населению, пришедшему в степи Приднестровья с востока. Аргументами в пользу такого вывода служат восточные, по мнению этих исследователей, черты в обрядности и материальной культуре: скрещенные ноги, положение кистей на таз, использование в ритуале огня (обождение инвентаря) или его заменителей (охра, реальгар, меловые посыпки), железные втульчатые наконечники стрел, топоры, крестовидные псалии, зооморфные поясные крючки, канеллированные курильницы и др. Большинство аналогий этим вещам и элементам обрядности авторы находят у оседлого населения Северного Кавказа (меоты, кобанцы) или кочевников савромато-сарматского круга. Без

полной публикации этого интереснейшего памятника трудно делать окончательные выводы. Тем не менее, хотелось бы высказать некоторые предварительные соображения о попытках отождествления номадов Приднестровья, оставивших могильники типа Глиное, с сарматами (савроматами, сираками).

Прежде всего, необходимо отметить дискуссионность некоторых заключений.

Предположение о смешанности населения, оставившего могильник Глиное и другие памятники тираспольской группы [1.–С.16; 3.–С.236], кажется недостаточно обоснованным. Погребальный обряд тираспольской группы памятников, насколько можно понять из обзорных статей, обладает высокой степенью стандартизации. Это ставит под сомнение вывод Е.В. Ярового и И.А. Четверикова о наличии в составе коллектива номадов нескольких групп различного происхождения – в таком случае обрядность была бы гораздо более пестрой.

Выведение катакомб III типа с востока довольно проблематично. Необходимо отметить, что тираспольские катакомбы имеют ряд особенностей, устойчивое сочетание которых составляет локальное своеобразие тираспольской группы памятников: обмазка стен и сводов камер жидкой глиной, орнаментация внутренней поверхности камер резными линиями, уступы вдоль длинных стен колодцев, захоронения в колодцах лошадей и собак, подзахоронения в камеру через дополнительный входной колодец и др. Насколько мне известно, эти элементы обрядности нигде в восточных регионах не встречены массово в устойчивом сочетании. Вообще, представления о широком распространении катакомб в савромато-раннесарматском мире следует признать ошибочным. Савроматские и раннесарматские катакомбы малочисленны, количество их в различных регионах не превышает 2-4 % от общего числа могил [7.–С.130; 8.–С.81-82; 9.–С. 182], никогда не составляют компактных могильников и в большинстве своем представлены другими типам [10.–С.175 и сл.]. Но и катакомбы, однотипные тираспольским, не обладают их конструктивными особенностями и теми чертами обрядности, которые составляют «колорит» тираспольской группы (см. выше). Независимо от решения дискуссионного вопроса о происхождении и генезисе савромато-сарматских катакомб, появление Т-образных катакомб в самых различных регионах степи, вероятно, следует считать конвергентным явлением.

Единственный регион, где в раннесарматское время катакомбы составляют более высокий процент от числа всех типов могил, это степи Предкавказья – 4,4 % [9.–С. 182] (вероятно, их было несколько больше, так как во многих случаях тип могильных ям не удалось проследить). Но там распространение катакомбного обряда происходит позже – в II-I до н.э., причем абсолютно преобладают другие типы катакомбных сооружений, и весь комплекс погребальной обрядности совершенно не похож на тираспольский. Эти памятники кубано-ставропольского региона сопоставимы с сираками Страбона (XI, V, 8), жившими по Ахардею (Кубани). Излишне говорить о коренных различиях в обрядности исторических сираков Кубани и номадов «тираспольской» группы – они очевидны [см. 11.–С.93 и сл., 12.–С.29-31, 13].

Северная ориентация погребенных существует в раннесарматской культуре в качестве варианта меридианальной ориентировки, но везде, кроме Северного Причерноморья, преобладающей является южная ориентировка, а число погребений с ориентацией в северный сектор довольно незначительно [8.–С.82; 9.–С. 183].

Представления об очищающей и возрождающей роли огня относятся к общим для индоиранцев воззрениям – у скифов культ огня также прослеживается по археологическим данным, хотя и не так рельефно, как у их восточных соседей [14.– С.31; 15.–С.159]. Положение руки на таз не является специфической сарматской или савроматской чертой обрядности, встречается и в скифской среде, что отмечают и тираспольские исследователи. Скрещение ног в голених не свойственно для сарматов, этот элемент обрядности считается заимствованным у меотов [11.–С.105]. О меловых посыпках вообще рискованно говорить без заключения специалистов, сделанного на основе химических анализов [16.– С.171-173].

Вопрос происхождения канеллированных курильниц преждевременно считать решенным. Гипотезу о том, что прототипами их являлись сарматские курильницы [17.–С.58, 65 18.–С.133-134], нельзя признать удачной. В раннесарматской культуре курильницы с вертикальным орнаментом известны в основном в восточных регионах, но довольно малочисленны, обычно имеют другую форму (круглодонные) и характер оформления поверхности (прочерченный или пролощенный орнамент). Генетическая связь их с канеллированными курильницами типа тираспольских, на мой взгляд, отсутствует. Основные формы сарматских курильниц иные [см. 19. –С.166-177]. Курильницы с вертикальными рельефными канеллюрами, скорее всего, представляют собой другую, возможно западную традицию – во всяком случае, редкие находки таких сосудов в сарматских комплексах тяготеют к западным районам Сарматии.

Параллели, проводимые между комплексом вооружения тираспольских кочевников и кубанских меотов, также довольно спорны. Мнение о непопулярности у меотов мечей не соответствует действительности – мечи в меотском комплексе вооружения являлись одним из наиболее распространенных типов наступательного оружия [20. Кожухов, 1994: С.6-8]. Железные втульчатые наконечники стрел действительно характерны для оседлого и кочевого населения Кубани и Предкавказья. Однако такие стрелы широко использовались в эллинистическое время и поздними скифами Крыма [21.–С.85, табл. XVI; 22. –С.34], и боспорскими греками [23].

Таким образом, гипотеза о прямой генетической связи номадов днестровского левобережья с савромато-сарматским миром представляется мне чересчур поспешной. Значение савромато-сарматских элементов в обряде и инвентаре номадов Приднестровья несколько преувеличено авторами публикаций, речь может идти лишь о культурном влиянии восточного мира, прямом или опосредованном, но не об идентификации днестровских кочевников с сарматами. Предметы восточного происхождения из тираспольских катакомб находят соответствие в самых различных культурах и регионах, причины и пути их проникновения в Приднестровье еще предстоит установить.

Более перспективна версия о связи «тираспольцев» с дунайской группой катакомб [2.–С.28-30], с единственной поправкой: возникновение катакомбных могильников в Подунавье и Приднестровье не следует связывать с уходом населения с Елизаветовского городища в дельте Дона на рубеже IV-III вв. до н.э. Елизаветовское городище и его некрополь к настоящему времени хорошо изучены [24]. Напомню, что, во-первых, жители Елизаветовского городища были людьми с давними и прочными традициями оседлого, а отнюдь не кочевого образа жизни; во-вторых, для погребального обряда «елизаветовцев» совершенно не был характерен ни катакомбный обряд, ни прочие детали обрядности приднестровских могильников. Единственное, что роднит их – это наличие канеллированных курильниц, но только на этом основании вряд ли корректно делать далеко идущие выводы и реконструкции.

1. Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. – Тирасполь. 2000.
2. Редина Е.Ф. К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. – Тирасполь. 2000.
3. Четвериков И.А.. Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н.э. (попытка этнополитической реконструкции тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. – Тирасполь. 2002
4. Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днестровских земель. – Одесса. 2003.

5. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. – Киев. 1992.
6. Глебов В.П. Еще раз о проблеме III в. до н.э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Часть 2. – СПб. 2002.
7. Железчиков Б.Ф. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Савроматская эпоха. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. – М. 1994.
8. Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских памятников IV-III вв. до н.э. // Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. – М. 1997.
9. Скрипкин А.С. Анализ сарматских памятников III-I вв. до н.э. // Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. – М. 1997.
10. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. – Волгоград. 1999.
11. Марченко И.И., Сираки Кубани. Краснодар. – 1996
12. Берлизов Н.Е. Сарматы в Предкавказье. Некоторые аспекты исследования // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). – М. 1996.
13. Петренко В.А. Культура населения Среднего Причерноморья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – М. 1980.
14. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. – Киев. 1983.
15. Бессонова С.С. Памятники религии и искусства Скифии // Археология Украинской ССР. Том 2. Киев. 1986.
16. Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. Пушкино. 1997.
17. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М. 1984.
18. Редина Е.Ф. Лепные курительницы из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (тезисы). I. – Запорожье. 1989.
19. Смирнов К.Ф. Курительницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. 1973.
20. Кожухов С.П. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меотосарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.). Автореф. ... дисс. к.и.н. – М. 1994.
21. Симонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. – Киев. 1983.
22. Дашевская О.Д. Поздние скифы Крыма. – М. 1991.
23. Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. Оружие из некрополя Танаиса эллинистического времени. (в печати).
24. Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. – М. 2000.

Гузман Р. О.

ВІДОБРАЖЕННЯ ДІЯЛЬНОСТІ Б.М. ГРАКОВА ЗА МАТЕРІАЛАМИ ОБЛАСНОЇ ПРЕСИ.

Діяльність археологів як сьогодні, так в минулому звертала на себе увагу преси. Тому й не дивно, що наукові дослідження знаменитого вченого – історика та археолога – Гракова Б.М. на території Кам'янських кучугур у 1938-1952 рр. знайшли відображення на сторінках місцевих запорізьких газет. Треба зазначити, що інформація про розкопки цієї видатної пам'ятки скіфського часу була вкрай обмеженою і мала форму коротеньких повідомлень, які друкувались на останніх сторінках видань. Частіш за все це були замітки

про початок сезонних робіт експедиції, або інформація пов'язана з господарською діяльністю на території Кам'янського городища.

Так “Більшовик Запоріжжя” від 23 травня 1941 року повідомляє читачам про приїзд до міста “в помощь краеведческому музею” московської експедиції, яка ознайомилась з експозиціями музею та дала поради щодо їх поліпшення. 26 серпня 1945 р. Юстус В. друкує в газеті “Червоне Запоріжжя” лист про участь в експедиції працівників Запорізького обласного музею, а у жовтні 1945 року газета інформує про виявлення експедицією АН СРСР на території Кам'янських кучугур решток “великого скіфського міста” кінця V- початку II ст. до н.е.

Та ж сама газета “Більшовик Запоріжжя” в 1949 році повідомляє про початок посадки соснового бору на території кучугур, у зв'язку з чим Інститут матеріальної культури ім. М.Я. Марра направив сюди для обстеження території пам'ятки доктора історичних наук Гракова Б.М. та секретаря парторганізації Інститута – кандидата історичних наук Ліберова П.Д. Після дослідження стану городища вчені були вимушені “немедленно приступить к намеченным раскопкам городища и провести их форсированно”. Спираючись на постанову Ради Міністрів СРСР від 14 жовтня 1948 року “Про міри поліпшення охорони пам'яток” лісгоспу було “рекомендовано усилить работу по закреплению подвижных песков посадкой шелюги, не допускать пастбы скота на песках, твердо установит дороги для передвижения через кучугуры и не допускать стихийного возникновения новых дорог и тропинок”. Тобто були створені умови для швидких та ефективних робіт на ділянці.

Перші результати робіт московської експедиції були опубліковані у даній газеті за 15 червня 1949р. Кореспондент “Більшовика Запоріжжя” І. Грязнов повідомляє про унікальні знахідки скіфського часу на території Кам'янського городища – залізні серпи та ковальський молот. Тут підкреслюється важливість знахідки – скіфські серпи були знайдені археологами вперше і підтверджували повідомлення античних авторів, зокрема Геродота, про те що частина населення у скіфів займалась землеробством. Як зазначає у своїй статті журналіст: “До сих пор таких памятников скифского земледелия в музеях не было.” Знайдений ковальський молот демонстрував вигляд одного з головних інструментів скіфів-металургів.

Та діяльність Б.М. Гракова не обмежувалась роботою тільки на Кам'янському городищі. У статті того ж І. Грязнова “З історії кургану Солоха” є згадка про обстеження у 1947 році даної пам'ятки вченим.

На початку п'ятидесятих років газета “Більшовик Запоріжжя” продовжувала друкувати невеличкі замітки з приводу роботи експедиції Інституту матеріальної культури ім. М.Я. Марра, але інформація що містилась в них розповідала головним чином про прибуття або від'їзд експедиції.

Таким чином, ми бачимо що хоч повідомлення про розкопки не були великі за своїм обсягом, але вони систематично знайомили читачів з археологічними дослідженнями, які проводились на території Запорізької області в окреслений період.

1. Юстус В. Лист в редакцію. // Червоне Запоріжжя. – 26 серпня 1945. – С.2
2. По сторінкам місцевих газет. // Червоне Запоріжжя. – 19 жовтня 1945. – С.2
3. Грязнов И. Научно-исследовательские раскопки под Мелитополем. // Большевик Запорожья. – 22 апреля 1948. – С.4
4. Грязнов И. Из истории кургана “Солоха” // Большевик Запорожья. – 21 октября 1948. – С.4
5. Археологические раскопки на Мелитопольщине // Большевик Запорожья. – 23 июля 1949. – С.4.
6. Грязнов И. Меры по охране Каменского городища // Большевик Запорожья. – 9 апреля 1949 – С.4.

7. Грязнов И. Уникальные находки на Каменском городище. // Большевик Запорожья. – 15 июня 1949 – С.4.

Данилко Н.М., Куприй С.А.

КУРГАН У с. МАЛАЯ ЛЕПЕТИХА.

Курганное поле у с.Малая Лепетиха состоит из более чем 50 курганов, вытянутых цепочкой вдоль левого берега Днепра в направлении с севера на юг. Могильник состоял из нескольких курганных групп, сконцентрированных на высоком участке плато, между окончаниями двух древних балок, идущих с востока на запад. В археологической литературе эта местность известна благодаря раскопкам Н.И.Веселовского. В 1915-1916г. он раскопал здесь 6 курганов.

Курган №10, один из 3-х небольших курганов, частично исследованных Н.И.Веселовским в 1916 г., находился рядом с "Большим" курганом.

Высота насыпи 1,1 м, диаметр 34 м (рис.1). В 8,5 м к востоку от центра выявлена вкопанная большая плита подпрямоугольной формы 0,6х0,8 м. Плита стояла вертикально "лицевой" стороной на восток. Курган был окружен кольцевой крепидой, шириной до 1,5 м и высотой до 0,6 м. Диаметр крепиды 24 м. Под крепидой в западной её части остатки тризны - амфорный бой и кости животных. В центральной части кургана прослежен раскоп Н.И.Веселовского. Прямоугольный в плане, размерами 4х3 м, ориентированный по сторонам света, с отклонением на запад. Глубина раскопа 1,4 м, т.е. он был до уровня материковой глины. В кургане было выявлено 6 скифских погребений: основное №6 и 5 впускных (№№1-5), причем, впускные погребения создавали могильник в юго-западной поле кургана с круговой планировкой.

Погребение 1 открыто в западном секторе кургана. Квадратная в плане входная яма 1,4х 1,4 м была ориентирована с северо-востока на юго-запад. На глубине 2,4 м, вдоль западной стенки ямы шла ступенька шириной 0,3 м, вторая, шириной 0,6 м – на глубине 0,4 м, и третья – шириной 0,8 м на глубине 3,25 м. Вход в камеру был расположен в восточной стенке ямы. Высота входа 0,6 м, ширина 1,0 м, длина 0,3 м. Закрыт плитой. Камера прямоугольная в плане 1,5х1,2 м, выведенная к центру кургана, была расположена под небольшим углом к оси входной ямы. Высота свода 0,6 м. Дно камеры находилось на глубине 3,55 м, на 0,3м ниже дна дромоса. Скелет ребёнка 12 лет лежал вытянуто на спине головой запад. В области шеи выявлено скопление бус.(1).

1.Шесть пастовых бусин округлой формы, из них : 2 глазчатых голубого цвета ; 3 белых и 1 желтая .

Погребение 2 находилось в 2-х м к юго-востоку от п.1. Прямоугольная в плане входная яма 1,3х0,9х1,1 м, расширялась на восток, ориентирована по длине с запада на восток. Дно ямы находилось на глубине 1,4 м, плавно понижалась на запад ко входу в камеру. Вход был закрыт тремя известняковыми плитами, поставленными на ребро. Высота дромоса 0,6 м, ширина 1,0 м, длина 0,4 м. Прямоугольная в плане камера размерами 1,5х1,1 м была выведена к югу от центра кургана. Находилась на одной оси с входной ямой с небольшим отклонением к югу. Высота свода 0,7 м. Дно камеры на глубине 2,2 м, на 0,2м ниже дна дромоса. Скелет ребёнка 5-7 лет лежал вытянуто на спине головой на северо-запад. На шее остатки ожерелья (1).

1. Три пастовых бусины из них: 2 - цилиндрической формы черного цвета с белыми и желтыми поперечными прожилками, 1 - цилиндрической формы с продольным рифлением, по краям бусины продольные желтые полосы, в центре – черная.

Погребение 3 (рис.2) находилось в 2,5м на север от погребения 1. Прямоугольная в плане входная яма размерами 1,1х0,5 м была ориентирована по длине с востока на запад. На глубине 2,4 м вдоль южной стенки мы шла ступенька шириной 0,4 м и высотой 0,2 м. Дно ямы находилось на глубине 2,7 м. Вход в подбой, расположенный под северной стенкой ямы, был закрыт несколькими известняковыми плитами поставленными на ребро. Овальный в

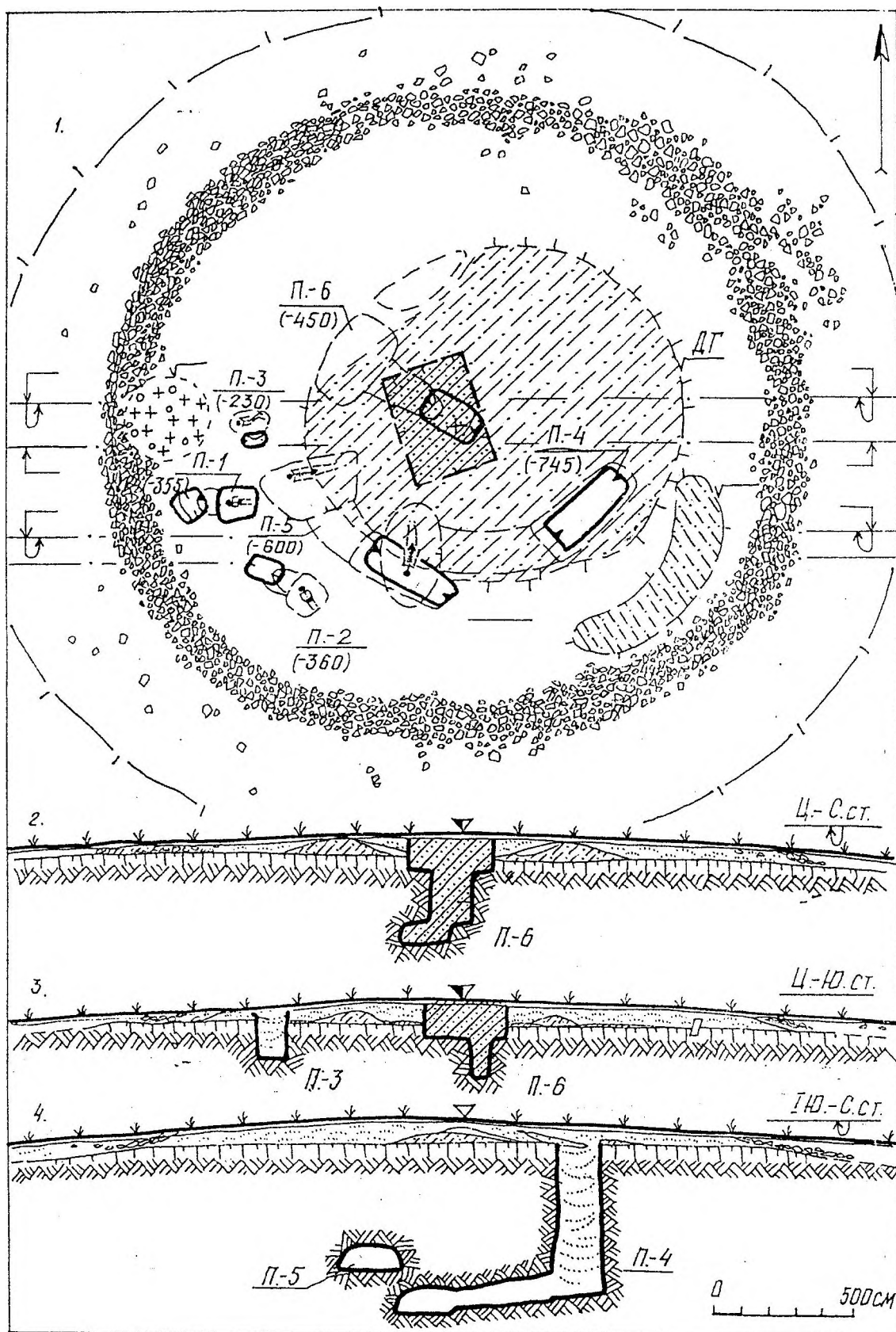

Рис.1. Курган № 10. Общий план, профили бровок.

плане подбой 1,4х0,75 м был расположен параллельно входной яме. Высота свода 0,5 м. Дно подбоя находилось на глубине 2,8 м на 0,1 м ниже дна входной ямы. Скелет ребёнка 7-9 лет лежал вытянуто на спине головой на запад. Справа от черепа находился окрашенный в красный цвет кусок дерева. На шее погребенного остатки ожерелья (1), на левой руке железный браслет (2) и перевязь из бус (3). Справа от черепа лежала серьга (4).

1. Шесть пастовых бус цилиндрической формы черного цвета с поперечными желтыми и зелеными полосами.
2. Железный браслет из круглой в сечении проволоки, диаметр 5 см, сечение 0,5 см.
3. Перевязь из 31 пастовой бусины круглой формы синего, голубого, желтого цветов с глазками белого цвета.
4. Бронзовая кольцевидная серьга с несомкнутыми концами. Диаметр – 0,4 см.

Погребение 4 (рис.2) находилось в юго-восточном секторе кургана. Прямоугольная в плане входная яма 3,8х1,4 м ориентирована по длине с северо-востока на юго-запад. Яма расширялась ко дну по стенкам на 10-40 см. Дно ямы на глубине 6,4 м, плавно понижалось на юго-запад ко входу в камеру на 15 см. В заполнении входной ямы найдена придонная часть амфоры. Вход в камеру арочной формы имел высоту 1,0 м и ширину 1,6 м. Перед входом ступенька высотой 0,2 м. Камера соединялась с входной ямой длинным дромосом, расположенным под небольшим углом к северу от входной ямы. Длина дромоса 3,9 м, ширина 1,6-1,8 м, высота 1,0 м. Возле северной стенки дромоса находилось дно лепного сосуда (1) и 2 наконечника стрел (2). Чуть дальше, у входа в камеру стоял бронзовый котел (3) с костями барана и железным стержнем (4). Овальная в плане камера была расположена перпендикулярно к дромосу. Ориентирована по длине с севера на юг. Высота свода 1,1 м, дно камеры на глубине 7,45 м, на 0,15 м ниже дна дромоса.

Погребенный, юноша 14–15 лет лежал на камышовой циновке, её вытянуто на спине головой на юг. Между головой и южной стенкой камеры находились два колчана (5-6) и напутственная пища - кость коровы с ножом (7). Под скелетом с юга на север лежали копьё (8) и два дротика (9-10). Возле левого виска находилась серьга (11), а на шее гривна (12). На кисти левой руки золотой браслет (13), на правой ещё один (14). На среднем пальце правой руки - кольцо (15). Возле левой руки ещё один колчан (16) и нож (17), рядом меч (18). В северо-восточном углу камеры находилась амфора (19), предметы конской упряжи (20).

1. Придонная часть лепного горшка с небольшой закраиной, которая расчленена вдавлениями. Диаметр дна - 12,5 см.
2. Два бронзовых трехгранных наконечника стрел пирамидальной формы с треугольным ложком. На ложке литой тамгообразный знак.
3. Литой бронзовый котел с глубокой овальной чашей на высокой конической ножке. На краю чаши находятся 2 петлевидные ручки с тремя выступами. Длина чаши 44 см, ширина - 27 см, глубина - 25 см, высота ножки - 13 см, диаметр основания ножки - 15,5 см (рис.4).
4. Железный стержень, четырехгранный в сечении, с заостренным концом для накалывания мяса. Длина стержня 15 см.
5. В состав первого колчанного набора входили 35 бронзовых наконечников стрел, трехгранные с выступающей и утопленной втулкой, треугольным и П-образным ложком. В ряде случаев на ложке имеется тамгообразный знак.
6. В состав второго колчанного набора входили 73 бронзовых трехгранных наконечника стрел, 1 – пулевидный костяной и 9 пулевидных деревянных. Бронзовые наконечники однотипные с выступающей втулкой и коротким треугольным ложком, доходящим до основания острия. На ложке есть тамгообразный знак.
7. Железный однолезвийный нож с горбатой спинкой. Восьмигранная в сечении костяная ручка крепилась к лезвию двумя железными заклепками. Длина ножа 14 см, длина лезвия 9,4 см, ширина лезвия 2,4 см.
- 8-10. От наконечников копий и дротиков сохранились только втулки. Общая длина копья – 2,1 м, длина дротика – 2,0 м.

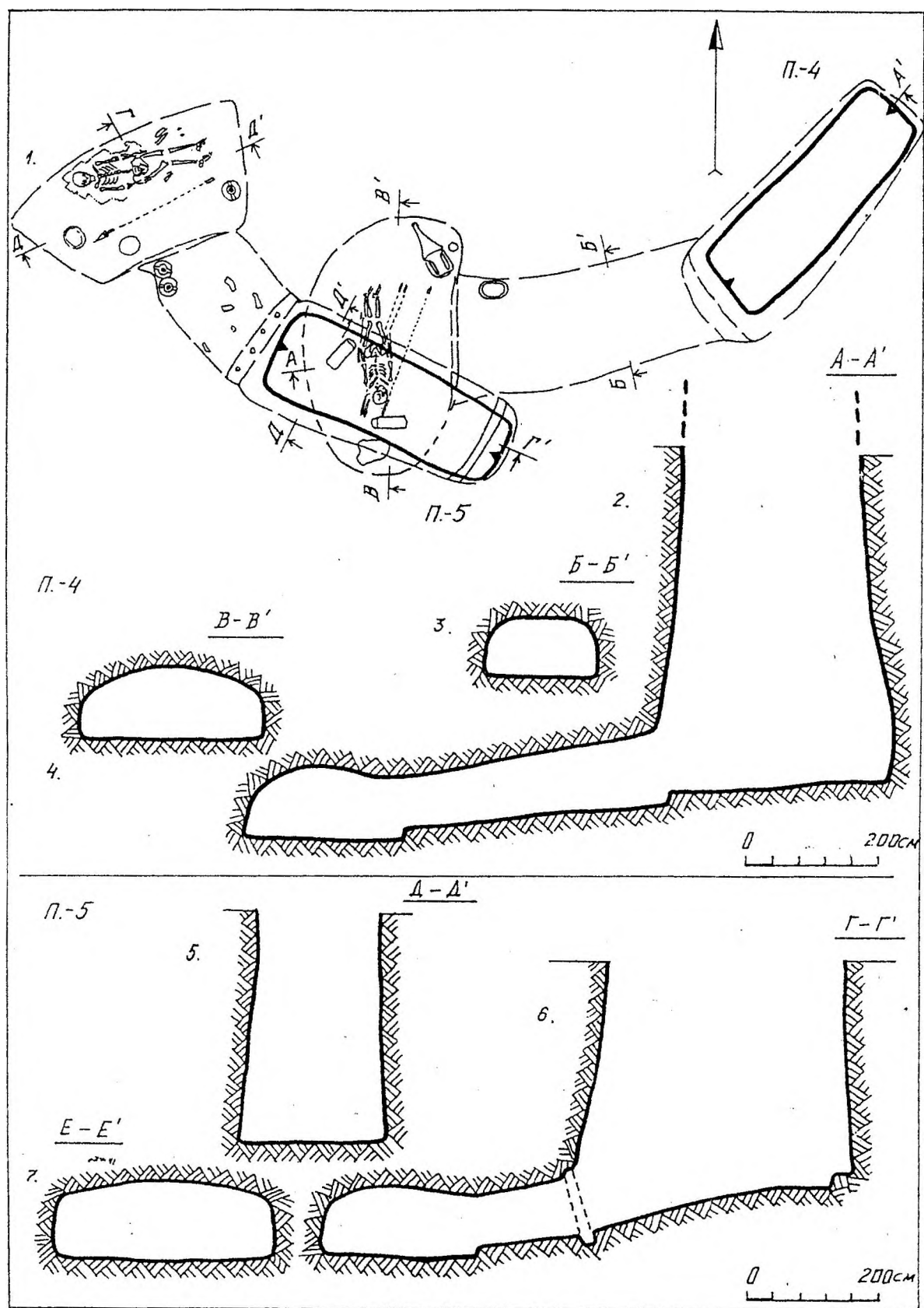

Рис.2. Курган № 10. Погребения №№ 4 и 5.

11. Золотая кольцевидная серьга с сомкнутыми концами, изготовленная из круглой в сечении проволоки. На серьгу надета синяя рифленая стеклянная бусина, обтянутая крест-накрест золотой фольгой. Диаметр серьги 3,5 см, бусины 1 см. (рис.3,4).

12. Золотая гривна, согнутая из круглого в сечении стержня. Концы гривны заходят друг за друга. Диаметр - 14,5 см, вес -277 гр.

13. Золотой браслет согнут из пластины с отогнутыми наружу краями, концы которой заходят один за другой. Посредине проходит продольное ребро. Диаметр пластины 7 см, ширина 4,7 см, вес -41,1 гр. (рис.3,6).

14. Золотой пластинчатый браслет с ребром в средней части. Ширина 2,4 см, вес 29 гр. Разломан рухнувшим сводом на 6 фрагментов (рис.3,5).

15. Золотое кольцо. Согнуто из круглой в сечении проволоки. Диаметр 2,1, сечения – 0,3 см, вес 3,5гр. (рис.6,3)

16. Третий колчанный набор состоял из 105 бронзовых трехгранных наконечников стрел башневидной формы с короткой выступающей втулкой и треугольным ложком на котором отлита тамга. На колчане найдено 30 стеклянных бусин округлой формы черного и желтого цвета.

17. Колчанный нож, однолезвийный с прямой спинкой и скошенным краем лезвия. Костяная ручка крепилась на черешке тремя железными заклепками. Длина ножа 14 см, длина лезвия 8,5 см.

18. Меч однолезвийный. Размеры: длина – 570 мм; длина клинка – 440 мм, ширина клинка – 50 мм, длина рукояти – 140 мм, ширина – 27 мм.

Клинок в сечении треугольный с горбатой спинкой, прямым лезвием и рукоятью с овальным навершием, односторонним выступом перекрестия, что отходит от рукояти в направлении лезвия. Рукоять меча обтянута тонким золотым листом с рельефными изображениями животных. В центре изображена в профиль фигура лежащего на коленях оленя с выставленными вперед рогами. С правой от него стороны – изображение пантеры, готовящейся к прыжку. Голова зверя повёрнута в фас, хвост напряжен, изогнут над спиной. Шкура в мелких крапинках окраса. На навершии в овальном картуше двустороннее изображение пятнистого оленя – косули, в профиль, готовящейся к прыжку. Голова зверя повёрнута в профиль и назад. Хвост прямой. Ноги длинные, согнуты в коленях. Окрас шкуры передан точками. На перекрестии, в рельефной рамке, двустороннее изображение пантеры. Голова зверя повёрнута в фас, уши переданы треугольниками. Хвост длинный, вытянутый назад. Лапы согнуты, круп зверя поднят вверх. Окрас шкуры передан точками (рис.3,2)

Ножны меча заканчиваются электровым наконечником – обоймой подтреугольной формы. Длина наконечника 13 см.

19. Большая светлоглиняная античная амфора .На горловине красной краской нарисован полумесяц. Край горловины обведён полосой краски красного цвета. Высота – 87см. Д венчика – 11см.

20. В набор конской узды входили: два железных S-видных псалия с ромбовидным расширением в центральной части и пробитыми в нём двумя отверстиями. На концах стержней плоские головки. Бронзовый нащечник из тонкого листа в виде головы птицы с гравированным орнаментом. На обратной стороне нащечника находится петля для ремня. Бронзовое подпружное кольцо с двумя тройными выступами и одним в виде шляпки гвоздя, диаметр 5,5 см. Пять бронзовых круглых выпуклых блях диаметром 5 см. На обратной стороне отлита петля для ремня. Три малых бронзовых бляхи такого же типа, диаметром 2,5 см. Три большие выпуклые бляхи, петля для ремня отлита отдельно и прикреплена с внутренней стороны, диаметр 6,5см.

Погребение 5 (рис.2) находилось в 4 м к западу от погребения 4. Прямоугольная в плане входная яма 3,7х1,1х1,4 м расширялась на северо-запад и была ориентирована по длине с юго-востока на северо-запад. Ко дну яма расширялась по стенкам на 10-40 см. На глубине 4,6 м вдоль юго-восточной стенки ямы шла ступенька шириной 0,2 м. Ниже

ступеньки дно входной ямы плавно понижалось на 0,6 м на северо-запад ко входу в камеру, достигая глубины 5,5 м. Вход арочной формы имел ширину 1,6 м и высоту 1,0 м.

Перед входом была вырыта канавка для упора плах перекрытия, длиной 1,6 м, шириной 0,2 м и глубиной 0,15 м. Камера соединялась с входной ямой длинным дромосом, расположенным на одной оси с ямой. Длина дромоса 1,8 м, ширина 1,6 м, высота 0,9 м.

Перед входом в камеру стояли две амфоры (1-2). Трапецевидная в плане камера 2х2,6х2,8 м расширялась к задней стенке. Была расположена перпендикулярно к оси дромоса и входной яме. Ориентирована по длине с востока на запад, с небольшим отклонением к югу. Высота свода 1,2 м, дно на глубине 6,0 м. Свод и стенки камеры тщательно заглажены. Погребённый лежал на прямоугольном настиле 2,0х0,9 м, составленном из досок шириной 0,1 м, вытянуто на спине головой на запад. За черепом находились остатки напутственной пищи - кости коровы и нож (3). Возле левого виска лежала серёжка (4), на шее серебряная гривна (5). Вдоль правой руки лежал колчан со стрелами (6). На среднем пальце левой руки кольцо (7). Вдоль настила, с правой стороны от погребенного лежал дротик (7). Перед входом стоял бронзовый котел (9), в южном углу ещё одна амфора (10).

1-2. Две однотипные гераклейские амфоры. У одной отбита ножка. На горловине одной из них клеймо. Высота 70 см, диаметр горла 10 см.

3. Желеный однолезвийный нож с горбатой спинкой. Рукоятка костяная, восьмигранная в сечении, крепилась к черенку двумя железными заклёпками. Длина ручки 8,5 см, ширина 2 см.

5. Золотая кольцевидная серьга из плоской перевитой проволоки с сомкнутыми концами и надетой красной биконической бусиной. Бусина обтянута крест-накрест золотой фольгой. Диаметр серьги 2,5 см, бусина 1 см (рис.3,7).
6. Колчаный набор состоял из 34 бронзовых трёхгранных наконечников стрел с утопленной втулкой и коротким треугольным ложком. На ложке оттиск тамги (рис.11).
7. Золотое кольцо, свёрнуто из круглой в сечении проволоки с заходящими друг за друга концами. Диаметр кольца 2,1 см, масса 1,9 гр (рис.3,1).
8. Фрагмент железного наконечника дротика с подтреугольной короткой головкой с выступающими шипами. Общая длина наконечника 35 см, дротика в целом – 2 м.
9. Бронзовый литой котёл с глубокой овальной чашей на полой ножке. На чаше две вертикальные петельчатые ручки с тремя выступами-шишечками. По основанию ножки проходит рубчатый пояс и опоясывающее ребро-выступ. Длина чаши 34 см, ширина 21,5 см, глубина 21 см, высота ножки 9 см, диаметр основания 11 см.
10. Фасосская амфора с биконическим туловом на длинной ножке. Высота 70 см, диаметр горла 10 см.

Погребение 6 (основное), находилось в центре кургана. Было исследовано Н.И.Веселовским. Трапецевидная в плане входная яма 2,4х1,2х1,5 м расширялась на северо-запад ко входу в камеру. На глубине 2,1 м вдоль юго-восточной стенки шла ступенька шириной 0,4 м и высотой 1,4 м. Дно входной ямы находилось на глубине 3,5 м. Ко дну яма расширялась в стороны на 10-15 см. Вход в камеру был расположен в северо-западной стенке ямы. Высота входа 1,1 м, ширина 1,5 м. Камера соединялась с входной ямой дромосом длиной 1,8 м, шириной 1,5 м и высотой 0,9 м, расположенным на одной оси с ямой. Прямоугольная в плане камера 3,0х2,1 м была расположена перпендикулярно к дромосу и входной яме. Ориентирована по длине с северо-востока на юго-запад.

Анализ погребальных сооружений дает следующую картину: п.1, п.2 - катакомбы с продольным расположением камеры, по В.С.Ольховскому относятся к варианту 2 тип II а. П. 3- погребение в подбое относится к варианту 1 тип I, п. 4, п.5 - катакомбы с продольным расположением камеры, к варианту 2 тип Va [1.-С.215]. Достаточно полно в рассматриваемых погребениях представлена античная тарная керамика: в п.4 светлоглиняная, п.5 – 2 гераклейских амфоры, одна круга Фасоса биконическая. С.Ю.Монахов датирует амфоры из п.5 серединой 60-х IV в. до н.э. [2.-С.309-310].

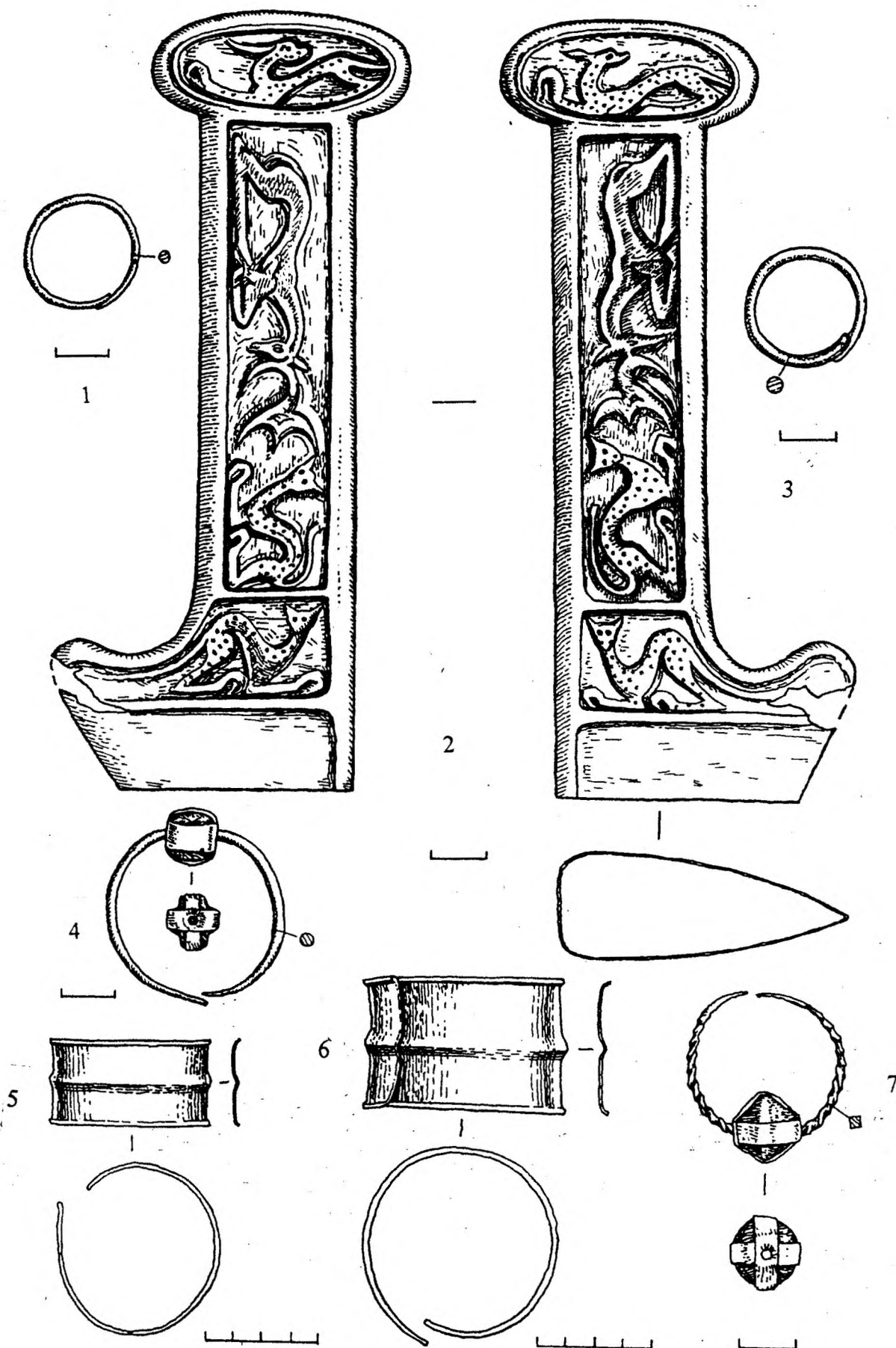

Рис.3. Курган № 10. 2-6 – п.4; 1,7 – п.5.

Анализ предметов вооружения дает нам возможность соотносить эти погребения со II-III четвертями IV в. до н.э. Особо хотелось бы отметить однолезвийный меч из п.4 с золотой обкладкой рукояти, имеющий полные аналогии в погребениях III четверти IV в. до. н.э. (Чертомлык, Новониколаевка, Златополь, Пески, Соболева могила, Рыжановка).

Дараган М.Н.

ОСНОВЫ ХРОНОЛОГИИ ПРЕДСКИФСКОГО И РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ.

Хронология позднейшего предскифского и раннескифского периодов за последние десятилетия заметно эволюционировала, обогатившись аргументами, способствующих ее значительному понижению. При этом наметилось четкое разделение исследователей на сторонников "высокой" и "низкой" хронологии. На сегодняшний день существуют различные хронологические системы и принципы датирования для предскифских и раннескифских памятников, разница между которыми составляет 50-200 лет. Это приводит к разнобою в датировках и культурных определениях одних и тех же памятников при следовании различным принципам датирования.

Однако, многие из исследователей, отстаивая близкие им хронологические позиции для памятников этого периода, апеллируют к основам, абсолютно забывая или не зная, в чем же они состоят. Поэтому я полагаю своевременным напомнить о том, **какими были основы предскифской и раннескифской хронологии и какими они стали.**

Всем исследователям предскифских древностей, вероятно, известно, что в основе хронологии памятников предскифского периода лежит гальштатская хронологическая система, тогда как раннескифская длительное время была ориентирована на переднеазиатскую и античную. При этом обязательным "фоном", позволяющих уяснить их соотношение, были данные переднеазиатских письменных источников, в которых киммерийцы (с которым традиционно сопоставлялись предскифские древности), как участники ближневосточных конфликтов упоминаются с 714 г. до н.э., а скифы – с 675 г. до н.э. Поздние датировки переднеазиатских импортов и античной керамики (концом VII-VI вв. до н.э.) из раннескифских памятников Северного Причерноморья, а также данные античных и восточных письменных источников, согласно которым скифы устанавливают свое политическое господство в Северном Причерноморье, предварительно вытеснив отсюда предшествующих им киммерийцев, не позволяли начинать скифскую историю в Северном Причерноморье ранее середины VII в. до н.э. [1.–С.38; 2.–С.183].

Проведению синхронизации памятников предскифского периода с европейской хронологической шкалой способствовали как прямые европейские импорты, так и корреляция периодизации чернолесской культуры и жаботинского этапа с кругом культур орнаментированного и каннелированного гальштата [3; 4; 5; 6]. А.И.Тереножкин, впервые привлекая европейские материалы сначала для датировки чернолесской культуры, а впоследствии и для черноморовских и новочеркасских древностей, первоначально синхронизировал их с НаС (800-650 гг. до н.э. по хронологии и периодизации Гальштата П.Рейнеке) [7.–С.11]. Далее, в ряде своих работ 1960-х гг. он использовал схему Г.Мюллера-Карпе, согласно которой НаС начинается на 100 лет позже – в 700 г. до н.э. Это не привело к изменениям в хронологии, но вызвало изменения в периодизации: черноморовские, чернолесские и новочеркасские материалы были сопоставлены с выделенными для Средней Европы Г.Мюллером-Карпе периодами – НаВ-2 датированного IX в. до н.э. и НаВ-3, соответствовавшего VIII в. до н.э. – горизонтам, содержащих т. н. фрако-киммерийские древности [2; 3]. Тогда же дата окончания периода НаВ-3 становится одним из основных хронологических реперов памятников предскифского периода.

Вторая линия синхронизации для позднейших предскифских памятников Северного Причерноморья и Кавказа, – переднеазиатская, – кардинально отличается от центральноевропейской. Она была "открыта" после публикации материалов погребения из Носачева – классического новочеркасского памятника жаботинского этапа из Украинской Лесостепи. Среди собственно новочеркасского материала этого погребения были бронзовые ажурные изделия, аналогии которым Г.Т.Ковпаненко нашла на ассирийских рельефах времени Саргона II (722-705 гг. до н.э.) и Ашшурбанипала (668-624 гг. до н.э.) [8.–С.177-178]. Этим она, как тогда представлялось, открыла археологические свидетельства переднеазиатских походов кимерийцев и (или) скифов. В значительной степени этот факт повлиял и на последующее соотношение комплекса новочеркасского клада с историческими киммерийцами (А.И.Тереножкин) или скифами (А.М.Лесков), и приоритетное использование для их хронологии дат переднеазиатских письменных источников, что, как неоднократно указывалось, далеко не бесспорно, в первую очередь, по методологическим соображениям [9.–С.88]. Первым, по "переднеазиатскому пути" в установлении хронологии памятников предскифского периода пошел А.М.Лесков. Он разделил черногоровско-камышевахские и новочеркасские древности, связав первые, с киммерийцами времени ассирийских хроник VIII- начала VII вв. до н.э., а вторые - с древнейшими скифами начала переднеазиатских походов (середина VIII - середина VII в. до н.э.). Датировки носачевских изделий тогда не подвергались сомнению и при тех аналогиях, которые были для них предложены, чудесно соответствовали данным исторических хроник. Кроме этого, по многочисленным аналогиям конскому убору из памятников черногоровско-новочеркасского типа в Центральной Европе А.М.Лесков считал, что нижняя дата их не может быть старше середины VIII в. до н.э., полагая, что среднеевропейская хронологическая схема Г.Мюллера-Карпе нуждается в омоложении [10.–С.8, 43]. Что характерно, только схема Г. Мюллера-Карпе, самая "молодая" из всех предлагаемых европейских хронологических систем [см.; 11.–1-4], позволяла сопоставление, без значительных расхождений, датировок вещевого комплекса предскифского типа по центральноевропейской хронологии, и переднеазиатским письменным свидетельствам.

Между тем, А.И.Тереножкин в 1976 г., ориентируясь на новые европейские разработки по хронологии гальштата, пересмотрел периодизацию и хронологию черногоровских, новочеркасских и синхронных им в Украинской Лесостепи чернолесских и жаботинских памятников. Черногоровские и чернолесские он синхронизировал с НаВ-2, а новочеркасские и жаботинские с НаВ-3- началом НаС, но при этом указывал на вероятную **синхронность горизонта НаВ-2 с НаВ-3 с приоритетными датировками по этапу НаВ-2 - IX в. до н.э.** Определяя абсолютную хронологию этих древностей, А.И.Тереножкин отметил, что "в отечественной археологии установилось ошибочное правило обозначать начало НаС с 700 г. до н.э., тогда как в действительности оно восходит к более ранней поре.... 750 или даже к 800 г. до н.э." [12.–С.206]. Однако на деле, его хронология, хоть и была ближе всего к европейской, в основном касалась нижних границ черногоровских и чернолесских памятников – датируемых с 900 г. до н.э., тогда как для новочеркасских и жаботинских был предложен диапазон – 750-650 гг. до н.э., что в общем – то, несмотря на его же предостережения о более раннем начале этапа НаС, полностью согласовывалось с периодизацией и хронологией Г.Мюллера-Карпе. Поэтому, на хронологии раннескифской культуры, прогрессивные положения А.И.Тереножкина никак не отразились, а финал и новочеркасских, и жаботинских древностей при их соотношении с европейским материалом оказался значительно "смазанным". Но тому были "оправдания": отсутствие, в представлении А.И.Тереножкина, прямых параллелей новочеркасскому комплексу в Центральной Европе, "поздние" датировки переднеазиатских аналогий в новочеркасском комплексе (хотя они менее отражены в его исследовании, в значительной степени потому, что не было находок новочеркасских древностей в Передней Азии) и отсутствие объективных оснований

преодолеть традиционный порог начала датировки раннекифских древностей серединой VII в. до н.э. Но, на самом деле, данные позволяющие перешагнуть традиционный порог начала раннекифской культуры были, на что впоследствии указал Г.Коссак [13].

Схемы периодизации и хронологии черноговорских и новочеркасских древностей А.И.Тереножкина и А.М.Лескова имеют принципиальные отличия. Если у А.И.Тереножкина хронология была "западной", основанной на привязке вещевого комплекса черноговорско-новочеркасского типа к центральноевропейской хронологической системе, то у А.М.Лескова – "восточной" и привязанной не к действительной хронологической системе, а к данным письменных источников. Это различие направлений принципиально (учитывая, что "работают" оба из них по сей день), поскольку оно обусловлено разницей в подходах, как к анализу археологического материала этого периода, так и его трактовки. При этом, своеобразный "бум" в разработках сторонников "письменной хронологии" новочеркасского комплекса, начался с 90-х гг. 20 ст, когда к носачевским ажурным предметам добавились и другие "переднеазиатские импорты" [см. например работы: 14; 15.; 16].

На сегодняшний день в вопросах синхронизации памятников позднейшего предкифского периода Северного Причерноморья и Кавказа с центральноевропейскими древностями ситуация похоже максимально стабилизировалась, расхождения в работах ученых минимальны. Черноговорские памятники сопоставляются с древностями этапа НаВ-2, а новочеркасские – более широко – с НаВ-3 и началом НаС. То же самое можно сказать и о синхронных лесостепных древностях, которые коррелируются с центральноевропейской хронологической шкалой посредством синхронизации с ранне- и среднегалльштатскими культурами Юго-Восточной Европы. При этом древности среднегалльштатской культуры Басараби могут исполнять роль своеобразного третейского судьи. Они представлены на Жаботинском поселении в стратифицированных горизонтах, в комплексах новочеркасского типа, а в Средней Европе – в комплексах горизонта НаВ-3 и собственно в могильниках галльштатского времени начала НаС [17.–S.349-371; 18.–S.109; 19.–Abb.7; 11,1-2; 20.–S.48, fig.8/18; S.195, fig.53].

Но что касается хронологии, то как существовали значительные разногласия в датировании одних и тех же древностей от 50 до 200 лет, несмотря на урегулирования Г.И.Смирновой [4], так они и существуют по сегодняшний день. При этом сторонники переднеазиатской истории новочеркасского комплекса стойко придерживаются датировки финала НаВ-3 – начала НаС преимущественно с 700 г. до н. э.

Как же обстоят дела в хронологии европейского Галльштата сегодня? Для начала несколько слов о НаВ-2 и НаВ-3. Спорными в схеме Г.Мюлера-Карпе является выделенная им фаза НаВ-2 и хронология фазы НаВ-3, что является следствием корреляции центральноевропейских материалов этапа НаВ с итальянскими горизонтами: с фазой поздней Протовиллановы коррелировались комплексы, выделенные в этап НаВ-1, датированный X в до н.э. Другие коррелировались с горизонтом Вилланова-II и были выделены в фазу НаВ-3 = VIII в. до н.э., а НаВ-2 должен был заполнить возникший 100-летний промежуток между X и VIII вв. до н.э., соответствующий фазе Вилланова-I. Но многими учеными были высказаны сомнения в правомерности выделения НаВ-2, как самостоятельной культурно-хронологической стадии. Соответственно, при правомерности сопоставления НаВ-1 с Протовиллановой, возник вопрос, с чем на самом деле синхронизируется НаВ-3 – с Виллановой-I, Виллановой-II или ими обоими. И можно ли ставить знак равенства между НаВ-3 и VIII в. до н.э. Сейчас представляется, что из этих двух стадий НаВ, только НаВ-3 может быть признан самостоятельным культурно-хронологическим периодом, (в рамках которого и концентрируется основная масса изделий т.н. фрако-киммерийского типа), тогда как НаВ-2 следует понимать только как узко региональное явление, фиксирующие переход к позднему периоду культуры Полей Погребений, который стартовал ранее, чем предполагалось в 1959 г. – в 950–920 гг. [21.–P.103]. Многочисленные дендрохронологические исследования для памятников этапа

НаВ-3 однозначно указывают на его существование в IX в до н.э. [22.–S.63-97; 23; 24], а для собственно гальштатских, – этапа НаС, – уже в начале VIII в. до н.э. [21.–P.112; 25.–S.35]. При этом НаВ-2 и НаВ-3, на большей части своих хронологических диапазонов синхронизируются в рамках одной фазы НаВ-2/НаВ-3, датированной X-IX вв. до н.э. [21.–P.112] В общем, предостережения А.И.Тереножкина отечественным специалистам, сделанные в 1976 г., полностью подтвердились.

Сейчас уже не вызывает сомнения, что аналогии новочеркасским бронзам в Центральной Европе представлены в поздней фазе культуры полей погребений еще в IX в. до н.э. [25.–S.35]. С комплексами IX – начала VIII вв. до н.э. коррелируются и материалы новочеркасско-жаботинского горизонта Украинской Лесостепи. При наличии случаев прямой корреляции материалов этих горизонтов с среднеевропейскими (что особо показательно для керамики Жаботинского поселения), хронология сторонников переднеазиатской письменной хронологии для комплексов новочеркасского типа неприменима. Если, конечно, не будут опровергнуты основы центральноевропейской хронологии. При этом как убедительно показано исследованиями С.В.Полина, А.И.Иванчика, главные археологические аргументы сторонников "высокой" хронологии новочеркасского комплекса – "переднеазиатские" импорты, на деле оказываются закавказскими изделиями более раннего времени вплоть до X-IX вв. до н.э. [26.–С.117-118; 27.–С.228-247], что абсолютно согласуется именно с "удревненной" центральноевропейской хронологией горизонта памятников новочеркасского типа. "Спасти" поздние датировки новочеркасского комплекса, может только возвращение к **хронологическим основам** схемы Г.Мюллера-Карпе, что на сегодняшний день вряд ли возможно.

Такова ситуация с основами предскифской хронологии. Ее удревнение влечет и понижение дат раннескифских памятников, что и было обоснованно доказано в серии работ, в первую очередь, Г.Коссака, С.В.Полина, И.Н.Медведской, Г.И.Смирновой и А.И.Иванчика. Первый репер удревненной раннескифской хронологии – это хронология Келермесских курганов, основанная на датировках передневосточного импорта. Их хронология была пересмотрена Л.К.Галаниной, указавшей, что они соответствуют эпохе Ашшурбанипала (668-635/27 гг. до н.э.), в хронологических рамках ~ 660- 620. гг. до н.э. [28.–С.104-105]. В.И.Кисель установил, что все переднеазиатские импорты из раннескифских памятников Северного Причерноморья и Кавказа, относятся к первой половине VII в. до н.э., а сооружение курганов, содержавших данные вещи, следует связывать с оттоком части кочевников с Ближнего Востока в 670-660 гг. до н.э. [29.–С.16-17]. При этом В.И.Кисель в ряде своих работ неоднократно приводит для многих предметов более ранние аналогии. Поэтому, не исключено, что нижний хронологический предел Келермесского могильника и синхронных ему памятников еще далеко не исчерпан, учитывая, что в периодизации раннескифских древностей Келермесские курганы характеризуют лишь один из этапов, далеко не самый ранний [30.–С.56]

Второй генеральный хронологический репер, открытие которого является особой заслугой И.Н.Медведской, – это тот факт, что в Передней Азии имеются раннескифские материалы, по периодизации памятников раннескифской культуры, соответствующие ее келермесской ступени, зафиксированные в датированных стратифицированных комплексах первой половины VII в. до н.э. и ранее [31.–С.96-99], что было подтверждено и другими исследователями [9.–С.94-95; 25.–S.36].

Очень перспективной может оказаться и восточноазиатская линия синхронизации для раннескифских памятников Северного Причерноморья. В ряде случаев они имеют прямые параллели в майэмирской культуре Центральной Азии, для установления хронологии которой, как следует из разработок Д.С.Савинова и А.Варенова [32; 33], возможна корреляция с древностями государства Западное Чжоу, финал которого относится к 771 г. до н.э. При этом коррелируются с майэмирской культурой как материалы комплексов этапа РСК-1 [34.–С.66), так и РСК-2 [35.–табл.2].

Последним, в значительной мере, решающим аргументом для традиционной хронологии являются датировки античной керамики из раннескифских памятников, в первую очередь, Северного Причерноморья. Она представлена расписной и тарной посудой. Последняя в комплексах этапа РСК-3 может датироваться со второй половины VII в. до н.э. [30.–С.57-59]. Особо важны материалы поселений раннескифского времени Украинской Лесостепи-Залесье и Иване-Пусте, где в закрытых комплексах обнаружены раннескифские вещи этапа РСК-3, обломки хиосских расписных амфор, сероглиняная керамика, которая может быть сопоставлена с малоазийской VII – начала VI и бронзовые браслеты, прямые аналогии которым представлены в погребениях Гальштата этапа НаС – На D-1 [36].

Представительной в комплексах Северного Причерноморья является и коллекция **расписной греческой керамики**, представленной преимущественно в комплексах этапа РСК-3 (но не исключено, что она появляется еще на этапе РСК-2). Это фрагменты сосудов позднегеометрического стиля (Немировское, Трахтемировское городища) и керамика стиля "Middle Wild Goat-I-II" на Немировском, Трахтемировском, Западном Бельском городищах и др. [37.–С.15; 38.–С.122-138]. Между тем предлагаемые отечественными специалистами хронологические рамки этой керамики далеко не бесспорны. Существуют возможности пересмотра ее хронологии. В ряде случаев это напрямую связано с пересмотром основ античной хронологии в целом [39]. Например, длительность ступени MWG-I определяется 665/60-650/45 [40.–С.211]. Ныне одним из ведущих оснований для хронологии восточно-греческой керамики, являются ее находки Middle Wild Goat-II стиля в израильских городах Ashkelon, Tel Migne-Ekron, и Tel Batash Timnah в закрытых разрушением слоях, связываемых с вавилонскими завоеваниями Nebuchadnezzar II в конце VII в. до н.э. [Waldbaum, Magness, 1997, 36-40]. Однако, приписывание разрушений именно Nebuchadnezzar II, возможно, и не бесспорно [41.–С.49], и могут быть пересмотрены в рамках VII в. до н.э., учитывая низкие датировки для Middle Wild Goat-I.

Таким образом, вся совокупность данных по основам хронологии предскифского и раннескифского периода имеет реальные основания для удреждения. Такой вывод позволяет сделать не только критический анализ разработок в этой области (в данной работе изложенный в очень тезисном виде), а и изучение материалов Жаботинского поселения - эталонного памятника раннего железного века Украинской Лесостепи, ранние материалы которого коррелируются с ранне- и среднегальштатским кругом культур Юго-Восточной и Центральной Европы НаВ-2/НаВ-3 – начала НаС, а поздние – с среднегальштатской культурой Басараби-II и непосредственно с материалами погребений Восточноальпийского Гальштата (НаС-1), имеющих надежные датировки в рамках VIII в. до н.э. [36; 42; 43].

В заключение отмечу, что в исследованиях в области хронологии раннего железного века, благодаря возможности корреляции материалов по различным хронологическим системам, открываются колоссальные перспективы. Но они возможны только при заинтересованности и включения в эту работу как можно более широкого круга специалистов по различным региональным системам. При этом, в первую очередь, требуется сопоставление и северопричерноморских и центрально-европейских памятников с периодизацией переднеазиатского региона, где, вероятно, возможно провести также сопоставление горизонтов с древностями раннескифского типа со стратифицированными слоями израильских городов, содержащих восточно-греческую керамику. Возможно, если такое сопоставление будет проведено, оно и станет связующим аргументом в спорах сторонников "высокой" или "низкой" хронологии. Не менее перспективным является и **перекрестное сопоставление** материалов этапов РСК-2 и РСК-3 Украинской Лесостепи с центрально-европейскими этапами НаС-2 и НаD, в которых также присутствует античный импорт (коринфский), отлично коррелируемый с восточно-

греческой керамикой. А апелляция только к письменной истории киммерийцев и скифов в современных условиях, следует признать, уже давно устарела.

1. Граков Б.Н. Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК, 1948, Вып. XXII
2. Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. - Киев, 1961.
1. Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА—1965 – 1.
2. Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР // СА. – 1985. № 4.
3. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. - М., 1979.
4. Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. Кишинев. - 2000. - №3.
5. Тереножкин А.И. Памятники предскифского периода на Украине // КСИИМК. – 1952. - Вып. XLVII.
6. Ковпаненко Г.Т. Носачівський курган VIII-VII ст. до н.э. // Археологія – XX – 1966.
7. Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. – 1999. - №2.
8. Лесков А.М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины. – Автореф. докт. ист. наук. - М., 1975.
9. Parzinger H. Chronologie der Späthallstatt – und Fruhlatene – Zeit. Studien zu Fundgruppen zwischen Mosel u. Sava (VCH, Acta Humaniora, 1989).
10. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – К., 1976.
11. Kossack G. "Kimmerische Bronzen" // Situla – 20/21—Ljubljana, 1980.
12. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. - М., 1994.
13. Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху. – Армавир 1999.
14. Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской лесостепи. – Киев-Полтава, 1999.
15. Metzner-Nebelsick C. Gefäße mit basaraboider Ornamentik aus Frög // Universitätsforschungen zur Prehistorischen Archeologie. – Bonn, 1992. – Band 8.
16. Eibner A. Die Bedeutung der Basarabi-Kultur in der Entwicklung des Osthallstattkreises // Der Basaradi-Komplex in Mittel-und Sudosteuropa. – Bukarest, 1996.
17. Dobiat K. Die Hallstattnecropole bei Kleinklein im Sulmtal. // Die Hallstattcultur. - Linz 1981.
18. Terzan B. Stareysa zelezna doba na Slovenskem Stajerskem. – Ljubljana, 1990.
19. Pare C.F.E. Chronology in Central Europe at the end of the Bronze Age // Acta Archeologica Vol. 67. - 1996. – Munksgaard.
20. Dunning C., Rychner V. Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze – zur Eizenzeit in der Westschweiz // Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze – zur Eizenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus. - Regensburg, 1994.
21. Sperber L. Untersuchungen zur Chronologie der Urnenfelderkultur im nordlichen Alpenvorland von der Schweiz bis Oberosterreich //Antiquas Reiche. -N.3. T.29. –Bonn (Habelt), 1987.
22. Randsborn K. Historical implication.Chronological Studies in European Archeology c.2000-500 B.C. // Acta Archeologica. - 1992. -Vol. 62-1991. - Kobenhavn-Munksgaard.
23. Parzinger H. Bemerkungen zum frühen Tierstil zwischen Kuban, Indus und Enisej // Tüba-Ar. 5. – 2000.
24. Полін С.В. Про хронологію ранньоскіфської культури // Археологія. – 1996. - №4.
25. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. – Москва, 2001.
26. Галанина Л.К.К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА – 1- 1994.
27. Кисель В.А.Памятники ближневосточной торевтики из курганов Предкавказья и Северного Причерноморья VII- начала VI вв. до н.э. Автореф. канд. ист. наук. Спб.– 1998.

28. Полин С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н.Медведской) // РА - 1998. - №4.
29. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА — 1992 - №3.
30. Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации. - Барнаул, 1991.
31. Варенов А.В. Скифские материалы из алтайской части Китая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
32. Дараган М.Н. О культурно-хронологическом соотношении новочеркасского и РСК-1 комплексов // Сучасні проблеми археології – К, 2002.
33. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии – Спб., 2003.
34. Дараган М.Н. Хронология Жаботинского поселения // Боспорский феномен – Спб., 2004.
35. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V веках до н.э. М., 1966.
36. Вахтина М.Ю. Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ, Вып. VI. – Симферополь, 1998.
37. James P., Thorpe I.J., Kokkinos N., Morkot R., Frankish J. Centuries of Darkness: A Challenge to the Conventional Chronology of Old World Archaeology. - London, 1991.
38. Kaüfler S. Die Fruhstufe des Middle Wild Goat 1-Stils // Archeologischer Anzeiger – 1999 – Heft 2.
39. Hannestad L. Absolute chronology: Crece and the Near East c.1000-500 BC // Acta Archeologica. - Vol. 67. - 1996. – Munksgaard.
40. Дараган М.Н. Периодизация Жаботинского поселения // Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 pp. – К., 2003.
41. Daragan M. Die Periodisierung und Chronologie der Siedlung Jabotin // Eurasia Antiqua – 2004 – 8.

Зубарь В. М.

ПО ПОВОДУ "ЗЕМЛЯНОЧНОГО" ЭТАПА ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В ХЕРСОНЕСЕ В V - НАЧАЛЕ IV ВВ. ДО Н. Э.

На плато Северо-Восточного района Херсонесского городища археологически прослежены следы, которые связываются М. И. Золотаревым с древнейшим этапом домостроительства на его территории. Это углубления в скале эллипсоидной или круглой формы, площадью от 4 до 10 кв. м., заглубленные в материк на 0,6-0,9 м., которые группировались в своего рода "кусты". В них при нивелировке территории под более поздние постройки в переотложенном состоянии сохранился материал V-первой трети IV в. до н. э., на основе которого и можно говорить о начале жизни на территории Херсонеса [1.-С.68 - 76; 2.-С.38 - 39; 3.-С.138; 4.-С.37 - 47; 5.-С.32 - 33; 6.-С.70 - 78; ср.: 7.-С.143].

М. И. Золотарев полагает, что эти сооружения по ряду конструктивных признаков (наличие ступенек-тамбуров, очагов, глинобитных полов, расслоившихся сырцовых кирпичей) можно интерпретировать в качестве полуземлянок, а сооружение их в скальном массиве объясняет тем, что земляночные или полуземляночные сооружения являлись наиболее типичным типом домостроительства на ранних этапах существования античных центров всего Северного Причерноморья [ср.: 8.-С.41]. А структура скального грунта в Херсонесе, с его точки зрения, не препятствовала сооружению таких жилых конструкций [1.-С.68 - 76; 5.-С.32; 6.-С.70 - 78; 9.-С.113].

Однако вряд ли такая интерпретация скальных вырубков, зафиксированных в Херсонесе, где скала располагалась непосредственно под дерновым слоем, как остатков именно жилых конструкций, может быть безоговорочно принята. Но категорически нельзя согласиться с С. Ю. Сапрыкиным и Дж. Хаиндом в том, что эти углубления являются остатками карьера

по добычи камня, который затем использовался для наземных построек [10.-Р.234; 11.-Р.142]. Несмотря на дискуссионный характер интерпретации этих вырубов, их размеры и конфигурация убеждают в том, что они менее всего похожи на карьер по добычи камня [ср.: 12.-Р.625 - 626; 13.-С.205], которые хорошо известны в окрестностях Херсонеса [см.: 14.-С.55, участок 94; 60, участок 107; 71, участок 141, 89-90, участок 212; 139-140, участок 384]. И уж полным абсурдом является заключение Дж. Хаинда о том, что в наземные постройки, возведенные из добытого таким образом камня, могли принадлежать "некоторым грекам, прибывшим из Керкинитиды и Ольвии и их таврским торговым партнерам" [11.-Р.142; ср.: 12.-С.626; 13.-С. 205].

Решающим обстоятельством в вопросе интерпретации вырубов в скале, как представляется, является то, что, в отличие от Нижнего Побужья, на материалах которого в свое время был выделен так называемый "дом колониста", значительное количество камня в Херсонесе, который без особого труда мог быть использован при строительстве жилья, в том числе и достаточно примитивного, делало нецелесообразным углубление скалы с целью сооружения полуземлянки. Ведь, по мнению С. Д. Крыжицкого, "землянки являлись модификацией обычного дома колониста – **наземной** (выделено мною - В. З.), как правило, однокамерной структуры" [15.-С.59], строительство которой в условиях Херсонеса, в отличие, например от Нижнего Побужья, требовало достаточно трудоемкой подрубки скалы.

В связи с этим следует обратить внимание на весьма интересно наблюдение А. М. Бутягина. На основе анализа археологических остатков раннего греческого домостроительства на Боспоре он пришел к заключению, что в Торице, где сходные с херсонесскими геологические условия и не было нехватки камня, уже на самом раннем этапе его существования строится большое наземное каменное здание. Такое явление объясняется гибкостью греческой домостроительной традиции, когда переселенцы в зависимости от природных условий могли возводить различные жилые конструкции, в том числе и из камня, а не исключительно полуземлянки [16.-С.27 – 28].

Приведенные данные позволяют предположить, что в Херсонесе мы имеем дело не с полуземлянками, подобными открытым в Нижнем Побужье [8.-Крыжицкий, 1993, С. 41] или на Боспоре [16.-С.26; 17.-С.36], а подрубкой скалы при строительстве каких-то не дошедших до нас сооружений на ее поверхности, но не обязательно жилых [ср.: 18.-С.130, прим. 12]. Следует также обратить внимание и на то, что очень близкие по размерам и конфигурации скальные вырубывы,¹ в которых также был обнаружен материал классического периода, зафиксированные при раскопках античной усадьбы на северном берегу восточного рукава Стрелецкой бухты. Но они, в отличие от херсонесских, были интерпретированы не как полуземлянки, а в качестве остатков погребальных сооружений до греческого населения [подр. см.: 19.-С.26; 14.-С.52, участок 87; ср.: 20.-С.82].

Сказанное заставляет вспомнить, что на территории Херсонесского городища в разные годы были найдены кремневые орудия труда и обломки лепной кизил-кобинской керамики с налепным орнаментом, которая датируется первой половиной I тыс. до н. э. [21.-С.67; 22.-С.16, № 9/70; 23.-С.159 – 163], а в слоях позднеклассического и эллинистического времени – обломки сосудов с резным гребенчатым орнаментом [24.-С.48 - 50; 25.-С.7 – 9]. Несмотря на то, что культурный слой предшествовавшего возникновению Херсонеса времени пока не выявлен, все же есть основания с высокой долей уверенности предполагать наличие на месте греческой апойкии более раннего кизил-кобинского поселения [26.-С.80 - 81, 162; 27.-С.171; 22.-С.16; 25.-С.7 - 9; 28.-С.122; 19.-С.17; 29.-С.102]. От него вполне могли сохраниться и зафиксированные М. И. Золотаревым вырубывы в скале, куда при нивелировке территории под более позднее строительство попал материал V - первой трети IV вв. до н.

¹ Размеры этих вырубывов следующие: глубина - 0,25 - 0,9 м, длина - от 2 до 3 м, ширина 0,7 - 0,8 м [19.-С. 26].

э. [ср.: 7.-С.].¹ Весьма показательным в этом отношении является то, что при разборке культурного слоя конца VI - первой половины V вв. до н. э. в Северо-Восточном районе Херсонеса (раскопки М. И. Золотарева) были найдены обломки лепных чернолощенных кубков, датирующиеся VI в. до н. э. [30.-С.100; 23.-С.162]. А Г. Д. Белов отмечал, что находки лепной керамики и каменных орудий на Северном берегу встречались в самой нижней части культурного слоя, на скале [31.-С.32].

Исходя из приведенных данных, пока нет веских оснований, как уже на протяжении многих лет это делает М. И. Золотарев, выделять отдельный, так называемый "земляночный" этап в херсонесском домостроительстве, которое в конкретных геологических условиях имело свою специфику. Активная архитектурно-строительная деятельность в Северо-Восточном районе Херсонеса, которая при новом строительстве требовала сноса более ранних сооружений, обусловила то, что о типах жилых сооружений древнейшего Херсонеса сегодня, к сожалению, пока нельзя сказать ничего определенного. Но факт жизни греческих переселенцев в Северо-Восточном районе на протяжении всего V в. до н. э., сделанный на основании античного керамического комплекса, и возникновение Херсонесского полиса на сто лет раньше, чем считалось ранее [32.-С.36 – 46], не подлежит сомнению и должен считаться твердо установленным научным фактом. Причем, если исходить из сообщения Плиния (Plin. NH: IV, 85), древнейшее поселение называлось Мегарикой и лишь позднее получило название Херсонес.

1. Золотарев М. И. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі //Археологія. – 1990. - № 3. - С. 68 - 76.
2. Золотарев М. И. Формирование архитектурно-планировочной структуры Северо-Восточного района Херсонеса в античное время //Древнее Причерноморье. – Тезисы докладов. - Одесса, 1991. - С. 38 - 40.
3. Золотарев М. И. Херсонесская архаика //ВДИ. - 1995. - № 3. - С. 138 - 151.
4. Золотарев М. И. Древнейший этап жилого строительства в дорийском Херсонесе //Хсб. – 1996. - Вып.7. - С. 37 - 47.
5. Золотарев М. И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом //Хсб. - 1998. - Вып. 9. - С. 26 - 35.
6. Золотарев М. И. Древнейший этап жилого строительства в дорийском Херсонесе //Древнее Причерноморье. - Одесса, 1998. - С. 70 - 78.
7. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. - К., 1990. - 176 с.
8. Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - Киев, 1993. - 247 с.
9. Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического //ВДИ. - 2001. - № 1. - С. 111 - 132.
10. Saprykin S. Y. The foundation of Tauric Chersonesus // G. R. Tsetschladze (ed.) The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology. - Stuttgart, 1998. - p. 227 - 248.
11. Haind J. Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea (Sister- and Daughter-Cities of Herakleia) // G. R. Tsetschladze (ed.) The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology. - Stuttgart, 1998. - p. 131 - 152.
12. Bujskich A. Рец.: G. R. Tsetschladze (ed.) The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology. - Stuttgart, 1998. // Eurasia Antiqua. - 2001. - Bd. 7. - S. 623 - 629.
13. Буйских А. В. Рец.: The Greek Colonisations of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. - Stuttgart, 1998//ВДИ. - 2002. - № 1. - С. 201 -208.

¹ Судя по публикациям М. И. Золотарева [1.-С.71; 5.-С.32], этим временем датируется не гибель полуземлянок, а период образования слоя засыпи, который при нивелировки территории под новое строительство попал в углубления в скале.

14. Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV - III вв. до н. э. - Севастополь, 2001. - 164 с.
15. Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов.- Киев, 1985. - 191 с.
16. Бутягин А. М. Раннее домостроительство на Боспоре //Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. - Тезисы докладов. - СПб., 1997. - С. 26 - 28.
17. Марченко К. К., Крыжицкий С. Д. К вопросу о наиболее ранних строительных комплексах северопричерноморских греков //Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. - Материалы научной конференции. - СПб., 2001. - Часть 1. - С. 33 - 36.
18. Зубар В. М. З приводу інтерпретації житлово-господарських комплексів в ранніх шарах античних міст Північного Причорномор'я //Археологія. - 1998. - № 1. - С. 129 - 136.
19. Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV - III вв. до н. э. - Севастополь, 1999. - Часть 1. - 83 с.
20. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л., 1978. - 160 с.
21. Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. - М., 1959. - С. 63 - 85.
22. Савеля О. Я. Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколониционного периода // Хсб. - 1996. - Вып. 7. - С. 13 - 18.
23. Сенаторов С. Н. Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе //Археологические вести. - 2000. - Вып. 7. - С. 159 - 163.
24. Савеля О. Я. О керамике с резным орнаментом из Херсонеса // КСИА. - 1979. - Вып. 124. - С. 48 - 50.
25. Сенаторов С. Н. О кизил-кобинской керамике из Херсонеса // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1987. - С. 7 - 9.
26. Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. - Новосибирск, 1976. - 224 с.
27. Савеля О. Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI - IV вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. - Тбилиси, 1979. - С. 166 - 176.
28. Рогов Е. Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства //Stratum plus. - 1999. - № 3. - С. 116 - 144.
29. Марченко Л. В. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города //Хсб. - 1999. - Т. 10. - С. 101 - 106.
30. Сенаторов С. Н. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса //Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1988. - С. 101 - 100.
31. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. - Л., 1948. - 147 с.
32. Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Год рождения Херсонеса Таврического // Хсб. - 1998. - Вып. 9. - С. 36 - 46.

Иванова С.В.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ-РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В заметке вводятся в научный оборот два неординарных захоронения с территории Северо-Западного Причерноморья.

Одно из них, обнаруженное в 1990 году при раскопках курганов у с.Лиманское Раздельнянского района Одесской области, относится к черногоровской культуре¹

Курганный могильник у с. Лиманское, состоящий из 4 курганов, был расположен на плато левого берега Кучурганского водохранилища, в 200 м к северо-востоку от восточной

окраины села. Курган 1 имел диаметр около 50 м и высоту 1,5 м от древней дневной поверхности. Основное захоронение, разрушенное в древности, датируется белозерским временем.

Впускное погребение 1 обнаружено в 4,2 м к северо-востоку от репера, на глубине 1,65, в предматериковом суглинке. Погребальная камера овальной формы, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток, имела размеры 1,72 x 1,1 м и глубину 0,2 м от уровня обнаружения (Рис. 1,1). В восточной части могильной ямы прослежены остатки прутьев, лежащие на краях ямы (заплечиках?). Погребенный (ориентирован на юго-восток) уложен на левый бок, ноги согнуты под прямым углом к туловищу. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кистью лежит на локте левой руки. Пяточная кость правой ноги обожжена. Скелет и дно под ним посыпаны белым порошком (мел?). В изголовье, у восточной стенки могильной ямы обнаружены ребра крупного животного, под ними – илистая прослойка. Рядом с костями – фрагмент деревянного сосуда (?) с бронзовой фигурной накладкой (Рис. 1,2). Размеры фрагмента – 3,5 x 3,5 см, толщина деревянной основы – 0,7 см, толщина бронзовой накладки – 0,1 см.

Бронзовые пластины-накладки, оформляющие деревянные сосуды, известны и в других захоронениях раннежелезного века: Высокая могила [11. – С.32]; Великая Александровка [7. – С. 154]. Отдельные черты погребального ритуала также находят аналогии в захоронениях предскифского периода региона. Так, прутья вдоль стен погребальной камеры зафиксированы в захоронении Каушаны ½ [12. – С. 72].

Отметим, что в Северо-Западном Причерноморье к черноморовским комплексам относится 2 основных и 26 впускных погребений [13. – С.287]. Поэтому каждое новое погребение представляет несомненный интерес.

Второе публикуемое в заметке захоронение происходит из раскопок Дунай-Днестровской экспедиции Института археологии 1970 г у с. Каменка Измаильского района.

Курган 7 имел высоту 1 м и диаметр 40 м, захоронение являлось основным и единственным, отнесено авторами раскопок к ямной культуре. Погребение находилось в 4 м к северу от репера, на глубине 1,4 м, в прямоугольной яме размером 1,4 x 0,7 м. Скелет расположен скорчено на спине, ориентирован на северо-восток. Ноги согнуты коленями влево, левая рука слегка согнута в локте, вытянута вдоль туловища. Правая рука согнута в локте, лежит поперек туловища, кистью на локте левой руки (Рис. 1,3). В области груди – бронзовое округлое кольцо с несомкнутыми концами, обернутое серебряной фольгой (Рис.1,4).

Вес кольца 3,846 грамма, диаметр – 2,6 см, толщина сечения проволоки 0,32-0,35 см, толщина серебряного покрытия 0,05 см.

В Одесском научно-исследовательском институте судебно-медицинской экспертизы был проведен спектральный анализ изделия, показавший, что основой кольца является оловянистая бронза (1,4% олова), фольга изготовлена из серебра без значимых примесей.

К сожалению, комплекс является достаточно аморфным, и обряд совершения захоронения не дает возможностей для его однозначной интерпретации. Оно может быть отнесено как к КМК, так и к раннесабатиновскому времени. В то же время не исключена его принадлежность к раннему железному веку.

Уникальной находкой является кольцо с плакировкой. В памятниках степной зоны бронзового и раннежелезного века аналогии этому украшению нами не найдены. Морфологически оно довольно невыразительно; кольца подобного облика известны в различных культурах. В какой-то степени хронологическим индикатором может выступать химический состав основы кольца. Оловянистые бронзы доминируют в Циркумпонтийской металлургической провинции в позднебронзовом веке (хотя в Центральной Анатолии и на смежных с ней территориях они появляются не позднее 2-й половины III тыс. до н.э.) [2. – С.27].

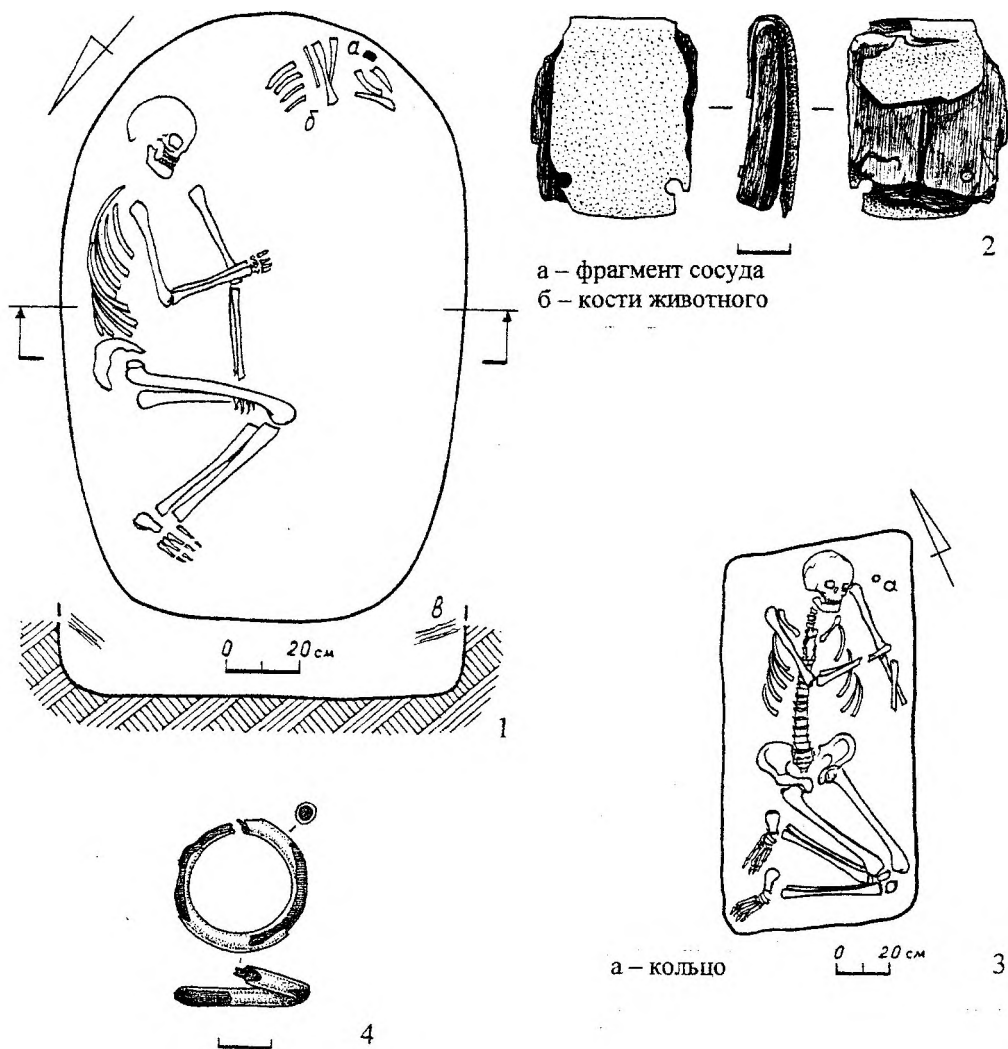

Рис.1. Погребения из курганов у сел Лиманское и Каменка Одесской области (1-2 – Лиманское,1,1; 3-4 – Каменка,7,1).

На территории Северо-Западного Причерноморья изделия с примесью олова известны в период средней бронзы (кинжал из погребения катакомбной культуры близ г.Тирасполя) [9. – С. 88; 5. – С.253].

Плакировка (обертывание фольгой медной или бронзовой основы) зафиксирована в разных культурах эпохи бронзы; но во всех случаях применялась золотая фольга. Покрытие твердой основы золотым листом известно с IV тыс. до н.э. в памятниках Древнего Востока и Средней Азии [10. – С.6; 6. – С. 73]. На Западном Кавказе (дольменная культура) находка бронзового кольца с несомкнутыми концами, обтянутого золотой фольгой, датируется 1-й половиной II тыс. до н.э. [8. – С.261] Бронзовые височные кольца, покрытые золотой фольгой, известны в Синташте (1), памятниках черноговровского круга [4. – С.24]. Серебряное покрытие на изделиях эпохи бронзы - раннего железа неизвестно. Это затрудняет культурную атрибуцию памятника.

Возможно, публикация комплекса поможет в дальнейшем сузить хронологические рамки и уточнить его культурную принадлежность.

1. Генинг В.Ф. Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология. – 1977. - №4.

2. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1983.

3. Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е. Погребения предскифского времени на Днестровском Левобережье // Киммерийцы и скифы. – ТДК. – Мелитополь, 1992

4. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Киммерийское время // Археология Украинской ССР. – т.2. – Киев: Наукова думка, 1986.

5. Каменский А. Г. Результаты спектрального и металлографического исследования металлических предметов из памятников эпохи бронзы с территории Молдовы // Яровой Е. В. Курганы энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. – Кишинев: Штиинца, 1990.

6. Кинк Х.А. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. – М.:Наука, 1976.

7. Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце. – Советская археология, 1985. - №4.

8. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.

9. Савва Е.Н. Катакомбное погребение у г. Тирасполя // Молдавское Приднестровье в первобытную эпоху. – Кишинев: Штиинца, 1987.

10.Сарианиди Р.И. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. – САИ, вып. БЗ-8.

11.Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976.

12.Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П. Курганы Буджакской степи. – Кишинев: Штиинца, 1989.

13.Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. Киммерийский курган у пгт Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита до античности. – Тирасполь: ПГУ, 2002.

Илюков Л.С.

БРОНЗОВЫЕ НОЖНЫ С БРОНЗОВЫМИ РЕЗЦОВЫМИ ПЛАСТИНКАМИ.

Ряд предметов, случайно найденных на территории Нижнего Подонья, заслуживает внимания, при описании древностей раннего железного века.

В песках юрта ст.Нижнекундрюченской, казаком В.Сережниковым была собрана большая коллекция различных древностей, переданная в Донской музей (Новочеркасский музей истории донского казачества). Среди них, найденных в 1897-1901 гг., есть оригинальное изделие. Это миниатюрные ножны из свернутой на конус бронзовой пластинки. В ножны были вложены две миниатюрные пластинки, у которых один узкий край заточен. Обе пластинки выглядят как два миниатюрных скальпеля или резчика. Они описаны в каталоге Донского музея [Попов, №1269, С.89]. Обстоятельства находки

неизвестны [Раев, С.45, табл.21,11]. В Новочеркасском музее истории донского казачества предмет хранится под номером II-88.

Сделаны из тонкой бронзовой прямоугольной пластинки, она свернута на конус, а верхней части она расширена. Длина ножен более 5.5 см.

В ножны вставлены две миниатюрные вытянутые пластинки клиновидной формы. Одна из них расположена в верхней части ножен, выступает из них, а другая расположена в глубине ножен.

Первая сделана из продольно согнутой пластинки, прокована. Ее длина 3.3 см, наибольшая ширина 0.5 см. Узкий конец предмета шириной до 0.3 см, он слегка скошен к одному краю и заточен.

Вторая пластинка имеет аналогичную форму, ее нижний конец виден в отверстии, поскольку нижний конец ножен сколот. Конец второй пластинки уже, чем у первой пластинки. Ширина его около 0.2 см., а длина не более 3.8 см.

Подобные набор миниатюрных резцовых пластинок с заточенным концом, которые находились в конических ножнах, не имеет прямых аналогий.

В одном из киммерийских погребений из Западного Приазовья в курганный группе "Заячьи могилы" (курган 2 погребение 3) обнаружено оригинальное миниатюрное бронзовое изделие в виде лопаточки длиной 4,3 см шириной 0.8 см [Болтрик, Махортых, 2003, С.122, рис.3,8]. В этом погребении "бронзовая лопаточка" находилась среди костяных наконечников стрел. Для предскифской эпохи некоторые металлические ножи имели миниатюрные размеры.

Кайзер Елке, Сава Евгений

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ НОУА В МОЛДОВЕ

Совместная немецко-молдавская археологическая экспедиция, финансируемая Свободным Университетом (Берлин), летом 2003 г. приступила к реализации проекта по исследованию инфраструктуры поселений культуры Ноуа.

Основная цель проекта заключается в определении ведущих форм хозяйства носителей культуры Ноуа. В задачи проекта входит: раскопки зольных пятен и межзольного пространства с целью уточнения структуры зольников, а также определения наличия или отсутствия культурного слоя вне зольных холмов; сопоставление хронологических горизонтов зольников с культурным слоем межзольного пространства; определение процесса формирования и функциональность зольников. Проект предполагает использование современных методов археологических раскопок поселений, а также археозоологию, археоботанику, палеоэкологию, химический анализ состава насыпи зольников, магнитную съемку и датировку ¹⁴С.

Для исследований было выбрано одно из самых хорошо сохранившихся поселений культуры Ноуа, расположенное возле хутора Одая (с. Мичурин, район Дрокия). На поверхности этого поселения легко заметны около 6-ти зольных пятен высотой от 0,5 до 1,5 м и диаметром от 25 до 60 м. Однако в процессе более детального исследования местности выяснилось, что часть поселения с зольниками была разрушена во время сооружения двух озер, а другая часть зольников (не менее 4-х) оказалась покрытой хутором Одая. В то же время, на основании аерофотограммы, дешифрованной В. Бикбаевым, выяснилось, что на поселении существовало как минимум 30 зольников, многие из которых уже визуальнo не различимы на поверхности. Однако необходимо отметить, что данные аерофотограммы были проверены осенью 2003 г., и несколько зольников были визуальнo зафиксированы.

В июле-августе 2003 г. был частично исследован один из зольников. На площади 320 м² (рис. 1) производилось снятие слоев насыпи зольника толщиной не более 10-12 см с фиксацией материалов по площади квадратов 1х1 м и указанием точных глубин от репера и

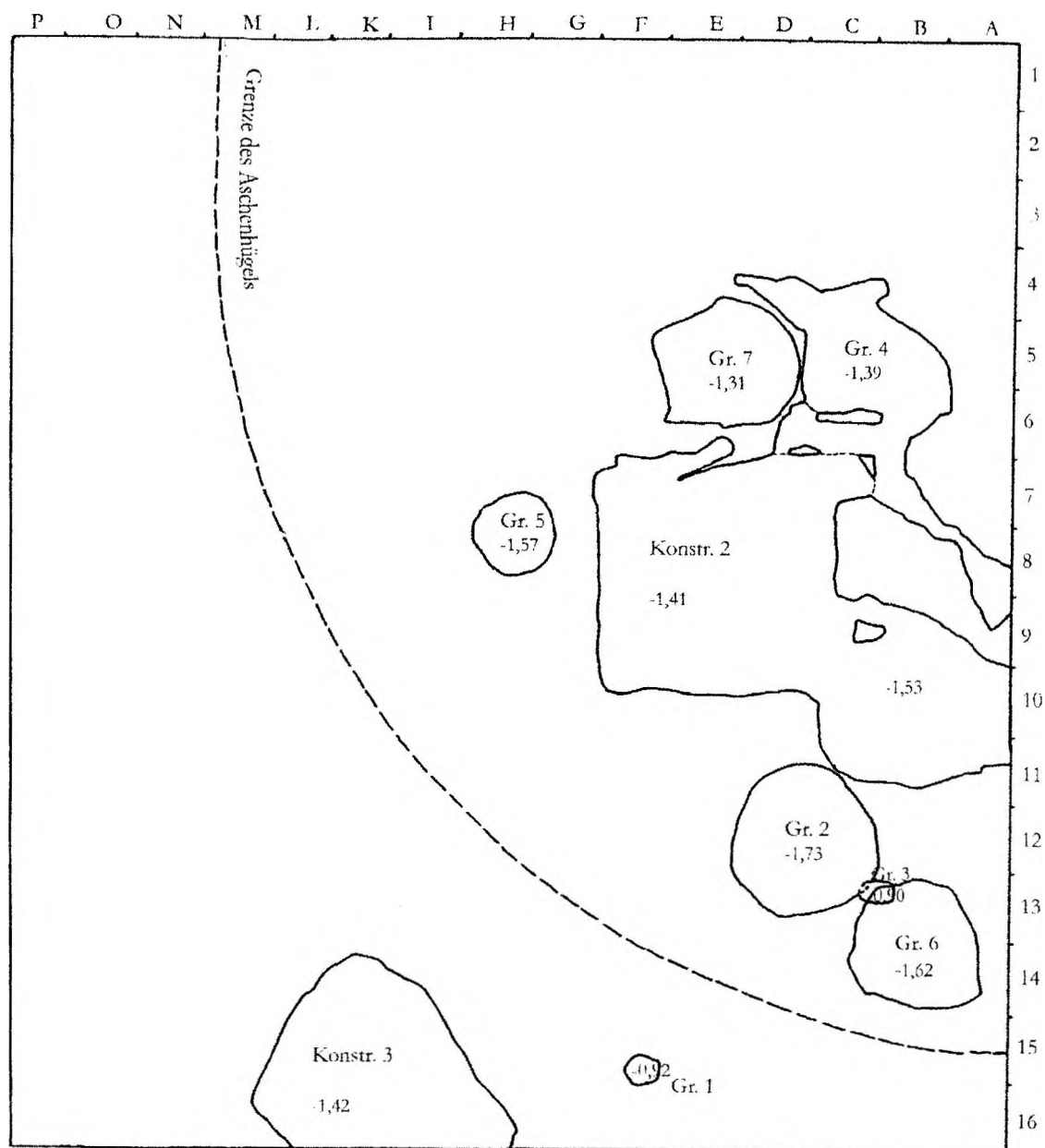

Рис.1 Общий план раскопа зольника Одая.

современной дневной поверхности (исключением является верхний пахотный слой толщиной до 30 см, который был раскопан квадратами 2x2 м). Всего было расчищено семь слоев почвы. В результате произведенных раскопок выяснилось, что зольник, помимо материалов культуры Ноа, содержит материалы еще трех эпох - энеолит, культура Триполье; позднеантичный период, возможно, I-III вв. н.э.; а также средневековье, которое можно разделить на ранний период VI-VIII вв. и поздний - XVII-XVIII вв. Материалы этих периодов представлены незначительным количеством фрагментов керамики, несколькими ямами и одним жилищем (?).

Материалы культуры Ноа представлены типичной для этой культуры керамикой, среди которой преобладают кухонные сосуды (более 70%), имеющие чаще всего гладкий валик. Сосуды с валиком с пальцевыми вдавлениями обнаружены в незначительном количестве и только в нижних слоях. Так называемая столовая керамика - одно-двуручные

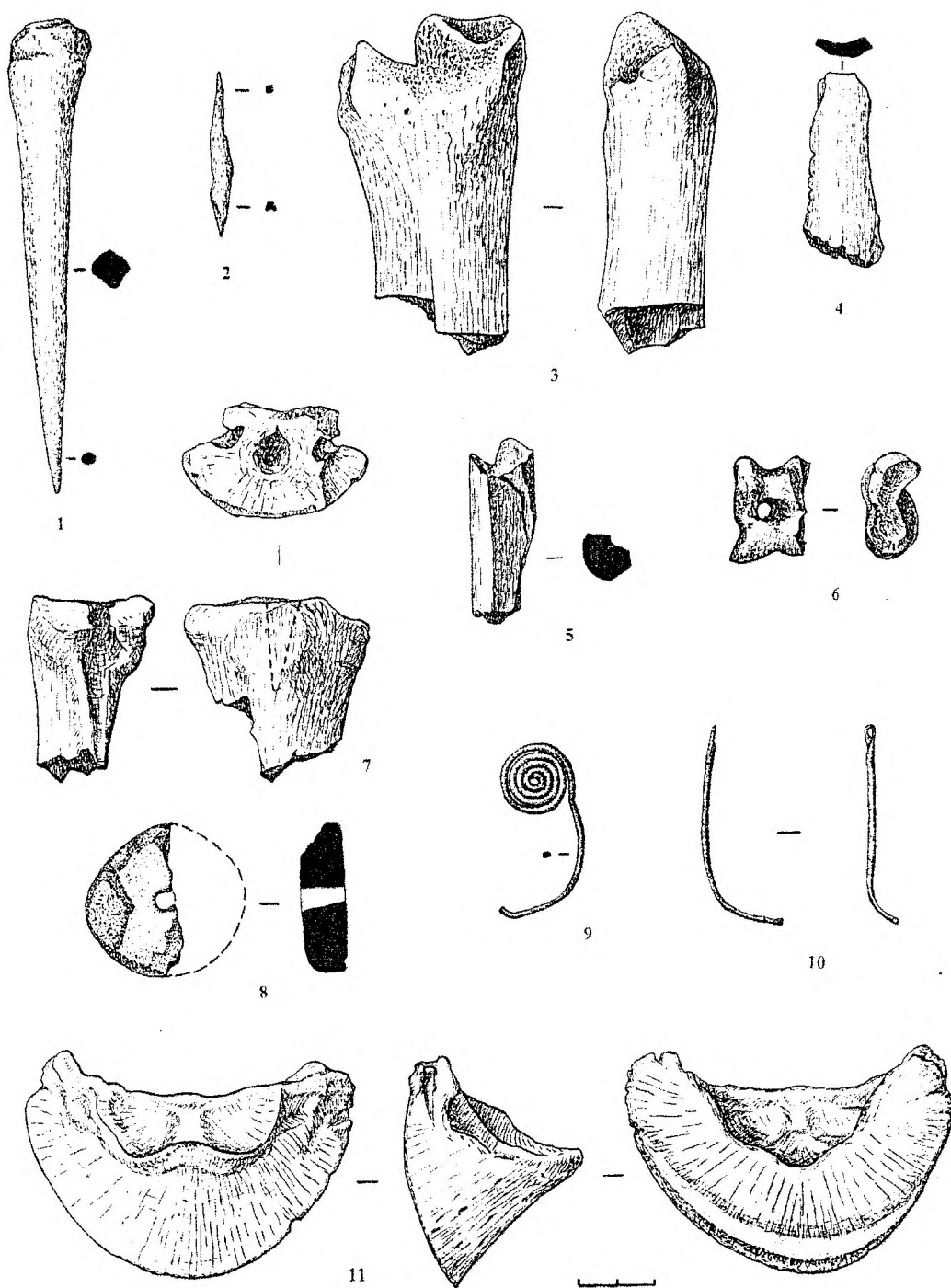

Рис. 2. Зольник Одая. Предметы из кости (1-7), глины (8), бронзы (9-10) из верхнего слоя зольника.

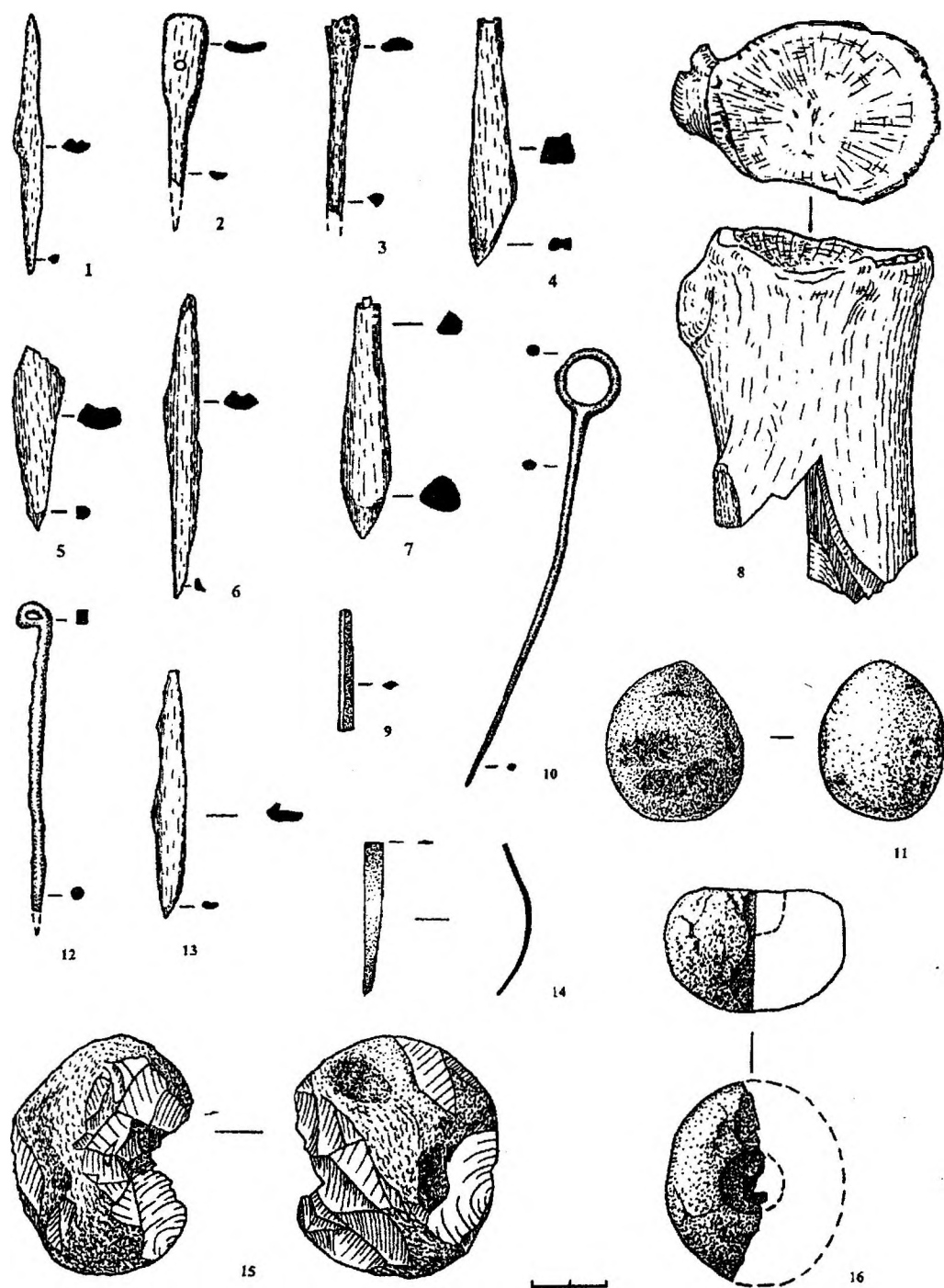

Рис. 3. Зольник Одая. Предметы из кости (1-8, 13), камня (11, 15), глины (16) и бронзы (9, 10, 12, 14) из нижних слоев (3-7) зольника.

чаши – найдена в меньшем количестве. Очень небольшим числом представлены фрагменты мисок. Однако необходимо отметить, что керамика, обнаруженная в зольнике, очень сильно фрагментирована, и, поэтому, крайне сложно достоверно определить форму сосудов.

Основные предметы культуры Ноуа на поселении – это костяные и каменные орудия (рис. 2 и 3), но найдены и бронзовые изделия (рис. 2, 9, 10; 3, 9-10, 12, 14), типичные для этого времени.

Конструкции культуры Ноуа на этом памятнике представлены ямами и, возможно, землянкой, к которой примыкают несколько ям (?) и сооружения в виде канавок (рис. 1), значение которых еще не понятно.

Помимо традиционных археологических раскопок на поселении были собраны археозоологические и археоботанические образцы, а также выполнены радиоуглеродные определения. Палеоботанические пробы находятся в процессе определения. Согласно археозоологическим определениям (докт. М. Хохмут, Немецкий Археологический Институт, Берлин) преобладают домашние животные (99,6 %), из которых основным количеством представлен крупный (63,8 %) и мелкий (21,9 %) рогатый скот. Домашняя свинья и лошадь составляют, соответственно, 9,0 % и 3,7 %. Остальные кости принадлежат диким животным, из которых отмечены кабан и благородный олень.

Радиоуглеродный анализ (Институт Геохімії Навколишнього Середовища, Київ) дал следующие определения культурных слоев эпохи бронзы зольника: квадраты А-В/1-10, пятый слой, 3120 ± 70 BP (1444–1300 BC); квадраты А-Д/1-10, шестой слой, 2990 ± 60 BP (1310–1276 и 1274–1119 BC); квадраты С-В/1-10, пятый-седьмой слой, 2950 ± 60 BP (1214–1108 BC). Конструкция № 3 датирована 2470 ± 80 BP (762–628, 596–572, 562–488, 446–418 BC), хотя этому пока нет подтверждений в археологическом материале. Несколько ям (№№ 5 и 6), перерезавшие зольник сверху, были датированы 1270 ± 60 BP (676–794 AD), 1290 ± 60 BP (664–790 AD), 1380 ± 70 BP (608–712 AD), что подтверждается наличием, хотя и в незначительном количестве, фрагментов керамики этого времени в верхних слоях зольника.

Таковы предварительные результаты исследований в 2003 году. Дальнейшие комплексные исследования зольников и всего поселения Одая должно способствовать более детальному изучению палеоэкономики комплекса культур Ноуа-Сабатиновка.

Калмыков А.А., Потапов В.В.

ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗОЛОТОРЕВКА I И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА ЧЕРНОГОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о происхождении черноговровской культуры, первой культуры кочевнического облика в степях юга Восточной Европы, не может пока считаться однозначно решенным. Как правило, происхождение этой культуры, занимавшей большую часть степной полосы юга Восточной Европы, связывают с местным субстратом. Однако, далеко не всегда и везде он может быть уверенно вычленен. С другой стороны, облик черноговровской культуры и, в первую очередь, ее погребальный обряд, порой значительно отличаются от облика предшествующих ей образований. Пример тому - белозерская культура с характерными инвентарем и обрядностью. В изучении проблемы о времени и месте появления черноговровских комплексов, на наш взгляд, продуктивным выглядит предположение В.В. Отрощенко, отметившего «хронологический приоритет древнейших погребений нижнедонской группы в общей системе черноговровских памятников» [1.–С.113]. Именно выявленные на Нижнем Дону погребения финала поздней бронзы (ФПБ), объединенные в первую обрядовую группу [2], демонстрируют погребальный обряд, наиболее близкий черноговровскому, хотя далеко и не идентичный ему. Раскопки последних лет позволили выявить сходные с нижнедонскими погребения и на севере Ставропольского

края, в районах, входящих в донской бассейн (р.р. Егорлык и Маныч) или примыкающих к нему (бассейн р. Калаус), частично уже представленные в научной литературе [3.–С.59-60, 71-72. рис.9, 21; 4]. Поэтому, логично допустить, что именно в Подонье и на севере Ставрополя должны быть комплексы, отражающие тот археологически краткий момент перерастания местных культурных групп ФПБ в черногоровскую культуру и соединяющие в себе их черты.

В этом отношении интересен комплекс погребения 8 кургана 25 могильника Золотаревка I, исследованный в Ипатовском районе Ставропольского края отрядом экспедиции ГУП «Наследие» под руководством А.А. Калмыкова в 2000 году.

Могильная конструкция катакомбно-подбойная. Входной колодец подпрямоугольной формы ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. По всей длине его северо-восточной стенки был сделан вход в камеру, закрытый деревянными плахами. Погребальная камера была ориентирована практически параллельно колодцу. Погребенный мужчина 25-35 лет был уложен скорченно на левом боку, с завалом корпуса на грудь, головой на юго-восток. Руки, слегка согнутые в локтях, были протянуты к коленям. На дне камеры прослежен тлен от подстилки темно-коричневого цвета, посыпанный сверху мелом. У восточной стенки найдено изделие неправильной пятиугольной формы, вылепленное из желтой массы в форме небольшой плоской посуды с невысокими бортиками. Западнее него обнаружено аморфное скопление аналогичной массы. За затылком погребенного найдены кости конечностей и таза взрослой особи козы (рис.1,1,2). На правом виске лежала небольшая височная подвеска, свернутая в 1,3 оборота, в неровное кольцо, диаметром 1,1, см из бронзовой полоски, сечением 2х1мм. Подобная подвеска, но свернутая в 2 оборота, диаметром 1,5 см, была обнаружена под черепом (рис.1,6). Под костями грудной клетки, на дне могилы, найден необработанный овечий астрагал. За спиной погребенного компактной группой располагалась бронзовый нож, поверх него ком серы, кремневое орудие и костяной наконечник стрелы, а южнее – обломок костяного кольца. Нож черешковый, двулезвийный, клинок вытянутой листовидной формы с закругленным концом и продольным ребром. Черешок клиновидный. Заточено одно лезвие. Длина ножа 7,2 см, в т. ч. клинка 4,8 см (рис. 1,5). Кремневое орудие, размерами 3,5х1,7х0,8 см, изготовлено на пластине непрозрачного серого кремня с помощью грубой ретуши по ее краю (рис. 1,4). Наконечник стрелы пулевидной формы, с внутренней втулкой и сквозным отверстием, просверленным у основания. Длина его 3,2 см, диаметр 1,1 см. Поверхность заполирована (рис. 1,3). Половинка костяного кольца усеченно-конической формы, с двусторонним сверлением, длиной 0,85 см, диаметром 1,1-0,85 см (рис.1,7). На одну из последних фаланг правой руки погребенного было надето изделие из темно-серого смоловидного вещества, с углублением для пальца и отпечатком ногтя внутри. На внешней поверхности присутствовал продолговатый, оттянутый защепами гребень и глубокий ломаный отпечаток от узкого предмета с неровными краями (рис. 1,8).

На основании находки ножа погребение можно датировать ФПБ. Найденный экземпляр представляет собой разновидность широко распространенных в это время ножей-кинжалчиков, наиболее встречаемой формой которых являются ножи с параллельными лезвиями. У некоторых экземпляров клинки такого типа приобретают листовидные очертания, как например ножи из Кобяково [5.–С.62, табл. XXXIII,16,20], которые, однако, почти вдвое крупнее представленного. Сопоставимы с ним по форме и размерам два образца из Сабанчеевского клада [6.–С. 152-153, рис. 2,3,4] и один из погребения 2 кургана 15 могильника Быково [7.–С.211, рис.15, 12]. Поволжские экземпляры имеют некоторые морфологические особенности, отличающие их от находки из Золотаревки – рельефный валик по оси клинка, отверстие на черешке и др. Известны листовидные клинки и в белозерской культуре [8.–С.87, 89, рис. 33, 6,11]. Не противоречат датировке погребения из Золотаревки финалом поздней бронзы и другие находки. Костяные пулевидные наконечники стрел со скрытой втулкой больше характерны для

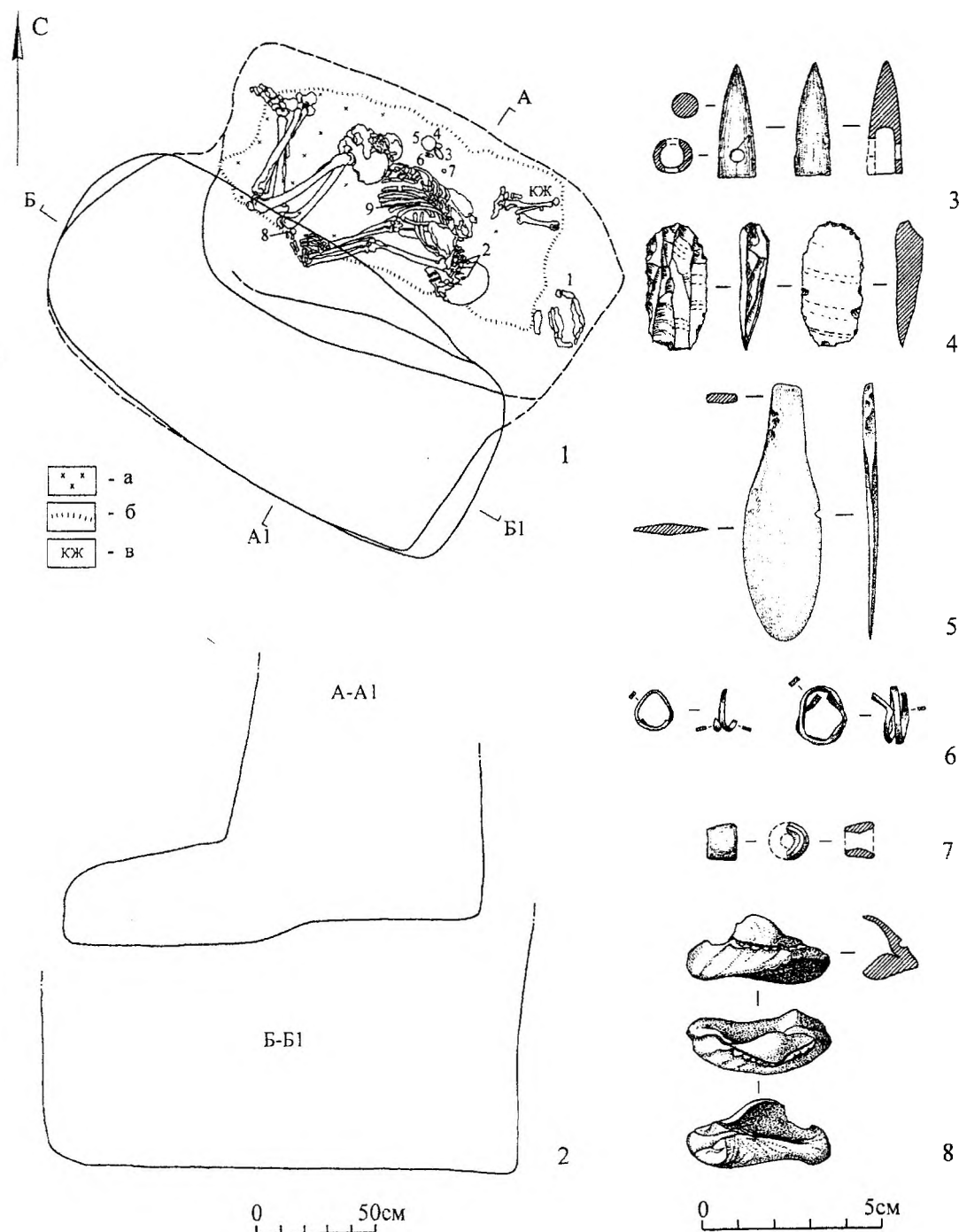

Рисунок 1. Погребение 8 кургана 25 могильника Золотаревка I:

1 – план (1- изделие из желтой массы, 2 – бронзовые подвески, 3 – бронзовый нож, 4 – кремневое орудие, 5 – комок серы, 6 – наконечник стрелы, 7 – костяная втулка, 8 – изделие из смолы, 9 – астрагал МРС, а – мел, б – границы подстилки, в – кости животного), 2 – разрезы, 3 – наконечник стрелы, 4 – орудие, 5 – нож, 6 – височные подвески, 7 – фрагмент втулки, 8 – изделие из смолы; 3,7 – кость, 4 – кремнь, 5,6 – бронза.

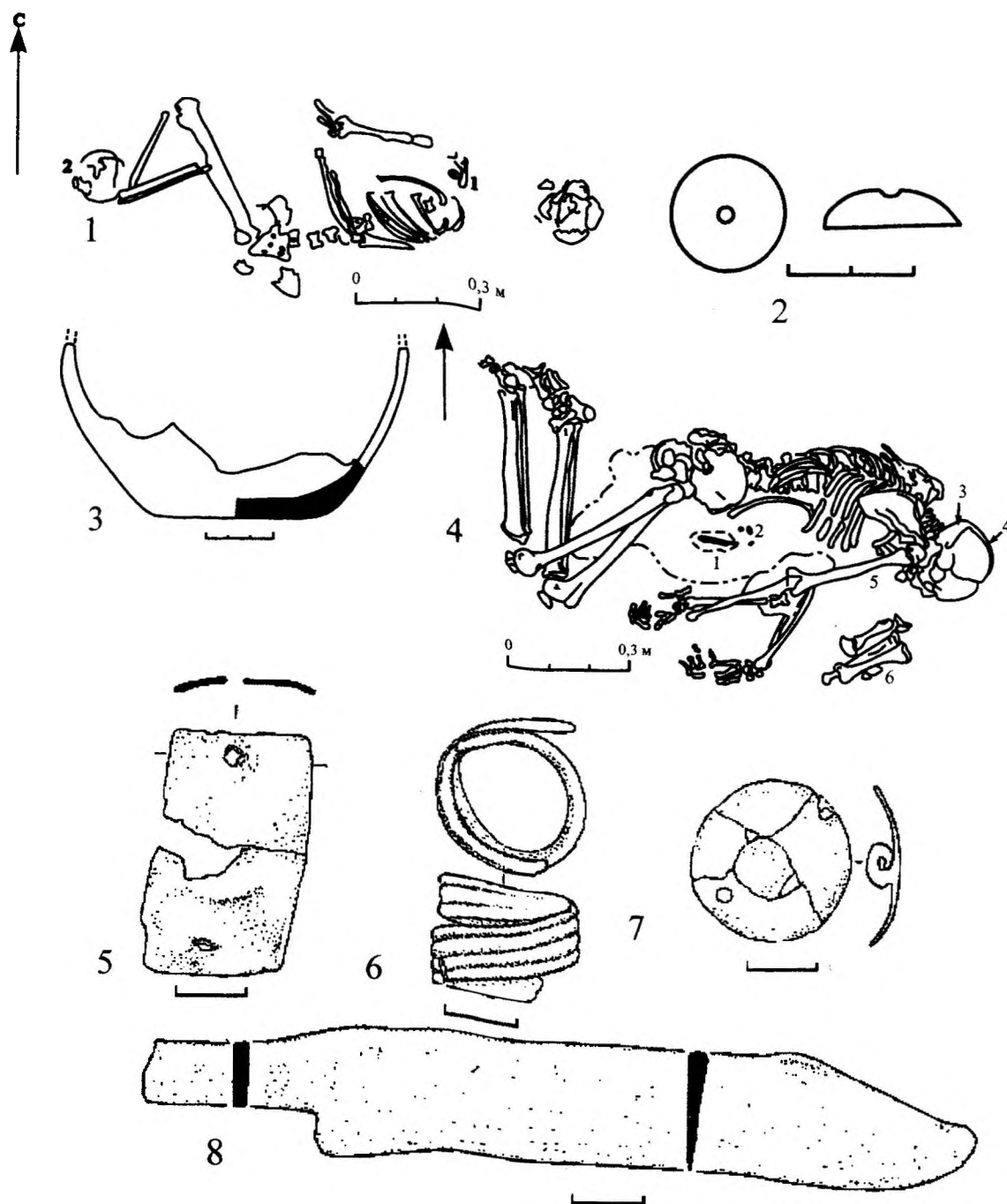

Рисунок 2. Погребение 1 кургана 3 могильника Южный: 1 – план (1 – развал сосуда, 2 –бляшка), 2 – бляшка; 3 – часть сосуда, погребение 7 кургана 5 могильника Новопалестинский II: 4 – план (1 – нож, 2 – пластинка, 3 – бронзовая бляшка, 4 – височное кольцо, 5 – бусы, 6 – кости МРС), 5 – пластинка, 6 – височное кольцо, 7 – бляшка, 8 – нож; 2,5-8 – бронза, 3 – керамика.

памятников начала раннего железного века, однако, появляются они уже в позднебронзовую эпоху [9.—С.96, рис. 71,20; 10.—С.29-30, рис.9,9; 5.—С.55, табл. XXXIII,6]. Разогнутое височное кольцо, морфологически близкое золотаревскому, происходит из поселения кобяковской культуры Хапры.

Ряд параметров погребального обряда: левобочное положение покойника, ориентировка его черепом в восточный сектор, положение в могилу конечностей овцы/козы, находит себе широкие аналогии как в скорченных погребениях ФПБ, так и в предскифских. Любопытной чертой обряда является положение в могилу кремня и комка серы. Такое сочетание: кремень — сера, известно еще в ряде комплексов конца эпохи поздней бронзы [3.—С.71-72. рис.21], большая часть из которых пока не опубликована. Вместе с тем они встречаются и в начале раннего железного века [11.—С.180-181, рис. 2,1; 12.—С.64-65, рис. 2,1, 3,1]. На правобережье Дона и западнее его такая черта обряда пока не встречена. Вытянутое к коленям положение рук эпизодически встречается в предскифских захоронениях, но является одним из распространенных именно в погребениях финальной бронзы Подонья. Необычным для ФПБ является подбойно-катакомбная конструкция могильного сооружения. Такие конструкции характерны уже для предскифских могил начала эпохи железа. Таким образом, погребение Золотаревка I-25-8 датируется самым концом ФПБ, но несет уже в себе немаловажные черты черногоровского обряда.

К рубежу эпох в этом регионе мы относим еще два погребения, в которых также прослеживаются, хотя, может быть, и не так наглядно, черты обоих культурно-хронологических горизонтов.

Погребение Южный —3-1 (Раскопки А.А. Горбенко, В.А. Коренько, Максименко В.Е., Фомичева Н.М. в 1973 году), расположенное на левобережье среднего течения р. Маныч (Ростовская обл.), обнаружено в насыпи и содержало костяк взрослого человека, лежавшего скорчено на правом боку, головой к востоку (рис.2,1). Руки расположены типично для черногоровских покойников: правая вытянута вдоль погребенного, а левая согнута в локте и кистью направлена к правому предплечью. Положение ног, перекрещенных в бедрах и голених, распространено среди черногоровцев, а у погребенных ФПБ встречается гораздо реже [3.—С.59-60, 71-72. рис.9, 21]. В ногах обнаружена придонная часть заложенного сосуда (рис.2,3), фактура которого находит себе аналогии среди керамики нижнедонской группы черногоровских комплексов. Однако, тонкостенность этого сосуда сближает его с рядом форм, характерных для кобяковских и некоторых других памятников ФПБ. У черепа была найдена полусферическая бронзовая бляшка с небольшим отверстием в центре (рис.2,2). М.Т. Кашуба, со ссылкой на М. Русу, указывает аналогию в кладе Уиоара де Сус в Трансильвании, датированном периодом На А [13.—С.328]. Аналогичный предмет найден на поселении Солончень-Хлиная, время возникновения которого — вторая половина — конец X в. до н.э. [13.—С.328,417, рис.XXVII,32] датирует и погребение Южный —3-1.

В бассейне р. Егорлык, левого притока Маныча, было открыто впушенное в насыпь кургана погребение Новопалестинский II-5-7 (раскопки В.В. Яценко в 1999 году). Погребенный, мужчина старше 40 лет, был уложен скорченно на левом боку, черепом на восток (рис. 2,4). Руки располагались почти также, как и у погребенного из Золотаревки, но слегка согнута в локте была только левая рука. Перед лицевыми костями лежали кости задней ноги барана, а под черепом фрагменты пастовых бус и бронзовой спиральной пронизи, височное кольцо, согнутое из бронзовой рифленой полоски более чем в 1,5 оборота (рис.2,6), а так же слабовыпуклая бронзовая бляшка-пуговица. По краям ее щитка были сделаны два симметрично расположенных отверстия, а на оборотной стороне из приостренного стерженька, отлитого вместе со щитком, была согнута петля (рис.2,7). Именно такая технология изготовления петельки, распространенная в эпоху поздней бронзы, указывает на архаичность этой бляшки. Морфологически близкая ей бляшка найдена на дне погибшего в пожаре, жилища кобяковской культуры на поселении Хапры. Со дна этого же жилища происходят обоюдоострый черешковый нож, близкий некоторым

разновидностям т.н. «белозерских» ножей и еще одна крупная овальная бляшка с двумя отверстиями для пришивания, аналогичная находке из погребения 35 могильника Сержень-Юрт, датированного В.И. Козенковой XI – X вв. до н.э. [14.–С.24-25, 129-130, табл. 21,19]. И хотя бляшка с петелькой из Хапров имеет ряд отличий – она крупнее новопалестинской, петелька ее припаяна к щитку а не отлита вместе с ним, отверстия в щитке пробиты уже в готовом изделии, а не заданы при отливке, все же морфологическое сходство этих уникальных бляшек позволяют сблизить их во времени. В пользу архаичности этого комплекса свидетельствуют и кольцевидные зеленоватые бусы, характерные для белозерской культуры [15.–С.143]. У пояса найден бронзовый однолезвийный нож, со слабоизогнутой спинкой, снабженный уступчиком ближе к острию, которое было слегка загнуто вверх. Клиновидный черешок отделен от лезвия уступом (рис. 2,8). Бронзовые ножи с загнутым вверх острием известны в кобанской и протомеотской культурах [16.–С.9-10. табл. I,17,18; 17.–С.117, табл. III,7]. По мнению В.И. Козенковой, эта разновидность кобанских ножей достаточно архаична, однако находка его в Николаевском протомеотском могильнике, наиболее близком новопалестинскому морфологически, свидетельствует об использовании их и в раннем железном веке. Из других находок погребения Новопалестинского могильника отметим тонкую прямоугольную пластинку с двумя пробитыми по краям отверстиями (рис. 2,5). Этот комплекс несколько моложе двух описанных ранее и, с учетом николаевской аналогии ножу, может быть датирован рубежом X / IX – началом IX вв. до н. э.

Итак, по нашему мнению, нам удалось выделить из массы погребений конца ФПБ – начала РЖВ не просто стоящие наиболее близко к рубежу этих эпох погребальные комплексы, но и сочетающие в себе черты сменяющих друг друга культур. Иными словами, эти погребения носят ярко выраженный переходный характер и подтверждают гипотезу о сложении черногоровской культуры, во всяком случае, основ ее погребального обряда, в степях Подонья и Предкавказья. Этот процесс, по-видимому, был локализован в рамках левобережной части бассейна Нижнего Дона и Егорлыкско-Калаусского междуречья и связан с одной из территориальных групп постсрубного кочевого населения финала поздней бронзы. В степной зоне юга Восточной Европы в конце эпохи поздней бронзы, за исключением ареала распространения памятников белозерской культуры, судя по погребальным памятникам, наиболее населенным, был именно этот район. По-видимому, формирование хозяйственного уклада и социальной системы, характерных для ранних кочевников, шедшее параллельно образованию новой, черногоровской, культуры, протекало здесь более успешно и динамично, чем в других регионах.

В окончательно сформировавшемся виде черногоровская культура предстает перед нами уже в раннем железном веке, когда, вобрав в себя и «переварив» местные культуры, она заняла территорию от низовьев Дуная до Заволжья.

1. Отрощенко В.В. О погребениях черногоровского типа на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Вып.13. Азов.1994

2. Потапов В.В. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона // ДА № 1. 1999

3. Березин Я.Б., Калмыков А.А. Курган у с. Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1: «Археология». Ставрополь. 1998

4. Белинский А. Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А. Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск. 2000

5. Шарафутдинова Э.С., Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). САИ. Вып. В1-11. Л.1980

6. Мерперт Н.Я. Сабанчеевский клад // МИА № 130. М. 1965

7. Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА № 78, М. 1960
8. Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев. 1990
9. Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев. 1961
10. Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе. 1961
11. Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА, №3. 1991
12. Потапов В.В. Погребения белозерского хронологического горизонта в бассейне Нижнего Дона и Северо-Восточном Приазовье // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону. 1998
13. Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. № 3. 2000
14. Козенкова В.И. У истоков горского менталитета (могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня). М. 2002
15. Отрошенко В.В. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев. 1986
16. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ, вып. В2-5. М. 1998
17. Анфимов Н.В. Протомеотский могильник с. Николаевского // СМАА Т.II Майкоп. 1961

Канторович А.Р.

«ПОГРАНИЧНЫЕ» ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

1. Начиная с момента возникновения скифского звериного стиля и до самого конца его существования в рамках данного художественного направления наблюдается тенденция взаимосближения и смешивания различных образов, изначально порой весьма далеких друг от друга, что приводит к возникновению новых образов синтетического и синкретического характера. В данном случае речь пойдет не о традиционных синкретических темах, которые возникали как таковые за пределами скифской художественной системы и затем интегрировались в нее и перерабатывались ею (образы ориентализирующего и раннегреческого грифона, ахеменидского грифона, позднегреческого грифона, гиппокампа-«петушка», грифогиппокампа, рогатого хищника), но об образах, иконография которых складывалась исключительно в рамках трех локальных вариантов скифского звериного – степной Скифии, Лесостепи и Предкавказья (бассейн Кубани, Ставрополье, Нартанский могильник).

2. В ранний период это прежде всего знаменитая голова бараноптицы, или грифобарана – результат смешивания образов горного барана и хищной птицы (орла?). Непосредственным тематическим предшественником данного образа представляется прежде всего «летающий баран» (он же – «рогатая птица») кобанского искусства, тогда как иконографическими истоками скифской бараноптицы являются, несомненно, древнейшие образы хищных птиц и горных баранов в самом скифском искусстве, восходящие, в свою очередь, как к местным прототипам (птицеголовые скипетры и уздечные пронизи), так и к богатой переднеазиатской традиции [1.-С.35-36; 2; 3.-С.142-146; 4.-С.3]. Образ бараноптицы воплощался лишь в эпоху скифской архаики VII-VI вв. до н.э. и был локально ограничен зонами лесостепного, степного и северокавказского вариантов скифского звериного стиля (исключение – грифобараны на двух псалиях скифского типа в зоне «савроматской» культуры, квалифицируемых К.Ф.Смирновым как импорт из лесостепного Приднепровья [5.-С.216-217, рис.77, 1, 2].

В том же контексте следует рассматривать и архаичные изображения тупорылого языкатого зверя с торчащими ушами на навершиях из Прикубанья и Приднепровской лесостепи. Появившийся в Приднепровье, этот образ, скорее всего, явился результатом искажающего копирования образов хищника и грифона ориентализирующего типа при одновременном влиянии кобанского образа тупорылого ушастого зверя; при дальнейшей разработке этого образа в Приднепровье, возможно, дополнительное воздействие на его развитие оказала тема лошади или иного копытного.

3. В V-IV вв. до н.э. в скифском искусстве наблюдается смешивание образов лося и хищной птицы. Это проявляется, в одном случае, в уподоблении лосиной морды птичьему клюву при сохранении у животного симметричной «короны» лосиных рогов. В другом случае, напротив, морда лося сохраняется неизменной, но его «корона» упрощается, уподобляясь птичьему хохолку (здесь сказывается влияние и местных трактовок грифона с маленьким гребнем). В результате появляются относительно устойчивые пограничные образы, которые соответственно могут условно именоваться «лосептицей» и «птицелосем». Создание таких образов стилистически упрощается тем, что иконографии обособленной профильной головы лося в скифском искусстве (а в подавляющее большинство изображений лося здесь именно таковы) были изначально присущи такие элементы, как мощная горбатая морда, сходная по своим очертаниям с загнутым птичьим клювом, а также преувеличенный округлый глаз (в противовес овальному глазу оленей в искусстве этого же времени). Эти черты облегчали ассоциирование головы лося с птичьей головой, а широко распространенный в скифском искусстве обычай наделять птиц ушами (см., например, полнофигурные изображения птиц на навершии с фигурой Папая из-под Днепропетровска) еще более способствовал взаимосближению этих образов.

4. В результате смешивания образов лося, оленя и горного козла в V-IV вв. до н.э. в скифском искусстве зарождаются и развиваются весьма устойчивые образы «лосекозла» (V-IV вв. до н.э.) [6] и «оленекозла» (IV в. до н.э.) [7].

5. Трудно однозначно утверждать, чем обусловлено появление вышеперечисленных пограничных образов – чисто стилистической игровой тенденцией "перетекания" одного образа в другой, вообще присущей скифскому зооморфному искусству, подтверждением чему служит наличие в нем амбивалентных образов – полных «зооморфных превращений» [8], или же какими-то важными смысловыми целями. Возможно, здесь сыграло роль и то, и другое.

Более идеологически укорененным, очевидно, было создание смешанных образов на границах образных групп копытных и птиц, достаточно далеких друг от друга в семантическом отношении. Особенно характерно стремление объединять рогатых копытных и хищных птиц, – стремление, имеющее и другие проявления (сопоставление в рамках единой бифигурной или многофигурной композиции, а также массовые «превращения» разных частей тела первых животных в головы вторых [8.-С.87, табл.1]¹. Эта тенденция, пронизывающая скифское искусство на всем протяжении его существования, заставляет в качестве параллелей в идеологии иранцев Авесты вспомнить феномен одновременного воплощения харизмы Фарно как в копытных, в том числе в барана, так и в хищную птицу [9.-С.55, 59-60]; ср. соответствующие инкарнации Вэртрагны [10.- 19, 23, 25]; ср. концепцию культа рогатой царственной птицы у скифов – [11.-С.22-23].

Вероятно, менее семантически нагруженными были пограничные образы в рамках одной и той же образной группы – такие, как тупорылые хищники, либо «лосекозлы» и «оленекозлы» (они скорее комбинированные, т.е. синтетические, нежели изначально нерасчленимые, т.е. синкретические). Здесь, скорее всего, налицо стремление создать

¹ Достаточно многочисленны и соответствующие «зооморфные превращения» частей тела хищников, однако эта группа образов и образ хищной птицы в мировом искусстве априорно близки друг другу в семантическом отношении, свидетельством чему является возникновение популярнейшего образа грифона.

образы обобщенного фантастического хищника и обобщенного копытного, взаимодополнив смысловые качества слагаемых прототипов - подобно тому, как дополнялось значение какого-либо животного посредством «зооморфного превращения» определенной части его тела.

6. «Пограничные» образы были более эфемерными, чем образы, являвшиеся их исходными слагаемыми, - вероятно, в силу своего промежуточного положения и меньшей семантической очевидности. Всё же они закреплялись на какое-то время в скифской иконографии - с тем, чтобы затем смениться новыми темами такого рода. Как и образы-слагаемые, они развивались в русле скифской стилистики и также могли подвергаться частичной зооморфной трансформации [8.-С.82-83, схема 1], которую, в качестве тенденции метафоризации надо отличать от тенденции синкретизации [12.-С.72].

7. Итак, налицо стремление сближать на основе каких-либо элементов внешнего сходства различные, порой весьма далекие друг от друга природные прототипы, сливая воедино их образные воплощения. Эта тенденция характерна для всего скифо-сибирского звериного стиля в целом - ср., например, смешивание образов оленя и лося в искусстве «савроматской» культуры и культур сако-массагетского круга (Иссык), а также унификацию в изображениях ряда частей тела (в особенности, голов) различных животных в минусинском варианте тагарского звериного стиля [13.-С.120-121].

1. Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА, 1968, № 4. 1968.
2. Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА, № 1. 1965.
3. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н.э.). Грозный. 1972.
4. Шкурко А.И. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии // Труды ГИМ, вып.54. М. 1982.
5. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. 1964.
6. Канторович А.Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА, № 4. 1995.
7. Канторович А.Р. Эволюция некоторых образов скифского звериного стиля и проблема контактов Прикубанья, Подонья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. Часть II. М. 2003.
8. Канторович А.Р. Классификация и типология элементов "зооморфных превращений" в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. Донецк. 2002.
9. Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976.
10. Бахрам-яшт - Авеста в русских переводах (1861-1996). СПб., 1998.
11. Андриенко В.П. О находках изображений рогатых птиц на поселениях Ворсклы // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов. Харьков. 1999.
12. Артамонов М.И., Искусство скифов // Триста веков искусства. Искусство Европейской части СССР. М. 1976.
13. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. 1967.

Кац В.И.

РАБОТА Б.Н.ГРАКОВА НАД III ТОМОМ IOSPE.

Несмотря на то, что Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (III том IOSPE) так и не был издан, в последние десятилетия он стал популярным справочником, к которому обращаются не только исследователи, занимающиеся керамической

эпиграфикой, но археологи и историки. Между тем, мало кто из них имел чёткое представление об истории создания Свода, составлявшегося на протяжении 70-ти лет несколькими поколениями исследователей.

Только в самое последнее время появились две статьи, где рассмотрены первые этапы его создания: первоначальный, связанный с деятельностью В.В.Латышева [1], и этап составления Е.М.Приди́ком первого варианта Свода керамических клейм Северного Причерноморья [2].

Весной 1934 г. Е.М.Придик передал свою обширную (около 18 тысяч клейм) картотеку в ИИМК с правом опубликования. В 1936 г. туда же после смерти Е.М.Придика его вдова передала и дополнительный (около 1800 клейм) список (Архив ИИМК РАН. Фонд 33).

Первый статистический анализ материала картотеки Е.М.Придика появился уже в конце 30-х гг. в докторской диссертации Б.Н.Гракова, который ещё с зимы 1924 г. стал принимать активное участие в пополнении Корпуса. Он осуществил, видимо, по просьбе Е.М.Придика, сверку клейм, хранившихся в ГМИИ и в своё время некачественно обработанных Г. Сысоевым. При подготовке статьи об англифических клеймах, он же уточнил чтение надписей на оттисках, находившихся в ГИМе. [3]. Поэтому логично, что именно Б.Н.Граков взялся после смерти Е.М.Придика за завершение работы над III томом IOSPE. В 1943 г. по его предложению Институтом археологии было принято решение подготовить это издание на русском языке, убрать из Каталога граффити, отдельную публикацию которых должен был подготовить И.Толстой [4], и оставить только клейма. В следующем году в Москву была доставлена картотека Е.М.Придика, а в 1945 г. работа над Корпусом была возобновлена. Помимо Б.Н.Гракова в разное время участие в пополнении корпуса и в сверке уже вошедших в него клейм принимали Д.Б.Шелов и Е.М.Штаерман.

Прежде всего, был отредактирован материал картотеки, объединены её основная и дополнительная части, удалено несколько сот повторений. Затем Б.Н.Граков и его сотрудники занялись пополнением Корпуса. Были обработаны коллекции клейм, обнаруженных в ходе раскопок 30-начала 50-х гг. Уже в процессе этой работы были осуществлены публикации некоторых из этих коллекций [5; 6; 7; 8; 9]. Особое внимание было обращено на знакомство с материалами фондов тех музеев, в которых не побывал Е.М.Придик (Киевского Исторического, Белгород-Днестровского, Николаевского, Темрюкского, Краснодарского).

При работе в фондах Одесского, Херсонесского и Керченского музеев Б.Н.Граков с удивлением обнаружил довольно значительное количество клейм, прежде всего из случайных находок, которые в своё время не были учтены Е.М.Приди́ком. Сроки поджимали, и поэтому Б.Н.Граков был вынужден ограничиться тем, что списал и включил в Корпус только наиболее примечательные оттиски и те, которые использовались для иллюстраций, а к обработке остальных он надеялся вернуться в дальнейшем и дать их в качестве дополнения к Корпусу. Идея эта, к сожалению, так и не была реализована. Не были включены в Корпус и несколько сот клейм, находившихся в фондах периферийных музеев юга России и Украины и оставшихся Б.Н.Гракову неизвестными.

Таким образом, несмотря на то, что объём Корпуса по сравнению с картотекой Е.М.Придика увеличился в полтора раза, и в него теперь входило более 30 тысяч амфорных и черепичных оттисков, считать, что он исчерпывал весь клейменный материал, обнаруженный в Северном Причерноморье на начало 50-х гг., нет оснований.

Окончательное оформление Корпуса проводилось Б.Н.Граковым в середине 50-х гг. Им было написано введение и вводные очерки перед каждым из разделов, отражающие уровень исследования включённых в них клейм. Было отпечатано на машинке несколько экземпляров Корпуса, в которых греческий текст выполнен упрощёнными минускулами.

Определённые затруднения возникли при иллюстрировании. Корпуса. Фототипиями удалось снабдить менее 10% вошедших в свод оттисков. Б.Н.Граков же поставил задачу при оформлении свода выделить палеографические особенности каждой из серий клейм,

выполненных одним и тем же штампом. Но для этого нужно было объединить оттиски в такие серии. С этой целью им была составлена таблица, отражающая различные написания отдельных букв, и каждый из выделенных вариантов пронумерован. В дальнейшем по находившимся в его распоряжении фотографиям и рисункам картотеки Е.М.Придика под текстами надписей каждой из серий оттисков были указаны соответствующие варианты букв, которыми они выполнены. Такая довольно трудоёмкая и громоздкая система транскрипции, несомненно, расширяет возможности получения необходимой информации, но всё же она во многих случаях оказалась малоэффективной. Так, в частности, произошло с клеймами Херсонеса. Проверка материала, включённого в этот раздел Корпуса, показала, что в большинстве серий, объединяющих палеографически совпадающие оттиски, клейма выполнены не одним, а несколькими штампами. Несомненно, все эти штампы изготовлялись одним резчиком, отсюда и их идентичность. Хотя и в меньшей степени, но аналогичное явление присуще и для клейм других центров производства, включённых в соответствующие разделы Свода.

Итак, хотя окончательная редакция этого уникального собрания клейм была завершена в середине 50-х годов, III том IOSPE так и не был опубликован. Объяснение этому обычно видят в ряде технических трудностей, которые помешали его изданию [10.— С. 206]. Однако, по-видимому, были и трудности организационные. Б.Н.Граков в это время ушёл из Института Археологии, а кафедра Археологии МГУ, где он работал, явно не могла осилить выпуск в свет столь объёмного и сложного для публикации труда. Несомненно, своевременная публикация этого Корпуса, не имевшего в то время аналогов в зарубежном антиковедении, стала бы важной вехой в развитии керамической эпиграфики.

Вместе с тем, даже в рукописи для отечественных специалистов Корпус стал в следующие десятилетия популярным справочным изданием. Правда, к нему главным образом обращались в поисках аналогий для вновь обнаруженных клейм, что позволяло провести восстановление легенд в повреждённых экземплярах. К сожалению, далеко не всегда учитывался тот факт, что для этих целей Корпус мало приспособлен. Присутствие в нём большого числа клейм, в которых надписи прочитаны ошибочно, могло привести (и часто приводило) к тиражированию ошибок.

Значительно реже привлекался материал Корпуса для изучения закономерностей распределения клейм тех или иных центров во времени и пространстве. При этом и в работах такого рода далеко не всегда учитывались отмеченные выше негативные факторы и в частности наличие большого числа дублетов.

За прошедшие годы неоднократно поднимался вопрос о необходимости издания III тома IOSPE. Два десятилетия тому назад было даже заявлено, что "предпринимаются некоторые шаги для подготовки Корпуса к печати, хотя бы по частям" [10.— С. 206]. Однако реализацию этих "шагов" пришлось ждать довольно долго.

В настоящее время мы оказались приблизительно на той же позиции, на которой находился полвека тому назад Б.Н.Граков. Прежде чем опубликовать материал Корпуса необходимо провести его тщательную сверку и пополнить новыми находками. Клейма должны быть сгруппированы в соответствии с теми штампами, которыми они оттиснуты, а каждый штамп проиллюстрирован либо фотографией, либо рисунком. Хотя история создания Корпуса показала, что подобная трудоёмкая работа может занять не одно десятилетие, но без её выполнения издание существующей рукописи III тома IOSPE вряд ли имеет смысл.

1. Кац В.И. Работа В.В.Латышева по составлению III тома IOSPE // Историк и историография. Саратов. 1999.
2. Павличенко Н.В. Е.М.Придик, петербургский филолог и эпиграфист. К истории создания третьего тома IOSPE // Древний мир и мы. II. Птб. 2000.
3. Граков Б.Н. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Труды ГИМ. 1926. Вып. I.

4. Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. - Л., 1953.
5. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. Вып. 36. – С. 87-95.
6. Штаерман Е.М. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
7. Штаерман Е.М. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1951. Вып. 25.
8. Шелов Д.Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА. 1956. Вып. 57.
9. Шелов Д.Б. Клейма на амфорах и черепицах, найденные при раскопках Пантикапея в 1945-1949 гг. // МИА. 1957. Вып. 56.
10. Шелов Д.Б., Виноградов Ю.Г. Б.Н.Граков и развитие античной эпиграфики в СССР // Б.Н.Граков. Ранний железный век. М., 1977. С. 206.

Кашуба М.Т.

ДРЕВНОСТИ VII в. ДО Н.Э. В ДНЕСТРО-ПРУТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Хронология древностей VII в. до н.э. в Бессарабии не ставилась в зависимость от датировок предметов греческой и скифской архаики (= ведущих хроноиндикаторов эпохи в Северном Причерноморье). Считалось, что здесь отсутствуют как раннескифские древности, так и ранние изделия греческого импорта. Как следствие, была предложена гипотеза о хронологическом разрыве в культурно-историческом развитии региона в VII в. до н.э.

Между тем, значительное уменьшение населения и сокращение поселенческих структур в Днестро-Прутском междуречье в какой-то временной отрезок VII столетия (около середины-третьей четверти – ?) фиксируется преимущественно в центральной лесостепной части региона.

К рубежу VIII-VII вв. до н.э. северная часть междуречья частично была освоена племенами позднечернолесской культуры, которые перешли здесь на правый берег и расселялись вверх по течению Днестра, частично продвигаясь и к Пруту. Результатом чересполосного проживания этого населения с племенами позднейшей Сахарны и культуры Басарабь-Шолдэнешть (которые отошли в более глубинные районы лесостепи, возможно, в связи с обострившейся обстановкой в степях и на пограничье степи и лесостепи в конце VIII в. до н.э.) являются своеобразные поселения микрозоны Рудь [1. – Р.281-357]. Материальная культура таких памятников (к примеру, Новая Татаровка XV – [2]), несущая черты смешения нескольких традиций при преобладании одной ведущей, демонстрирует протекавшие интеграционные процессы.

В той же северной части междуречья, на Левобережье Прута, обитало население, своей материальной и духовной культурой тяготеющее (скорее, принадлежащее) к фракийскому миру позднего гальштата Карпато-Дунайского бассейна, как это показывают материалы поселения Тринка и, особенно, погребальные комплексы могильника Тринка-Друмил Фетештидор [3. – Р.118-121; 4. – С.165-193].

Южные территории региона на протяжении VII столетия также не пустовали. Из наиболее ярких древностей можно упомянуть позднегальштатские материалы поселения Чобручи [5. – С.206-216] и разрушенное позднегальштатское захоронение Слободзея [6. – Р.203-204] на Днестре, а также позднегальштатский могильник Журжулешть на Нижнем Дунае [7. – Р.121-134].

И, как минимум, до середины VII в. до н.э. в регионе оставалась какая-то часть населения культуры Басарабь-Шолдэнешть, как показывают материалы могильника Селиште [8. – С.37 и сл., 76 и сл.] и поздние поселения этой культуры [9. – С.111-120; 10. – С.140-156].

VII столетие до н.э. в Северном Причерноморье – это новая эпоха, обусловленная возникновением архаической Скифии [11. – С.118 и сл.]. Скифы становятся ведущей силой

в регионе, появляются греки-колониисты, в лесостепь Побужья и на Правобережье Поднепровья (в очаг раннескифской культуры) продвигаются и мигранты из Средней Европы, несущие материальную культуру классического (высокого) Восточного Гальштата (Немировское городище – [12.–С.217-233]).

В VII столетии до территорий между Днестром и Прутом скифы дошли (Старые Куконешты, Страшены – [13.–С.41 и сл.]) и далее продвинулись на запад [14.–С.198-203; 15. –Р.53-79]. В центральной и южной зоне Правобережья Днестра присутствует и скифизированное население из лесостепи Побужья-Поднепровья. Так, в южных районах Среднего Днестра на многослойных памятниках прослежены слабые следы обитания в середине-конце VII в до н.э. Это керамические коллекции поселений Глинжены II, Солончены-Хлиная, Алчедар-Ла Кордон (на Правобережье), а также Выхватинцы и Рашков (на Левобережье), в которых фиксируются не только позднегальштатские традиции, но и раннескифские черты.

Описанная ситуация, складывающаяся в VII в. до н.э. в разных областях Северного Причерноморья позволяет предположить, что лесостепь Днестро-Прутского междуречья не только не входила в зону сложения раннескифской культуры, но оставалась территорией преимущественных гальштатских влияний (неклассического гальштата Карпато-Дунайского бассейна).

Несмотря на запустение региона в какой-то промежуток VII столетия, он не был колонизирован местным населением, проживающим к северу и северо-востоку (племенами западно-подольской группы раннескифской культуры, например). Но уже в VI в. до н.э. ситуация выравнивается: сюда вновь активно продвигается население (северо-фракийское?) из карпато-дунайских областей; на юге появляются греки-колониисты и в глубинных областях лесостепи – греческий импорт [16.–С.174-179; 17.–Р.75-86].

Можно заключить, что в VII в. до н.э. в Днестро-Прутском междуречье приоритетным культурным компонентом оставалась гальштатская культурная среда (позднегальштатские материалы), но при наличии и раннескифских (собственно скифских и скифизированных) древностей.

1. Sava E., Manzura I., Tcaciuc M., Kurciatov S., Bubulici V., Rabinovici R., Gukin V., Alaiba R., Bădău-Wittenbeger M. Investigatiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă-Arionesti — raionul Dondușeni, Republica Moldova // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă I. – București, 1995. – P. 281-357.
2. Дергачев В.А., Вехлер К.-П., Ларина О.В. Археологические исследования многослойного поселения Тэтэрэука Ноуа XV Дондюшанского района РМ в 1997 г. Полевой отчет. Архив Института археологии и этнографии АН РМ. Дело № 359 (Кишинев 1998).
3. Levițchi O. La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dnistrien a l'époque du Hallstatt // Symposia Thracologica 9. – București, 1992. – P. 118-121.
4. Levițchi O. Considérations sur les monuments funéraires du Hallstatt tardif sur le territoire de la Moldavie // Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa. Kolloquium in Drobeta-Turnu Severin (7.-9. November 1996). – Bukarest, 1996. –S. 165-193.
5. Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Фракийский горизонт на поселении Чобручи в Нижнем Поднепровье (по материалам исследований 2001 г.) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002) 206-216.
6. Jarovoj E. La première nécropole du Hallstatt thrace sur la rive gauche du Nistru // The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. The 7th International Congress of Thracology (Bucharest 1996). – P. 203-204.
- 7.: O. Levițchi, V. Haheu, Necropola hallstattiană tîrzie de la Giurgiulești // Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999). – P. 121-134.
8. В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X - начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).

9. Демченко Т.И., Левицкий О.Г., К вопросу о шолданештских памятниках на территории Молдавии // Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990). – С. 111-120.
10. Кашуба М.Т. Заметки о формировании среднегалыштатской культуры Басарабы-Шолданешть в Днестро-Прутском междуречье. *Stratum plus* 3. СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2000. – С. 140-156.
11. Алексеев А.Ю. Периодизация истории Европейской Скифии: традиция и современное состояние // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии 4. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 118-126.
12. Смирнова Г.И. Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. – Тирасполь, 2002. – С. 217-233.
13. . Левицкий О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдавии // ДСПК. –Т. V. – Запорожье, 1995. – С. 41-53.
14. Смирнова Г.И. Время появления скифов в Карпатском регионе. In: *Actes du XIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. Bratislava, 1-7 septembre 1991 – Bratislava, 1993. –С. 198-203.
15. Gawlik A. Znależiska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej // *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego XIX*. – Rzeszów, 1998. –Р. 53-79.
16. Банару В. К вопросу об экономических связях населения Пруто-Днестровского междуречья с греческим миром (по данным греческого импорта с городища Бутучень) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. – С. 174-179.
17. Mateevici N. Penetrația amforelor grecești în spațiul Nord-Vest Pontic în sec. VI - înc. sec. II a Chr. // *Tyragetia IX*. – Chișinău, 2000. – P. 75-86.

Кислый А.Е.

ГЛЕЙКИ II – НОВЫЙ ПАМЯТНИК НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КРЫМА

1. Несмотря на значительную археологическую исследованность, территория Боспора Киммерийского доантичного времени по-прежнему имеет много «белых пятен». Из главных причин такого положения назывались своеобразие этнокультурных процессов полуострова [1. – С.301-302 и др.] и уничтожение доантичных памятников античной цивилизацией в тех местах особенно, где разновременные культуры требовали сходных условий жизнедеятельности [2. – С.218 и др.]. Работы И.Т.Кругликовой, М.М.Худяка, Е.Г.Кастанаян, И.Д.Марченко, А.А.Масленникова, А.М. Лескова, Э.В. Яковенко, А.Е.Кислого и др. показывают, что среди местных культур были как те, что известны на более широкой территории Северного Причерноморья, так и своеобразные культуры или варианты культур [3. – С.78-113; 4. – С.260; 5; 6. – С.12 и др.; 7. – С.135, 8. – С.12-28; 9. – С.66-88; 10. – С.20]. О том, что местные Боспорские особенности культурно-этногенеза не достаточно известны, свидетельствуют также недавние работы А.А.Масленникова [1] и С.Н.Сенаторова («посуда особого айвазовского типа» - [11. – С.114 и сл.].

2. Исследования на поселении Глейки, проведенные в 2002 году, позволили четче представить поселение Глейки II, находящееся в одной бухте с поселением каменной культуры Крыма Глейки I и примыкающее к нему. Исследованные в прошлом году участки не были нарушены иными культурными влияниями, что позволило впервые выделить керамический комплекс и культуру поселения Глейки II в целом.

3. Посуда лепная, значительная часть подлощена или лощенная (черный, красный иногда серый цвет; снаружи может быть черный, внутри – красно-желтый). Отметим, что по характеру лощения иногда близко к тому, что встречается на серолощенных лепных сосудах из Нимфея. Прослеживаются следы крупного (широкого) гребенчатого заглаживания, иногда беспорядочные тонкие линии. Орнамент крайне редко встречается –

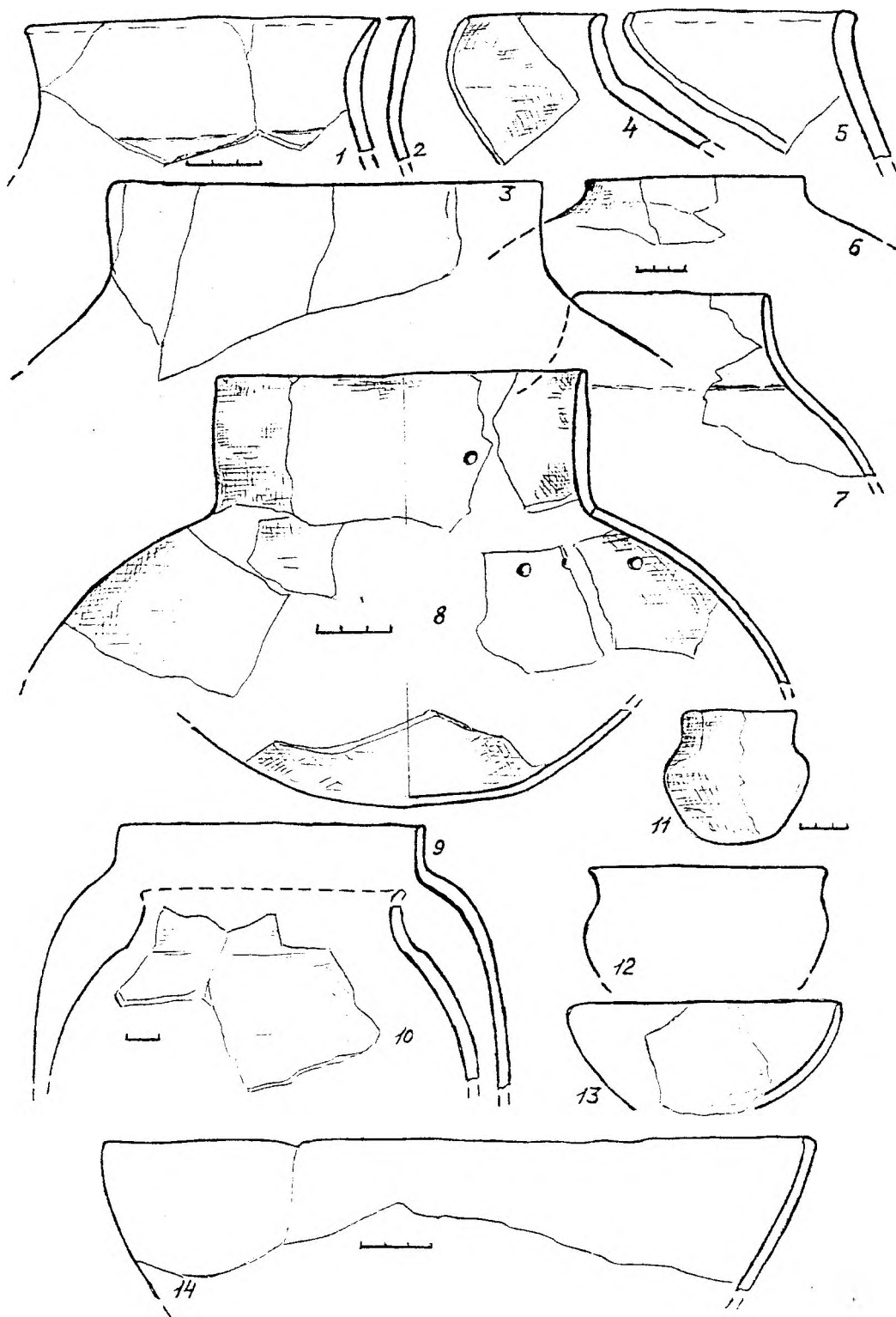

Рис.1. Находки поселения Глейки II. Типы посуды: 1,2-тип I; 3,8-II; 4,5-III; 6-IV; 7-V; 9- VI; 10- VII; 11-VIII; 12-IX; 13- XI; 14-XIII. Типы X, XII не представлены.

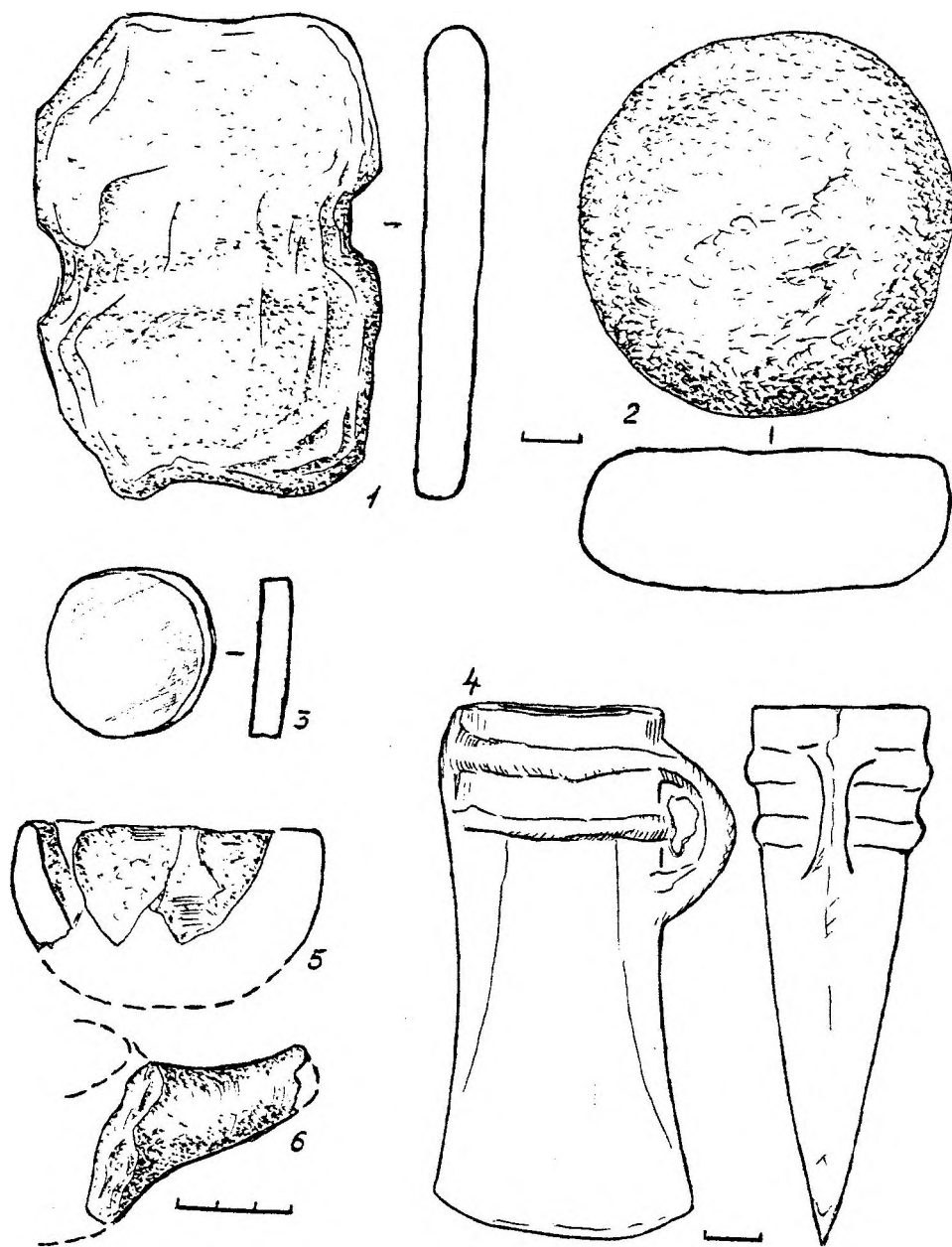

Рис.2. Находки поселения Глейки II: камень, керамика, металл.

невыразительная каннелюра при переходе к тулову или малозаметный оттянутый валик. Еще более редкие и невыразительные фрагменты содержат четкие прочерченные линии, заглаженный оттиск крупной тесьмы. Большинство сосудов имеют слабо уплощенное или закругленное дно, дно с закраинкой – реже.

Предварительная классификация форм керамики выполнена на основе находок 1995, 1997, 1998, 2002 гг., всего – 98 ед. учета. *Кухонная посуда*. Первые три типа – горшки (I) с достаточно высоким отклоненным наружу венчиком (7,8%); II) с практически прямостоящим венчиком (17,6%); III) с наклоненным внутрь венчиком (14,7%). Далее – сосуды с раздутым практически шаровидным туловом: (IV) с невысоким или средневысоким прямостоящим венчиком и, как правило, широко открытым устьем (7,8%), (V) с высоким и узким горлом (3,9%); VI – венчик также невысокий прямостоящий, тулово округлое, но плечики неширокие покатые, стенки резко уходят вниз (2%). Вероятнее всего ко II, IV типу керамики относятся обломки котлообразных сосудов с ручками – обычными вертикальными и горизонтальными типа катушки. *Столовая посуда*. VII - сосуды по форме близкие к кубкам, но более крупных размеров (7,8%); VIII - кубки, аналогичны во многом кизилкобинским – шаровидное тулово, разное оформление шейки (3,9%). IX – миски-чаши профилированные, напоминающие реповидные кизилкобинские (2,9%); X- XI – миски с широким устьем, «разлогие» и круглодонные (23,5%). XII – черпаки – несколько фрагментов ручек (2%). XIII – блюда-жаровни (близкие к мискам первого типа) могут быть отнесены и к столовой, и к кухонной посуде (2%).

Другие находки – плоские с парными проточинами рыболовные грузила, аналогичны каменским; фишки-кружочки, выточенные из стенок сосудов; небольшие каменные терочки (?), кремневый листовидный вкладыш серпа, подобный кизилкобинским. Костяные ложила, мездрилки, пращевые камни и т.д.

Отметим, среди остеологических материалов необычно много костей диких животных (сайгак, олень), рыб, есть моллюски. Встречаются часто кости собаки и лошади.

Если руководствоваться принятым набором признаков (типы и орнаментация керамики, изделия из кремня, керамики) поселение можно отнести к завершающему этапу эпохи бронзы – раннему железному веку. От ранних кизилкобинских керамических комплексов или подобных одновременных Глейки отличаются формами керамики – высокий процент сосудов с прямостоящими шейками-венчиками, отсутствие корчаг и др. форм с дуговидной в профиле шейкой, баночных форм позднебронзового облика, а также слабой орнаментацией сосудов. Очевидны и иные отличия в материальной культуре.

Можно полагать, что невысокий процент орнаментированной посуды, наличие сосудов с прямостоящими венчиками, с лепестковидными в сечении венчиками, с лощением поверхности, широкое использование моря в хозяйственной деятельности – есть наследие каменной культуры Крыма. Обратим внимание, что с кобьяковской культурой Глейки связывает значительная роль рыболовства в хозяйстве, наличие сосудов с прямостоящим венчиком, шаровидных сосудов, сосудов с резко падающим плечом, а также каннелюра при переходе к тулову и оттиски шнура. Подчеркнем, названные совпадения, являются только отдельными штрихами сходства.

Возможно, культура Глеек II каким-то образом консервируют традиции Каменки и промежуточные этапы этой местной, длительное время развивающейся культуры не утрачены, их предстоит открыть. В любом случае, материалы показывают, что реальная история доантичного Боспора требует аккуратной и сложной реконструкции из мало привлекательных внешне артефактов. Будем откровенны, на фоне ранних античных находок лепная не орнаментированная керамика теряет свою привлекательность, информативную ценность даже при стационарных многолетних раскопках.

2. Кислый А.Е. Каменская культура Восточного Крыма // Наукові праці історичного факульту ЗДУ. Випуск ІХ. – Запоріжжє: ЗГУ, 2000.
3. Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // Материалы и исследования по археологии. - №33. - М.: Изд-во АН СССР, 1954.
4. Лесков А.М. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове // Советская археология. – 1961.- №1.
5. Марченко И.Д. Новые данные о догреческом Пантикапее // Материалы и исследования по археологии СССР. - №103. - М.: Изд-во АН СССР, 1962.
6. Худяк М.М. Из истории Нимфея. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962,
7. Яковенко Є.В. Скіфи Східного Криму. Київ: Наук. думка, 1974.
8. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. – Л.: Наука, 1981.
9. Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. – М.: Наука, 1981.
10. Кислый А.Е. Об относительной хронологии каменско-ливленцовских памятников: Тез. докл. Всесоюзн. семинара “Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности”. – Запоріжжє, 1990.
11. Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры. Дисс. канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2001.

Кишлярук В.М.

ПАЛЕОГИДРОЛОГИЯ ДНЕСТРА В РАЙОНЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЧОБРУЧИ.

С целью выявления условий осадконакопления и характера геоморфологических процессов в районе поселения Чобручи, существовавшего с перерывами с IX в. до н.э. по IV в. н.э. [1; 2; 3; 4] было проведено шурфование и бурение пойменных отложений почвенным буром, а также выполнен анализ естественных обнажений поймы р. Днестр, на близ расположенных к поселению участках, а также стенок сооружений в археологических раскопах.

Полученные данные позволили построить пять геоморфологических профилей, проведенных радиально по отношению к основному раскопу поселения Чобручи, а также провести их фациальный анализ.

Профиль 1: Шурф 1. 1.Почва: чернозем обыкновенный супесчаный на супеси. 2.Супесь палево-серая неясно-слоистая, плотная с редкими карбонатными стяжениями и бурыми пятнами железистых образований с проявлениями почвообразовательных процессов. 3.Ил fossilized – тяжелый суглинок темно-серый с бурыми железистыми включениями, сильно гумусированный, плотный жирный неструктурный, с редкими раковинами *Helicella striata* L.(опред. моллюсков – Чепалыга А.Л.). 4.Ил суглинистый пятнисто-серый легкий с железистыми и марганцевыми пятнами бурого и черного цвета, неслоистый с раковинами *Lymnaea stagnalis* расположенными дисперсно. **Шурф 2.** 1.Почва лугово-черноземовидная тяжелосуглинистая. 2.Суглинок палево-серый неяснослоистый гумусированный с редкими карбонатными и железистыми образованиями, переработан почвенными процессами. 3.Суглинок светло-серый алевритистый местами пылеватый неслоистый микропористый плотный с редкими карбонатными образованиями. 4.Ил fossilized темно-серый до черного, неясно слоистый, сильно гумусированная глина жирная с редкими раковинами моллюсков *Valvata naticina* Menke., *Coretus corneus* L.. 5.Ил fossilized тяжелый суглинок темно серый с бурыми пятнами железистых включений, гумусированный плотный с раковинами *Coretus corneus* L.. 6.Суглинок голубовато-серо-палевый с пестрыми ржавыми пятнами железистых образований, слабогумусированный, вязкий, с признаками оглеения, с редкими раковинами *Lymnaea stagnalis*. **Шурф 3.** 1.Почва лугово-черноземовидная тяжелосуглинистая. 2.Суглинок

палево-серый неясно слоистый, гумусированный плотный с редкими железистыми образованиями. 3. Ил серо-черный суглинисто пятнистый легкий с пятнами включений железистого и марганцевого характера, неясно слоистый микропористый. 4. Суглинок голубовато-серый с включениями железистых конкреций слабогумусированный плотный с присутствием раковин *Viviparus daubialis*. **Шурф 4.** 1. Почва луговая черноземовидная легкосуглинистая на супеси. 2. Супесь темно-серая гумусированная плотная неслоистая с неясными образованиями бурого и темно-бурого цвета железистого характера переработан почвенными процессами. 3. Ил фосилизированный суглинистый темно серый слабогумусированный плотный с бурыми и ржавыми пятнами железистых образований с дисперсно расположенными раковинами *Valvata nafcina* Menke.. 4. Суглинок супесчаный светло-серо-палевый алевритистый местами пылеватый неслоистый микропористый с пестрыми ржавыми пятнами и редкими раковинами *Helicella striata* L.

ПРОФИЛЬ 2: Шурф 1. 1. Почва чернозем обыкновенный супесчаный на супеси. 2. Суглинок палево-серый неслоистый алевритистый с включениями почвенных прослоев более гумусированных. 3. Ил фосилизированный темно-серый до черного сильно гумусированный с карбонатными стяжениями с раковинами моллюсков *Coretus corneus* L. и *Helicella striata* L. расположенными дисперсно. **Шурф 2.** 1. Почва лугово-черноземовидная тяжелосуглинистая. 2. Суглинок палево-черный алевритистый неслоистый плотный. 3. Суглинок светло-серый пылеватый местами переходит в песчанистый слабогумусированный. 4. Ил фосилизированный темно-серый до черного сильно гумусированный жирный плотный с карбонатными стяжениями и раковинами *Valvata nafcina* Menke.. 5. Ил фосилизированный тяжелый суглинок темно-серый с бурыми и ржавыми пятнами железистого и марганцевого характера, плотный, неяснослоистый с раковинами моллюсков *Planorbis planorbis* L. мелких размеров. 6. Суглинок голубовато-серый с ржавыми пятнами железистых включений вязкий неслоистый плотный негумусированный редкие раковины *Viviparus daubialis*. **Шурф 3.** 1. Почва лугово-черноземовидная легко суглинистая на супеси. 2. Суглинок супесчаный буровато-серый алевритистый неслоистый плотный с мелкими карбонатными конкрециями дисперсного характера. 3. Ил фосилизированный темно серый до черного сильно гумусированный с неясными стяжениями илстых карбонатов светло-серого цвета, неяснослоистый, жирный плотный вязкий. 4. Ил фосилизированный, тяжелый суглинок темно-коричневый до серого слабогумусированный плотный структурный неслоистый с железистыми бурыми пятнами с признаками окисления с раковинами *Coretus corneus* L. 5. Супесь иловатая голубовато-серая слабогумусированная, плотная структурная, неслоистая с железистыми бурыми пятнами и конкрециями, с признаками оглеения и присутствием раковин *Lymnaea stagnalis*. **Шурф 4.** 1. Почва лугово-черноземовидная легко суглинистая на супеси. 2. Суглинок серовато-бурый алевритистый с неясной микрослоистостью слабопесчанистый с тонкодисперсными карбонатами. 3. Ил фосилизированный суглинистый пятнисто-серый со сростками карбонатов с налетом железистых образований рыжего и бурого цвета неслоистый гумусированный с редкими раковинами *Planorbis planorbis* L. мелких форм расположенные дисперсно. 4. Суглинок голубовато-светло-серый с признаками железистых окислов тонкодисперсного характера неслоистый неструктурный с признаками оглеения. **Шурф 5.** 1. Почва пойменно-луговая слоистая. 2. Суглинок серовато-бурый алевритистый неясно слоистый слабопесчанистый с проявлениями почвенных процессов. 3. Суглинок буровато-серый с неясной микрослоистостью с дисперсными карбонатными образованиями. 4. Ил фосилизированный тяжелый суглинок темно-серый с бурыми железистыми образованиями гумусированный плотный структурный с раковинами *Valvata nafcina* Menke. 5. Суглинок голубовато-серо-палевый с пестрыми ржавыми железистыми пятнами негумусированный неслоистый плотный с редкими раковинами *Vithynia tentaculata* L.

ПРОФИЛЬ 3. Шурф 1. 1. Почва луговочерноземовидные тяжелосуглинистые. 2. Ил фосилизированный темно-серый до черного сильно гумусированная глина жирная с

карбонатными стяжениями плотная неструктурная с раковинами *Coretus corneus* L.. 3. Суглинок иловатый серый местами алевроитистый плотный неслоистый с бурыми пятнами железистых образований, в верхней части горизонта их меньше, с глубиной насыщенность образованиями увеличивается, достигая максимума в средней части слоя, также прослеживается присутствие раковин *Planorbis planorbis* L.. 4. Суглинок голубовато-серый местами песчанистый с признаками оглеения с налетом закисного железа, бурыми и темно-бурыми железистыми образованиями неслоистый плотный негумусированный с редкими раковинами *Lutnaex stagnalis*. **Шурф 2.** 1. Почва лугово-черноземовидная тяжелосуглинистая. 2. Суглинок темно-серый алевроитистый местами пылеватый плотный с неясной микрослоистостью с редкими карбонатными стяжениями гумусированный с проявлениями почвообразовательных процессов. 3. Суглинок иловатый фосилизированный темно-серый до черного сильно гумусированный жирный плотный неяснослоистый с редкими стяжениями карбонатного характера и фауной моллюсков *Coretus corneus* L. и *Helicella striata* L.. 4. Суглинок иловатый серый плотный неслоистый слабогумусированный с бурыми пятнами железистых образований и раковинами моллюсков *Valvata naticina* Menke.. 5. Суглинок голубовато-палевый с многочисленными бурыми и ржавыми пятнами железистых образований с налетом закисного железа и следами оглеения, плотный неслоистый, негумусированный, редкие раковины *Lutnaex stagnalis*. **Шурф 3.** 1. Почва луговая черноземовидная легкосуглинистая. 2. Суглинок легкий темно-серый алевроитистый неяснослоистый гумусированный. 3. Суглинок палево-темно-серый алевроитистый плотный гумусированный с неясной слоистостью с редкими карбонатными образованиями дисперсного характера. 4. Суглинок иловатый серый местами алевроитистый плотный неслоистый с бурыми пятнами железистых образований и раковинами моллюсков *Valvata naticina* Menke..

ПРОФИЛЬ 4. Шурф 1. 1. Почва чернозем обыкновенный супесчаный на супеси. 2. Супесь палево-серая с неясной микрослоистостью местами слабопесчанистая с дисперсными карбонатными образованиями с влиянием почвенных процессов. 3. Супесь буровато-серая алевроитистая неструктурная рыхлая. **Шурф 2.** 1. Почва чернозем обыкновенный супесчаный на супеси. 2. Супесь палево-серая рыхлая с неясной микрослоистостью местами слабопесчанистая с карбонатными дисперсными образованиями. 3. Супесь желтовато-серая рыхлая неслоистая местами слабопесчанистая. **Шурф 3.** 1. Почва чернозем обыкновенный супесчаный на супеси. 2. Супесь буровато-серая структурная алевроитистая гумусированная с проявлениями почвенных процессов. 3. Супесь пылеватая желтовато-серая рыхлая неслоистая местами слабопесчанистая. **Шурф 4.** 1. Почва пойменно-луговая тяжелосуглинистая. 2. Суглинок желтовато-серый алевроитистый неслоистый неструктурный рыхлый, местами слабопесчанистый слабогумусированный. 3. Суглинок темно-серый неслоистый плотный с мелкими дисперсными карбонатными образованиями, микропористый с включениями органики. **Шурф 5.** 1. Почва пойменно-луговая тяжелосуглинистая. 2. Суглинок серо-бурый алевроитистый неслоистый плотный местами иловатый слабогумусированный с железистыми образованиями бурого цвета дисперсного характера. 3. Суглинок светло-серый алевроитистый местами иловатый с бурыми железистыми пятнами и конкрециями плотный, неслоистый. 4. Ил темно-серый алевроитистый гумусированный местами пылеватый с неясными стяжениями карбонатов, плотный. **Шурф 6.** 1. Почва лугово-черноземовидная тяжелосуглинистая. 2. Суглинок тяжелый темно-серый неслоистый плотный микропористый с мелкими карбонатными образованиями расположено дисперсно. 3. Суглинок тяжелый серо-бурый алевроитистый неслоистый плотный местами иловатый слабогумусированный с редкими бурыми пятнами железистых конкреций. 4. Суглинок тяжелый алевроитистый светло-серый плотный неслоистый с железистыми бурыми пятнами и конкрециями местами иловатый с дисперсно расположенными раковинами моллюсков. 5. Суглинок иловатый пластичный светло-серо-палевый оглеенный неслоистый с множеством бурых железистых пятен с налетами сизого цвета и раковинами *Valvata naticina* Menke..

6. Суглинок голубовато палево-серый с бурыми пятнами железистых образований, слабогумусированный вязкий неслоистый плотный с фауной моллюсков *Lymnaea stagnalis* и *Bithynia tentaculata* L. **Шурф 7.** 1. Почва луговая черноземовидная легкосуглинистая на супеси. 2. Суглинок темно-серый плотный неслоистый с редкими мелкими карбонатными образованиями микропористый. 3. Супесь серо-бурая алевритистая местами иловатая плотная гумусированная со слабыми пятнами железистых образований и дисперсно расположенными раковинами моллюсков *Helicella striata* L.. 4. Суглинок палево светло-серый с железистыми бурыми и ржавыми пятнами и конкрециями слабогумусированный плотный неслоистый с редкими раковинами моллюсков *Lymnaea stagnalis*. **Шурф 8.** 1. Почва пойменологовая слоистая. 2. Суглинок темно-серый плотный неслоистый микропористый с мелкими карбонатными образованиями.

ПРОФИЛЬ 5. Шурф 1. 1. Почва чернозем обыкновенный супесчаный на супеси. 2. Супесь светло-серо-бурая гумусированная плотная неслоистая микропористая с редкими карбонатными образованиями. **Шурф 2.** 1. Почва чернозем обыкновенный супесчаный на супеси. 2. Супесь буро-серая неясно-слоистая алевритистая плотная гумусированная с дисперсными пятнами карбонатов. 3. Суглинок супесчаный желто-серый оглеенный плотный неслоистый с пятнами бурого цвета железистого характера. 4. Ил алевритистый светло-серо-желтый оглеенный неслоистый неструктурный с многочисленными пятнами железистых образований бурого и темно-бурого цвета. **Шурф 3.** 1. Почва чернозем обыкновенный супесчаный на супеси. 2. Суглинок супесчаный буро-серый неясно слоистый плотный с редкими карбонатными стяжениями. 3. Иловатая супесь желтовато-серая с налетом закисного железа оглеенная с бурыми пятнами железистого характера плотная неслоистая неструктурная. 4. Супесь алевритистая местами пылеватая светло-серо-желтая оглеенная неслоистая неструктурная с бурыми пятнами железистых образований с раковинами моллюсков. **Шурф 4.** 1. Почва луговая черноземовидная тяжелосуглинистая. 2. Суглинок темно-серый гумусированный плотный неслоистый с редкими карбонатными образованиями. 3. Ил фосилизированный тяжелый суглинок темно-серый с бурыми и темно-бурыми пятнами железистых образований сильно гумусированный плотный жирный неслоистый с редкими раковинами *Helicella striata* L.. 4. Ил суглинистый желто-серый оглеенный легкий негумусированный с пятнами железистых и марганцевых образований бурого цвета с фауной моллюсков *Coretus corneus* L. и *Planorbis planorbis* L. расположенной дисперсно. 5. Суглинок палево-серый с пестрыми ржавыми железистыми образованиями неслоистый плотный редкие раковины *Lymnaea stagnalis*.

Фациальный анализ стратиграфических шурфов показывает, что на пойменных участках прилегающих к поселению выделяются несколько биогеоценозов.

Нижние слои сложены голубовато палево-серыми суглинками с включениями железистых и марганцевых конкреций, слабогумусированными вязкими плотными со следами оглеения и многочисленными раковинами моллюсков *Lymnaea stagnalis* и *Bithynia tentaculata* L.

Это свидетельствует о том, что данные отложения сформировались в условиях слабо текучего или почти стоячего водоема, что могло произойти при существовании на данном участке омута. Тем же условиям удовлетворяет и формирующаяся старица, когда река проработала уже новое русло, однако в старом русле изредка, еще наблюдается слабое течение. Оглеение отложений явилось следствием высокого стояния уровня грунтовых вод.

Отложения, находящиеся над вышеописанными слоями представлены илами фосилизированными темно серыми, тяжелосуглинистыми, гумусированными, с бурыми и ржавыми железистыми включениями и илами суглинистыми пятнисто-серыми легкими с

железистыми и марганцевыми пятнами и фауной моллюсков представленной видами *Planorbis planorbis* L., *Valvata naticina* Menke., *Coretus corneus* L.

Подобный состав отложений и раковин моллюсков более характерен для болото-старичных фаций. *Planorbis planorbis* L. обитатель мелких стоячих водоемов, болот. Преобладание в отложениях, в основном, раковин этого вида мелких размеров, свидетельствует об эфемерности водоема, возможности периодических заморов в связи с дефицитом кислорода. *Valvata naticina* Menke. стагнофил, типичный для мелких стоячих водоемов с илистым дном и погруженной растительностью. *Coretus corneus* L. также обитает в мелких стоячих зарастающих водоемах. Встречающиеся в отложениях этих слоев раковины наземного моллюска *Helicella striata* L. вероятно были смыты со склонов.

Верхние слои сформировались пойменными и субэзральными отложениями более молодого возраста.

Следовательно, положение русла р. Днестр в нижнем его течении неоднократно меняло свое положение в связи с изменениями гидрологического режима реки, образуя в районе поселения старицы, которые постепенно зарастали, постепенно трансформируясь в болотистые местности. Эти изменения не могли не сказаться на жизни самого поселения Чобручи. Основываясь на стратиграфических и геоморфологических данных можно сделать предположение о смене положения речной пристани в зависимости от изменения положения русла Днестра.

Как известно живая сила потока зависит от массы воды. Если в бассейне реки климат изменяется в сторону увлажнения и река становится более полноводной, возрастает ее эрозионная способность. Происходит нарушение ранее установившегося равновесия между размывающей способностью реки и сопротивлением пород размыву. Река начинает вырабатывать новый профиль соответствующий новому режиму. В низовьях р. Днестр глубинная эрозия ограничивается положением базиса эрозии. Однако в V-III вв. до н.э. наряду с увеличением влажности климата [5] наблюдается понижение уровня Черного моря (Фанагорийская регрессия) [6; 7; 8; 9; 10], которое являлось базисом эрозии Днестра. Таким образом, сочетание этих двух факторов могло привести к усилению эрозионных процессов уменьшению коэффициента извилистости Днестра в нижнем течении, выпрямлению русла и образованию в районе поселения стариц.

1. Щербакова Т.А. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья // ДОЗССП. Тирасполь. 1994.
2. Щербакова Т.А. Позднеархаический горизонт поселения Чобручи на Нижнем Днестре // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997
3. Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Фракийский горизонт на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье (по материалам исследований 2001 г.). // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002.
4. Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Исследование на многослойном поселении Чобручи (по материалам раскопок 2001 г.). // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Тирасполь, 2002.
5. Адаменко О.М., Гольберт А.В., Осюк В.А. и др. Четвертичная палеогеография экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. _ Киев, 1996 г.
6. Федоров П.В. Плейстоцен Понто-Каспия. М. 1978.
7. Федоров П.В. Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 000 лет. // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. М. 1982.
8. Островский А.Б., Измайлов Я.А., Щеглов А.П., Арсланов Х.А. Новые данные о стратиграфии и геохронологии плейстоцена морских террас Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманской области. // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. - М. 1977.

9. Шилик К.К. Изменение уровня моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени. // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М. 1977.
10. Арсланов Х.А., Балабанов И.П., Гей Н.А. и др. Методы и результаты картирования и геохронологические привязки древних береговых линий на суше и шельфе Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманского района. // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М. 1982.

Кишлярук В.М., Кравченко Е.Н.

КАМЕННЫЙ МАТЕРИАЛ ИЗ СООРУЖЕНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ ЧОБРУЧИ.

При расчистке сооружений и ям поселения Чобручи [1, 2, 3, 4, 5] было выявлено, что основная часть каменного материала находилась в нижних слоях заполнения. В некоторых случаях он был смешан с остатками глиняной обмазки, обгоревшей древесины, керамики и костного материала.

Всего было расчищено более 70 обломков горных пород*. При минералогическом петрографическом анализе было выявлено, что общее число разновидностей горных пород и минералов около 20-ти. Каждый образец каменного материала был измерен по трем осям, петрографически описан, была выявлена степень окатанности, а также степень антропогенного воздействия (Таблица 1).

Обращает на себя внимание несколько крупных обломков базальта, гранита и порфира. Ввиду того, что они практически неокатаны, а ближайшие выходы магматических пород находятся на расстоянии около 200 км (Украинский кристаллический щит) [6], а также учитывая то, что по археологическим данным это поселение возможно являлось одним из центров торговли между античными городами и варварским населением (в пользу этого говорят обнаруженные более 70 амфорных клейм, принадлежащие пяти производственным центрам: Синопа, Родос, Херсонес, Книд, Парос [7], можно предположить, что блоки магматических пород возможно использовались торговцами в качестве балласта на судах, т.к. торговали они объемным, но легким товаром (вино, украшения и т.д.), поэтому была необходимость загружать корабль грузом для его большей устойчивости. А закупая у варварского населения в большом количестве зерно, шкуры, мед [8] и другие товары необходимость в балласте отпадала и блоки магматических пород выбрасывались. Возможно, местное население раскалывало эти блоки и использовало обломки гранита, базальта и порфира для хозяйственных нужд, что подтверждается тем, что некоторые из них сильно изменены, вероятно, вследствие воздействия открытого огня.

Связи поселения Чобручи с городами не только черноморского побережья, но и с государствами средиземноморского бассейна подтверждаются находкой раковины представителя рода *Murex* (определение А.Н. Янакевича), который является обитателем морей с нормальной и повышенной соленостью.

У значительной части обломков горных пород и минералов наблюдается характерная трещиноватость, происхождение которой можно объяснить термическим воздействием (вследствие их использования при сооружении очагов и печей). Некоторые образцы в результате многократного нагревания разбиты на отдельные обломки, а часть их носит следы открытого огня, большинство подобных обломков представлены галькой песчаников.

Плитчатые обломки светло-серых метаморфизованных песчаников, выходы которого имеются в русле среднего течения Днестра [6; 9], не обнаруживают следов термического воздействия, их использование, вероятно, было связано с культовыми обрядами, т.к. некоторые сооружения представляют культовый комплекс [1].

* Каменный материал был любезно предоставлен Щербаковой Т.А.

Среди образцов каменного материала был обнаружен обломок яшмы пирамидальной формы со сквозным отверстием, вероятно природного характера, но находки костного материала рыб и сетяных грузил в сооружениях поселения дают возможность предположить, что присутствие этого обломка не случайно, и он мог быть использован поселенцами в качестве грузила для невода [10, 11].

При анализе имеющегося каменного материала особое внимание было уделено выявлению следов их антропогенной обработки. Наиболее часто поселенцами обрабатывались кремнистые породы (яшма, кремнь, халцедон). Как правило, один из краев этих образцов заострен и они могли использоваться в хозяйственной деятельности при выделке шкур, обработке древесины и др. Однако, то, что эти породы относятся к поделочным камням, дает возможность предположить, что обнаруженные обломки представляют собой отходы производства примитивных украшений [12].

Судя по процентному содержанию окатанных образцов большая часть каменного материала имеет аллювиальное происхождение и вероятнее всего они добывались поселенцами из близлежащих террасовых и русловых отложений Днестра.

Таблица 1. Фрагменты пород из сооружений поселения Чобручи.

№	Размеры	Порода и ее описание
1	6,0x3,2x1,7	Яшма, серого цвета с пятнами красного, окатанная галька, выемки с острыми краями
2	3,4x2,4x0,8	Яшма красного цвета, с прожилками розового, окатанная галька
3	1,9x0,8x0,5	Яшма коричневатая-серая с крапинками красного цвета, угловато-окатанная галька
4	3,3x4,3x1,7	Яшма красная, угловато-окатанный гравий, отбит с одного края
5	6,4x4,3x2,6	Яшма светло-коричневого цвета с пятнами молочно-белого, одна сторона окатана, раскол, края острые
6	6,4x3,8x1,8	Яшма белого цвета, угловато-окатанная галька, округлые выемки, острые края
7	3,1x2,7x1,0	Яшма коричнево-серого цвета, осколок полуокатанного гравия с острыми краями
8	5,0x3,6x1,7	Халцедон зонально-окрашенный от темно-серого по краям до светло-серого в центральной части, острые края, плоскость скола отполирована, с другой стороны выемки
9	4,0x3,4x2,4	Кремнь темно-серого цвета, обломок полуокатанной гальки, острые края, круглые выемки
10	5,4x3,6x2,9	Глинисто-карбонатная порода, палево-серого цвета
11	2,9x2,3x2,0	Туф светло-палевый, с пятнами темно-серого цвета, легкий пористый
12	6,2x3,7x2,3	Метапесчаник кварц-слюдяной, светло-розовато-серый, мелкозернистый, угловатый обломок
13	8,5x6,6x3,5	Песчаник кирпично-красного цвета, мелкозернистый, полуокатанный обломок, острые края
14	7,4x6,3x4,4	Песчаник коричневатая-серый с пятнами ржаво-бурого, окатанная галька разбита вдоль короткой оси, края острые
15	6,1x3,5x2,9	Песчаник вишнево-бурого цвета, угловато-окатанная галька
16	4,0x3,0x1,4	Яшма светло-коричневого цвета, хорошо окатанная мелкая галька
17	6,1x4,5x2,1	Метапесчаник темно-серого цвета мелко-среднезернистый, кварц-биотитовый плоский обломок с острыми краями и плоскими поверхностями
18	6,1x4,4x2,9	Яшма темно-вишнево-серого цвета полуокатанная галька
19	5,1x5,3x3,1	Яшма темно-коричневая с участками темно-серого цвета, полуокатанный обломок, кавернозный, ячеистый
20	5,6x3,1x2,4	Яшма коричневатая-серая с красными пятнами, удлиненный

		полуокатанный обломок
21	4,3x3,2x2,3	Халцедон темно-серый в белой «рубашке», угловатый полуокатанный обломок
22	3,0x2,5x0,7	Халцедон грязно-белый, осколок с острыми краями
23	6,6x5,0x2,7	Палеотипный (сильно выветрелый) порфир, зеленовато-серого цвета с выделением белых разложившихся полевых шпатов, биотита, уплощенных зерен роговой обманки, не окатанный трещиноватый обломок
24	4,2x4,4x2,8	Кварц жильный, молочно-белый, сильно трещиноватый, одна сторона окатана, «свежая» поверхность скола
25	5,0x2,3x1,9	Песчаник желтовато-коричневый крепкий, осколок окатанной гальки, «свежие» поверхности скола
26	8,,5x4,1x2,5	Базальт темно-серый, очень плотный, поверхность покрыта глинистой палево-серой пленкой
27	5,1x4,3x3,3	Яшма вишневого цвета с серыми пятнами, полуокатанный обломок
28	5,3x5,7x3,8	Песчаник малинового цвета, угловатый обломок
29	6,5x4,7x1,4	Мергель светло-серый с редкими включениями остатков фауны
30	4,2x3,6x1,9	Известняк детритовый розовато-серый, плотный с сохранившимися створками раковин моллюсков
31	4,4x3,0x3,7	Песчаник темно-серый с пятнами коричневого цвета, окатанный разбитый валун
32	5,5x3,8x3,2	Известковистый туф коричневого цвета, пористый легкий, угловатый обломок
33	3,6x4,2x2,7	Песчаник крупнозернистый, светло-серый
34	8,2x3,9x2,9	Яшма пестроцветная, полуокатанная галька с редкими кавернами и вмятинами
35	6,2x3,2x1,9	Яшма пестроцветная, полуокатанная галька с редкими кавернами и вмятинами
36	4,7x3,6x2,8	Яшма пестроцветная, полуокатанная галька с редкими кавернами и вмятинами
37	5,0x4,0x2,3	Яшма пестроцветная, полуокатанная галька с редкими кавернами и вмятинами
38	6,5x3,0x2,0	Яшма пестроцветная, расколотый полуокатанный обломок, края острые, поверхность скола гладкая
39	4,2x3,6x1,9	Яшма пестроцветная, расколотый полуокатанный обломок, края острые, поверхность скола гладкая
40	4,0x3,4x2,0	Яшма пестроцветная, расколотый полуокатанный обломок, края острые, поверхность скола гладкая
41	9,5x3,7x4,5	Яшма пестроцветная, кавернозный угловатый, полуокатанный обломок
42	6,5x5,1x4,0	Яшма пестроцветная, полуокатанный обломок, поверхности скола с разных сторон
43	6,4x4,6x2,7	Яшма темно-вишневая до темно-серой, кавернозный, угловато-окатанный обломок
44	5,8x3,3x2,2	Яшма пестроцветная, кавернозный, угловато-окатанный обломок
45	3,2x2,7x1,9	Кремень черный полуокатанный
46	4,4x2,8x2,6	Яшма синеватого оттенка, окатанная галька в карбонатной «рубашке»
47	5,7x4,3x3,5	Кремень темно-серый, со светло-серой крапчатостью, разбитый полуокатанный обломок, поверхность с раковистым изломом
48	5,5x3,5x1,2	Кремень темно-серый, крапчатый, разбитый окатанный обломок со следами карбонатной «рубашки» на окатанной поверхности, края

		острые, поверхность скола неровная
49	4,1x3,5x3,0	Яшма пестроцветная, разбитый, кавернозный полуокатанный обломок, поверхность скола почти ровная
50	4,2x2,5x1,0	Кремень коричневый, со светлой крапчатостью, зональной окраски, по краям черный, кавернозный, тонкий осколок, острый «режущий» край
51	3,2x3,2x2,6	Яшма малиново-серая, разбитая окатанная галька, две поверхности скола
52	11,3x3,6x3,0	Парагнейс темно-серый, сланцеватой текстуры, по плоскостям ожелезнение и слюда, плитчатый обломок, одна из поверхностей с пленкой гематита
53	11,4x6,9x1,8	Алеврито-песчаник светло-зеленовато-серый, очень плотный, по плоскостям напластования «присыпки» мусковита, обломок плитчатой формы, пленки «пустынного загара», с одной из сторон слоистость волнистого типа
54	7,9x5,2x2,1	Алеврито-песчаник светло-зеленовато-серый, очень плотный, обломок плитчатой формы
55	5,1x5,2x2,1	Алеврито-песчаник светло-зеленовато-серый, очень плотный, по плоскостям напластования «присыпки» мусковита, обломок плитчатой формы
56	10,8x3,7x3,2	Гнейс темно-серый, сланцеватой текстуры, обломок плитчатой формы, одна из поверхностей с пленкой гематита
57	7,8x5,8x2,7	Песчаник с карбонатизированным цементом (реагирует с HCl), вишнево-бурый, с поверхности светло-серый, мелко- тонкозернистый, обломок окатанного валуна
58	3,2x5,5x2,6	Гравелито-песчаник сцементированный карбонатным цементом, светло-серый, пористый, с редким мелким детритом, цемент составляет половину породы
59	3,9x3,1x2,6	Песчаник плотный, серый, с поверхности, при раскалывании бурый, мелкозернистый, обломок окатанных галек, на поверхности карбонатные белые налеты
60	3,4x2,9x3,1	Песчаник плотный, темно-серый, при раскалывании коричневый, мелкозернистый, обломок окатанных галек, на поверхности черный сажистый налет
61	3,5x3,0x5,1	Песчаник плотный, темно-серый, при раскалывании серый, мелкозернистый, на поверхности карбонатные белые налеты
62	2,4x3,8x4,8	Песчаник серый, поверхность скола бурая, мелкозернистый, на поверхности черный сажистый налет
63	3,0x3,5x6,0	Песчаник плотный, темно-серый, при раскалывании коричневый, мелкозернистый, обломок окатанных галек, на поверхности карбонатные белые налеты
64	3,3x3,5x4,0	Песчаник плотный, серый, обломок окатанных галек
65	7,3x5,9x3,6	Гранит розовато светло-серый, порфировидной структуры, обломок совершенно не окатанный, многочисленные плоскости-границы несут следы обработки
66	4,9x3,7x2,0	Кварц зернистый, белого цвета, с поверхности буроватый, расколотая галька, обломок со «свежим» сколом
67	6,0x2,0x1,5	Халцедон голубовато светло-серый, брусковидный, отбитый с одного конца, четырехгранный
68	4,1x3,6x2,0	Халцедон зеленоватый, голубой изнутри, полупрозрачный, агатоподобный, полуокатанная галька, с двумя «свежими» поверхностями скола, острые края, раковистый излом по плоскостям

		скола
69	4,5x3,7x1,9	Яшма зеленовато-крапчатая, полуокатанная галька
70	5,5x4,7x3,4	Яшма красновато-бурая, с белой крапчатостью, кавернозная, сквозное отверстие конусообразной формы
71	5,4x3,4x1,9	Яшма пестроцветная молочно-белая, с поверхности красно-бурая пленка, каверна конусообразной формы, плоскости скола с раковистым изломом
72	3,9x2,8x2,2	Яшма иссиня-черная, поверхность хорошо окатана, покрыта сетью трещин, мелких каверн, обломок разбитой гальки, ступенчатая плоскость скола
73	3,7x2,9x2,2	Песчаник-кварцит очень плотный, светло-серый, почти белый на сколе, с поверхности буроватый, на окатанной поверхности серый, крапчатый, разбитая галька с острыми краями
74	4,9x3,4x2,6	Песчаник-кварцит вишнево-бурый, окатанная галька
75	7,6x5,3x1,5	Аргиллит известковистый, палево-желтого цвета, плоский обломок, на поверхности отпечатки раковин двустворок

1. Щербакова Т.А. К вопросу о населении нижнего Поднестровья в III - первой четверти II вв. до н.э. // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. - IV в. н.э.). – Тирасполь, 1997.
2. Щербакова Т.А. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э. – Тирасполь, 1994.
3. Щербакова Т.А. Позднеархаический горизонт поселения Чобручи на нижнем Днестре. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997.
4. Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Фракийский горизонт на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье (по материалам исследований 2001 г.). // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. – Тирасполь, 2002.
5. Никулицэ И.Т., Фидельский С.А. Исследование на многослойном поселении Чобручи (по материалам раскопок 2001 г.). // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). – Тирасполь, 2002.
6. Стратиграфия осадочных образований Молдавии. – Кишинев, 1964.
7. Кайдаш А.Е., Таши Е.Ф. Синопские амфорные клейма второй половины III в. до н.э. поселения Чобручи. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997.
8. История Приднестровской Молдавской Республики. Т-I. – Тирасполь, 2000.
9. Геологическая карта Молдавской ССР масштаба 1:200 000. Объяснительная записка. – Кишинев, 1988.
10. Кишлярук В.М. Значение остатков ихтиофауны для реконструкции хозяйственной деятельности античного поселения Чобручи. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997.
11. Кишлярук В.М. Ихтиофауна Нижнего Днестра конца суббореального – начала субатлантического периодов. // Проблемы сохранения биоразнообразия Среднего и Нижнего Днестра. – Кишинев, 1998.
12. Кишлярук В.М., Кравченко Е.Н. Значение каменного материала для реконструкции условий обитания древнего населения Нижнего Приднестровья. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). – Тирасполь, 2002.

**СКИФСКИЕ ИЗВАЯНИЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КОРПОРАЦИИ
ВЭЭСВИ В г. ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ.**

Предметом изучения являются два статуарных антропоморфных изваяния, находящиеся в экспозиции музея. Первому из нижеописываемых присвоено название Шолоховского 2-го, по месту обнаружения у с. Шолохово Никопольского района Днепропетровской области, и с целью различения с происходящим отсюда же изваянием, вошедшим в каталог работы В.С.Ольховского и Г.Л.Евдокимова под № 87. [1.-С. 29, 87, ил. 47]. Изваяние поступило в собрание корпорации от жителя С.Шолохово, нашедшего его при пахоте разрушенной грабительским раскопом насыпи в составе безымянной курганный группы. Материалом послужил блок серого днепровского гранита. Сохранность удовлетворительная, имеются отдельные сколы и царапины на боковых гранях и с тыльной стороны изваяния, связанные с условиями транспортировки. Размеры: 1,78 x 0,42 x 0,25 м. (рис.1).

Изображение передает стоящую мужскую фигуру с выделенной закрепленной головой, покатыми плечами и нерасчлененной нижней частью. Со стороны стены за счет приостраивающей нижней части стесывания (возможно, с целью установки изваяния в базе) при профильном изображении выделяется седалище, что является достаточно редкой особенностью. В предлагаемой Ольховским–Евдокимовым типологии скифских изваяний Шолоховское 2-е может быть отнесено к «неявным» антропоморфным столбам или той части скульптуры, которую отмечает близость к последним. В нашем случае поза определяется абрисом изваяния, в то время как для «антропоморфных столбов» определяющим является изображение.

Черты лица проработаны рельефом. Удлиненный прямой нос в верхней части переходит в прямые короткие брови. Глаза имеют миндалевидную форму, без выделенных зрачков. Делящая их горизонтальная черта передает смещенные веки. Рот показан прямой короткой линией, сообщающей лицу выражение жесткости. Нельзя с уверенностью утверждать или отрицать наличие усов; однако присутствие слабовыраженных дуговидных линий, ориентированных от носа вниз, может рассматриваться как свидетельство их присутствия. Заметная приостренность нижней части лица, возможно, передает изображение небольшой бородки [2.–С.77]. Шея не моделирована, что является особенностью изваяний VII-V вв. до н.э. Ее подчеркивает широкая гладкая одновитковая гривна – один из наиболее распространенных атрибутов скифских изваяний раннего периода. Замок гривны со стороны стены не моделирован. Изображение рук, переданное рельефом, соответствует варианту 4 «предплечья внахлест, левое над правым».

Авторы упоминавшейся выше работы, посвященной типологии скифских изваяний, считают подобный вариант соответствующим в хронологии VII-VI вв. до н.э. и отмечают его редкость для степного Причерноморья (всего три экземпляра).

Пальцы правой руки не проработаны, левой – сколоты. В центре грудной клетки изваяния помещено изображение ритона, удерживаемого в левой руке. Размеры ритона пропорциональны фигуре, форма находит соответствия в изображениях ритонов изваяний из Плавней, Калиновки и др. [1.-С. 69, табл. 6, 10, 14].

Гладкий портупейный пояс, переданный резким рельефом, имеет по центру изгиб вверх и вниз, назначение которого, возможно, связать с попыткой мастера передать застежку (поясную пряжку), деталью которой являлась глубокая вертикальная линия. Соприкасаясь с поясом, в верхней части помещено достаточно реалистичное изображение гениталий и фалла, служащих хронологизирующим признаком для выделения ранних скифских изваяний. К публикуемому близко фаллическое изображение изваяния из Нововасильевки [1.-С. 98, ил. 10, 15] и менее сходное на изваяние из Степашино [1.-С. 129, ил. 41, 74]. Оба названных памятника датируются второй половины VI – начала V вв. до

н.э. Плохое состояние материала на боковых гранях публикуемого изваяния затрудняет определение имеющихся здесь изображений. По-видимому, речь может идти об равноплечном топорике, помещенном на правой грани ниже пояса «в положении рукоятью вниз». Есть основание признать изображение топоров, секир и клевцов индикаторами

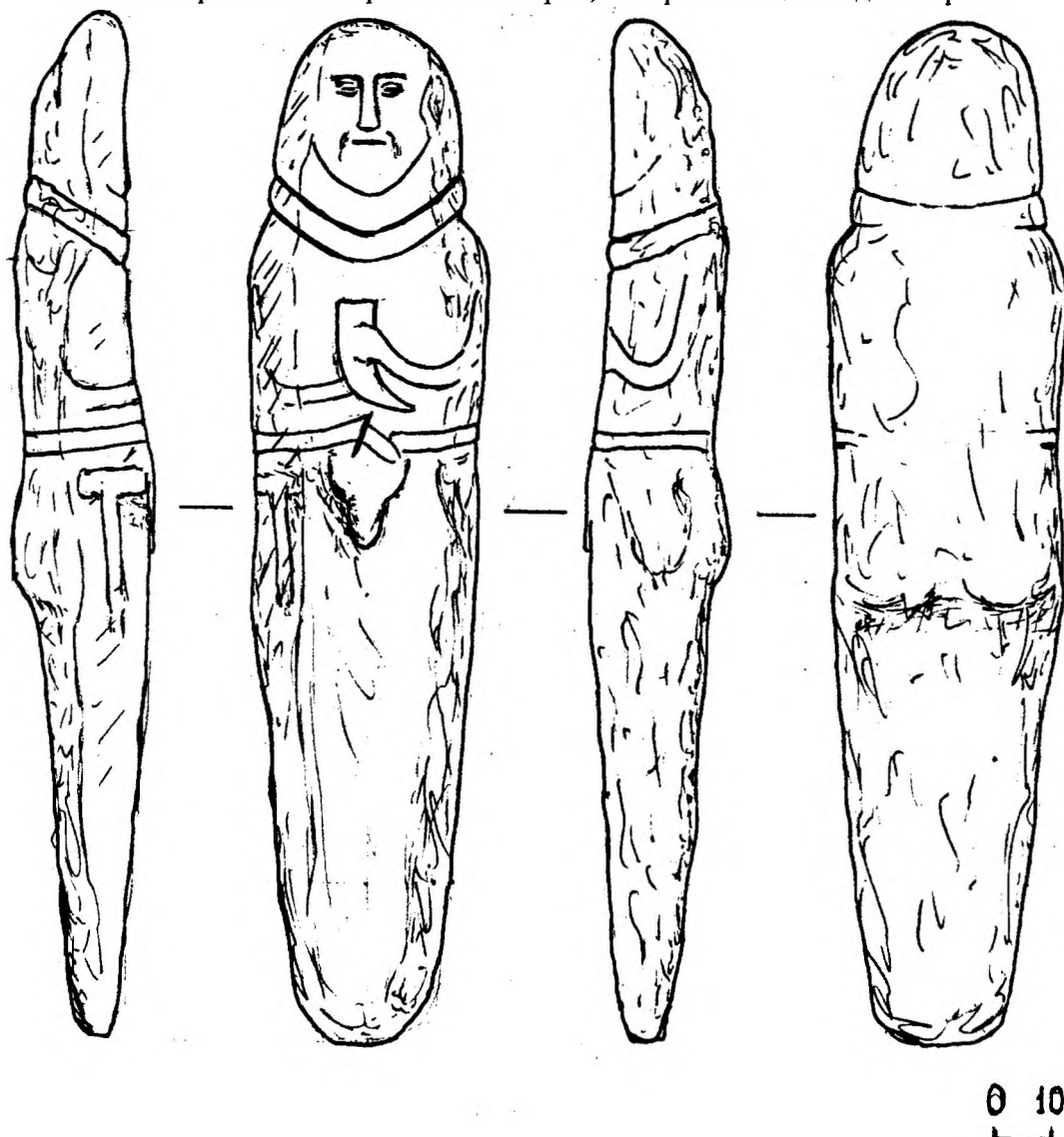

Рис. 1. Скифское изваяние Шолоховское – 2-ое

изваяний ранней (VII – VI и VI – V вв. до н.э.) хронологической группы – отмечают В.С.Ольховский и Г.Л.Евдокимов [1.-С.71], что, вместе с рассмотренными признаками, позволяет нам датировать Шолоховское 2-е изваяние концом VI – началом V вв. до н.э.

Следует отметить, что это уже вторая находка скифского изваяния этого времени из района с. Шолохово. Первое было обнаружено в 1976 г. в процессе раскопок экспедицией Днепропетровского национального университета курганный группы «Славянка» [3.-С.50]. Изваяние обнаружено в заполнении придонной части основной могилы кургана № 13, датировку которой концом VI – началом V в. до н.э. определяет находка биметаллического меча с когтевидным навершием и почковидным перекрестием. К слову, пропорции шолоховского 1-го изваяния, помещенного в каталоге, оказались существенно искаженными.

Второе скифское изваяние из собрания корпорации ВЭЭСВИ происходит из курганного могильника I-II вв. до н.э. у с. Баква из окрестностей Севастополя. Оно

обнаружено во вторичном использовании в качестве одной из стенок каменного ящика. Материал – мелкоструктурный песчаник, размеры 0,9 x 0,38 x 0,2 м. Изваяние представляет собой плоскую скульптуру, детализированную только в верхней части. Голова отбита по линии выделенной шеи в связи с использованием в качестве строительного блока, плечи прямые, как и боковые грани. Нижняя часть (от пояса) не проработана, на боковых гранях в технике низкого рельефа изображены дуговидные руки, кисти которых заходят на фронтальную сторону – «грудь» в положении встык. Пальцы проработаны дополнительной гравировкой и удерживают прижатый к груди ритон с загнутым почти под прямым углом узким концом. Широкий гладкий пояс обозначен высоким рельефом на фронтальной и правой боковой грани изображения. Слева на уровне пояса находилось рельефное изображение горита с луком и широким рельефным пояском, в котором можно видеть стрелы, помещенные в специальном отделении с вырезом-окошком в верхней части (рис.2).

Близкими аналогиями являются стрелы на горите Буторского изваяния первой половины IV в. до н.э. [4.–С.38, рис.1], изваянии из кургана 12 у с. Крыловка [5.–С.66, рис.2], у с. Приветного [6.–С.113, рис.2 б]. Хронологию изваяния определяют особенности иконографии и изображенных атрибутов, хотя положение рук встык признается наиболее распространенным в группе архаических антропоморфных стелл Северного Кавказа и Причерноморья VII – V вв. до н.э. Однако в данной группе не известно их размещение на боковых гранях изваяния. Появление горитов со специальным отделением для стрел, имеющим вырез-окошко в верхней части, относится к IV – III вв. до н.э. По мнению В.С.Ольховского и Г.Л.Евдокимова, гориты являются обязательным элементом крымских памятников, где в отличие от Причерноморья сохраняются на изваяниях IV– III вв. до н.э.

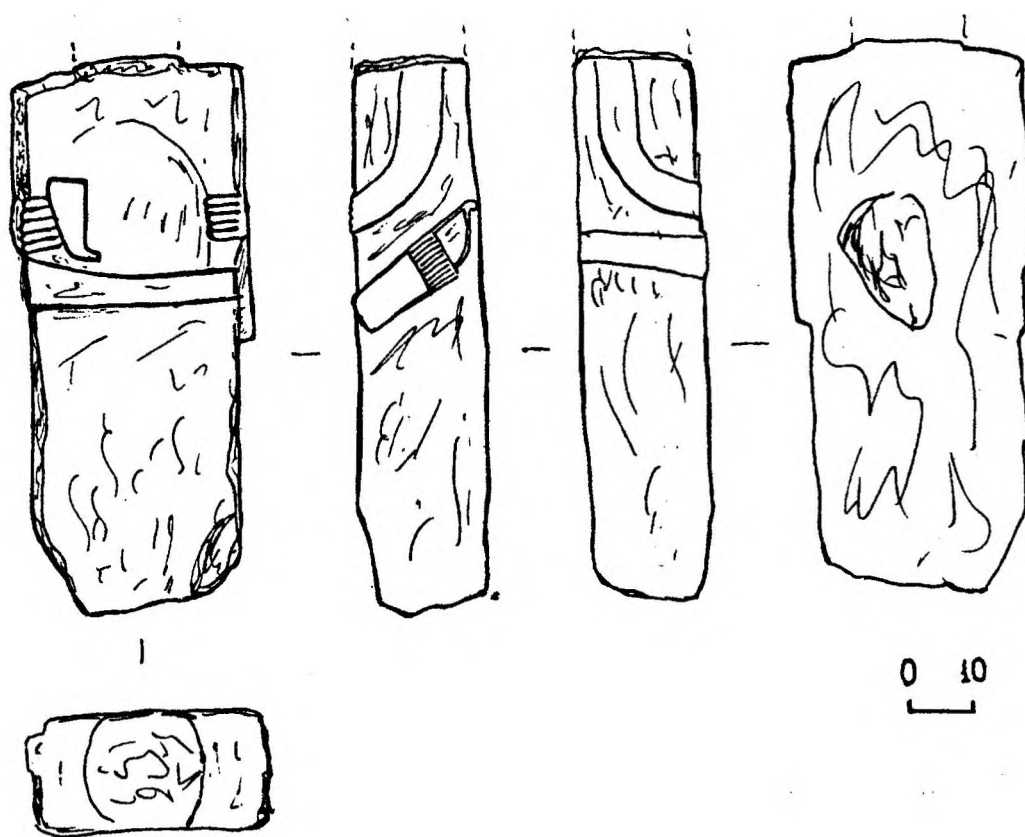

Рис. 2. Скифское изваяние из окрестностей Севастополя у с. Баква

(на 42 % памятников). Вышесказанное позволяет предположить датировку севастопольского изваяния в указанных хронологических рамках.

1. Ольховский В.С., Г.Л.Евдокимов. Скифские изваяния VII – III вв. до н.э. – М., 1994.
2. Ольховский В.С. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. – 1990. – № 3.
3. Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине// Курганные древности Степного Поднепровья III – I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1979. – С.45–60.
4. Мелюкова А.И. Скифское каменное изваяние из с. Буторы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978.
5. Колотухін В.О., Ольховський В.С. Скіфські статуї Крилівської курганної групи// Археологія. – 1989. – № 3.
6. Ольховский В.С. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. – М., 1990.

Кокорина Ю.Г.

АХЕМЕНИДСКИЙ МЕЧ ИЗ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК: К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКИФАМИ.

В камере 5 кургана Чертомлык, датирующегося IV в. до н.э., был обнаружен меч с золотой обкладкой рукояти, ахеменидская принадлежность декора которой в настоящее время разделяется всеми исследователями (историографию определения культурной принадлежности декора рукояти привел в своей работе А.Ю.Алексеев, тщательно изучивший меч [1]. К рукояти был приделан новый клинок, имеющий форму, свойственную скифским клинкам IV в. до н.э. [1; 2]. Встает вопрос о причинах подобной переделки.

Целью данной работы является попытка определения возможных причин переделки импортной вещи и помещения ее в погребение. Для этого необходимо определить то общее, что могло объединять декор рукояти ахеменидского меча с традицией украшения скифских мечей IV в. до н.э. и пути осмысления изображения на рукояти в скифской среде. Поэтому необходимо провести анализ декора, отвечая на вопросы: что изображено на рукояти? Как изображение организовано? Каково его значение в представлениях скифов?

Что изображено?

Навершие представляет собой изображение голов быков. Быки на навершиях скифских мечей не изображались, но традиция украшать навершия мечей зооморфными мотивами – изображениями частей животных – присуща скифскому искусству. Подобная традиция известна в Скифии в V в. до н.э., покрытые золотом экземпляры распространяются в IV в. до н.э. К степным экземплярам IV в. до н.э. относится находка из Большой Белозерки [3.–рис.1]. В V в. до н.э. известны экземпляры с навершиями в виде птичьих голов из Лесостепи – к. 401 у с. Журовка [4.–табл.17,4], с. Гамарня [5.–табл.20.13], а также на Кавказе – п.43 к.15 у аула Уляп.

На рукояти ахеменидского меча изображены козлы или антилопы, которых настигают стрелы охотников. Биологический вид животных определить трудно, но видно, что это – дикие копытные. На скифских мечах в IV в. до н.э. также помещались дикие копытные животные – олени. Таковы мечи из Чертомлыка [6.–Кат.185-187], Колбинского-1 [7.–С.15], кургана Кекуватского [5.–табл.19,7], головы копытных изображены на рукояти меча из Солохи [5.–табл. 20,6], датируемой V в. до н.э. Есть пример украшения рукояти изображениями голов копытных в Лесостепи – это находка из с. Ключ Курской области [8.–Рис.1].

На рукояти чертомлыкского меча изображены также люди – всадники. При всей неоднозначности определения их этнической принадлежности [6.–С.100-102], следует отметить востребованность человеческих изображений в скифской среде именно в IV в. до н.э., что было связано с произошедшими в Скифии социальными изменениями [9; 10].

Декор на перекрестье не сохранился, что связано, видимо, с переделкой меча скифскими мастерами [6. –С.102].

Как изображение организовано?

В целом декор чертомлыкского меча организован орнаментально, в нем прослеживается симметрия и ритм.

Декор навершия организован симметрично, головы быков смотрят в противоположные стороны. Подобная организация находит отражение в скифской традиции. Навершия скифских мечей VI-V вв. до н.э. часто украшаются симметричными изображениями волют или птичьих когтей. В IV в. до н.э. симметричные фигуры помещаются на навершиях мечей, происходящих из Лесостепи – это к.3 группы Частых [11.-С.147] и Новониколаевского кургана [5.-табл. 19,8], симметрично расположены когти на навершии упоминаемого меча из Большой Белозерки, найденного на степной территории. Таким образом, симметричный декор навершия ахеменидского меча согласовывается со скифской традицией украшать этот вид оружия.

Ритмично организованы изображения на рукояти. Изображения растительных и геометрических орнаментов на рукоятях имеют место в декоре келермесского и мельгуновского мечей, датируемых VII в. до н.э., находке из хут. Шумейко, относящейся к рубежу VI-V вв. до н.э. Затем в орнаментации рукоятей происходит перерыв, и геометрические и зооморфные орнаменты появляются лишь в IV в. до н.э. Известны они и в Лесостепной, и в Степной Скифии. Это ряды из фигур собак на стволе рукояти меча из Новониколаевского кургана [5.-табл. 19,8], к.3 группы Частых [1.-С.147], зайцев из к. 487 у с.Турия [12.-рис. 25,2], голов копытных из с. Ключ [8.-рис.1]. Геометрическим орнаментом украшаются в IV в. до н.э. рукояти мечей из к.9 у с.Дуровка (8.-рис.2) и кургана у Белозерского Лимана [13.-рис.6].

Таким образом, орнаментальная организация декора чертомлыкского меча оказалась близкой скифам, отвечала имеющейся в их культуре традиции украшения мечей.

Ориентированы изображения на рукояти рассматриваемого меча снизу- вверх, в этом направлении скачут всадники и «прорастает» растительный мотив. Такую же ориентацию – снизу-вверх – имеет декор на рукоятях скифских мечей. Головой и рогами к навершию ориентированы изображения оленей на упоминавшихся выше мечах из Чертомлыка, кургана Кекуватского, Колпинского –1, головами к навершию направлены фигуры собак и зайцев из Новониколаевского кургана, к.3 группы Частых, к.487 у с.Турия. Сходство организации и ориентации декора ахеменидского меча облегчило восприятие скифами его украшения.

Семантика декора ахеменидского меча в представлениях скифов.

Изображения голов быков помещены на навершии, то есть в верхней части предмета. Для образа быка в индоиранском мире характерна лунарная символика [14.-С.203]. Бык является одним из воплощений иранского божества войны и победы Вертрагны (Яшт 14,7). У скифов образ быка также связан с воинским бытом: Лукиан повествует о самом верном способе собрать войско, восседая на бычьей шкуре [Лукиан, Тоскарид или дружба: 48]. Бык редко встречается в скифском бестиарии, но значимость образа подчеркивается помещением на бляхе из Александропольского кургана семи бычьих голов вокруг одной человеческой. В иранском мире придавалось большое значение изображению головы животного или человека, характерной чертой скифского искусства являлось изображение части животного.

Неопределенность биологического вида копытных животных – объектов охоты, показанных на рукояти, затрудняет поиск семантических аналогий, поэтому возможна только интерпретация сцены в целом. Умерщвление копытного на охоте может предположительно ассоциироваться с принесением его в жертву. «Предположительно» – потому, что и в ахеменидском, и в скифском искусстве жертвоприношение изображалось иначе: на персепольских рельефах животные представлены в руках людей или ведомыми за повод [15.-табл.173], в скифском искусстве как жертвенная изображалась поза животного с

подогнутыми ногами [16.-С.164]. Изображение умерщвления копытных стрелами на ахеменидской рукояти, являющейся средней частью меча – символа мирового дерева [17; 18] в представлениях скифов, послужило причиной принятия скифами изображения на мече как отвечающего их религиозным воззрениям. Как мировое дерево интерпретирует растительный орнамент на рукояти ахеменидского меча А.Ю.Алексеев [1.-С.38].

Копытные чередуются со всадниками на рукояти меча по три раза, а символика числа «3» как воплощения гармонии космического пространства, характерна для всех индоевропейцев [19.-С.630].

Таким образом, прослеживается в наборе изображений, организации декора и семантике изображений на ахеменидском мече из Чертомлыка сходство с традицией украшения скифских мечей IV в. до н.э. Это, видимо, и послужило причиной переделки меча скифами и помещения его в погребение человека, обладавшего высоким социальным статусом.

1. Алексеев А.Ю. Рукоять парадного ахеменидского меча из Чертомлыцкого кургана // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1984. – Вып.49.

2. Минасян Р.С. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыцкого кургана // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. – Киев, 1991.

3. Отрощенко В.В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. – Киев.1984.

4. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // Свод археологических источников. – М.,1965. – Вып. Д1-31.

5. Мелюкова А.И. Вооружение скифов / /Свод археологических источников. – М.,1964. – Вып. Д1-4.

6. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык.- Киев, 1991.

7. Гуляев В.И., Савченко Е.И. К вопросу о роли золота в погребальном обряде скифов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракова. Архивные материалы, публикации, статьи. – М.,1999.

8. Пузикова А.И. Акинак из с.Ключ Курской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984.

9. Граков Б.Н. Скифский Геракл//Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Истории Материальной культуры. – 1950. - №4.

10. Раевский Д.С. Эллинские боги в Скифии? // Вестник древней истории. – 1980. - №1.

11. Граков Б.Н. Скифы. – М.,1971.

12. Ильинская В.А.Тереножкин А.И. Скифия //Археология Украинской ССР. – Киев,1986.

13..Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозерского Лимана // Курганы Степной Скифии. – Киев, 1991.

14. Иванов В.В. Бык //Мифы народов мира. – М.,1987. – Т.1.

15. Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. – М.,1994.

16. Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // Советская археология. – 1963. - №2.

17. Алексеев А.Ю. О скифском Аресе //Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1980. – Вып.21.

18. Бессонова С.С. Скифский Арей // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 годах. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. – Ужгород, 1978.

19.Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. – М.,1988. – Т.2.

ПОДБОЙНЫЕ МОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕРНОГОРОВКИ- НОВОЧЕРКАССКОГО КЛАДА

Комплексное изучение погребально-поминальной обрядности древней культуры требует подробного рассмотрения ее трансформации во временном и пространственном контекстах, выявления генетических линий, иноэтнических влияний и прямых заимствований, а также конечного результата такой трансформации, проявляющегося в соответствующих изменениях обрядности культур-преемниц или соседних этнических образований. В нашем случае мы имеем дело с культурой древних кочевников, а, следовательно, любая реконструкция условий повседневной жизни и истории последних будет опираться исключительно на погребальные памятники. Культура Черногоровки-Новочеркасского клада характеризуется чрезвычайным полиморфизмом основных элементов погребального обряда, что отражает сложные условия переходной эпохи, поэтому анализ каждого элемента в отдельности необходим для последующего синтетического обобщения, позволяющего ответить на многие вопросы, связанные с киммерийской проблемой. Проблема возникновения и развития подбойных сооружений в погребальном обряде изучаемой культуры имеет огромное значение для выявления путей генезиса последней, особенно если принять во внимание эпизодический характер проявления этого элемента. Ведь, как известно, ни у белозерской культуры, непосредственно предшествующей КЧНК, ни у раннескифской, сменяющей ее, подбойные сооружения не получили широкого распространения. Наличие весьма развитых сооружений камерного и подбойного типов у населения катакомбной культуры (и, как позднее выяснилось, культуры многоваликовой керамики), а также у скифов IV-III вв. до н.э. еще больше усложняет проблему, порождая подчас фантастические предположения. Так, М.И. Артамонов, обосновывавший автохтонное происхождение скифов в Северном Причерноморье, аргументируя эту версию как богатым археологическим материалом, так и генеалогическим эпосом скифов, видел истоки скифского этногенеза в эволюции позднесрубной культуры. Исследователь, используя сведения античных авторов и гипотезу О.А. Кривцовой-Граковой о миграции срубников из Поволжья, удревил эти события, отнеся их к концу II тыс. до н.э., т.е. к предполагаемой смене катакомбной общности срубной, и локализовал исторических киммерийцев в Прикубанье и Северном Кавказе. При этом киммерийскую культуру он отождествлял с катакомбной, имея в виду вышеупомянутое сходство погребальных сооружений [1.—С.15]. Ранее он писал, что «традиция катакомбных погребений жила в нижнем Поднепровье с медно-бронзового века, представляя собой... некий этнический элемент, ямы у скифов царских сменились катакомбами в результате их скрещивания с этим этническим элементом» [2.—С.148-149]. М.И. Ростовцев также находил прототип скифских катакомб в погребальных сооружениях катакомбной культуры [3.—С.433]. Л.С. Клейн называет катакомбные племена скифами царскими, предполагая, что катакомбные сооружения доживают в Предкавказье до VII в. до н.э. [4.—С.32]. Впоследствии М.И. Артамонов отказался от этой гипотезы, предположив, что катакомбы скифов возникли в подражание скальным склепам Ближнего Востока [5.—С.75]. Н.Л. Членова выдвинула гипотезу о связи раннескифских катакомб с катакомбами (подбоями) позднесрубной культуры и КМК [6.—С.86]. Одновременно предпринимались попытки связать камерные конструкции катакомбной культуры с подбоями «киммерийцев», т.е., по сути, развивалась идея М.И. Артамонова. Так, У.Э. Эрдниев предположил, что катакомбные памятники Калмыкии бытовали вплоть до I тыс. до н.э. [7.—С.20]. Однако впоследствии В.А. Сафронов доказал наличие значительного пласта КМК и срубной культуры в Калмыкии, что вроде бы опровергло гипотезу У.Э. Эрдниева [8.—С.21-26]. Для КМК, как выяснилось позже, были характерны катакомбы-подбои, которых на сегодняшний момент известно более 100 [9.—С.42-51; 10.—С.130-131]. Наличие подбоев в

погребальных памятниках срубной культуры было убедительно аргументировано В.В. Дворниченко [11.—С.5-15]. Находка подбойного сооружения в погребении 1 кургана №50 у с. Кочковатое Татарбунарского района Одесской области (белозерская культура) [12.—С.57], практически идентичного предположительно киммерийскому (белозерско-киммерийскому) в Суворовском могильнике (п.2 к.№5) Измаильского района Одесской области [13.—С.29-37], послужила доказательством наличия генетической связи между подбоями бронзового и раннежелезного века. Этой проблеме была посвящена известная статья Т.Ю. Гошко и В.В. Отрощенко, где авторы говорят о некой культурной традиции создания катакомбных конструкций, существовавшей в Северном Причерноморье со времени катакомбной культуры и КМК и проявившейся в погребальном обряде киммерийцев [14.—С.168-183]. В.С. Ольховский и В.Ю. Мурзин связали раннескифские катакомбы с «катакомбами-подбоями» культуры Черногоровки-Новочеркасского клада (т.е. «киммерийцев») [15.—С.57; 16.—С.12]. Таким образом, в отечественной археологии утвердилась мысль об имевшей место в регионе непрерывной линии развития указанных сооружений от памятников катакомбной культуры и вплоть до скифских могил. Аналогичную мысль относительно Прикубанья и Предкавказья высказывала М.П. Абрамова [17.—С.9-19]. Нетрудно, однако, заметить, что вся приведенная выше схема основывается на сходстве нескольких памятников белозерской и «киммерийской» культур, а также на утверждаемой а priori преемственности скифских катакомб и киммерийских подбоев. Между тем, мы склонны утверждать, что нет оснований допускать наличие генетической связи между развитыми катакомбными сооружениями одноименной культуры и весьма примитивными конструкциями «киммерийцев». Единичные подбои VI в. до н.э. также не позволяют видеть остатки предскифской традиции в более поздней скифской классической эпохи. И уж конечно, не может служить достаточным доказательством фиксации единственного подбойного сооружения на Кочковатовском могильнике белозерской культуры. Поэтому, вероятно, следует рассматривать подбойные сооружения культуры Черногоровки-Новочеркасского клада как вполне самостоятельное явление, не связанное с предыдущей погребальной практикой и практически не оставившее следов после исчезновения этноса - носителя данной культуры. Добавим, что погребальное сооружение, будь-то простая грунтовая яма, яма с подбоем, катакомба, грунтовой или каменный склеп, деревянная гробница и т.д., — не может являться индикатором той или иной этнокультурной принадлежности. Одни и те же погребальные сооружения самостоятельно возникали, развивались и сосуществовали у различных культур в разные исторические эпохи и на разных территориях. Причем во многих случаях говорить о преемственности не приходится [18.—С.172-212; 17.—С.9-19].

Попробуем обосновать это утверждение на материалах так называемой Северо-Западной зоны распространения «киммерийских» памятников (выделена для черногоровского этапа О.Р. Дубовской [19.—С.137-161], где известно 21 погребение с подбоем или «катакомбой».

Прежде всего, отметим, что могил с подбоями новочеркасской ступени на данной территории (7 или 33,3%; собственно в Северо-Западном Причерноморье — всего 3) значительно меньше, чем черногоровской (14 или 66,9%), что отмечалось исследователями и для других районов распространения культуры [14.—С.179]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, может служить еще одним доказательством в пользу проникновения в середине VIII в. до н.э. в Степь нового населения, не знакомого или мало знакомого с подобной формой погребального сооружения. Отметим также, что могил с подбоями черногоровской ступени заметно меньше в восточных локальных зонах распространения культуры (57% — в Северо-Западной зоне, 31% — в нижнеднепровской, 0% — в орельско-самарской, 11% — в северо-восточной [19.—С.137-161].

Подбойные погребальные сооружения культуры Черногоровки-Новочеркасского клада отчетливо делятся на два типа. К I типу относятся однокамерные бездромосные сооружения с четко прослеживающимся входом и камерой. Имеются отдельные варианты

данного типа. К варианту Ia мы отнесли сооружения с овальными или подпрямоугольными в плане входом и камерой, сделанной вдоль одной из стенок. При этом длина камер и входных ям практически совпадает. Наличие или отсутствие ступеньки определяет принадлежность погребения к первому или второму подварианту. Погребальные сооружения данного варианта создавались в основном для вытянутой (7 из 10) или слабоскорченной позы усопших (отношение длины к ширине 3/1, т.е., примерно, 1,8*0,6 м). Таких погребений больше всего – 10 (4 черноговорских – Мефодиевка 1/4, Калиновка 1/2, Висунск 1/2, Касперовка 2/12; 6 новочеркасских – Яблоня 4/1, Ивановка 4/1, Буторы 14/6, Новая Одесса III 1/6, Касперовка 2/5, Костычи 2/2). Аналогичные погребальные сооружения широко распространены и в других локальных зонах культуры – нижнеднепровской (Поддубное 2/3, Золотая Балка 11/3, Красная Поляна 3/6, Ясиноватое 19/1 и др.; северо-восточной – Кремневка 3/9 и др.)

К варианту Ib относятся погребения с небольшим округлым (овальным) входным колодцем и относительно большой овальной (подпрямоугольной – 1 подвариант) или округлой (2 подвариант) в плане камерой. В нашем регионе мы насчитали 2 могилы (обе черноговорские) с такой формой погребального сооружения – Ковалевка VII 4/6 (1 подвариант) и Калиновка 1/2 (2 подвариант). При этом последнее погребение является переходным между вариантами а и b. Этот вариант погребального сооружения встречается, правда, довольно редко также в нижнеднепровской зоне (Первомаевка 3/5, Заповитное 9/2).

Вариант Ic представлен погребениями с большой прямоугольной в плане входной ямой и меньшей камерой, рассчитанной на скорченное положение умершего. В Северо-Западном Причерноморье к данному варианту можно отнести лишь один памятник – Суворово 5/2 (белозерско-черноговорский). Аналогичные погребения крайне редки (Бережновский I 9/3, Восточный Маныч 2/8).

Ко II типу подбойных погребальных сооружений мы отнесли простые грунтовые ямы с небольшой нишей, сделанной вдоль одной (вариант IIa) или двух (вариант IIb) стенок. Собственно сама камера здесь отсутствует, а погребенный находится лишь частично в нише. Погребения этого типа широко распространены: в Северо-Западном Причерноморье (7) (IIa – Буторы 14/5, Красное 1/7, 2/7, Рошканы 3/4, IIb – Холмское 2/3, Котюжень 4/2, Лиманцы 3/3). Достаточно часто встречаются они и в других регионах распространения данной культуры – Звонецкое I 15/2, Зимогорье 2/5, Таврия 4/1, Днепровка 1/14 и др. За исключением Котюжень 4/2 [20.–С.104-120], все остальные погребения относятся к черноговорской ступени культуры Черноговорки-Новочеркасского клада.

Как видим, погребения варианта Ia характерны для всего времени существования культуры Черноговорки-Новочеркасского клада. При этом среди них нет ни одного раннечерноговорского или переходного (белозерско-черноговорского памятника) [21].

Погребения варианта Ic можно отнести как к раннечерноговорскому (Калиновка 1/2 [22.–С.41-43], так и к более позднему времени (Ковалевка VII 4/6 [23.–С.48].

Наиболее архаичными среди перечисленных являются погребения варианта Ic. Так, мы уже говорили о сходстве погребальных сооружений Суворово 5/2 (черноговорское) и Кочковатого 50/1 (белозерское). Об архаичности первого свидетельствует сильноскорченное на боку положение и южная ориентировка умершего. Архаичной является и бронзовая ручка от распавшегося биметаллического кинжала из Суворово 5/2. Грибовидное навершие и крестовидная рукоять, как известно, являются характерными особенностями мечей и кинжалов карасукской культуры. Такие вещи обнаружены на р. Вилуй (Якутия), у с. Коркино (близ г. Красноярск), с. Баты (Восточный Казахстан), с. Палацы (Восточный Казахстан), с. Лаптев Лог (Томская обл.), на Урале, Туве и Алтае [24.–С.191-194]. Синхронным карасукским является меч из с. Гербино, появление которого, вероятно, относится к позднебронзовому времени [25.–С.136-137]. Однако ни форма перекрестия, ни орнаментация суворовской рукояти не имеют аналогов в карасукских прототипах. Первая особенно ярко проявляется в многочисленных мечах и кинжалах,

распространенных на Кавказе и Предкавказье, в Средней Европе и Волго-Камье (Николаевский могильник, Кисловодская мебельная фабрика, Сержень-Юрт, Билярск, Комарно, Штрамберг и др.). Орнаментация же металлических изделий ломаными линиями и штриховкой, не характерная для киммерийских образцов, была довольно распространенным явлением для эпохи поздней бронзы – сабастиновского (например, кинжалы из комаровского погребения у с. Иванье, Черковны (Болгария), наконечники копий из с. Бородино, кельты из Ингульского клада и др. [10.–С.103-125] и белозерского (кельты из Новогригорьевского клада, Кардашинки I, Кривого Кута и др. [26.–С.139] периодов, - а также для некоторых типов кельтов чернолесской культуры (так называемые кельты с елочным орнаментом - с. Подгорцы, Лука, Пищальники, Хмельна, Журжинцы, Александровка, Умани, Каневе, Субботове и т.д. [27.–С.126-128]. Эти факты подтверждают архаичность рукояти из Суворово 5/2, сочетающей в себе как восточные, так и местные традиции. О.Р. Дубовская относит его к ряду вещей импортного (восточного) происхождения [19.–С.156]. Интересно, что отверстие на перекрестье характерно также для кинжалов Волго-Камья и Северного Кавказа (первый и второй варианты).

Близки к белозерским образцам и другие предметы погребального инвентаря Суворово 5/2 - простая корчага, и бронзовая лунница [28.–С.90-98]. Все это позволяет классифицировать Суворово 5/2 как памятник переходный (белозерско-черногородовский).

Также относятся к переходному или раннечерногородовскому времени другие погребения этого варианта – Бережновка 4/3 и Восточный Маныч 2/8.

Погребения с сооружениями II типа относятся к разным хронологическим периодам. Неорнаментированный черпак из Бутор 14/5 близок к белозерским прототипам и позволяет отнести это погребение к раннечерногородовскому времени (первая половина IX в. до н.э.). Южная ориентировка погребенного, наличие фиолетовой охры и горшковидного сосуда, аналогичного белозерским образцам (Кочковатое), говорит о раннечерногородовской принадлежности погребения Красное 1/7. Погребение Холмское 2/3 [29.–С.67-68] О.Р. Дубовская относит к среднечерногородовскому этапу (датируя по наконечнику стрелы) [19.–С.159]. К этому же времени или даже к более позднему можно отнести и погребение Красное 2/7, где был найден железный нож [30.–С.8-88], имеющий аналогии в позднечернолесских находках (Субботовское, Адамовское, Тясминское городища и т.д. [31.–С.149-151]. Принадлежность погребений Рошканы 3/4 и Лиманцы 3/3 к отдельным периодам черногородовской ступени уточнить не удалось. Погребение Котюжень 4/2 можно датировать VIII-VII вв. до н.э. по находке в нем фрагментов лощеной миски шолданештского типа [32.–С.33-53].

Таким образом, хронологически погребальные сооружения культуры Черногородовки-Новочеркасского клада распределяются следующим образом. Наиболее ранними являются сооружения варианта Ia. Судя по всему, это архаизм белозерского времени, не получивший широкого распространения в киммерийскую эпоху. Поэтому, тезис о преемственности подбойных сооружений позднебронзового и раннежелезного периодов является достаточно спорным. К раннечерногородовскому времени также относятся погребения вариантов Ib, IIa и IIb. Погребальные сооружения II типа наиболее примитивны, они появились, видимо, как вариант простой грунтовой ямы и являются прототипами более развитых подбоев варианта Ia, широко распространенных в черногородовское и новочеркасское время.

1. Артамонов М.И. Киммерийська проблема // Археологія. - Вип.9. - К., 1973. - С.3-15
2. Артамонов М.И. Этногеография Скифии // Ученые записки Ленинградского государственного университета. - 1949. - №85. - С.148-149.
3. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. - Л: Изд-во Рос. Акад. истории матер. культуры, 1925. - 621 с.
4. Клейн Л.С. Происхождение скифов-царских по археологическим данным. // СА. - 1963 - №4. - С.20-36.
5. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. - 156 с.

6. Членова Н.Л. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки. - 1980. - №6. - С.80-87.
7. Эрдниев У.Э. Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры // Археологические памятники Калмыцкой степи. - Элиста. - 1979. - С.16-23.
8. Сафронов В.А. К вопросу о времени сложения срубной культуры, южной и западной экспансии ее племен // Древние культуры Поволжья и Приуралья. - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского политехнического ин-та, 1978. - (Науч. тр.: Т.221). - С.21-26.
9. Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. - К.: Наукова думка, 1982. - 160 с.
10. Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. - К.: Наукова думка, 1985. - 172 с.
11. Дворниченко В.В. Погребения с подбоями в эпоху поздней бронзы в Северном Причерноморье // Сборник докладов на IX и X Всесоюзной археологической конференции. - М.: Наука, 1968. - С.5-15
12. Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. - К.: Наукова думка, 1992. - 89 с.
13. Черняков И.Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. - К.: Наукова думка, 1977. - С.29-37.
14. Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. - 1986. - №1. - С.168-183.
15. Мурзин В.Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII-V вв. до н.э. // Древности Степной Скифии. - К.: Наукова думка, 1982. - С.47-65.
16. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). - М.: Наука, 1991. - 256 с.
17. Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы.// Археологические исследования на юге Восточной Европы. - Ч.II. - М., 1982 (Труды Государственного Ордена Ленина исторического музея). - С.9-19.
18. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. - Волгоград, 1999. - С.172-212
19. Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноговровской культуры.// Археологический альманах. -1993. - №2. - С.137-161.
20. Агульников С.М. Исследование курганов у с. Котюжень.// АИМ в 1986 г. - Кишинев. 1992. - С.104-120.
21. Константинов О.В. Погребально-поминальная обрядность киммерийцев Северо-Западного Причерноморья.// Археология и этнология Восточной Европы. - Одесса (в печати).
22. Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н. Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. - К.: Наукова думка, 1984. - С.33-49.
23. Тереножкин А.И. Киммерийцы. - К.: Наукова думка, 1976. - 223 с.
24. Членова Н.Л. Карасукские находки на Урале и Восточной Европе // СА. - 1973. - №2. - С.191-194.
25. Черняков И.Т. Новые находки эпохи бронзы и раннего железа на Одесчине // Археологические исследования на Украине в 1968 г. - вып.3. - К., 1971. - С.136-137.
26. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. - К.: Наукова думка, 1986. - 167 с.
27. Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. - К.: Изд-во АН УССР, 1961. - 248 с.

28. Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. — К.: Наукова думка, 1990. — 168 с.
29. Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. Холмские курганы // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1986 - С.67-68.
30. Серова Н.Л., Яровой Е.В. Курганный комплекс у с. Красное.// Григориопольские курганы. — Кишинев: Штиинца, 1987. — С.8-88.
31. Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. К.: 1961.— 248 с.
32. Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР.// СА. — 1985. - №1. — С.33-53.

Кузнецова Т.М.

О ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ В СКИФИИ ЦАРЯ СКИЛА

После разгрома Киаксаром скифского царя Мадия и уничтожения его военачальников, скифы в начале VI в. до н.э. (позже 585 г. до н.э.) возвратились в Северное Причерноморье.

С этого времени, по сведениям Геродота, начала править царская династия, родоначальником которой был *Спарганиф* и далее: *Лик* → *Гнур* → *Савлий* → *Иданфирс* → (?) → *Арианиф* → *Скил* → *Октамасад*.

Эти персонажи скифской истории всегда интересовали исследователей, как и возможность идентификации с ними скифских курганов. Выявление в ранней могиле кургана Солоха надписи 'Λ Υ Κ Ο' на серебряном килике и граффито 'ΛΥ' на одной из двух амфор в поздней могиле позволило А.П.Манцевич предположить принадлежность кургана Солоха одной скифской знатной семье, носившей имя 'Λύκος' [1.-С.118].

А.Ю.Алексеев сделал также попытку отождествить могилы кургана 'Солоха' с усыпальницами сыновей царя Арианифа: ранняя — в конце V в. до н.э. для Орика, а впускная — первой четверти IV в. до н.э. для Октамасада [2].

Имя царя Лика, отмеченное в истории Геродота ('Λύκος' ['λύκος' — волк] — Herod., IV, 76), близко имени царя Линка, упомянутого у Овидия ('Lyncus' ['lynx' — рысь] — M., V, 642-661).

Интересно, что на солохском серебряном килике имя написано «по Геродоту», а «портрет» представлен «по Овидию», и бесхвостый зверь с «квадратной» мордой, с лапами и позой кошачьего хищника более похож на рысь, чем на волка [3.-С.141-150].

Наблюдения над стратиграфией кургана Солоха показывают, что центральная (ранняя) могила несколько смещена относительно центра кургана таким образом, что сооружение боковой (поздней) могилы делало оба погребения равноудаленными от вершины курганный насыпи. По всей видимости, сооружение боковой могилы планировалось заранее в соответствии с прижизненным социальным статусом лица, для которого и была сооружена более поздняя усыпальница.

Таким человеком мог быть царский сын, наследование власти которым, а соответственно и возведение индивидуального кургана, в дальнейшем не предполагалось, т.е. Скил или Октамасад, старшие царские дети и не чистокровные скифы.

Один из сыновей Арианифа — *Орик* должен был наследовать отцу, как *младший царский сын*, так как согласно легендам именно младшему удавалось получить власть над Скифией [«... родители этого Таргитая... Зевс и дочь реки Борисфена. ... У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и *самый младший Колаксай*. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этих загоревшееся золото отвергло, *при приближении же*

третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, *передали всю царскую власть младшему*» (Herod. IV, 5).

«Когда Геракл прибыл ... в страну, называемую ныне Скифией (здесь его застигли зима и мороз), то... он заснул, а кони ... были ... похищены по божественному предопределению (Herod. IV, 8). Когда ...Геракл проснулся, он отправился на поиски. ...он нашёл в пещере некое существо двойной природы... Она ... сказала ему, что лошади у неё и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за такую цену. ...Наконец она, возвратив [коней], сказала: "Я сохранила для тебя этих коней, ...а ты дал награду – ...у меня от тебя три сына. ... скажи, что нужно делать с ними, когда они станут взрослыми. ...на это ответил: "Когда ты увидишь, ... что кто-то из них натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того..., кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышли из страны..." (Herod. IV, 9).

Натянув один из луков ... и объяснив употребление пояса, он передал лук и пояс с золотой чашей у верхнего края застёжки и, отдав, удалился. Она же, когда родившиеся у неё дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них – Агафирс, следующему – Гелон и *Скиф – самому младшему*. ... двое её детей – Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, изгнанные родительницей, а *самый младший из них — Скиф, — выполнив всё, остался в стране*» (Herod. IV, 10)].

Вероятно Орик, когда произошло убийство Ариапифа, был еще слишком мал, т.е. не достиг возраста, необходимого для получения власти, в связи с чем Скил стал басилевсом скифов, узаконив царский титул женитьбой на жене своего отца и матери Орика, что делало последнего не только наследником Скила, а и закрепляло право Орика на наследство Ариапифа.

Исходя из этого, вопрос о Скиле следует рассмотреть подробнее, так как это связано с хронологическими поисками.

По сведениям Геродота (Herod. IV, 78) известно, что мать Скила была гречанкой и происходила из Истрии.

К моменту смерти Ариапифа, своего отца, Скил уже был женат на ольвиополитке, имел в Ольвии дом и был приобщен таинствам Диониса Вакхического (Herod. IV, 79), т.е. принадлежал к греческой аристократии и был скорее греком, чем скифом.

Более того, в Никонии отливались монеты с именем Скила [4;5; 6], что указывает на его высокий «политический статус» в греческом городе.

Время царствования Скила в Скифии определяется либо второй четвертью V в. до н.э. [7.-С.104; 4.-С.68; 5.-С.106], либо ≈ 470-440 гг. до н.э. (8.-С.292), а время выпуска монет – первой половиной V в. до н.э. [4.-С.66-67], рубежом первой-второй четвертей V в. до н.э. [6.-С.29] или – 470-450 гг. до н.э. [5.-С.120], что предполагает почти одновременное литье монет и период царствования Скила.

Однако пока нет никаких данных о том, что в Никонии монеты с именем Скила выпускались во время его царствования, как принято считать, т.е. после смерти Ариапифа, а не при жизни последнего.

Скил мог управлять Никонией и как наместник Ариапифа, и как номарх, а не как скифский царь, отчего выпуск монет по всем имеющимся данным как бы «опережал» время царствования Скила и был связан только с Никонией.

Исходя из этого, время убийства Ариапифа и приход к власти над скифами Скила следует ограничить окончанием выпуска монет с именем последнего в Никонии, т.е. пока – не ранее 450 г. до н.э.

Видимо, преждевременная смерть отца определила для Скила статус бацилеса (Herod. IV, 78-79), который предназначался Орику, чистокровному скифу, что было важно в скифском социуме, так как даже «слуг» для жертвоприношения царю после его смерти выбирали из числа «природных скифов» (Herod. IV, 72).

1. Манцевич А.П. Курган Солоха. Л. – 1987.
2. Алексеев А.Ю. Скифские цари и «царские» курганы V-IV вв. до н.э.// ВДИ. № 3. – 1996.
3. Кузнецова Т.М. Исторические персонажи и скифские курганы.// Материалы международной научной конференции: «Боспорский феномен: Колонизация региона. Становление полисов. Возникновение государства». Т.II. СПб. – 2001.
4. Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила.// Тезисы докладов конференции: «Киммерийцы и скифы». Ч.I. Кировоград. – 1987.
5. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. – М. 1989.
6. Загинайло А.Г. Литые монеты царя Скила из Никония.// Древнее Причерноморье. Тезисы докладов. – Одесса, 1989.
7. Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н.э. // СА. № 3. – 1980.
8. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. – СПб, 2003.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б.

СТАРОЖИТНОСТІ ДОБИ РАНЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ КРЕМЕНЧУЦЬКОГО ПОДНІПРОВ'Я

Кременчуцький мікрорегіон лежить у межах південної частини Лівобережного Придніпровського терасового лісостепу – ландшафтно-географічної зони, де відома певна кількість пам'яток початкової доби раннього залізного віку, скіфського та сарматського часу.

Старожитності передскіфського часу представлені тут досить невеликою, проте репрезентативною добіркою знахідок, котра черговий раз підкреслює значення Кременчуцької, Градиської та інших, менш відомих, дніпровських переправ, як важливих ланок взаємозв'язків й інтенсивних контактів різних груп осілого і кочівницького населення. Досить помітно ці процеси взаємних контактів постали саме на зламі епох – на етапі становлення нового явища в історії Подніпров'я – раннього залізного віку.

Важливі історичні події, що передували походам киммерійців до Закавказзя, Малої і Передньої Азії, обернулися в регіоні Середнього Подніпров'я експансією кочівників на захід, в область поширення фракійських племен, у Правобережний Лісостеп і далі – до районів Центральної Європи. Разом із киммерійцями, учасниками таких набігів виступали окремі представники лівобережного лісостепового населення, захоплені виром завоювань. Повертаючись із цих походів, край дніпровських переправ осідали окремі учасники походів, а також вихідці із середовища чорноліського населення Правобережжя Дніпра, переселенці з півночі. Все це населення використовувало у військовій справі, господарстві та побуті уніфіковані за час походів, так звані, киммерійські зразки озброєння, кінської упряжі, подібні типи прикрас і посуду.

До таких артефактів належить і деталь вузди – бронзовий литий псалій комишевахського типу, відлитий у вигляді вигнутого, круглого у перетині стрижня, що має три круглі отвори, поряд із якими, по краях, виділені муфтоподібні виступи, а з боків – маленькі шляпкові потовщення. З одного боку така шляпка має грибоподібне завершення (рис.1:3). Частина цієї шляпки відламана. Знахідка, виявлена неподалік Піщаної гори у Кременчуці, має довжину 7,8 см і діаметр стрижня 0,55 см. Подібні псалії, на думку О.І.Тереножкіна, мають північнопричорноморське степове походження і відомі за кількома десятками знахідок як в Україні, так і на Північному Кавказі та в Центральній Європі [1.-С.150]. Отвори таких паліїв круглої форми, як у кременчуцького, нібито вказують на

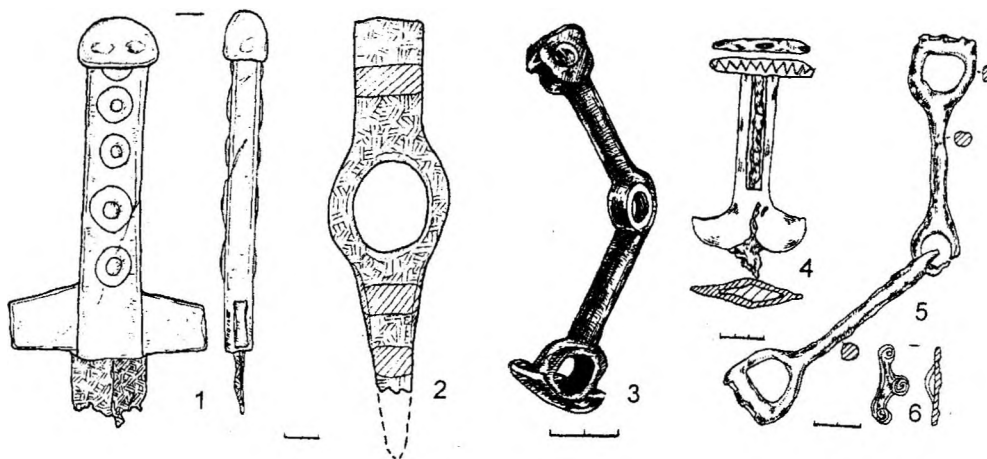

Рис.1. Кременчук та околиці. Знахідки кіммерійського і ранньоскіфського часу. *Бронза, залізо (1,4); залізо (2); бронза (3,5-6)*. 1,2 — Кременчук, мікрорайон Молодіжний; 3 — Кременчук, Піщана гора; 4 — Градизьк, ур.Гардашівка; 5 — Мозоліївка; 6 — Пронозівка.

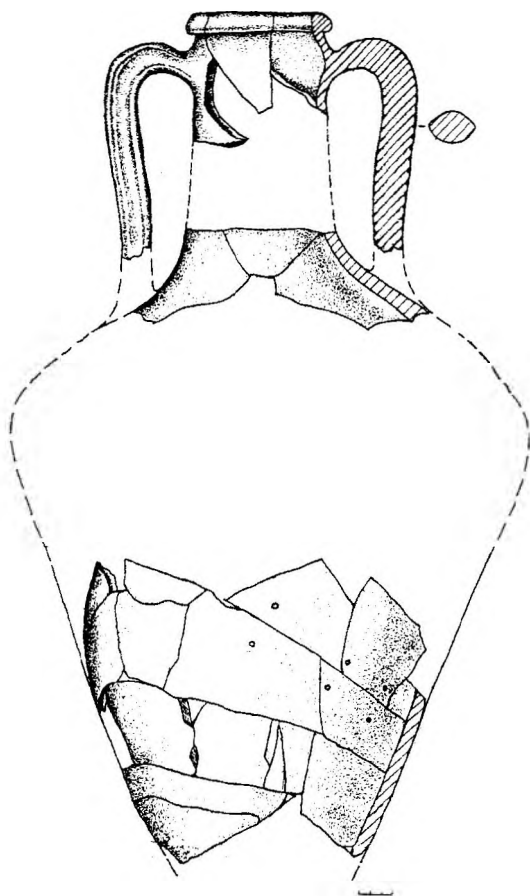

Рис.2. Самусіївка, с., околиці. Амфора. IV ст. до н.е.

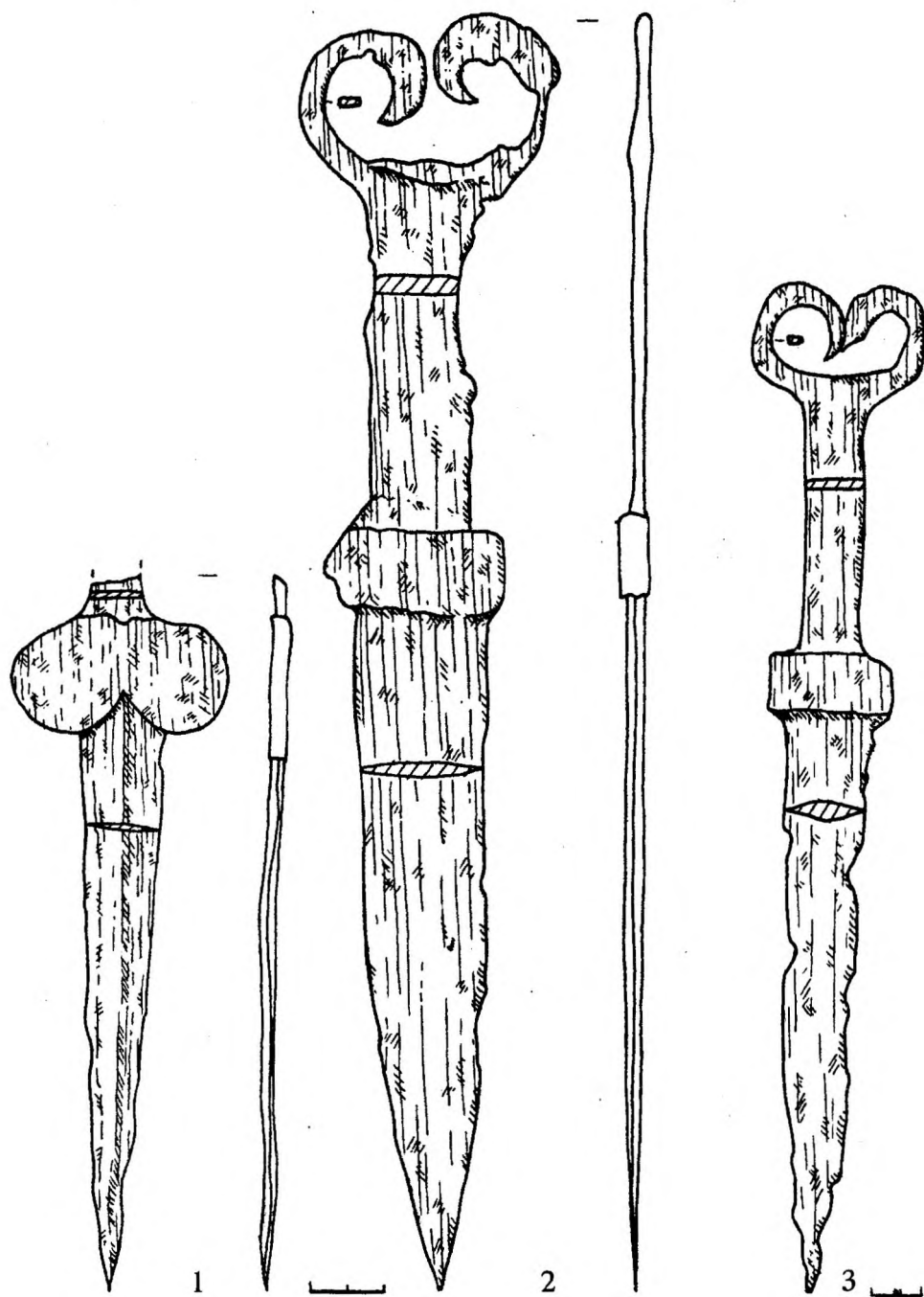

Рис.3. Кинджали скіфського часу з Кременчуччини. Бурти, с. (1); Низи, с. (2); Шушвалівка, с., Шушвалівський о-в (3). Залізо.

західноєвропейські паралелі виробів, на відміну від деталей вузди з овальними отворами суто східного степового походження [2.- Р.124-130]. То ж і не дивно, що аналогії знахідці походять зі степів Угорщини, куди були націлені далекі набіги кочівників, – а саме, Денгнеш та Ісмеретлен [1.- С.152].

Серед знахідок кіммерійської доби в окрузі Кременчука – невелика лита бронзова бляшка від упряжі, в формі лунниці, з трьома круглими виступами на кінцях і на вершині, прикрашена рельєфними спіральними завитками (рис.1:6). Зі зворотного боку плоскої бляшки є вушко напівкруглої форми для закріплення на ремені. Довжина – 3,2 см, ширина – 0,8 см, висота петлі – 0,9 см. Випадкова знахідка цієї прикраси вузди трапилася у розмиві Кременчуцького водосховища, поблизу с.Пронозівка Глобинського р-ну Полтавської обл., і відноситься до кінця VIII – початку VII ст. до н.е. [3.-I, IV].

Кіммерійська епоха позначена на території Кременчука і надзвичайно яскравими знахідками. Вони виявлені при спорудженні об'їздного шосе навколо Кременчуцького нафтопереробного заводу на початку 1970-х рр. Під час підсипання насипу дорожнього полотна один зі скреперів зніс, напевне, вершину невеликого кургану з рештками впускного поховання – кістками людини та коня, уламками залізних і бронзових виробів, наконечниками стріл тощо. Один із учасників будівельних робіт подарував їх до колекції приватного збирача предметів старовини. Кілька років тому ці знахідки вдалося замалювати. Перша з них – руків'я біметалевого бронзово-залізного меча середньокіммерійського часу – першої половини VIII ст. до н.е. (рис.1:1). Бронзове лите руків'я має невелике напівовальне за формою навершшя, пряме крильчасте перехрестя та багатодекоровану кружковим рельєфним візерунком ручку, з п'ятьма випуклими профільованими виступами. В отвір ручки вмонтований вузький залізний двосічний, із ребром посередині, клинок. Довжина бронзового руків'я – 12,7 см, ширина перехрестя – 7,2 см, товщина ручки – 1,2 см, ширина залізного клинка – 2,7 см. За аналогіями, знахідка має чи не найподібнішу паралель – з Кільце-гори на Північному Кавказі [1.- С.111, 124, рис. 68:4; 75:10].

До комплексу озброєння кіммерійського воїна-вершника входив також і залізний ключець, із прямокутним у перетині сплюсненим обухом, круглою провужиною в центрі та підквадратним вістрям, що відходило від прямокутного бійка. Довжина збереженої частини виробу – 13,4 см, максимальна ширина – 4,5 см, вага – близько 310 г (рис.1:2). Аналогічної форми біметалевий ключець походить з поховання поблизу с. Стара Яблунка під Саратовим у Поволжі [1.- С.57, 62].

Знахідка поблизу сучасного мікрорайону Молодіжний засвідчує присутність у Середньодніпровських Лівобережних передстепях окремих представників кіммерійців з числа учасників походів на Закавказзя, в озброєнні яких саме і побутовали такі яскраві речі з набору озброєння.

Фінальна доба кіммерійського часу – початок періоду скіфської архаїки відзначені на Кременчуччині випадковими, проте надзвичайно рідкісними знахідками. Так, у розмиві лівого берега Кременчуцького водосховища, серед матеріалів різночасного поселення доби пізньої бронзи-раннього залізного віку в ур.Гардашівка у смт. Градизьк трапилася верхня частина біметалевого кинджалу із бронзовим руків'ям (рис.1:4). Кинджал мав пряме брускоподібне навершшя, розширене до середини, підпрямокутне рамочне руків'я, із залишеним за найдовшою віссю виробу отвором, метеликоподібне перехрестя, уламок залізного клинка зі стрижнем, вставленим в отвір руків'я. Навершшя прикрашене смугами прокресленого зигзагоподібного орнаменту. Його висота – 1,1 см, ширина – 6,9 см, товщина – 0,9 см; висота руків'я – 8,7 см, перетин – 2,2х0,7 см; висота перехрестя – 3,3 см, ширина – 7,9 см, товщина – 1,9 см; ширина леза клинка – 4,3 см, а загальна довжина уламка – 14,8 см [4.-С. 109-111].

Поблизу с.Мозоліївка Глобинського р-ну, у розмиві 1993 р. випадково виявлені „ранньоскіфські” двоскладові стременоподібні бронзові вудила з виділеними на підніжжі

уступами (рис.1:5). Загальна довжина вудил – 19,2 см, довжина однієї їх ланки – 11,6 см, ширина підніжки – 2,8 см [5.–С.380].

Ранньоскіфські матеріали з мікрорегіону позначають етап формування окремої локальної групи пам'яток скіфської доби у межах Придніпровського терасового Лівобережного Лісостепу, виділеної В.А.Іллінською [6.– С.308-312]. Пам'ятки скіфської епохи вже виявлені у цьому районі [7.–С.18-20]. Вони представлені як поселеннями осілого населення на берегах Дніпра, так і підкурганими похованнями скіфів-кочівників. Отже, на Кременчуччині досить рівномірно репрезентовані старожитності двох культурно-історичних типів скіфської доби, що співіснували на певних етапах раннього залізного віку.

Поселенські пам'ятки включали не тільки селища, що відомі вже з розвідок М.Я.Рудинського 1922 р., а й, можливо, укріплені поселення – городища. Так, Д.Я.Телегін і Є.В.Махно вважали, що за 2 км на південний схід від с.Золотнишене Кременчуцького району, на великій піщаній дюні, видовженій у широтному напрямку, на площі у 0,5-0,6 га (100х50-60 м), знаходилися рештки городища, обстеженого археологами у 1960 р. Серед знахідок на цій пам'ятці виявлені не тільки керамічні матеріали, а й бронзовий дволопатекий наконечник стріли з шипом VI ст. до н.е. [8.–С.18-19; 7.–С.19]. Останні обстеження 2003 р. дозволяють більш впевнено стверджувати про існування в околицях згаданого села лише кількох відкритих поселень жаботинського етапу і скіфського часу.

Серед знахідок із району Заводу силікатної цегли у Кременчуці відзначені фрагменти посудин доби раннього залізного віку, зокрема, уламки ліпних горщиків-зерновиків із отворами під вінцем, ручок і стінок античних амфор, уламок ліпного черпака, денце кубка із концентричним прокресленим орнаментом. До речі, серед кераміки є й фрагменти ліпних цідлок зі щільного чорно-сірого тіста, з великими наскрізними отворами. Зразки подібного посуду жаботинського типу виявлені й під час розвідок у 2003 р. на поселенні у Золотнишиному Кременчуцького р-ну.

Фрагменти вінець горщиків скіфського часу, орнаментованих по краю наліпними валиками і наскрізними проколами під ним були знайдені на островах Стрілечий [9. – С.87-91] та Зелений поблизу Кременчука. Таке орнаментування кераміки скіфського часу взагалі характерне для Кременчуччини і лівобережного узбережжя Дніпра у Глобинському р-ні на Полтавщині [10.–С.24]. Є уламки подібного посуду й на інших поселеннях у Кременчуці.

Особливо масово вони представлені серед зборів на Олександрівському хуторі у Рейвці, де є також фрагменти оранжево- та червоноглиняних античних амфор. Такі амфорні уламки виявлені у Крюкові на Раківці, районі Заводу силікатної цегли, у Кривушах, Самусіївці і далі – вище, за течією Дніпра.

Поблизу поселення у с.Самусіївка Кременчуцького р-ну виявлений розвал античної кружальної амфори, з тістом рожевого кольору, без помітних включень, світло-рожевим ангобом. Амфора має невисоке циліндричне горло, широкий тулуб середньої висоти, нависаюче „грибоподібне” вінце і плавний вигин ручок (рис.2). На тулубі помітні сліди реставрації, у вигляді двох рядів просвердлених на конус отворів. Типологічно амфора належить до кола керамічної тари острова Родос [11.–С.41]. Подібні амфори С.Ю.Монахов вважає продукцією родоського тарного керамічного центру 60-80-х рр. IV ст. до н.е. [12.–С.476].

Варто назвати й кілька яскравих випадкових знахідок із території Кременчуччини, що належать до числа предметів озброєння скіфської доби. Це три залізні кинджали, представлені у збірці Кременчуцького музею. Перший – випадкова знахідка, що походить зі зруйнованого кургану на плато четвертої тераси правого берега р. Дніпро, поблизу с.Бурти Кременчуцького р-ну, навпроти Кременчука, виявлений 1993 р. (рис.3:1). Руків'я зразка зброї майже повністю втрачене. Частина, що збереглася, має прямокутний перетин, а також ниркоподібне перехрестя і клинок, що плавно звужується донизу, із двосічним лезом ромбоподібної у перетині форми та ребром посередині. Загальна довжина фрагмента – 20,0 см; довжина перехрестя – 3,5 см, його ширина – 5,3 см, товщина – 0,6 см; довжина леза – 13,5 см, максимальна ширина – 0,5 см [13. – С.168]. Кинджал, за типологічною схемою

Г.І.Мелюкової, належить до 1-го типу I відділу, датується другою половиною VI ст. до н.е. [14.–С.47].

Ще один кинджал був виявлений в околицях с.Низи Кременчуцького р-ну, у передмісті Комсомольська, на другій надзаплавній терасі р.Псел. Кинджал має просте антенне навершшя і метеликоподібне підпрямокутне перехрестя, великі волюти, що не торкаються основи навершшя. Перехрестя виготовлене окремо з двох частин і закріплене на клинку засобами ковальського зварювання. Гострий підтрикутний у плані, ромбічно-лінзоподібний у перетині клинок, має два паралельні леза, що плавно звужуються до низу, в останній третині довжини. Вздовж довгої вісі виробу збереглося чітко виражене ребро, що розширюється до руків'я. Довжина кинджала – 34,0 см; навершшя: довжина – 5,5 см, ширина – 7,5 см, товщина – 0,5 см; руків'я: довжина – 9,0 см, ширина – 2,5 см, товщина – 0,8 см; перехрестя: довжина – 2,5 см, ширина – 5,0 см, товщина – 1,4 см; клинок: довжина – 17,0 см; ширина – 3,7 см, товщина – 0,7 см (рис.3:2).

Кинджал був датований А.В. Гейком VI ст. до н.е. [15.–С.89] й атрибутований як зразок зброї 1-го типу II відділу, за Г.І.Мелюковою [14.–С.53-54], проте, може належати до більш пізнього часу, принаймні, V чи навіть IV ст. до н.е., з огляду на наявність спрямленого перехрестя.

Необхідно згадати і кинджал із антенним навершшям, волюти якого сходяться до повздовжньої вісі виробу, утворюючи своєрідний овал з прямокутним у перетині руків'ям, прямокутним у плані перехрестям та двосічним ромбоподібним у перетині, рівномірно звуженим від п'яти до жала, клинком. Перехрестя виготовлене з двох зварених пластин металу, щільно підігнаних до суцільної основи руків'я і клинка. Довжина – 33,4 см; навершшя: довжина – 3,7 см, ширина – 4,2 см, товщина – 0,45 см; руків'я: довжина – 7,9 см, ширина – 1,6 см, товщина – 0,6 см; перехрестя: довжина – 2,0 см, ширина – 3,3 см, товщина – 0,8 см; клинок: довжина – 19,8 см; ширина – 3,2 см, товщина – 0,5 см (рис.3:3). Знахідка цього кинджалу походить зі зруйнованого розмивом Кременчуцького водосховища підкурганного поховання на Шушвалівському острові, неподалік с.Шушвалівка Глобинського р-ну. Датується це поховання III–II ст. до н.е. і відноситься до кола пізньоскіфських старожитностей [16.–С.175-176], які відомі в околицях Градизька і Шушвалівки [17.–С.141].

Щодо наявності на території Кременчука й округи поховань степового населення скіфської доби, відзначимо їх дослідження в одному з Олексіївських курганів у Великій Кохнівці на околиці Кременчука, розкопаних в 1880 р. К.М.Мельник-Антонович [18.–С.81] та виявленого випадково, поблизу передмістя Крюкова на початку 1930-х рр. [19.–С.63]. Ще два впускних поховання досліджено у курганах неподалік с.Волошине Кременчуцького р-ну влітку 2003 р. експедицією Полтавського обласного Центру охорони та досліджень пам'яток археології.

Таким чином, у Кременчуцькому мікрореєоні представлені досить виразні старожитності перед- і скіфського часу, що ставлять його в ряд перспективних районів вивчення пам'яток як степового, так і осілого населення доби раннього залізного віку на узбережжі Дніпра.

1. Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К.: Наук. думка, 1976.
2. Pittion R. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. — Wien, 1954.
3. Кулатова И.Н. Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины // Скорый С.А. Киммерийцы в украинской лесостепи. — К.-Полтава: Археология, 1999. — Приложение.
4. Кулатова І.М. Біметалевий кинджал з Градизька // ПАЗ. — Полтава: Полт. літератор, 1994. — Ч.2.
5. Кракало І.В., Кулатова І.М. Знахідки деталей кінської зброї з лівого берега Дніпра на Полтавщині // Більське городище у контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава: Археологія, 1996.

6. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. — К.: Наук. думка, 1983.
7. Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи: Препринт. — К.: изд. ИА НАНУ, 1994.
8. Телегин Д.Я., Махно Е.В., Шарафутдинова И.Н. Отчёт о разведке в зоне Днепродзержинского водохранилища в 1960-61 гг. // НА ІА НАН України. — Ф.е. — 1960-61/4.
9. Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Мироненко К.М., Кракало І.В., Тітков О.В. Старожитності Кременчука: Археологічні пам'ятки території міста та околиць. — Полтава-Кременчук: Археологія, 2004.
10. Кракало І.В. Археологічні пам'ятки Кременчука // НА ЦОДПА. — Ф.е. — Спр. 378.
11. Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков Н.В. Древние амфоры в Северном Причерноморье: Справочник-определитель. — К.: изд. ред. журн. «Древний мир», 2001.
12. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э. — Саратов: Изд-во Саратов. ГУ, 1999.
13. Кракало І.В., Кулатова І.М. Кинджал з Кременчуччини // АЛЛУ. — Полтава, 1998. — № 1-2 (3-4).
14. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. — Москва: Наука, 1964. — Вып. Д 1-4.
15. Стахів М.П., Гейко А.В. Кинджал з фондів Історико-краєзнавчого музею м.Комсомольська // АЛЛУ. — Полтава, 2001. — № 2 (10).
16. Кулатова І.М. Кинджал [з с.Шушвалівка Глобинського р-ну] // ПАЗ. — Полтава: Полт. літератор, 1995. — Ч.3. — Наш каталог. — № 19.
17. Кулатова І.Н., Супруненко А.Б. Памятники времени проникновения сармат в Днепровское Лесостепное Левобережье // ПАЗ-1999. — Полтава: Археологія, 1999.
18. Антонович-Мельник К. Археологічні досліді на Кременчуччині // КЗ ВУАК за 1925 р. — К.: ВУАК, 1926.
19. Сидоренко Г.О., Махно Є.В., Телегін Д.Я. Довідник з археології України. Полтавська область. — К.: Наук. думка, 1982.

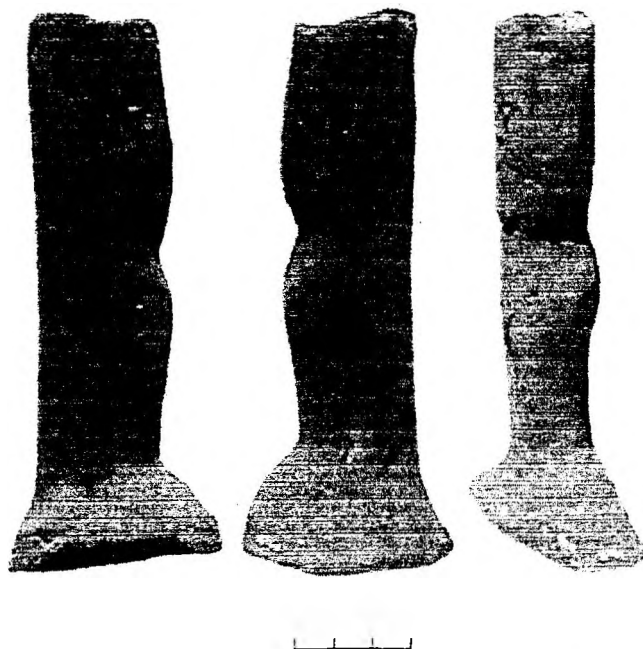
Кутинова Т.М.

СИНДСКАЯ АФРОДИТА.

Самым массовым (порядка 60-80%) материалом, получаемым в ходе раскопок памятников античного времени, является керамическая тара. Это и неудивительно, поскольку амфоры специально предназначались для транспортировки морем жизненно важных для греков продуктов — вина и оливкового масла. Как правило, пустые сосуды либо разбивались, либо использовались для хозяйственных нужд: вкопанные в кухне нижние части амфор могли служить в качестве ёмкостей для воды или сыпучих продуктов, а отбитые от них ножки были прекрасными рыболовными грузилами. Нередко амфорными черепками мостились внутренние дворики домов, а цимянкой из толченой керамики обмазывались стены рыбозасолочных цистерн. Однако нигде, кажется, не упоминалось о том, что амфорные фрагменты использовались как заготовки для изготовления произведений искусства. Именно с подобным явлением мы столкнулись летом позапрошлого года в ходе обработки клеймёного амфорного материала из Горгиппии, хранящегося в Анапском музее.

Когда наша работа уже подходила к концу, заведующая фондами И.Н. Мельникова обратила наше внимание на несколько необычный фрагмент сильно заизвесткованной амфорной ручки с частью прилепа. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в древности она явно подвергалась вторичной обработке. После удаления известкового слоя

чётко выявилась прелестная женская фигурка, вырезанная из нижней части ручки, прилеп которой служил для неё, своего рода, постаментом¹.

Статуэтка довольно своеобразна: все контуры женского тела переданы очень реалистично, в то время как лицо только намечено. Особое внимание резчик уделил проработке лицевой стороны изделия: грудь, ноги, изгиб талии и бедра отличаются чёткостью прорисовки и в то же время некоторой мягкостью, плавностью линий. Вообще, фигурка выглядит настолько гармонично, что даже не сразу замечаешь отсутствие у неё рук – впрочем, это, как ни странно, её совсем не портит. Подбородок и шею мастер тоже никак не обозначил. Верхняя часть головы даже не намечена – фигурка заканчивается сколом амфорной ручки. Исключительно интересна трактовка лица статуэтки: глаза и нос прочерчены глубокими чёткими линиями, тогда как рот напрочь отсутствует.

Обратная сторона фигурки проработана лишь частично: мастер вырезал контуры ног и талии (с левой стороны), оставив нетронутой правую сторону и верхнюю часть статуэтки. Возможно, что-то помешало резчику закончить работу. Однако, этим, как нам кажется, нельзя объяснить отсутствие у неё рта, шеи и подбородка. Судя по всему, некоторая незаконченность головы, была задумана мастером изначально. На эту мысль наводит та тщательность, с которой была выполнена лицевая сторона статуэтки – очевидно, что резчик больше не собирался к ней возвращаться.

Естественно, сразу возникает ряд вопросов: где была обнаружена фигурка, когда она была изготовлена и, наконец, чей образ пытался передать мастер? Согласно фондовым записям, статуэтка была найдена школьником по фамилии Щербина в 10-15 км от Анапы недалеко от хутора «Рассвет» на берегу бывшей речки и передана в 1965 г. в Анапский музей (инв. № АМ 4967). Конечно, первооткрыватель мог бы уточнить место и обстоятельства своей находки, но, к сожалению, спустя сорок лет отыскать его нам пока не удалось. Вместе с тем, в хранящемся в фондах музея отчёте за 1963 г. о разведках в этом районе, проведённых экспедицией МОПИ под руководством Ю.С. Крушкол, отмечено, что «в 3-х км по тропе от хутора «Рассвет» по направлению к станице Натухаевская и в 250 м

¹ Вместе с амфорным прилепом высота статуэтки составляет 14 см.

влево на склоне небольшой балки (бывшей ранее речки) было обнаружено поселение. Оно, по-видимому, располагалось на холме... Среди подъёмного материала преобладали амфорные ручки Синопы, Родоса и др. центров, венцы гераклеических амфор, стенки лепной керамики. Фрагменты датируются от эллинистического до римского времени» (л. 23). Видимо, это и есть то самое поселение, где два года спустя школьник наткнулся на статуэтку.

Что касается вопроса о времени её изготовления, то мы, к сожалению, не можем дать на него однозначного ответа. Уверенно определяется лишь нижняя временная граница этого события. Ручка, послужившая заготовкой для нашей статуэтки, принадлежит хиосской амфоре с «колпачковой» ножкой. Сосуды этого типа поступали в Северное Причерноморье на протяжении IV – начала III вв. до н. э. [1.–С. 246, 422, 531], следовательно, фигурка могла быть сделана приблизительно в это же время. Однако не исключено, что прежде чем попасть в руки резчика, амфорная ручка несколько десятков, а то и сотен лет могла пролежать в земле. В какой-то степени уточнить время изготовления статуэтки помогает её иконография. Для того чтобы выяснить, чей образ пытался воплотить мастер в своей работе, нужно поискать аналогии среди многочисленной группы терракотовых изображений, происходящих из Северного Причерноморья.

Наша фигурка, скорее всего, повторяет образ Афродиты, культ которой был широко распространён на Боспоре и, в частности, в Горгииппии – греческом городе, ближе всего расположенном к месту находки [2.–С. 219; 3.–С. 81 сл.]. Отсюда этот культ распространялся на прилегающие территории, о чём свидетельствует находка трёх терракот, изображающих Афродиту Уранию в печи одного из помещений усадьбы рубежа нашей эры у хутора «Рассвет» [4.–С.222 сл.; 5.–1974. С.50].

Наиболее близкой по типу нашей статуэтке является большая серия разновременных терракотовых фигурок обнажённой и полуобнажённой Афродиты. Самые ранние из них датируются III в. до н. э. Такова, например, происходящая из Мирмекия статуэтка богини [6. –табл. XVI,в], выполненная в свойственной раннему эллинизму манере: Афродита стоит в свободной, расслабленной позе, слегка отставив правую ногу. Её левая рука полуопущена и поддерживает плащ, драпирующий бёдра и ноги. Этот мотив был необычайно популярным среди коропластов и неоднократно воспроизводился на протяжении всего античного периода.

Тематически сходная с нашей фигуркой группа терракот, изображающих Афродиту с дельфином [7. –табл. 23,1,3; 8. –табл. 57,1,3; 6. –Табл. XVI,б], которые восходят, по-видимому, «к типу Афродиты-Анадиомены, созданному живописцем Апеллесом и перенесённому в пластику ваятелем Полиархом» [6. – С. 54]. Как правило, статуэтки этой серии повторяют образ стоящей фронтально обнажённой богини, иногда с наброшенным на спину покрывалом. Показательно, что большинство фигурок этого типа относится к рубежу и первым векам нашей эры [6.–С. 54; 2.–С. 219; 9.–С. 10-11].

Зачастую местные коропласты создавали собственные варианты образа столь популярной в эллинском мире богини. В значительной степени отход от греческих изобразительных традиций был обусловлен большой этнической пестротой населения Боспора [6.–С. 93; 2.–С. 213]. Среди племён, населявших хору боспорских городов, было особенно популярно местное верховное женское божество плодородия, культ которого существовал здесь задолго до начала греческой колонизации. Об этом свидетельствуют многочисленные находки ранних терракотовых статуэток, довольно примитивных, происходящих, в основном, с территории Прикубанья. Особый интерес для нас представляют фигурки, найденные в окрестностях Краснодара [10.–С. 72-73. рис. 15], характерной особенностью которых является отсутствие, как и у нашей статуэтки, рта при чёткой прорисовке носа и глаз. Таким образом, наша Афродита может считаться наглядным примером синкретизма культов греческого и местного женского божества. Видимо, передавая заимствованный мотив, мастер переработал его в соответствии со своими художественными представлениями.

Возвращаясь к вопросу о времени изготовления статуэтки, отметим, что она может датироваться в широких пределах – IV в. до н. э. – II в н. э., но наиболее вероятным, на наш взгляд, является рубеж нашей эры. В связи с этим возникает вопрос: зачем резчику понадобилась старая, возможно даже заизвесткованная ручка, когда под рукой было множество фрагментов современных ему амфор? Дело в том, что ручки амфор, попадавших на Тамань на рубеже нашей эры, были либо двуствольными, либо уплощёнными, либо слишком массивными и явно не годились для воплощения художественного замысла автора. Совсем другое дело – круглая высокая ручка амфоры с «колпачковой» ножкой, идеально подходившая для создания объёмной и пропорциональной статуэтки.

1. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII-II вв. до н. э. – Саратов, 1999.
2. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М. 1997.
3. Харко Л.П. Фрагмент фриз с изображением гигантов из ст. Таманской // СА, VII, 1941.
4. Крушкол Ю.С. Терракоты из античного здания на хуторе Рассвет // СА, № 4. 1971.
5. Крушкол Ю.С. Терракоты из античного сооружения близ Горгиппии // САИ. Вып. Г1-11, ч. IV. 1974.
6. Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л. 1981.
7. Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. Вып. Г1-11, ч. III. 1974.
8. Кругликова И.Т. Терракоты из Горгиппии // САИ. Вып. Г1-11, ч. IV. 1974.
9. Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М. 1972.
10. Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М. 1971

Левицкий О.Г.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ПОЗДНЕГАЛЫШТАТСКОГО ПЕРИОДА ТРИНКА «ДРУМУЛ ФЕТЕШТИЛОР»¹

Могильник у с. Тринка представляет собой один из немногих погребальных памятников позднего периода галыштатской эпохи северной зоны Молдовы раскопанный полностью (рис.1А). Был расположен в 700-800 м к югу от южной окраины села на высоком мысу, образованном руслом р. Драгиште и ложбиной безымянного ручья, ориентированного с юго-востока на северо-запад. Абсолютная высота мыса 245,2м, высота от уровня долины реки 75м. (рис. 1В). На его пологом, юго-западном склоне, на площади около двух гектаров размещались 12 насыпей небольших размеров. Пять из них были сильно потревожены распашкой, остальные сохранились относительно хорошо, четыре из которых были задернованы. Курганы были расположены в три ряда, ориентированные по линии юго-запад – северо-восток. Один курган расположен вне какого-либо ряда. Расстояние между курганами в ряду составляет от 25 до 70м, а между рядами – от 30 до 75м (рис.1С).

Насыпи курганов – каменно-земляные. Вокруг места захоронения, на уровне древней поверхности, сооружалось каменное кольцо округло-овальной формы внешним диаметром от (5-5,2 м) до (10-10,5 м), шириной, соответственно, от 1 до 2,2 м. Внутренняя часть кольца, после положения остатков сожжения или погребенного и погребального инвентаря, заполнялась камнями средних и малых размеров, положенных в несколько слоев, потом вся конструкция накрывалась земляной насыпью. В двух случаях (К. № VI и VII), остатки сожжения и инвентарь, первоначально накрывались небольшим слоем земли, после чего следовали те же операции. Высота каменных насыпей варьируется от 0,4 до 0,6м, а вместе с земляным слоем у задернованных курганов, от 0,45 до 0,7м; диаметры – от 7-8 до 12-14м. Курганы в основном были предназначены только для одного захоронения. Курганы же № I и III содержали еще и погребению-кенотафу.

Остатки погребальных сооружений были обнаружены только в трех курганах. В К. № I и III – глубокие ямы овально-удлиненных форм, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток расположенные на окраине каменной насыпи и, в К. № IIIb – каменно-деревянная конструкция, сооруженная на уровне древнего горизонта, состоящая из площадки обожженной глины овальной формы, ориентированной по линии север-юг, вокруг которой находились шесть ям, расположенных попарно в трех группах. В остальных курганах погребения помещались под насыпью, непосредственно на уровне древнего горизонта.

Могильник биритуален. Соотношение между трупосожжениями и трупоположениями – 7:3. Кремации, осуществлялись как на стороне, так и непосредственно на месте захоронения. Первые являются без исключения полными. Остатки сожжений вместе с инвентарем располагались непосредственно на уровне древнего горизонта (К. № V-IX) или помещались в урне (К. № III, скопление В). Среди вторых, есть как неполные, на уровне древнего горизонта, с остатками сожжения оставленными на месте (К. № I), так и полные в деревянных конструкциях, сооруженных на уровне древнего горизонта (К. № IIIb). Ингумации располагались прямо на уровне древнего горизонта на месте, где сооружалась каменно-земляная насыпь (К. № II, III, IV). Предполагается скорченное положение на боку и северо-западная ориентировка, а также наличие одиночных и парных захоронений, возможны и перезахоронения. Погребения-кенотафы располагались на окраине каменной насыпи (К. № I и III).

Среди ритуальных действий, совершенных во время погребальной церемонии, удостоверенны: обычай положения в могилу красной краски (охры?)(К. № VI) и посыпка места захоронения известью или мелом (К. № VI VII IX); обычай положения напутственной мясной пищи, представленной костями быка, барана, домашнего осла – в яме (К. № I погребение-кенотаф), рядом с костями скелета (К. № III и IV) или в миску (К. № VI); обычай соблюдения определенного порядка в расположении предметов инвентаря: сосуды – преимущественно к югу от площади распространения остатков сожжения или костей скелета, украшения, предметы туалета, оружие, принадлежности колчана и др. – в пределах распространения остатков сожжения или между костями скелета, а также – их расположение в нескольких зонах – в центре, совместно с остатками сожжения (К. № V-IX), в непосредственной близости от площадки занятой остатками сожжения, к югу (К. № VI, VII, VIII) в пределах каменной насыпи, как и еще южнее за ее пределами, под землянной насыпью (К. № VI, VIII); обычай положения жертвоприношения после совершения захоронения, одновременно с сожжением ритуальных костров над каменными насыпями и проведения тризны (К. № VI и VIII), следами которой являются в основном, разбитые, реже целые лепные сосуды.

Половозрастной состав погребенных учитывая данные антропологической экспертизы, состав инвентаря и виды животных части которых были положены в качестве напутственной пищи – следующий : К. № III – парное женское в возрасте погребенных 12 и соответственно 18-21 лет; К. № IV – мужское в возрасте 40-45 лет; К. № II, при отсутствии предметов оружия и конской узды – женское; К. № I при наличии оружия и принадлежностей колчана – мужское; кенотафы из К. № I и III – мужские; К. № VI, содержащий пряслице, предметы туалета, кости овцы/барана – женское; К. № VII, при наличии пряслица – женское, К. № V и VIII, содержащие железный нож и соответственно бронзовый наконечник стрелы, могут быть как мужскими так и женскими; К. № IX, при наличие бусин и керамических сосудов содержал скорее всего женское погребение.

Курганы, рассматриваемые с точки зрения конструктивных особенностей насыпи, типов погребальных сооружений; биритуализма, типов погребений, в рамках площади могильника расположены в двух отдельных группах – северо-западной и юго-восточной. Для первой характерно: использование погребальных сооружений – грунтовых каменно-деревянных и ям; наличие как кремаций так и ингумаций; разнообразные типы погребений – трупоположения, неполные сожжения на уровне древнего горизонта, полные сожжения в

деревянных конструкциях или за пределами места захоронения с положением остатков кремации на уровне древнего горизонта или в урне, погребения-кенотафы. Для второй – курганы в которых на месте положения остатков сожжения первоначально сооружалась небольшая земляная насыпь и только потом каменно-земляная; наличие только одного типа погребений – сожжения на стороне и положение их остатков прямо на уровне древнего горизонта, без каких-либо погребальных сооружений. В зависимости от пола погребенных, северо-западная часть состоит как из захоронений мужчин так и женщин, юго-восточная же, представлена преимущественно захоронениями женщин.

Погребальный инвентарь² представлен: керамикой, в основном лепной как столовой (мисками широко открытой конической формы, трех вариантов, (а – рис. 1D,8; 2A,6; 2D,8; 3A,14,16; 3B,3,6; 3D,8,9; б – рис. 2C,14; 3D,6); с – рис. 3A,8; 2C,6) иногда орнаментированные ручками-упорами; черпаками трех типов, (1 – рис. 1E,12; 2 – рис. 2D,3-5; 3 – рис. 3D,10) один из которых орнаментирован рельефной nervюрой в сочетании с рядом вдавлений; кубками двух вариантов (а - рис. 1D,6; 2D,6; 2C,5; 3D,4,5; б – рис. 3D,7); корчагами; стаканообразными сосудами) (рис. 2C,5), так и кухонной категории (банковидными сосудами трех типов, (1 - рис. 2B,4; 3B,7,8,12; 2C,11; 1D,9; 3A,7,10; 3C,1,2; 2 – рис. 3B,11,14; 3C,5,7; 3 – рис. 1D,10; 3C, 3,4,6,8) орнаментированные под венчиком расчлененными и гладкими валиками, расчлененными валиками в сочетании с рядом сквозных или несквозных отверстий, расчлененными валиками прерванными сквозными отверстиями, ручками упорами, рядом сквозных и несквозных отверстий; тюльпановидными сосудами, орнаментированные расчлененным валиком (рис. 3B,9); сосудами с шаровидным туловом) (рис. 2A,9) и только в одном случае. (К. № V) – фрагментом от сосуда изготовленном на круге (рис. 2D,7); орудиями труда и предметами быта (железными ножами с горбатой или прямой спинкой (рис. 2D,2; 1E,9), глиняными пряслицами (рис. 3A,13; 2C,13); оружием (костяными пирамидальными (рис. 1E,2-6) и бронзовым трехгранным наконечниками стрел) (рис. 3B,2); предметами от колчана (костяными «палочкой-застежкой» (рис. 1E,7) и «грибовидным гвоздиком» (рис. 1E,8); украшениями (стеклянными (рис. 1E,11,14; 1D,1-4; 2A,1; 2B,1; 2D,1; 3A,1-6; 3B,1; 3D,1,2), глиняными (рис. 1D,5), бронзовыми (рис. 2C,3) бусинами, бронзовыми «гвоздевидными» серьгами (рис. 1E,10; 2A,2; 2C,4), бронзовыми «гвоздевидными» булавками (рис. 2A,3,4), костяной подвеской) (рис. 3A,9); предметами туалета (каменным блюдом и кусками охры) (рис. 3A,12).

Хронологические параметры надежно датированных предметов позволяют датировать могильник второй половиной VII – первой четвертью VI в. до н.э.

Раскопанный могильник, по основным параметрам, ближе всего к погребальным памятникам западно-подольской группы Среднего Поднестровья и низменности Рэдэуць. В то же время, он имеет более отчетливый фракийский, карпато-дунайский облик периода позднего гальштата, элементы скифских традиций менее распространены и расположены исключительно в северо-западной зоне могильника характеризующегося неоднородностью погребальной обрядности.

Таким образом, могильник Тринка “Друмул Фетештилор”, наряду с другими погребальными комплексами севера Молдовы, возможно, и низменности Рэдэуць, учитывая их специфику, нельзя однозначно отнести к кругу памятников западно-подольской группы. Незначительный удельный вес элементов скифского происхождения, по сравнению с фракийскими, свидетельствует об смешанном облике памятников расположенных в зоне культурных взаимовлияний двух миров – местного, фракийского и соседнего, восточного (скифского облика) в период позднего гальштата, но преобладающими оставались местные фракийские традиции.

² Предметы инвентаря по комплексам сведены в рис. 1D - E, 2, 3.

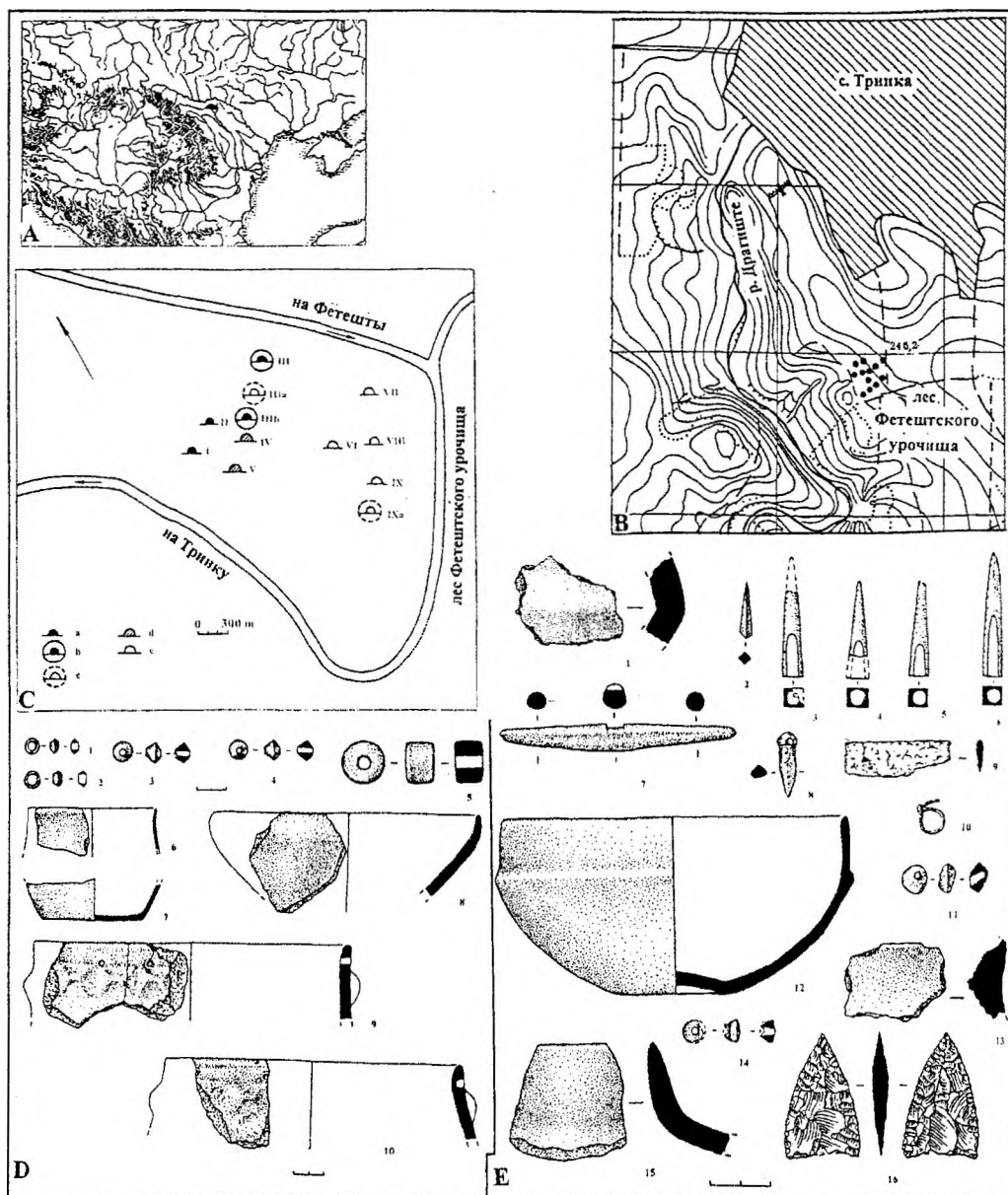

Рис. 1. А – расположение могильника Тринка “Друмул Фетештилор” в Молдове и в Юго Восточной Европе; В – топографические условия расположения могильника; С – внутренняя планировка могильника (а – курганы раскопанные в 1991 г.; б – курганы раскопанные в 1994 г.; с – курганы обнаруженные в 1992 г.; d - курганы раскопанные в 1995 г.; е – курганы раскопанные в 1999 г.); D – инвентарь К. № II (1-4 – стекло; 5-10 – керамика); E – инвентарь К. № I (1,12,13,15 – керамика; 2-8 – кость; 9 – железо; 10 – бронза; 11,14 – стекло; 16 – кремнь)

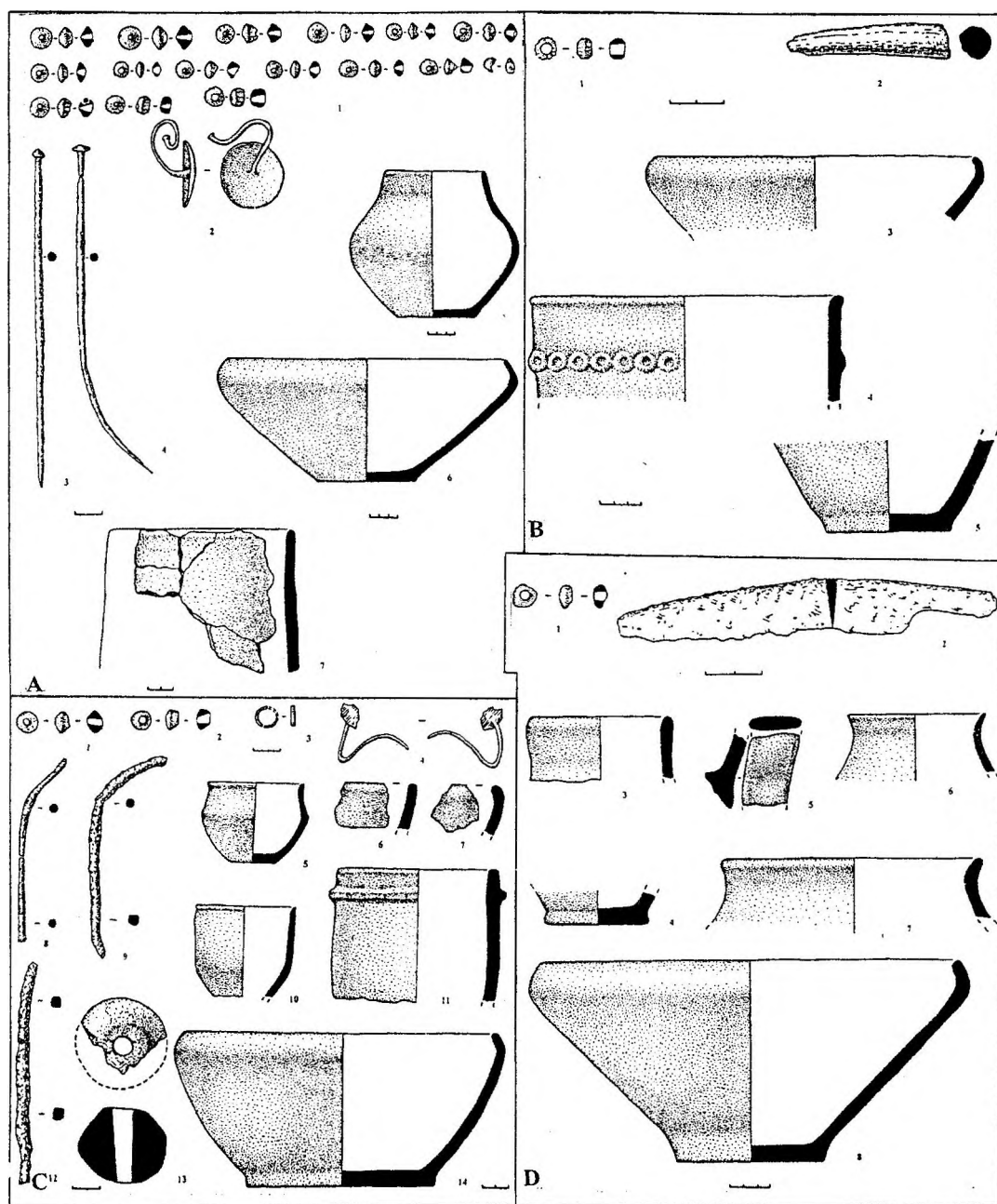

Рис. 2. А – инвентарь К. № III (1 – стекло; 2-4 – бронза; 3-7 – керамика); В – инвентарь К. № IV (1 – стекло; 2 – рог; 3-5 – керамика); С – инвентарь К. № VII (1-2 – стекло; 3,4,8 – бронза; 9,12 – железо; 5-7,10-11,13-14 – керамика); D – инвентарь К. № V (1 – стекло; 2 – железо; 3-8 – керамика).

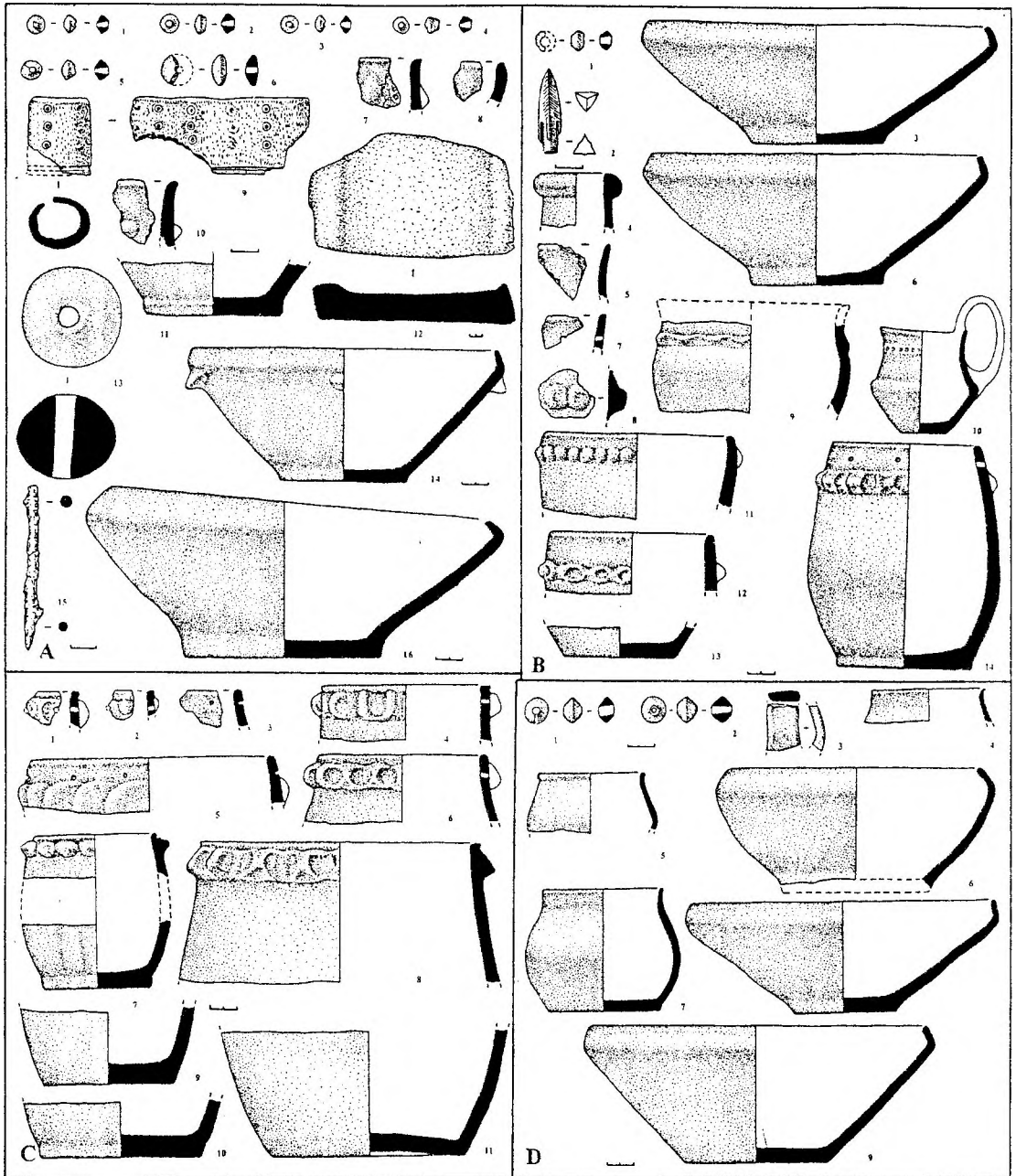

Рис. 3. А – инвентарь К. № VI (1-6 – стекло; 7, 8, 10, 13, 14, 16 – керамика; 9 – кость; 12 – песчаник; 15 – железо); В – инвентарь К. № VIII (1 – стекло; 2 – бронза; 3-14 – керамика); С – инвентарь К. № IX (1-2 – стекло; 3-9 – керамика); D – инвентарь К. № IX (1-11 – керамика).

ЧЕРНОГОРОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

Киммерийский период на территории юга Восточной Европы, отмеченный крупными сдвигами в социально-экономической и духовной жизни обитавшего здесь населения, принадлежит к числу наиболее важных в древней истории региона. Свое название он получил по имени народа – киммерийцев, древнейших обитателей восточноевропейских степей, зафиксированных письменной традицией. Сами же киммерийцы, будучи одними из наиболее ярких представителей ранних кочевников, имели неоднородный состав, включая несколько кочевнических группировок, наиболее известными из которых являются Черногоровская и Новочеркасская группы памятников. Главными критериями для их выделения послужили положение и ориентировка скелетов, а также погребальный инвентарь [1].

Проведенное мной картографирование предскифских древностей Северного Причерноморья позволило выделить на этой территории шесть территориальных подгрупп киммерийских памятников: Дунайско-Днестровскую, Южнобугскую, Приднепровскую, Самарско-Орельскую, Крымскую и Восточноукраинскую [2.-С.103]. Деление археологических памятников на подгруппы производилось по географическому принципу, исходя из концентрации памятников в местах их наибольшего распространения, каковыми, к примеру, являются бассейны таких крупных водных артерий как Днепр, Днестр и пр. Несмотря на наличие общих черт, каждой из выделенных локальных подгрупп присущи некоторые особенности устройства погребальных сооружений и ориентировки погребенных, а также сопровождающего инвентаря.

Следует подчеркнуть, что предложенное мной территориальное деление киммерийских памятников Северного Причерноморья в определенной степени условно. Я предлагаю рассматривать его как инструмент раскрытия локальных особенностей изучаемых памятников и связей между выделяемыми подгруппами. Понимание происхождения, становления и развития обществ, относящихся к кругу киммерийской культуры, возможно только через скрупулезное изучение локальной специфики археологических памятников региона.

Ниже будет рассмотрена одна из наименее изученных территориальных подгрупп черногоровских древностей – Крымская. На территории Крыма черногоровские памятники локализуются, в основном, в Присивашье, где исследовано семь захоронений: Изобильное 2\9 и 3\3; Рисовое 5\9; Рюмино 1\2 и 1\3; Танковое 9\4а-в; Целинное 16\3¹. Помимо этого, погребения известны в западном (Владимировка 2\10; Западно-Донузлавский курган 1\5), центральном (Ленинское 2\1) и южном Крыму (Зольное 1\5, Марьино 3\3), а также на Керченском п-ве (Астанино 7\7).

Все погребения являются впускными в курганы предшествующих эпох. Глубина могил варьирует от 0,7 до 3 м. Известен случай нахождения в одном кургане двух черногоровских погребений (Рюмино). Еще два черногоровских погребения входили в состав одной курганной группы у с.Изобильное. Упомянем также коллективное захоронение у с.Танковое, содержащее остатки трех погребенных.

В пяти случаях можно предполагать наличие подбойных погребальных конструкций. В п.5 к.1 у с.Зольное погребальная камера овальной формы была прослежена только с восточной стороны [3.-С.6]. С юга к ней примыкал входной колодец. Около южной стенки могилы находилось скопление камней, которые представляли собой заклад плохо прослеживаемой входной ямы (рис.1, 3,4).

В Западно-Донузлавском кургане у поверхности насыпи выявлены четыре лежащие одна на другой огромные плиты [4]. Под нижней из них, лежавшей наклонно, находился

¹ Здесь и далее в числителе указан порядковый номер кургана, а в знаменателе - номер погребения

скелет. Судя по положению камней, можно думать, что это был подбой, входная яма которого находилась с южной стороны. Нижняя часть могилы оконтуривается в плане как широтно ориентированный прямоугольник со скругленными углами (рис.1, 6). В к.3 у с.Марьино входная яма п.3 имела овальную форму и была ориентирована с севера на юг [5.-С.257]. Небольшой подбой был устроен в западной ее стенке (рис.3, 1).

Входной колодец п.3 в к.1 у с.Рюмшино не прослежен, придонная часть камеры зафиксирована на уровне материка [6.-С.9]. Могила имела вытянуто-овальную форму, ее размеры – 1,05 x 0,65 м (рис.2, 5). В этом же кургане исследована еще одна подбойная могила 2. Размеры камеры, примыкавшей к входному колодцу, с северо-запада-запада составляют 1,4 x 0,68 м, высота свода – до 0,53 м.

В четырех захоронениях для устройства погребальных сооружений использовалось дерево. Так, ямы п.7 в к.7 у с.Астанино, п.1 в к.2 у с.Ленинское и п.4 к.9 у с.Танковое были перекрыты деревянными плашками или прутьями, от которых в засыпи могилы сохранились остатки истлевшего дерева. За спиной погребенного в к.1 у с.Зольное удалось проследить деревянную плаху длиной 1 м. Возможно, это остатки деревянного заклада входа в подбой.

В 10 погребениях встречены остатки заупокойной пищи, представленные, главным образом, костями мелкого рогатого скота (овца, баран) В п.3 к.16 у с.Целинное рядом с сосудом лежали кости и череп барана. В ногах погребенного также найдена часть туши животного. В п.2 в к.1 у с.Рюмшино рядом с сосудом лежали две трубчатые кости и лопатка крупного животного. Помимо этого, на дне камеры обнаружена яичная скорлупа, а в засыпи - астрагал.

Среди черноморовских захоронений Крыма господствующим является скорченное положение умерших на левом (9) и реже – правом боку (4), а также на спине (1). Преобладающей является восточная ориентация костяков (12). Двое погребенных были ориентированы в южном направлении.

Наиболее представительной категорией инвентаря рассматриваемых захоронений является **глиняная посуда**. Она встречена в 10 черноморовских комплексах и представлена одним столовым (кубок) и девятью кухонными или хозяйственными сосудами. Среди последних были семь корчаг или близких к ним по форме сосудов, а также два горшка.

Сосуды типа корчаг, обнаруженные в киммерийских памятниках Крыма, довольно разнообразны по форме. Среди них выделяется не менее четырех самостоятельных разновидностей. Широкое распространение данной категории посуды, зачастую украшенной рельефным орнаментом, относится к числу особенностей инвентарного комплекса Крымской подгруппы черноморовских древностей.

Изделия из камня представлены **оселками**, найденными в пяти комплексах. В трех погребениях встречены **кремневые отщепы**, располагавшиеся в нижней части грудной клетки у кистей или между грудью и руками (Западно-Донузлавский курган 1\5; Зольное 1\5; Рюмшино 1\3). Еще в трех захоронениях найдены металлические ножи (Владимировка 2/10; Ленинское 2/1; Рюмшино 1/3).

Украшения представлены **серьгами** и **височными подвесками** (Изобильное 3/3; Танковое 9/4а; Целинное 16/3). На теменной части черепа из п.9 в к.2 у с.Изобильное встречены фрагменты бронзовой пластины. Помимо этого, на лбу костяка из п.3 в к.1 у с.Рюмшино лежала бронзовая бляшка подовальной формы с парными выпуклостями (рис.2, 8). По размещению на скелете, упомянутые выше бронзовые предметы, могут рассматриваться в качестве принадлежностей головного убора – очелий. Такими чертами как прямоугольно-подовальный абрис или парные полусферические выпуклости, соединенные между собой прямой рельефной линией, рассматриваемая находка из Рюмшино сближается с бронзовыми бляшками из черноморовских захоронений Днепро-Донского междуречья (Бурчак 9\1, Зимогорье 2\5, Шахаевская П, 6\4). Несмотря на то, что “восьмерковидные” бляшки в предскифскую эпоху встречаются на обширной территории Восточной Европы, отмеченная выше особенность декорирования бляшек, а именно

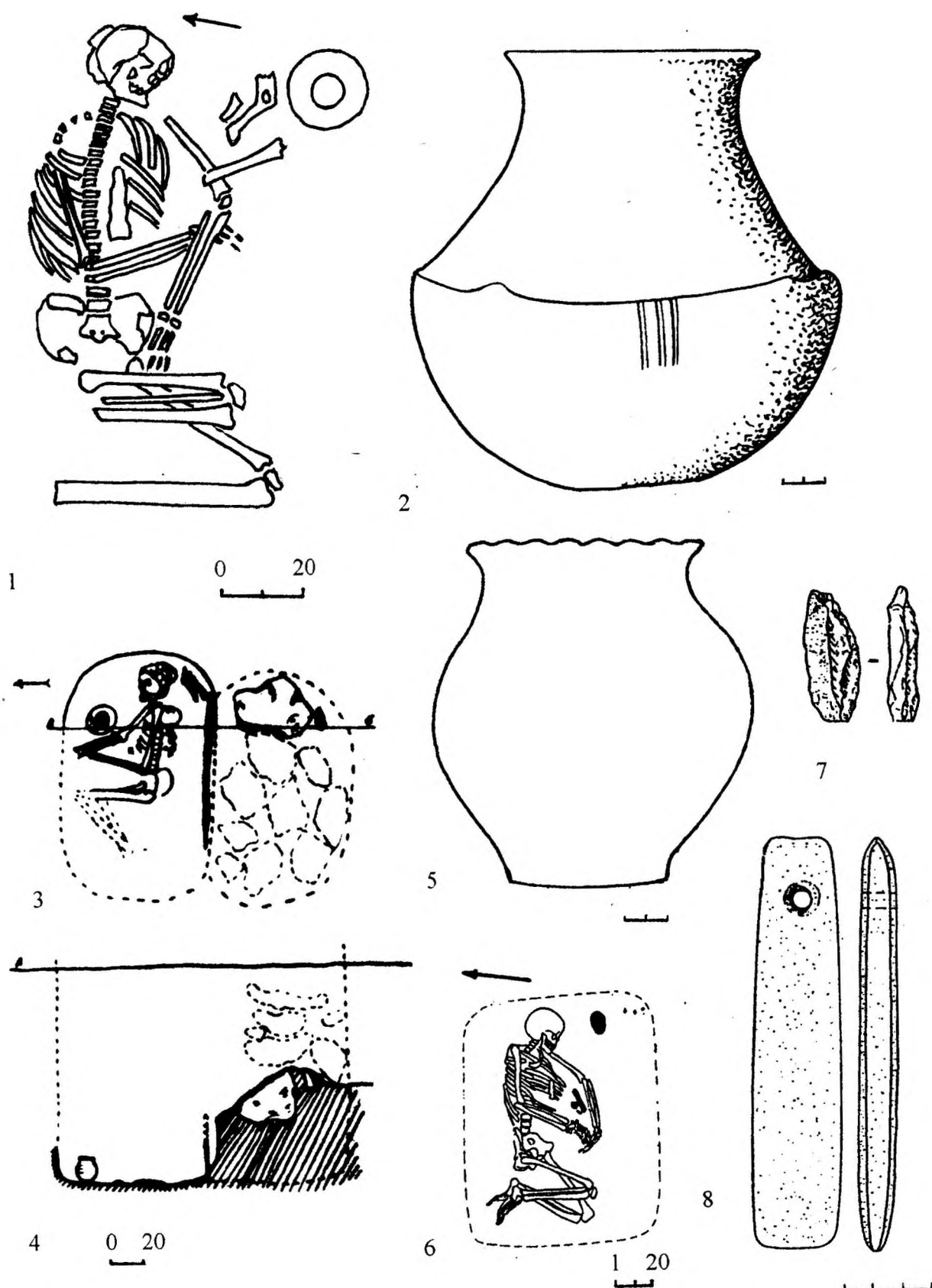

Рис. 1. Погребения и вещевой набор черноговоровских захоронений: Астанино, курган 7, погребение 7 (1, 2); Зольное, курган 1, погребение 5 (3 - 5); Западно-Донузлавский курган, погребение 5 (6 - 8).

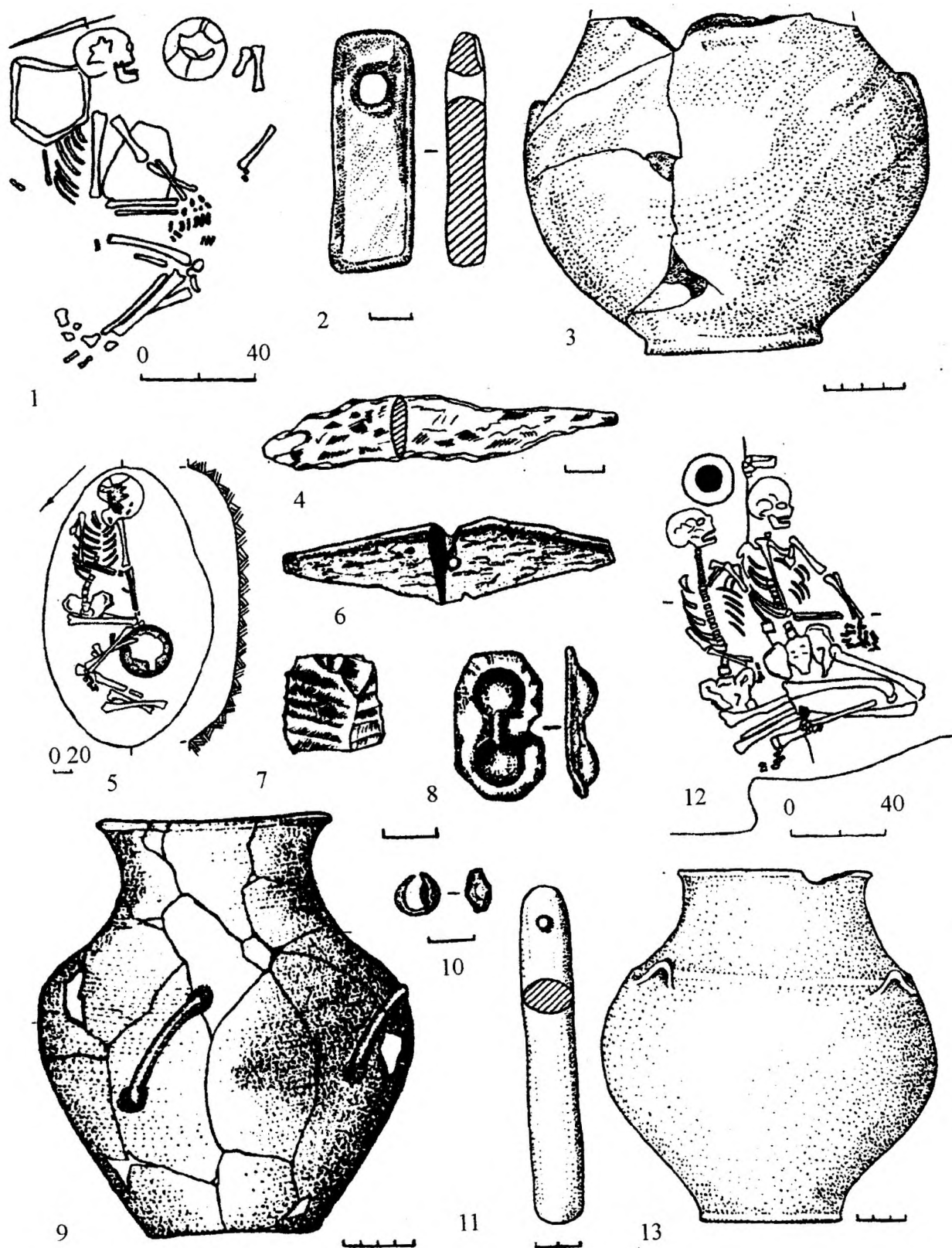

Рис. 2. Погребения и инвентарь из черногоровских захоронений: Владимировка, курган 2, погребение 10 (1 - 4); Рюмино, курган 1, погребение 3 (5 - 9); Изобильное, курган 3, погребение 3 (10, 11); Изобильное, курган 2, погребение 9 (12, 13).

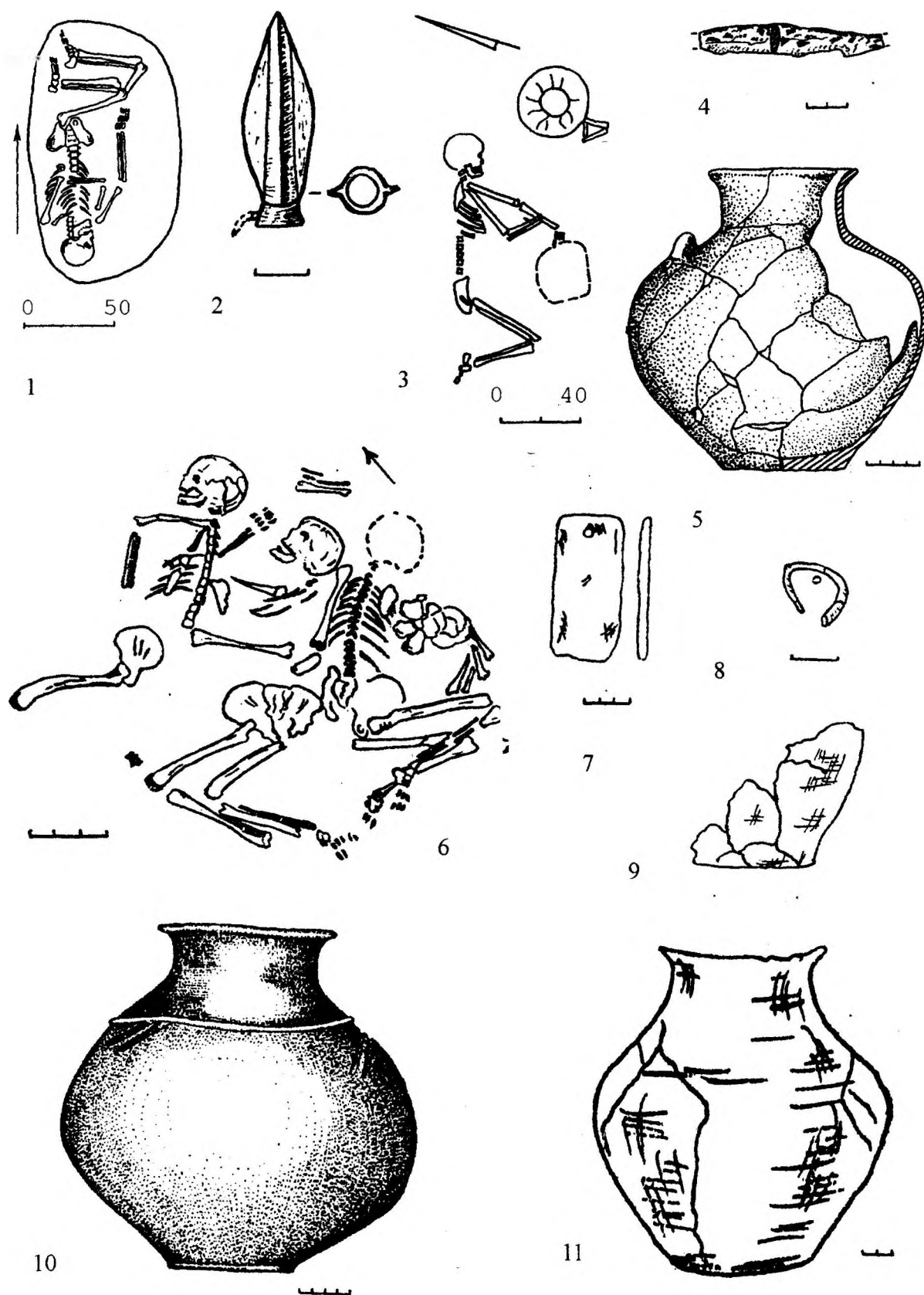

Рис. 3. Комплексы киммерийского времени: Марьино, курган 3, погребение 3 (1, 2); Ленинское, курган 2, погребение 1 (3 - 5); Танковое, курган 9, погребение 4 (6 - 9); Рюмшино, курган 1, погребение 2 (10); Рисовое, курган 5, погребение 9 (11).

наличие особой перемычки между двумя крупными парными выпуклостями, является характерной чертой именно степных черноморовских находок.

Предметы вооружения представлены находками бронзового двухлопастного наконечника стрелы (Марьино 3\3) и железного кинжала. Последний происходит из п.3 к.16 у с.Целинное [7]. В степной зоне Северного Причерноморья находки железных кинжалов известны еще в двух захоронениях черноморовского типа (Березки; Высокая могила, п.2).

Хронология рассмотренных черноморовских памятников требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи. Заметим только, что среди них имеются комплексы (например, Зольное 1/5; Рюмино 1/2; Целинное 16/3), которые по своему инвентарю синхронизируются с новочеркасскими памятниками юга Восточной Европы.

Как известно, периодизация предскифских степных памятников, в значительной степени базировалась на типологии принадлежностей конской узда. Комплексы, где стремечковидные удила сочетались с трехдырчатыми псалиями, были отнесены к более ранней черноморовской группе, а комплексы, имевшие трехпетельчатые псалии в сочетании с двукольчатыми удилами, – к более поздней новочеркасской [1]. Однако новые данные показывают более сложную картину, когда двукольчатые удила на юге Восточной Европы появляются уже в 9 в. до н.э., а стремечковидные удила существуют на протяжении практически всего предскифского периода. Не менее существенным является и тот факт, что погребения с уздой, в целом, составляют незначительный процент от общего количества памятников и, следовательно, не могут иметь определяющего значения для датировки основного массива киммерийских захоронений. Все это настоятельно требует поиска других хроноиндикаторов, к примеру, керамики или иных предметов материальной культуры.

1. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
2. Махортых С.В. Дунайско-Днестровская территориальная подгруппа киммерийских памятников // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб, 2003.
3. Щепинский А.А. Отчет о работах по изучению памятников энеолита и бронзы в Крыму в 1959 г. // Научный архив ИА НАНУ 1959/9.
4. Дашевская О.Д., Голенцов А.С. Западно-Донузлавский курган эпохи бронзы // Археология. № 3, 2003.
5. Щепинский А.А. Марьинские курганы эпохи бронзы // Записки Одесского археологического общества, Том.1. – Одесса, 1960.
6. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы степного Крыма. – Симферополь, 2000.
7. Корпусова В.Н., Белозор В.П. Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА, 1980, №3.

Медведев А.П.

О СТЕПЕНИ БЛИЗОСТИ КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ДОНУ¹

Одним из актуальных тем современной скифиологии является вопрос о степени близости локальных вариантов скифской культуры и соседних культурных образований. От его разработки во многом зависит достоверность реконструкций древней этнической истории Юга Восточной Европы, в том числе, этногеографии Скифии. Между тем, современное ее состояние характеризуется сосуществованием нескольких, часто взаимоисключающих точек зрения на степень сходства и различия между локальными группами памятников. Одни из них были высказаны авторитетными учеными много

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту N 03-01-00044а и Министерства образования РФ по проекту N ГО2-1.2-510.

десятилетий назад и на основании этого «срока давности» выглядят еще вполне респектабельно, другие появились на свет совсем недавно. Последние редко сопровождаются скольнибудь обоснованной аргументацией в виде сравнительного анализа массового археологического материала. В полной мере все это проявляется в научной литературе по проблематике скифского времени бассейна Дона. Здесь известно несколько групп памятников этого времени, представленных курганными некрополями: на Среднем Дону, в низовьях Северского Донца, в дельте Дона, в его степном Левобережье. Степень их исследованности далеко не одинакова. В воронежских могильниках открыто примерно 180 погребальных комплексов скифской эпохи, в дельте Дона (Елизаветовский могильник) – свыше 240, в низовьях Северского Донца – не более 10-ти.

Уже М.И.Ростовцев испытывал затруднения при отнесении воронежских курганов к одной из шести групп скифского времени, выделенных им по бассейнам рек [1. –С.1925: 529]. А.А.Спицын включил Частые и Мастюгинские могильники в группу курганов «скифов-пахарей», подчеркнув условность этого названия [2. – С.132-133]. В 60-70-е годы прошлого века вопрос о их этнокультурной принадлежности стал камнем преткновения в дискуссии между К.Ф. Смирновым, П.Д.Либеровым. Новый мощный импульс к изучению донских древностей скифского времени дали археологические открытия Шолоховского и Сладковских курганов в низовьях Донца. Они заставили исследователей вернуться к проблеме соотношения памятников скифского времени на Среднем и Нижнем Дону, а также к более частным, но не менее интересным вопросам об этнической принадлежности их создателей. Общие элементы в курганных могильниках в низовьях Донца и на Среднем Дону послужили основанием для далеко идущих выводов о высокой степени близости культуры ниже- и среднедонского населения, о проникновении савроматов на Средний Дон [3. – С.128; 4. –С. 27-28]. В последние годы многие из них используются В.И.Гуляевым в качестве аргумента скифской принадлежности воронежских курганов. Он настаивает на исключительной близости и даже идентичности среднедонских могильников и нижедонских курганов типа Сладковских и у х.Кашеевки [5. –С. 25; 6.–С.149].

В результате такого подхода к одним и тем же источникам в итоговых публикациях, включая последнюю дискуссию в ВДИ 2002-2003 гг., на Среднем Дону появляются то савроматы, то сирматы, то скифы, то амазонки. Кажется, подобные выводы проистекают скорее из интуитивных, часто весьма поспешных оценок, нежели скрупулезного сопоставительного анализа средне- и нижедонских групп памятников, выполненного на уровне требований современной археологической науки. В докладе излагаются первые результаты сравнительного исследования курганных могильников типа Частых и Мастюгинских на Среднем Дону и соответственно типа Шолоховского и Сладковских курганов в междуречье Дона и Северского Донца в его нижнем течении. Анализ памятников проводился по единым археологическим параметрам, которые, по мнению автора, являются наиболее значимыми для выявления их этнокультурной специфики.

На Среднем Дону преобладали деревянные каркасно-столбовые гробницы, иногда с дромосами различной длины. В них было совершено свыше 60 % сред-недонских погребений V - IV вв. до н.э. [7. –С.93]. Ни в одном из богатых курганов в низовьях Северского Донца подобных каркасно-столбовых склепов пока не встречено. Там захоронения совершались в вытянутых прямоугольных могилах с характерными нишами-подбоями или в больших подквадратных грунтовых ямах, в том числе, с дромосами, но в отличие от лесостепи *всегда без использования столбовых конструкций*. Отмечу, что среднедонские столбовые гробницы по размерам, форме и внутреннему устройству резко отличаются и от погребальных сооружений Елизаветовского могильника, где из 143 комплексов лишь одна могила имела признаки каркасно-столбового интерьера [8.–С.12]. Остальные были совершены в простых прямоугольных грунтовых ямах, как правило, сильно вытянутых пропорций, а в элитарной группе «Пять Братьев» в каменных гробницах.

Существенные различия наблюдаются в составе керамического инвентаря местного производства. В среднедонских курганах доминируют лепные сосуды двух типов: 1. вазы и

кувшины; 2. «ритуальные сосудики» с парными проколами под венчиком. Безусловно, именно они придают специфическую окраску средне-донскому курганному керамическому комплексу. Керамический комплекс курганов типа Шолоховского и Сладковских имеет совсем иной состав. В нем преобладают лепные горшки с раздутым яйцевидным туловом. Эти формы характерны для савроматской посуды, в частности, Донского Левобережья [3.—С.77, рис.47]. На Нижнем Дону пока не встречены сосудики, близкие среднедонским «ритуальным».

Существенные различия просматриваются в оформлении литых бронзовых котлов. На Среднем Дону абсолютно преобладают находки котлов скифского типа с полусферическим туловом, наиболее близкие сосудам из лесостепного Поднепровья, особенно, Посулья [9.—С.171]. Как и большинство скифских, среднедонские котлы имеют вертикальные арочные ручки с *тремя характерными выступами*. На Нижнем же Дону, включая и курганы на р.Быстрой, встречались почти исключительно котлы с ручкой, украшенной *одним выступом* [3.—Рис.12, 20; 15,1-2]. Другое отличие проявляется в декоре тулова котлов. На Среднем Дону часто попадаются бронзовые котлы, украшенные под ручками *рельефными усами или волутами*. Три из четырех учтенных мною котлов из курганов в низовьях Северского Донца имели на тулове *рельефный волнообразный валик*.

Сопоставление серий мечей, происходящих из сравниваемых групп памятников, свидетельствует, что даже в этой категории находок явно просматриваются разные культурные традиции. Из курганов в Правобережье Среднего Дона происходят 16 экземпляров мечей. Несмотря на индивидуальные особенности декора рукоятей, большинство находок принадлежат 3-ему типу скифских акинаков [10.—С.51, табл. 18, 3, 6, 9]. Из семи мечей, найденных в комплексах низовий Донца лишь два экземпляра имеют признаки более простых скифских акинаков. Остальные принадлежат разным вариантам мечей синдо-меотского типа. На Среднем Дону меч и кинжал синдо-меотского типа встречены лишь в кургане 15 у с.Дуровка [11.—С.198,рис.45,1-2]. Определенные различия наблюдаются и в использовании других видов вооружения, на что уже обращалось внимание [12.—С.16].

Очень ценным источником для сравнительного анализа «курганных субкультур» на Среднем и Нижнем Дону могли бы стать изделия в зверином стиле. Однако из-за крайне малой репрезентативности таких находок в междуречье Нижнего Дона и Северского Донца (менее 20-ти экз. из 5 курганов) полноценное стилистическое их сопоставление со среднедонским звериным стилем (161 «образ» из 56 погребальных комплексов) пока не возможно. Из курганов у Кашеевки и Сладковки происходят 3 экз. зооморфных крючков, по стилю очень близких среднедонским и прикамским. Скорее всего, они могли попасть на Нижний Дон в результате функционирования «геродотова» торгового пути. В целом же, сопоставление частоты находок изделий в зверином стиле на Среднем и Нижнем Дону, включая Дельту, наводит на мысль, что в скифское время в низовьях Дона проживали группы кочевого населения, для которых искусство звериного стиля было не столь характерно, как для лесостепного населения, оставившего среднедонские курганы [13.—С.41].

Подводя итог нашему анализу следует признать, что курганные некрополи Правобережья Среднего Дона, с одной стороны, и низовий Северского Донца, с другой, по ряду основных культурообразующих показателей обнаруживают больше различий, нежели сходства. Последнее в основном касается тех элементов обряда и материальной культуры, которые в той или иной мере были свойственны *всему «скифо-савроматскому миру»* или являлись импортом, поступавшим в степь и лесостепь из одних и тех же производственных центров. На мой взгляд, сейчас нет археологических данных, позволяющих говорить об особой близости курганных групп в Правобережье Среднего и Нижнего Дона и, тем более, о единстве их культуры. Во всяком случае, степень этой близости была не больше, чем с культурой Степной Скифии, но намного меньше, чем с Лесостепной.

Курганы в Правобережье Нижнего Дона выше впадения в него Северского Донца по единству места (правобережье нижнего течения Танаиса), времени (IV в. до н. э.) и культурного облика, в котором все-таки отчетливо просматриваются восточные савроматские (в археологическом смысле) и ранепрохоровские традиции, скорее всего, не могли принадлежать никакому иному племени кроме *сирматов* Псевдо-Скилака и Эвдокса. В этом единодушны практически все современные исследователи [14.–С.212; 3.–С.128; 4.–С.37-42; 15.–Р. 31-42]. Собственно скифские, меотские, среднедонские и прочие элементы в курганах на р.Быстрой проявляются прежде всего в их инвентаре, А он вкупе с типами и размерами погребальных сооружений явно указывает на элитарный характер субкультуры номадов, которые оставили эти захоронения. Как известно, степная аристократическая субкультура в силу своей социальной природы всегда имела в той или иной степени выраженный синкретический характер. Тем не менее, при всем синкретизме и широте распространения ряда ее элементов, и на Среднем Дону, и в низовьях Северского Донца достаточно отчетливо просматриваются *основные (исходные) ядра этно-культурных комплексов* тех социальных групп, которые оставили сопоставляемые археологические памятники. Они явно имеют различные истоки: в первом случае – в более западных лесостепных областях Среднего Поднепровья, во втором – в восточных степных районах Поволжья и даже Приуралья.

1. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л. 1925.
2. Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып.65.
3. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. - Ростов-на-Дону, 1983.
4. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.,1984.
5. Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. - Москва, 2001.
6. Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по археологии Подонья) // ВДИ- 2002. N 1.
7. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия н.э.). - М.,1999.
8. Копылов В.П. Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII-IV вв. до н.э. - Автореф. канд. ист. наук. СПб.,2000.
9. Боковенко Н.А. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья // Древние памятники Кубани. - Краснодар, 1990.
10. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып.Д.1-4. М.,1964.
11. Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Дона. М., 2001.
12. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону// САИ. Вып. Д1-31. М., 1965.
13. Гончарова Л.Ю. Искусство лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV – начале III вв. до н. э.: черты сходства и различия // Верхнедонской археологический сборник. - Липецк, 2001.- Вып .2.
14. Мошкова М.Г. К вопросу о сирматах // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
15. Gardiner-Garden J. Eudox, Skylax and the *syrmatai*// Eranos. 1988. N 86.

Михайлов Б. Д.

НАДМОГИЛЬНЫЕ ПЛИТЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В С. НОВОДАНИЛОВКА НА ЗАПОРОЖЬЕ

Значительное место в изучении духовной культуры скифов и древнего Востока занимает изображение «древа жизни». Примерами служат изображения на обкладке мечей из Мельгуновского и Келермесского курганов [1.—С. 7-30], на шлеме царя Сардури [2.—С. 70, рис. 41, IXX], на рельефе из Адильджеваза [2.— С. 96, рис. 61-64; С. 116] и т.д., которые стоят в окружении зооморфных фигур, зверей и гениев.

Однако вопрос возникновения поклонения данной семантике остается открытым, хотя в некоторых памятниках эпохи неолита-бронзы присутствует «древо жизни», явно несущее в себе древнюю мифологию [3.— С. 116, рис. 10, 7].

В этой связи особое значение приобретают надгробные плиты из Новоданиловского могильника на Запорожье, имеющие на лицевой стороне изображения «древа жизни» и человека.

История открытия Новоданиловского могильника на Запорожье связана с проведением местным колхозом земляных дорожных работ на западной окраине села. В первой небольшой публикации о памятнике, выполненной Д. Я. Телегиным в монографии «Середньостогівська культура епохи міді», сказано: «Могильник в с. Новоданиловка Ореховского района Запорожской области выявлен в 1965 г. при земляных работах. Первые находки возле разрушенного костяка собрал местный краевед Николай Витер. В том же году местонахождение было обследовано И. М. Шарафутдиновой, а в 1967 г. — автором этого труда и В. Ф. Клименко. В 1968 г. на площади могильника нашей экспедицией заложен разведывательный раскоп 29 м². Могильник бескурганный, расположен на склоне высокого берега болота Осока, которое является частью широкого лимана в долине левого берега р. Конки. На площади могильника выявлено два захоронения, в том числе одно с богатым инвентарем. Костяки залегали в одиночных ямах на глубине около 1 м от современной поверхности. Покойники были положены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на восток, посыпанные красной охрой. При инвентарном захоронении найдено 15 кремневых ножевидных пластин (рис. 1, 1-4), около 100 больших перламутровых кружочков (рис. 1, 7), аналогичных находкам в Чапли и Федоровке, медный браслет из толстой проволоки (рис. 1, 5), а также амфора (рис. 1, 9). Над костяком в грунте лежала большая глыба песчаника длиной больше 1 м (рис. 1, 8). Поверхность плиты и один из камней, что залегал рядом (рис. 1, 6), покрыты петроглифами в виде прямых линий, которые пересекаются в разных направлениях, и небольшими чашевидными углублениями» [4.—С. 113]

В дальнейшем история исследования памятника на этом не заканчивается. В 1973 году по просьбе В. Н. Даниленко автор этих строк специально провел дополнительные обследования памятника¹. В частности, был заложен раскоп (2 x 10 м) к юго-востоку и к северу от предыдущего раскопа, выполненного Д. Я. Телегиным, а также разыскана «большая» надгробная плита². В первом раскопе не было выявлено следов «могильника», а во втором, найдено погребение детского субъекта, лежащего головой к северо-востоку на левом боку, с сильно подогнутыми ногами, кисти рук положены перед туловищем на уровне колен. Инвентаря нет.

В том же году надгробная плита была перевезена в лапидарий государственного историко-археологического музея-заповедника «Каменная Могила». Долгие годы она находилась в горизонтальном положении. Однако (2003 г.) во время создания лапидария каменной скульптуры на территории музея-заповедника Новоданиловская плита была

¹ В августе 2003 г. мы вновь побывали на памятнике, где встретились с первооткрывателем Н. Витером, который утверждал, что «костей было много, несколько десятков и «ножей» до сотни», что явно указывает на существование «полноценного» некрополя эпохи энеолита — авт.

² Вторая плита — «камень» к тому времени был утрачен — авт.

установлена в вертикальном положении и при попадании солнечных лучей с правой стороны обозначилась в рельефе фигура сидящего человека под деревом жизни.

Описание первой плиты. Массивная плита (высота 167, ширина – 0,86 м, толщина 10-12 см), верхняя и нижняя стороны выполнены под углом 45° вершиной вверх. Стороны почти прямые. На лицевой стороне в верхней части по центру нанесено большое

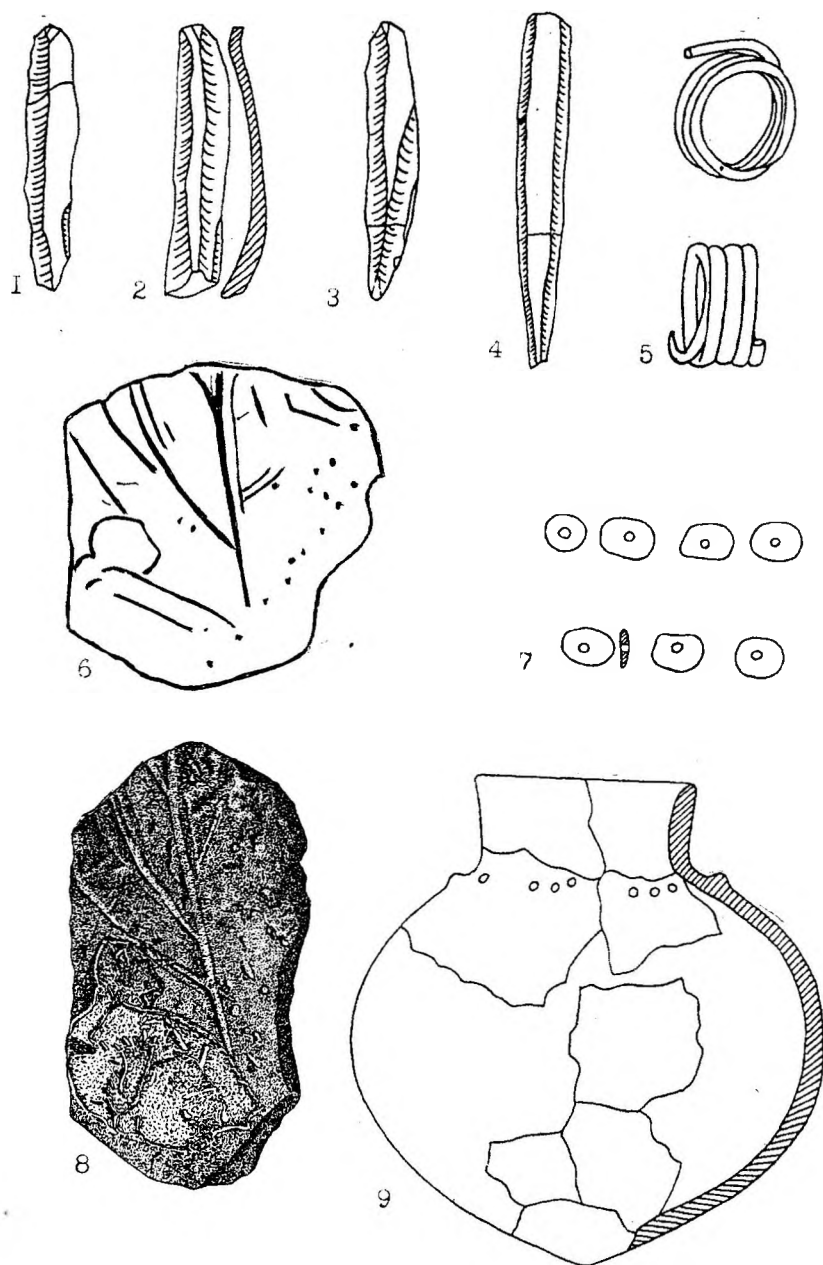

Рис.1. Погребальный инвентарь из Новоданиловского могильника на Запорожье

изображение древа жизни: с левой стороны 3 ветви и с правой – 2 короткие. В правой стороне от древа, уходя на край плиты выбиты по вертикали многочисленные ямки, всего 23-25 шт. В левом углу под деревом обозначена в стиле горельефа фигура сидящего человека. Голова упирается в нижнюю ветку древа, которая имеет как бы расплывчатое воспроизведение: вытянутая голова с большим носом, обозначен глаз, рука (правая) согнута в локте, и нанесена посредством штриховых вытянутых бороздок-ямок, выполненных явно ударным инструментом. (1, 8)

Вторая плита имеет следующую семантику: (описание выполнено по фотографии, переданной автору Д. Я. Телегиным) на лицевой стороне изображено древо жизни из основного ствола и двух-трех ветвей, поднятых вверх. В правой стороне по периметру плиты вниз хорошо прослеживаются следы от ударов – ямки, а в левом углу вырисовывается горельефом голова человека (нос сливается со лбом) с обозначением правого плеча – туловища. Размер, половина первой плиты, т.е. высота – 0,80 – 0,90 м; ширина до 0,80 м (1, 6).

Что касается интерпретации семантики на плитах, то следует остановиться на основных атрибутах: первый – древо жизни (на двух памятниках), второй – изображение сидящих фигур под деревом, а также следы ударов на плитах.

Вероятно, сцены на первой и второй плитах воспроизводят культурного героя, свидетельствующего о новом социальном устройстве человеческого общества, наступившего после распада первобытнообщинных отношений, когда в энеолите появилась социальная дифференциация. Аналогичная семантика известна на тулове фрагмента сосуда из Мари (Сирия) периода 111 династии Эрли (Рис.2), датируемый 2500-2250 гг. до н.э. [5. – Р. 334]

Как известно по многочисленным литературным источникам древности, в кронах «древа жизни» упрятаны жизнь и ее высшая цель – бессмертие. В хеттских ритуальных текстах имеются сведения об умирающем и воскресающем боге Телепинусе, перед которым воздвигается вечнозеленое древо. Показательным свидетельством о назначении «древа» на древних могилах умерших людей являются строки из арийского литературного памятника «Ригведа», в «Разговоре мальчика и умершего отца» сказано следующее:

Под дерево с прекрасными листьями,
Где пьет с богами Яма,
Туда наш отец, глава рода,
Устремится к предкам.
Горестный взирая я вслед (ему)
Устремляющемуся к предкам,
Бредущему этой дурной (дорогой),
По нему затосковал я вновь

.....

Это обиталище Ямы,
Которое называется жилищем богов.

[16. – РВ, X, 135, 1-2,7]

В этнографических материалах различных народов присутствует древо на могильных памятниках. Д. Фрезер писал, что «В пользу наличия культа дерева у крупных европейских народов арийского происхождения имеются многочисленные свидетельства» и «некоторые народы верят, что жизнь в дереве, вдвухает души умерших» или «отождествляет с душами умерших» [6.– С.130, 135, 136].

Аналогичные примеры известны на территории Азии. Например, в Корее «по верованиям... души людей, ушедших от чумы или на дороге, а также души женщин, испустивших дух во время родов, неизменно находят себе пристанище в деревьях», а «в

Китае с незапамятных времен существовал обычай сажать деревья на могилах, чтобы придать духу умершего силу и тем самым спасти его тело от разрушения» [6.–С 136].

Следует вспомнить также русские сказки, когда на могилах умерших (убитых) матерей произрастает дерево с яблоками и т.д., которые приносят дочери удачу и благополучие в жизни.

Показательным фактом является то, что правые стороны надгробных плит имеют многочисленные следы ударов, свидетельствующие о проведении обряда убийства, но кого?

В шумерской традиции данный обряд был связан со смертью: «Если бы ударили по корню этого большого дерева, то оно истекало бы (древесным соком), продолжая жить. Если бы ударили по середине, то оно истекало бы, продолжая жить. Если бы ударили по верхушке, то оно истекало бы, продолжая жить. Будучи проникнуто живым Атаманом, оно прочно стоит... И если жизнь покидает одну его ветвь, та засыхает; если покидает вторую – та засыхает; если покидает третью – та засыхает; если покидает все (дерево) – то все оно засыхает. Поистине, покинутое жизнью, это существо умирает, но (сама) жизнь не умирает». [7.– VI, 11, 1-3].

В данной семантике заключена мифологема идеи вечной жизни на земле в ее ярких воплощениях: рождение – юность – долголетие. В дальнейшем эта идея нашла отражение в Книге Бытия «И произрастил господь бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для жизни, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» [Бытие, 2, 9].

М. Н. Шахнович писал: «В представлении о мире как трех сферах – разгадка веры в триаду божественных существ как олицетворения триединства мира. В этой вере искаженно отразилось в сознании людей разделение первоначального единства мира или противоположность двух сущностей, находящая свое разрешение в третьей. Многие племена и народы изображали мир в образе духов или богов, один из которых олицетворял небо или свет, другой землю или воздух, третий воду или огонь» [8.–С. 158].

В конечном счете, древо стало символом бессмертия и жизни, которое использовалось, как считает В. Н. Топоров, «на кладбищах как символ преодоления смерти и использовали в ритуалах, имеющих целью увеличение плодородия, жизненной силы». [9.– С. 396].

Наглядным примером могут служить изображения древа из грота № 21, соседствующего с «шалашом» (рис. 3, 1), который по нашему твердому убеждению сооружен над могилой энеолитического времени [3.– С. 44-45, рис. 22, 2], а также сцена из грота Быка (№ 9), где явно воспроизведено убийство животного и человека, над которыми доминируют антропоморфная стела, два древа жизни и скипетр с лошадиной головой [3.– С. 41, рис. 10, 7] (рис. 3, 2).

Аналогичные скипетры известны в с. Суворово близ Одессы, у хут. Шляховский на Среднем Дону, в с. Улан-Толба в Прикаспии. Уместным будет вспомнить, что в шумерской мифологии Энки, распределяющий власть среди богов и богинь «посох овечьего пастыря» вручает богине Инанне. В мифе «Гильгамеш и дерево хулуту» Инанна в своем саду высаживает дерево и с удовольствием за ним ухаживает. Однако злые духи поселились в нем и тогда Гильгамеш вмешивается в это несовместительство, которое в итоге их изгоняет. [10. – С.228]. В другом мифе «Энкермеш и верховный жрец Араты» Инанна окропляет деревья водою жизни, давая им возможность быстрого роста. [11. – С. 219].

Следовательно, Инанна выступает в шумерской мифологии как древнее божество аграрного культа, в котором следует усматривать, по мнению В. М. Масона и В. И. Сарияниди, как проявление «священного брака или иерогамии», связанного через посредство Думузи со скотоводством и Энкиду, который выступает в качестве божественного земледельца» [12. – С.104].

Рис.2. Фрагмент сосуда из Мари (Сирия) периода династии Эрли. 2500-2250 гг. до нэ.

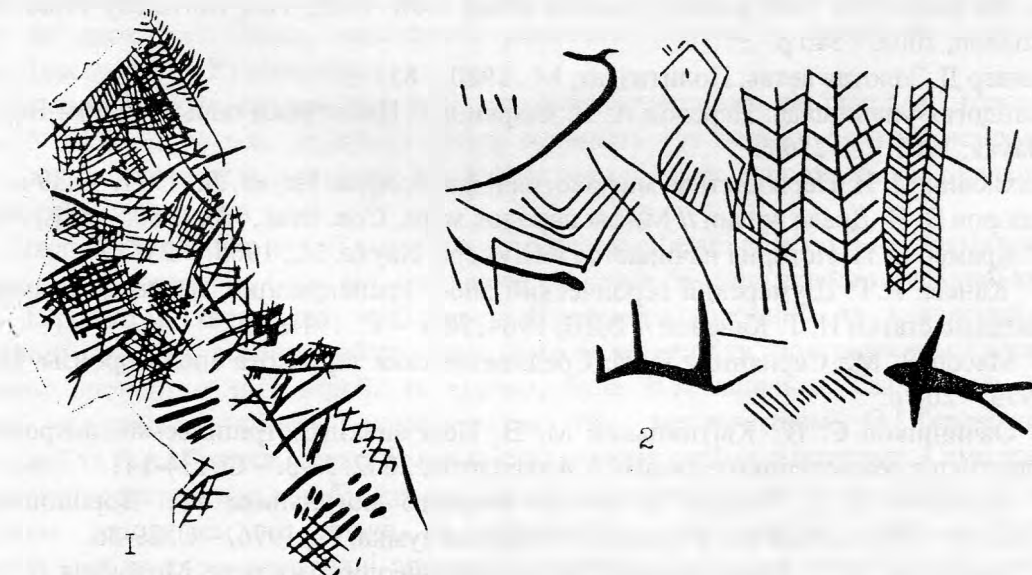

Рис.3. Наскальные изображения из гротов Каменной Могилы: 1-плита №21; 2-грот №9 (Быка).

Заслуживает особо быть отмеченной фигура человека, сидящего под деревом жизни на плите 1, голова которого воспроизведена следующим образом: череп вытянутый, нос большой и сливается с подбородком. Аналогичные контуры голов известны в антропоморфной пластине трипольской культуры [13. – С. 134-141], что, вероятно, может свидетельствовать об антропологической близости двух культур.

И. Д. Потехина полагает, что племена Новоданиловской культуры принадлежали к протоевропеоидному антропологическому типу. К этому типу относятся известные памятники в г. Луганске (характеризующиеся субдоликранией – широкое лицо в скулах и средней части, нос среднеширокий, орбиты низкие) и Мариуполя (погр. XXI, XXIV) [14. – С. 34].

Возраст Новоданиловского могильника и, вероятно, всей культуры исследователями определяется 43 веком до н.э., т.е. где-то стыкуется или имеет корни с неолитическими племенами днепро-донецкой культуры. Однако, культурно-исторические корни возможно в будущем могут предстать в ином виде: дело в том, что на топорики из Новоданиловской культуры присутствует знак – монограмма или знак – «римское» числительное «XI». Абсолютное сходство данный знак имеет с изображениями на венчиках каменных сосудов сурско-днепровской культуры из поселения Прилуковка на р. Молочная близ Каменной Могилы [15. – С. 4, рис 6, 2-3]. Аналогичные знаки имеются и на самой Каменной Могиле, где также известен культурный горизонт названной культуры. [3. – С. 42, 92, рис. 14, 72, 74]

1. Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи. // Скифия и Кавказ. Наукова думка, К., 1980, - с. 7-30.
2. Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту VIII - VII вв. до нашей эры. ГосЭрмитаж, Л.; 1962, - 250 с.
3. Михайлов Б. Д. Петроглифы Каменной Могилы. Дикое поле. Запорожье: Институт общегуманитарных исследований, Москва, 1999. – 237 с.
4. Телегін Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. Наукова думка, Київ, 1973. – 168 с.
5. Aruz J., Wallenfels R. Art of the first cities. The Third Millennium B. C. From the Mediterranean to the Indus. The Metropolitan Museum of art, New York, Yale University Press Haven and London, 2003, - 540 p.
6. Фрезер Д. Золотая ветвь. Политиздат, М., 1980. - 831 с.
7. Чхандогья-упанишада. Перевод А. Я. Сыркина // Памятники письменности Востока. М., Наука, 1965, VI, -256 с.
8. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. Наука, Л., 1971. – 239 с.
9. Топоров В. Н. Дерево жизни // Мифы народов мира. Сов. Энци., М., 1980. – т. 1., – 671 с.
10. Крамер С. П. История начинается в Шумере. Наука, М., 1965. – 256 с.
11. Канева И.Т. Шумерский героический эпос. Транскрипции, перевод, комментарии и вводные статьи И. Т. Каневой // ВДИ, 1964, № 4. – С. 191-225.
12. Масон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Наука. М., 1973, - 208 с.
13. Овчинников Є. В., Квітницький М. В. Нові знахідки трипільської антропоморфної пластики з реалістичними рисами // Археологія, 2002, № 3. – С. 134-141.
14. Потехина И. Д. Черепа из энеолитического могильника в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. – Наукова думка, К., 1976, – С. 29-36.
15. Михайлов Б. Д. Новая стоянка эпохи мезо-неолита на реке Молочная // Музейний вісник // Запорожье, 2002, № 2, – С. 3-7.
16. Ригведа. Избранные гимны. Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. Наука, М., 1972, – 418 с.

ЩЕ РАЗ ПРО ЛОКАЛІЗАЦІЮ МІСТА ГЕЛОНА

Розповідаючи про народи, котрі населяли Скіфію, Геродот згадує про будинів та гелонів [IV, 108-109]. Згідно історика, будини «це велике і численне плем'я і всі вони мають зовсім блакитні очі і руде волосся. В їхній країні побудовано дерев'яне місто, що називається Гелон. Кожна частина його муру має завдовжки тридцять стадій, а мур високий і дерев'яний... А гелони - це первісно елліни... Вони користуються то скіфською, то еллінською мовами. А будини користуються не тією мовою, що гелони, і спосіб життя в них інший, бо будини - тубільці, кочовики і лише вони в тій країні харчуються кедровими горішками. Гелони обробляють землю і споживають збіжжя і є в них сади і вони не схожі на будинів ні зовнішністю, ні кольором шкіри та волосся». Будини, за Геродотом, мешкають на відстані 15 днів дороги від затоки Маєтидського озера (сучасна Таганрозька затока Азовського моря), в країні, що вся заросла деревами.

Вірогідно, зараз найбільш прийнятною є точка зору Б.О.Рибакова, згідно якому основні землі будинів співпадають з територією поширення юхнівської культури, яка віддалена від узбережжя Азовського моря приблизно на 500 км та розташована у лісовій ландшафтній зоні.

Щодо міста Гелон, то у фаховій літературі існують різноманітні версії його можливої локалізації. Так, ще на початку XX ст. виникла ідея про його зв'язок з величезним Більським городищем. Пізніше її підтримував й Б.М.Граков.

Останнє споруджене на високому правому березі р.Ворскла. Місце для його будівництва було обране досить вдало – саме тут схрещувалися річкові та суходільні торгівельні комунікації, що відігравали важливу роль у стародавні та середньовічні часи.

Не менш доцільно будівники городища використали природний рельєф цієї місцини, що значно збільшило фортифікаційні характеристики величезної (понад 4000 га) укріпленої пам'ятки. Її вали, довжини котрих перевищує 35 км, а висота й нині на деяких ділянках дорівнює майже 10 м, утворюють майже правильний трикутник, звернутий своєю основою на південь. Зі сходу городище обмежена р.Ворсклою з її високими та урвистими берегами, а із заходу – р.Сухо Грунь, що є притокою р.Псел. Приблизно по широтній осі городища, по двох його боках, знаходяться додаткові фортеці – Східна та Західна, а північно-східному куті – Куземенська.

Зазначимо також, що важливу роль у розвитку городища, що припадає, головним чином, на VII-IV ст. до н.е., відіграла також наявність тут вельми багатих природних ресурсів – плодючих земель, широких заплавлених лук, вікових дубових лісів, чудових за своїми якість пластичних глин.

Важливі сторінки в історії вивчення пам'ятки пов'язані з ім'ям Б.А.Шрамка, який працює тут кілька десятиріч. Саме він, спираючись на своє бачення етногеографічної карти Скіфії за Геродотом, характерні особливості Більського городища та виявлений тут археологічний матеріал, всебічно обґрунтував його можливий зв'язок із містом Гелоном. Послідовним опонентом цієї версії, як відомо, була В.А.Іллінська. Свого часу мені пощастило засвоювати абетку скіфознавства під керівництвом О.І.Тереножкіна, В.А.Іллінської та Б.А.Шрамка, яких я із вдячністю вважаю своїми вчителями. Саме тому я мав можливість спостерігати перебіг дискусії щодо локалізації міста Гелон та його зв'язку із Більським городищем не тільки за численними публікаціями двох визначних скіфознавців, а й вислуховувати їхні аргументи безпосередньо, зокрема під час участі у роботі очолюваних ними експедицій.

Багато років я був впевнений, що це дискусійне питання не може бути вирішене остаточно, оскільки дані Геродота щодо міста Гелон вельми побіжні, а кожна з гіпотез містить у собі свої сильні та слабкі складові.

Проте нині я схильний до думки, що це питання можна прояснити на тлі основних подій скіфо-перської війни, перебіг котрих викладений у праці Геродота, та загальному розумінні ролі Більського городища у скіфській історії.

Згідно давньогрецькому історичу [IV, 123], армія Дарія I, переслідуючи скіфів, вдерлася до країни будинів, де перси знайшли та спалили місто, що було оточено дерев'яною стіною. Подальша виснажлива та безплідна гонитва за скіфами змусила Дарія I закликати царя скіфів Іданфірса до відкритого бою. У сповненій власної гідності відповіді [Геродот, IV, 127], скіфський володар зазначив, що Дарій не заважає вести звичне йому кочове життя, а випробувати силу скіфської зброї він зможе лише після того, як зруйнує отчі могили скіфів.

Тривалий час дослідники пов'язували згадку Іданфірса про священні могили прашурів з розповіддю Геродота [IV, 71] про скіфський Геррос, де ніби то були поховані скіфські царі. Ще у XIX ст., зокрема у працях І.Є.Забеліна, була обґрунтована думка про місцезнаходження Герроса нижче дніпровських порогів, де відкрито низку широко відомих курганів вищої скіфської аристократії IV ст. до н.е. Пізніше вона була деталізована Б.М.Мозолевським, якому пощастило дослідити у цьому районі кілька поховань скіфської знаті, зокрема Чабанцеві Могили, що датуються серединою та другою половиною V ст. до н.е. Проте, навіть з урахуванням наявності тут відносно ранніх поховальних пам'яток скіфів, все ж таки час їх спорудження не відповідає вірогідному часу спорудження "отчих могил", про котрі згадував Іданфірс.

Тому В.А.Іллінська, спираючись на існуючу з кінця XIX ст. гіпотезу, послідовно доводила, що скіфський Геррос слід шукати у Посуллі, де були відкриті численні кургани скіфської дружинної верхівки, котрі датуються, головним чином, другою половиною VII – VI ст. до н.е.

Оригінальна думка щодо скіфського Герроса відносно нещодавно була запропонована В.П.Білозоров. Дослідник вважає, що розповідь Геродота [IV, 53; 56] про країну геррів виникла унаслідок буквального розуміння останнім розповіді скіфів про геррів, котрими вони вважали чи то своїх померлих прашурів взагалі, чи то душі героїзованих предків, які загинули на полі брані. Тоді Геррос – місце останнього їхнього притулку, а розповідь Геродота є наслідком механічного поєднання їм конкретних географічних відомостей та даних про поховальні звичаї скіфів з міфологічними уявленнями останніх.

Я впевнений, що здогадка В.П.Білозора відкриває реальний шлях до вирішення проблеми скіфського Герроса. Якщо відокремити її міфологічну складову, то можна окреслити три великих некрополі скіфських царів та їх найближчого оточення, що різняться поміж собою як географічно, так і хронологічно – північнокавказький VII та початку VI ст. до н.е., посульський середини VII-початку V ст. до н.е., та нижньодніпровський середини V-IV ст. до н.е. Така "естафета" скіфських аристократичних некрополів у часі об'єктивно відображає той поступовий, але невпинний дрейф політичного центру скіфського об'єднання зі сходу на захід, що мав місце протягом усієї скіфської історії. Саме посульські кургани, де були поховані знатні скіфські воїни, як за часом свого спорудження, так і за притаманними їм рисами поховального ритуалу, можуть бути тими "отчими могилами", про які згадував Іданфірс. Це може пояснюватися тим, що, вірогідно, басейн р.Сула був північною межею сезонних перекочовок орди царських скіфів [Мурзин, Ролле, 1998].

Можливі маршрути проникнення кочових скіфів до лівобережних районів дніпровського Лісостепу, скоріш за все, пролягали степовим коридором уздовж лівого берега Дніпра, а потім вздовж його лівих приток, а також тими місцями, де звивався зафіксований у пізніших описах Муравський шлях, що вів з Криму на північ. Саме тут, на важливому перехресті суходільних та річкових комунікацій, як вже зазначалося вище, й було побудоване Більське городище, що мало завдяки цьому важливе стратегічне значення зокрема прикривало з півдня кладовища скіфських вельмож, про які згадував Іданфірс.

Досить поширеною є точка зору, згідно якої укріплення Більського городища були побудовані його мешканцями та мешканцями найближчої округи для захисту від кочової загрози.

Проте слід зважити на те, що фортифікаційні споруди городища мали бути споруджені у досить стислі терміни, у противному разі ця робота втрачає будь-який сенс – адже недобудована оборонна система не може бути надійним захистом. Якщо взяти до уваги, що постійних мешканців на Більському городищі було не так вже й багато (щільно були заселені лише Західне та Східне укріплення), виникає сумнів щодо їхньої спроможності, навіть із залученням мешканців найближчої округи, виконати таку величезну роботу. У будівництві Більського городища мали брати участь багато тисяч, якщо не десятки тисяч людей. До того ж, риття ровів за відсутності залізних лопат та спорудження валів могло відбуватися, вірогідно, лише у теплі часи року (необхідні лісоматеріали могли заготовлюватися й взимку). Таким чином, у період активних сільськогосподарських робіт від них відволікалася велика маса працездатного населення, перш за все дорослих чоловіків. Відповідно вони, а також їхні родини мали бути забезпечені хоча б частиною необхідних продуктів харчування. З цього витікає, що кількість як прямих, так й непрямих учасників грандіозного будівництва було у багато разів більшою, ніж можна уявити з простого підрахунку потрібної для спорудження укріплень робочої сили. Не буде перебільшенням припустити, що до “будівництва сторіччя” було залучено, тим чи іншим чином, практично усе населення Дніпровського Лісостепоного Лівобережжя.

Безумовно, така масштабна акція по мобілізації людських ресурсів, організації їхньої раціональної роботи, а також перерозподілу сільськогосподарської продукції (можливо, у якійсь формі данницьких відносин) була можливою лише за умов наявності міцної політичної влади. Як ми вважаємо [див. докладніше: Мурзін, Ролле, 1996; Мурзін, Ролле, 1998], єдиним носієм такої влади у згадані вище часи могла бути лише скіфська орда або якійсь її західний підрозділ (“крило”), дарма що в VII - на початку VI ст. до н.е. центр скіфського об'єднання знаходився у рівнинних районах Північного Кавказу.

Необґрунтовані вигадки про неможливість перебування скіфів у Лісостепу переконливо спростовується історичними даними більш пізніх часів. Зокрема, саме у різних районах Українського Лісостепу (навіть у його глибині поблизу сучасного м.Чернігів) мешкали, як відомо, чорні клобуки, торки, берендеї та інші кочові племена, що знаходилися на службі київських князів. Дещо раніше авари, які підкорили слов'янське плем'я дулібів, відкочовували в їхні землі на зимовий період, де користувалися вирощеним підвладним населенням врожаєм та запасеним фуражем, послугами ремісників і т.п.

Щось подібне могло відбуватися й також й на Більському городищі. Продуктивне сільськогосподарське виробництво, різноманітні за профілем численні майстерні мали компенсувати вікову нестачу кочовиків у продуктах землеробства та ремесла.

Вірогідно, зайняте у цих сферах виробництва підвладне скіфам населення, яке мало у своїй основі місцеві етнічні корені, було зосереджено у двох захищених валами посадах – Західному та Східному. Вільна від забудови територія Великого Більського городища була тимчасовим пристановищем для власне номадів, з приходом котрих тут виникало кочове “місто” з численних юрт та кибиток. По суті, це була однією з форм зовнішньої експлуатації, відома як “годування” або “полюддя”. Сенс полюддя, до речі, полягав не тільки у отриманні економічної вигоди, а мав також політичне значення, спрямоване на забезпечення та підтримку відносин панування та залежності. Тому Більське городище, як й деякі інші городища Лісостепу, з нашої точки зору, будувалися не для захисту від степовиків, а навпаки – як важливі пункти політичного та економічного тиску кочовиків на підлегле лісостепове населення. Після пересування у Північне Причорномор'є близько середини VI ст. до н.е. основного ядра скіфських племен, що призвело до остаточного формування причорноморської Скіфії, така роль зазначених городищ мала ще

більш посилитися. Про це може свідчити, приміром, подальше удосконалення укріплень Більського городища та виникнення тут дружинних могильників.

Саме тому у район Більського городища могли бути відправлені скіфські кибитки з жінками та дітьми, котрим було наказано у зв'язку з перською загрозою рухатися на північ та гнати сюди ж зайву худобу. Тоді рейд персів у землю будинів (згідно Б.О.Рибакову не усієї перської армії, а окремого, вірогідно кінного, корпусу) був воєнною акцією, котра була спрямована не стільки на пошук "отчих могил" у загадковому для персів Посуллі, а мала на меті захопити у полон родини скіфських воїнів, серед котрих були, можливо, й родини скіфської верхівки, і примусити її зайняти більш поступливу по відношенню до персів позицію, а також відрізати скіфське військо від такої важливої тилової бази, як Більське городище. Якщо, припустити, що спалене у землі будинів персами місто було саме містом Гелоном, як вважає більшість дослідників, то це є досить вагомим аргументом на користь визнання Більського городища саме городом Гелоном.

Островеверхов А.С.

ДВЕ СТАТУЭТКИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ТИРЫ

В последнее время во многих крупных городах Европейского юга СНГ сформировался и активно функционирует рынок антиквариата, появились и частные археологические коллекции. Как бы мы не относились к этому явлению, обойти и игнорировать наличие в таких коллекциях артефактов, представляющих интерес для профессионалов, нельзя. Пока будет наводиться порядок на таких рынках, по мере возможности, необходимо вводить в научный оборот наиболее значимые находки, судьба которых в дальнейшем может оказаться непредсказуемой.

В коллекции аккерманского краеведа В.П. Пушкарёва хранились две уникальные статуэтки, происходящие из Тире. Они заполняют известную лакуну в наших знаниях по истории и культуре этого города в римское время.

Первая статуэтка представлена терракотой. Она изготовлена из красной глины и имеет *следы лощения*. Ее высота 20 см. Сохраность хорошая. Местами наблюдаются следы потертости и окатанности. Длительное время находилась в воде? В складках – следы заизвесткованности.

Изображен в статичной позе босой мужчина средних лет в длинной, до самых ног *тоге*, под которой просматривается хитон с короткими рукавами. Тогой окутано почти все тело. Голова большая, подквадратная. Лицо мускулистое, хорошо выбрито. Стрижка короткая. Волосы редкие, извилистые, с пролысынами. Нос прямой. Глаза слегка прищурены, брови и рот едва выделены. Над подбородком небольшая выемка. Шея короткая, с хорошо моделированным кадыком. Уши маленькие, плотно прилегают к голове. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – слегка согнута в локте и спрятана под одежду. Складки одежды рельефно моделированы (рис. 1).

Терракота датируется II-III вв. по Р.Х. В отличие от предшествующих эпох, в римское время искусство короластики в античных городах Северного Понта находилось в известном упадке. Мало терракот этого времени находят и в Тире. Их подразделяют на культовые, жанровые и зооморфные [1.–С. 25-27; 2. – С. 128-130].

Терракоту, на первый взгляд, следовало бы отнести к категории жанровых. Но появление этого же героя в сакральной сцене, помещённой на (16,5 x 16,5 x 4,0 см) мраморном вотивном рельефе (рис. 3), происходящим из той же коллекции,* заставляет отнести её к категории культовых. Хотя изображён реальный человек, но он является персонажем священного действия. Как нам представляется, здесь изображён представитель римской администрации. Памятник относится к кругу произведений провинциально-римской школы. Об этом свидетельствуют примитивизация и стилизация

отдельных деталей. *Характер глины и наличие красноватого лощения, может свидетельствовать в пользу того, что терракота была сделана в самой Тире.*

Не менее интересной является и статуэтка изготовленная из мраморной пластины серовато-голубоватого цвета, с небольшими белыми прожилками. Изделие сохранилось почти полностью. Сзади отбита часть плоской подставки и ноги. Местами в выемках

Рис. 1. Терракота с изображением знатного римлянина из Тире

Рис. 2. Мраморная статуэтка с изображением воина из Тире

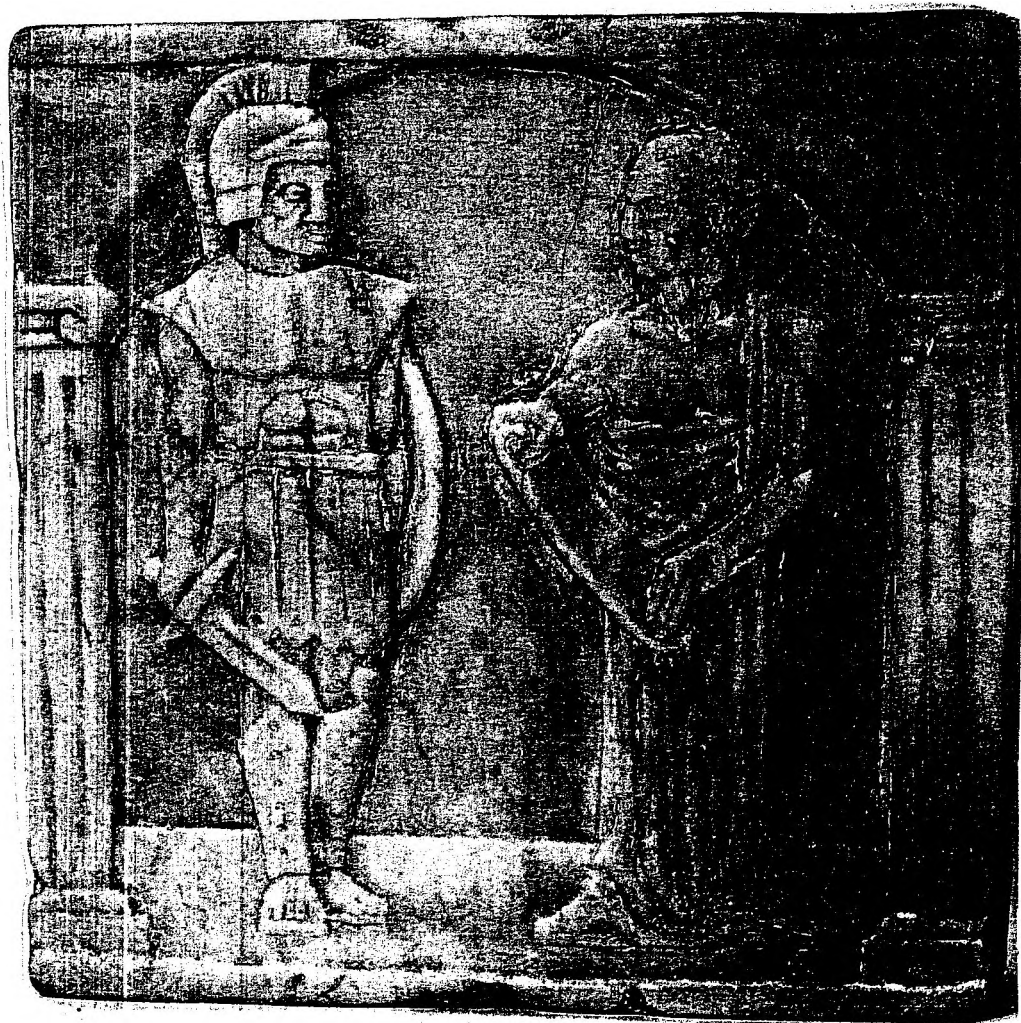

Рис. 3. Вотивный рельеф из Тир

Рис. 4. Мраморный барельеф с латинской надписью из Тир

прослеживается заизвесткованность. Высота статуэтки 16 см. Плоская тонкая подставка имеет ромбическую форму. Ее первоначальные размеры: 6,0 x 3,9 x 1,0 см.

Художник изобразил статично стоящего мужчину в коротком, по колена, хитоне с длинными рукавами, и длинном плаще, переброшенном через правое плечо. Хитон подпоясан лентой. Складки одежды переданы при помощи глубоких рельефных линий. Правая рука вытянута вдоль тела. Сзади нее находится высокая прямоугольная приставка, имитирующая скалу или дерево, на которую опирается герой. Левая рука согнута под прямым углом, ее кисть прикрывают складки плаща. Ладонь с хорошо проработанными пальцами, находится в районе груди. Ладони рук непропорционально большие. Босые накачанные ноги, по сравнению с общей длиной тела, выглядят короткими. Персонаж – безбородый молодой человек, с большим уплощенным носом, скуластым лицом, острым подбородком и короткой шеей, имеет пышные длинными волосами. На голове – шлем фригийско-дакийского типа. Статуэтка моделирована и сзади: хорошо просматриваются детали шлема, пряди длинных извилистых волос, полностью прикрывающих шею, складки хитона и плаща (рис. 2).

Немногочисленные находки мелкой мраморной скульптуры римского времени в Тире известны, но они носят несколько иной характер [2. – С. 120-128; 3]. Иконография публикуемого изображения, позволяет отнести статуэтку к провинциально-римской школе и датировать II-III вв. по Р.Х. Чрезвычайный лаконизм исполнения, отсутствие дополнительных символов и специфика мрамора, заставляют искать центр ее производства где-то в Нижней Мезии. *Небольшая круглая скульптура характерна только для района Эска*. К тому же, месторождения мрамора и мраморовидного известняка, в пределах Северного Причерноморья не известны [4. – С. 256; 5. – С. 58; 6. – С. 170; 7. – Abb. 6, 1; 9, 13; 15, 2; 16, 2-3].

На анализируемых памятниках изображены высокопоставленные представители римской администрации. Конечно же, на современном этапе развития знаний, однозначно идентифицировать эти личности трудно, но высказать некоторые соображения можно. *Оба памятника имеют стилистическое сходство с монументальной статуей римского воина, происходящей из Тиры*. Вследствие поврежденности нижней части лица тирасскую статую также трудно отождествить с каким-либо конкретным историческим деятелем. П.О. Карышковский и И.Б. Клейман отметили «его сходство с портретными статуями Адриана», однако отождествлению с императором противоречит наличие фракийского шлема, что, в свою очередь, может указывать на то, что данное изображение могло принадлежать одному из легатов Нижней Мезии. Ко времени Адриана отнесла статую и Н.А. Сон, полагая, что она изготовлена в одном из западнопонтийских центров и была выставлена в Тире по поводу важного в ее истории мероприятия [2. – С. 120-121; 8. – С. 158; 9. – № 100; 10. – С. 121].

Соглашаясь в целом, с доводами цитированных исследователей, мы все же склонны относить данные памятники к более позднему времени. В 214 г. по Р.Х. близ Тиры произошло кровопролитное сражение между карпами – племенным объединением дакийского происхождения, вторгшегося в пределы провинции Нижняя Мёзия, и римскими войсками, которых поддерживало городское ополчение Тиры. Место этой битвы локализуют у Будацкого лимана, в районе современного с. Беленькое. Здесь объединенные войска разбили варваров и тем самым, на время спасли от разграбления не только Тиру, но и другие города западных провинций Империи. В сражении особенно отличился **Тит Аврелий Флавин**. Предполагается, что он был центурионом I Итальянского легиона и некоторое время возглавлял римский гарнизон в Тире. От его имени на месте сражения были поставлены алтари, надгробия над могилами воинов, погибших в сражении, а в ряде городов Нижней Мезии – в Эске, Дионисополе и Тире, выставлены вотивы с надписями в честь этого полководца [11-14. – Suppl. 16].**

Очевидно, значение сражения 214 г. для дальнейшей истории Тиры было столь важным, а роль Тита Аврелия Флавина в разгромах противника настолько явной, что в

честь него была сооружена огромная статуя, стоявшая на городской площади, а в домашних святилищах тиритов и в постовых ларариях римских легионеров появились его статуэтки, изготовленные из глины и мрамора.

С победами римского оружия связано появление на монетах Тиры времени Антонина Пия, Коммода, Каракаллы, Септимия и Александра Севера, орлов с венком в клюве или без него. Примерно в это же время на монетах города появляются изображения **Геркулеса** [**Hercules Augustus Romanus**], в образе которого почитались и обожествлялись императоры. На тирских монетах Геркулесу довольно часто придавались черты правящего монарха. А во времена правления Септимия Севера в тирской чеканке появляются монеты с изображением **Ники-Виктории**. По мнению А.Н. Зографа, их выпуск был также связан с прославлением военных побед императора. Широкое распространение в Тире имели геммы и фалеры с изображением богини и **римских орлов** [10. – С. 110; 15. – С. 54; 16. – № 491, 501, 523, 541, 552, 565; 17. – С. 98. – № 4; 18. – С. 118-119. – Рис. 1, 8-9; работа А.С. Островерхова и С.Б. Охотникова в настоящем сборнике].

В Дунайских провинциях существовали **collegia victorianorum**, члены которых почитали **Нику-Викторию** и прославляли военные успехи императора [19. – С. 103 сл.]. Хотя в Тире до настоящего времени не найдены памятники, достоверно свидетельствующие о существовании в городе культа императора, но целый каскад косвенных доказательств, в том числе и публикуемые материалы, свидетельствуют о его наличии.

Анализируя характер изображений воинов в монументальной скульптуре и статуэтке из Тиры, нельзя обойти вниманием их сходство с каноническим образом **Митры** (авест. **Mithra**). Об этом свидетельствуют одежды и снаряжение воинов (короткий хитон, плащ, зооморфная символика на поясе, шлем, имитирующий фригийский колпак – характерные признаки Митры), поза, иконография лица, отсутствие обуви на ногах воинов и т.д.

Култ Митры в первые века был тесно связан с императорским культом. Это объяснялось многофункциональностью бога-воина, борющегося со злом, дарующего бессмертие души. Его адептами в основном были солдаты и представители военно-бюрократического аппарата. В провинциях среди восточных богов по количеству памятников Митра занимал первое место. При этом, **нижнемезийские памятники богу отличаются величайшей простотой и отсутствием дополнительных символов**. В Северном Причерноморье следы почитания Митры фиксируют обычно там, где дислоцировались римские гарнизоны – на Боспоре, в Херсонесе и в Ольвии. В Тире обнаружен известняковый алтарь, поставленный в честь непобедимого Митры римским моряком Ульпием Валентом, в том же 214 году! [2. – С. 114-115; 11. – С. 79-80; 20. – С. 153; 21].

Култ Митры отличался строгой организацией. В нем принимали участие только мужчины, в основном солдаты и командиры римских легионов, хотя могли входить и другие прослойки населения. Так, в состав коллегии митраистов в Истрии, во II в. н.э., помимо легионеров, входили наместник провинции Нижняя Мёзия, представители городской элиты – понтарх и консульский бенефициарий [5; 22. – С. 447-461; ISM, I, 137, 374]. Очевидно, примерно таковым был и состав почитателей Митры в соседней Тире.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Перед нами предстаёт сцена зачитывания на ступеньках храма эдикта о чествовании военачальника. Памятник относится к типичным произведениям провинциально-римского искусства. Мастеру, изготовившему вотив, были близки традиции античной скульптуры, однако он не владел в совершенстве строгой классической системой, присущей греческим мастерам, не овладел приёмами передачи перспективы, а также не имел опыта в создании динамических композиций. Отсюда – статичность, «застывшесть» изображения и несоблюдение пропорций в изображении человеческого тела. С другой стороны, художнику удалось необычайно тонко передать индивидуальные черты и психологию своих героев. Это позволяет сделать вывод, что рельеф относится к эпохе поздних Антонинов-Северов и

может быть датирована второй половиной II – первой третью III в. по Р.Х. В отличие от эпохи Флавиев, ваятели конца II-III вв. все свое внимание сосредотачивали на индивидуальности человека и его психологической характеристике. Образы различных людей в портретах полны сомнения, нерешительности, глубокой затаенной грусти, чувства неясной тревоги [23-29]. В военнначальнике мы усматриваем Тита Аврелия Флавия.

** В коллекции В.П. Пушкарёва хранилось несколько фрагментов подобных вотивов, происходящих из Тиры. Особенно интересным является рельеф с латинской надписью [Titus]AUR[elius] FESTUS[MILIT] и сценой сакральной борьбы двух воинов (Рис. 4). Сохранившуюся часть текста можно воспроизвести следующим образом: «... Аврелий, воин ...[...P]...счастливо совершенные деяния...». В г. Эске и Дионисополе были найдены фрагментированные надписи, содержание которых почти идентично анализируемой: Титу Аврелию Флавиному были оказаны почести «... за ревностную доблесть против врагов и деяния счастливо завершившиеся у Тиры...» [13. – S. 431, 433-434].

1. Клейман И.Б. Статуэтки из Тиры // Терракоты Северного Причерноморья. – САИ. – Вып. Г1-2. – М., 1970.
2. Сон Н.А. Тира римского времени. – К., 1993.
3. Фурманская А.И. Памятники скульптуры из Тиры // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып. 10
4. Фурманская А.И. Тира первых веков н.э. / НА ИА НАНУ. – 1962. – Д. № 507.
5. Найденова В.П. Культ Митры в Нижней Мезии и Фракии // ПАК. – М., 1986.
6. Крапивина В.В. Рельеф с Митрой Тавроктоном из Ольвии // ДП КС ОАО. – Одесса, 1994.
7. Hupe J. Studien zum Merkur im römischen Gallien und Germanien // Trier Zeitschrift. – 1997. – 60 Jahr.
8. Соколов Г.И. Античное Причерноморье. – Л., 1973.
9. ОАМ АН УССР. – К., 1983.
10. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985.
11. Карышковский П.О. Из истории Тиры в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. – К., 1980.
12. Бруяко И.В., Росохацкий А.А. К политической истории Нижнего Поднестровья в первой трети III в. н.э. // ДП. – Матер. 1 чтений памяти П.О. Карышковского. – Одесса, 1990.
13. Gerov B. Die Invasion der Carpen im C. 214 // Acta of the 5th International Congress of Greek and Latin Epigraphy. – Oxford, 1971
14. Bichir Ch. Archaeology and history of the Carpi from the 2nd to the 5th century A.D. // BAR. – 1976.
15. Зограф А.Н. Монеты Тиры. – М., 1957.
16. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – К., 1989.
17. Клейман И.Б., Коциевский А.С. Геммы из Тиры // Северо-Западное Причерноморье контактная зона древних культур. – К., 1991.
18. Островерхов А.С., Батизат Г.В. Новые материалы к корпусу глиптики из Тиры // Северное Причерноморье в античное время. – К., 2002.
19. Колосовская Ю.К. Коллегии императорского культа в дунайских провинциях // КАМ. – М., 1966.
20. Щеглов А.Н. Фракийские посвятельные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. – МИА. – 1969. – № 150.
21. Schwertheim E. Mithras seine Denkmäler und seine Kult // Antike Welt. – 1979. – Sondernummer.
22. Тачева-Хитова М. История на източните култове в Долна Мизия и Тракия V в. пр. н.э. – IV в. н.э. – София, 1982.
23. Вальдгауэр О.Ф. Римская портретная скульптура в Эрмитаже. – Пг., 1923.
24. Вошинина А.И. Очерк истории древнеримского искусства. – Л., 1947.
25. Соколов Г.И. Искусство Древнего Рима. – М., 1971.

26. Соколов Г.И. О технике исполнения римских мраморных портретов // Искусство Востока и античности. – М., 1977.
27. Соколов Г.И. Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени. – М., 1983.
28. Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет. – Л., 1975.
29. Wegner M. Die Herrscherbildnisse in antoninischer Zeit. – Berlin, 1939.

Островерхов А.С., Охотников С.Б.

РИМСКИЕ ОРЛЫ В ПАМЯТНИКАХ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ТИРЫ

О вхождении Тир в состав Империи и нахождении в городе римского гарнизона, написано много [1.–С. 98-101; 2.–С. 12-41]. Это событие не могло не отразиться на культурной и религиозной жизни города. Наше внимание привлекло появление изображений *римских орлов* в памятниках Тир. В этой символике сосредоточена квинтэссенция идеи господства Рима. Орлы были символами *Юпитера*, запорукой воинской мощи и знаками легионов [14.–С. 39]. По словам *Тацита* (Ann., I, 39; II, 17), эти птицы почитались в каждом лагере, а их изображения хранились в святилищах вместе с алтарями.

На северных берегах Черного моря найдено много различного рода памятников с изображением *орлов* [14.–С. 38-41]. В Тире артефактов подобного рода известно значительно меньше. Поэтому обобщение уже имеющегося, и введение в оборот нового материала, позволят раскрыть еще один штрих в истории и культуре этого города.

На монетах городов, подвластных Риму, изображения *орлов* было одним из средств выражения лояльности населения к верховной власти [15]. В ряде случаев сам император изображался в качестве орла. Ярким памятником этого типа является статуя орла из святилища Ali-ibn в Оттоманском музее. На груди птицы – медальон с монограммой **IOYIANOΣ** – обозначение императора Юлиана. Последний был уподоблен самым большим богам, атрибутами которых был орел [6.–С. 24].

Тир в этом плане не была исключением. Изображения *орлов* с венком в клюве и без него (Рис. 1,2), встречаем на монетах времени *Антонина Пия, Коммода, Каракаллы и Септимия и Александра Севера* [16.–№ 491, 501, 523, 541, 552, 565]. Примерно в это же время на монетах города появляются изображения *Геркулеса* [**Hercules Augustus Romanus**], в образе которого почитались обожествлялись императоры. Причем на тирских монетах Геркулесу придавались черты правящего монарха [1.–С. 110]. А во времена правления *Септимия Севера* в тирской чеканке появляются монеты с изображением *Нику-Виктории*. По мнению А.Н. Зографа [17.–С. 54], их выпуск был связан с прославлением военных побед императора. Подобными обстоятельствами мы объясняем и появление тирских монет с изображением орлов с венками в клювах. В Дунайских провинциях в это время существовали *collegia victorianorum*, члены которых почитали богиню *Нику-Викторию* и прославляли военные успехи императора [18.–С. 103 сл.]. Хотя в Тире до настоящего времени не найдены памятники, достоверно свидетельствующие о существовании здесь *культы императора*, но целый каскад косвенных доказательств, в том числе и чеканка монет с изображением *орлов*, свидетельствуют в пользу его наличия.

Если нумизматика констатирует состояние официальной стороны вопроса, то *глиптика* отражает частные аспекты проблемы. Ведь выбор перстня, геммы или медальона с изображением того или иного божества или символа, был делом личным и интимным. Находки в Тире гемм, перстней и медальонов с изображениями *орлов*, свидетельствуют, что почитание римских святынь было не чуждо и определенным слоям населения Тир.

Вплоть до последнего времени, была известна лишь одна такая гемма. Имеется в виду сердоликовая инталия из собрания Т.В. Кибальчица. Птица изображена сидящей на

алтаре, в три четверти к зрителю, с когтистыми лапами, распушенным хвостом и опущенными крыльями (Рис. 1,3). Горделиво поднятая голова с хищным клювом и венком в нем, повернута вправо [19.—№ 79]. К этому сюжету примыкает изображение птицы с распростертыми крыльями, но без венка в клюве, помещенное на щитке бронзового перстня из Тиры, хранящееся в одной из одесских коллекций (Рис. 1,3). Данный тип воспроизводит статуарное изображение орла, помещавшееся во многих святилищах Империи, в том числе и северопричерноморских центрах. [14.—С. 39-44.] Геммы и перстни с орлами чаще всего находят в местах дислокации римских войск [11.—С.120-121; 13.—С. 67. — Рис. 16,15; 20. — С. 96-97. — Рис. 1,2; 5, с. 145; 21. — С. 88; 22. — Табл. V, 218-220; 222-224, 226; 23. - № 385; - 24. - № 200а, 201-203, 206-208, 222; 34; 25. - Табл. III, 17].

Вторая инталия, изготовленная из желтой яшмы, также хранится в одной из одесских коллекций. Она имеет вид плоского полированного восьмиугольника. Восьмиугольная форма геммы и ее желтый цвет, выбраны не случайно. В древних космогонических традициях *восьмиугольник символизировал вселенную*, в центре которой находился *желтый «пуп земли»*. На одной из сторон помещено изображение орла на цилиндрическом алтаре, на три четверти к зрителю и венком в клюве; по бокам два легионных *insigniae* — *штандарта* (Рис. 1,4). Подобные сюжеты часто встречаются в памятниках римского искусства. Например, они появляются на ряде монет Августа с надписью «*Signa Populi Romani*». Был известен праздник легионных значков *Sigilarii* (Auson. Eclog., XXIII, 31) и *Rosaliae signorum*, т.е. «*Розалии [легионных] значков*», празднество, справлявшееся с совершением обряда моления штандартам, украшенных венками из роз. Такая символика обозначала также возвращение легионных знаков из вражеского «плена». Находки подобных гемм известны не только на Аппенинах, но и в западно-северопонтийских центрах [19. — Pl. III, № 78, 82; 22. — № 221; 26.—С. 118; 27.—С. 350; 28; 29. — Р. 747; 30. — Р. 937; 31. — № 194, 236.].

Не менее интересным является и перстень из частной коллекции, основа которого изготовлена из бронзы, а щиток плакирован золотой пластиной. В гнездо вставлена плоская сердоликовая инталия с изображением орла, парящего над треножником. По бокам — два рога изобилия (Рис. 1,6). Перед нами композиция сакрально-политического содержания. Ее смысл прозрачен: *мощь легионов является запорукou мира и процветания Империи*. Геммы с подобными композициями датируются II-III вв. н.э [21. — С.127. — Табл. IV, 56; V, 88; VI, 92, 94; 24. — № 238].

Не менее интересную композицию встречаем и на яшме, также хранящемся в частной коллекции. На ней помещено *изображение орла, клюющего змею* (Рис. 1,7). Подобная символика имеет очень древние корни. В античном искусстве она известна уже в архаическое и раннеклассическое время [32.—Табл. 13 bis K; 33.—С. 157; 34.—С. 123]. На протяжении нескольких столетий мотив орла, клюющего змею (дельфина, рыбу, черепаху, зайца) был одним из излюбленных в искусстве народов Причерноморья и Средиземноморья [10. — С. 65-69; 35. — С. 69-70]. Его происхождение трактуют по-разному. П.О. Карышковский [36. — С. 98. — Прим. 155] считал, что *в этом монолитно-художественном комплексе выражена общая для индоевропейцев идея о священном брачном союзе неба как мужского начала с земной или водной стихией как женским началом*. Римляне в подобных изображениях видели идею победы Рима над врагами (во всех мифах орел и змея — враждебные существа).

Подобные геммы считались надежными филактериями. В книгах «Киранид» читаем: «на зеленой яшме вырежь коршуна, разрывающего змею... носи ее на груди, она успокоит всякие боли в желудке и позволить есть много и хорошо переваривать (пищу)» [Цит. по: 11.—С. 124].

В одной из одесских коллекций сохраняется фрагмент фалеры, изготовленной из перламутровой раковины средиземно-красноморского или океанического происхождения (Рис. 1,5). Перламутр высокого качества, имеет большую переливчатость и серебристо-платиновый цвет. Толщина слоя 0,3 - 0,4 см. Перламутр в древнем мире также относился к

разряду *сакральных материалов*. В античную эпоху изделия из него пользовались широкой популярностью [37 – С. 27-28, 30-31].

Медальон имел округло-выпуклую форму. Его диаметр 5 см. На наружной стороне вырезано изображение орла с распростертыми крыльями, сидящего на подставке-площадке. Птица показана в три четверти к зрителю, головой вправо. Художник с большим мастерством моделировал оперение, лапы и голову птицы. Оперение показано в виде рельефных полукругов и полосок. В лапах *молния* – один из символов *Юпитера Долихена*. Изображение оконтуривает рельефный ободок. Между ободком и наружной окружностью фалара, помещено изображение лаврового венка шириной 0,5 см.

Сюжет, помещенный на медальоне, широко распространен в искусстве Северного Причерноморья. Многие подобные памятники имеют местное происхождение. Об этом свидетельствуют, например, орлы, изготовленные из *местных глин*, найденные в Ольвии, Пантикапее и ряде других центров [14.–С. 39-42]. В некоторых городах существовали мастерские, специализировавшиеся на выпуске гемм и перстней [38; 39]. Не исключено, что подобный центр функционировал и в Тире [12.–С. 97; 40.–С. 231]. О местном происхождении медальона могут свидетельствовать отходы от обработки перламутровых раковин, встречающиеся при раскопках города (образцы выставлены в экспозиции БДИКМ).

Кто же был потребителем гемм, перстней и фалер с изображением *орлов* в Тире? Это были легионеры и приближенные к властям слои населения. Им принадлежали геммы и перстни, изготовленные из престижных металлов и самоцветов. Но нам известны и дешевые бронзовые перстни, а также вставки к ним, изготовленные из стекла. Подобную продукцию Плиний Старший называл «стеклянными геммами в перстнях простонародья» [11.–С. 122]. Она предназначалась для рядовых легионеров и небогатых горожан.

Примечания

¹ Эти птицы были также символами *Зевса* [3; 4. – С. 81-130; 5] и *Сераписа* [6. – С. 111-114; 7-8]. В Пантикапее [9. – С. 165. – № 12.] и Ольвии [10. – С. 151. – Рис. 51, 3-4] найдены геммы с изображением *Зевса-Юпитера-Сераписа* в сопровождении орлов. А на камнях из Ольвии, Тиры и о-ва Левке, помещены изображения *Зевса-Юпитера-Сераписа*, *Афины* и *орла*. Подобные геммы считаются западнопонтскими по происхождению [11. – С. 65. – Рис. 6; 12. – С. 95-96. – Рис. 6, 3; 22; 13. – С. 63. – Рис. 16, 3]. В правление Септимия Севера изображение верховного божества, сидящего на троне, появляется и на тирских монетах. Здесь функции *Сераписа* переплетались с функциями *Зевса* и *Юпитера* [2. – С. 113-114.].

² Фаларами принято называть конские бляхи-украшения. Само слово (гр. *φαλάρας*; < лат. *falerae*, *phalerae*) имеет означает *значек воинского, жреческого или иного отличия* с изображением или надписью. Синонимом является неологизм *медаль, медальон* (фр. *médalion*).

³ Определение сделано докт. биол. наук В.Н. Золотаревым. Слово *перламутр* (нем. *Perlmutter* < *Perle* + *Mutter*) обозначает внутренний слой раковин моллюсков-жемчужниц. Слой дает двойное лучепреломление, что и определяет его переливчатую окраску. Северопричерноморские моллюски имеют тонкий перламутровый слой и синевато-фиолетовый цвет.

⁴ Культ *Долихена* был перенесен в Рим с Востока. Имя получил от г. Долихе в Месопотамии. Имел хеттское происхождение. Изображался в виде бородатой мужской фигуры во фригийской шапке, с мечом на поясе, пучком *молний* в в левой руке и лабрисом – в правой. Иные атрибуты: солнце, луна, *орел*. Культ был известен и в Причерноморье [6. – С. 22-23. – Прим. 59].

1. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985.

2. Сон Н.А. Тира римского времени. – К., 1993.

3. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957.

4. Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. – München, 1976. – Bd. 1.

5. Schwabl H. Zeus. – München, 1978.

6. Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. – М., 1978.

7. Strambaugh I.E. Sarapis under the Early Ptolemeis. – Leiden, 1972.

8. Vidman L. Isis und Sarapis bei den Griechen und Römern. - Berlin, 1970.
9. Неверов О.Я. Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах // В кн.: М.М. Кобылина. Изображения... - М., 1978.
10. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. - К., 1992.
11. Неверов О.Я. Геммы античного мира. - М., 1983.
12. Клейман И.Б., Коциевский А.С. Геммы из Тире // СЗПКЗДК. - К., 1991.
13. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). - К., 1993.
14. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. - М., 1979.
15. Садовская М.С. Культ императора в Римской Британии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. - Горький, 1985.
16. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. - К., 1989.
17. Зограф А.Н. Монеты Тире. - М., 1957.
18. Колосовская Ю.К. Коллегии императорского культа в дунайских провинциях // КАМ. - М., 1966.
19. Kibalthich T.W. Gemmes de la Russie Meridionale. - Mars, 1910.
20. Высотская Т.Н. Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. - 1980. - № 1.
21. Джавахишвили К.А. Памятники глиптики городища Урбниси. - Тбилиси, 1972.
22. Захаров А.А. Геммы ГИМа. - М., 1928.
23. Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. - Л., 1988.
24. Dimitrova-Milčeva A. Antike Gemmen und Kameen aus dem Archaeologischen Natioinalmuseen in Sofia. - Sofia, 1980.
25. Pinterović D. Roman Gems from Mursa Osijecki. - Zrobnik, 1965.
26. Островерхов А.С., Батизат Г.В. Новые материалы к корпусу глиптики из Тире // Северное Причерноморье в античное время. - К., 2002.
27. Топоров В.Н. Пуп земли // МНМ. - 1992. - Т. 2.
28. Butterworth E.A.S. The Tree at the navel of the earth. - Berlin, 1970;
29. Stevenson S.W. A Dictionary of Roman coins, Respublican and Imperial. - London., 1964.
30. Hammond N.G.L., Scullard H.H. The Oxford Classical Dictionary. - Oxford, 1970.
31. Ruseva-Slokoska L. Roman Jewellery. A Collection of the National Archaeological Museum. - Sofia, 1991.
32. Amiet P. La gliptique mésopotamienne archaïque. - Paris, 1961.
33. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. - М., 1984.
34. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. - 1951. - № 16.
35. Островерхов А.С. Образ птицы в искусстве ольвийской школы звериного стиля // РЖВСЗП - К., 1984.
36. Карышковский П.О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // НАП. - К., 1982
37. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. - 1982. - Вып. Г1-12. - Т. 3.
38. Максимова М.И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. - 1957. - № 4.
39. Щербакова В.С. Античные печати Херсонеса как исторический источник. - Автореф. диссерт... канд. истор. наук. - М., 1986.
40. Островерхов А.С., Охотников С.Б. Бронзовый перстень из Тире // НАМСПН. - Одесса, 1997.

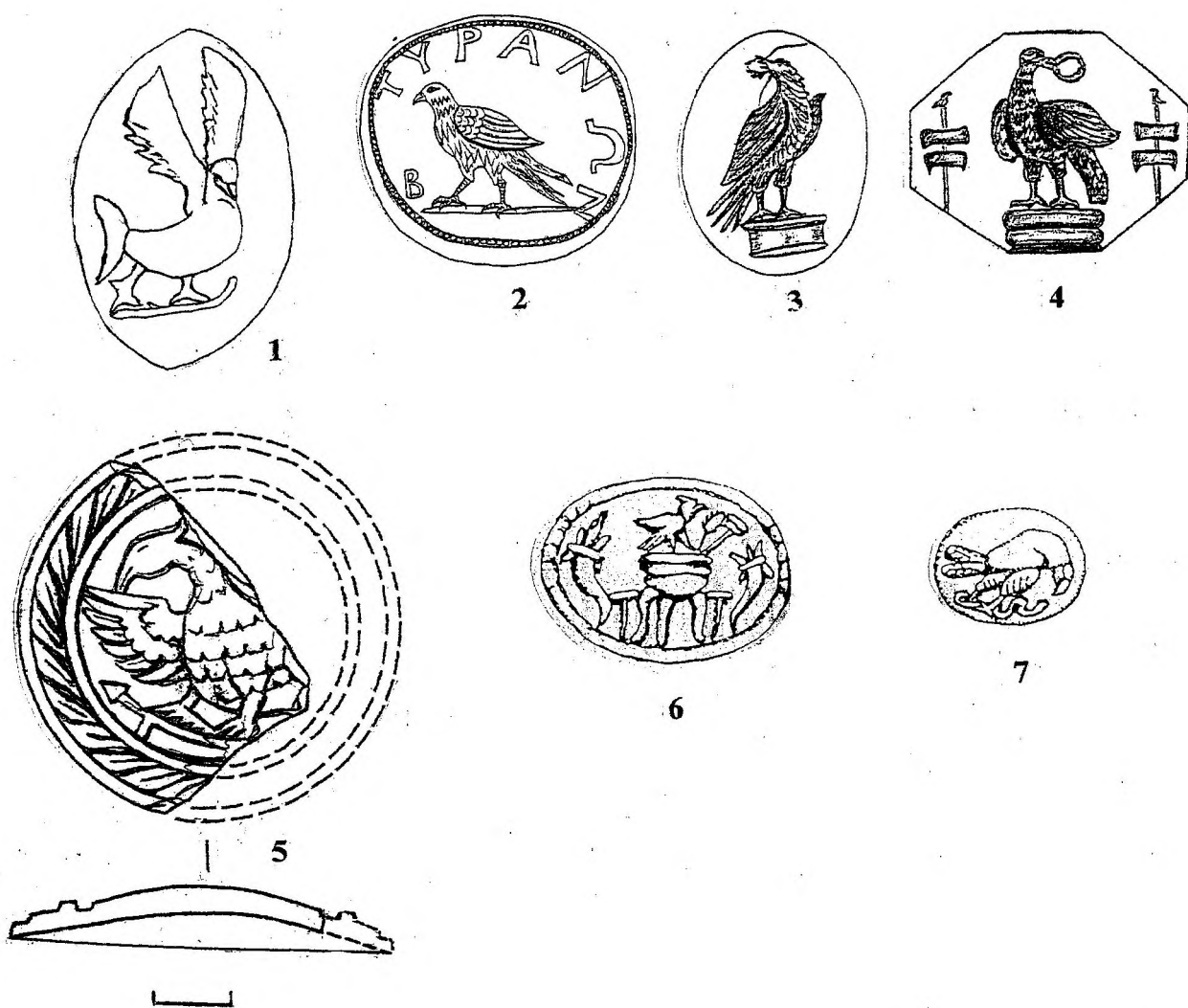

Рис. 1. Геммы и фалера из Тира с изображением римских орлов.

АЛТАРИ НЕКРОПОЛЯ ОЛЬВИИ

Первые публикации о находках алтарей на ольвийском некрополе были сделаны Б.В.Фармаковским [1.-С.33], а затем Ю.И.Козуб [2.-С. 238]. Однако на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные классификации и их роли в поминально-погребальном обряде. Буквально по одной фразе об ольвийских погребальных алтарях содержится в фундаментальных исследованиях А.С.Русяевой [3.-С. 183] и С.Д.Крыжицкого [4.-С.75]. Впервые на ольвийские алтари обратил внимание А.Н.Щеглов*. В этой статье сделана попытка классификации алтарей из некрополя Ольвии.

На ольвийском некрополе известны шесть типов алтарей. Причем три типа этих алтарей, компактно расположенных, открыты на одном из участков некрополя [5. – С.26-91; 6. – С.38-39; 7. – С.82-83].

Первый тип алтарей* – это жертвенники-столы, сделанные из известняковых плит (рис.1-2). Известен только один алтарь этого типа из мрамора [8.-С.82]. Этот тип представлен на ольвийском некрополе несколькими вариантами. Причем алтари первого варианта имеют несколько модификаций. *Вариант Ia* – это тщательно обработанные известняковые плиты прямоугольной формы. Обычно на верхней стороне плиты ближе к лицевому ложку вырезались от одного до трех чашеобразных углублений, по форме напоминавших внутреннюю сторону чаши-фиалы, которые использовались в культовых целях [1.-С.33; 9.-С.91-98; 10.-С.267-268]. Часть из них имела омфал. Из чаш жидкость вытекала на землю через стоки-желобки, имевших в разрезе треугольное сечение. Одни желобки были прорезаны от края чаши только по верхней стороне, другие продолжались и по лицевой ложковой стороне плиты. Некоторые алтари имели более сложные стоки. Эти стоки выходили из чаш, но не доходили до края, а впадали в отверстие, соединяющее верхнюю сторону и ложковую [5.-С.83, рис.8; 10.-С.267]. При этом одни из них имели продолжение желобка по лицевому ложку алтаря, а другие нет. *Вариант Ib* – аналогичен варианту Ia, но алтари этого вида имели чаши не фиалообразной формы, а прямоугольные от одной до двух. Они также могли или иметь желобок для стока жидкости или не иметь. Алтари этого варианта известны и на некрополе Арганума в Румынии [11.-Р.31, fig.11b]. *Вариант Iv* – представлен единственным экземпляром. Это случайная находка в 1998 году в районе большой курганный группы некрополя. Все стороны этого алтаря были тщательно обработаны, а на верхней поверхности имелась чаша фиалообразной формы со сквозным стоком. Интересно, что этот алтарь на обратной стороне в левом нижнем углу имел еще один сток фаллосообразной формы. *Вариант Ig* – он отличается от первых двух небрежностью обработки. В данном случае, у алтарей обрабатывались или лицевая или верхняя стороны, а иногда и та и другая, но никогда все стороны. Расположение чаш-фиал и стоков-желобков аналогично варианту Ia. *Вариант Id* – в данном случае чаша-фиала и желобок были вырезаны на верхних необработанных грубо околотых (рваных) сторонах алтаря.

Вариант II представлен двумя подвариантами (рис.3). Подвариант IIa – алтарь из заклада подбойной могилы 1991/6 конца IV-начала III в. до н.э. Это тщательно обработанная известняковая плита с карнизом внизу лицевого ложка. Чаша-фиала с омфалом, вырезанная не по центру, а слева от него имела желобок для стока, который продолжался и по лицевому ложку до карниза [5.-С.32, рис.9]. Подвариант IIb. – алтарь был найден в закладе разрушенной подбойной могилы в 2002 г. Все его стороны, как и в первом случае, были тщательно обработаны, а на лицевом ложке имелся псевдурост (0,03 м x 0,015 м). Кроме того, а на его верхней стороне имелись две фиалообразные чаши со стоками [12.-С.7].

Вариант III – алтари этого типа были сделаны из известняковых архитектурных деталей. Такой алтарь обнаружили в закладе земляного склепа 1/ 2000. С одной стороны

плита, из которой сделали алтарь, имела частично поврежденный карниз с анаферозисом. Слева от карниза небрежно вырезали фиалообразную чашу с двумя стоками, которые не имели продолжение по ложку [13.-С.5].

Второй тип алтарей – это столы (трапедзы) с ровной столешницей и ножками в форме лап льва (рис.4). Именно такая мраморная трапедза и стояла в камере склепа Евресивия и Ареты [14.-С.1-3, рис.1–2]. В основном же на некрополе найдены ножки от трапедз (шесть экземпляров), которые имели профилировку аналогичную ножкам трапедзы из склепа Евресивия и Ареты [15. – С.32; 12. – С.7]. На этих алтарях оставляли сосуды с остатками возлияния (молоко, вино, вода с медом), а также хлеб и плоды, принесенные усопшим [16. – С.14]

Третий тип алтарей – алтари, сложенные из обработанных и полуобработанных камней (рис.5). Необычный алтарь, данного типа, раскопан рядом с тремя могилами на семейном участке некрополя. Его сложили из обработанной известняковой плиты и трех жертвенников-столов, использованных вторично. На нем стояли, оставленные после возлияния, краснофигурные пелика боспорского типа и ойнохоя, датируемые серединой IV в. до н.э. [10.-С.268; 17.-С.157, 159, рис.2].

Четвертый тип - каменные алтари квадратной формы, сложенные из известняковых плит. Внутренняя их часть представляла собой площадку из утрамбованной глины, на которой происходило сожжение приношений. Известно два варианта этого типа. Вариант Va – алтарь (0,86х0,85м) из четырех обработанных известняковых блоков, концы которых увенчались своеобразными акротериями в виде схематичного четырехгранного выступа (рис.6). Внутри алтаря в юго-западной его части сохранилась ровная площадка овальной формы со следами горения, а в юго-восточном углу – скопление крупных фрагментов амфор [18.-С.31-32]. Вариант Vb – алтарь из плотно подогнанных известняковых плит (0,82х0,80м) [18.-С.29-30, рис.1].

Пятый тип алтарей, сделанных из известняка, предназначался для сожжений (рис.7). Они имели круглую форму и их диаметр равнялся 1 м. Такой тип жертвенника впервые обнаружен в закладе разрушенной подбойной могилы IV-III в. до н.э. [12.-С.7].

Шестой тип – алтари из глины. Глиняный алтарь ступенькообразной формы, к которому с востока примыкала вымостка из фрагментов амфорных стенок, служивший для сжигания жертвенной пищи, стоял *in situ* над могилой IV в. до н.э. (погребение 5/1992). Его применяли не только для сжигания жертвоприношений, а и для возлияния. С этой целью под его юго-восточным углом вкопали в землю полую ножку амфоры, соединив ее с жертвенной канавкой, имеющей сток в могилу [10.-С.268; 17.-С.157, 159, рис.2].

В виде алтарей могли использовать и просто хорошо обработанные известняковые квадраты как для возлияний так и для сожжений [18.-С.33].

Алтари первого типа были весьма распространены на некрополе Ольвии и предназначались для возлияний, хотя в 2002 году на месте массовых грабительских раскопок обнаружили алтарь данного типа с обожженной верхней поверхностью [12.-С.7]. Обычно их находят в закладах подбойных могил и земляных склепов, но они не встречаются в дромосах склепов [1.-С.33, 160, рис.19; 5.-С.29-30, 32, рис.8-9; 10.-С.268; 15.-С.4-5, 12]. Известна только одна находка жертвенника-стола, который поместили в дромос склепа под Зевсовым курганом [1.-С.33, 160 рис.19]. Кроме того, только один алтарь этого типа раскопан *in situ* возле могилы 1920/161 IV в. до н.э. Интересно, что он стоял на небольшом фундаменте из бутовых камней [20.-С.37].

Возникает вопрос о времени использования этих алтарей. По всей видимости, алтари первого типа применялись с конца V и до начала III в. до н.э. Вполне вероятно, что эта традиция, возрождается в первые века нашей эры, о чем свидетельствует находка в дромосе Зевсового кургана, но пока это единственный алтарь первого типа, который можно датировать II в. н.э.

В IV-III в. до н.э. алтари первого типа уже встречаются в закладах земляных склепов и подбойных могил (1910/34, 1991/1, 1991/6) [5.-С.29-30, 32, рис.8-9; 19.-С.82; 21-

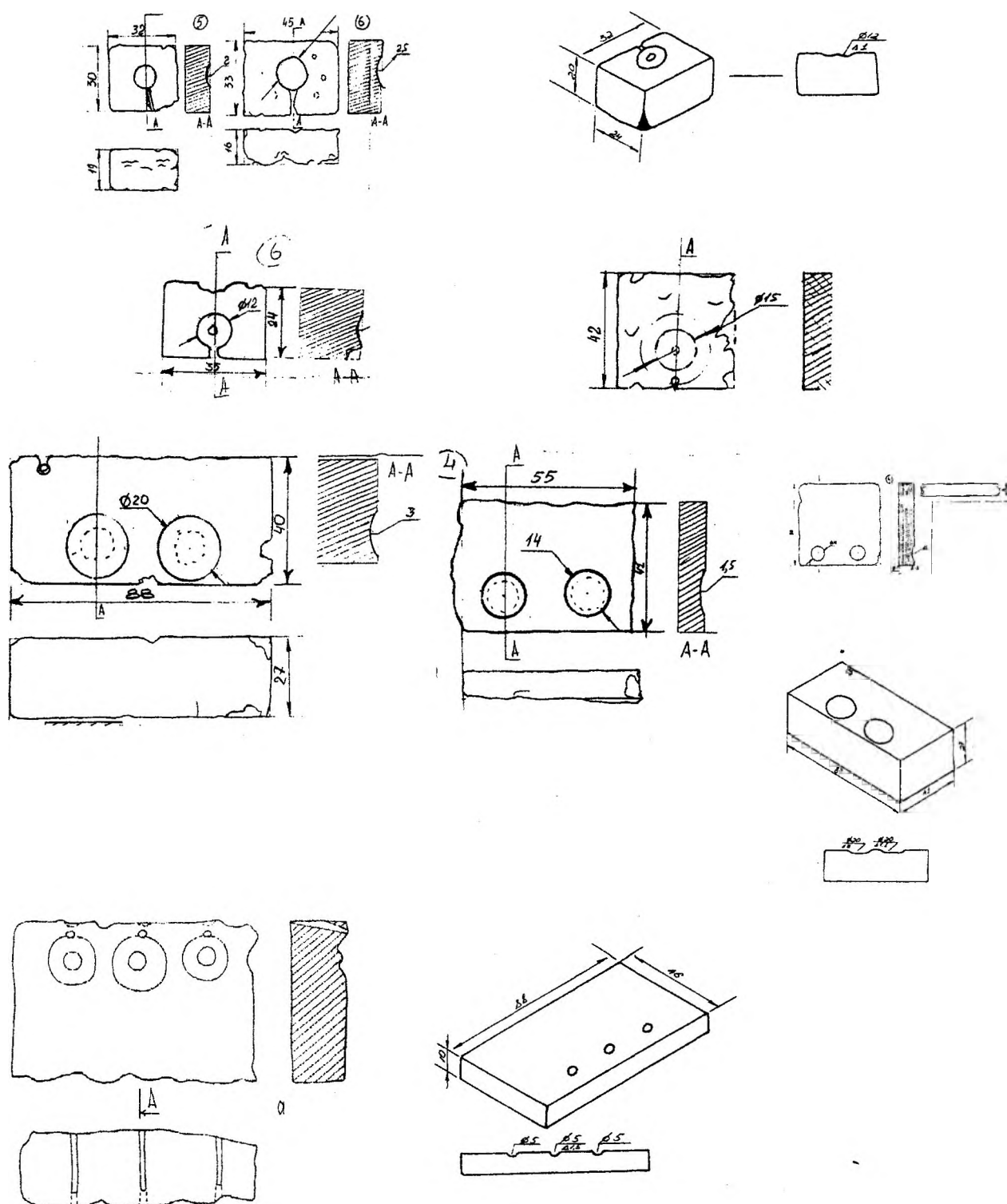
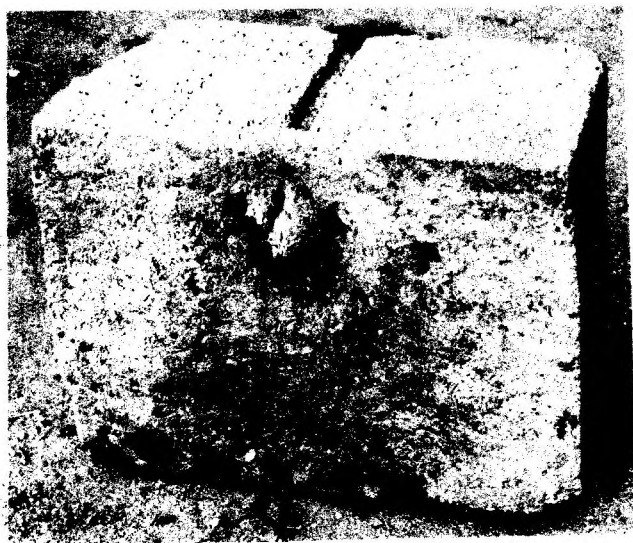
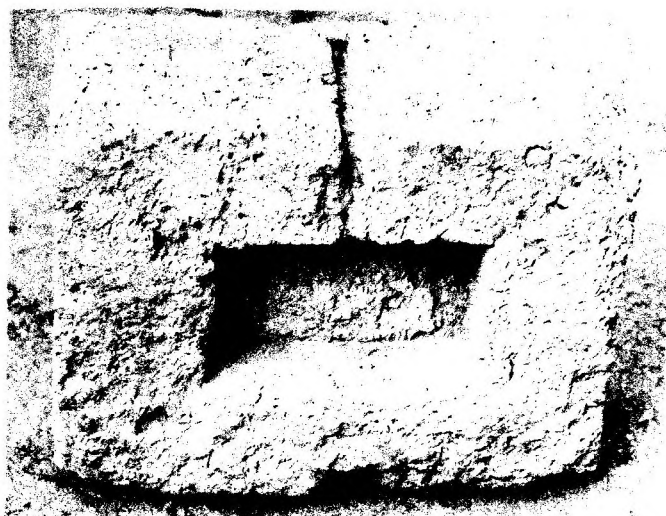
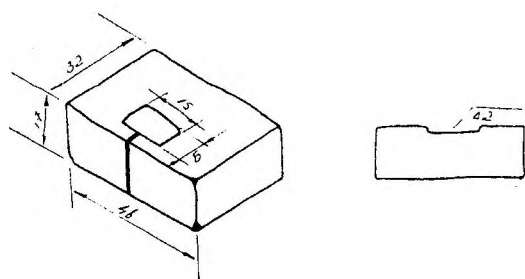

Рис. 1. Жертвенники-столы (алтари I типа). Вариант Ia.

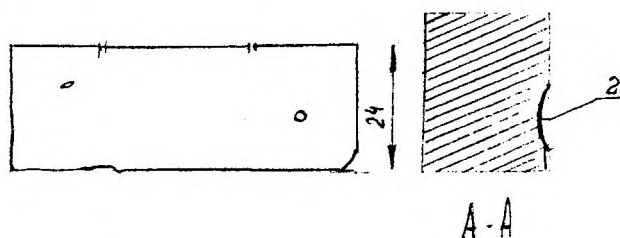
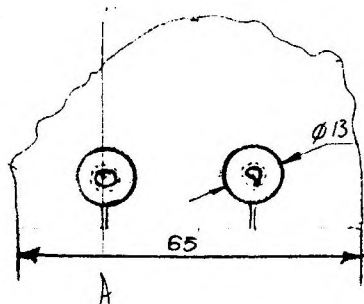
М 1:10

a)

б)

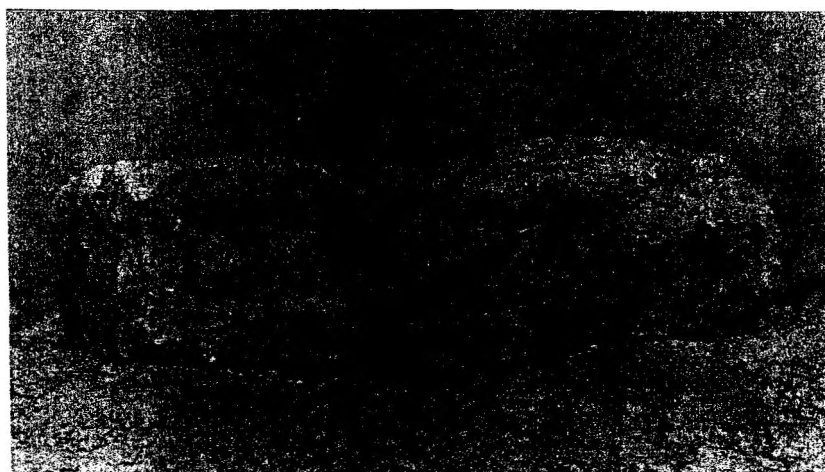
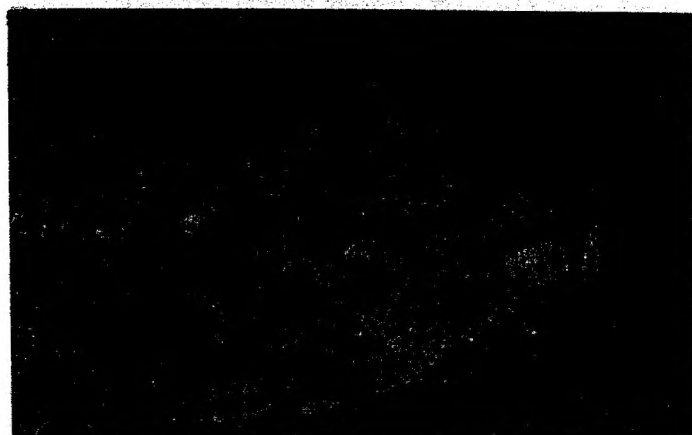
в)

М 1: 10

Рис. 2. Жертвенники-столы
 а) вариант Ia (фото и чертеж)
 б) вариант Ib (фото и чертеж)
 в) вариант Ig

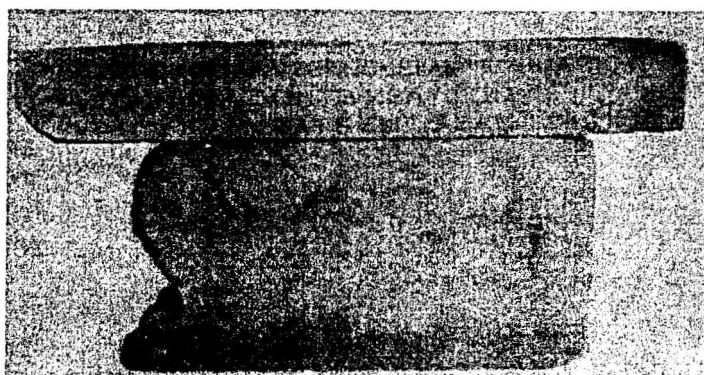
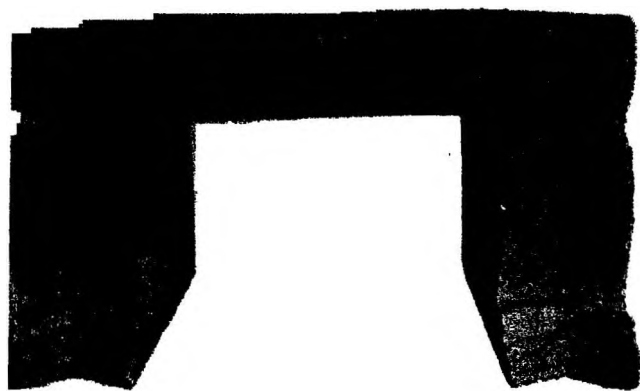

а)

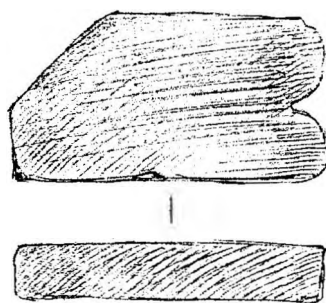
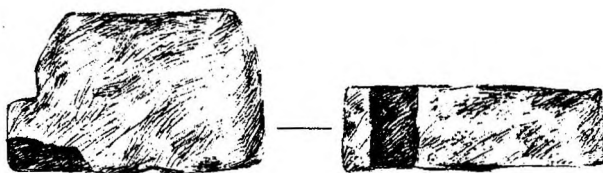

б)

Рис. 3. Алтари I типа (вариант II)
а) с корнизом; б) с псевдорустом

а)

б)

Рис. 4. Столы-трапедзы (II тип алтарей)
 а) алтарь из склепа Евресивия и Ареты
 б) ножки от столов-трапедз

Рис. 5. Алтарь, сложенный из жертвенников-столов. (реконструкция)

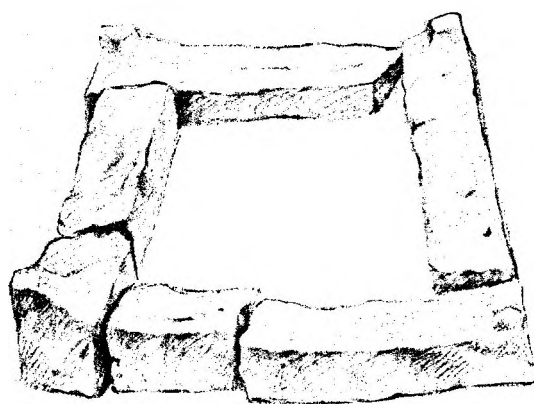
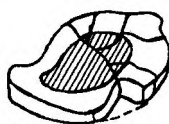

Рис. 6. Алтарь сложенный из известняковых блоков. (IV типа)

а)

б)

М 1: 10

Рис. 7 Жертвенник круглой формы (а) фото; б) чертеж

С.32]. Практика вторичного применения их в захоронениях продолжается и в римское время [15.-С.32]. Причем в это время в захоронениях, в основном, встречаются ножки алтарей-трапедз (второй тип).

При повторном использовании алтари клали чашей вниз, как например, в захоронении подбойной могилы 3/1995 IV в. до н.э. [10.-С.268]. При этом необходимо заметить, что в захоронении клали не только старые алтари, а и алтари над которыми совершили обряд возлияния в день похорон.

Использование алтарей в захоронениях подбойных могил, склепов и в крепидях курганов в эллинистическое и римское время связано, по всей видимости, с тем, что они должны были играть роль оберегов могил. В роли оберегов их укладывали и в стены оборонительных сооружений [3.-С.183;22].

Аналогичные жертвенники-столы первого типа раскопаны и на некрополях Пантикапея, Панское I и Керкинитиды, а на некрополе Кеп они стояли возле каждого земляного склепа III-I в. до н.э. [23. – С.55;24. – С.104]

Необходимо отметить, что алтари первых типов все анэпиграфные, за исключением трапедзы из склепа Евресивия и Ареты на которой есть следующие строки «Евресивий Каллисфенов и Арета Папиева этот памятник соорудили себе при жизни в продолжение 17 дней» [1.-С.32, рис.2].

Поминально-погребальный обряд – это религиозно-бытовой цикл ритуалов и обычаев, связанных не только с погребением покойника, а и с культом мертвых, отражающий взгляды на проблему жизни и смерти как умершего так и его близких [25.-С.6; 26.-С.6;27.-С.18]. Древние греки, кроме того, при совершении погребального обряда, следовали еще и общепринятым традициям своей гражданской общины [3].

Родственники усопшего посещали могилы своих близких на 3 (трита), 9 (енната) и 30 (трикостиа) день после похорон, в день смерти и в день рождения умершего, а также 5 боздримиона – в праздник поминовения всех усопших. Эти дни считались строго обязательными для посещений некрополя [10.-С.267;17.-С.157;28.-С.467;29.-С.612-617;30.-С.126–137;31.-С.4;32-Р.40] и ольвиополиты в этом не были исключением.

Эти посещения были связаны с обязанностью живых, удовлетворять потребности умерших в пище и питье. Древние греки верили, что если возле могил прекращались жертвоприношения, то души умерших выходили из могил и становились блуждающими тенями, укоряющими живых в нечестивом поступке и вредящими им. Поминальный обряд заставлял душу уйти назад в могилу и восстанавливал мир между мертвыми и живыми. Кроме того, на некрополе совершали возлияние и приносили жертвы подземным богам [10.-С.268;33.-С.605]. Возлияния и жертвоприношения, как кровавые, так и бескровные совершаемые сразу после погребения и в дни посещений могил, получили название тризн. Обряд тризны зафиксирован на ольвийском некрополе на протяжении всего времени его существования.

Для совершения тризн использовались специальные культовые сооружения – алтари, ямы, канавки. Алтари ставили рядом с надгробиями, а если их не было, то непосредственно возле могил [17.-С.158;34.-С.282].

В поминально-погребальном обряде алтари вместе с погребальным сооружением выступали символом жилья и земной жизни [24.-С.104]. Кроме того, они играли большую роль в культах Гекаты и хтонических богов [35.-С.108-109].

* А.Н.Щеглов в своем докладе на конференции «Боспорский феномен» в 2002 году, тест которого он любезно предоставил автору, употребил три названия этого типа алтарей – «погребальные алтари ольвийского типа», которое он применял ранее, и «алтари-трапедзы с фиалами» или «классические».

1. Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 г.г. // Известия императорской археологической комиссии.- СПб.,1906.- Вып.13.

2. Козуб, Раскопки предместья и некрополя Ольвии // АО 1978. - 1979.- с. 237-238.
3. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – К., 1992.
4. Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - К., 1993.
5. Папанова В.А. Раскопки некрополя Ольвии конца V-IV в.в. до н.э. в 1991-1992 г.г. // НОЛ. - 1993. - С. 26-90.
6. Папанова В.А. Раскопки некрополя Ольвии в районе Широкой балки // “Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження”. Тези першої обласної наукової краєзнавчої конференції. – Миколаїв, 1995. – С.38-40.
7. Папанова В.А. Семейно - родовой участок ольвийского некрополя // Древнее Причерноморье. Тез докл. - Одесса, 1998.- С.82-83.
8. Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // Отчет императорской археологической комиссии за 1913-1915 гг. - Пг., 1918.
9. Дьяков И.М., Янковская Н.Б. Поминальная чаша // Памяти Ю.А.Андреева. – СПб.: Алетейя, 2000. – С.91-98.
10. Папанова В.А. Особливості поминально-поховального обряду некрополя Ольвії // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Запоріжжя, 2002. – Вип. XV. – С.267-272.
11. Manucu-Adamesteanu M. Orgame / Arganum. – Tulchea, 2001.
12. Папанова В.А., Ляшко С.Н. Отчет: охранные раскопки на некрополе Ольвии в 2002 году // НА ИА НАНУ. – 2002. – 30с.
13. Папанова В.А., Ляшко С.Н. Отчет: охранные раскопки на некрополе Ольвии // НА ИА НАНУ. – 2000. – 30с.
14. Фармаковский Б.В. Склеп Евресивия и Ареты // ИАК. – 1902б. – Вып. 2. – С. 1-20.
15. Козуб Ю.И., Папанова В.А. Отчет о раскопках предградья и некрополя Ольвии в 1983 г. // НА ИА НАНУ. - 1983/31б. – 50с.
16. Куланж Фюстель де. Гражданская община древнего мира. – СПб., 1906. – 450 с.
17. Папанова В.А. Поминальный обряд ольвиополитов // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. – С.157-162.
18. Козуб Ю.И. Культовый комплекс западной окрестности Ольвии // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – СПб., 2001. – Ч. II. – С.29-35.
19. Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии // ОАК 1908. – СПб., 1912. – С. 1-84.
20. Семенов-Зусер С.А. Описание гробниц. Ольвийский некрополь (раскопки в 1920 г.) // НА ИА НАНУ. – Ф. 2. – № 120.
21. Парович-Пешикан М.Б. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1976. – 220 с.
22. Тревер К.И. Мраморные скульптуры из Ольвии // ИАК. – Пг., 1914. – Вып. 54. – С. 47-64.
23. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора в II в. до н.э. // ВДИ. – 1987. – № 1. – С. 55-87.
24. Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1962-1964 г.г. // КСИА. – 1967. – Вып. 109. – С. 101-108.
25. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. - Л., 1975. - 164 с.
26. Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземельских обществ. – Л., 1986. – 182 с.

27. Бессонова С.С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. - К. 1990. - С. 17-40.
28. Страшкевич К.Ф. Краткий очерк греческих древностей. - К., 1874. - 532 с.
29. Велишский Ф.Ф. Быт греков и римлян. - Прага., 1878. - 670 с.
30. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. - СПб., 1899. - Ч. II. - 328 с.
31. Панайотова К. Поминовение усопших в некрополе Аполлонии Понтийской в м.Калфата // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. - СПб., 2002. - Ч. II. - С.3-8.
32. Garland R. The Greek way of Death. - London, 1985. - 260p.
33. Миронов А.М. Картины загробной жизни в греческой живописи на вазах. - М., 1895. - 234 с.
34. Вегнер В. Эллада. Очерки и картины Древней Греции. - СПб., 1900. - 1020 с.
35. Толстиков В.П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. - 1987. - №1. - С. 88-114.

Парусимов И.Н.

К ДАТИРОВКЕ КУРГАНА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА НОВОПАЛЕСТИНСКИЙ II

В 2000 г. экспедиция Археологического научно-исследовательского бюро вела раскопки курганов могильника Новопалестинский II [1]¹. Курганный могильник состоял из 6 насыпей, располагался на естественной возвышенности южного берега обводненной балки Грязнуха, в 2 км к юго-востоку от х. Новопалестинский в Песчанокоспском р-не Ростовской обл.

Интересующий нас курган 5 (рис. 1, 1) находился в юго-восточной части могильника, к началу работ распахивался. Высота кургана – 0,1 м, диаметр – 12 м. Насыпь окружал кольцевой ровик размером – 10,5х12 м, шириной - 0,5-1,4 м и глубиной дна – 103-125 м. На дне ровика были найдены: неполный скелет МРС (Ситуация 1), скелет МРС на левом боку, головой на восток, а также фрагмент лопатки крупного животного и первая фаланга лошади (Ситуация 2), конечность МРС (Ситуация 3), 2 зуба МРС (Ситуация 4), 2 лошадиных черепа мордами на северо-восток (Ситуация 5-6); половинка овального блюда, изготовленного из серого песчаника (рис. 1, 3). Округлый бортик шириной – 1,3-2,1 см и высотой – 0,8-1,2 см. Дно изнутри с углублением, образовавшимся от использования. Ширина блюда – 13,4 см, сохранившаяся длина – 12 см (Ситуация 7); керамическое биконической пряслице с орнаментом из вертикальных вдавлений (рис. 1, 4). Поверхность коричневая. В тесте примеси мелкого песка и слюды. Сохранившаяся высота – 3,3 см, диаметр тулова – 3,7 см, отверстия – 0,5 см (Ситуация 8); вдоль ССВ стенки рва в ряд лежали 5 окатанных галек – 36-49х47-57х59-78 см (Ситуация 9).

Погребение было совершено в простой яме, имеющей размеры – 120х264 см, ориентированной по оси запад-восток, дно на глубине – 156 см (рис. 1, 2). Захоронение было ограблено в древности. В юго-восточном углу могилы был обнаружен участок черного тлена размером - 0,1х0,14 м. По положению найденных в центре ямы *in situ* ребер человека, можно говорить о восточной ориентировке погребенного, который имел возраст старше 30 лет. Никакого инвентаря в могиле не найдено.

Рассмотренный памятник относится, несомненно, к скифскому времени. Полное отсутствие в могиле инвентаря уменьшает его информативную значимость. Однако памятник не остался незамеченным и был использован в недавно защищенной диссертации по материалам Нижнего Подонья и Прикубанья [2]. Отсутствие стрел «в погребениях с блюдами» является «трудно объяснимым фактом». находка разбитого блюда во рву

¹ Благодарю автора раскопок Яценко В.В. за возможность публикации материала.

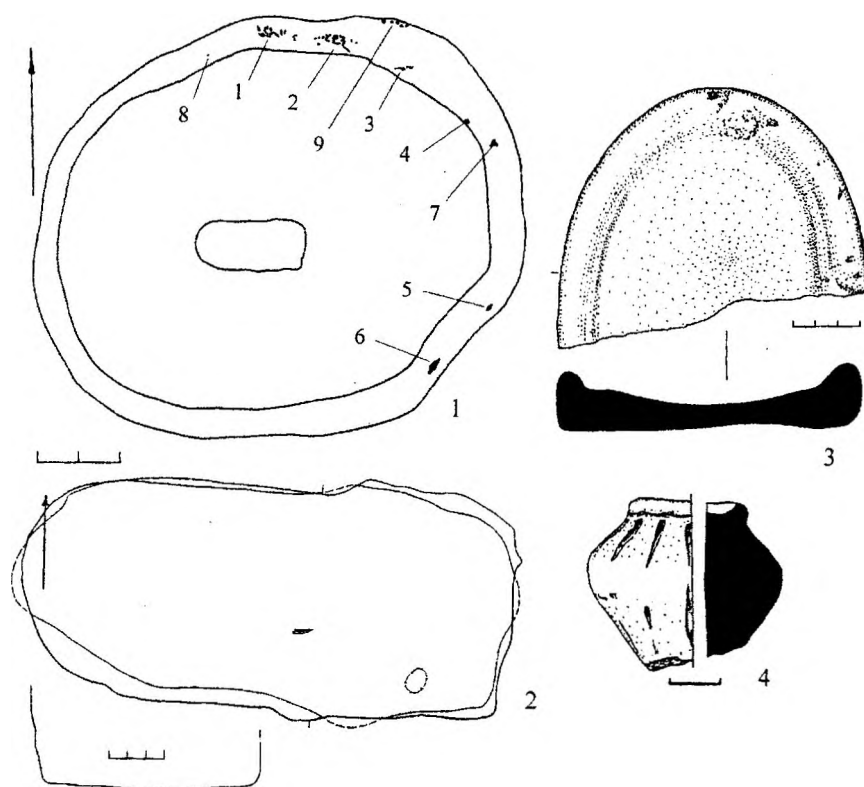

Рис.1. План и материалы кургана

относится к первому варианту ритуального использования. Далее по цитате исследователя «Анализ погребального обряда и инвентарных наборов степных комплексов показывает, что блюда встречаются в самых древних погребениях междуречья Дона и Кубани». Захоронение отнесено к 1 хронологическому этапу – 670-660\640 гг. до н. э. [2.-С.17,24]. Мне, принявшему участие в раскопках этого памятника, видится, что датировка кургана Рябковой Т.В. несколько удревнена.

На рассматриваемой территории в раннескифское время основные погребения очень редки. Как правило, насыпи совершены над большими квадратной или прямоугольной формы могилами (Константиновск-на-Дону; Красногоровка III 14/5) [3.-С.31; 4.-С.170-177]. Ровик прослежен у погребения у г. Константиновска-на-Дону, где у СЗ перемишки, среди скопления костей животных, найдены два лошадиных черепа. В IV в. до н.э. ровики наиболее распространены, в том числе и кольцевые замкнутые (Красногоровка I к. 11, Сагванский I к. 2; Балабинский I к. 3 и др.).

В перечисленных ровиках найдены многочисленные скопления костных остатков, в том числе и лошадиные черепа, а также каменные плитки. Каменные плитки могли использоваться в качестве простых алтарей-жертвенников. В степной Скифии IV в. до н.э. замкнутые ровики составляют более 30%, остатки трапез образуют до 12 скоплений с количеством конских черепов до 11 [5.-С.129 сл.]. В Северо-Западном Приазовье в кургане 4 у с. Новое в ровике были найдены фрагменты каменного блюда «овальной ладьевидной формы, с широким бортиком по краю и плоским дном». Остается сожалеть, что в публикации нет его иллюстрации. Блюдо обнаружено вместе с фрагментами хиосских амфор с колпачковыми ножками IV в. до н. э. Фиалко Е.Е. полагает, что подобные блюда бытовали и в IV в. до н. э. [6. – С.185 сл.].

Использование округлых камней или галек в количестве 1-3, реже 5 в погребальном ритуале связывается с религиозно-мифологическими представлениями [5.-С.114]. Эта категория находок изредка известна во всех погребениях, от эпохи бронзы до позднего средневековья. В погребениях эпохи бронзы они именуются исследователями как терочки, а в железном веке – пращевыми камнями. При жизни погребенного они могли выполнять и те, и другие функции.

Погребение 1 кургана 5 могильника Новопалестинский II ограблено «под сито», что не является редкостью для данного региона. Единственный датирующий предмет комплекса – каменное блюдо, имеет широкий хронологический диапазон. Подобные памятники следует осторожно привлекать в исследованиях, особенно, когда для рассматриваемых тем они единичны. На основании вышерассмотренных материалов не исключена датировка памятника в пределах IV в. до н. э.

1. Яценко В.В., 2000. Отчет о раскопках курганного могильника Новопалестинский II в Песчанокоспском районе Ростовской области в 1999 г. // Архив АНИБ. 2000.

2. Рябкова Т.В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья // Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук, СПб, 2003.

3. Парусимов И.Н. Раннескифский комплекс у г.Азова // ТД конф. посвящ. 100-летию со дня рожд. Т.М.Минаевой, Ставрополь, 1997, с.30-32.

4. Кияшко В.Я., Коренько В.А. 1976. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1. с.170-177.

5. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.) // М., Наука, 1991.

6. Фиалко Е.Е. Скифские курганы у с. Новое // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. Киев, Наукова-Думка, 1987.

Переводчикова Е.В.

КУРГАН КОЗЕЛ ГЛАЗАМИ КОЧЕВНИКОВ РАЗНЫХ ЭПОХ¹

Скифский царский курган Козел IV н.э. был раскопан И.Е.Забелиным в 1865 г. В Донесении о раскопках кургана читаем такие строки: «Почти в центре вершины, на глубине 1 арш. с поверхности найден человеческий остов в полусидячем положении лицом к востоку. Подле его черепа, слева, лежал череп коня с небольшими железными удилами в челюсти. На груди остова найден простой кремь. Кости совершенно истлели и превращались от прикосновения в прах». (ГИМ, Отдел Археологических памятников, оп. 288). В Отделе Археологических памятников ГИМ хранится фрагмент упомянутых удил – это часть стержня с кольцом.

В цитированном фрагменте Донесения для датировки и определения культурной принадлежности погребения представляется информативным следующее: 1) погребение на вершине кургана; 2) наличие черепа коня; 3) ориентировка – лицом на восток; 4) форма удил. 5) полусидящее положение погребенного

Тот факт, что погребение совершено на вершине кургана, не оставляет сомнений в его позднем характере.

Погребение коня или его частей свойственно по понятным причинам в той или иной мере многим кочевым народам древности и средневековья. В частности, варианты захоронения различных частей коня широко представлены в погребениях средневековых кочевников [напр.: 1; 2]. Однако для более точной культурной атрибуции одного этого признака недостаточно [2.– С.155].

Ориентировка лицом на восток отличает погребения средневековых тюрок, у которых восток был наиболее важной, исходной в ориентировке стороной света, в отличие от монголов, в культуре которых такой определяющей стороной считался юг [1.–С.159].

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00399а).

В.В.Бартольд формулирует это так: «Кульм юга, в противоположность культу востока, резко отличается монголов от турецких народов домонгольского периода» [3.—С. 72]. Таким образом, можно сузить круг поисков до культур тюркоязычных кочевников средневековья.

Дальнейшему уточнению ситуации могла бы способствовать форма удил — признак, в принципе диагностичный для датировки средневековых древностей. Однако сохранившийся фрагмент удил, к сожалению, представляет собой малоинформативную их часть — похожие части удил можно найти в средневековых памятниках от VIII до XIV вв. [напр. 1.—С.19-20; 4.—С.74, рис. 12,4; 75, рис. 13,1; 2.—С.157-18, рис. 3-4; 168-169, рис. 8-9; 178-179, рис. 14-15; 5.—С.12, рис. 4, 16-17]

И, наконец, наиболее интересный, редкий и, следовательно, ценный для нас признак — полусидячее положение погребенного. К сожалению, этот признак оказался слишком редким. В просмотренных сводах материалов по культурам кочевников Юга Восточной Европы [2; 1] и Южной Сибири и Алтая [6; 4; 7] не встречено случаев подобного положения погребенного. Пока удалось найти единственный пример такого положения — в могильнике Мамай-Сурка XIII-XIV вв. среди более 300 раскопанных погребений есть одно, где захоронен мужчина 45-50 лет в полусидячем положении лицом на северо-восток [8.—С.28, рис. 8,7]. Интересно, что этот могильник расположен у Мамай-Горы у переправы через Днепр неподалеку от Каменки-Днепровской, т.е. практически в одном пространстве с курганом Козел. Сообщения о захоронении знатных татар в сидячем положении есть у Плано Карпини [1.—С.156], а сведения о подобном обряде у гузов — у Ибн-Фадлана [6.—С.90]. В обоих источниках речь идет об очень богатых погребениях знатных людей — наше же погребение богатством не отличается. Однако особый, редкий характер не всегда связан с богатством — во всяком случае, можно сказать, что погребение на вершине кургана в полусидячем положении говорит об особом статусе захороненного здесь средневекового кочевника-тюрка.

Захоронение на вершине древнего кургана — феномен известный в археологии степей Евразии для кочевников практически всех времен и народов. Это был распространенный прием сакрализации пространства, способствовавший его психологическому освоению, поскольку курган всегда является пространственной доминантой того обозримого участка степи, на котором он возведен. Освоение пространства через древние курганы осуществлялось разными способами: можно было совершить захоронение в насыпи, а можно было поставить стелу или изваяние на ее вершине

Рассказывая о половецкой каменной бабе на вершине Чертомлыка, И.Е.Забелин сообщает о различных обрядах у местных крестьян, связанных с почитанием этой бабы, которая для них являлась предметом поклонения. Когда рабочие по указанию И.Е.Забелина сбросили ее с кургана, это вызвало резкое осуждение местных жителей (ДГС, II: С.77-78). С курганом Козел, по данным того же И.Е.Забелина, у местных крестьян были связаны разные легенды. «На Светлый праздник приезжали было крестьяне копать в ночь, так огненное колесо выбежало из могилы, и так испугались, что боятся и подумать снова копать» [9.—С. 265]. «В то время, как поселились здесь черниговцы, то из могилы выходил верблюд и пугал народ. Лошади боялись даже и подходить к могиле. Говорят, что давно здесь, на могиле жили разбойники и чумака разбивали. Чумака ходил здесь за солью, следовательно, здесь соляной путь лежал.. Встремит у могилы пику в гору, т.е. вверх, расстелит подле нее что-либо, вот чумака и должен класть сюда соли, хлеба, денег, а не положит, выскочит разбойник и застрелит из пистолета вола, на одном воле ехать нельзя, вот чумака и пропал» [9.—С.269].

Таким образом, крестьяне, не только не являясь кочевниками, но и генетически с ними никак не связанные, тоже почитали курганы. Видимо, воздействие древнего кургана на всякого, кто его видит, относится к области архетипического, т. е. лежит в области подсознания и может быть не связано с какой-либо культурной традицией. И.Е.Забелин пишет: «Среди степи высится Исакий. Он внушает какое-то благоговение, как всякая

масса, ибо перед массой человек преклоняется. Она вызывает слезы умиления.....Это дело рук и потому в нем, в кургане есть уже что-то думающее, мыслящее» [9.–С.55].

В этом контексте весьма удивительно название кургана Козел, бытовавшее в среде крестьян, переселенных в степь из Черниговской губернии [9.–С.265-266]. Оно странно сочетается с тем отношением к кургану, которое описано у И.Е.Забелина, не говоря уже о том, что оно выбивается из ряда названий скифских курганов Нижнего Приднепровья (это либо местные тюркские названия, либо сочетания со словом «могила» – Толстая, Острая, Долгая и т.п.).

Интересно, что ближайший к Козлу большой царский курган называется Огуз – что в переводе с тюркских языков означает «бык». Бык и козел – известные тотемные животные в тюркской культурной традиции. Козел – по-тюркски «теке» – тотем могущественных родов и племен у разных тюркских народов. «Не вызывает сомнения и тотемическая основа названия племени теке у туркмен и турок и рода теке у казахов» [10.–С.48]. Как тотемное животное, козел играл роль в различных шаманских ритуалах» [10.–С.48-49].

В свете всего сказанного следует вспомнить известный тезис о том, что курган по архитектурному замыслу представляет собой модель мировой горы – вертикальной оси мира. В нашем контексте это интересно, прежде всего потому, что у тюркских народов существовал культ родовой горы – это явление зафиксировано этнографически [11.–С.149-157] и, вероятнее всего, существовало и в древности. Родовые горы играли большую роль в шаманских ритуалах, придавая тем самым тотемный характер шаманским обрядам [12.–С.159-182]. Иными словами, в концепции родовой горы космологические представления совмещаются с тотемными.

Для рассматриваемого вопроса имеет значение также и то, что родовые горы имели способность перемещаться вслед за их почитателями. Переселяясь на новое место, общность (род, племя), поклонявшаяся определенной горе, выбирала в качестве таковой ту или иную гору на новой территории [13.–С.32]. В представлениях тюркских народов об устройстве мироздания, помимо универсальной модели мира, статично организованного по вертикали и горизонтали, «существует иная горизонтальная картина мира, излагающая ситуационное (маршрутное) описание ландшафта с его орогеографией, без указания границ ойкумены» [14.–С.122].

Возвращаясь к теме освоения пространства, напомним еще об одном его приеме – назывании. Давая чему-либо новому имя, человек делает это новое в какой-то мере своим. Это касается и значимых точек пространства, в котором человек живет. Принимая тезис о том, что «в конечном счете миром считается то и только то, что освоено-усвоено себе языком» [15.–С.146], следует причислить называние к магическим приемам освоения пространства.

Суммируя изложенное, можно сказать, что для кочевника, переселившегося на новую территорию, для освоения этой территории необходимо было назвать ее важные точки именами, которыми им положено называться в той традиции, которая сформировалась на прежней территории.

Применительно к ситуации кургана Козел в средние века, этот тезис можно конкретизировать следующим образом. Некие пришедшие в эти края кочевники-тюрки назвали доминирующий в плоской степи высокий курган своим родовым именем и устроили захоронение на его вершине, тем самым сделав шаг к освоению новой для них земли.

Более явные следы подобного действия несет название кургана Огуз. Оно, несомненно, тюркское, это название одного из хорошо известных тотемов, его носили могущественные роды и племена в разные периоды истории тюркских народов. Однако в таком чистом варианте название этого кургана стало известно не сразу. Когда И.Е.Забелин приехал в эти края, никто не знал названий находившихся там курганов. Исследователь узнал от местных крестьян, «что могила зовется Козел, что и большая зовется как-то

....Большая могила зовется Огуска.» [9.–С. 265]. Далее на страницах записных книжек читаем названия: Агузка, Агуза [9.–С.268], Агустка [ОПИ ГИМ, ф. 440, дело 7, л.472 об.] – так называли курган русскоязычные крестьяне. Сам И.Е.Забелин выбрал вариант «Агуз» [9.–С.277], а название «Огуз» появилось уже в отчетах Н.И.Веселовского о раскопах кургана.

Жизнь топонима в иноязычной среде может протекать разными путями. Бывает, что он сохраняется в исходном варианте, однако чаще случается так, что его изменяют носители чужого языка. Такие изменения бывают двоякого рода: непонятный топоним либо переводят, либо искажают, не понимая его смысла. Оба пути таких изменений проиллюстрировали нам названия курганов Козел (переведенное) и Огуз (искаженное).

Итак, два больших кургана в плоской степной местности названы в средние века именами двух сильных тюркских тотемов, что свидетельствует о расселении в этой местности родов (или племен) огуз и теке. При этом курганы находятся не столь далеко друг от друга, чтобы маркировать территории одновременно кочевавших в этих краях объединений. Рассматриваемая территория в раннее золотоордынское время, когда сохранялись традиционные границы земель кочевников, входила в одну административную единицу [16.–С.164-165]. Соседство двух больших курганов, названных тотемными именами, в одном пространстве заставляет полагать, что они были названы в разное время.

Далее следуют соображения исключительно гипотетические.

Название Огуз вызывает прямые ассоциации с племенами кочевников-гузов, появившихся в степи Северного Причерноморья в первой половине XI в. [2.–Плетнева, 1958: С.163]. Если название кургана принадлежит им, то наш курган, несколько меньшей высоты, могли назвать кочевники следующей волны – кипчакско-половецкой, пришедшие на эту территорию в середине XI в. [2.–С.225], либо тюркоязычные кочевники, пришедшие сюда с монгольским завоеванием [1.–С.158]. Подтверждению и уточнению высказанной гипотезы может послужить выяснение территорий кочевания родов теке в средние века.

1. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966
2. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. // МИА, 62, 1958
3. Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. //ЗВОРАО, 1918, т. XXV.
4. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. Л., 1963
5. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси X-XIII вв.//САИ, Е1-36. Л., 1973
6. Зяблин Л.П. О «татарских» курганах.//СА, XXII, 1955
7. Степи Евразии, 1981 – Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
8. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.) I. Запорожье, 2001
9. Забелин И.Е. Дневники и записные книжки. М., 2001
10. Турсунов Е.Д.. Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата. 1973
11. Токарев, 1947 - Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев // Труды ИЭ, новая серия, т. 1. М. – Л., 1947.
12. Потапов Л.П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. //Труды ИЭ, новая серия, т. 1. М.-Л., 1947.
13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988
14. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. М., 1981

15. Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986
16. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М., 1985

Плешивенко А.Г.

ЗАЩИТА “ОТЕЧЕСКИХ” МОГИЛ.

Потомки скифов, живущие и до
ныне в степях Причерноморья,
видя, что творится с их могилами,
решили сжечь себя на кострах, затем
возродиться вновь и уйти из этих
мест на восток, в сторону Индии...

Сон автора.

Отношение скифов к могилам предков обозначено царем Иданфирсом в ответе персидскому завоевателю Дарию (Геродот, IV, 127). Из этого пассажа вытекает, что разрушение могил-курганов недопустимо, оно рассматривалось как посягательство на мироздание, моделью которого выступал курган. Между тем охранять их нужно было не только от внешних врагов, но и от своих же соплеменников [1.-С.71; 2.-С.18 сл.; 3.-С.11 сл.]. Меры защиты были определены ритуально-практическими действиями погребального обряда, совершаемого в соответствии с религиозно-идеологическими нормами.

Семантическое значение погребального ритуала полифункционально, акцент определялся доминирующей ролью тех или иных элементов. Так, каменные изваяния, установленные на вершине кургана или в могиле (к. у с.Гладкое) в зависимости от идеи отождествлялись с божеством, героизированным портретом умершего, стражем или соединяли все образы. Защитная функция, вероятно, отводилась всем сопровождающим погребениям. Из «коренных скифов» выбирали «самых усердных», «готовых служить царю» (Геродот IV, 72) и охранять. К этой категории следует отнести и захоронения собак у входа в погребальную камеру (к. Чертомлык) или в ровике у ворот (к. 13, с. Новое Запорожье). В погребальном инвентаре можно выделить предметы, наделенные магическими свойствами оберегов от врагов. Например, наконечники стрел в составе шейного ожерелья (п.2, к.1, гр. Лисьей Могины) или сложенные в матерчатый мешочек (п.2, к.2, с. Троицкое)

Мифологическому содержанию погребального комплекса (конусообразная насыпь, круговая организация подкурганного пространства для защиты могилы) соответствовали регламентированные действия создателей курганов, направленные на сохранение памятника от оплывов, выветривания, подтопления и ограбления. Эти задачи осуществлялась путем усложнения архитектуры и планиграфии надмогильных и погребальных сооружений. Насыпь укреплялась мощными крепидами, каменными панцирями, глиняными обмазками, илистыми «каркасами». Чтобы замаскировать место впуска в могилу, выкид разбрасывали по поверхности, смешивали его с черноземом, сбрасывали назад в яму; иногда входную яму прикрывали мощной многослойной вымосткой из плит известняка (к.18, с. Львово). В редких случаях вход впускного погребения устраивали под крепидой, предварительно разобрав ее, а затем восстановив в прежнем виде (к. Гайманова Могила). Само погребение пытались сделать труднодоступным: забутовывали входной колодец, устанавливали всевозможные заслоны, в том числе и замуровывали вход в камеру материковой глиной. Немаловажное значение в защите погребений играла глубина, на которой располагалась камера.

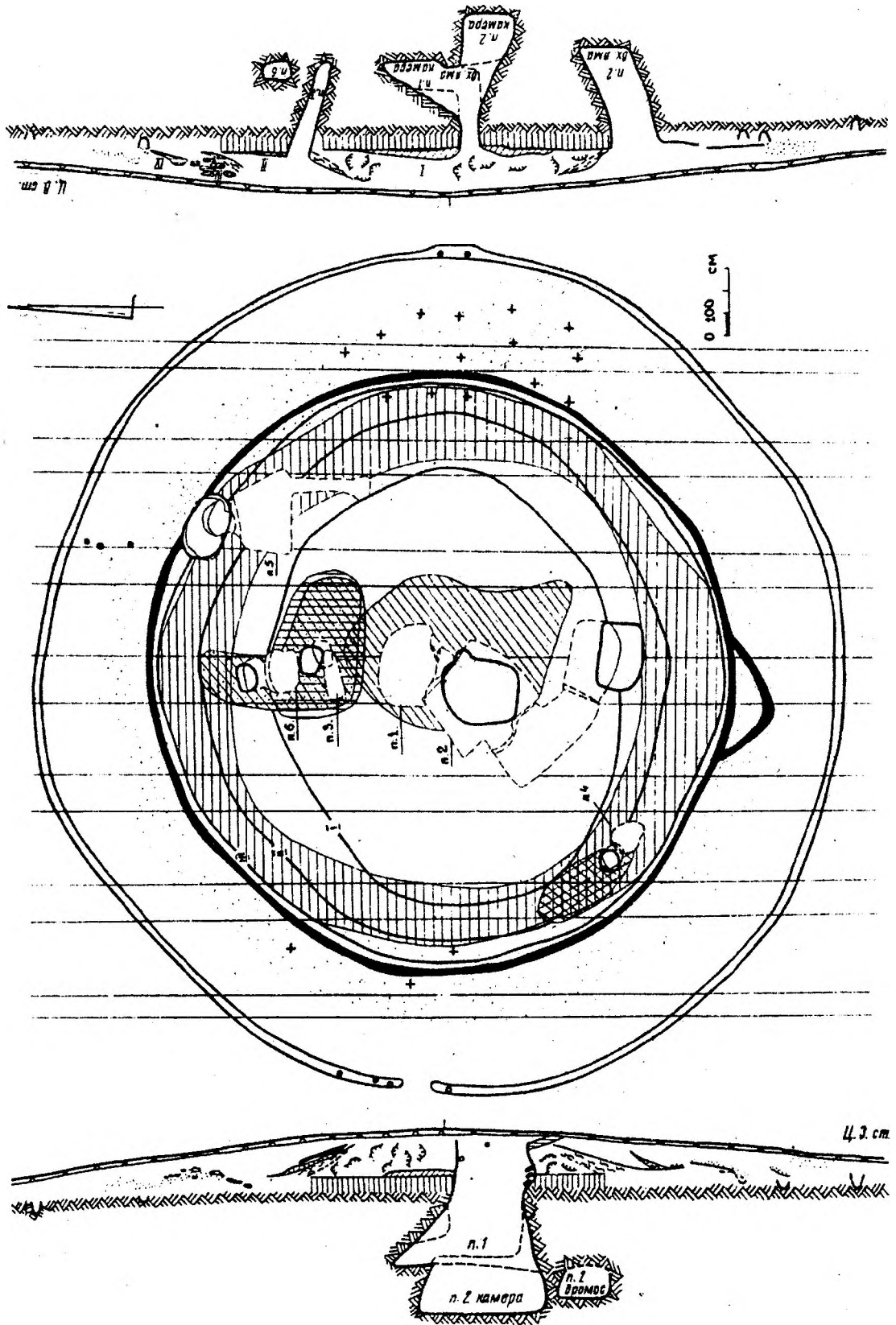

Рис.1

К удачному способу сохранения могилы можно отнести вариант, когда камеру впускного погребения «подводили» под основное захоронение. Такая ситуация наблюдалась в двух курганах, расположенных вблизи устья речки Белозерка в Каменско-Днепровском районе Запорожской области. Курган 1 с интересующим нас п. 9, находился на правобережном плато, в 5-7 км к юго-востоку от г. Каменка-Днепровская [4.-С.38, сл]. Курган 4 располагался на другом берегу в 8 км к юго-западу от районного центра [5.-С.53, сл]. Для наглядности предлагаем общий план, профили центральной бровки (рис.1) и краткое описание конструкции впускного п.2, к.4. Входная яма находилась в 7 м к югу от центра кургана. Склон в этом месте был прорезан до уровня ДГ. Дно входной ямы понижалось с 4 м до 4,85 м и обрывалось вертикальной полуметровой ступенькой в дромос. Наклонный дромос (5,35-5,6 м) длиной 4,6 м соединялся с погребальной камерой ступенькой высотой 0,35 м. Планиграфически камера располагалась под входной ямой основного п.1 с разницей в глубинах дна 2,4 м. Сохранность стен п.2 позволяет вычислить высоту коробовидного свода камеры – 1,8-2 м. Таким образом, пласт материковой глины, разделявший основное п.1 от впускного п.2 составлял 0,4-0,6 м. Центральное погребение ограблено, зато сохранился роскошный инвентарь «спрятанного» п.2: меч, 9 копий, 9 колчанов, в которых находилось 565 стрел, панцирь и портупейный пояс с железными пластинами, бронзовые поножи и котел, фасосская амфора, чернолаковый канфар, серебряный килик, золотая гривна и другие предметы.

Курган этот входил в состав большого могильника: 27 насыпей, из которых только 8 исследованы в 1987 г. Через 16 лет, в 2003 г., едва заметными пятнами выделялось несколько курганов, две насыпи сохранились благодаря посадке. Правда, в одном кургане грунтовой дорогой так подрезан склон, что обнажился мощный выкид...

Что не удалось Дарию, что не похитили нерадивые соплеменники, не растащили крестьяне-кладоискатели, то благополучно довершает неразумная динамичная деятельность нынешних хозяйственников, хищническая активность «новых золотоискателей» и вялотекущая политика государства в отношении сохранения культурного наследия.

Интересно, как повели бы себя скифы, предвидя, что грозит их могилам в наше время? А может они и впрямь ушли в сторону Индии?

1. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971, 168 с, ил.
2. Хазанов А.М., Черненко Є.В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів. // Археологія. – №30. - 1979. – С.18-26.
3. Полін С.В. Про пограбування скіфських курганів у районі Чертомлика // Археологія, № 2, 2003. – С. 10-25.
4. Отрощенко В.В., Рассамкин Ю.Я., Ляшко С.Н., Пустовалов С.Ж., Черных Л.Л. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1986 г.// Архив ИА НАН Украины, 1986/11, ф.с. 24805 - С. 38-60.
5. Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. К., Наук. думка, 1991. – С 53-72.

Полидович Ю. Б.

РАННЕСКИФСКИЕ ЗООМОРФНО ОФОРМЛЕННЫЕ ПСАЛИИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ФИГУРЫ ЖИВОТНОГО

Одной из самых ярких категорий предметов скифского времени являются зооморфно оформленные детали конской узды – псалии. Они появились еще в предскифское время и затем бытовали на протяжении всего скифского периода практически на всей территории скифского мира [Полидович, 2003].

В раннескифское время такие псалии изготавливали, прежде всего, из рога или кости. Для этого использовались куски рога оленя или плоские отрезки толстых трубчатых костей крупных животных [Ильинская, 1961; 1968]. В средней, более широкой части псалия, имевшего длину 14-22 см, находились отверстия; его верхний конец был, как правило, оформлен в виде звериной головки, а нижний – в виде копыта (по мнению разных исследователей, конского или бараньего). Исключением является только трехдырчатый псалий из кургана у с.Журовка в Приднепровской Правобережной Лесостепи, у которого оба конца оформлены в виде головки животного (хищника) [Ильинская, 1975]. В отдельных ситуациях костяные псалии дополнительно декорировались резным геометрическим орнаментом.

Фигурные головки животных, которые размещались на верхних концах псалиев, воспроизводят несколько основных образов: коня, хищного животного (рис.1), барана, грифо-барана (рис.2) и птицы (рис.3), а также, возможно, лося и быка (хотя интерпретация этих образов достаточно спорна).

Распространение костяных псалиев с зооморфным оформлением было довольно широким. Наиболее многочисленные находки связаны с Приднепровской Лесостепью. Так, из курганов Посулья (Левобережье) происходит не менее 120 пар [3 Ильинская, 1968], из курганов в бассейне р.Тясмин (Правобережная Лесостепь) – около 22 пар [4 Ильинская, 1975]. Кроме того, в Приднепровской лесостепи и Подолии псалии найдены на городищах: Бельском [Шрамко, 1976; Шрамко Б.А., 1987; Шрамко И.Б, 1995; Мурзин, Ролле и др., 1998; Мурзін, Ролле, Супруненко, 1999; и др.], Немировском [Смирнова, 1996], Трахтемировском [Ковпаненко, 1971] и Матронинском [Бессонова, Скорый, 2001], – а также на некоторых поселениях [Ляпушкин, 1961; Ганіна, 1965; Андриенко, 1999]. Из лесостепных наиболее северо-восточной находкой является фрагмент нижней части псалия с копытцем из слоя городища Марица в Среднем Подонье [Пузикова, 1978, рис.6,29]. Это как целые экземпляры, так и их фрагменты (пришедшие в негодность и выброшенные экземпляры), а также заготовки для изготовления псалиев. Из степной части Северного Причерноморья происходит только одна находка костяного псалия (хут.Грушевка), верхняя часть которого украшена резным изображением головы грифона, а нижняя оформлена в виде копыта [Ильинская, 1961].

Кроме того, зооморфно оформленные костяные псалии найдены в Карпато-Дунайском регионе [Мелюкова, 2001], в разных регионах Северного и Центрального Кавказа [Техов, 1980; Батчаев, 1985; Petrenko, 1994; Петренко, Маслов, Канторович, 2000], в Закавказье и Северо-Западном Иране [Пиотровский, 1954; Ильинская, Тереножкин, 1983; Есаян, Погребова, 1985; Медведская, 1992; и др.]. Несколько псалиев найдено также к востоку от основной территории их распространения: у с.Рысайкино в Южном Приуралье (Смирнов, 1964; Чежина, 1989), в мог-ке Чаухугоу I в Синьцзяне [Ковалев, 1996], кург.5 и 26 мог-ка Карбан-I в Горном Алтае [Демин, Гельмел, 1992; Кирюшин, Тишкин, 1997] и в кург.13 у с.Гришкин Лог в Красноярском крае [Завитухина, 1983].

Костяные зооморфно оформленные псалии продолжали бытовать на протяжении всего раннескифского периода вплоть до конца VI в. до н.э., о чем свидетельствуют находки в посульских курганах у хут.Шумейко и ур.Солодка [Ильинская, 1968].

Вариантом костяных псалиев можно считать составные псалии, имевшие деревянную основу и костяные наконечники [Пиотровский, 1959; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980; Бандрівський, 1996; Галанина, 1997; Петренко, Маслов, Канторович, 2000].

В раннескифский период бытовали и металлические (бронзовые и железные) псалии, иногда также имевшие зооморфное оформление. Среди них большинство оформлялось по тому же принципу, что и костяные, только распространены они были в меньшей степени. Наибольшую схожесть с костяными имеет железный псалий, найденный на Бельском городище [Мурзин, Ролле и др., 1998]. На некоторых

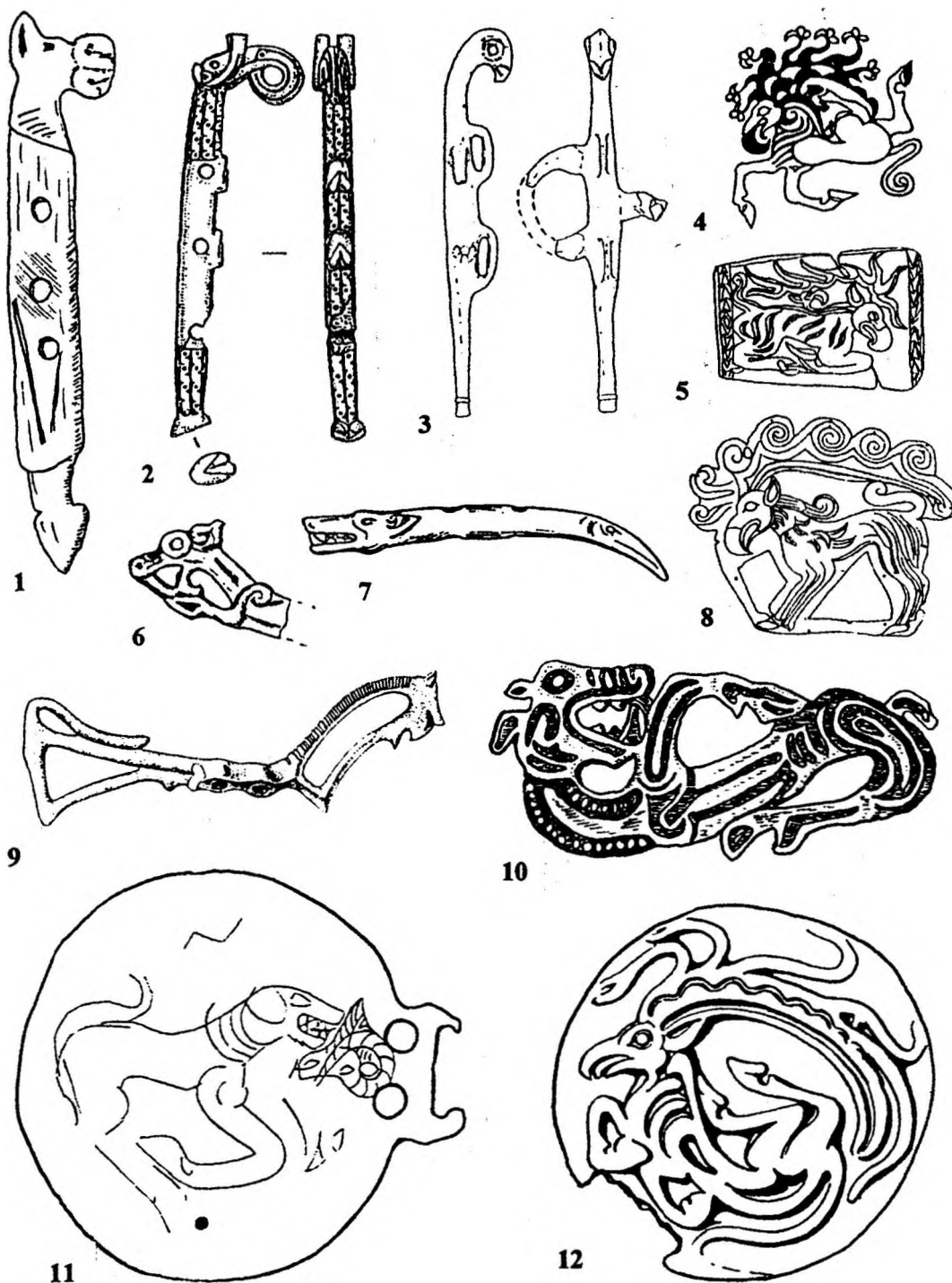

Рисунок: 1 – Аксютинцы, кург. 470; 2 – Новозаведенное, кург. 16; 3 – Алтынтепе, гробница; 4 – Пазырык, кург.1; 5, 8 – мог-к Сигоупань М2; 6 – ст.Елизаветинская; 7 – мог-к Кок-су, кург. 26; 9 – хут.Шунтук; 10 – сел.Ялхой-Мохк; 11 – мог-к Мажалык-Ховузу, кург. 2; 12 – мог-к Мажалык-Ховузу, кург.1.

металлических псалиях воспроизведена только головка животного в верхней части или же, напротив, – копытце в нижней части.

Таким образом, можно говорить о том, что в раннескифское время существовала устойчивая традиция зооморфного оформления псалиев, которая выражалась в воспроизведении головки некоего животного на верхнем конце изделия и копытца на нижнем. Оба мотива, как правило, воспринимаются во взаимосвязи друг с другом, поскольку воспроизводят разные части тела животного: его голову и конечности, – а центральная часть псалия оказывается равнозначной туловищу. Учитывая такие главные особенности раннескифского изобразительного искусства, как предельная лаконичность и обобщенность в воспроизведении образов, вполне определенно можно предположить, что псалий в целом был воплощением определенного животного – коня, барана и т.д. По определению М.Н.Погребовой и Д.С.Раевского, скифский костяной псалий выступает «как знак целой фигуры животного» [1992]).

Вероятность подобной интерпретации подтверждается одновременным существованием в скифской и, шире, иранской традиции псалиев, которые являются воплощением целостной фигуры животного. Такие псалии в виде фигурки лошади, оленя, хищника или иного животного бытовали в X-VIII вв. до н.э. на территории Западного Ирана и, прежде всего, Луристана [Дандамаев, Луконин, 1980; Погребова, 1984; др.]. Оригинальные бронзовые псалии в виде фигурки лошади найдены в Псекупском мог-ке предскифского времени в Прикубанье [Ловпаче, 1985]. В Евразийской степи псалии в виде фигурки животного появляются с V в. до н.э. Они найдены в Семибратних курганах [Артамонов, 1966; Масленицына, 1993], у х.Шунтук близ г.Майкопа ([Ильинская, Тереножкин, 1983], в Пазырыкских курганах [Руденко, 1953], во Внутренней Монголии [“Anymal Style” Art, 1970] и Ордосе [Членова, 1967].

Однако, как заметили М.Н.Погребова и Д.С.Раевский, если «сочетание копыта с головой барана выглядит вполне оправданным», то этого «нельзя сказать о тех случаях, когда эта последняя замещается головой хищника или птицы» [1992]. Исследователи предположили, что в таких случаях «вступают в силу иные принципы использования зооморфного изобразительного кода», а именно принципы бинарной оппозиции: «птица – копытное», «копытное – хищник». Но так ли это? В скифское время действительно бытовали псалии, в оформлении которых был реализован принцип бинарных оппозиций. Это псалии второй половины VI-IV вв. до н.э., на обоих концах которых воспроизводились головки животных. При этом животные довольно часто составляли противоположную пару: хищник и копытное [Петренко, 1967; Вальчак, 1998], хищный зверь и хищная птица или грифон [Руденко, 1953; Баркова, 1985; Кубарев, 1987; Чежина, 1991; Дворниченко, Очир-Горяева, 1997] (рис.7). Известны также псалии, у которых на одном конце воспроизведено копыто, на другом – хищная лапа [Ильинская, 1968; Евдокимов, Фридман, 1987; Алексеева, Булатович, 1990; Скорый, 1997]. Как видим, в данных случаях противопоставлены равнозначные части животных (головы или конечности). На раннескифских же псалиях всегда воспроизводились неравнозначные, различные части тела (голова и конечность), что в совокупности символизирует условную фигуру животного (рис.1-3). Поэтому, на наш взгляд, в псалиях, сочетающих голову хищника или птицы и копыта, также выражен принцип «целой фигуры», а не принцип оппозиции. Иное дело, что в этом случае мы имеем дело не с обычными животными, а с синкретическими.

Изобразительное искусство народов скифского мира знает немало количество самых различных синкретических существ. Такие существа могли иметь тело хищника и рога козла или оленя [Баркова, 1985], тело хищника и крылья птицы ([Баркова, 1985], туловище и рога оленя и голову хищной птицы [Ковалев, 1999а], голову хищной птицы и бараньи рога [Смирнов, 1964; Ильинская, 1965; Шкурко, 1976; Есаян, Погребова, 1985; Чежина, 1989; Погребова, Раевский, 1992; Андриенко, 1999], туловище хищника и голову и крылья хищной птицы [Погребова Н.Н., 1947; Шкурко, 1982] и т.д. Причем это именно

синкретические образы, а не животные, части которых изменены по принципу зооморфного замещения, характерному для скифского искусства. Уже в раннескифское время бытуют изображения рогатых птиц или грифо-баранов [Смирнов, 1964; Ильинская, 1965; Шкурко, 1976; Есаян, Погребова, 1985; Чежина, 1989] и появляются изображения грифонов, вероятно, заимствованные из переднеазиатского или античного искусства и известные по находкам в Келермесских курганах [Галанина, 1997] и кургане Перепятиха [Скорый, 1990]. «Парад» различных синкретических существ представлен на ножнах келермесского и мельгуновского мечей [Черненко, 1980; Галанина, 1997]. В более позднее время появляются и иные образы, распространившиеся по всему скифскому миру от Северного Причерноморья до Ордоса. Среди всех известных синкретических существ, изображавшихся в скифском искусстве, к образам, вероятно, воплощенным в раннескифских псалях, более всего имеют отношение хищники с копытами вместо лап и копытные животные с головой хищной птицы. Первые из них известны по находкам у ст.Елизаветинская в Прикубанье [Переводчикова, 1987] (рис.6), в мог-ке у сел.Ялхой-Мохк на Кавказе [Махортих, 1987] (рис.10), и мог-ке Мажалык-Ховузу-І в Туве [Грач, 1980] (рис.11). А из хут.Шунтук вблизи г.Майкопа в Прикубанье происходит ажурный псалий в виде синкретической фигуры, сочетающей черты коня и хищника (Ильинская, Тереножкин, 1983) (рис.9). Изображения второй группы образов известны по находкам в восточной части скифского мира: Пазырыкском кургане І [Руденко, 1953] (рис.4); мог-ке Мажалык-Ховузу-І в Туве [Грач, 1980] (рис.12); мог-ках Сигоупань (Внутренняя Монголия) (рис.5; 8), Налиньгаоту (Северный Китай) и др. [Ковалев, 1999а].

Таким образом, раннескифские псалии, имеющие зооморфное оформление, предстают как воплощение фигуры различных существ, реально существующих и синкретических. Такое оформление, вероятнее всего, имело магическую подоснову, и было обусловлено контекстом погребального обряда.

Попандопуло З.Х.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКИФСКИХ КУРГАНОВ НАДПОРОЖЬЯ

За последние четыре десятка лет в Надпорожье на левом и правом берегах Днепра в пределах Запорожской области был исследован ряд скифских курганных могильников, при сооружении которых широко использовался камень.

В результате многолетних исследований курганов около с. Ясиноватого и с. Днепровки Вольнянского района (левобережье) была выявлена подобная группа, для которой характерно использование камня в погребально-поминальной обрядности. Большинство курганов составляли локальные группы, вкрапленные в массив курганов эпохи бронзы двух Ясиноватских могильников. Из 37 исследованных в этих группах насыпей, 11 были сооружены в скифское время. И лишь один курган находился в группе Днепровка II.

Следует отметить, что все скифские насыпи были небольшими по размерам, их диаметры колебались от 11 до 24 м, а высота – от 0,9 до 2 м, исключая распаханые.

По своим конструктивным особенностям курганы можно разделить на 4 типа.

К первому – отнесены курганы с кольцеобразной крепидой, диаметр которой совпадает с диаметром самой насыпи, а ширина крепид составляет от 2-3 м до 3-4 м. Таких курганов четыре – к.2, 18, 24 группы Ясиноватое I и к. 3 группы Днепровка II. Крепиды сложены из рваных кусков известняка и гранита, уложенных в наброску в один-два ряда (рис. 1.1 – 2).

Второй тип представлен только одним курганом – к. 20 группы Ясиноватое II. Помимо кольцевой крепиды у подножия насыпи, он был окружен кольцевым рвом с небольшим разрывом в 0,5 м на СЗ (рис. 1.3).

К третьему типу мы относим курганы со сплошным каменным панцирем. Их пять — к.6, 21, 22, 23 и 27 группы Ясиноватое I (рис. 1.4). Последний из них, строго говоря, был сооружен в эпоху бронзы. Мы причисляем его к данному типу, поскольку скифы,

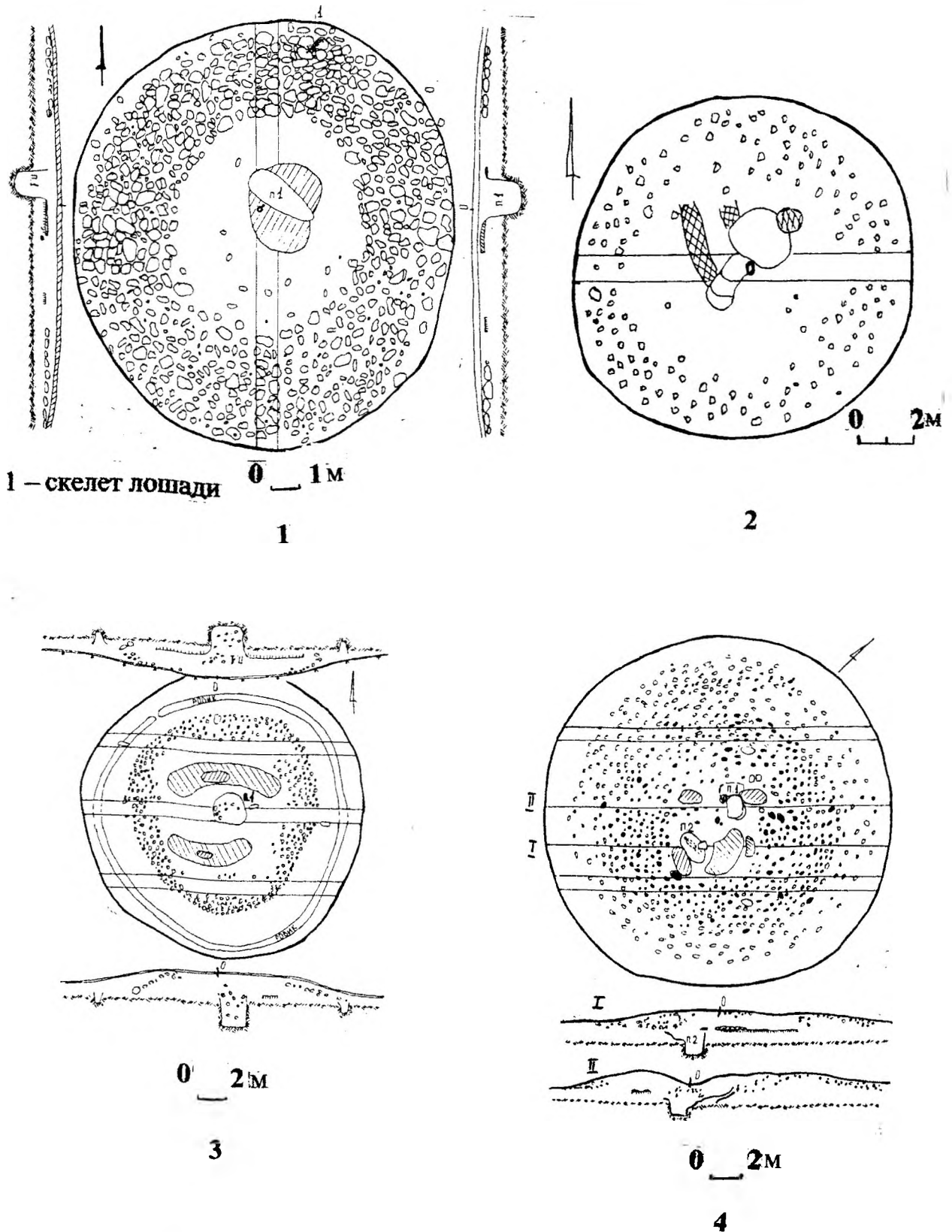

Рис.1. 1-2 — курганы 1-го типа; 3 — курган 2-го типа; 3 — курган 3-го типа.

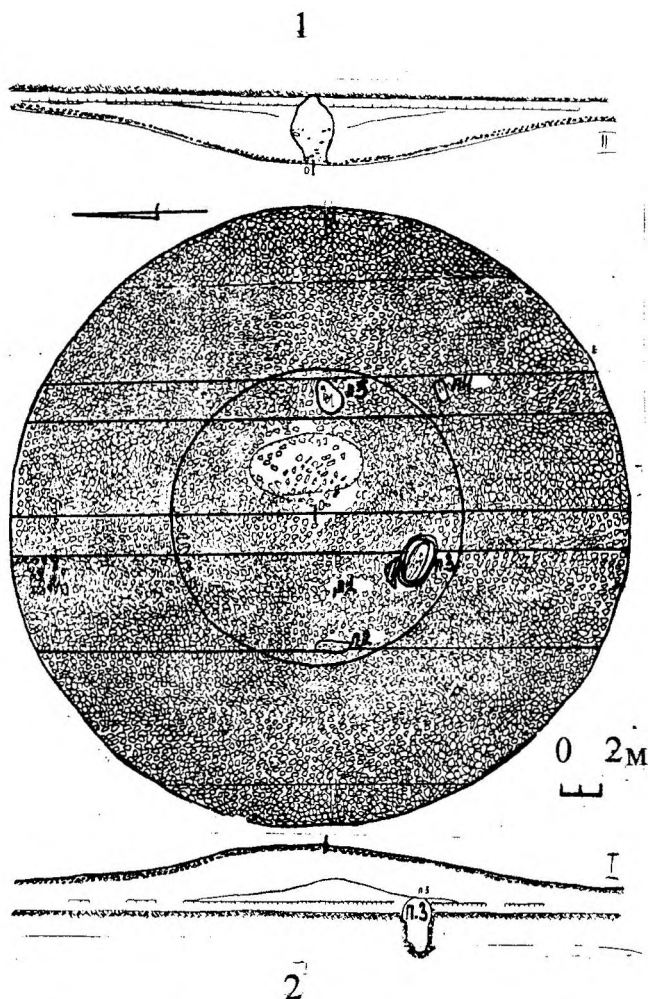
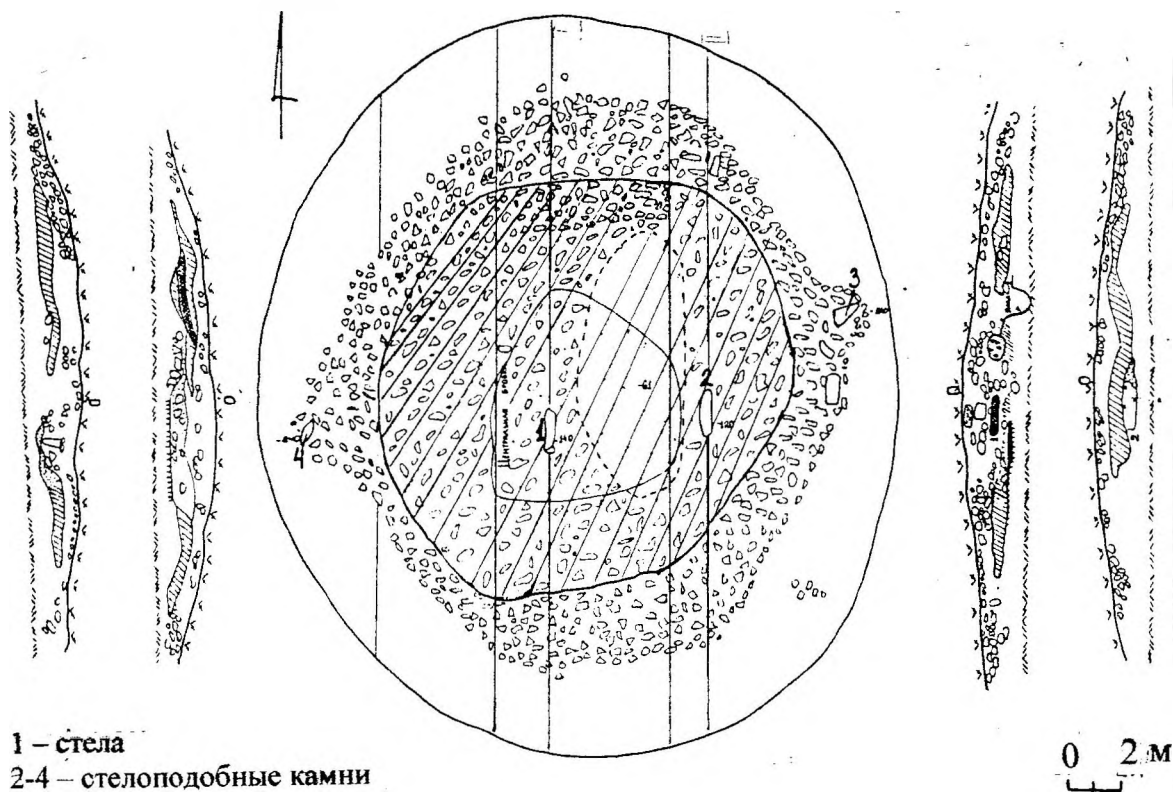

Рис. 2. 1- святилище; 2 – курган 3-го типа.

использовав древнюю насыпь для захоронения своего соплеменника, изменили его конструкцию, укрепив насыпь сплошным каменным панцирем (рис. 2.2). К этому же ряду можно отнести курган 8 группы Ясиноватое II, представляющий собой святилище (рис. 2.1.).

Последний тип, четвертый, представлен двумя земляными насыпями – к. 4,9 группы Ясиноватое II, однако камень и здесь играл значительную роль, так как использовался в качестве закладок и перекрытий над погребениями. Подобными надмогильными перекрытиями обладали и некоторые погребения в курганах с каменными конструкциями.

Погребальные сооружения в этих курганах представлены тремя катакомбами 1-го и 3-го типов и десятью могилами. Определенной закономерности в сочетании типов погребений и конструкций курганов не выявлено.

Сходное положение вещей наблюдалось и в Вильнянской группе курганов, расположенной южнее вышеупомянутой группы. Среди тридцати раскопанных курганов, семь оказались скифскими [1.–С.17 - 18]. Три кургана были обложены каменной крепидой, одно покрыто сплошным панцирем и три представляли собой земляные насыпи. Среди последних один курган имел прерывистый ров. Здесь также были встречены катакомбы двух типов и простые ямы.

Несколько иная ситуация прослеживалась в правобережных могильниках, в частности в курганной группе на окраине г. Запорожья [2.–С.74 - 87]. Основной массив курганов здесь составляли скифские насыпи, группировавшиеся вокруг одного большого кургана эпохи бронзы. Из 15 видимых и едва заметных на поле курганов были исследованы 7 насыпей. Три задернованных кургана имели кольцевые крепиды и рвы. Они содержали по одному погребению, совершенному в овальных ямах, перекрытых каменными плитами.

Четыре кургана имели земляные насыпи, окруженные кольцевыми рвами и содержали тоже по одному погребению, но в катакомбах 1-го типа.

Следует отметить еще одну правобережную курганную группу у с. Новое Запорожье, удаленную от р. Днестра на 15 – 17 км [3.–С.143 - 145]. Из исследованных 7 скифских насыпей ни одна не имела каменных конструкций, но все обладали кольцевыми рвами.

Итак, каменные конструкции довольно часто встречаются в скифских курганах Надпорожья. Это нельзя объяснить только природными условиями, как предполагал В.С. Ольховский [4.–С.162]. Поскольку в одном и том же могильнике встречены курганы и с каменными обкладками и с простыми земляными насыпями. Вероятно, следует рассматривать целый комплекс причин, таких как этнические, социальные и идеологические различия в составе населения степной Скифии.

1. Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье – Київ, Наукова думка, 1977. — 128 с.

2. Попандопуло З.Х. Новый скифский могильник на окраине г. Запорожья // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск, 1987 – С. 74 – 87.

3. Плешивенко А.Г. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // ДСПК. – Т. II — Запорожье, 1991, — С. 143 – 152.

4. Ольховский В.С. Погребально - поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII – III вв. до н.э.). — М. «Наука», 1991 – 256 с.

Рудич Т.О.

САРМАТИ ТА ЧЕРНЯХІВСЬКА КУЛЬТУРА (ЗА МАТЕРІАЛАМИ АНТРОПОЛОГІЇ)

Роль окремих етнічних елементів у формуванні черняхівської культури є спірною. Вирішення складних питань етнокультурного розвитку потребує комплексного підходу з

залученням різних дисциплін – археології, історії, лінгвістики, антропології. Антропологічний матеріал досить чітко фіксує міграції та дозволяє з'ясувати, чи поєднується запозичення з різних культур з біологічним співіснуванням різних етносів у рамках конкретних культур.

Використаємо можливості антропології для з'ясування питання присутності сарматів у складі населення черняхівської культури.

Сарматські племена на протязі майже 6 століть були серйозною етно-політичною силою в степовій та лісостеповій зоні України та Молдови. Окремі елементи в черняхівській культурі пов'язують з сарматською традицією. Сарматським вкладом в черняхівську культуру деякі дослідники вважають: інгумацію, північну орієнтацію померлих, поховання у ямах заплічками, в ямах з підбоями, в катакомбах, поховання з підігнутими або перехрещеними ногами, звичай сипати у могилу вугілля, класти шматки м'яса тварин, шматки крейди, червоної фарби, звичай штучної деформації черепів, присутність зброї, дзеркал та бус [1.–С.319,320]. Але більшість цих ознак присутня також на могильниках Західної та Північно-Західної Європи або на пізньоскіфських пам'ятках Північного Причорномор'я. У зв'язку з цим, логічно розраховувати на найбільшу концентрацію сарматського компонента саме в тих похованнях черняхівської культури де фіксуються елементи поховального обряду, котрі можуть бути пов'язані з сарматами.

В цілому, практично усі черняхівські серії України та Молдови характеризуються доліхокранією або мезокранією, вузьким або середньошироким (з тенденцією до вузьколицесті) обличчям, що різкопрофільоване у горизонтальній площині. Така комбінація ознак діаметрально протилежна провідному морфологічному комплексу сарматів. Сармати України входять до західної частини великого сарматського ареалу, що проліг від степів Казахстану до Угорщини. На сьогодні представлено значний антропологічний матеріал, що репрезентує сарматів різних територій. [2;3; 4; 5; 6; 7 8].

Племена сарматського кола представляють за даними антропології, масив населення, з котрим в степовій частині України розповсюдився новий для цієї території мезо-брахікранний, широколиций європеоїдний комплекс з дещо послабленим горизонтальним профілюванням обличчя. Зрозуміло, що сарматський масив не був однорідним, але вище означений комплекс є провідним.

Щоб більш чітко та об'єктивно виявити місце черняхівських та сарматських серій у колі популяцій хронологічно та територіально близьких, ми звернулися до методів багатовимірної статистики, паралельно використовувалися різні статистичні методи з пакету програм Systat.

До аналізу було залучено 29 серій 3 ст. до н.е.-5ст. н.е. зі Східної та Середньої Європи. Матеріали черняхівських пам'яток представляють різні регіони: Середнє Придніпров'є, Лівобережна Україна, Західна Україна, Північне Причорномор'є та Молдова. Використані опубліковані матеріали Т.С. Кондукторової, М.С. Великанової, С.П. Сегеди, В.Д. Дяченка, П.М. Покаса, Т.О.Рудич. Черепи у кожному регіоні було згруповано окремо в серію з могил зорієнтованих у північному секторі, а окремо – у західному. Якщо північна орієнтація поховань у черняхівській культурі є сарматською традицією, то присутність сарматського морфологічного комплексу варто очікувати саме в північноорієнтованих могилах. На матеріалах Північного Причорномор'я нами також була сформована невеличка серія черепів з могил з заплічками.

Сарматські серії в аналізі були представлені матеріалами з України: збіркою Запорізької обл., збіркою Дніпропетровської обл., збіркою Таврії [2; 6], сарматськими групами середньосарматського періоду Волго-Донського межиріччя, Заволжжя, Донської групи [8], сарматами Сало-Маничської групи [7] та матеріалами могильника Інкерман-Чорноріччя у Криму. Пізньоскіфські серії походили з Миколаївки-Козацької, Золотої Балки, Беяуса та Неаполя –Скіфського [9;10]. Західні території репрезентують серії вельбарської

культури Нижньої Вісли, Масломенчської групи [11], групи 4 ст. з Сілезії [12], збірні серії ґрунтових могильників Центральної Литви 2-5 ст. та культури курганів Литви [13].

Групи порівнювалися за 10 ознаками: довжина, ширина, висота черепа, ширина лоба, ширина та висота обличчя, ширина та висота орбіт, ширина та висота носа.

За результатами факторного аналізу черняхівські та сарматські серії максимально різняться перш за все за шириною черепа, обличчя та його деталей.

Групи черепів черняхівської культури з північноорієнтованих могил (по усім регіонам культури) найбільш яскраво виявили морфологічні та статистичні зв'язки з серіями північно-західних територій: вельбарської культури Масломенч та Грудек, з серіями 2-5 ст. з території Східної Прибалтики та максимально віддалені від сарматських груп. Це може свідчити на користь того, що інгумації з північної орієнтацією мають, скоріше за все, європейську традицію, на чому наполягають окремі археологи [14.-С.132-142].

Статистичному аналізу було піддано 27 жіночих серій сформованих за цим принципом. Аналіз показав, що жіночі серії з різних регіонів черняхівського масиву максимально далекі від сарматських груп, у жінок з північноорієнтованих могил Західної України та Середнього Придніпров'я чітко фіксується північно-західний характер антропологічних зв'язків.

Чоловіки і жінки з поховань з заплічками суттєво не відрізняються від черняхівських груп своїх регіонів. Але варто відзначити, що при аналізі окремих могильників виявляється, що чоловічі збірні серії могильників Журівка (Середнє Придніпров'є) та Боромля (Лівобережжя) виявляють досить значну морфологічну та статистичну подібність до населення пізньоскіфських могильників. Жінки з групи поховань у підбоях, що була сформована на матеріалах Північного Причорномор'я, виявляються досить близькими населенню пізньоскіфських могильників.

З сарматською традицією пов'язують також поховання у катакомбах Але на превеликий жаль, у розпорядженні антропологів мається усього 4 черепи (1 чоловічий та 3 жіночих) з поховань у катакомбах з Північного Причорномор'я. З них лише 1 жіночий (з могильника Кobleво, п.12) має сарматський морфологічний комплекс.

Таким чином, міжгруповий аналіз фіксує відсутність морфологічної подібності між черняхівськими збірними серіями будь якого регіону та сарматськими групами. Сармати серйозно не вплинули на антропологічний склад населення черняхівської культури.

При проведенні внутрішньогрупового аналізу черняхівських черепів, виділилася група черепів, що тяжіють до сарматського морфологічного комплексу (брахікранія, широколицість, помірне профілювання обличчя на назомолярному рівні), але відсоток їх не великий – від 5 до 15% в залежності від регіону (у чоловіків дещо менший, а у жінок – більший). Хоча у даному випадку, у зв'язку з неоднорідністю сарматських серій, ми можемо більш-менш чітко визначити сарматській мінімум. Стосовно сарматського максимуму у черняхівських вибірках говорити важче, але сармати серйозно не вплинули на характер морфологічних зв'язків черняхівців.

Фіксуються на черняхівських могильниках і черепи зі штучною деформацією. Але цей звичай побутував не тільки у сарматів, його практикували також гуни. У нашому розпорядженні на сьогоднішній день мається усього 5 черепів з деформацією, до того ж у такому стані, що не дозволяє більш чітко говорити про етнічну приналежність померлих.

Таким чином, можна відзначити, що хоча сармати і були присутні на могильниках черняхівської культури, але істотно не вплинули на антропологічний склад населення, що в цілому відзначається комплексом ознак діаметрально протилежним сарматам. Більша частина населення черняхівських могильників в середньому вияві демонструють північно-західний характер антропологічних зв'язків з могильниками Середньої Європи та Східної Прибалтики, а окремі – з пізньоскіфськими пам'ятками.

1. Рикман Э.М. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. – Москва, 1975.
2. Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины // Антропол. Сб.-Вып.1. – 1956.
3. Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы. – Ленинград, 1970.
4. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – Москва, 1972.
5. Круз С.И. 1991
6. Круз С.И. Сарматы Таврии по антропологическим данным // Симоненко А.В. Сарматы Таврии. – Киев, 1993.
7. Батиева Е.Ф. Черепа из курганов междуречья Маныча и Сала (сарматское время) // Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Маныча и Сала. – Ростов –на-Дону, 1992.
8. Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Москва, 2000.
9. Кондукторова Т.С. Материалы по антропологии Украины. Палеоантропологический материал сарматского времени // Москва-Ленинград. Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тыс до н.э.-середины I тыс.н.э.). – Москва, 1972.
10. Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья. – Москва, 1979.
11. Kozak-Zychman W., Siegiada S. Wyniki wstepnej analizy kraniologicznej i odontologicznej ludnosci grupi maslomeckiej // Annalez Universitatis M. Curi-Skladowska . Secnio C., Vol.49, 16, 1994.
12. Schwidetzky I., Rosing F.W. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Romerzeit (0-500 u.z.) // Homo, Bd.26., H.4, 1975.
13. Чеснис Г.А. Многомерный анализ антропологических данных как средство решения проблемы выделения балтских племенных союзов в эпоху железа (преимущественно на территории Литвы) // Балты, славяне, прибалтийские финны. – Рига, 1990.
14. Магомедов Б.В. Сарматы у складі черняхівської культури // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. – Київ-Львів, 1999.

Русяева А.С.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ АФИНЕ В ОЛЬВИИ

Одна из великих олимпийских богинь и верховная патронесса Афин – самого крупного центра эллинской цивилизации – Афина пользовалась не одинаковой популярностью в городах Причерноморья, особенно в период их основания. В эллинской религии она представляет собой уникальное явление уже потому, что была рождена из головы Зевса, в чем мыслилось генетическое продолжение его мужской силы, ума и мудрости, – тем более, что она была зачата Метидой, которую вынужден был проглотить могучий властелин Олимпа (Hesiod. Theog. 886-900; Apollod. I, 3, 6). Мифологическое рождение из его головы богини в полном боевом вооружении наложило сильнейший отпечаток на развитие ее культа в определенных регионах античного мира, особенно Афинах, сакральной владычицей которых она нередко величалась и славилась на учрежденных в ее честь панафинейских празднествах с агонами, для участия в которых съезжались со многих полисов, в том числе и понтийских.

Культовая взаимосвязь Зевса и Афины нашла наиболее яркое проявление в ранний период истории Ольвии. При раскопках Западного теменоса, в заполнении одного из ботросов второй половины VI в. до н. э., расположенного в пределах святилища Аполлона Иетроса, наряду с другими находками, было найдено три фрагмента аттического чернофигурного скифоса (рис. 1). Роспись не имеет следов изношенности. Создается впечатление, что чаша была разбита вскоре после ее приношения или же применялась в

обрядов крайне непродолжительное время. Ее внешняя поверхность на всю высоту стенок была заполнена разнообразными изображениями мужских и женских персонажей. В центре композиции на основном фрагменте чаши представлен сидящий на дифросе бородатый Зевс с ниспадающими на плечи волосами в богатом одеянии: длинный хитон сверху и на подоле украшен разноцветными узорами, гиматий с чередующимися пурпурными и черными широкими полосами оттенен узкими белыми линиями. Со слегка склоненной вниз головой он протягивает руку или схематически изображенный предмет к стоящей перед ним женщине. Вторая женщина стоит сзади него. Обе – белолицые, в длинных, орнаментированных хитонах и покрывалах. В поднятых вверх руках они держат поблизости от головы Зевса какие-то предметы овальной формы, возможно, повязки.

На другой стороне скифоса изображены идущие, по всей вероятности, в ритуальном шествии друг за другом мужчины и женщины тоже в длинных хитонах. Волосы и отдельные детали богатых костюмов окрашены пурпуром, белой краской, подчеркнуты гравировкой. В общем, форма сосуда и детали росписи сближают его с чашами мастеров Сиана, соответственно которым его можно датировать приблизительно в пределах 560-550 гг. до н. э. Синхронные чаши, как хорошо известно, относятся к довольно редким находкам в Ольвии, больше их фрагментов найдено в Борисфене. Для всех характерно обильное применение пурпура, белой краски, гравировки, которые в сочетании создают яркую выразительность и своеобразную объемность изображенных персонажей.

Рассмотренная роспись наиболее близка сценам рождения Афины из головы Зевса на чернофигурном эксалейптроне из Лувра, который датируется временем около 570 г. до н. э. [1.-Р.58, 122; 2.- S.986, №345]. Композиционно и сюжетно близки сцены рождения Афины на аттической чернофигурной амфоре около 560 г. до н. э. из Берлинского музея, а также на чаше Мастера Никозийской ольпы из Метрополитен музея второй четверти VI в. до н. э. [1.-Р.96, 14; 192; 2; 3.-S.189, 191]. Главными персонажами здесь выступают сидящий бородатый Зевс и две женские фигуры по обе стороны от него с поднятыми вверх руками без каких-либо атрибутов. Возле них в разных сценах изображались и другие божества. Чаще всего это был Гефест с двойным топором, которым он, соответственно мифу, помогая родиться своей сестре, совершил особый сакральный акт – расколлот голову Зевса.

Однако коренное отличие этих сцен от росписи на ольвийской чаше состоит в том, что на них уже представлен триумфальный выход из головы олимпийского владыки маленькой фигуры Афины во всеоружии, что помогает определить не только сюжет заключенного в них мифа, но и имена женщин – Илифий, помощниц при родах. На ольвийском фрагменте фигуры Афины нет, но о том, что именно она вот-вот должна родиться из головы Зевса, указывают приготовившиеся к этому действию Илифии, как будто сосредоточившие все свое внимание на опущенной вниз голове бога. По аналогии с вышеназванными росписями, здесь явно изображена сцена, предшествующая рождению мудрой Афины, что подтверждается и граффито.

Помимо росписи, этот фрагмент сосуда особенно интересен еще и тем, что с внешней стороны венчика прямо по головам изображенных персонажей сравнительно аккуратно прочерчена частично сохранившаяся посвятельная надпись:

[O DEINA ANEΘHK]EN AΘHNA [IH] – «(Такой-то) посвятил Афине». Граффито оборвано с двух сторон. Не исключено, что имя Афины стояло и в более сокращенной форме: AΘHNAI или AΘHNAH. В посвящениях встречаются разные написания этого теонима в ионийском диалекте [см., например: 4.-С.27, 31, 77; 5; 6-7; 8.-С.75-76]. Палеографические признаки надписи, особенно *тэта* с перекрестием, в общем соответствуют датировке сосуда.

Первые две буквы от имени Афины, очевидно, намеренно размещены на голове Зевса, в частности, большая *тэта* с длинными, выходящими за линии круга крестовинами, вообще перекрывает верхнюю часть головы этого бога, удостоверяя, что именно здесь пока находится его мудрая дочь. Исходя из этого, можно полагать, что посвятивший богине

дорогую чашу ольвиополит хорошо знал миф о ее рождении и мог видеть отражающие его изображения на вазах, которые, вероятно, уже могли быть привезены из Афин, если не прямо в Ольвию, то в Борисфен. Таким образом его неординарное по месту расположения посвящение также способствует разгадке сюжета всей сцены. Вообще подобная форма посвячительных граффити сравнительно редкая. А в данном аспекте ее следует считать уникальной не только для Ольвии, но и всего античного мира, поскольку она намеренно раскрывает смысловое содержание сцены мифологического рождения Афины. Кроме того, это редчайший случай целенаправленного преподнесения в святилище сосуда, роспись на котором непосредственно связана с соответствующим мифом и культом.

Пока нет достаточно веских доказательств для утверждения того, существовало ли первоначально святилище Афины и Зевса в Западном теменосе во второй четверти VI в. до н.э. – одновременно с открытыми здесь святилищами Аполлона Иетроса и Матери богов. Тем не менее нахождение в Ольвии столь редкой для того времени аттической чернофигурной вотивной чаши в ботросе Западного теменоса свидетельствует, что в ранний период ее истории Афины как бы то ни было почитали в данной сакральной зоне [ср. 9.–С.186].

В дальнейшем знание родословной Афины и особое отношение к ней способствовало устройству общего святилища Зевса и рожденной им дочери в ипостаси мудрых сотеров в соседнем Восточном теменосе в последней четверти VI в. до н.э. Именно при его исследовании в ботросах конца VI – начала V в. до н.э. были найдены посвячительные граффити как отдельно Зевсу и Афине, так и совместно этим божествам на обломках вышедших из употребления краснофигурных и чернолаковых вотивных чаш [10.–С.151, 154, 156, 160, 164; 11.–С.175, 185]. Любопытно, что на некоторых из них граффити прочерчены прямо на фигурах изображенных персонажей. Скорее всего, в Восточном теменосе их чтили как соалтарные, а не сохрамные божества, так как позднеархаического храма здесь не обнаружено.

Поскольку культ Афины был сравнительно хорошо развит в Милете в период его колонизационной деятельности [см. лит. 12. – S.67-90; 13.-S.162-163], то вряд ли могут быть сомнения в том, что он был перенесен в Ольвию еще первопоселенцами из своей метрополии. Чрезвычайно высокий авторитет культа этой богини на общеполисном уровне и персональное поклонение ей прослеживается со второй четверти V в. до н. э., когда Ольвия в основном переориентировалась на культурно-политические и экономические отношения с Афинами [14.-С.92 – 93]. На первых литых обоях изображалась голова Афины в шлеме, а не Аполлона, Зевса или Деметры, культы которых были особенно популярны в городе. Поэтому широкая демонстрация ее несколько архаизированного образа, возможно, заимствованного с афинских монет, являлась своего рода идеологическим актом, наглядной пропагандой проафинской политики и стремления укрепить всесторонние контакты с Атикой. Однако религиозная взаимосвязь Афины и Зевса, начало которой отражено в вышерассмотренной росписи на чернофигурной чаше в сочетании с посвячительной надписью, не прекратилась и в это время.

-
1. Beazley J.D. Attic Black-Figure Vase Painters. – Oxford, 1956.
 2. Demargne P. Athena // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. – Zürich, 1984. II.
 3. Simon E. Die Götter der Griechen. – München, 1998.
 4. Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. – М., Л., 1953.
 5. Jeffery L.H. Local Scripts of Archaic Greece. – Oxford, 1961.
 - 6-7. Guarducci M. Epigrafia greca. – Roma, 1967, I; 1969, II.
 8. Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ, 1980. №3.
 9. Тохтасьев С.Р. Магическое граффито из Ольвии // *Hyperboreus*, 1996. 2, 2.
 10. Леви Е.И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. – М., Л., 1964.

11. Горбунова К.С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. – М.-Л., 1964.
12. Mallwitz A. Gestalt und Geschichte der jüngeren Athenatempel von Milet // Istanbuler Mitteilung, 1975. 25.
13. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. – Frankfurt am Mein, Bern, New York, 1983.
14. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – К., 1992.

Рис. 1. Фрагменты чернофигурного скифоса.

Русяева М.В.

НАДГРОБИЯ РИМСКИХ ЛЕГИОНЕРОВ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Среди многочисленных произведений надгробной скульптуры первых веков новой эры привлекают внимание мраморные и известняковые стелы с портретами римских

легионеров и членов их семей, умерших и погребенных в Херсонесе. Постановка этого типа надгробий в первую очередь свидетельствует о значительном благосостоянии живших здесь воинов Римской империи. Памятники отличает стремление разных по уровню профессионализма и одаренности мастеров к портретному сходству изображенных лиц, что в целом характеризует римское портретное искусство II-III вв. н. э. Все произведения, относящиеся к местной скульптуре, изготовленной непосредственно в городских или же гарнизонных мастерских, в виде высоких прямоугольных стел, по характеру изображения фигуры разделяются на два основных типа.

Надгробие вольноотпущенников Цинция Василиса и Ведия Терпта, высеченное на массивной прямоугольной мраморной плите, относится к первому типу портретов – изображениям полуфигур [1.-С.108; 2.-С.126, 127, № 392, илл. 166; 3.-С.476-478, рис. 132, 133]. Под большим фронтоном с четырехлепестковой розеткой расположена узкая, углубленная, вытянутая по горизонтали эдикула, с двумя вписанными в нее мужскими бюстами и неизвестным предметом между ними (нож, топор ?). Полуфигуры показаны строго анфас. В композиции этой части рельефа отсутствует симметрия. Бюст слева – более крупный, справа, наоборот, изображен худощавый мужчина с большой головой и пышной шапкой волос. У него вытянутое овальное лицо, крупные круглые глаза и рот. Головы римлян соприкасаются с верхней границей клейма. Плоскостная трактовка почти не моделированных, но как бы облепленных тяжелой тканью плаща покатых плечей, отражает свойственные местным мастерам приемы и тяготение к схематизму. Общая сохранность рельефа со сбитыми чертами небольших, как бы прямоугольных голов, не дает возможности судить о портретной характеристике образов, созданных, судя по надписи, во времена Нерона [2.-С.126, 127]. Тимпан фронтона и углубленный фон рельефа не отшлифован. На них хорошо заметны следы от инструмента.

Наиболее известным является портрет Аврелия Виктора – солдата I Италийского легиона, высеченный из проконнесского мрамора и вставленный в массивную известняковую стелу [4.- № 481; 5.-С.109, табл. XIV; 6.-С.317, рис. 34; 2.-С.127, № 393, илл. 165; 7.-С.103–104, 115, № XXXIII, илл. 208]. Бюст как бы вырастает из мраморной плиты с эпитафией. Погрудное, строго анфасное изображение бородатого воина, с задрапированными крупными складками плаща плечами, отвечает общим стилистическим тенденциям развития херсонесской скульптуры II-III вв. с ее тяготением к схематизму и плоскостности, несколько формальным пониманием приемов римских мастеров. Однако построение композиции, разделенной на две равные части: сверху – портрет, а внизу – надпись, в целом напоминает рядовые надгробные памятники Рима, о чем также свидетельствует и портретная трактовка образа (рис. 1).

Совершенно иначе решено надгробие Марка Мецилия с изображением в эдикуле во весь рост мужской фигуры в полном солдатском обмундировании. По форме стелы оно восходит к боспорским образцам [1.-С.110-112, рис. 6; 8.-С.218-219; 2.-С.125, № 389, илл. 162; 3.-С.478-480, рис. 134]. В обобщенной, несколько сухой манере переданы детали каннелированных пилястр и фронтона с плохо сохранившимися акротериями. Под римским влиянием была выполнена эпитафия в рамке с ласточкиными хвостами, датирующая памятник II в.

Марк Мецилий стоит в фронтальной позе, опустив руки вниз, и заполнив почти все поле неглубокой эдикулы. Лишенная каких-либо пропорций фигура воина воспринимается несколько гротескно. Большая голова в шлеме сбита, читаются только ее контуры. Слева от нее врезанной линией обозначена головка мака. В целом, фигура в калигах, короткой до колен тунике и паллиуме, с мечом на правом боку, близка к изображениям римских солдат на надгробиях из Северной Европы, однако графическая, ремесленная передача тела, высеченного в горельефе, воспринимается как единая плоскость с глубокими прямыми тенями. Это подтверждает знакомство херсонесского скульптора с различными образцами портретной надгробной пластики и его стремление следовать их стилистике.

Еще более плоскостной, схематично-условной кажется фронтальная фигура Аврелия Виатора в каллигах, короткой тунике и переброшенном через правое плечо паллиуме с кисточкой на конце, держащего в руках голубя и гроздь винограда (?) [4.-№ 484; 6.-С.319-320, рис. 36; 2.-С.126, № 391]. Надгробие, высеченное на прямоугольной мраморной стеле, завершающейся треугольным фронтоном со стилизованным акротерием, по манере исполнения приближается к местным памятникам «варварского» стиля (Рис. 2). Это, прежде всего, заметно в искаженных, укороченных пропорциях тела, утрированном плоском овале лица с едва намеченными асимметричными миндалевидными глазами, прямым носом и ртом, переданным тонкой линией. Волосы проработаны простыми насечками, а складки одежд видны только у плеча и на шее. Ступни ног, обутих в каллиги на высокой подошве, изображены в профиль.

Рис. 1. Надгробие Аврелия Виктора, солдата I Италийского легиона. Известняк, мрамор.

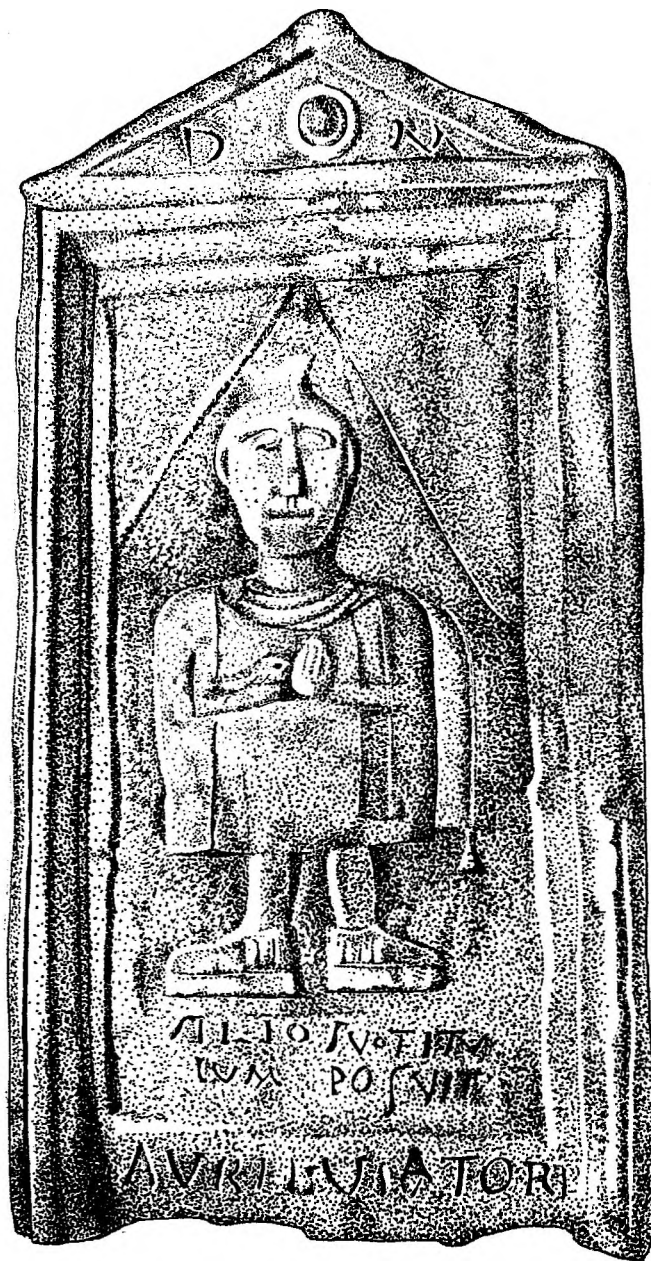

Рис. 2. Надгробие Аврелия Виатора. Мрамор.

Таким образом, портретные изображения римских легионеров (бюсты и фигуры в полный рост) всегда показаны анфас. Крайне обобщенные образы лишены какой-либо индивидуальной и психологической характеристики. Сравнение этих надгробий, воздвигнутых в Херсонесе в I-III вв. н. э., убедительно доказывает, что в творчестве местных скульпторов слились черты римского, боспорского и херсонесского портретного искусства, нашедших выражение в точной фиксации деталей одежды, суммарной, графически-схематичной характеристике изображаемого человека, переходящей иногда в гротеск. Несмотря на плохую сохранность памятников, можно отметить, что на протяжении длительного времени мастера не стремились к тщательной проработке деталей при помощи бурава, росписи или полировки поверхности мрамора.

1. Иванова А.П. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями // СА, 1941. 7.
2. Античная скульптура Херсонеса. Каталог. – Киев, 1976.
3. Соколов Г.И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. – М., 1999.
4. Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. – Berlin, 1909.
5. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. – Л., 1948.
6. Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. – М.-Л., 1955.
7. Соколов Г.И. Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени. – М., 1983.
8. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. – К., 1973.

Савельев О.К.

САРМАТСЬКІ ПОХОВАННЯ НА ТИЛІГУЛЬСЬКОМУ ЛИМАНІ

Сарматські старожитності Північно-Західного Причорномор'я на даному етапі вивчення відомі головним чином на захід від р.Дністер, у Буджацькому степу. Що стосується території степового межиріччя Південного Бугу та Дністра, то тут сарматські пам'ятки репрезентовані поки що дуже слабко. На наш погляд таке становище може бути пов'язане як із слабким археологічним дослідженням регіону, так і з своєрідними воєнно-політичними обставинами що склалися у сарматську добу, адже, згідно карти Марка Віпсанія Агріппи кордон між Дакією та Сарматією ще в середині I ст. до н.е. проходив по Дніпру [1.-С.55-58].

У зв'язку з цим, публікація кожного нового матеріалу, пов'язаного з сарматською історією регіону, що досліджується, становить собою певний науковий інтерес.

Серед незначної кількості сарматських пам'яток, декілька розташовані на правому березі Тилігульського лиману поблизу с. Кошари Комінтернівського району Одеської області. Одне з таких поховань було опубліковано Е.О. Симоновичем. В результаті пошукових робіт автором був досліджений курган епохи бронзи з упускним сарматським похованням, розташований на території некрополя кошарського городища. Поховання належало дорослій людині, орієнтованій головою на північ, з незначним відхиленням на схід. Скелет лежав на спині з витягнутими руками і перехрещеними у гомілкх ногами. У заповненні ями було знайдено декілька фрагментів жолобчатої ручки світлоглиняної амфори римського часу. На думку дослідника поховання відноситься до II ст. н.е. [2.-С.176-177].

Комплекс, що ми публікуємо, випадково був знайдений у 1952 р. під час проведення земляних робіт біля с. Кошари.¹ Упускне сарматське поховання було знайдено в кургані, розташованому за 500 м на південний схід від згаданого села, на глибині 1,5 м. Конструкція

¹ Автор щиро вдячний Є.Ф. Редіній за надану можливість опублікувати матеріали

поховальної ями невідома. Кістяк похованого зруйнований. Судячи із розташування залишків кісток можна стверджувати, що похований був орієнтований головою на північний захід. Поховальний інвентар представлено фрагментами залізного предмету (можливо лезо меча), великою білою намистиною (не збереглася), якою, імовірно, було прикрашено руків'я меча, сіроглиняною гончарною мискою, що накривала ліпну курильницю, та двома ліпними горщиками.

Сіроглиняна гончарна миска на кільцевій підставці. Перехід від стінки ближче до вінця оформлений у вигляді ледь виступаючого ребра. На внутрішній поверхні миски помітні сліди радіального лошіння.

Внутрішній діаметр миски 23 x 26 см, діаметр підставки 8 см, висота миски 13 см, висота підставки 0,8 см (таб. 1.2).

Ліпний горщик з ручкою, виготовлений з добре відмученої глини. Тулуб округлої форми. Шийка майже пряма, дно трохи увігнуте. Посудина має овальну у перегені петлеподібну ручку. Обпал нерівномірний. Поверхня посудини добре заглажена, зі слідами лошіння.

Діаметр вінця 8 см, діаметр дна 2,2 см, висота 16,6 (таб. 1.3).

Ліпна курильниця має трохи розширені до гори стінки і плоске дно. Поверхня курильниці добре заглажена. Сліди горіння простежуються лише на зовнішній частині посудини. В стінці курильниці зроблено округлий наскрізний отвір.

Діаметр вінця 6,6 см, діаметр дна 4,4 см, висота 4 см (таб. 1.1).

Ліпний горщик з розтрубоподібною горловиною та плоским дном. Вінця посудини зокруглені та відтягнуті назовні. Поверхня посудини має нерівномірний обпал та носить сліди загладження травною.

Діаметр вінець 6,5 см, діаметр дна 4,1 см, висота посудини 12,5 см (Таб. 1.4).

Поховальний інвентар, досліджений у вищезгаданому похованні є характерним для сарматських старожитностей вивчаемого регіону та знаходить числені аналогії в матеріалах пам'яток перших століть нашої ери.

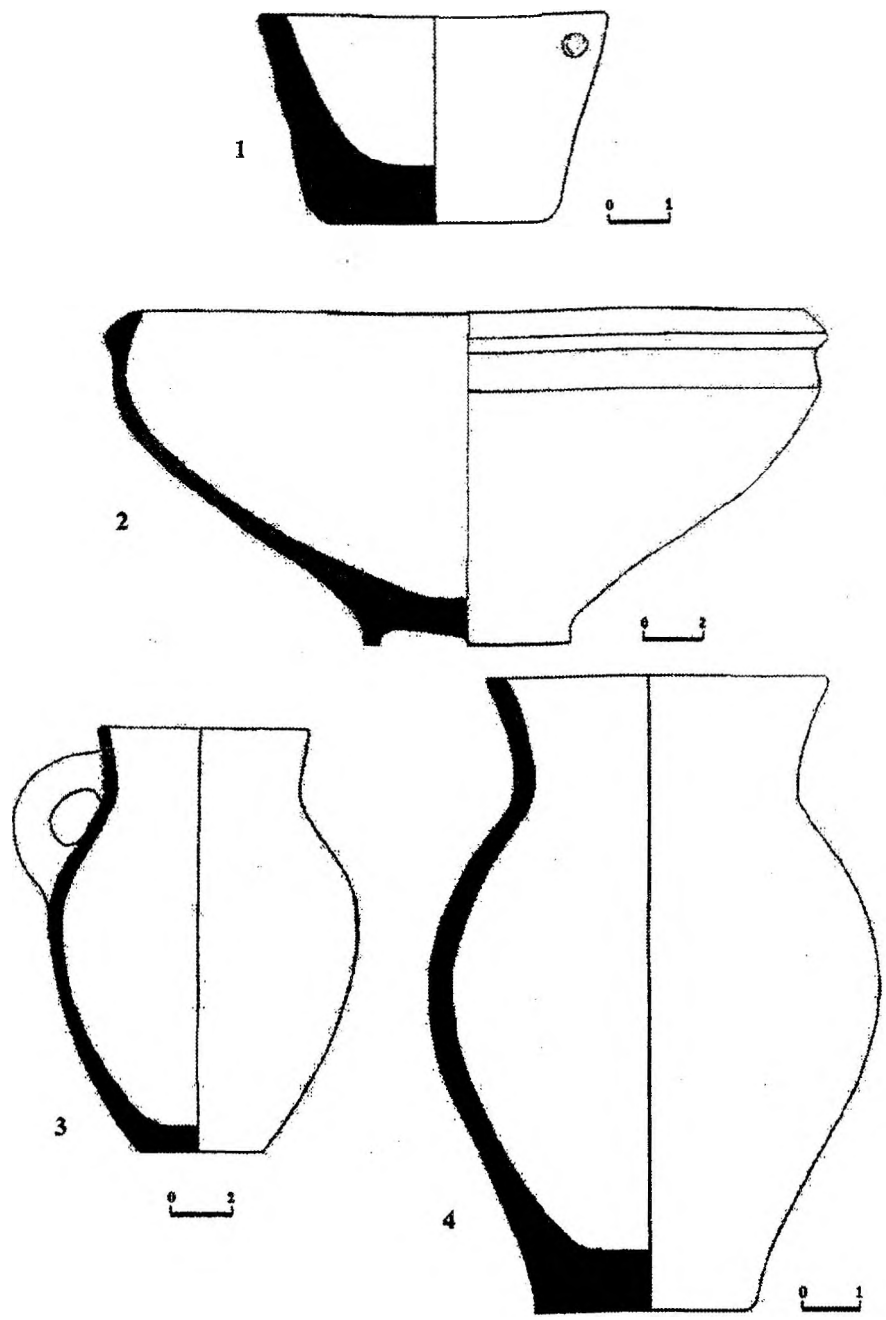
Ліпний горщик з ручкою має певну схожість з горщиком, який був знайдений на некрополі пізньоскіфського часу Золота Балка, що датується першими століттями нашої ери [3.-С.123, рис. 61]. Ліпний горщик з розтрубоподібною горловиною належить до категорії ліпного посуду, який був дуже широко розповсюджений у сарматського населення Північно-Західного Причорномор'я в другій половині II - першій половині III ст. н. е. [4.-С.33-37]. Окрім сарматських поховань, посудини аналогічної форми відомі на пізньоскіфському поселенні Молога II [5.-С.105], кочівницьких стійбищах II-III ст. н. е., поселенні перших століть нашої ери Холмське II, де дослідники пов'язують цей тип посудин зі скіфським світом [6.-С. 65-67; 7.-С.124]. Ліпна курильниця циліндричної форми знаходить широкі аналогії в сарматських пам'ятках II ст. до н. е. - II ст. н.е. межиріччя Дону та Волги [8.-С.174-175]. Сіроглиняна гончарна миска має певну схожість з посудом подібного типу, дослідженому на Козирському городищі, де він датується I - III ст. н. е. [9.-С.90-93].

Зіставлення часу побутування предметів поховального інвентаря дозволяє датувати розглянуте поховання другою половиною II - першою половиною III ст. н.е.

Для сарматів Північно-Західного Причорномор'я найхарактернішими є кургання основні та упускні поховання. Останні тут становлять біля 22,5% [4.-С.12]. На території сучасної Молдови їхній відсоток дещо більший - 33% [10.-С.26]. Серед упускних поховань відомі могили з простими ямами та ямами з підбоям. Але сарматські впускні поховання з підбоям, зустрічаються дуже рідко.

Особливо важливим є питання щодо етно-племінної групи населення, яка залишила упускні поховання другої половини II - першої половини III ст. н.е. Цікавими є відомості письмових джерел. Доволі часто поряд з іншими сарматськими племенами фігурують роксолани, які жили в степах Північно-Західного Причорномор'я вже з I ст. н.е. і репрезентували собою доволі значне військове об'єднання. До середини III ст. н.е.

роксолани постійно робили напади на нижньодунайський лімес Римської імперії. Про те що роксоланські орди впродовж довгого часу жили на території на північ від Нижнього Подунав'я, говорить повідомлення Діона Касія [11.–С.277]. Олександрійський астроном

Таблиця 1

Клавдій Птолемей у другій половині II ст. н.е. включив роксоланів до низки “значних племен Європейської Сарматії” [11.–С.236]. Етнонім “роксолани” також фігурує в повідомленні Юлія Капітоліна, коли він перелічує варварські племена, які виступали проти Риму у Маркоманнських війнах [12.–С.294]. Після вторгнення готських племен на чолі з Германаріхом в Північне Причорномор’я, більшість мешкавших тут кочовиків розсіялась, а окремі групи включилися до готського союзу племен. В той же час, якась частина роксоланів ще продовжувала жити в Дністровсько-Карпатському регіоні [13.–С.69]. Окрім роксоланів в Північно-Західному Причорномор’ї згадуються аорси та алани. На північ від Дунаю аорси зафіксовані ще в середині - другій половині I ст. н.е. Однак в складі антиримської коаліції, що приймала участь у Маркоманнських війнах, аорси вже не згадуються. Алани масово проникають в регіон на останньому етапі історії кочовиків сарматського Барбарікума, для них найхарактернішим є катакомбний обряд поховання та дещо інший набір речей.

Таким чином, впускний характер поховань, їхня орієнтація, набір предметів поховального інвентаря, а також свідоцтва античної письмової традиції, дають певні підстави бачити в похованих кошарських курганів представників роксоланського етно-племінного масиву, який мешкав на території від Нижнього Дунаю до Південного Буга в другій половині II - першій половині III ст. н.е.

*Автор щиро вдячний Є.Ф. Редіній за надану можливість опублікувати матеріали

1. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты. Перевод. Комментарий.- М., 2002.
2. Симонович Э.А. Раскопки могил возле с. Кошары на Тилигульском лимане // МАСП.- вып. 4.- Одесса, 1962.
3. Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник.- К., 1972..
4. Дзиговський О.М. Культура сарматів Північно – Західного Причорномор’я.- Одеса, 2000.
5. Гудкова А.В., Фокеев М.М. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье.- К., 1982.
6. Гудкова А.В., Столярик Е.С. Комплекс позднеантичных памятников у с. Холмское Одесской области // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья.- К., 1985.
7. Фокеев М.М. Поселение первых веков нашей эры Холмское II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье.- К., 1982.
8. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности.- М., 1973.
9. Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры.- К., 1976.
10. Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья.- Кишинёв, 1990.
11. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.- №2.-1948.
12. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – Т.II. Латинские писатели. – Вып.2.-СПб., 1906.
13. Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии.- СПб., 2000.

К ВОПРОСУ О «ГРЕЧЕСКОМ» В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

С самого начала археология является с характером
исключительно классическим
А.С.Уваров¹

Проблематика взаимоотношений художественных систем материковой Греции и ее колоний с искусством северопричерноморской Степи и Лесостепи имеет давнюю историографию и традиционно входит в «обязательную программу» дискуссий о контактах этих двух этносов. Оценки данного явления разными исследователями лежали в широком спектре мнений от происхождения скифского звериного стиля из ионийского искусства до осторожного отношения к степени античного влияния и взвешенного осмысления самой природы художественного взаимодействия. Не вызывает сомнений, что при столкновении нескольких культур они в обязательном порядке оказывают друг на друга взаимное воздействие, вопрос лишь в характере этих отношений, как правило не всегда отличавшихся простотой и однозначностью. Очевидно лишь, что скифское искусство необходимо изучать в историческом контексте [см., напр., 1; 2] и подход, при котором предполагается отдельно рассматривать явления культуры [3.–С.8] может оказаться не вполне надежным.

В нынешнем состоянии вопроса даже среди апологетов относительной самостоятельности развития сложившегося после переднеазиатских походов скифского искусства кажется достаточно ощутимой берущая начало с Нового времени инерция восхищения античностью (и соответствующий PR), которая создала стереотип влияния лучшего и прогрессивного на более примитивное. Никем не оспаривается своеобразие и художественные достоинства звериного стиля, но часто в подразумеваемом контексте превосходства античной эстетики, что само по себе было бы малоинтересно, если не оказывало определенного влияния на исследование вопроса.

В эпоху архаики в отношениях греческого и скифского искусства «о серьезном влиянии первого на второе говорить не приходится», поскольку ионийские мастера лишь воспроизвели скифские образцы, но если местом производства зеркал «ольвийского типа» все же считать античные мастерские (что само по себе не бесспорно), тогда логичным бы казался вывод о более-менее значительном противоположном влиянии, т.е. скифском.

Глубокое взаимовлияние, как считается, происходит в 5-4 в.в. до н.э., что привело к появлению большого числа «греко-скифских» изделий. Но все же представляется, что на историческом фоне этнических, экономических и политических контактов эти непохожие художественные традиции существовали достаточно обособленно и влияние их друг на друга оставалось минимальным. Общее впечатление о синтезе создает, скорее, совместное нахождение в комплексах вещей выполненных в собственно греческом и собственно скифском стилях.

В качестве одного из весомых аргументов в пользу влияния греческой традиции приводится широкое распространение к V в. до н.э. в зверином стиле орнаментальных мотивов-пальметок и волют. Обычно их внедрение видят происходившим двумя путями: с одной стороны скифские ремесленники наблюдая проявления античной орнаментации в Северном Причерноморье на изделиях типа капителей ионического ордера и чернолаковом керамическом импорте, заимствовали элементы декора, а с другой – греческие мастера в городах, являвшихся бронзолитейными центрами, сами создавали для варварской среды удовлетворявшие невзыскательного пользователя приукрашенные в греческом стиле

¹ О деятельности, предстоящей Московскому археологическому обществу. Вступительная речь председателя гр.А.С.Уварова // Древности. Труды МАО–Т.1. – М., 1865-1867.

зооморфные образцы. Однако мнение об изготовлении художественных бронз «на продажу» в колониях подвергается обоснованной критике и местом массового их производства признаются лесостепные мастерские [4; 5; 6]. В Ольвии же работали сезонные группы выездных скифских ремесленников [7]. Другим регионом, где происходило активное художественное развитие звериного стиля и массовое производство изделий, было Предкавказье. Там тоже отрицается сильное греческое влияние [8.– С.18].

Если же рассматривать заимствование скифскими ремесленниками приглянувшихся им элементов, то очевидно размещение пальмет и волют в определенных иконографических схемах, а отнюдь не для заполнения пустого места. При этом происходит их полная реинтерпретация – растительный орнамент превратился в зооморфный и пальметка стала обозначением птичьего хвоста, волюты – орлиного клюва. Розетка же могла использоваться при изображении глаза животного, как это видно на бронзовой бляхе в виде головы лося из Хошеутово или золотой пластине с изображением орлиной головы из Яблоновки (к.2, раскопки Самоквасова). В описании Б.Н.Граковым [9.– С.17] розетки на яблоновском изделии как «выродившейся и потерявшей свой истинный смысл» видна точка зрения античника, но интересным кажется именно придание ей иного, нового смысла – она становится знаковым обозначением глаза².

Об отдельных проявлениях трансформации «пальметка – птичий хвост» в относительно натуралистичных изображениях ср.: [10.–С.105], который, однако, приходит к несколько иным итоговым выводам.³

Скифские мастера стали использовать пальметку как идеограмму птичьего хвоста в частности, потому что она хорошо отвечала идее «лучистости», солярной природе орлиного хищника, которая присутствует как в индо-иранской, так и евразийской и вообще мировой традиции. Из произведений торевтики в этом отношении близки и показательны савроматские бляхи в виде хвоста-пальметки, увенчанные свастикообразными изображениями.

Особое распространение пальметка и волюты получили в схеме оформления птичьими элементами рогов оленя (лося), что в свою очередь, позволяет говорить о бытовании синкретического образа орлиного оленя. Хотя многие исследователи не включают этот образ в число синкретических, его устойчивая популярность от Фракии до Алтая, по крайней мере, с 5 в до н.э., а возможно, и давние евразийские корни⁴, позволяют предположить, что это результат контаминирования представлений о двух животных с тождественной солярной символикой. Дополнительным соединяющим звеном в цепочке олень-орел-солнце является образ коня, солярная природа которого и связь с оленем (лошадиные маски Пазырыкских курганов, бляхи конской узды с оленем-орлом) специально изучалась [11; 12]. Если это так, то наряду с отмечаемой антиномией оленя и орла как маркеров среднего и верхнего мира [13] одновременно присутствует и синонимичность, обнажая взаимосвязь различных локусов скифского космоса.

Сопровождает пальметка-хвост и изображения кабана, по-видимому являясь отголоском оленьих превращений.

Среди бронзовых блях с головой орла пальметка воспроизводит головное оперение, но и в этом случае, надо полагать, подразумевается хвост в «свернутом» до минимума, аббревиатурном изображении птицы (голова+хвост) – это вообще характерная черта

² Именно «зооморфный характер» скифского мировоззрения подчеркивают Е.В. Переводчикова и К.Б. Фирсов [19], рассматривая декор латенского облика на узде из кургана Козел.

³ Также см. о необходимости выявления семантики декора [20].

⁴ В частности, закавказские [18.–С.32], переднеазиатские (Луристанские бронзы), возможно (?) карасукские («птицеклювые» олени).

скифского искусства, причем часть (либо несколько частей) не просто замещает целое, а так сказать, целым и является в исчерпывающей полноте.

Таким же образом поменялась семантика и волют, став знаковым (в узком значении) изображением орлиного клюва. Например, он встречается на серии блях в виде птичьего крыла, которые в литературе иногда условно называют «ушами» [14.–С.51; 10.–С.107] Эти бляхи-крылья содержащие в себе в различных сочетаниях волюты (клювы) и пальметки (хвосты), так же являются полными по сути, но сокращенными как бы под знаком «титла» изображениями орлов. Свертывание птицы до «крыла» как значимого маркера и узнаваемого элемента [15] логично, в отличие от свертывания оленя до «уха», которое при всем желании считать его знаком оленя остается сомнительным. Но причина разногласий в трактовке рассматриваемых блях не только во внешней схожести, вводящей в заблуждение. В самих изображениях птичьего оленя его ухо подчеркнуто трактовалось именно как крыло, вслед за трактовкой рогов в виде перьев и орлиных голов. Полную же изобразительную аналогию бляхе из Чмыревой могилы с пальметовидным выступом у основания можно найти на бронзовых навершиях с грифоном, терзающим копытное животное (Краснокутский курган) – подобным образом подано его крыло+лапа, чему опять же, имеются прототипные изображения среди луристанских бронз.

Листовидная бляха из Бердянского кургана малоазийского, по-видимому, происхождения, вообще копирует с некоторыми упрощениями изображение божества дозораострийского круга верований – Зурван [см. 16 – S.52], и хотя греческим искусством вариации этого образа тоже были заимствованы (Сирена, Медуза и т.п.)⁵, посредническая роль ионийских колоний (см., напр., иконографию совы в композициях с Афиной, которая также тесно связана с греко-переднеазиатским мифологическим циклом) в распространении его в Скифии может быть не единственной. Но в любом случае греческое влияние не приобретало таких наивных форм, какие ему иногда приписывают.

Вышесказанное позволяет попытаться по-новому взглянуть в определении места производства и культурной окраски, помимо серийных вещей, и на отдельные изделия, например, тележку из Солохи с орнаментом в виде пальметок и волют, т.е., возможно, пиктографических изображений орлов в рафинированной скифской традиции, учитывая предполагаемую устойчивость значения этих элементов декора как знаков среди местного населения.

Тенденция к относительной самостоятельности скифского звериного стиля, на которую хотелось вновь обратить внимание, конечно, не исчерпывает сложности происходивших в реальности процессов на достаточно большой территории и в длительный хронологический период.⁶ Греческое воздействие, несомненно, имело место, но характер его представляется сильно ориентализованным, не таким прямолинейным, дидактически однозначным, и, во всяком случае, никак не тотальным и односторонним⁷.

Так, например, интересно бытование ольвийского сюжета «орел, терзающий рыбу», реплики которого типа Завадской могилы не кажутся стилистически собственно скифскими, а возможно, являются изделиями фракийского варианта скифского звериного стиля, зарождение и самого сюжета А.С.Островерхов [17.–С.70] связывает с Истрией. Упрощенные же изображения без рыбы (Солоха, Золотой курган) скорее являются производными от завадских, собственно скифскими, демонстрирующими то, что новый мотив не прижился и наметился возврат к архаическим схемам.

⁵ Здесь иконографическое сходство подтверждается мифологическими и лингвистическими коррелятами.

⁶ Например, есть основание предполагать наличие следов собственно скифского искусства в ахеменидском, по-видимому, уже при посредстве ионийских мастеров.

⁷ В связи со сходным вопросом А.В.Симоненко [21.–С.194] замечает о распространенности иногда ничем не подтвержденных представлений, что «в Греции все есть».

Гораздо ощутимее следы переднеазиатского искусства [1] и греческое часто выступало лишь передаточным звеном в процессе его распространения, что особенно наглядно в иконографии мифологических персонажей.

Рассматривая пальметку, отметим ее использование кроме зооморфных фигур и в изображениях антропоморфных скифских божеств. Так она присутствует в переднеазиатской по происхождению иконографии змееногой богини, где в сочетании с крыльями отсылает к теме птичьего хвоста, тем самым подчеркивая идею лучезарности и огненной природы персонажа. Повторяется та же схема: пальметка-хвост(птица)-солнце-огонь. Пламя жертвенника в виде пальметки присутствует и на бляшке со сценой инвеституры из Чертомлыка. Женские образы типа пластины из Куль-Обы с одной стороны имеют названные выше небесно-огненные признаки, а с другой – хтонические и производительные, ассоциируясь в плане выражения и в плане содержания с раздвинутыми ногами рожавшей женщины.

Другой персонаж скифского пантеона – восьмикрылый «человек-птица» амбивалентного толка и облика из Соболевой могилы также имеет птичий хвост – пальмету. Кстати, стилистически точно так же трактовался иногда хвост у его иконографического прототипа на переднеазиатских печатях еще с конца II тыс. до н.э. Косвенным свидетельством близости к солярной природе этого родственного зурванистской двойственности божества является также и тяготеющее к свастике изображение его крыльев.

Таким образом, представляется не вполне адекватным определение отношений греческой и варварской художественных традиций в терминах «влияние», «синтез» и тем более греч. *koine* (филологический термин, обычно используемый для характеристики восточного искусства, а непосредственно в советскую историческую литературу попавший, кажется, из работ Р. Гиршмана). Скорее, скифы брали все, что они хотели, как замечает Геродот (1.106) по поводу налоговых злоупотреблений во время господства в Передней Азии, и эта ментальная черта степного номадизма распространялась и на иноземное искусство.

Более определенно можно говорить о греческом влиянии на скифское окружение (и, по-видимому, синтезе) в области употребления вина, опосредствованно, возможно, повлиявшего также и на судьбы звериного стиля, в развитии которого психостимуляторы сыграли, как кажется, не последнюю роль.

1. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. – М. 1992.
2. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии (VII-IV вв. до н.э.). Афорезерат дис. д.и.н. – С.П.Б., 1996.
3. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. – М. 1994.
4. Ольговский С.Я. Бронзолитейное ремесло в Северном Причерноморье и Поднепровье в архаический период. // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. памяти И.Тереножкина. Ч. II. – Кировоград, 1987.
5. Ольговский С.Я. Походження дзеркал “ольвійського” типу // Археологія. №3. 1992.
6. Ольговский С.Я., 1995. Походження хрестоподібних блях скіфського часу // Археологія. №2.
7. Ольговський С.Я. Робота варварських ливарників у Ольвії архаїчної доби. // Музейні читання (Музей історичних коштовностей). – К. 2000.
8. Переводчикова Е.В., Прикубанский вариант скифского звериного стиля. – автореферат... канд. ист. наук. – М., изд. МГУ. 1980.
9. Граков Б.Н. Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими горами // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову. – М., 1999.
10. Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. (МИАР, №1). – М. 1997.

11. Кузьмина Е.Е., Конь в религии и искусстве саков и скифов. // Скифы и сарматы. – К. 1977.
12. Кузьмина Е.Е. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства. // ВДИ. – №1. 1984.
13. Раевский Д.С., Модель мира скифской культуры. – М. 1985.
14. Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии в V в. до н.э. // АСГЭ.– №31. – 1991.
15. Кокорина Ю.Г. Аналогии в построении образа хищной птицы в скифском изобразительном искусстве и древних письменных памятниках. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. памяти Б.Н.Гракова. – Запорожье, 1994.
16. Ghirshman R. Iran. Protoiranien, Meder, Ahameniden. – München, 1964.
17. Островерхов А.С. Образ птицы в искусстве ольвийской школы “звериного” стиля // Ранний железный век Северо-западного Причерноморья. – Киев, 1984.
18. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. – М., 1997.
19. Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. О конструктивных особенностях зооморфных конских наносников (налобников) из кургана Козел // Античная цивилизация и варварский мир. – Краснодар, 2002.
20. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А., Логическая система изучения декора. // Вестник МГУ. Сер. История. – Вып. 3. 1995.
21. Симоненко А.В. О датировке и происхождении античных драгоценностей из погребений сарматской знати I – нач. II в.в. н.э. // Боспорский феномен. Ч. II. – Материалы конф. – СПб., изд. гос. Эрмитажа, 2001.

Сапожников И.В.

ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Курганные насыпи, раскиданные по степным просторам всего Северного Причерноморья и Приазовья, издавна привлекали к себе внимание людей. Они упоминаются уже в первых письменных источниках по истории края. Кто не знает описания киммерийских курганов (могил), стоящих на берегу Тираса (Днестра), которое принадлежит “отцу истории” Геродоту из Галикарнаса? Позже Плиний Старший сообщил о том, что “остров Ахилла [Змеиный] славится могильным курганом этого героя”.

Хотя античная традиция подобных описаний была прервана на многие столетия, в средние века она возобновляется благодаря более или менее просвещенным визитерам, которые изредка наведывались в наши степи. Известен ряд упоминаний курганов в описаниях иностранных путешественников средневековья, из которых одно из наиболее ранних принадлежит Виллему Рубруку, проехавшему степями Приазовья около 1253 года [1].

Процитируем описание курганов Днестровско-Бугского междуречья, принадлежащее польскому дипломату Мартину Броневскому, который в 1578 году писал: “Там очень часто встречаются Cozles [правильно – Glasy] или холмы, обыкновенно называемые могилами, вернейшие признаки, как многие утверждают, некогда жестоких и кровопролитных войн, что очень вероятно и правдоподобно; может быть, что это действительно могилы знаменитых вождей или воинов” [2.–С.335].

На основании подобных характеристик у западноевропейских ученых сложились определенные представления об этих памятниках, которые переписывались из книги в книгу вплоть до Нового времени. Очень типичной является компилятивная характеристика курганов, основанная именно на этих источниках, и принадлежащая немцу Тунманну.

Описывая в 1780-х годах, земли так называемого “Восточного Нога” (от левобережья Днепра до Азовского моря), в которых он сам никогда не был, Тунманн сообщает: “Кое-где по всей степи встречаются так называемые курганы. Это погребальные холмы команов (половцев), насыпанные из земли на значительную высоту. На вершине их находятся статуи из гипсового камня [по-тюркски “бал-балы” – прим. Н.Л.Эрнста], находимого в этих местах в земле. Они изображены то стоящими, то сидящими, то лежащими, с лицом, всегда обращенным к востоку; некоторые имеют большие размеры и довольно хорошо выполнены, другие малы и плохи; они все изображены в одеянии, мужчины часто с оружием, с длинными усами; головные уборы женщин совсем особенные. Часто рядом со статуей человека лежит статуя лошади. Кое-где находят статуи, обозначенные крестом. В этих могильных холмах лежат кости погребенных людей всегда обращенными к востоку; между костями, если это скелет мужчины, находят мечи, серебряные и золотые кольца, а если скелет женщины, то женские украшения. Находили там греческие монеты, так и различные золотые и медные с арабскими надписями. Вокруг обыкновенно лежат в земле и скелеты лошадей” [3.–С.44].

Очевидно, что в таких описаниях больше фантастики, чем научной информации, хотя в то же время российские ученые и топографы уже имели о курганах совершенно конкретные сведения. Напомню, что уже в 1763 году у с.Копани (ныне Знаменский р-н Кировоградской области) был раскопан так называемый Мельгуновский курган, содержащий скифские драгоценности. Неоднократно имели дело с курганами, расположенными на их землях, и запорожские казаки. Исходя из сказанного, далее мы сосредоточимся на этом круге источников, большая часть которых относится уже ко второй половине XVIII ст.

Весьма примечателен документ 1750 года, который пока не знаком археологам. В нем майор российской армии Иван Головин сообщает кошевому атаману: “Вчерашнего числа [27 мая] усмотрено мною в поле, расстоянием от лагеря сажень в 40 и более, курганы разрытые и мертвые кости выброшены вон и кем оное учинено, о том неизвестно. На что от меня [в] ведения моего команды строгими приказами о том подтверждено, чтобы от такового разрытия курганов никто чинить не смел под опасением смертной казни. Того ради вашего высокородия с товариством прошу ведомства вашего запорожским казакам накрепко о том же подтвердить, чтобы впредь от такового разрытия курганов воздержались под опасением за такие предезости смертной казни. И дабы повелено было от вашего высокородия кому надлежит, оных мертвых тел кости закопать в землю, дабы за нынешним летним воздухом людям какого вреда воспоследовать не могло...” [4.–С.586-587].

Вспомним также более известный эпизод, когда в 1772 году при строительстве укреплений солдаты российской армии нашли на левобережье низовий Днепра, неподалеку от Алешковских песков ряд древних и средневековых руин, в том числе, в одном из курганов - “жилых, мрамором выложенных покоев”. Тогда запорожцы запретили их разбирать, объявив собственностью своего Коша, о которой они давно знают. Казаки сообщили, что сами предполагают использовать найденные камни и известь для строительства своей новой войсковой Покровской церкви после окончания войны [5. –С. 129-130; 6]. Последний объект, скорее всего, следует интерпретировать как античное подкурганное сооружение [7].

В 1775 году российский военный топограф Р.Томилов так описал курганы, расположенные на правобережье Нижнего Днепра, а точнее в “углу” между Днепром и Бугом, отошедшем к России: “Понад речками и балками множество курганов имеется, видно от погребения кочующих в древности идолопоклонников насыпаны, потому что на некоторых высеченные из камня виды человека, и более ширококорое с малыми глазами статуи поставлены были, мужской и женский пол изображающие” [8. –С. 184-185].

В 1791-92 роках биолог А.К.Мейер, служивший офицером в Херсонском гренадерском полку, которому было поручено описание Буго-Днестровского междуречья, отошедшего Российской империи по Ясскому мирному договору, наблюдал древние валы и курганы.

Про первые было сказано, что их отдельные отрезки “видно тут везде”, но автор, к сожалению, не назвал ни одной конкретной местности, допустив, что эти вали когда-то насыпали гунны для защиты от готов. А.К.Мейер видел “множество уединенно стоящих курганов, из коих каждый имеет свое имя”. Ученый предположил, что, поскольку они называются “*Могилами*”, то насыпаны славянами. Далее цитируем: “Каменные изваяния, поставленные на некоторых пригорках для поклонения им, равномерно заставляли славян делать такие возвышения, а продолжительность времени их увеличила мнение, будто бы начальники колен имели свое пребывание на таковых холмах, по-видимому опровергается тем, что вершины их большею частью остры, так что на них человек с трудом стоять может. Особенного примечания достойно и доказывающее их древность то, что вокруг сих курганов не видно ни малейших рытвин и унижений в местоположении, откуда можно заключить, что оттуда взята земля для насыпания сих холмов” [9.—С. 200-202].

Кроме того, Андрей Мейер был одним из первых, кто описал так называемое урочище Сто Могил – то есть некрополь Ольвии: “Так называемые *Сто могилы* представляют ныне холмы, покрывающие наподобие многих Валдайских сопок, древних каковых-либо зданий, состоящих из четырехугольных, обширных каменных жилищ с четырехугольными же узкими для света в стенах отверстиями. Положение сих могил заставляет меня догадываться, что на их месте был или город..., или, что еще вероятнее, были здесь гробницы вождей которого-либо из жившей в сей земле отрасли Скифов. В некоторых подземных сих так сказать пещерах, находятся отрывки мрамора. Сколь же далеко они простираются под землю, того определить не могу, по причине опасности в сих местах от кроющихся там в великом числе волков” [9.—С. 14].

Примерно в то же время еще одно описание Новоприобретенной (Очаковской) области сделал военный инженер и топограф Ф.П. де Волан. Он также обратил внимание на курганный некрополь Ольвии: “Число множества невысоких холмов, окружающих эти развалины в 4-5 верстах, достигает 200-300, находящихся большей частью один подле другого, различных по ширине, высоте, форме. Чаще всего встречается коническая или конусообразная форма высотой от 7 до 24 и 28 футов. Эти холмики в точности схожи с теми одиночными холмами, что в большом количестве встречаются в степи. Такие холмики можно увидеть повсюду (у русских их называют “*курганы*”, а также “*могилы*”): по всей европейской части татарской степи, и в самых диких вересковых ландах Вестфалии, вдоль границ Провинции Голландской республики, и в Арденнах – совершенно такой же формы. Известно, что эти холмы есть ни что иное, как памятники древних кочевых народов, проживавших и бывших здесь и заполнивших затем населенную Европу в 5-м и 6-м веках... Что до холмов или курганов, давших название этому месту, то никто не оспаривает, что они являются сооружениями более современными [чем античные руины – И.С.] и созданы какой-нибудь многочисленной ордой скифов или готов, которые возможно и стали разрушителями города. Однако найдя это место по сердцу: то ли из-за просторного степного пастбища, подходящего для их скота, то ли из-за обилия рыбы в лимане, они обосновались здесь вместе со своими вождями или королями. Таким образом, эти холмы, по-видимому, являются надгробными памятниками” [10.—С. 152-153; Сравн.: 11.—С. 9].

Ф.П. де Волан упоминает еще один курган, точнее – каменные развалины на могильной насыпи, расположенной на берегу балки (долины) Ягорлык у с.Илия: “На вершине холма возле кургана... находятся засыпанные землей развалины, несущие отпечаток древности, а на самом кургане квадратный цоколь какого-то довольно прочного здания или башни – все из тесаного камня и цемента. Нет никакой возможности догадаться, что это было. Все развалины древних поселений, которые можно найти в степи, татарского происхождения. Они, правда, тоже каменные, но камни скреплены просто утрамбованной глиной, там никогда не встречается использование строительного раствора, и все эти

татарские поселения всегда находятся в балках или лощинах и никогда на степных вершинах”¹ [10.–С. 123].

Итак, собранные нами, хотя и далеко неполные данные о курганах, относящиеся ко второй половине XVIII века, свидетельствуют о целом ряде моментов. Во-первых, все они говорят о том, что и запорожские казаки, и офицеры российской армии прекрасно представляли, с чем они имеют дело и не сомневались, что курганы являются могильными сооружениями. Исходя из содержания документа 1750 года, можно заключить, что грабительство курганов уже тогда не поощрялось как по понятиям христианской морали, так и из опасений распространения инфекционных заболеваний. Весьма примечательным является замечание А.К.Мейера о значительной древности курганов, сделанное на основании наблюдения, что возле насыпей почти не заметны места от выемки грунта для насыпи. Насколько мне известно, он был первым, кто упомянул о том, что крупные курганы имели свои собственные названия. Характеристики курганного некрополя Ольвии А.К.Мейера и Ф.П. де Волана интересны сами по себе, тем более что в них упоминаются подкурганные каменные сооружения (склепы). Что касается развалин на кургане у с.Ильи, до сих пор сохранившегося на плато левого берега речки Ягорлык, то еще И.В. Фабрициус на основании данных В.Н.Ястребова конца XIX в. [19], интерпретировала их как остатки средневековой крепости [12.–С. 37]. В то же время, описание характера кладки и мои личные наблюдения позволяют допустить, что это могут быть остатки более позднего турецкого укрепления XVII-XVIII веков с наблюдательной башней, стоящей на самой возвышенной точке местности вдоль границы с Польшей, проходящей в то время по долине реки.

И в заключение обратим внимание на то, что кроме описаний, значительный объем информации о курганах содержится на старых топографических картах. Так, урочище Сто Могил впервые отмечено на рукописной “Карте, учиненной для состоящего по Елизаветградской провинции и в областях турецкой и польской кордона...”, относящейся к 1770-1771 гг. Вместе с детальным описанием и анализом она в черно-белом варианте опубликована В.Н.Ястребовым [13.–Табл. III; 14; 15].

Таких картографических документов, относящихся преимущественно к последней трети XVIII ст., известно довольно много, но более всего курганов Буго-Днестровского междуречья изображено на обзорной и других картах “Атласа Новоприобретенной области” Ф.П. де Волана 1791 года [16; 10]. Это не случайно, так как с вершин курганов как наиболее высоких точек равнинной местности проводились и до сих пор ведутся картографические и геодезические съемки. Именно курганы на протяжении многих столетий были и остаются самыми заметными ориентирами в степях. Поэтому более или менее крупномасштабные карты и планы разных являютя лучшими источниками для исследования топографии древних курганов [17].

1. Рубрук В. Путешествие в Восточные страны // Карпини Дж. История монголов... – М., 1957.
2. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // ЗООИД. - 1867. – Т. VI. – С. 333-367.
3. Тунмани. Крымское ханство. – Симферополь, 1991.
4. Архив Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів: 1734-1775. – Т. 2. – К., 2000.
5. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Составлена из подлинных документов Запорожского Сечевого архива. – Ч.III. – Одесса, 1846.
6. Скальковский А. Доисторические древности Новороссийского края // НТ. – 1869. – № 227. – 8 (20) ноябр.

¹ Данный курган высотой 3,2 м с остатками участка каменной кладки на восточной поле был зафиксирован разведкой Буго-Днестровской экспедиции ИА АН УССР в 1988 г. в составе крупного могильника Розовка 3 [18.–С. 52, 61, рис. 2].

7. Островерхов А.С., Сапожников И.В. Рец.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России: XVIII - середина XIX в. - СПб.: Наука, 2002. – 676 с. // ССПК. – 2002. – Т. X. – С. 271-283.
8. Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской империи землям, 1774 года // ЗООИД. – 1868. – Т. VII. – С. 166-198.
9. Мейер А. Повествованное, землемерное и естественное описание Очаковской земли, сообщенное в двух донесениях. – С.Пб., 1794.
10. Наследие Ф.П.Де-Волана. – О., 2002.
11. Тункина И.В. Начало изучения Ольвии // Археологія. – 1994. – № 2. – С. 7-18.
11. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. I. – К., 1951.
12. Ястребов В. Объяснительная записка к карте Елизаветградской провинции 1772-1774 гг. // ЗООИД. – 1886. – Т. XIV. – С. 157-165.
13. Сапожников И.В. Очерки истории исследований Ольвии и Березани: до начала XIX ст. от Р.Х. // SP. – 2001-2002. – № 3. – (в печати).
14. Сапожников И.В. К истории исследований Ольвии и Березани: до начала XIX в. от Р.Х. // Восточноевропейский археологический журнал (электронный). – К., 2002. – № 5 (18). – сентябрь-октябрь. – (archaeology.kiev.ua)
15. Сапожников І., Солодова В. Перелік карт та планів, які стосуються Хаджибея (Одеси) та Буго-Дністровського межиріччя, другої половини XVIII ст. // Хаджибей-Одеса та українське козацтво: 1415-1797 роки. – О., 1999. – С. 310-325.
16. Сапожников І.В. Картографія та її методи в археології // Національне картографування: стан, проблеми та перспективи розвитку. – К., 2003. – С. 317-319.
17. Сапожников И.В., Новицкий Е.Ю. Курганы в долинах рек Ягорлык и Тростянец: опыт топографического анализа // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. – О. – Запорожье, 1990. – С. 49-70.
18. Ястребов В. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. – 1894. – Т. XVII. – С. 63-177.

Сарачева Т.Г.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ УКРАШЕНИЙ УЗДЫ ИЗ СКИФСКОГО КУРГАНА КОЗЕЛ¹

В процессе раскопок кургана Козел (IV в. до н.э.) были выявлены захоронения 11 коней, имеющих традиционные уборы из металлических украшений². Изучение технологии изготовления убранства коней позволяет определить круг приемов, которыми владели древние мастера. В настоящей работе изложены результаты исследования бронзовых и серебряных украшений узды (круглых блях и нащечников), основанного на поверхностном осмотре с помощью увеличительных приборов, а также фиксации следов инструментов и следов выполнения производственных операций.

Круглые бляхи (61 экз.). В выборке преобладают сборные украшения: с помощью клепки и пайки мастера соединяли отлитые отдельно выпуклые щитки и петли в виде дуги или дуги с плоским основанием. Кроме того, на некоторые серебряные бляхи напайвали штампованные полые шишечки. Несмотря на то, что щитки и петли блях делали отдельно, они всегда выполнены из одинакового материала: бронзы или серебра.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 01-01-00399а)

² Коллекция хранится в фондах отдела археологических памятников ГИМ. Выражаю благодарность хранителю К.Б. Фирсову, а также И.В. Яценко и Е.В. Переводчиковой за помощь в работе.

Две серебряные бляхи (конь 8) были отлиты вместе с петлями в формах, сделанных по выплавляемым моделям. Шесть блях коня 10 выполнены в технике выколотки из тонкой (0, 2 мм) серебряной заготовки. Украшения лишены шишечек.

Таким образом, можно выделить 4 технологические схемы (ТС) изготовления блях: 1) отливка щитка, пробивка отверстия (рис. 1, 1)³; отливка петли и ее припаивание к щитку; расковка выступа петли в шишечку и ее золочение (по этой схеме выполнены все бронзовые изделия (29 экз.) и 11 серебряных); 2) отливка щитка и петли; штамповка шишечки; припаивание петли и шишечки к щитку (13 серебряных); 3) отливка щитка вместе с петлей (2 экз.); 4) ковка тонкой пластины; выколотка щитка, пробивка отверстия; изготовление петли; припаивание петли к щитку, расковка выступа петли (6 экз.).

Фигурные серебряные бляхи с ажурным декором (4 экз.) дополняли две круглые в наборе коня 8. Щитки отливались вместе с петлями по выплавляемым моделям в одноразовых формах, то есть, все шесть блях узды этого коня изготовлены по единой ТС, несмотря на морфологические различия. Штрихованные полосы и выпуклый декор выполняли на моделях, ажурный – после литья. Отверстия пробивали не очень аккуратно, в результате композиция углубленного декора оказалась нарушенной (рис. 1, 2).

Нащечники (22 экз.) состоят из плоского фигурного щитка, сверху которого, как правило, находились две шишечки, а на оборотной стороне располагались две припаянные петли (рис. 1, 4). Щитки отлиты в одноразовых формах, сделанных по выплавляемым моделям, на которых и выполняли декор. О таком способе литья свидетельствуют угловатые очертания углубленных линий, разная длина черточек штрихованных полос, наплывы металла, перекрывающие линии декора (рис. 1, 3). Иногда декор подправляли после литья.

Технология изготовления 18 нащечников близка к производству круглых блях. Как и в случае с уздечными бляхами, из общей картины выбиваются серебряные нащечники коней 8 и 10: по выделке они аналогичны бляхам из этих наборов. Кованые нащечники коня 10 украшены гравированным декором и треугольными отверстиями, окруженными штрихованными полосками, что сближает их с украшениями коня 8. Исследователи полагают, что широкое использование штрихованных полос, а также форма фигурных блях указывают на связи с фракийским искусством [Мозолевский, 1975; Мелюкова, 1981].

Результаты технологического изучения нащечников могут быть сведены к следующим схемам изготовления: 1) изготовление выплавляемой модели щитка; нанесение углубленного декора; отливка щитка; соединение щитка и петель аналогично сборке круглых блях, выполненных по ТС 1 (14 экз.); 2) отливка щитка по выплавляемой модели; отливка петли; штамповка шишечек; соединение щитка, шишечек и петель с помощью паяния (4 экз.); 3) отливка щитка вместе с петлей по выплавляемой модели; вырезание ажурного декора после литья; 4) вырезание щитка из кованной заготовки; гравировка и вырезание ажурного декора.

Таким образом, ТС изготовления нащечников и круглых блях имеют сходства в форме и способах отливки петель, соединении щитков и петель, размерах и приемах изготовления выпуклых шишечек. Отличие заключалось лишь в том, что вся поверхность нащечников покрывалась декором. Становится очевидным, что украшения выборки составляют четыре группы, выделенные по морфологическим и технологическим показателям. Это позволяет с большой долей осторожности предположить, что они были изготовлены в одной мастерской или круге мастерских, работа которых была организована по сходным принципам. Дадим их краткую характеристику.

Мастерская № 1. В ней были сделаны украшения коней 1-7 (ТС 1). Исключение составляют две бляхи коня 4 (ТС 2), которые, возможно, вошли в убор впоследствии.

1 – оборотная сторона бляхи (конь 1); отверстие для крепления петли со следами разметки, нанесенной перед пробивкой; 2 – ажурная бляха (конь 8); плохая проливка

³ Фотографии выполнены Г.Г. Сапожниковым (ГИМ)

углубленного декора, выполненного на выплавляемой модели; отверстия, нарушившие композицию литого декора; 3 – фрагмент нащечника (конь 11); наплывы металла, перекрывающие линии углубленного декора; 4 – обратная сторона нащечника (конь 9);

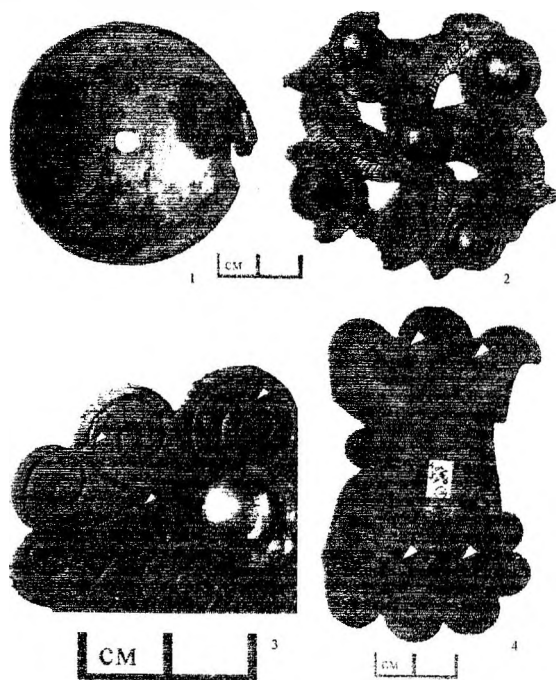

Рис. 1. Следы выполнения производственных операций: следы припоя в местах присоединения петель.

Ювелиры этой мастерской работали с бронзовыми и серебряными сплавами. Преобладают бронзовые украшения (кони 2, 3, 5-7). Петли блях и нащечников имеют плоское основание. Независимо от материала, сборка деталей происходила с помощью паяния и расклепки. Полученная расклепкой шишечка серебряных изделий покрывалась золотом.

Мастерская № 2. В пределах этой мастерской были получены украшения коней 9 и 11 (ТС 2), за исключением одной бляхи коня 9 (ТС 1). В отличие от мастерской № 1, ювелиры занимались обработкой только драгоценных металлов. По своему внешнему виду украшения этой группы сходны с продукцией первой мастерской. Петли имеют форму дуги. Шишечки изготавливали с помощью штамповки. Детали соединяли паянием.

Мастерская № 3. К продукции мастерской относятся изделия коня 8 (ТС 3). Они составляют особую группу, имеющую ряд отличий в морфологии и технологии изготовления. На них отсутствуют шишечки. Круглые бляхи дополнены украшениями иной формы. Четыре бляхи и нащечники декорированы ажурными прорезями, окаймленными штрихованными полосами. Плоские петли отлиты вместе с щитками.

Мастерская № 4. Украшения этой группы представлены бляхами и нащечниками коня 10 (ТС 4). В отличие от всех остальных, они сделаны из кованой пластины. На находках отсутствуют шишечки. Штрихованные полосы и наличие ажурного декора сближает этот круг находок с изделиями мастерской № 3.

Таким образом, в результате изучения выявлены разные схемы изготовления одинаковых по форме украшений и особенности выделки бронзовых и серебряных изделий. В то же время, сходные приемы зафиксированы при анализе разных предметов. Сопоставление блях и нащечников с другими украшениями узды позволяет предположить, что первоначальный убор каждого коня был выполнен ювелирами одной мастерской. Мастера использовали простые, но эффективные приемы изготовления, позволяющие наладить серийное производство украшений из конских уборов.

КОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НА МОГИЛЬНИКЕ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ у с. ГЛИНОЕ.

За период 1995-2003 гг. Днестровская археологическая экспедиция Приднестровского государственного университета исследовала 83 катакомбы позднескифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района Республики Молдова [1.—С.3-28; 2.—С.234-246]. В 16 из них было обнаружено 17 конских сопровождающих захоронений.

Обычай захоронения коня вместе с основным погребённым, согласно сообщению Геродота (Herod., I: 216), был широко известен в Северном Причерноморье. Археологически погребения с конями с достаточной уверенностью фиксируются, начиная с V в. до н.э., но позже не получают широкого распространения, будучи атрибутом аристократических погребений. В сводке В.С. Ольховского фигурируют 48 таких захоронений (без учёта числа коней). Исследователь отмечает, что в большинстве случаев лошадей помещали в специальные отдельные ямы, а не в основное погребальное сооружение [3.—С.117, 160, табл. XI/2, XIV/7].

Совершенно иная ситуация прослеживается на могильнике у с. Глиное. Во всех 16 случаях конские захоронения находились в основных погребальных сооружениях — катакомбах. До начала исследования Глинянского могильника только 13 конских захоронений было обнаружено в катакомбах скифского времени Северного Причерноморья. 10 из них были совершены во входных колодцах, два — в дромосах и в одном случае погребение коня находилось в камере вместе с основным погребённым [3.—С.117].

Практически все конские захоронения на могильнике у с. Глиное обнаружены у dna входных колодцев (2/2, 5/1, 16/1, 17/1, 18/1, 20/1, 34/1, 39/1, 48/1, 53/1, 64/1, 68/1) *. Специальные ниши-“подбой” для коней устраивались редко, всегда в северных стенках входных колодцев (3/1, 18/2, 49/1) (рис. 1.1). В единственном погребении с двумя сопровождающими конскими захоронениями (51/1) одно находилось на дне, а другое — в нише. Отметим, что фракийское влияние, достаточно чётко прослеживающееся на Глинянском могильнике, всё же не распространяется на обряд конских захоронений. Во фракийских погребениях захоронения коней также “располагаются в преддверии или дромосе, ведущем в основное погребальное сооружение”, но эта практика имеет совершенно другие истоки [4.—С.170-171].

Конские захоронения могут быть разделены на три группы: анатомически полные, захоронения черепа и конечностей, отдельные черепа.

Анатомически полные конские скелеты были обнаружены в пяти погребениях - 3/1, 17/1, 18/2, 51/1, 68/1. Некоторые из них были расположены на боку (3/1, 18/2, 68/1), другие — в геральдической позе (17/1, 51/1), но в любом случае черепом по направлению к дромосу и погребальной камере (рис.1.2, 2.1).

Конские захоронения с имитацией анатомического порядка, (череп + конечности) представляют наиболее многочисленную группу (2/2, 5/1, 16/1, 18/1, 20/1, 39/1, 48/1, 49/1, 51/1, 64/1, 68/1) (рис. 2.2). В большинстве случаев черепа коней также направлены в сторону дромоса и погребальной камеры. Погребения с чучелами коней были известны ещё у протогеотов в VI-V вв. до н.э. [5.—С.172].

В.С. Ольховский предположил, что “не исключено использование черепов и конечностей для изготовления чучел”. Если захоронение целого коня можно рассматривать как жертву спутника по жизни (при переходе в мир мёртвых), то создание чучела воплощает иную ипостась, семантически сокращённую, предназначенную для его пребывания в мире мёртвых [3.—С.117; 6.—С.133-134]. Данная трактовка идеологической подосновы обряда конских захоронений подтверждается на материалах Глинянского могильника, при чём наиболее наглядно в вышеупомянутом погребении 51/1, где один из

конских скелетов был полным, другой представлял собой чучело (рис.3.1). Но это только идеологическая составляющая обряда захоронения коней. Возможно, что его практическая часть – в использовании туши животного в качестве тризны до, во время или после совершения погребения. Остеологический анализ подкурганных тризн показал присутствие значительного числа конских костей, в том числе и из “усечённой” туши **.

Третья группа на настоящий момент наименее репрезентативна (34/1, 53/1): черепа коней во всех трёх случаях фиксируются у входа в дромос (рис. 3.2). Практика захоронения отдельных конских черепов, в некоторых случаях с предметами узды, прослеживается в скифских погребениях Центрального и Северного Кавказа. Б.В. Техов из материалов Глийского могильника выделяет погребения №68 и №216, считая, что в них были погребены “почётные представители общества, так как обнаруженные в погребении конские черепа и предметы узды (удила, псалии и т.д.) связаны с обрядом жертвоприношения коней ” [7–С.42]. О кавказских истоках данного обряда на могильнике у с. Глиное могут свидетельствовать находки 3-ёх комплектов удила и псалиев северокавказского типа. Вместе с тем сильное савромато-сарматское влияние, отмеченное на Глинянском могильнике, возможно, послужило причиной появления обычая захоронения отчлнённых конских черепов. Черепа коней известны в сарматских погребениях у сс. Корпач и Олонешты Нижнего Поднепровья [8. – С.35].

Интересен тот факт, что в черепе коня из погребения 53/1 был обнаружен бронзовый наконечник стрелы. Безусловно, эта находка указывает на способ умерщвления животного во время погребального ритуала; впрочем, в остальных погребениях он мог быть и иным.

Инвентарь, сопровождающий конские захоронения, в основном, достаточно невыразителен. Костяная пряжка и большая стеклопастовая бусина–“султан” были обнаружены в погребении 17/1, шесть бронзовых крестовидных нашивных бляшек и бронзовый налобник находились на черепе коня из погребения 18/2. Во многих случаях кони были взнузданы, о чём свидетельствуют находки удила и псалиев.

Необходимо отметить, что погребения высшей аристократии на могильнике у с. Глиное содержали богатые наборы конского снаряжения – бронзовые фалары, налобники, колокольчики и др. Скорее всего, в данном случае следует говорить о символической замене этими наборами отсутствующих коней [9. –С.72; 10.–С.40; 11.–С.140].

Конские захоронения на могильнике сопровождали в 9 случаях мужчин-воинов и в одном женщину (?) – погребение 39/1 ***. Анализ погребального инвентаря для тех погребений, где отсутствуют антропологические определения, свидетельствует о принадлежности захоронений коней исключительно мужчинам-воинам.

Обобщая все данные о погребениях коней, необходимо остановиться на следующих моментах. Количество конских захоронений на могильнике у с. Глиное очень велико в сравнении с любыми другими погребальными скифскими памятниками IV-II вв. до н.э. (около 15%). Они не являются атрибутом аристократических погребений, в большинстве случаев сопровождая погребения рядовых воинов. Широкое распространение конских захоронений с имитацией анатомического порядка является отличительной чертой Глинянского могильника.

Принимая во внимание изложенные наблюдения, а также отсутствие специальных ям для погребений коней и остатков погребальной повозки, отметим, что обряд захоронения коня на могильнике позднескифского у с. Глиное времени имеет аналогии в Восточноевропейской Степи [12.–С.144, 146, 149] и Лесостепи, Казахстане, Поволжье, Приуралье и Прикубанье, чьё население, как правило, помещало коня в основное погребальное сооружение [3.–С.163-164]. Эти специфические черты Глинянского могильника, наряду с другими значимыми особенностями [1.–С.3-28; 2.–С.234-246], могут свидетельствовать об иной, нежели скифской, принадлежности племён, оставивших данный памятник.

- Здесь и далее по тексту номер в числителе соответствует номеру кургана, а в знаменателе – номеру погребения.

** Остеологические определения научного сотрудника ИАЭ АН РМ Г.Д. Чемыртана.

*** Антропологические определения научного сотрудника ИАЭ АН РМ А.М. Варзаря.

1. Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. – Тирасполь, 2000.
2. Четвериков И.А. Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н.э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. – Тирасполь. 2003.
3. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). Л. 1991.
4. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. – М. 1979.
5. Анфимов Н.В. Сложение меотской культуры и её связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М. 1971.
6. Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М. 1999.
7. Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. – М. 1980.
8. Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. – Кишинёв, 1990.
9. Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев. 1981.
10. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Левобережья. – Киев. 1989.
11. Очир-Горяева М.А. Предметы конской упряжи и конь в погребальном обряде кочевников Евразии в скифскую эпоху // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Часть II. – СПб. 2002.
12. Чередниченко Н.Н., Болдин Я.И. Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. – Киев, 1977.

Скорый С., Хохоровски Ян

КУРГАН СКИФСКАЯ МОГИЛА В ДНЕПРОВСКОЙ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ (некоторые предварительные итоги исследования).

Курган Скифская Могила входит в состав Западной группы курганного некрополя, расположенного в непосредственной близости с Мотронинским городищем – крупнейшим укрепленным поселением скифской эпохи в бассейне р. Тясмин. Скифская Могила – самый масштабный погребальный памятник Мотронинского курганного некрополя (более 70 насыпей) и один из наиболее крупных в Днепровском Лесостепном Правобережье. По данным топографической съёмки, к моменту исследования его максимальная высота достигала 7,75 м от современной поверхности, максимальный диаметр насыпи равнялся 55 м. Центр насыпи был нарушен довольно большой, сильно оплывшей грабительской ямой. К ней от северной полы насыпи проходила сравнительно узкая и глубокая траншея, время сооружения которой и назначение не ясны. Поскольку курганный могильник располагается в лесистой местности, насыпь Скифской Могилы была основательно поросшей лиственными деревьями.

Курган исследовался в течение трёх полевых сезонов (2001-2003 гг.) силами совместной Украинско-Польской экспедиции Института археологии НАН Украины и Института археологии Ягеллонского университета под руководством авторов. В ходе работ использовалась землеройная техника (бульдозер, экскаватор), позволившая удалить

большую часть насыпи, хотя объём ручных работ, осуществленных на кургане, - чрезвычайно велик.

Насыпь кургана была сооружена в 2 приёма. *Первичная* насыпь (примерный диаметр – 25 м, высота – более 4 м) состоит из лесного каштанового грунта и пластов дёрна различных размеров и формы, расположенных в центре как бы по кругу, в несколько слоёв. Поверхность насыпи была покрыта жердями, толщиной 5-15 см, уложенных радиально к центру. В отдельных местах на склонах указанные жерди в свою очередь были перекрыты жердями, уложенными поперёк, по периметру насыпи. По-видимому, это было сделано с целью закрепления на насыпи радиальной выкладки. В некоторых местах жерди сохранились в длину до 2 м. Вероятно, эта выкладка имитировала *шатровидную конструкцию*. Поверх жердей "шатровой" конструкции была выложена трава (сохранился белый тлен), а в отдельных случаях и кора (тёмно-коричневый тлен). У основания насыпи, по её периметру, открыты столбовые ямы от деревянного *частокола*. Расстояние между столбами 9-10 см, их диаметр такой же, глубина столбовых ям до 60 см. Высота столбов *частокола*, судя по сохранившемуся отпечатку в одном из профилей вторичной насыпи, была не менее 0,8 м. С северной стороны *частокол* имел разрыв – возможно вход в сакральную зону.

Вторичная насыпь, увеличившая курган практически до современного его состояния, построена из лесного каштанового грунта и, похоже, была закреплена по краям плитками дёрна. В грунте вторичной и первичной насыпей, на различных уровнях, встречались фрагменты лепной посуды скифского времени и античных амфор, а также кости животных, по-видимому, следы заупокойных тризн, **осуществлённых в ходе сооружения насыпей.**

На уровне подкурганной поверхности открыты 2 гробницы – *Центральная* (№ 1) и *Боковая* (№2), расположенные практически на одной линии (по оси север - юг с лёгким смещением к западу), на расстоянии 6 м друг от друга. *Центральная гробница* была целиком перекрыта первичной насыпью. *Боковая могила* своей северной частью прорезала южную часть первичной насыпи. Материковый выкид из неё лёг на склоны упомянутой насыпи. Иными словами, с точки зрения последовательности сооружения гробниц и осуществления захоронений в них *Центральная могила* является более ранней. Столбы *частокола*, располагавшиеся в основании первичной насыпи, вплотную подходили к стенкам *Боковой гробницы*. По-видимому, в этом месте участок *частокола* был снят при "впуске" *Боковой гробницы* в первичную насыпь. После совершения захоронения в *Боковой могиле* она была перекрыта небольшой насыпью, на которой сверху выложили жерди, составившие участок общей радиальной выкладки на поверхности первичной насыпи. Затем насыпь кургана была досыпана по всей площади.

Обе обнаруженные гробницы представляют собой однотипные 9-ти столбовые *склепы* с дромосами, помещённые в ямы. Стены гробниц (а это особенно чётко фиксировалось при исследовании *Боковой гробницы*) были облицованы вдоль хорошо оструганными досками (ширина которых, судя по сохранившимся отпечаткам, равнялась 13-24 см). Их нижние концы были закреплены в довольно глубоких канавках (ширина 4-14 см, глубина 10-27 см) вдоль стен. Опорные столбы *склепов*, поддерживавшие перекрытие, исходя из размеров столбовых ям, имели диаметр 0,35-0,50 м и были вкопаны в пол на глубину 0,63-1,00 м. Судя по лучше сохранившейся *Боковой могиле*, основу перекрытия гробниц составлял каркас, располагавшийся на опорных столбах; поверх него был уложен накат из брёвен.

Центральная гробница ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ, *Боковая* – С-Ю. Над *Центральной гробницей* первоначально располагалась дополнительная надмогильная деревянная конструкция конической формы, нижние концы столбов которой закреплялись в 3-х линзах материкового выкида, уложенного вокруг могилы, или непосредственно в грунте древнего горизонта.

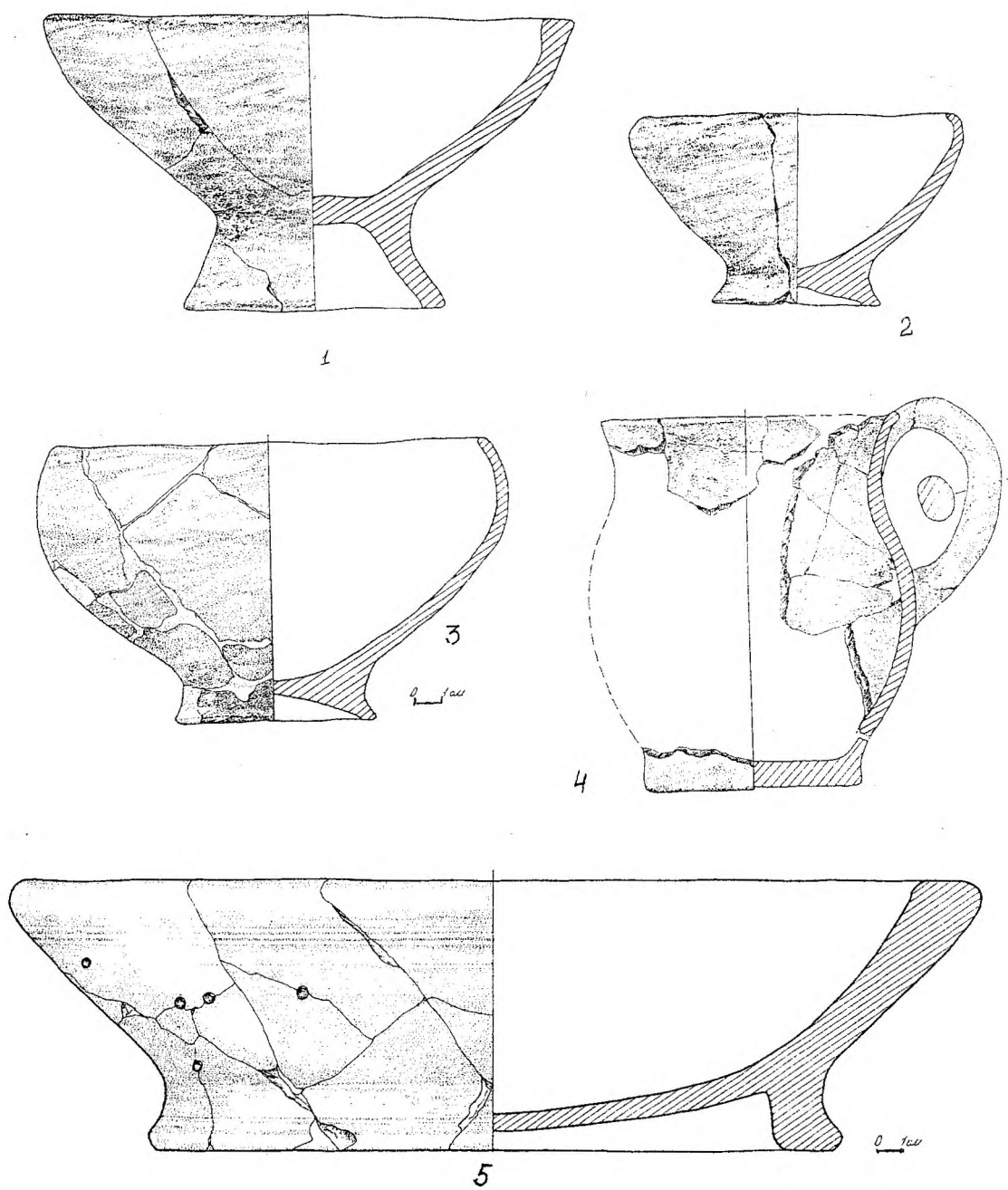

Рис.1. Лепные сосуды (1-4) и греческий лутерий (5), найденные на тризне вблизи Боковой гробницы.

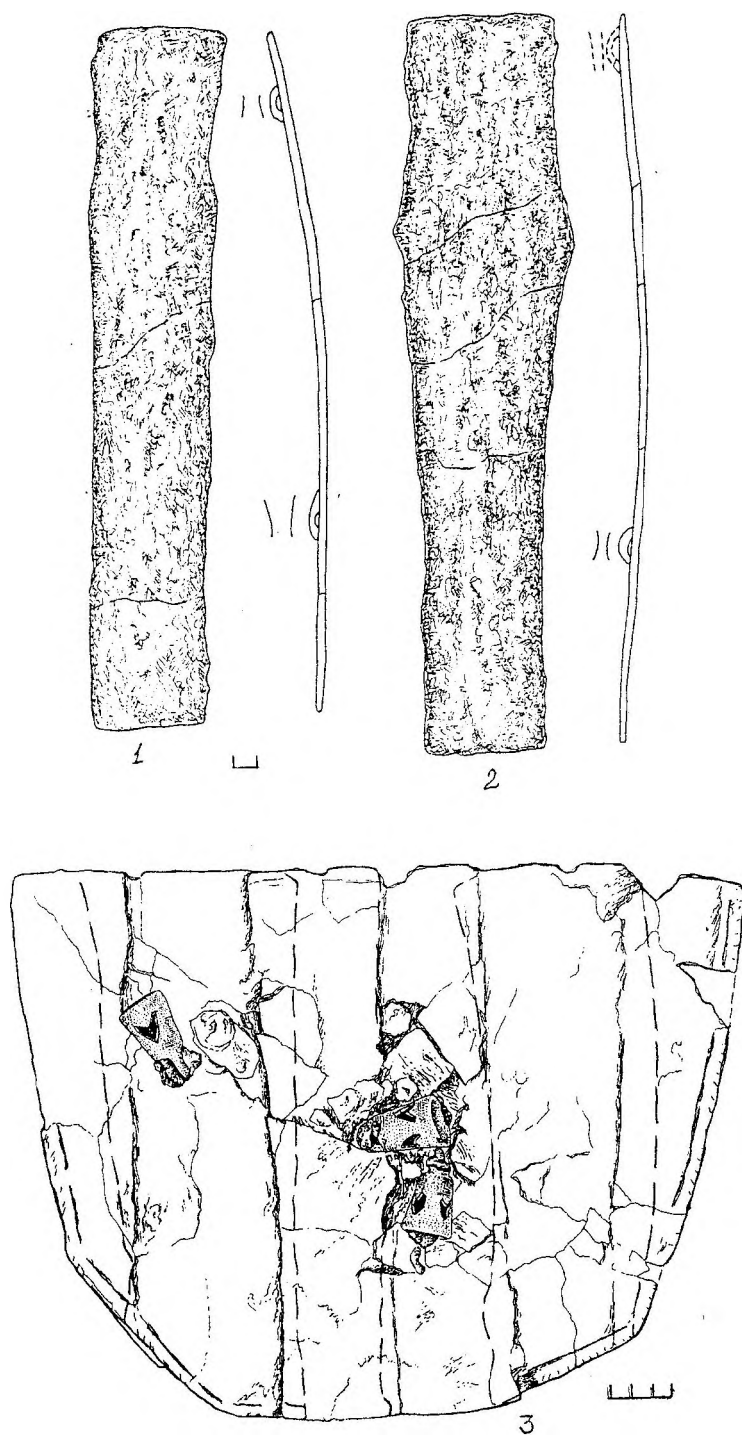

Рис.2. Металлические средства защиты боевых коней из Боковой гробницы: железные налобники(1-2) и нагрудник (3).

Дромосы примыкали к гробницам - с ЮЮЗ (*Центральная гробница*) и Ю (*Боковая*). Дромос *Центральной гробницы* был весьма коротким (1,5 x 1,3-1,9 м) и отличался крутизной пола по отношению к погребальной камере. Вход в погребальную камеру был перекрыт заслоном из истлевших брёвен, положенных одно на другое. Общая площадь *Центральной гробницы* более 20 кв.м (при этом более 15 кв. – площадь погребальной камеры). Дромос *Боковой гробницы* напротив был длинный (5,40 x 1,80-2,0 м), плавно спускающийся ко дну погребальной камеры. Погребальная камера, трапециевидная в плане, имеет размеры около 17 кв.м. Таким образом, общая площадь *Боковой гробницы* равна более 27 кв.м. Подчеркнём, что в исследованном кургане зафиксирован довольно редкий для скифских погребальных памятников случай, когда *Центральная могила* уступает по своим масштабам (более чем на 7 кв.м) *Боковой*.

Обе гробницы ограблены: *Боковая*, судя по всему, 2 раза, в древности, *Центральная* – несколько раз, в том числе в позднее время. Несмотря на ограбление и частичное разрушение (сказанное особенно касается *Центральной могилы*), гробницы содержали некоторые интересные детали интерьера погребальных камер, отдельные предметы погребального инвентаря, разрозненные останки погребённых, позволяющие составить представление о времени захоронений и особенностях погребального обряда.

В заполнении *Центральной могилы*, на различных уровнях найдены немногочисленные, сохранившиеся после опустошительных ограблений предметы: обломки бронзовых наконечников стрел, железные вток от копья и ворварка, несколько бусин, среди которых наибольший интерес представляет большая сердоликовая бусина сферической формы, мелкие обломки железных и бронзовых предметов неясного назначения, невыразительные обломки лепной посуды. Для определения даты *Центральной могилы* особую важность имеют фрагменты гончарной античной посуды – светлоглиняной амфоры хиосского производства (первая четверть V в. до н.э.) и двух сероглиняных чашечек конца VI – начала V вв. до н.э. На полу погребальной камеры, на различных участках, встречены остатки жертвенной мясной пищи в виде бараньих и конских костей. В могиле сохранились в переотложенном состоянии останки 3-х погребённых: наибольшее количество костей (в том числе череп и нижняя челюсть) принадлежит женщине 35-45 лет, ещё несколько костей – также женщине (возраст не ясен), фрагментированная нижняя челюсть – ещё одному субъекту 20-30 лет (пол не ясен). Восточнее гробницы, где отсутствует линза материкового выкида, открыта площадка, выстланная первоначально ветками и корой (от которых сохранился тлен), со следами заупокойной тризны (**совершённой по-видимому либо перед захоронением либо после него**) (в виде фрагментов двух античных амфор – хиосской (80-70-е гг. V в. до н.э.) и протофасосской (первые десятилетия V в. до н.э.), а также отдельные кости животных в том числе – конские.

Боковая гробница, значительно меньше нарушенная грабителями, сохранила ряд интересных элементов погребальной обрядности и более широкий круг находок. Рядом с ней (к ЮВ и З) зафиксированы остатки заупокойной тризны (**совершённой, вероятно, сразу же после осуществления захоронения**) в виде небольших кострищ и разнообразная посуда. В первом случае – это 4 лепных сосуда (2 миски, миска-ваза и кружка) (рис.1,1-4). По-видимому, с тризной следует связывать и бронзовый котёл без следов напутственной пищи, располагавшийся к западу от лепных сосудов, на дощатом перекрытии дромоса. Вблизи западной стенки погребальной камеры найден античный лутерий конца VI – начала V вв. до н.э. (рис.1,5). У самого входа в могилу, с восточной стороны обнаружен, очевидно, утерянный грабителями фрагментированный оселок из мелкозернистого песчаника в золотой оправе.

На дне дромоса находились сопровождающие захоронения: слуги (мальчик 12-15 лет) и коня с железными деталями узда.

Погребальная камера, по-видимому, имитировала жилое помещение. Об этом свидетельствует не только её конструкция в виде деревянного склепа, но и некоторые детали интерьера. Пол, например, был выстлан корой и тканью крупного плетения, следы которой фиксировались, прежде всего, в восточной части помещения. У северной стены погребальной камеры в нарушенном состоянии располагались многочисленные человеческие кости (мужчина около 50 лет). Покойник первоначально был помещён на обширном, длиной около 3 м, деревянном помосте (лежащем вдоль северной стены, т.е. в направлении В-З), на разостланном металлическом наборном доспехе, вероятно, головой на З (судя по расположению костей нижних конечностей). Остатки защитного вооружения представлены многочисленными, различными по размеру, сильно "скипевшимися" в процессе коррозии железными пластинками (чешуйками) и лишь несколькими бронзовыми. Вид и количество доспеха, в связи с его сильным разрушением, определить трудно, хотя о наличии чешуйчатого панциря можно говорить вполне однозначно. Среди костей погребённого в переотложенном состоянии найдены немногочисленные остатки наступательного вооружения (железные втоки от 3-х копий, обломки наконечника копья, ворварки, бронзовые наконечники стрел конца VI-V вв. до н.э.). В юго-восточном углу и южной половине помещения сохранились остатки напутственной пищи в виде бараньих (целая тушка) и конских (лопатки, челюсти) костей.

У восточной стены, под глиняным завалом, образовавшимся до ограбления могилы вторично, в непосредственной близости с двумя столбовыми ямами, обнаружены металлические детали 4-х наборов конского снаряжения, символизирующие захоронения коней. Два из них содержат великолепно выполненные гарнитуры бронзовых литых украшений в виде головы лося, кошачьего хищника, мифического существа, сочетающего черты кошачьего хищника и травоядного (?) животного и пр. Изображения, особенно лосинных голов, отличаются реализмом и обладают признаками, свойственными для звериного стиля начала – 1-ой половины V в. до н.э. В петлях некоторых блях сохранились небольшие фрагменты ремней оголовья. Уздечки, по-видимому, первоначально висели на столбах и оказались на полу вследствие деструктивных процессов в погребальной камере.

Рядом с уздечками на полу, *in situ*, располагались 2 больших разно великих железных налобника для защиты головы коня (рис.2,1-2) и 2 конских нагрудника, положенные один на другой. От одного из них (который, по-видимому, составлял комплект с уздой, содержащих бронзовые детали в виде кошачьих хищников) сохранились 3 бронзовых прорезных колокольчика, некогда крепившиеся на нагрудный ремень. Второй (сочетавшийся, скорее всего, с железной уздой и одним из железных налобников), безусловно, является уникальной находкой, представляя собой металлический доспех, набранный из длинных железных пластин, закреплённых на кожаной основе (рис.2,3). Таким образом, знатного воина, погребённого в *Боковой гробнице*, вероятно, с комплектом тяжёлого защитного вооружения, сопровождали символические захоронения коней, снабжённых как парадной сбруей, так и специфическими металлическими средствами тяжёлой защиты в виде железных налобников и нагрудника.

Некоторые особенности *Центральной гробницы* позволяют предположить, что она могла быть местом захоронения женщины (существенно меньшие её размеры по сравнению с *Боковой гробницей*, где похоронен знатный воин; отсутствие каких-либо следов конского погребения или принадлежностей узды, свойственных мужским воинским захоронениям; наличие в центральной гробнице отдельных женских украшений, наконец – данные антропологии). Если наше предположение верно, *Центральная гробница* отнюдь не являлась главной в данном погребальном комплексе.

Захоронения в обеих гробницах, несомненно, близки по времени. Предварительно их дату можно определить в рамках *1-ой трети V в. до н.э.* Некоторые особенности погребальной архитектуры и сохранившегося инвентаря, чуждые традициям Европейской Скифии, похоже, свидетельствуют об их появлении под воздействием импульса, исходящего из восточной части Евразийской территории.

ФИГУРНЫЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ СВЕТИЛЬНИК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЗМЕЯ ИЗ ТИРЫ

В коллекции аккерманского краеведа В.П. Пушкарёва некогда хранился глиняный светильник, найденный на развалинах Тире. Сейчас изделие хранится в одной из одесских коллекций. В связи с тем, что лампа представляет интерес для специалистов, представляется необходимым ввести её в научный оборот.

Светильник изготовлен из розовой кремово-розовой глины. Он имеет закрытый резервуар удлиненной подбиконической формы, небольшой рожок и низкую подцилиндрическую, овоидную в плане, ножку (Рис. 1, 1а-е). Лампу обвивает огромный змей, хвост которого образует петельчатую ручку, а голова покоится у устья рожка. Чешуйчатая шкура моделирована при помощи вдавлений палочкой по мокрой глине. Голова большая, подтреугольная. Хорошо проработаны овальные глаза, ноздри и большой рот мирно отдыхающего животного. В воронкообразном, овоидном в плане, щитке, сделано продолговатое отверстие для заливки масла. На ножке по сырой глине, прочерчена надпись **ΙΟΥ**. Длина лампы 11, 8 см; высота 4,2 см; высота поддона до 0,8 см; его диаметр 4,0 см; размеры отверстия в щитке 2,1 x 1,0 см, овального отверстия в рожке – 0, 7 x 0, 5 см.

Светильник сделан в несколько приемов. Сперва в форме был отформован корпус. Затем вручную на него наклеплен длинный жгут, из которого при помощи специального инструментария, отработаны туловище змея и нанесена надпись на дно.

Анализируемый светильник относится к т.н. типу *южнорусских ламп* римского типа, получивших широкое распространение в античных центрах Северного Причерноморья. В первые века н.э. подобные светильники производились в Италии, в западных провинциях, в малоазийских, сирийских и египетских мастерских. В. Вальдгауэр считал, что они изготавливались и в Северном Причерноморье по слепкам с привозных образцов, период их наибольшего распространения относил к III в. н.э. В.И. Кадеев подтверждает наличие местного производства подобных светильников в Херсонесе, но расширяет датировку (конец I-III вв. н.э.). Известны находки подобных ламп в печах Горгиппии конца II – начала III в. н.э. Р.И. Ветштейн предполагает также их местное производство в Ольвии [1. – С. 49-53; 2. – С. 72; 3. – С. 172; 4. – С. 44; 5. – С. 261-264; 6. – С. 159. – Рис. 42, 4; 7. – С. 106-108; 8. – С. 186-188; 9. – С. 25; 10. – С. 121-122; 11].

Светильники различных типов хорошо известны и по находкам в Тире. Об их производстве в этом городе в первые века н.э., свидетельствуют находки керамических форм, предназначавшихся для формирования светильников [12. – Р. 557-601; 13. – С. 115-133]. По информации Т.Л. Самойловой, ещё одна форма позднеимперского времени была найдена во время раскопок последних лет.

Близкой аналогией публикуемому изделию является тирский светильник, на щитке которого изображена свернувшаяся змея, а на дне – надпись **ιερω** [«я посвящаю»]. Лампы с изображениями змей М.М. Кобылина датирует не ранее IV в. н.э. [14. – С. 120. – Табл. 1, 5; 15. – С. 133-134. – Рис. 3; 16. – С. 120].

В античном мире с помощью светильников освещались частные дома, общественные здания, улицы, площади, театры, мастерские. Лампы играли значительную роль в религиозной и культурной жизни эллинов. Зажженные светильники считались носителями божественного начала, являлись апотропеями. Их ставили в храмы, домашние святилища, зажигали во время процессий, в праздники и в дни траура. Одновременно светильники были и символом души. Поэтому их довольно часто ставили в погребения. Эти воззрения во многом были заимствованы и христианами, где само божество олицетворялось в лампаде.

Иногда светильник в руках мастера превращался в шедевр коропластики. В этом качестве он нес и эстетическую нагрузку. Появление таких светильников в Тире, свидетельствует о наличии в городе состоятельной прослойки населения, не

удовлетворявшейся массовой продукцией [3. – С. 206; 17. – С. 53; 13. – С. 122; 18. – С. 72-73; 19. – С. 147-156; 20. – Р. 262; 21. – Р. 56, 315; 22. – Р. 4].

Анализируемый светильник относится к разряду *культовых*. Об этом свидетельствуют изображение змеи и надпись. Культ змеи существовал у многих народов на различных этапах развития, обычно в нем превалировали хтонический и катахтонический аспекты. «Змеи или змеевидные существа были ближайшим порождением земли и самым ярким символом ее могущества и силы, её мудрости и стихийного смешения добра и зла». Змея мыслилась «воплощением души предка, хранителем его потомков, их семьи и дома». Древние верили, что после разложения тела в могиле спинной мозг превращается в змею (Ovid. *Metam.*, XV, 389-390).

В дионисийском культе змея являлась одной из инкарнаций Диониса. У мистов Сабазия змею пускали за пазуху посвящаемого и выпускали снизу из-под одежды (Clem. *Alex.*, *Protr.*, II, 76). В оргиях менад змея была их символом (Dem., *De cor.*, 260), вакханки увенчивались змеями, носили их в руках и цистах (Plut., *Alex.*, 11; Clem. *Protr.*, II, 79). В Элевсинских мистериях змей был символом Зевса Мейлихия – супруга Деметры и посвящаемого в мисты (*s.v. Serpents* - OCD. – 1970. – Р. 979). В культе Сераписа и Исиды

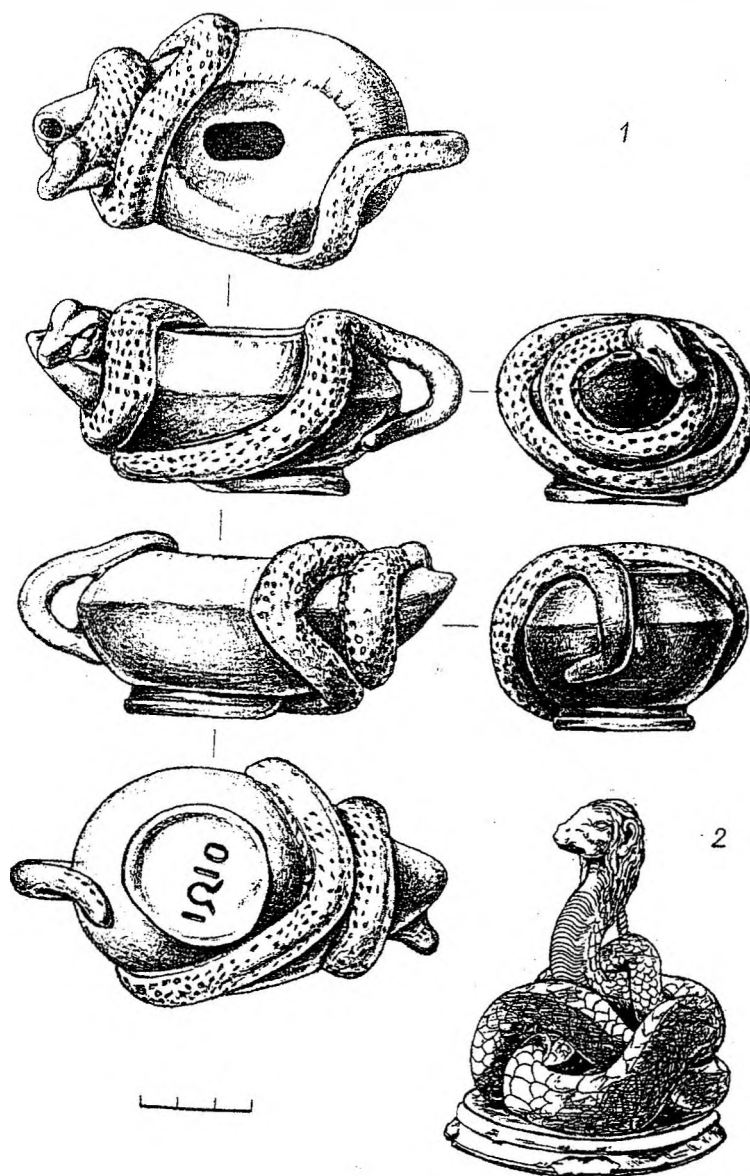

Рис.1. Керамический светильник из Тире (1) и мраморное изваяние
Змея-Гликона из Том (2)

змея обозначала доброго гения и демиурга. Змея, обвитая вокруг треножника или яйца, ассоциировалась с мантикой Аполлона и Дельфийским оракулом. Кадуцей, обвитый змеями, – атрибут Гермеса. Змеи были спутниками и символами героев (*Theophr., Char., XVI, 4*). Особое место змея занимала в культе Ахилла. В Нижнем Поднестровье предполагается наличие местностей, связанных с почитанием героя [17. – С. 41; 23. – С. 288-290; 24. – С. 155; 25. – С. 80-81; 26. – С. 107-109; 27. – С. 468-471; 28. – С. 55-62; 29. – С. 112-113. – Рис. 5; 30. – С. 254-268].

Памятники искусства с изображением змеи, найденные в Тире, Н.А. Сон связывает с культом Асклепия и Гигиены [15. – С. 133-134]. Не отрицая возможности такой трактовки (*Ovid., Met. XV, 669* сл.), мы все же обращаем внимание на сходство нашего змея с образом Гликона (*s.v. Glykon* – LIMC. – 1986. – IV. – Р. 279-280) на изваянии из Том (Рис.1, 2), а также других памятниках подобного рода [31. – С. 248; 32. – Fig. 55-57; 33. – Р. 334-345; 34. – С. 77. – Рис. 11]. О почитании в Тире Гликона, может свидетельствовать находка в городе геммы с изображением Змея в наосе, а также трактовке пресмыкающегося на светильнике, как хранителя священного огня и омфала (Рис. 1, 1д).

Наличие надписи на донышке светильника, внешне позволяет отнести его к категории изделий, известных в литературе как *светильники со штампами* (*Firmalampen*). Они снабжены на донышке рельефными сигнатурами, обозначающими *cognomen* владельца мастерских [13. – С. 122-123; 35. – С. 60. – Тур X. – Abb. 52, 7; 36. – Р. 19-20; 37. – Р. 14. – Тур. XI; 38].

Однако, в нашем случае надпись обозначает *имя божества, зооморфной ипостасью которого был змей*. Подобные надписи помещались на памятниках искусства с изображением богов гностицизма, соединяющих в себе различные черты верований Греции, Рима и Востока с элементами магии, астрологии и алхимии. Как нам представляется, в надписи дважды повторено [**ΙΩΛΟ**] название бога Яхве. Имя **ΙΑΩ** и его дериваты чаще всего встречается на предметах с изображением змеевидных демонов и демиургов – Хнубиса (создателя космоса и вселенной, владыки человеческих судеб, хранителя древнего природного огня и подателя воды), Семисилама («Солнца мира»), Орориуфа («Светоца света») и других. Пророк Александр у Лукиана (*Luc., Alex., 7* сл.) изображал своего нового бога также в виде змея.

У гностиков, манихеев, митраистов, астрологов и алхимиков змей (**οφις**) являлся символом сущности и основой Вселенной. Он охватывал ее кольцом, сплетая Эон (Время) и Пространство в единое целое, образуя вечность. Надписи и наборы гласных букв, встречающиеся на памятниках подобного рода, нередко таят в себе астрологическую символику. **Ω** соответствовала Зевсу, **Ο** – Аресу, **Ε** – Афродите, **Η** – Гелиосу и т.д. На закате античной цивилизации сложным мистическим построениям жрецов, астрологов и алхимиков о «всеобщей симпатии элементов мироздания» суждено было слиться с новейшими религиозными концепциями монотеистического толка и древнейшими народными предрассудками [38. – Р. 254; 39. – Р. 182; 40. – С. 165-166; 41. – С. 95-97; 42. – С. 28, 38; 43. – С. 128; 44. – С. 194-195].

О наличии таких религиозных инноваций в Тире, свидетельствует, находка геммы с изображением Абрасакса. Демон показан в виде *змееного* существа в панцире с головой петуха, со щитом в левой руке и плетью в правой. На наружной стороне щита надпись – **ΙΑΩ**. На внутренней – **ΑΒΡΑΣΑΧ**. Смысл первой надписи раскрывает фраза, оброненная Макробием (*Macrobi., Saturn., I, 18*): «Отец Дионис и Солнце обозначаются именем Иао». Абрасакс же – одно из космологических существ позднеантичных гностиков. Согласно их доктрине, божество было верховным главою небес и эонов, как бы совмещающим в своем лице их полноту. Культ Абрасакса имел распространение и за пределами христианского гностицизма, в культово-магическом обиходе позднеантичного синкретического язычества [45. – № 316-317; 46. – С. 117-118; 47. – С. 59; 48. – С. 299-304].

Вполне возможно, что светильник был изготовлен коропластами Тиры. В пользу нашего предположения может свидетельствовать одинаковая техника исполнения чешуек

змеи на светильнике, и одежды на терракоте с изображением местного женского хтонического божества [46. – С. 130. – Рис. 15; 49. – С. 25, 27. – Табл. 2, 4; 50. – С. 119-120]¹ с элементами змеиности [вариант змееногой богини?], соединявшего в себе черты Кибелы, Гекаты, Деметры, Афродиты, Артемиды и других Великих богинь. Её паредром было синкретическое божество с чертами Ахилла, Тираса, местного Геракла. В устье Тираса существовал и посвященный этим божествам остров Офиуса, то есть Змеиный [30. – С. 254-268]. Вполне возможно, что в первые века н.э. у тирасцев оно также частично отождествлялось с Фракийским всадником, Гликоном и Абрасаксом.

На основании накопившегося материала, можно говорить о том, что в римское время в Тире функционировала *местная школа коропластики, а, может быть, и прикладного искусства, в целом*. Наряду с общими, характерными для этого времени, чертами, она имела и специфические особенности, которые отличают продукцию тирских мастеров от других центров. К этому выводу в свое время близко подошла и Н.А. Сон [46. – С. 128-130].

¹ Вслед за И.Б. Клейманом, исследователи считают, что вдавления на одежде имитируют овечью шкуру. Как нам представляется, таким образом, имитировалась змеиная чешуя.

1. Вальдгауэр О. Античные глиняные светильники. – СПб., 1914.
2. Книпович Т.Н. Танаис. – М.; Л., 1949.
3. Bernhard M.L. Lampski starozytne. – Warszawa, 1955.
4. Haken R. Rímské Lampy v Národním Museu v Praze v jiných Československých sbírkách // Sborník Národního Museu v Praze. – Praha, 1958.
5. Иофа Т.И. Красноглиняные светильники // Ольвия. – М.; Л., 1964.
7. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время (очерк экономической истории). – М., 1966.
8. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I – IV вв. н.э. – Харьков, 1970.
9. Ветштейн Р.И. Местная керамика Ольвии первых веков н.э. // Ольвия. – К., 1975.
10. Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. – М., 1988.
11. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. – К., 1993.
11. Левина Э.А. Античные светильники Одесского археологического музея (I-IV вв. н.э.). – Одесса, 1992.
12. Nicorescu P. Fouilles de Tyras // Dacia. – 1927-1932. – Vol. III-IV. – 1933.
13. Сон Н.А., Сорочан С.Б. Античные светильники из Тиры // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988.
14. Дмитров Л.Д. Основні підсумки Ізмайльської археологічної експедиції 1949-1950 рр. // АП УРСР. – 1955. – Т. 5.
15. Сон Н.А. Греческие культы Тиры первых веков нашей эры // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. – К., 1980.
16. Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. – М., 1978.
17. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957.
18. Зубарь В.М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. – К., 1990.
19. Зубарь В.М. Сорочан С.Б. Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. – К., 1984.
20. Deonna W. L'ornementation des Lampes romaines // Revue archeologique. – Paris, 1927. – Vol. 26. – P. 262;

21. Ferguson G. Signs and Symbols in Christian Art. – New York, 1955.
22. Walters H.B. Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum. – London, 1914.
23. Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. – Спб., 1913.
24. Клиnger В.П. Животные в античном и современном суеверии. – К., 1911.
25. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). – К., 1993.
26. Зубарь В.М., Мещеряков В.Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н.э.) // Население и культура Крыма в первые века н.э. – К., 1983.
27. Иванов В.В., Топоров В.Н. Змей // МНМ. – 1992. – Т. 1.
28. Cojocaru V. Achilleux in Tyras // Tyche. – 2000. – Т. 15.
29. Самойлова Т.Л., Кожокару В. Новые данные о культах и культовых античных постройках в Тире // Северное Причерноморье в античное время. К., 2002.
30. Островерхов А.С., Субботин Л.В. Божества Никония по случайным находкам культовых изделий // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. – Тирасполь, 2002.
31. Штаерман В.М. Социальные основы религии Древнего Рима. – М., 1987.
32. Canarache V., Aricescu A., Barbu V., Rădulescu A. Tezaurul de sculpturi de la Tomis. – București, 1963.
33. Treister M.Yu., Zubar V.M. A Gold Medallion Representing Fortuna and Glycon from the Necropolis of Chersonesus // Ancient Civilisation from Scythia to Siberia. – 1994. – Vol. - №3.
34. Трейстер М.Ю. К находке бронзовых и серебряных статуэток в святилище у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. – 1998. – № 2.
36. Menzel H. Antike Lampen in Römisch – Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. – Mainz, 1954.
37. Bailei D.M. Greek and Roman Pottery Lamps. – London, 1963.
38. Iconomu C. Opaite greco-romane. – București, 1967.
39. Cumont F. Les religions orientales dans le paganisme Romain. – Paris, 1909.
40. Babelon E. La gravure en pierres fines. – Paris, 1894.
41. Неверов О.Я. Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах // В кн.: М.М. Кобылина. Изображения восточных божеств
42. Неверов О.Я. Гностические геммы, перстни и амулеты Юга СССР // ВДИ. – 1979. – № 1.
43. Неверов О.Я. Магические амулеты императорской эпохи // Искусство и религия. – Л., 1981.
44. Неверов О.Я. Геммы античного мира. – М., 1983.
45. Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука. II. Рождение астрономии / Пер. с англ. – М., 1991.
46. Kibalthich T.W. Gemmes de la Russie Meridionale. – Mars, 1910.
47. Сон Н.А. Тира римского времени. – К., 1993.
48. Соломоник Э.И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (по эпиграфическим памятникам) // ВДИ. – 1973.
49. Батизат Г.В. Стеклоподвеска из погребения черняховской культуры // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997.
50. Клейман И.Б. Статуэтки из Тиры // Терракоты Северного Причерноморья. – САИ. – 1970. – Вып. Г1-2.
51. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИО КРЫМА

Срубные памятники Крымского полуострова до настоящего времени не являлись предметом специального изучения¹. В докладе 1954 г. Шульц обобщив известные на то время данные сделал заключение о сходных путях развития древнего населения Причерноморья и Крыма.

Первая краткая характеристика памятников степной зоны принадлежит А.А. Щепинскому [1; 2], для некоторых районов эта работа проведена А.Е. Кислым, В.А. Колотухиным, С.Г. Колтуховым, Г.Н. Тошевым (3; 4; 5; 6; 7; 8]. Отдельные данные приводятся также в различных публикациях, нашли отражение в обобщающих изданиях [9].

Погребальные курганные памятники выявлены на территории всего полуострова, они неравномерно рассредоточены на территории полуострова². Учено 240 комплексов из 80 курганов. Около 40 % обнаружены на Тарханкуте и прилегающей зоне, менее 40 % в Присивашье, остальные известны в Горном и Восточном Крыму.

В срубное время продолжается традиция возведения курганов. Они сооружались в открытой степи, на водоразделах рек, в предгорьях, дополняя существующие или образуя самостоятельные могильники. Но гораздо чаще захоронения впущены в инокультурные насыпи. Для этого периода известна и серия длинных курганов, преимущественно в западной части полуострова.

Насыпи над основными погребениями (13%) незначительны по размерам, в редких случаях погребения окольцовывались кромлехом, оградками из камня (Виноградово, к.3; Луговое, к.1; к.6; к.7), иногда и рвом (Луговое, к.1). Очень редко рядом или вокруг погребения отмечается тризна (Чкалово, к. 5).

В кургане фиксируется от 2 до 10 погребений. Преобладает их местонахождение в центральной части или южном секторе, определенной закономерности в расположении не отмечается.

По конструктивным особенностям возможно выделение трех типов могил: грунтовые ямы, ямы с перекрытием из камня (редко с наброской сверху) или дерева, каменные ящики. Использование камня отмечается, как правило, в районах с выходами его на поверхности.

Основные захоронения представлены всеми типами.

Первый тип характеризуют грунтовые ямы прямоугольной или овальной формы, их длина не превышает 1,5 -1,7 м. Известны как основные, так и впускные захоронения (Журавлевка, к.1; Шалаши, к.1 и др.).

Ко второму относятся захоронения в ямах с перекрытием из камня или деревянного наката. Иногда над местом захоронения возводились наброска или заклад из мелких камней (Сусанино, к.1).

Каменные ящики (9 % от общего количества с прослеженными конструкциями) устанавливались обычно в предварительно вырытые ямы. Они состояли из 4-6 или более поставленных вертикально или с наклоном плит, перекрывались одной-двумя покровными плитами. В отдельных случаях последние укладывались на деревянный накат. В отдельных случаях щели между плитами забутовывались щебенкой, замазывались глеем или глиной зеленого цвета. В составе перекрытия п. 1 к. 6 у с. Луговое находилась стела архаического облика.

В насыпи одного как моно-, так и поликультурного кургана нередко фиксируются впускные захоронения различных типов.

Выделяется две позиции погребенных, преобладает скорченная позиция на боку, единичны случаи позы на спине. В первом случае у погребенных доминирует поза на

¹ Когда работа была сдана в печать, вышла монография В.А. Колотухина « Поздний бронзовый век Крыма», 2003, многие положения которой весьма спорны; опубликованные им новые материалы не было уже возможности учесть.

левом боку, сильная скорченность костяков отмечается, преимущественно, в каменных ящиках.

В положении рук выделяется несколько позиций, у подавляющего количества погребенных руки согнуты в локтях и кистями поднесены к лицевой части или, реже, к грудной клетке.

Ориентация погребенных устойчива, преобладают В и СВ направления, остальные представлены намного реже.

Меловая подсыпка, тлен, охра зафиксированы в немногочисленных захоронениях. Менее трети их сопровождалось напутственной пищей, которая обычно находилась в районе верхней половины скелета, чаще у черепа. В ее состав входила животное (Солдатово, 9,4) или часть – хребет (Краснознаменка, 2,9), отдельные кости или зуб (Луговое, 5,2).

В отдельных погребениях рядом со скелетами находились отдельные человеческие кости (Белое, 2,2 – череп человека на ногах, Чистенькое, п.14 обл. черепа второго погребенного).

По набору инвентаря (керамике) к этому времени относим и кенотафы в отдельных курганах (Солдатово, 9,4; Суворовское, 2,1; Рисовое, 13,8, 13,6 и др.).

Единичны основные и впускные захоронения с кремацией на стороне (Луговое, 4,8, Дальнее, 3,4, Танковое, 9,2. Краснознаменка, 2,3).

В составе погребального инвентаря преобладает керамика (49 % рассматриваемых захоронений). Обычно в захоронении находился один сосуд, чаще уложенный у черепа, редко – два или отдельные фрагменты. Находками чаще сопровождалось захоронения в каменных ящиках.

Набор керамики характеризуют различные варианты банковидных и горшковидных сосудов, менее представлены подострореберные сосуды. Орнамент (система треугольников отгиском шнура) обычно представлен на последних. Прочерченными линиями и оттисками штампа пышно украшена чаша из Луговое, 6,1, штампом – горшок из Вилино-86, 1,1.

Единичны находки поделок из дерева – изделие с бронзовой накладкой (Луговое-91, 1,1), предмет в Луговое-91, 5,2; кости – проколка (Филатовка, 10,1), ворварка (Дальнее, 3,4), стержни – 40 единиц (Краснопартизанское, п.3), ложило (Луговое-91, 1,2); бронзы – ножи (Шалаши, 9,4, Дальнее, 3,4; Филатовка, 10,1), кремня – Краснознаменка, 2,8 и др.

В отдельных разнотипных захоронениях найдены астрагалы – Ильинка, 6,1; Виноградово, 2,1. В основном п. 2 к. 5 у с. Журавлевке находилось 15 астрагалов.

Материал из погребений различных конструкций в разных зонах полуострова весьма близок между собой.

Инвентарь рассматриваемых памятников весьма скуден, все рассматриваемые категории изделий имеют аналоги в материалах степного Причерноморья, откуда периодически и происходил отток мобильного населения на территорию полуострова. Отдельные группы населения при этом преодолевали Керченский пролив, проникая на Тамань.

Уникальным по своим конструктивным особенностям является курган 5 у с. Солдатово. Единственное захоронение в каменном ящике впущено в сооружение, которое интерпретируется как святилище, не имеющее пока аналогов во всем ареале СКФО [6]. Это выявленный в Сакском районе памятник может быть сопоставим с комплексом у с. Сусанино в соседнем Первомайском районе [10] и с. Луговое [3].

В курганах последнего могильника выявлена серия комплексов – захоронение-оградка из камней (Луговое, к.1; 2; 5, Луговое, к.6). Подобные оградки-аллеи известны также и в срубных курганах Керченского полуострова [11].

Отнесение подобных комплексов (с каменными прямоугольными конструкциями, системой рвов, выкладками из материковой глины) к культовым (святилища) находит подтверждение и в материалах других территорий [12

– С.158].

² Следует учитывать степень изученности разных зон и отсутствие развернутых публикаций первоисточников. Так, например, большое количество материалов Керченского полуострова, центральной степной части Крыма остаются достоянием архивов.

Возможно, накопление данных позволит выделить и увеличить число культовых комплексов, а соответственно, и центров этого периода в различных регионах, как это делается для других культур.

Интересен также факт, что в одних случаях святилище, утратив функции, использовалось как место для совершения захоронений (Сусанино, Солдатово), в других – наоборот (Луговое, к.7).

По основному набору признаков срубные памятники полуострова соответствуют БМСК, большинство из них может быть отнесено ко 2 ее этапу - XIV-XIII ст. до н.э., [13. – С.19]. Часть рассматриваемых памятников может быть датирована и к более поздним временам.

В ареал БМСК включает территорию полуострова и В.В. Отрощенко [14. – Р.320, fig.21,1].

Для эпохи поздней бронзы на территории Крыма известны в большом количестве погребальные памятники БМСК и поселенческие сабадиновской. Выделение погребальных комплексов последней в Крыму так же актуально, как и для степного Причерноморья. Активные разработки в этом направлении ведутся археологами из Одессы и Кишинева. Их материалы [15. – С.43,45; 16. – Р.126, 128-129] показывают, что значительная часть погребальной керамики из сабадиновских комплексов весьма близка к КМК. Отметим, что она сопоставима и с т. н. «срубной». Поэтому не исключено, что углубленная разработка артефактов позволит по иному интерпретировать многие рассматриваемые памятники Поднепровья и Крыма этого времени.

На материалах Нижнего Поднепровья некоторые исследователи приходят к выводу о долговременном, мирном сосуществовании носителей срубной и сабадиновской культур [17 – С. 75-77; 18. – С.85]. Похоже, подобная ситуация отмечается и в Крыму.

В конце эпохи бронзы эти культуры сменяются белозерской, памятники которой представлены здесь поселениями и 4-мя грунтовыми могильниками.

1. Щепинский А.А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966. - № 2. – С. 10-23.
2. Щепинский А. А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V - I тысячелетиях до н.э. - Симферополь, 1969. – 328 с.
3. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991 - 1992 гг.). - Запорожье, 1994. - 122 с.
4. Колтухов С.Г., Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма. II. (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993-1995 гг.). - Запорожье, 1998. – 195 с.
5. Колотухин В.А. Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма. III. –Запорожье. Изд-во ЗГУ. 2000. - 245 с.
6. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. – Киев. Изд-во «Южногородские ведомости» – 1996. – 160 с.
7. Колотухин В.А. Население предгорного и горного Крыма в конце II –первой половине I тысячелетия до нашей эры // Автореф. дисс..... канд. ист. наук. – Киев, 1988. – 16 с.
8. Кислый А.Е., Гершкович Я.П. О некоторых особенностях керамики каменско-ливленцевской культурной группы // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. конф., Донецк, 1989.
9. Давня історія України. –Київ, Наук. Думка. - Т.1. - 1997.
10. Ольховский В.С., Отрощенко В.В. Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму // ДСПК. Т.II. – Запорожье. – 1991. – С.111-125.
11. Кислый А.Е. Кромлехи и каменные оградки срубной культуры на Керченском полуострове // ДСПК. – Т.IV. – Запорожье, 1993. – С. 162-176.
12. Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В. Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Европы. Сборник научных трудов. № 1. – Луганск, 2003. – Изд-во ЛНУ им. Даля. – С.122-161.

13. Отрошенко В. В. Історія племен зрубної спільності: Автореф. дис... д-ра іст. наук: 07.00.04 / НАН України; Інститут археології. — К., 2002. — 33с.
14. Otroshchenko V.V. The Economic Peculiarities of the Srubnaya Cultural-historical Entity // Prehistoric Steppe adaptation and the horse. — Cambridge, 2003. — P.319-327.
15. Ванчугов В.П. Проблема погребального обряду сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье // Археологія та етнографія Східної Європи: матеріали і дослідження. — Одеса, 2000. — С.39-56.
16. Sava E., Agulnikov S. Contribuții noi la definirea ritului funerar de tip Sabatinovka // Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic. - Chișinău, 2003. — P. 113-138.
17. Gerškovic J.P. Studien zur spatbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. — Band 7. 1999 — 154 S.
18. Гершкович Я.П. Новокиївське поселення // Археологічна збірка. — № 2. — Херсон, 2002. — С. 83-87.

Туровский Е.Я.

О ПРИРОДЕ МОНЕТНОЙ ТИПОЛОГИИ В НУМИЗМАТИКЕ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА В IV-II ВВ. ДО Н. Э.

Относительно природы типологии херсонесских монет в разное время высказывались разные суждения. Предпринимались попытки связать чередование на монетах полиса изображений Геракла и Девы с борьбой демократов и аристократов [1.—С. 51]. Другой предлагаемый вариант связывал якобы начинающий преобладать в III в. до н. э. образ Геракла в монетных типах аверсов херсонесских монет с ориентацией полиса на Гераклею и Византий, а еще шире на государства Северной лиги [2.—С.167]. Можно привести еще целый ряд суждений, которые основаны или на неверной хронологии выпусков или на допущениях, которые можно охарактеризовать как гиперинтерпритацию. Любой источник имеет только те возможности, которые имеет.

Выдающийся исследователь нумизматики Северного Причерноморья П.О. Карышковский отмечал, что религиозная иконография греческих монет не должна рассматриваться исключительно в плане изучения сакральных древностей [3.—С.74]. Данное утверждение целиком справедливо для монет Херсонеса. Еще А.Л. Бертье-Делагард пришел к выводу, который продолжает сохранять актуальность по сегодняшний день, — изображение на аверсах херсонесских серебряных монет Геракла или Девы указывало на принадлежность монеты к той или иной денежно-весовой системе и ничего другого [4].

В некоторых случаях мы имеем дело с чистыми заимствованиями сюжетов резчиками штемпелей херсонесских монет из монетных типов других государств. Например, льва с копьём в зубах (Боспорского царства), коленопреклоненного воина (скорее всего, Кизика), стрелка из лука (Ольвии). Примеры заимствования монетных типов других государств указывают на существование тесных связей (политических, культурных, экономических) между этими державами и Херсонесом.

Нельзя целиком отрицать и сакральную природу изображений на херсонесских монетах. Круг изображаемых божеств в основном соответствует наиболее почитаемым в Херсонесе божествам, культ которых засвидетельствован и другими источниками (посвятительными надписями, скульптурами, терракотами, теофорными именами). На полисных монетах за три первых столетия чеканки отмечены следующие боги и герои: Дева, Геракл, Афина, Аполлон, Гермес, Диоскуры. К перечню божеств можно добавить список священных объектов и атрибутов: букраний, кратер, треножник, рог изобилия, треножник, кадуцей, пилей Диоскуров.

Естественно, что наибольшее число изображений и атрибутов в Херсонесе принадлежало главным полисным божествам Гераклу и Деве. Для Девы главными

атрибутами были ее любимое животное – лань, а также любимое оружие – лук (почти всегда в колчане, в одном случае – в горите). Для Геракла таким атрибутом была палица. К числу атрибутов этого героя в Херсонесе, по-видимому, нужно отнести и бодающего быка. Бодающий бык был парасимоном – гербом херсонесской метрополии Гераклеи Понтийской. О связи быка с Гераклом свидетельствует его изображение на палице (монеты конца IV в. до н. э., тип: Дева поражает лань-бык). Скорее всего, это изображение критского быка, которого герой пленяет в своем седьмом подвиге [5.–С.129].

Не все сюжеты херсонесских монет поддаются однозначному толкованию. К числу таковых принадлежит бронзовая монета IV в. до н. э. с изображением диморфной головы (наподобие двуликого Януса на римских монетах). Единственным путем решения вопроса является поиск аналогий. Наиболее близкими к херсонесским являются монеты острова Тенедос, на которых, по мнению А.Н. Зографа, изображение Диониса и одного из связанных с ним божеств [6.–С. 392-394]. Учитывая свидетельство существования связей между Херсонесом и Тенедосом, возможность заимствования сюжета и его содержания представляется весьма вероятным [7.–С. 94-104]. В этом случае, данный выпуск дает единственный в херсонесской нумизматике случай изображения Диониса – одного из наиболее популярных божеств в херсонесском полисном пантеоне.

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). К., 1977.
2. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
3. Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса, 2003.
4. Бертье-Делагард Л.А. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. Т. XXVI. 1906.
5. Грейвс Р. Мифы древней Греции. М., 1992.
6. Зограф А.Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИРАИМК. Т. V. 1927.
7. Соломоник Э.И., Антонова И.А. Надгробие врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. №1.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ МОГИЛЬНИКА КАРШИ-БАИР (ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА)

В 1998-2000 гг. в Юго-Западном Крыму, у станции Верхнесадовая исследовался могильник Карши-Баир (К-Б) позднеантичного-раннесредневекового времени. В его погребениях (склепы, подбойные и простые грунтовые могилы), расположенных двумя участками (К-Б I, II), получен достаточно разнообразный и показательный археологический материал. Ранее, в отдельных публикациях, речь уже шла о некоторых погребальных комплексах этого могильника или об отдельных категориях находок (краснолаковая посуда). Доклад посвящен рассмотрению следующей важной категории находок – изделиях из металла, важных для определения хронологии погребальных комплексов и, в некоторой степени, их этнокультурной атрибуции. Они представлены фибулами, пряжками, наконечниками ремней, декоративными накладками, перстнями, кольцами, серьгами, браслетами, колокольчиками, туалетным набором, зеркальцем, ножами, кинжалами, мечом.

В погребальных комплексах могильника найдено 5 фибул. Все они изготовлены из бронзы или низкопробного серебра (белый металл). Одна из них – двухпластинчатая с дуговидной спинкой. Щиток над несохранившейся пружиной полукруглой, почти трапециевидной формы. Обычно такие фибулы относят к IV веку. Две фибулы – прогнутые

подвязные с узкой ножкой 1 серии (крымский вариант, по Амброзу), еще две фибулы – в виде брошь-«цикад», отлитых, по всей видимости, в одной форме.

Пряжки, поясные и обувные, представлены 17 типами, которые, в свою очередь, по размерам, технологии изготовления, отсутствию или наличию изображений делятся на несколько групп. Привлекают внимание большие пряжки с изображением на щитках: на одном из них изображен крест, на другом – лев. Иконография изображения со львом уникальна, хотя пряжки со львами не так уж редки в Крыму. Среди других пряжек можно отметить и пряжки (псевдо-пряжки) из очень тонкого бронзового листа, обтянутые золотой фольгой. В качестве поясной гарнитуры присутствуют наконечники ремней и накладки в виде «пропеллера».

Из женских погребений происходят серьги с многогранниками, браслеты, колокольчики, зеркальце с центральным ушком, орнаментированное выпуклой волнистой линией, из одного комплекса (КБ-I, скл. № 4, погр. 1) – амулетница и туалетный набор. Туалетный набор состоит из трех предметов, подвешенных на проволочном бронзовом кольце: ложечка, скребок и ситечко. В погребении девочки-подростка (КБ-I, скл. № 5) найдена антропоморфная фигурка с выраженным фаллическим символом.

Среди немногочисленного оружия в могильнике – небольшой однолезвийный железный меч, найденный в склепе №5 (КБ-I, погр. 1), два кинжала. Железные ножи – обычные находки, как в мужских, так и в женских погребениях.

Среди предметов из металла отметим еще простые по форме два кольца и перстень (выполнены из бронзы или белого металла).

Почти все находки имеют многочисленные аналогии в погребениях Крыма и Северного Кавказа, связанных в основном с сармато-аланским этносом. Хронологические рамки большинства упомянутых выше предметов – VI первая половина – VII вв. Очевидно, к этому времени и относится большинство погребений могильника Карши-Баир.

Фатеев О.В.

НАХОДКИ АМФОРНЫХ КЛЕЙМ В НИЖНЕМ ПРИДНЕПРОВЬЕ

Амфорная тара рассматривалась Б.Н.Граковым, «как хороший датирующий материал», его попытки «дать хронологические определения некоторых групп клейм» [1.-С.83] до сих пор являются краеугольным камнем, отправной точкой для многих специалистов по керамической эпиграфике, а также исследователей истории Скифии.

Из 70 клейм опубликованных Б.Н.Граковым в монографии «Каменское городище на Днепре» – 41 происходит из сборов Никопольского государственного краеведческого музея на кучугурах Каменского городища [1.-С.87-94]. Фундаментальный труд Б.Н.Гракова увидел свет в 1954 году и за прошедшие столетия не утратил своей актуальности. Однако, в течение последних десятилетий, историческая наука шагнула далеко вперед, в том числе благодаря и исследованиям самого Б.Н.Гракова, что позволяет по-новому взглянуть как на саму работу, так и на некоторые выводы содержащиеся в ней.

Современное состояние керамической эпиграфики потребовало уточнения хронологии клейм найденных на Каменском городище. Такая попытка была предпринята Н.С.Бекетовой [2.-С.7-8]. При правильной, в общем, постановке задачи, исследовательница использовала в качестве источника не сами амфорные клейма Каменского городища, а варианты восстановления их легенд из работ Б.Н.Гракова [1.-С.87-94] и Н.Н.Погребовой [3.-С.142-147]. Такой же подход использован М.И.Золотаревым [4.-С.82] и В.П.Быловой [5.-С.188], для уточнения датировок амфорного материала Каменского городища.

При сверке клейм хранящихся в фондах Никопольского государственного краеведческого музея¹ с каталогом Б.Н.Гракова обнаружены погрешности в восстановлении легенд и эмблем, определении центров производства 15 клейм (см. приложение, таблицу). Отдельные исправления к чтению «каменских» клейм содержатся в работах Н.А.Онайко [6.-С.92], Н.Коновичи [7.-Р 57, №25]. Ошибки в чтении и восстановлении легенд амфорных клейм и сегодня для большинства авторов являются скорее правилом, чем исключением. Этого трудно избежать в условиях дефицита информации и при отсутствии сравнительного материала [8.-С.12-15].

В отношении амфорной керамики с кучугур Каменского городища следует отметить, что зачастую она очень плохой сохранности. Вследствие ветровой эрозии поверхность керамики иногда полностью утрачивает наружный слой, а клейменные фрагменты не поддаются прочтению. Вероятно, именно это обстоятельство позволило А.В.Каряке высказать нелепое предположение о производстве в греческих центрах амфор низкого качества специально предназначенных для жителей скифских степей [9.-С.128].

Всего в Никопольском музее хранится 65 амфорных клейм, в т.ч. 6 найдены на Капуловском поселении, 59 собраны в ходе разведок на Каменском городище. Из 41 клейма опубликованных Б.Н.Граковым, в фондах музея удалось найти 32 клейма, кроме того, обнаружено 27 клейм которые по неизвестной причине не попали в поле зрения учёного. На основании изучения амфорных клейм, найденных на Каменском городище, в Чертомлыцком, Серогозских и Никопольских курганах, Б.Н.Граков сделал вывод, что «судить об интенсивности ввоза из того или иного центра по наличным клеймам невозможно» [1.-С.94].

За прошедшие столетия ситуация изменилась коренным образом, около 600 клейм найдено в результате раскопок и сборов подъёмного материала на Каменском городище и правобережном Капуловском поселении – двух крупнейших торговых центрах степной Скифии. Всего в Нижнем Приднепровье найдено свыше 700 амфорных клейм. Подсчёт производился с учётом находок на погребальных памятниках и поселениях, входящих в сферу влияния этих центров, с Анновским городищем на юге и островом Хортица на севере.

Амфорные клейма, найденные на Каменском городище, хранятся:

- в Запорожском областном краеведческом музее и его филиале - Каменско-Днепровском музее - 72 клейма,
- в Никопольском государственном краеведческом музее - 59 клейм (ещё 9 клейм, из числа опубликованных Б.Н.Граковым, вероятно утрачены),
- в других собраниях – около 50 клейм (29 клейм, из раскопок Б.Н.Гракова, около десятка, из раскопок П.Д.Либера, 11 клейм, из раскопок Н.Н.Погребовой),
- в частных коллекциях - 3 клейма.

Всего – 184 клейма или 193 клейма, с учётом 9 клейм из сборов Никопольского музея, которые вероятно утрачены.

Эти данные, скорее всего неполные, получены в результате ознакомления с музейными и частными коллекциями, кроме того, сведения или упоминания о большинстве из этих клейм опубликованы с различными ошибками, иногда без ссылок на предыдущие публикации, в ряде случаев по несколько раз, что впрочем, ещё более запутывает картину:

¹ * Благодаря работникам музея И.В.Анцышкина и В.В.Шатунова, которыми проделана большая работа по поиску и обработке архивных документов для максимально точной паспортизации амфорных клейм. Это было вызвано тем, что амфорный материал накапливался на протяжении 75 лет, с 1928 по 2002 год. За это время Никопольский краеведческий музей пережил эвакуацию в годы Второй Мировой войны, в 80-е годы переехал в малоприспособленное помещение, что негативно сказалось на сохранности материалов и документации.

- 1)1954 – 70 экз. (кроме того, упоминаются около десятка клейм из раскопок 1952 г. П.Д. Либерова) [1.-С.87-95].
- 2)1958 – 11 экз. [3.-С.117].
- 3)1970 – 81 экз. (повторная публикация клейм, см. пп.1,2) [6.-С.89-95].
- 4)1992 – 7 экз. [10.-С.10].
- 5)1992 – 63 экз. из них 7 повторно, см. п.4. [11.-С.162-172].
- 6)1994 – 50 экз. (все повторная публикация, п.1 – 19экз., п.5 – 31экз.) [12.-С.119-121].
- 7)1999 – 49 экз. из них 31 повторно, см. пп.4,5,6 [13.-С.408-409].
- 8)2003 – 1 экз. [14.-С.80].

Всего – 163 клейма или 173, с учётом клейм из раскопок 1952 г. П.Д. Либерова.

Амфорные клейма, найденные на Капуловском поселении, хранятся:

- в Запорожском областном краеведческом музее - 35 клейм,
- в Никопольском государственном краеведческом музее - 6 клейм,
- в других собраниях - 8 клейм,
- в частных коллекциях – 345 клейм.

Всего – 394 клейма.

Амфорные клейма, найденные на Капуловском поселении представляют собой подъёмный материал, однако эти клейма хронологически однородны и составляют довольно плотные ряды с многократной повторяемостью имён магистратов и фабрикантов [15.-С.70-71]. В отличие от клейм найденных на Каменском городище, клейма из Капуловки лишь с 90-х годов прошлого века стали активно вводиться в научный оборот.

- 1)1970 – 7 экз. [6.-с.89-95, №№14,63,77,78,86,199,207].
- 2)1992 – 8 экз. из них 5 повторно, без ссылки на публикацию, см. п.1. [10.-С.10].
- 3)1992 – 10 экз. [11.-с.162-172].
- 4)2000 – 25 экз. [16.-с.222-236].
- 5)2001 – 14 экз. [17.-с.221-223].
- 6)2002 – 107 экз. из них 18 опубликованы повторно, см. п.1-5. [18.-С.173-195].

ВСЕГО –150 экз.

Анализ находок амфорных клейм на Каменском городище и Капуловском поселении позволяет отметить ряд довольно интересных особенностей. Во-первых, многочисленны случаи находок клейм одного штампа в пределах одного поселения. Находки же на Каменском городище клейм одного штампа с «капуловскими» единичны. Во-вторых, имена магистратов и фабрикантов на штампах из Капуловки почти не встречаются на Каменском городище. В третьих, клейма в основном относятся к разным хронологическим группам.

Гераклея.

Капуловское поселение. Одно имя, ранняя фабрикантская группа - РФГ и поздняя фабрикантская группа - ПФГ (по В.Кацу).

Каменское городище. Два имени, магистратские группы - МГ (по В.Кацу).

Синопа.

Каменское городище. Астиномы I и II-ой группы, штампы керамевсов (по Н.Коновичи).

Капуловское поселение. Астиномы II и III-ей группы (по Н.Коновичи).

Херсонес.

Капуловское поселение. Астиномы I-A, I-B, I-B подгрупп (по В.Кацу).

Каменское городище. Астиномы I-B, I-B, II-A подгрупп (по В.Кацу).

Фасос.

Капуловское поселение. Этникон+одно имя+эмблема

Даже предварительный анализ штампов позволяет сделать вывод: торговля на Каменском городище и Капуловском поселении не происходила одновременно, а несколько раз переходила из Каменки в Капуловку и наоборот. Это даёт возможность проверить правильность хронологий для штампов различных античных центров и

синхронизации этих хронологий, а также сведения об организации торговли в Нижнеднепровском регионе в скифское время.

1. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА - № 36 – М., 1954.
2. Бекетова Н.С. Группа керамических амфорных клейм из Каменского городища // Древнее Причерноморье (II чтения памяти профессора П.О.Карышковского). Тезисы докладов юбилейной конференции – Одесса, 1991. – С.7-8.
3. Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. МИА - № 64 – М., 1958. – С.103-248.
4. Золотарев М.И. Торговые коммуникации между Херсонесом и Скифией в конце IV – первой трети III в. до н.э. // Археологія. – 1996. – №2 - С.79-84.
5. Былкова В.П. О хронологии поселений Нижнего Поднепровья античной эпохи // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. – С.186-191.
6. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. // САИ-Г1. – М. Наука, 1970. 112 с.
7. Conovici N. Histria VIII Les timbres amphoriques 2. Sinope (tuiles timbrees comprises). Diffusion de Broccard, 1998. Paris. – 254 P.
8. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. – 167 с.
9. Каряка А.В. К вопросу о специфике торговых отношений греков и варваров // Мир Ольвии. К., 1996. – С.127-129.
10. Гаврилюк Н.О., Оленковський М.П. Пам'ятки скіфів. Археологічна карта Нижньодніпровського регіону. – Вип.5- Херсон, 1992. – 56 с.
11. Плешивенко А.Г. Торговые связи Каменского городища // ДСПК. – Т. III. – Запорожье, 1992. – С.162-172.
12. Гаврилюк Н.А. Каменское городище и его округа // Древности скифов – К., 1994. – С.102-121.
13. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. – Харьков, 1999. 420 с.
14. Гаврилюк Н.О. Нове поселення доби бронзи на Білозерському лимані // АБУ 2001-2002рр. – Вип.5 – Київ. 2003. – С.80.
15. Плешивенко А.Г., Фатеев О.В. Новая коллекция амфорных клейм Капуловского городища // Проблемы истории и археологии Украины (материалы международной научной конференции). Харьков, 2002. – С.70-71.
16. Плешивенко А.Г. Капуловский комплекс скифского времени // ССПК. – Т. VIII. – Запорожье, 2000. – С.222-236.
17. Фатеев О.В. К истории одного клейма из кургана Чертомлык // ССПК. – Т. IX. – Запорожье, 2001. – С.221-223.
18. Фатеев О.В. Синопский амфорный импорт на Капуловском поселении // ССПК. – Т. X. – Запорожье, 2002. – С.173-195.
19. Avram A. Histria VIII Les timbres amphoriques. 1. Thasos. Diffusion de Broccard, 1996. Paris.
20. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 680 с.
21. Нефедов В.В. Античная херсонесская амфора со дна реки Днепр у острова Хортица // ДСПК. – Т. III. – Запорожье, 1992 – С.172-173.
22. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. // Саратов, 1989. – 156 с.

Приложение

Амфорные клейма

о.Фасос

1.
ΑΡΙΣΤΟΦΩ
меч ←
.....ΩΝ

' Αριστοφῶ(ν)
меч ←
[Θασί]ων
- Сборы музея 02.06.1931г. Ин.104 Граков [1.-С.87, № 1]. (П-АР). Б.Н. Граков дал неверное восстановление имени ' Αριστο – на самом деле клеймо Аристофона I [19.-Р.111].

Гераклея Понтийская

2.
ΤΙ ΦΙ...

Τι(-), Φι(-)
Вокруг кадуцея←
- Сборы музея в 1932г. Ин.250. Граков [1.-С.94, № 67]. Англифическое. (АР). Б.Н. Граков относил данное клеймо к продукции неизвестного центра и неверно восстанавливал имя Φιλ[άφ]χ(ου). С.Ю.Монахов на основании находки гераклейской амфоры с клеймом этого же штампа в погребении №72 1862 года из некрополя Пантикапея [20.-С.259], верно интерпретировал клеймо как надпись вокруг кадуцея. Однако, прочтение С.Ю.Монаховым надписи как сокращения двух имен: Τι(-), Φι(-), вызывает сомнения.

Синопа

3.
ΜΝΗΣΙΟΣ
ΑΣΤΥΝΟΜΟ
.....Ε

Μνήσιος голова Сатира
ἀστυνόμο(υ). →
[' Αρχεπτολ]ε(-)
- Сборы музея 02.06.1931г №22. Ин.103. (П-АР). Граков [1.-С.91, №24]. Б.Н. Граков дал неверное восстановление легенды этого клейма Μνήσι[κλεους | αστυνομο]υ – на самом деле астином Мнесий. Клеймо этого штампа известно по раскопкам Истрии [7.-Р.57, №25].
4.
.....Σ
.....ΝΟΜΟ
.....

[Μνήσιο]ς голова льва
[ἀστυ]νόμο(-). ←
[.....]
- Сборы музея, Ин.264. (П-АР). Граков [1.-С.91, №28]. Возможное восстановление имени астинома Мнесий.
5.
.....Σ
.....ΤΟΥ ↑ эмблема
.....

[.....]ς
[.....]του ↑ эмблема
[.....]
- Сборы музея, Ин.276, Граков [1.-С.91, №29]. (П-АР). Б.Н. Граков считал, что эмблема «кувшин».

Херсонес

6.
ΑΘΑΝΟΔΩΡΟΥ
ΤΟΥ ΝΙΚΕΑ
ΑΣΤ.....

' Αθανοδώρου
τοῦ Νικέα
ἀστ[υνόμου].
- Штамп не определен. Сборы музея (не сохранилось). Граков [1.-С. 91, №34]. (П-АР). Другое клеймо, найдено на Каменском городище Б.Н.Граковым в 1949г. раскоп X, 5/6, № 1504. Восстановление легенды: ' Απο]λλοδώρου | το]ῦ Νικέα ἀσ- | τυνομοῦντος. [1.-С.91, №35] нельзя признать удовлетворительным, здесь также Атанодор сын Никея.

7.ΚΛΕΙΟΣ [Δαμο]κλείος
.....Υ. [ἄστυνόμο]υ.

Штамп новый - в каталоге-определителе [8] отсутствует, по В.И.Кацу имя астинома Дамоклия дается в написании ΔΑΜΟΚΛΕΟΣ | ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ. (1-34, 1-6). Сборы музея 02.06.1931г. Ин.260-15. Граков [1.-С.92, № 44]. (П-АР). Б.Н.Граков неверно прочитал окончание имени ...κλέος. В экспозиции ЗКМ находится целая амфора, найденная на дне реки Днепр у о.Хортица, [21.-С.172-173], варианта III-A [22.-С.63]. На горле амфоры - два клейма этого штампа. Ещё одно клеймо (неопубликовано) найдено на Капуловском поселении.

8. ΘΕΟΓΕ...ΕΟΣ ΑΘΑ Θεογε[ν]ε(ι)ος Αθ(α-)
...ΠΟΛΛΩΝΙΔΑ (του) [Ἰ] Α]πολλωνίδα

Штамп № 1. Сборы музея, Ин.261. Граков [1.-С.92, №41]. (П-АР). Двойная пропечатка. Б.Н.Граков дал неверное восстановление легенды Θεοκλέος ἄσ(τυνόμου) [Ἰ] Α]πολλωνίδα.

9. ...ΕΝΟΝΩΣ [Ξ]ένωνος
ΑΣΤΥΝΟ... ἄστυνό[μου].

Штамп № 1. Сборы музея в 1928г. (не сохранилось). Граков [1.-С.92, №42]. (П-АР). Всего из сборов музея происходит два клейма астинома Ксенона №№38-39. Б.Н.Граков дал неверное восстановление легенды Μ]ένωνος | ἄστυνό(μου). На Каменском городище известно ещё три клейма этого штампа опубликованных Н.А.Гаврилюк [13.-С.408].

10. ...ΝΟΝΩΣ [Ξέ]νωνος
...ΤΥΝΟΜ... [Ἰ] ασ]τυνόμ[ου].

Штамп № 1. Сборы музея в 1937г. (не сохранилось). Граков [1.-С.92, №43]. (П-АР). Б.Н.Граков дал неверное восстановление легенды Μέ]νωνος [Ἰ] ασ]τυνόμ[ο]υ.

11.Ω..... [Πασι]ώ[νος]
.....ΥΝ..... [Ἰ] αστ]υν[όμο]υ).

Штамп № 1. Сборы музея, Ин.272. Граков [1.-С.91, №30]. (П-АР). Б.Н.Граков относил данное клеймо к синопским. Всего из сборов музея происходит три клейма астинома Пасиона №№40-42. На Каменском городище известно ещё одно клеймо астинома Пасиона (штамп №3), опубликовано Н.А.Гаврилюк [13.-С.409, №42]. Рядом с основным клеймом сокращение Α]πο(-) (2Α-4,3).

12.ΟΣ [Πασιών]ος
.....ΜΟ [Ἰ] αστυνό]μο(υ).

Штамп № 2. Сборы музея, Ин.262. Граков [1.-С.92, №45]. (П-АГ). Наиболее вероятное восстановление имени Пасион, рядом с основным клеймом ставилось сокращение Δι(-) (2Α-11,7).

Неизвестные центры

13. Α / ΕΡ-ΛΘ ΕΡ-ΛΘ
Α(-).

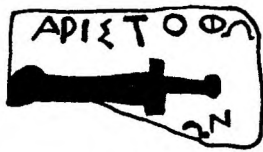
НКМ-Α-289, КП 12488, Ин.100. Граков [1.-С.93, №55]. Сборы музея. Б.Н. Граков дал неверное восстановление легенды этого клейма Ермо | В круге | Α. Глина высокого качества с включением очень мелких частиц пироксена. Поверхность гладкая, темно-розового цвета. На изломе цвет черепка меняется от темно-розового до серого. (П-АР). Круглое.

14. ΑΠ монограмма Απ(-).

НКМ-Ин.251. Граков [1.-С.93, №46]. Сборы музея. Б.Н. Граков неверно дал возможное восстановление легенды этих клейм Ἰ' Αν.

15. ΑΠ монограмма Απ(-).

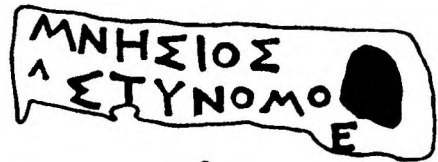
НКМ-Ин.252. Граков [1.-С.93, №47]. Сборы музея. Б.Н. Граков неверно дал возможное восстановление легенды этих клейм Ἰ' Αν.

1

2

3

4

5

7

8

11

12

13

14

15

Таблица Амфорные клейма из сборов Никопольского музея на кучугурах Каменского городища.

ХЕРСОНЕССКИЙ АМФОРНЫЙ ИМПОРТ НА СКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ НИЖНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ

Выбор херсонесских амфор в качестве объекта исследования не случаен. Во-первых, Херсонес – единственный греческий центр Северного Причерноморья, осуществлявший регулярное и массовое клеймение керамической тары. Во-вторых, незначительное количество опубликованных клейм, найденных на скифских поселениях Нижнего Приднепровья, не отражает реальной картины херсонесского импорта. В-третьих, в восстановлении легенд уже опубликованных клейм накопилось значительное количество ошибок, что затрудняет их использование в качестве надежного археологического источника.

География данного исследования основана на изучении материалов двух крупнейших торговых центров степной Скифии – Каменского городища и Капуловского поселения, а также погребальных памятников и поселений, входящих в сферу влияния этих центров, с Анновским городищем на юге и острове Хортица на севере.

Состояние изучения амфорного производства Херсонеса достигло достаточно высокого уровня, в том числе благодаря обобщающим работам С.Ю.Монахова, по типологии и стандартным мерам емкости херсонесских амфор [1.-С.12-145] и В.И.Каца – в области керамической эпиграфики Херсонеса [2.-С.19-132]. Использование результатов этих исследований значительно упрощает систематизацию материала и позволяет установить достаточно надежную хронологию для находок.

Амфорный импорт в Нижнеднепровский регион, освещался в работах Б.Н.Гракова [3.-с.82-95], Н.А.Онайко [4.-С.75,88-97], Н.А.Гаврилюк [5.-С.6-36, 6.-С.112-121, 7.-С.253-258], А.В.Каряки [8.-С.110-117, 9.-С.18-25], А.Г.Плешивенко [10.-С.162-172, 11.-С.118-121, 12.-С.227,229,233,234]. Однако в распоряжении авторов имелось незначительное количество материалов, что не позволило воссоздать реальную картину импорта из различных центров производителей амфор. В значительной мере это касается такого крупного импортера товаров в амфорной таре как Херсонес Таврический.

С 1986 по 2003 год краеведами Никопольщины О.Графчиковым, В.Давыдовым, В.Дрожаком, П.Мостовым, Р.Кудынским, Г.Ищуком, А.Нездиминогой в ходе систематического сбора подъемного материала на скифских поселениях найдено 133 херсонесских амфорных клейма. Сейчас эти клейма хранятся в частных коллекциях [13.-С.70]. Обычными являются находки венцов и ножек амфор этого центра. В настоящее время эти находки готовятся к публикации, что значительно дополнит картину херсонесского импорта, а также позволит оценить роль Капуловского поселения и Каменского городища в торговых отношениях Скифии и Херсонеса.

Суммарный анализ клейм опубликованных ранее, показывает значительное их количество – 51 экземпляр и обширную географию распространения: Каменское городище – 18 экз.[3.-С.91-92, 6.-С.120-121, 7.-С.408-409, 10.-С.167], Капуловское поселение – 19 экз.[5.-с.10, 10.-С.167, 12.-с.234], Васильевка (Лысая гора) – 2 экз., в т.ч. целая амфора [4.-С.92, 5.-С.7], Михайловка (овчарня совхоза «Приднепровский») – 2 экз., в т.ч. целая амфора [14.-С.240], Анновское городище – 1 экз.[15.-С.22], курган 9/1978 у с.Новоселовка (погребение№1) – 1 экз.[16.-С.41], могильник Мамай-гора – 1 экз.[17.-С.72], курган Чертомлык (крепида) – 1 экз.[18.-С.147], курган №13 (Хомина Могила) у с.Нагорное (могила №2) – 1 экз., целая амфора [19.-С.228], курган «Каменская Близница» (тризна) – 1 экз.[20.-С.60], Новопавловка – 1 экз.[4.-С.92], с.Дмитровка – 1 экз., целая амфора [1.-С.152, №97], о.Хортица – 2 экз., в т.ч. целая амфора [21.-С.172-173, 22.-С.61, таб.7.31].

В общей массе амфорного материала значительный интерес представляют находки целых сосудов, в основном клейменных, позволяющие определить типы херсонесских амфор, импортируемых в Нижнеднепровский регион. Большинство их уже опубликовано и

Приложение № 1

**Амфорные клейма херсонесских магистратов
из анализируемых комплексов**

Группа, гг.	№	Магистрат	Ольвия	Прочие пункты	Каменское городище	Кагуловское поселение	Елизаветовское городище
			Ю.Буг	Днепр		Дон	
1А, 325-315 гг.	1.	ΣΩΠΟΛΙΣ	5	1		6	
	2.	ΒΑΘΥΛΛΟΣ	4	3		4	
	3.	ΕΥΚΛΕΙΔΑΣ	2			17	
	4.	ΗΡΟΝΙΚΟΣ	6			13	
	5.	ΚΡΑΤΩΝ	3			12	
	6.	ΣΩΤΑΔΑΣ	8	-	-	-	-
	7.	ΑΝΤΙΒΙΩΝ	9				2
	8.	ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑΣ I	7				7
1Б, 315-300 гг.	1.	ΑΠΟΛΛΑΘΕΟΣ	4				3
	2.	ΑΡΧΑΝΔΡΟΣ	1				1
	3.	ΘΕΟΓΕΝΗΣ	2				5
	4.	ΝΑΝΩΝ	7				6
	5.	ΜΑΤΡΙΣ	7				1
	6.	ΑΙΣΧΙΝΑΣ	7				3
	7.	ΣΥΡΙΣΚΟΣ	9	-	-	-	-
	8.	ΗΡΟΓΕΙΤΟΣ	4	-	-	-	-
	9.	ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ	23				6
	10.	ΗΡΟΞΕΝΟΣ	6		5		
	11.	ΔΑΜΟΚΛΗΣ	2	1		1	
	12.	ΞΑΝΘΟΣ	12	1		10	1
	13-14	ΗΡΑΚΛΕΙΟΣ	12	1		16	1
	15.	ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ	1	1		1	
	16.	ΣΩΚΡΙΤΟΣ	4	1		12	1
1В, 300-285 гг.	1.	ΦΙΛΙΠΠΟΣ	1			5	
	2.	ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑΣ II	-	1			
	3.	ΑΘΑΝΑΙΟΣ	5	-	-	-	-
	4.	ΔΑΜΟΤΕΛΗΣ	5	-	-	-	-
	5.	ΣΙΛΑΝΟΣ	5	-	-	-	-
	6.	ΤΕΛΑΜΩΝ	3	-	-	-	-
	7.	ΙΣΤΡΩΝ	2	-	-	-	-
	8.	ΧΟΡΕΙΟΣ	1				1
	9.	ΠΟΛΥΣΤΡΑΤΟΣ	15				5
	10.	ΞΕΝΩΝ	1	1	6	1	
	11.	ΠΑΣΙΩΝ	4		4		
	12.	ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΔΑΣ	13	1			5
	13.	ΗΡΕΑΣ	1	-	-	-	-
	14.	ΑΓΑΣΙΚΛΗΣ	14			1	
	15.	ΗΡΟΔΟΤΟΣ	5	2		22	
2А, 285-272 гг.	1.	ΑΓΑΘΩΝ (Ο) ΓΝΑΘΩΝΟΣ	5	-	-	-	-
	2.	ΑΘΑΝΟΔΩΡΟΣ Ο ΝΙΚΕΑ	-		3	1	
	3.	ΑΠΟΛΛΑΣ Ο ΧΟΡΕΙΟΥ	3	-	-	-	-
	4.	ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ (Ο) ΠΑΣΙΑΔΑ	3				-
	5.	ΗΡΟΚΑΣ + (Ο) ΗΡΟΤΙΜΟΥ	-		1		
	6.	ΗΡΟΚΡΑΤΗΣ (Ο) ΝΕΥΜΗΝΙΟΥ	1				1
	7.	ΘΕΟΓΕΝΗΣ (Ο) ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΑ	1		2		
	8.	ΚΟΥΤΥΤΙΩΝ (Ο) ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ	1	-	-	-	-
	9.	ΜΗΝΙΣ (Ο) ΔΑΜΟΚΛΕΟΣ	-				
	10.	ΝΕΥΜΗΝΙΟΣ (Ο) ΦΙΛΙΣΤΟΥ	2	-	-	-	-
	11.	ΠΡΥΤΑΝΙΣ Ο ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ	1	-	-	-	-
	12.	ΦΟΡΜΙΩΝ (Ο) ΑΙΣΧΙΝΑ	-	-	-	-	-
	13.	ΦΟΡΜΙΩΝ (Ο) ΑΠΟΛΛΑ	2	-	-	-	3

даже послужило основой для выделения отдельных типов и вариантов херсонесской тары [1.-С.148-153, №№64,97,100,101,111, 21.-С.172-173], к ним следует добавить найденную в 1999 г. на Капуловском поселении амфору с клеймом Героника – астинома I хронологической группы, подгруппы Б (готовится к публикации).

Согласно типологической классификации херсонесских амфор, разработанной С.Ю.Монаховым целые сосуды представлены вариантами I-Б – 2 экз., III-А – 2 экз., III-Б – 2 экз. и одной неклеяной амфорой изолированного типа, найденной при раскопках кургана №11 у с.Нагорное (могила№2) [19.-С.207]. К ним следует добавить находки с территории Капуловского поселения: верхнюю часть амфоры варианта I-Б с клеймом астинома Кратона, горло амфоры варианта III-А с фрагментом клейма астинома Геродота на ручке, горло амфоры с клеймом астинома Евклида на ручке. Метрологические характеристики позволяют отнести последний фрагмент к амфорам третьего типа, однако для этого типа устойчивым признаком является «удивительное постоянство в форме венцов – все они своеобразной трапецевидной формы» [1.-С.63], а на данном экземпляре венец выполнен в виде «валика», что сближает его с очень редкими амфорами IV типа.

Синопское влияние прослеживается в самых массовых амфорах варианта I-Б мерой в 4 гемигекта (17,52 л), амфоры Фасоса послужили прообразом для третьего типа – фракционных амфор емкостью 2 гемигекта (8,75 л) [1.-С.93].

Хронологические границы существования типов амфор, поступавших в Нижнеднепровский регион, достаточно устойчивы. Большинство амфор варианта I-Б изготовлены в конце IV – 70-60-х годах III вв. до н.э., амфоры вариантов III-А, III-Б и IV типа производились в конце IV – первой трети III вв. до н.э.[1.-С.123,таб.XVII]. Датировка же неклеяной амфоры изолированного типа, из кургана №11 у с.Нагорное первой третью III в. до н.э.[1.-С.68], не может быть признана удовлетворительной, поскольку ошибочно основана на датировке амфоры с клеймом астинома Геродота из соседнего кургана №13 «Хомина Могила».

Для уточнения хронологии херсонесского импорта в Нижнеднепровский регион исключительно ценную информацию дают амфорные клейма. Всего здесь найдено 184 херсонесских клейма, в т.ч. 171 магистратское клеймо из них на 156 клеймах имена астиномов поддаются прочтению.

Среди 394 амфорных клейм происходящих с территории Капуловского поселения херсонесские клейма занимают ведущее место, их доля составляет 45%. Клейма Херсонеса содержат имена 14 астиномов I хронологической группы.

В приложении 1, с использованием подгрупп астиномов по В.И.Кацу, исследуется херсонесский импорт в Ольвию [22.-С.123-137], Нижнеднепровский регион, и Елизаветовское поселение на Нижнем Дону [2.-С.47-49]. Это даёт возможность проверить на практике хронологию клейм Херсонеса предложенную В.И.Кацем, а также предоставляет новые сведения об организации внешней торговли Херсонеса.

1. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э.// Саратов, 1989. – 156 с.
2. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического // Саратов, 1994. – 167 с.
3. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре //МИА - № 36 – М.,1954.
4. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э.// САИ- Г1. – М. Наука,1970. – 112с.
5. Гаврилюк Н.О., Оленковський М.П. Пам'ятки скіфів. Археологічна карта Нижньодніпровського регіону. – Вип.5- Херсон, 1992.
6. Гаврилюк Н.А. Каменское городище и его округа // Древности скифов – К.,1994. – С.102-121.
7. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. –Харьков, 1999.– 420 с.

8. Каряка О.В. Амфори Кам'янського городища // Археологія.-1997-№4. -К. -С.110-118.
9. Каряка О.В. Амфори Нижньодніпровських городищ IV ст. до н.е. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї – К.,2002. -С.18-25.
10. Плешивенко А.Г. Торговые связи Каменского городища // ДСПК. – Т. III. – Запорожье, 1992. –С.162-172.
11. Плешивенко А.Г. Капуловский скифский комплекс // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии).–М., 1999. - С.118-121.
12. Плешивенко А.Г. Капуловский комплекс скифского времени // ССПК. – Т. VIII. – Запорожье, 2000. -С.222-236.
13. Плешивенко А.Г., Фатеев О.В. Новая коллекция амфорных клейм Капуловского городища // Проблемы истории и археологии Украины (материалы международной научной конференции). – Харьков, 2002. –С.70-71.
14. Лагодовская Е.Ф., Сыманович Э.А. Скифский могильник у с.Михайловка на Нижнем Днепре // Скифские древности -К.: Наук. Думка, 1973. –С.235-242.
15. Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья. I. (новые материалы). –Препр.–Киев, 1991. – 48 с.
16. Пиоро В.И., Самойленко Л.Г. Находки древнегреческих амфор в скифских курганах Днепропетровщины // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї – К., 2002. –С.26-42.
17. Андрух С.И., Тошев Г.Н. Могильник Мамай-Гора –Т.І. –Запорожье, 1999. – 232 с.
18. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). -К.: Наук. Думка, 1991. – 410 с.
19. Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с.Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности -К.: Наук. Думка, 1973. – С.187-234.
20. Андросов А.В., Мухопад С.Е. Скифский аристократический курган «Каменская Близница» // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск, 1987. -С.54-74.
21. Нефедов В.В. Античная херсонесская амфора со дна реки Днепр у острова Хортица // ДСПК. – Т. III. – Запорожье, 1992. –С.172-173.
22. Золотарёв М.И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV-II вв. до н.э. // Северо-Западный Крым в античную эпоху -К., 1994. – С.123-137.

Федосеев Н.

МЕТОДЫ ДАТИРОВАНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ

Керамические клейма сегодня, безусловно, наиболее точно датируемый материал в археологии и порой позволяют датировать амфорную тару, на которых они стоят с точностью до года. Одним из основных методов датирования керамических клейм различных центров до сих пор остается археологический или стратиграфический метод. Между тем еще в 1929 году Б.Н.Граков выделил 6 методов датирования клейм [1.–С.102-106], которые в своей докторской диссертации дополнил седьмым [2; см. также 3 –С.299]. Ю.Г.Виноградов отмечает, что все исследование Б.Н.Гракова пронизано типологическим методом, который Б.Н.Граков не выделял [4.–С.15]. Поскольку эти методы составляют основу любых исследований по хронологии в керамической эпиграфике, необходимо дать характеристику каждого из них.

1. *Палеографический* метод. Вслед за своими предшественниками, Б.Н.Граков большое внимание уделял определению датировки по характеру шрифта клейма. В рукописи IOSPE III он проследил развитие алфавита для каждой группы керамических клейм и составил таблицу развития алфавита. Практика показала, что перенесение методов лапидарной эпиграфики на керамическую оказалась неэффективной. Шрифт на клеймах менее консервативен, чем на лапидарных памятниках, и палеография позволяет лишь

приблизительно определить датировку клейма. В настоящее время исследователи отводят этому методу одно из самых последних мест в определении хронологии [4.–С.12]. С помощью этого метода можно определить дату клейма с точностью до полстолетия.

2. Возможности *грамматического* метода (особенности языка и орфографии) еще более ограничены и, кроме того, основная информация об особенностях языка и орфографии, как правило, известна нам из самих керамических клейм. Ограниченность этого метода в определении хронологии отмечал и сам Б.Н.Граков [1.–С.105]. Вместе с тем, как отмечал Ю.Г.Виноградов, грамматико-ономастический метод успешно был применен Б.Н.Граковым для атрибуции групп клейм и для выделения в их антропонимическом фонде инородных элементов. Попытка привлечения этого метода как вспомогательное средство при определении абсолютной хронологии синопских клейм была продемонстрирована В.Г.Виноградовым [5], но для датирования клейм этот метод малоэффективен.

3. *Нумизматический* метод – метод сопоставления эмблем на керамических клеймах с эмблемами на монетах – был применен Б.Н.Граковым в некоторых случаях в качестве основного. Точность таких сравнений полностью зависит от датировок монетного материала и, как оказалось, требует особой осторожности в сопоставлениях – сходные эмблемы на римских монетах и синопских клеймах привели Б.Н.Гракова к ошибке в датировке клейм более чем на век. Вместе с тем, именно сравнение эмблем позволило Б.Н.Гракову отнести клейма с эмблемой "орел на дельфине" в первую по времени группу [1.–С.110], а В.И.Цехмистренко утверждать, что гончарная группа предшествовала астиномному клеймению в Синопе [6.–С.67-68].

В работе Н.В.Ефремова анализируются эмблемы: "Ника с афластоном", "акростилий", "молния" и "прора" [7], но основная цель его исследования – не определение даты клейм, а выяснение причин появления перечисленных эмблем [7.–С.79]. Вместе с тем, связь некоторых эмблем с определенными историческими событиями дает основание уточнить дату клейма. Наиболее точно (285-260 гг. до Р.Х.) автор датирует эмблему "молнии", остальные эмблемы определены более широко – 260-220 гг. до Р.Х.

Н.В.Ефремов использует тот же принцип датирования: определение даты клейма с анализируемыми эмблемами по связи с известным историческим событием. Не отвергая собственно возможность такой датировки, хочу отметить, что использование этого метода должно быть весьма осторожным – необходимо учитывать, что сведения об исторических событиях весьма скудны и о многих из них мы можем судить, в том числе и из анализа керамических клейм. Следовательно, появление тех или иных эмблем в определенный период – повод для выяснения причин их появления, а не критерий для хронологического определения клейм. Базовое утверждение Н.В.Ефремова, что эмблемы на керамических клеймах заимствованы из нумизматики, на мой взгляд, требуют дополнительных обоснований. Я полагаю, что существует значительно больше оснований для обратного утверждения.

Эмблемы на керамических клеймах могут быть сравнимы не только с изображением на монетах, но и с конкретным материалом, главным образом, это касается посуды – керамической и металлической. Несмотря на некоторые затруднения: схематическое изображение сосудов на клеймах, неразработанность хронологий некоторых категорий посуды и др., имеющиеся аналогии могут до определенной степени датировать клеймо.

4. *Морфологический* метод, то есть метод определения даты по изменениям формы самой амфоры и ее частей, к большинству групп амфорного материала практически неприемлем. Наоборот, изучение морфологии амфор опирается на хронологию клейм. Кроме того, выборка известных целых амфор (клейменных и не клейменных) весьма невелика, чтобы составить достаточно подробную схему морфологических изменений самих сосудов. Существуют затруднения и в корреляции между фрагментом ручки с клеймом и формой амфоры.

В свое время В.И.Цехмистренко попытался проследить изменение площади сечения ручек синопских амфор во времени [8.–С.74]. Ему удалось разделить все ручки на два типа:

первый с 70-х годов IV в. до Р.Х. до 2-й четверти III в. до Р.Х., второй - со 2-й четверти III в. до Р.Х. до конца керамического клеймения в Синопе. Однако, как отмечал и сам автор эти рамки не являются абсолютными, а размеры сечения ручек периодически менялись. Мне представляется, что сечение ручки зависит в первую очередь от объема амфоры. В будущем эти данные могут быть уточнены и прокоррелированы с целыми сосудами, поскольку на сегодня это единственная (кроме клейменных целых амфор) реальная связь хронологии керамических клейм с целыми формами.

5. Использование *стратиграфического* или археологического метода, как отмечают многие исследователи [см. напр.: 1.—С.106; 3.—С.299], затруднено из-за смешения слоев, с которыми приходится сталкиваться археологу чаще всего. Относительно точную дату дают закрытые, хорошо датируемые комплексы, но и здесь необходимо наличие двух основных условий: достаточная полнота данных и "узость" датировок комплекса. Наилучшие результаты дают сравнения поселений, которые прекратили (или начали) свое существование в период клеймения. В этом случае удастся привлечь весь датирующий материал, да и представительность набора клейм в таких комплексах, как правило, достаточна велика. Кроме того, рассматривая археологические комплексы с клеймами, необходимо делать разграничения между амфорными и черепичными клеймами, поскольку черепица использовалась значительно дольше и датировки по черепичным клеймам могут существенно сдвинуть нижнюю границу комплекса.

6. Метод *синхронизма* имен магистратов и гончаров Б.Н.Граков использовал весьма ограничено, определяя лишь принадлежность того или иного магистрата к хронологической группе или весьма приблизительно место его в самой группе. Собственно, это единственный метод, который не определяет абсолютных дат, а позволяет создать относительную хронологию. С развитием компьютерной техники этот метод позволяет получить хронологическую последовательность с максимальной точностью. Относительно синопских клейм этот метод был реализован мной в компьютерной программе "АСТИНОМ".

7. В определении абсолютных датировок немалую роль может играть не отмеченный Б.Н.Граковым метод — "*метод датирования динамики экспорта-импорта*". Имея последовательность магистратов и достаточно большую выборку клейм из разных регионов, можно определить подъемы и спады в экспорте или импорте товаров, а их связь с известными историческими событиями, объясняющие эти изменения, позволяет определить даты тех магистратов, время работы которых соответствуют этим изменениям.

Суть почти всех перечисленных методов сводится к тому, что через какие-либо аналоги мы выходим на конкретные абсолютные даты известных исторических событий. Последние отражались как в характере клеймения (палеография, особенности орфографии, иконографии клейм), так в морфологии амфор, нумизматике.

Графически это можно представить следующим образом:

Только связь с известными историческими событиями позволяет определить собственно даты, а не хронологические рамки. Но, на практике доказать связь изменения

керамическом клеймении с историческим событием достаточно сложно и всегда приходится делать скидку на относительную достоверность сделанных соотношений.

При работе с книгой Б.Н.Гракова и рукописью корпуса клейм я обратил внимание еще одно качество Б.Н.Гракова как исследователя, сыгравшее не последнюю роль в создании хронологии синопских клейм и столь необходимое на любом участке исследования - это интуиция [см. также: 9.—С.102].

Новый метод определения хронологии синопских клейм — *метод определения относительной хронологии по граверам* — был применен Н.Коновичи [10.—Р.117-154]. Следует отметить, что это своего рода переосмысление палеографического и грамматического методов Б.Н.Гракова. В IOSPE III Б.Н.Граковым была составлена таблица разновидностей написания букв на клеймах и, по возможности, определена каждая (!) буква клейма по этому индексу. Тем самым, были заложены основы для составления такой матрицы.

Результативность метода перегравировки штампов была апробирована на фасосских клеймах.

Н.Коновичи провел анализ граверов лишь для некоторых магистратов IV группы Б.Н.Гракова. Нельзя не отметить, что выделение граверов им было проведено по субъективным признакам (автор не привел список признаков), а при игнорировании остальных методов хронологического определения, полученный результат требует дальнейшей корректировки. При условии выделения набора признаков, определяющего каждого из граверов и составлении такой матрицы для всех магистратов, этот метод может быть успешно применен в общем пакете создания компьютерной относительной хронологии.

В рамках этого метода могут быть рассмотрены случаи *перегравировки* штампов. На его широкое применение рассчитывать не приходится, поскольку отмеченные И.Гарланом два случая перегравировки [11], пожалуй, самые “красноречивые”. Эта практика не была столь широко распространена в Синопе, чтобы по ним судить о хронологии.

При выборе методов хронологического датирования говорить о каких-либо приоритетах бессмысленно. Для разных групп целесообразно привлечение разных методов, однако необходимо помнить, что наиболее эффективным оказывается их комплексное применение [4.—С.16].

Определение абсолютных датировок полученной последовательности магистратов, производится по итогам комплексного применения всех методов хронологического определения. К сожалению, источники нам не сохранили точных датировок ни для одного из синопских магистратов, в отличие от, например, херсонесских клейм, где имя астинома Гимна, сына Скифа, упоминается среди дельфийских проксенов 195/194 гг. до Р.Х. [2.—С.149; 12.—С.104].

Апробация единой хронологической системы синопских клейм была проведена на археологических комплексах, число которых в последнее время значительно выросло. Таким образом, существующие методы позволяют не только достаточно точно определить относительную хронологию керамических клейм, но и определить их во времени. Вместе с тем, существуют возможности совершенствования как методики определения хронологии, так и уточнения абсолютных дат магистратов.

1. Граков Б.Н. Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1929. — 223 с.

2. Граков Б.Н. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись докторской диссертации. М., 1939. - Архив ИА РАН. Р-2. N538

3. Брашинский И.Б. Успехи керамической эпиграфики// СА, 1961. N2. С.293-306

4. Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ, X. М., 1972. С.3-63

5. Виноградов Ю.Г. Б.Н.Граков и греческая ономастика// Тез. докл. конф., посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б.Н.Гракова. Запорожье, 1989. С.29-31.

- 6.Цехмистренко В.И. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров// СА. 1960. N3. С.59-77
- 7.Ефремов Н.В. О некоторых эмблемах в синопских керамических клеймах // ВДИ. 1991. N2. С.68-79
- 8.Цехмистренко В.И. Заметки о синопских клеймах // СА. 1971. N3. С.67-75
- 9.Кац В.И. Этюды по керамической эпиграфике Синопы. I. Проблемы классификации// АМА. Вып.9. Саратов, 1993. С.96-118
- 10.Conovici N. Problemes de la chronologie des timbres Sinopeens // Pontica. XXX. 1997.
- 11.Garlan Y. Remarques sur les timbres amphoriques de Sinope // CRAI. 1990. April-Juin. 1990. P.490-507.
- 12.Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. N1. С.87-113.

Фиалко Е.Е.

ДЕРЕВЯННЫЕ ЧАШИ – ЗНАКИ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ У СКИФОВ.

По-прежнему спорным остается вопрос о назначении деревянных чаш с металлическими аппликациями у скифов (и других синхронных им кочевых племен Евразии). Речь идет об округлодонных сосудах полусферической и шаровидной формы, с ручками или без них. Обзор массива деталей деревянных чаш с металлическими аппликациями из памятников скифского времени Северного Причерноморья позволил сделать ряд наблюдений.

1. *Состояние находок.* К моменту обнаружения сохраняются главным образом металлические детали – пластины-обкладки с загибом на венчик и фигурные обтяжки ручек, гвоздики и узкие ленты-плетенки. Деревянная основа сохраняется исключительно редко.

2. *Территория распространения.* Подобные сосуды известны как на территории степи, так и в лесостепных регионах Восточной Европы. В синхронных культурах азиатских территорий тоже известны находки полусферических чаш, но отсутствуют сосуды шаровидной формы; в то же время широко распространены кружковидные или грушевидные (не известные у скифов, но встречающиеся позже и в металлическом исполнении в сарматских памятниках). Таким образом, в скифское время деревянная посуда с металлическими аппликациями бытовала повсеместно у кочевых народов, обитавших в зоне великого пояса Евразийских степей.

3. *Время бытования.* На территории Приднепровской Лесостепи такие чаши встречаются в погребениях с начала 5 до начала 4 в. до н.э. В погребениях степной зоны Скифии они фиксируются со второй половины 5 до конца 4 в. до н.э. [1. – Рябова, 1989: С.137]. К концу 4 в. до н.э. находки их уже единичны. Причем со второй половины 4 в. до н.э. в степных памятниках роль чаш частично переходит к серебряным киликам [2.–С.139]. На мой взгляд это дань моде, особенно явно проявившейся в присутствии инокультурных элементов в скифских погребальных комплексах последней трети 4 в. до н.э.

4. *Происхождение формы.* Традиция производства деревянных чаш с аппликациями уходит далеко в прошлое - деревянные сосуды известны практически во всех культурах эпохи бронзы юга Восточной Европы, причем наблюдается поразительная устойчивость форм.

а). Полусферические чаши появляются начиная с ямного времени. Большое количество их фиксируется в памятниках среднего и позднего бронзового века Поднепровья, Подонья, Северного Кавказа и Поволжья. Известны они и в погребениях киммерийских воинов. Но, если в эпоху бронзы оббивки были бронзовыми, в киммерийское время они уже преимущественно золотые [3. –С.49-50].

б). Шаровидные двуручные чаши не известны ни в предшествующие периоды в памятниках Северного Причерноморья, ни в синхронных памятниках других регионов. Их относят к собственно скифским формам сосудов, имеющим местное северопричерноморское происхождение [4. – С.36; 5. –С.194,195; 6. – С.145].

5. *Происхождение металлических аппликаций.* В исследованном Н.Полосьмак кургане 1 могильника Ак-Алах-3 (горный Алтай) обнаружены два лепных сосуда. Тулово одного из них, помимо росписи, украшала наклеенная кожаная аппликация [7.–С.141]. Судя по рисунку, аппликация представляла собой небольшие фигурные кусочки кожи с прорезями. В них просматриваются пальметты, завитки, птичьи головки и другие детали, очевидно составлявшие единую композицию, выполненную в характерной для этого региона манере звериного стиля. Видимо ближайшей сюжетной аналогией этой находке является глиняный же сосуд из 2-го Пазырыкского кургана, украшенный кожаной аппликацией в виде ажурных фигурок петухов [8.–С.263]. Перекликаются ак-алахские аппликации и с кожаными фигурками (от седельных покрывал) из 1-го Туэктинского кургана [8. –С.303].

Уникальные находки из Ак-Алаха и Пазырыка демонстрируют не единичные случаи кожаной орнаментации посуды, а скорее свидетельствуют о существовании устойчивой традиции, проявившейся и в деревянной посуде с золотым декором. О направлении распространения этой традиции судить трудно, но следует отметить, что каждый регион имел свою характерную стилевую окраску.

6. *Сюжеты декора.* Металлические пластины украшены изображениями птиц, животных, рыб, грифонов, сценами терзания. Уникально антропоморфное изображение всадника на одном из сосудов из 1-го Филипповского кургана (Южный Урал). Изобразительный ряд и сюжеты золотых аппликаций чаш находят аналогии прежде всего в декоре оружия и узды, имеющих непосредственное отношение к воинскому сословию.

Вряд ли можно согласиться, что набор образов и сюжетов на аппликациях чаш ограничен символикой потустороннего мира, смерти и жертвоприношения [9.–С.50]. Если подобное толкование возможно допустить применительно к оружию, то с украшениями конской узды, одежды и рассматриваемыми типами деревянной посуды оно вряд ли соотносимо. В противном случае получится, что все произведения торевтики делались специально и исключительно для погребальных церемоний. Этому противоречит хотя бы тот факт, что декоративные детали конской узды, как и деревянные чаши, носят следы ремонта и длительного использования.

Логичнее рассматривать символику образов на чашах, как апотропеи – охранители владельца вещи, а возможно и содержимого чаши. Последнее особенно справедливо для чаш, имитирующих животное или птицу и украшенных ручками в форме животных.

7. *Принадлежность.* Чаши с металлическими аппликациями (скифского времени и эпохи бронзы) соотносятся только с богатыми мужскими погребениями. Их нет в погребениях женщин, не известны они даже у амазонок.

8. *Место в комплексе.* Для деревянных чаш как-будто нет определенного места в могиле. Однако в редких случаях фиксации первоначального положения констатируется явное «отделение» их от прочего инвентаря.

а) в Бердянском кургане деревянные чаши находились в Центральной (мужской) могиле, в то время как набор металлической посуды - в Восточной (женской);

б) в кургане 13 у с. В.Знаменка три деревянные чаши находились в специальной южной нише, отделенной от основного пространства камеры деревянными щитами, в то время как цилиндрический деревянный кубок и ритон поместили в другую, хозяйственную («амфорную»), нишу [10]. В такую же отдельную, тоже южную, нишу были помещены и пять чаш в 1-ой Завадской Могиле [11];

в) в 1-ом Филипповском кургане в тайнике № 1 спрятали более 100 деревянных чаш (сохранилось 350 оковок стенок и ручек), составлявших по мнению А.Пшеничниока единый

сервиз, и (как исключение?) серебряный кувшин с обломанной ручкой; в тайник № 2 поместили сосуды из золота и серебра [12. – С.33].

з) кроме того, в Бердянском кургане зафиксировано крепление чаши к боевому поясу. Такой же способ отмечен у ранних кочевников Южного Урала (курган 10 Переволочанского могильника) и Южной Сибири (Большой Полтаковский курган) [13. – С.35,36].

9. *Множественное использование.* На многих чашах фиксируются следы ремонта в виде стяжки трещин тонкой золотой (реже серебряной) лентой-плетенкой. Чашу из 1-го Туэктинского кургана починили при помощи наложенной на трещину серебряной фигурной пластины с железными заклепками [8. – С.117]. Следовательно такие сосуды неоднократно использовали, высоко ценили и ими дорожили, поскольку в таком изношенном виде клали в могилы представителей скифской знати.

10. *«Репродукция» на предметах торевтики.* Нельзя не отметить, что на произведениях скифской торевтики не встречается изображений интересующих нас чаш. На всех известных изображениях фигурируют ритон и круглотелый кубок. Причем во всех случаях ритон – атрибут мужских персонажей, кубок – женских (серия бляшек из Куль-Обы, Чертомлыка, 1-го Мордвиновского кургана с сидящей богиней и предстоящим героем; из Куль-Обы, Солохи и Бердянского кургана со сценой братания; Сахновская пластина; Мерджанский ритон). Казалось бы исключение составляет пластина из Карагодеуашха, где кубок держит мужской персонаж, но он протягивает сосуд богине [14. – С.108]. Надо думать, что на всех перечисленных пластинах изображены металлические (серебряные) кубки, хорошо известные по находкам из Куль-Обы, Чертомлыка, Солохи, Рыжановки, Чмыревой, Гаймановой, Толстой и Соболевой Могил и других памятников. Оба типа упомянутых выше сосудов играют обусловленные роли, будучи задействованными в обрядах, определяющихся исследователями как приобщение верховной богиней царя к власти [15. – С.139; 16. – С.62] и покровительству богини [17. – С.83] – сцена на Мерджанском ритоне; или как мистическая свадьба – мистическая трапеза – сцена на Карагодеуашхской пластине. С.С. Бессонова отметила, что вкушение ритуального напитка было обязательным в брачных церемониях, но в индоиранской традиции хорошо представлено и другое его назначение – получение личного бессмертия [14. – С.105]. Судя по тому, что деревянные чаши в погребениях обособлены от ритонов и кубков, они играли иную роль.

11. *Трактовка назначения.* Несмотря на кажущийся разброс мнений о назначении чаш с аппликациями, их можно объединить в две основные группы. Чаши рассматривают как: 1 а). принадлежность захоронений воинов [18. – С.168; 19. – С.42]. Но В.Рябова добавляет, что они имели «конкретное ... назначение в религиозных обрядах» (с чем вряд ли можно согласиться); б), символ доблести [20. – С.93; 21. – С.83; 22. – С.77]; в). ритуальные, связанные с культом сомы [18. – С.167] (так же имеющим определенное отношение к воинскому сословию);

2 связь с брачным обрядом и, через него, с заупокойным обрядом и переходом в иной мир [9. – С.56].

Отмеченные особенности позволяют говорить о том, что деревянные чаши с золотым декором, связанные со скифами-воинами, выступают как знак особой отваги и заслуги. Их носят при себе (на поясе), из них пьют вино (а возможно и сому) видимо не только в особо торжественных случаях, но и в повседневной жизни. Это обстоятельство объясняет, почему так много чаш носят следы починки и почему этими, в общем-то изношенными вещами, так дорожили скифы.

1. Рябова В.А. Ритуальные сосуды как источник социально-политической истории Скифии// Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989.

2. Фиалко Е.Е. Знаковость вещи в погребальной практике скифов//Скифы Северного Причерноморья в 7-4 вв. до н.э. М., 1999.

3. Фіалко О.Є. Новий тип дерев'яних чаш у скіфів//Археологія. 1993. № 1.
4. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в 4-2 вв. до н.э.// САИ. 1970. Вып.ВД-1-27.
5. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
6. Рябова В.А. Двуручные чаши из скифских курганов// Скифы Северного Причерноморья. К., 1987.
7. Молодин В.И., Ламина В.В. Технологический анализ керамических сосудов// Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.
8. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М-Л, 1960.
9. Королькова Е.Ф. Ритуальная посуда кочевников. // Золотые олени Евразии. СПб., 2001.
10. Отрошенко В.В., Рассмакін Ю.Я. До таємниць Геродотової Скіфії. // Наука і культура. 1985. № 19.
11. Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г.Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.) // Скифия и Кавказ.-К.,1980.
12. Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследование// Золотые олени Евразии. СПб., 2001.
13. Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников// АСГЭ. 2003. № 36.
14. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.
15. Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре// ИАК. 1913. № 49.
16. Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов// АСГЭ. 1961. Вып.2.
17. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
18. Медведев А.П. Об атрибуции «жреческих» погребений у ираноязычных кочевников 2-1 тыс. до н.э.// Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып.2.
19. Рябова В.О. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів Скіфського часу // Археологія N46, 1984. С. 31-43
20. Фіалко Е.Е. О культовом назначении деревянных чаш // АИУ 1978-1979. Днепропетровск, 1980.
21. Фіалко Е.Е. Символика образа птицы на скифских деревянных чашах // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб., 1998.
22. Кузнецова Т.М. «Ποτήριον» Скифского логоса Геродота // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып.4.

Фидельский С.А.

САРМАТСКИЙ КУРГАН У с. ЧОБРУЧИ НА НИЖНЕМ ДНЕСТРЕ

В 2000 году Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т.Г. Шевченко проводились исследования в Слободзейском районе Приднестровской Молдавской Республики. В результате полевых работ у с. Чобручи на левом берегу Днестра был раскопан курган сарматского времени.

Курган находился в 0,3 км к северу от трассы Тирасполь – Днестровск и в 0,5 км к востоку от тракторной бригады, на второй надпойменной террасе, на полях колхоза с. Чобручи [1]. Несмотря на ежегодную распашку, курганная насыпь к началу раскопок достаточно хорошо сохранилась и имела в плане округлую форму. На ее поверхности были обнаружены фрагменты амфорной тары римского времени. Диаметр насыпи составил 30-35 м, высота от древней погребенной почвы – 0,6 м, от материка – 1м. Курган исследован тремя контрольными бровками, расположенными на расстоянии 4 м одна от другой по линии север-юг. При дальнейшем изучении насыпи было установлено, что курган

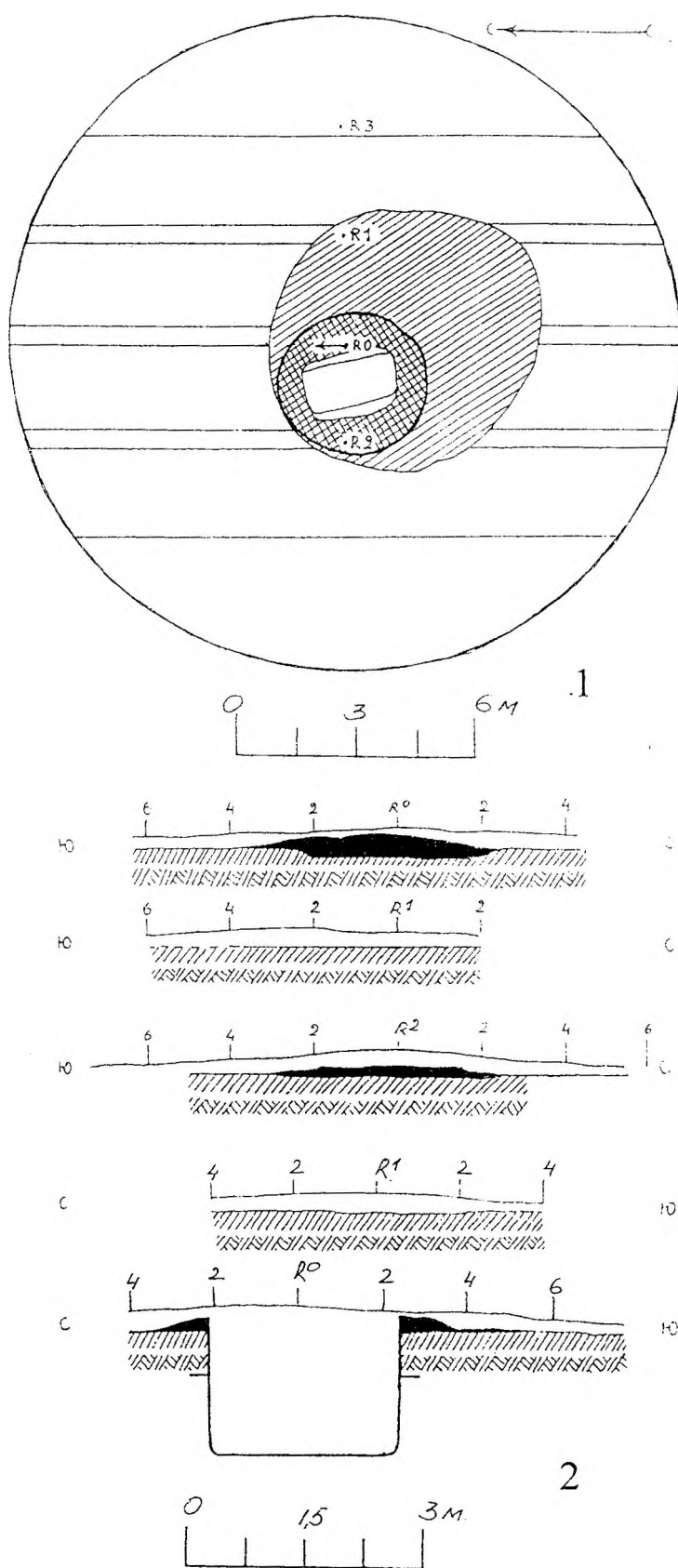

Рис. 1

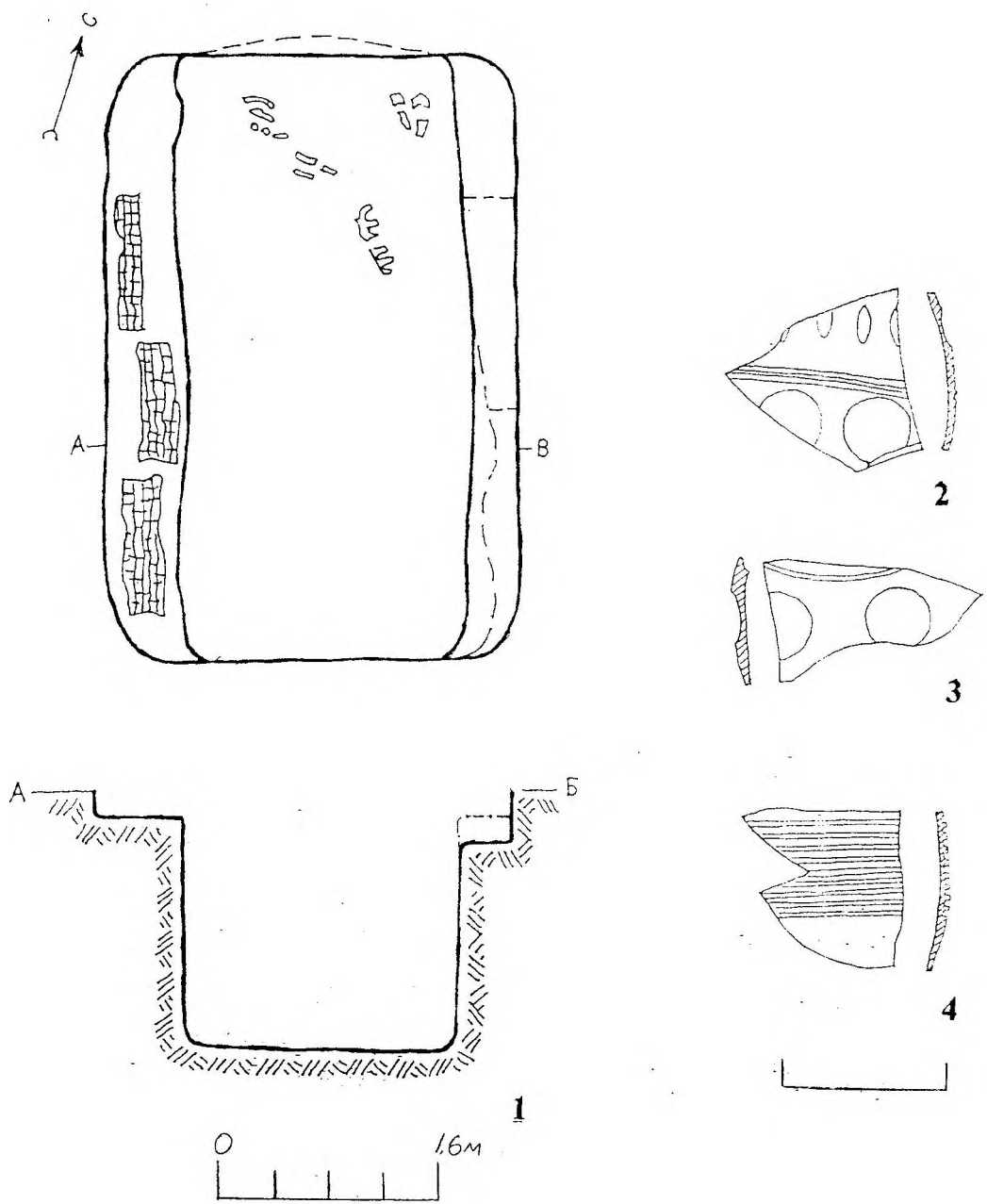

Рис. 2

содержал одно основное погребение, расположенное в центральной части насыпи (рис. 1/1).

Погребение 1 (основное) обнаружено на уровне погребенной почвы, на глубине 0,7 м от R0. Вокруг погребальной камеры был выявлен слой материковой глины, который образовывал площадку округлой формы диаметром 6,5-7 м (рис.1/1). Материковый выкид был зафиксирован в трёх бровках. Его толщина в центральной бровке составляла 0,5м, в западной - 0,3 м и в восточной - 0,03 м (рис.1/2).

Верхняя часть погребальной камеры правильной прямоугольной формы со слегка закругленными углами длиной – 4,4 м, шириной – 3 м и глубиной от погребенной почвы - 2,5 м, была ориентирована по линии север-северо-запад - юго-юго-восток. Вдоль боковых стен на глубине 0,65 м от ее верхнего края зафиксированы заплечики шириной 0,6 м. Центральная часть погребальной ямы имела правильную прямоугольную форму длиной – 4,4 м, шириной – 2 м, и глубиной от заплечиков - 1,7 м. На одном из них сохранились фрагменты деревянных плах, лежавшие поперек и служившие перекрытием захоронения (рис.2/1).

Погребение было ограблено в древности. В результате восточная часть ямы и один из заплечиков были разрушены грабительским ходом. Проследить величину и размеры заплечика практически не представлялось возможным. В заполнении грабительского хода была обнаружена железная пластина от непонятного предмета. Ширина нарушенного участка при ограблении составляла 1,7м.

В результате ограбления, положение и ориентировку погребённого определить не удалось. Лишь ко дну ямы у северной её стенки были обнаружены скопления человеческих костей (фрагменты черепа, фаланги пальцев) и нижняя часть челюсти лошади, а также фрагменты и детали погребального инвентаря. Среди них в частности были выявлены на глубине от 0,7 до 1,4м фрагменты римской амфоры, железных предметов, а также фрагменты двух стеклянных сосудов. На основании остатков погребального инвентаря можно по возможности определить время совершения захоронения и возведением над ним кургана.

Фрагменты амфоры предположительно можно отнести к типу красноглиняных амфор с грушевидным реберчатым туловом, которые датируются серединой III в. н.э. [2., С.9-10]. Близкая по аналогии амфора была найдена в сарматском кургане у с. Корпач Единецкого района, где автор в своей статье предлагает несколько датировок от I до III вв. н.э., но останавливается на II в. н.э. [3.–С.250-255].

Ещё одним датирующим материалом в сарматских комплексах является стеклянная посуда. В данном погребении были обнаружены фрагменты, по всей видимости, двух таких сосудов, относящиеся к типу столовой посуды. Предположительно это были фрагменты стеклянного кубка и два фрагмента фиалы.

При анализе сохранившихся фрагментов кубка удалось установить, что он состоял из тонкого прозрачного стекла, на внешней поверхности которых были зафиксированы фрагменты горизонтальных гравированных поясков (рис.2/4). Графическая реконструкция осколков стеклянного кубка установила, что его диаметр составлял 15,5 см. Так же при анализе стекла кубка выяснилось, что оно состояло из хорошей смеси кварцевого песка и чистого поташа. Аналогичные стеклянные кубки являются ведущей формой столовой посуды римского импорта в сарматское время, которые получают свое распространение во II в. н.э. и относятся к первому типу стеклянных кубков распространенных в Северо-Западном Причерноморье [4.–С.140]. Во время анализа стеклянных фрагментов было обнаружено, что корпус стеклянного кубка был оформлен гравировочным орнаментом, в виде несколько параллельно друг к другу линий. Подобный технический приём зарождается в странах Востока, который своё широкое распространение получает в II-III вв. н.э., когда такие же мастерские появляются в городах Западной Европы и Северного Причерноморья [5.–С.62]. Не исключено, что стеклянная посуда, орнаментированная гравировочным орнаментом, появляется в сарматских комплексах Поднепровья именно в

II-III вв. н.э. Близкий по типу стеклянный кубок был обнаружен в кургане 9/3 у с. Опач в Каушанском районе Республики Молдова, который относится к хронологическому горизонту II-III вв. н.э. [6.–С.76, рис.22 (A8); 4.– С.142, рис.49/3].

При рассмотрении фрагментов, предположительно, от стеклянной фиалы, было выявлено, что первоначально сосуд имел полусферическую форму из тонкого прозрачного стекла. Примечательно, что на внешней плоскости фрагментов был зафиксирован орнамент в комплекс, которого входили горизонтальные полосы, вертикальные насечки и несколько зашлифованных кругов (рис.2/2,3). Кропоткин относит данные типы фиал к III в. н.э., распространенные в Западных провинциях Римской империи и в Северном Причерноморье [2.– С.29]. Также, следует обратить внимание, что аналогичные стеклянные изделия были обнаружены при раскопках Недвиговского городища и одноименного могильника в Ростовской области и городища Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму, где были найдены остатки стеклоделательного производства II-III вв. н.э. [2.– С.102-103,105].

Все вышеописанные стеклянные изделия относятся к категории сосудов из дутого стекла, техника, производства которых зарождается в 40-30 гг. до н.э. [4.–С.127]. Свое широкое распространение данные изделия получают в римское время [5.–С.61-63].

Может быть, вопрос о месте изготовления стеклянной посуды в пределах римских провинций Северо-Западного Причерноморья оставался бесспорным, до того момента пока не было открыто и исследовано Комаровское поселение в верхнем течении р. Днестр [7.– С.355; 8.–С.14-15]. На основании анализа исследований высказывается мнение о существовании в пределах Комаровского поселения мастерской по изготовлению стеклянной посуды. Исследованное поселение авторами раскопок было определено рамками черняховского периода III-IV вв. н.э. [7.–С.355]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что поступление стеклянных предметов из вышеназванного поселения, в степные пространства днестровского региона могло осуществляться, в предполагаемое время. Предположительно, что сарматские племена, которые кочевали в III в. н.э. в Нижнем Поднестровье, могли также использовать стеклянные изделия из Комарово. Если опровергнуть данное высказывание, ссылаясь на черняховскую принадлежность Комаровского поселения, то следует высказать мнение о возможности появления в Поднестровье стеклоделательного производства и в более раннее время.

Взаимовстречаемость погребального инвентаря в кургане у с. Чобручи даёт основания предположительно датировать его II-III вв. н.э. Не оставляет никаких сомнений тот факт, что данный курган был возведён в сарматское время. На это, прежде всего, указывает конструкция погребального сооружения. Большая прямоугольная яма с заплечиками вдоль боковых стен является непосредственным элементом погребального обряда сарматских племён Северо-Западного Причерноморья [9.–С.13-14, рис.7(2)]. В.И. Гросу классифицирует подобные ямы третьим типом, которые главным образом встречаются под индивидуальными насыпями [6.–С.31]. Ещё одной чертой погребального обряда сарматской культуры являются деревянные перекрытия поперек погребальной камеры в виде плах. Они в основном возводились над погребениями, которые являлись центральными в кургане [6.–С.30-31; 9.–С.20-21].

Таким образом, курган 1 у с. Чобручи можно отнести к сарматским племенам кочевавшим в Северо-Западном Причерноморье в начале нашей эры. Основанием этому служит анализ погребального сооружения и погребального инвентаря. Открытым вопросом остаётся определение более точного времени совершения захоронения и возведения над ним кургана. Для решения этой проблемы потребуется, возможно, дополнительные (химический и пр.) анализы погребального инвентаря, а также поиски новых аналогий на прилегающих к Поднестровью территориях.

Стратиграфия кургана и относительная хронология погребений.

С помощью оставления трех контрольных бровок было установлено, что курган был возведен в один прием, над основным сарматским погребением 1. После его совершения в

центре кургана была сделана полукруглая площадка из материковой глины, которая перекрывала деревянный настил ямы.

Курганная насыпь состояла из однородного чернозема с небольшой прослойкой из материковой глины.

В профиле центральной бровки были зафиксированы участки нарушения курганной насыпи, которые являлись следами ограбления основного погребения. В ходе исследования было предположительно установлено, что погребальное сооружение было ограблено дважды. Скорее всего, что первое ограбление было совершено через некоторое время после обряда захоронения. Свидетельством этому может служить зафиксированный небольшой участок грабительского хода, который точно вел в погребальную камеру. Ширина его составляла 1,7 м. В результате этого ограбления, деревянное перекрытие вместе с материковым выбросом провалилось в погребение, следы, чего наблюдались в заполнении камеры.

Второе ограбление, скорее всего, было совершено значительно позже, приблизительно в XVIII-XIX вв., осуществленное местными жителями. На это, прежде всего, указывает большая круглая воронка, которая почти полностью перекрывала погребальную камеру. Вероятно, что именно после повторного ограбления основная масса чернозема заполнила погребальную камеру. В результате этого грунт в яме был плотным и твердым.

1. Яровой Е.В., Четвериков И.А. Отчет о полевых исследованиях Днестровской археологической экспедиции в 2000 году // Архив НИО ПГУ им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь. 2001
2. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ, Д1-27. 1970
3. Гросу В.И. Сарматский курган у с. Корпач // СА, №2. 1979
4. Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.), Одесса. 2000
5. Галибин В.А., Островерхов А.С., Субботин Л.В. Стеклянные изделия из сарматских погребений Семеновского могильника // МАСП, Киев, 1983
6. Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья, Кишинев, 1990
7. Смишко М.Ю., Щапова Ю.Л. Раскопки у с. Комарово-Днестровка // АО в 1974 г. 1975
8. Вакуленко Л.В. Об организации римского стеклоделия за границами Империи // АВЛ, вып. 14, (Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья), Воронеж. 2000
9. Дзиговський О.М. Сармати на заході Степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. – Київ, 1993

Храпунов И. Н., Власов В. П.

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ

Могильник Ташлы-Баир расположен в 0,5 км к юго-востоку от с. Баланово Белогорского района Автономной Республики Крым, в 0,8 км к северу от плотины Балановского водохранилища. Он находится на склоне горы Ташлы-Баир, ограничивающей с востока долину реки Зуя.

Памятник открыт случайно во время раскопок некрополя позднеримского времени Нейзац. Между сарматскими и аланскими могилами III-IV вв. н. э. на участке площадью около 100 кв. м обнаружено 10 захоронений, совершенных по единому погребальному обряду. Можно не сомневаться в том, что могильник исследован полностью. Склон горы во все стороны от него раскопан на десятки метров, более ни одного погребения эпохи бронзы не обнаружено. Все погребения находились в слое плотной темной земли, выше уровня

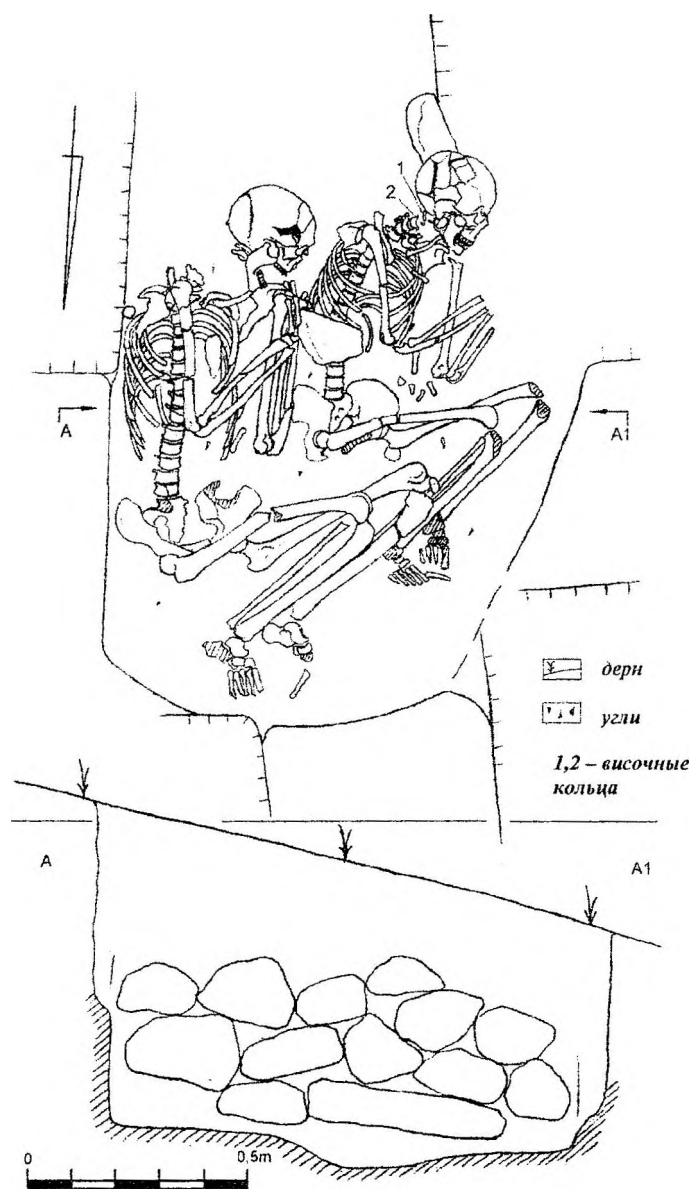

Рис.1. Могильник Ташлы-Баир. Погребение № 10.

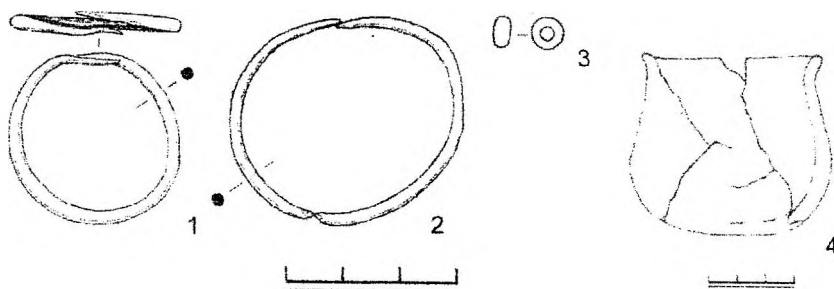

Рис.2. Погребение № 10. Погребальный инвентарь .1,2-бронзовые височные кольца; 3-стеклянная бусина; 4-лепной керамический сосуд.

материка. на глубине 0,45-1,0 м от современной дневной поверхности. Могильные ямы не прослежены. Над двумя погребениями зафиксированы каменные наброски.

Все погребенные ориентированы головами на юг. Захоронения совершались в скорченном положении, три – на правом боку, остальные – на левом. Руки, как правило, согнуты в локтях так, что кисти находились перед лицом. Четыре погребения безинвентарны, в трех обнаружено по одному лепному сосуду, еще одно сопровождалось сосудом и двумя бронзовыми височными подвесками. Одно захоронение было парным. Над могилой прослежена наброска, состоявшая из трех рядов разномерных камней (рис. 1). Среди них найден разбитый чернолощенный лепной кубок. У черепа одного из погребенных обнаружена пара бронзовых височных подвесок, на месте груди – стеклянная бусина (рис. 2).

Могильник Ташлы-Баир был грунтовым. Никаких следов курганный насыпи не зафиксировано. Ее сооружение было вряд ли возможно на крутом склоне. Особенности погребального обряда и инвентаря позволяют отнести памятник к белозерской археологической культуре. В конце эпохи бронзы группа степного населения по долине реки Зуя продвинулась в предгорья, где и оставила могильник. Вероятно, это были предки исторических тавров.***

Приблизительно в 0,5 км к западу от могильника, на противоположном левом берегу Зуи, в Барабановской балке близ ее устья дождями из земли вымыло бронзовые кельт и обломок серпа, относящиеся, по всей вероятности, к сабатиновской археологической культуре.

Четвериков И.А.

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТИРАСПОЛЬСКОЙ ГРУППЫ

Как известно, исследования курганов Тираспольщины в конце XIX - начале XX вв. до сих пор являются одними из наиболее масштабных в дореволюционное время. В период с 1896 по 1911 гг. в сёлах Тираспольского уезда супругами И.Я. и Л.С. Стемповскими было раскопано свыше 400 курганов различных исторических эпох, 62 погребения из которых были отнесены А.И. Мелюковой к скифскому времени [1]. Эти материалы, включая одиночный курган у с. Суклея (раскопки М. Шкадышека) вскоре после публикации получили название "Тираспольская группа" [2.–С.127].

Из опубликованных скифских материалов 1896-1911 гг. следует, что 17 погребений были совершены в простых ямах и 46 - в катакомбах [1.–табл. 2-10]. А.И. Мелюкова провела первое хронологическое деление Тираспольской группы, отнеся часть курганов к IV-III вв. до н.э., а часть – ко II в. до н.э. [1.–С.158, 161]. При этом погребения IV-III вв. до н.э. были выделены исследовательницей исключительно на основании присутствия в колчаных наборах только бронзовых наконечников стрел и отсутствию лепной керамики. Напротив, комплексы II в. до н.э. были атрибутированы по наличию в них лепной керамики (например, курильниц с канеллюрами), железных наконечников стрел и фибул. Примечательно, что к IV-III вв. до н.э. было отнесено 12 простых ям и одна катакомба; одна яма и остальные катакомбы были хронологически локализованы во II в. до н.э. [1.–С.160-161].

Дискуссионность подобного разделения к концу 80-х гг. проступила совершенно отчетливо. Спустя 18 лет после выхода в свет публикации А.И. Мелюковой у с. Кочковатое на Нижнем Дунае во впускном погребении 48/3 конца IV в. до н.э. было отмечено сочетание бронзовых с железными наконечниками, при большом численном преобладании первых [3.–С.48-54, рис.16]. В сочетании со сводкой, составленной Е.В. Черненко [4.–С.145-150, прил. 5-7] кочковатовский комплекс давал определенное основание к пересмотру хронологии Тираспольской группы. Например, определенной аналогией ему являлась катакомба кургана 109 у с. Парканы, в котором 6 бронзовых наконечников

сопровождал один железный [1.-С.128, табл.7/3]. И напротив, обратное сочетание отмечено Стемповскими в погребальной яме кургана 131 и ряде катакомб, где наряду с железными наконечниками находился и один бронзовый [1.-С.120, 129, 137, табл. 4/1, 7/6-7, 10/2]. "Равновесие" зафиксировано в кургане 156, где в колчанном наборе присутствовали три бронзовых и три железных наконечника [1.-С.125, табл.5/15]. Близкое сочетание наблюдалось в катакомбе кургана 188 у с. Терновка - 3 железных и два бронзовых наконечника. Сомнительным выглядело отнесение к II в. до н.э. ограбленных катакомб курганов 122, 143 у с. Парканы и 185 у с. Терновка, где было найдено по одному бронзовому наконечнику стрел, без присутствия железных [1.-С.128, 134, 139, табл.7/4, 9/7, 10/1].

Трудно было согласиться и с тем, что на отнесение к II в. до н.э. курганов 173 и 174 совершенно не повлияло наличие в их катакомбах античных чернолаковых сосудов [1.-С.128-129, 156, табл.7/5,8; рис. 4/8]. Отсутствие лепной керамики при наличии всего двух гончарных сосудов на 17 погребений (!) также не способствовало уверенной датировке IV в. до н.э. [1.-С.119, табл. 3/7].

Выводы, сделанные А.И. Мелюковой были вскоре ею же опровергнуты при раскопках скифских курганов IV в. до н.э. у с. Бутор Григориопольского района: лепная керамика оказалось во впускном детском погребении кургана 12. Это позволило исследовательнице высказать предположение, что лепная местная посуда ставилась исключительно в погребения детей и подростков [5.-С.92, рис. 8/10, 11]. Правильность данной мысли вроде бы подтвердилась при раскопках кургана 4 группы Бутор [6.-С.90-92, рис. 44/12-13], кургана 10 у с.Новые Раскаецы [7.-С.17, рис. 5/2] и кургана 2 в г. Тирасполе [8.-С.128, рис. 6/3]. Но то, что казалось правильным для Поднепровья, оказалось сомнительным на Нижнем Дунае - лепные сосуды находились как в детских, так и во взрослых захоронениях IV в. до н.э. [9.-С.115, рис. 3/13, 4/6; 10.-С.42; 11.-С.6-8,13,15,18, 20-21, 23, рис 4/3, 6/7-8, 6/12, 10/6-7, 16/11, 18/8-9, 20/10; 12.-С.39, 44, рис 4/6]. Находки же четырех аналогичных тираспольским лепных курильниц в катакомбах III типа (рубеж IV-III вв. до н.э.) из придунайских могильников Кугурлуй и Градешка еще более усложнили и запутали ситуацию [13.-С.133].

Примерно так же обстояло дело и с фибулами. "Повисла в воздухе" датировка ограбленной прямоугольной ямы в кургане 207 у с. Плоское (совр. с. Бычок Григориопольского района), в которой были найдены обломки бронзовой фибулы [1.-С.119, табл. 3/3]. А между тем бронзовые фибулы находились в центральном погребении кургана 8 у с.Красное в Поднепровье [6.-С.42, рис. 19/4] и множестве комплексов IV в. до н.э. в Нижнем Подунавье [14; 11.-С.32, рис. 7/3; 15; 16.-С.46-47].

Таким образом, наличие в погребениях только бронзовых наконечников стрел и античной гончарной керамики переставало быть критерием погребений IV-III вв. до н.э. Одновременно, наличие лепной керамики, фибул и железных наконечников стрел как твердых индикаторов II в. до н.э. также было поставлено под сомнение. Образовался своеобразный тупик - без свежего археологического материала найти приемлемые датировки для Тираспольской группы не представлялось возможным.

В какой-то степени дело сдвинулось с мёртвой точки после раскопок 1983 г. и в г. Тирасполе. Тогда на окраине города была исследована группа, включавшая в себя 3 кургана скифского времени [8.-С.120-132]. Два из них содержали захоронения в прямоугольных ямах, а третий (курган 4) - центральную катакомбу III типа. Все три кургана подверглись ограблению, а единственное уцелевшее скифское погребение 2/2 содержало крайне невыразительный материал. Положение спасало наличие в тризне всех трех курганов фрагментов эллинистических красноглиняных амфор и, в том числе, фасосского клейма аргастериарха Дейнопа [8.-С.123, рис.3/11; 17.-С.34, рис.4/10]. Через три года у с. Парканы было изучено 2 кургана скифского времени [18.-С.171-183, рис. 2-5]. Несмотря на ограбление, в плане датировки они оказались исключительно информативными. Совершение основных и впускных погребений в прямоугольных ямах,

наличие только бронзовых наконечников стрел (в погр.1/3 - 76 штук), фрагменты бронзового панциря, клейменные гераклеийские амфоры из тризн – все это указывало на "хороший" IV в. до н.э. Однако, традиционная датировка исследованных в Тирасполе и Парканах скифских комплексов IV-III вв. до н.э. вновь оставила вопрос о хронологии Тираспольской группы открытым [8.–С.126, 131; 18.–С.188].

Значимость исследований 1983 и 1986 гг. трудно недооценить – они привели впоследствии к кардинальным изменениям в понимании археологической ситуации IV-II вв. до н.э. на берегах Нижнего Днестра. Во-первых, были исследованы группы, территориально весьма близкие большей части скифских комплексов 1896-1911 гг. Во-вторых, датировка кургана 4 в г.Тирасполе IV-III вв. до н.э. фактически поставила катакомбы III типа в одну хронологическую нишу с погребениями в ямах. Такое положение дел, учитывая перечисленные выше спорные моменты, неизбежно должно было привести к хронологической ревизии Тираспольской группы.

Такая попытка была предпринята в 1992 г. С.В. Полиным. Ей предшествовало в осторожной форме высказанное Е.Ф. Рединой предложение о пересмотре датировки Тираспольских курганов, "которая, вероятно, не выходит за рамки III в. до н.э." [19.–С.134]. Немалую роль, видимо, сыграло и короткое замечание М.Б. Щукина относительно "пробела" в хронологии латена Молдавии между концом IV - началом и концом III вв. до н.э.: "Специального внимания заслуживают в этой связи курганы Стемпковских под Тирасполем" [20.–С.198]. Наконец, И.В. Бруяко прямо назвал Тираспольскую группу реликтом Великой Скифии в III-II вв. до н.э. [21.–С.200]. Постулируемое же С.В. Полиным полное запустение Скифии в III в. до н.э. находилось в очевидном противоречии с указанными мнениями.

Используя сложившееся казусное положение с наконечниками стрел, курильницами и фибулами, а также неустойчивость датировок некоторых видов чернолаковой керамики С.В. Полин сделал неожиданно категоричный вывод: "...на Нижнем Днестре выделение группы скифских погребений III - начала II вв. до н.э. по современным данным не подтверждается. Поздние Тираспольские курганы распадаются на две группы - IV - начала III вв. до н.э. и II-I вв. до н.э." [22.–С.45-49].

Такая позиция имела успех - уже в 1995 г. датировки по С.В.Полину использует С.И.Андрух [23.–С.83]. Но появились и противники. Достаточно жёстко против пересмотра хронологии Тираспольской группы выступил И.В.Бруяко, указав на то, "что работать с конкретным материалом, не видя его (поскольку его нет) очень трудно". Исследователь не согласился с С.В.Полиным и "по поводу датирующих возможностей" фибул, курильниц и железных наконечников стрел тираспольских курганов, отстаивая возможность их появления в погребениях III в. до н.э. [24.–С.231-232].

По иронии судьбы, именно в 1995 году Днестровская археологическая экспедиция ПГУ им. Т.Г.Шевченко приступила к исследованию крупного курганного могильника у с.Глиное в Нижнем Поднестровье. Первые полевые работы на памятнике произвели супруги Стемпковские, раскопавшие здесь 5 курганов. Материалы, полученные здесь, считались для хронологии Тираспольской группы определяющими, например, бронзовая фибула из кургана 378 [1.–С.131, 137-138, табл. 8, 10/2,5]. В ходе раскопок 1995-2001 гг. археологами ПГУ у с.Глиное было изучено 72 погребения в катакомбах III типа (85% всех погребений могильника). На сегодняшний день это самый крупный памятник Тираспольской группы, функционировавший, как, видимо, и остальные, в достаточно короткий (45-50 лет) хронологический период.

Одним из важнейших аспектов изучения курганов у с.Глиное стало присутствие в катакомбах аристократии родосских и синопских клейменных амфор. По совокупности их датировок время существования памятника предварительно определяется второй половиной III - началом II вв. до н.э. Уточнение нижней даты станет возможным только после согласования имеющихся сейчас схем синопского магистратского клеймения. Верхняя дата могильника (189-183 гг. до н.э.) выглядит достаточно стабильной при любых

корректировках в существующих хронологических построениях [25.–С.189-190, 26.–С.217-220].

Полученные при исследованиях у с.Глиное датировки подтверждаются клеймом Родоса, обнаруженным в 2000 году при раскопках центральной катакомбы III типа в аристократическом кургане у с.Чобручи [27]. Второй половиной III в. до н.э. датируются почти все клейма (более 90 экземпляров) с поселения Чобручи-I, некоторые из которых находят на могильнике у с.Глиное прямые аналогии [28.–С.241-243, рис. 1/3, 17]. Отсутствие амфорного материала в аристократических комплексах Парканского могильника может быть в какой-то мере объяснено резким упадком торговых связей во 70-30 гг. III в. до н.э. - следствием общего политико-экономического кризиса Северного Причерноморья. Априорно можно предполагать несколько более раннюю дату возникновения Парканских катакомб по сравнению с могильниками у сс. Чобручи и Глиное, в которых амфорный материал присутствует. Комплексы у сс. Плоское, Терновка и Суклея территориально и археологически близки парканским, что может указывать на существование в окрестностях Тирасполя обширного курганного поля второй половины III в. до н.э. Связь с ними кургана 4 в г. Тирасполе очевидна, особенно на фоне погребальных конструкций у сс. Терновка и Плоское [1.–С.126, 128, табл. 6/1-2, 7/1-2].

Таким образом, имеются веские основания для датировки катакомб III типа на Нижнем Днестре второй половиной III - началом II вв. до н.э. Тем самым обретает хронологическую привязку самый представительный пласт погребений Тираспольской группы. Второй пласт представлен погребениями в прямоугольных ямах с широтной ориентировкой и маркируется клеймами из Паркан (см. Приложение) и Тирасполя, датирующимися сер. 50 - сер. 30 гг. IV в. до н.э. [29.–С.93; 30.–С.215-217; 31.–С.86; 32]. Эта датировка находится в хронологической последовательности по отношению к клеймам из кургана 3 у с. Красное и кургана 4 у с. Бутор [6.–С.28-30, 98-99, 139, рис.11, 47]. Материалы этих памятников, в свою очередь, находят близкие аналогии в инвентаре погребений Дубоссарского курганного массива [33-35]. Очевидно, что на территории Нижнего Поднепровья вырисовывается представительный ряд скифских курганных могильников второй-третьей четверти IV в. до н.э. Как известно, это совпадает по времени с деятельностью в Северо-Западном Причерноморье царя Атея, соратникам которого, возможно, принадлежат погребения в прямоугольных ямах [19.–С.32].

Теперь совершенно очевидно, что полевые исследования 1995-2001 гг. подтвердили деление Тираспольской группы на две различные хронологические составляющие. Между ними находится как минимум 50-летняя временная лакуна, что вовсе не означает полного отсутствия скифских курганных памятников первой четверти III в. до н.э. на Нижнем Днестре. Они, безусловно, могут быть, поскольку сформулированный выше вывод относится только к памятникам из раскопок Стемповских.

Несколько слов о термине "Тираспольская группа" ("Тираспольские курганы") в современной скифологии. Последнее время он употребляется, в основном, по адресу комплексов с катакомбами III типа – [21.–С.200; 24.–С.231; 36.–С.329; 19.–С.134; 37.–С.28]. Официально же этот термин продолжает оставаться аббревиатурой всех курганов скифского времени, исследованных в 1896-1911 гг. Такое положение, однако, совершенно не приемлемо сегодня, когда полевые исследования на Нижнем Днестре выявили свыше десятка курганных скифских могильников IV в. до н.э. [23.–С.26-27, рис. 1]. Материалы этих памятников коренным образом отличаются от погребений следующего хронологического периода с возможно иной, как показывают современные исследования, этнической подосновой [38]. Более целесообразным и удобным для научного освещения представляется сохранение термина "Тираспольская группа" исключительно за памятниками второй половины III - начала II вв. до н.э., круг которых значительно расширился в последние годы.

Автор выражает глубокую благодарность сотруднику Национального Музея истории Молдовы Наталье Матеевич за помощь в работе с амфорным материалом.

1. Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины // МИА, № 115. 1962
2. Граков Б.Н., Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии // АС.–Вып.6. 1964
3. Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья.–Киев, 1992
4. Черненко Е.В. Скифские лучники // Киев, 1981
5. Мелюкова А.И. Раскопки курганов у с.Бутор Григориопольского района // АИМ в 1972 г.–Кишинев, 1974
6. Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григориопольские курганы // Кишинев, 1987
7. Яровой Е.В. Курганы энеолита - эпохи бронзы Нижнего Поднепровья //Кишинев, 1990
8. Хахеу В.П. Исследование скифских курганов у г.Тирасполя // Археологические исследования молодых учёных Молдавии.–Кишинев, 1990
9. Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья.–К., 1984.
10. Суничук Е.Ф. 1985
11. Субботин Л.В., Островецких А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья // Киев, 1992
12. Андрух С.И., Суничук Е.Ф. Погребения зажиточных скифов в низовьях Дуная // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья.– Киев, 1987
13. Редина Е.Ф. Лепные курительницы из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 90-летию со дня рождения профессора Б.Н.Гракова), Запорожье. 1989
14. Гудкова А.В., Тошев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. // НА ИА АН Украины. № 153. 1984
15. Редина Е.Ф. Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье: краткие сообщения Одесского археологического общества, Одесса. 1993
16. Редина Е.Ф. Новые скифские памятники в низовьях Дуная // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья, Белгород-Днестровский, 1995
17. Пругло В.И. Группа фасосских клейм из Никония // КСИА, № 116. – 1969
18. Манзура И.В., Ларина О.В., Савва Е.Н. Исследования курганов у с.Паркань // АИМ в 1986, Кшн., 1992 –
19. Редина Е.Ф. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья, Киев. 1989
20. Щукин М.Б. 1991
21. Бруяко И.В. Степи Северо-Западного Причерноморья в III-II вв. до н.э. (историко-археологическая иллюстрация) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в.н.э.), Киев 1991
22. Полин С.В. От Скифии до Сарматии – Киев. 1992
23. Андрух С.И. 31. Нижнедунайская Скифия в IV– в начале I в. до н.э. (этно-политический аспект). – Запорожье, 1995–206 с.
24. Бруяко И.В. Рецензия на книгу С.В.Полина "От Скифии до Сарматии" // РА. – № 1. 1995
25. Федосеев Н.Ф. Хронология синопских магистратских клейм // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 95-летию со дня рождения профессора Б.Н.Гракова), Запорожье. 1994
26. Туровский Е.Я. К вопросу об абсолютных датах синопских клейм // Никоний и античный мир Северного Причерноморья, Одесса. 1997

27. Яровой Е.В. Четвериков И.А., Субботин Л.В., Фидельский С.А. Отчет о полевых исследованиях ДАЭ ПГУ у сс.Глиное и Чобручи // Тирасполь, 2001
28. Кайдаш А.Е., Тащи Е.Ф. Синопские амфорные клейма второй половины III в. до н.э. поселения Чобручи // Никоний и античный мир Северного Причерноморья, Одесса. 1997
29. Кац В.И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ, № 1. 1985
30. Кац В.И. Хронология клейм Гераклеи Понтийской (состояние и перспективы изучения) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья, Одесса. 1997.
31. Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н.э., Киев, 1989
32. Павличенко Н.А. К вопросу о времени бытования предлога ΕΠΙ в гераклейских клеймах // Греческие амфоры, Саратов. 1992
33. Кетрару Н.А., Серова Н.Л. Скифские курганы в Дубоссарском районе // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху, Кшн. 1987
34. Кетрару Н.А., Серова Н.Л. Исследования скифского кургана 21 у г.Дубоссары // АИМ в 1985 г., Кшн., 1990
35. Кетрару Н.А., Серова Н.Л. Погребение знатной скифянки у г.Дубэсарь // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии. – Кшн. 1992
36. Бруйко И.В. От диорамы к панораме (О перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до Р.Х.) // STRATUM PLUS № 3 (Скифский квадрат). - СПб - Кшн. - Одесса. 1999
37. Редина Е.Ф. К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья, Тирасполь, 2000
38. Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. – Тирасполь, 2000.
- 39.

Приложение

Легенды амфорных клейм из рва кургана 1 у с. Парканы (1986 г.)

1. ΕΡΙ ΘΕΑΟΥ

палица

ΕΥΚ[ΛΕΩ]Ν

2. Палица

ΕΥΚΛΕΩΝ

3.ΦΟ

ΦΙΛΙΣΚΟΣ

..Ο...ΣΩΝ

4. Палица...

.....Υ

5.ΚΟΣ

6. ΕΡΙ....

ΦΙΛΙ[ΚΟΣ]

7. ΕΡΙ

ΦΙΑ[ΙΣΚΟΣ]

8. ΕΡΙ....

ΦΙΑ[ΙΣΚΟΣ]

9.ΔΩΡΟΥ

палица

.....ΩΝ

10. ΘΕΟΔΩΡΟΥ

.....

Шалобудов В.Н., Шульга А.Н.

К ВОПРОСУ О ЧЕКАНКЕ ЖЕЛЕЗНЫХ МОНЕТ В ГОРОДАХ АНТИЧНОГО БОСПОРА.

Станица Тамань Темрюкского района Краснодарского края, расположенная на берегу одноименного залива, стоит на месте многослойного городища, наиболее ранние слои которого связывают с античной Гермонассой. Город основан в начале VI в. до н.э. греками-выходцами из Мителены на о. Лесбос и по данным древних авторов считался, наряду с Фанагорией, крупным торговым центром азиатского Боспора [1.-С.127]. В настоящее время культурный слой памятника интенсивно размывается морем и на расстоянии до 200 м от берега дно устилают фрагменты керамики и камни, среди которых можно найти различные мелкие предметы, в том числе монеты, начиная от архаических боспорских, заканчивая византийскими и татарскими [2]. Наше внимание привлекли очень невзрачные мелкие монетки черно-коричневого цвета ржавчины с почти неразличимыми изображениями и объединяемые общим свойством притягивания к магниту.

В 1995 г. примерно в 20 м от берега была найдена монета диаметром 9 мм и весом 0,72 гр, на лицевой стороне которой просматривалась голова быка влево, на оборотной – крупное рельефное зерно пшеницы с четкими буквами ΦΑ над ним (рис. 1.1). Было высказано предположение, что это новый вариант серебряной монеты – оболы фанагорийского чекана. Реакция на магнит объяснялась нами ожелезненностью последней посредством контакта с черным металлом или железистыми конкрециями, которые в изобилии встречаются на дне Таманского залива [3].

Летом 2002 г. удалось поднять хорошо сохранившуюся более крупную монету диаметром 10 мм и весом 0,92 гр с портретом бородатого сатира влево на лицевой стороне и вдавленным квадратом, разделенным на четыре поля в виде крыльев мельницы на оборотной. В каждом квадрате находилось по букве, образующих слово ΠΑΝΤ – Пантикапей (рис. 1.2). Монета также черно-коричневого цвета с ярко выраженными магнитными свойствами. По стилю и характеру чекана ее смело можно считать архаической, и если бы она была в серебре, переходным типом от монет с головой льва в фас к монетам с бородатым сатиром на аверсе и львом на реверсе [4.-С.137–138, табл.1, № 39, 40; С.139, табл.2, № 85, 86].

Полученные результаты позволяют нам утверждать, что монеты типов: голова быка – зерно ФА и голова бородатого сатира – вдавленный квадрат ПАНТ отчеканены из железа. Боспорское происхождение их не вызывает сомнения, так как буквы ФА и ПАНТ служат общепринятыми сокращениями названий городов Фанагории и Пантикапея на серебряных монетах V – начала IV вв. до н.э.

Известно, что кратковременная чеканка железных монет в античном мире производилась в городах Пелопонесса, Тегей, Гереи и Аргоса в IV в. до н.э. [5.-С.25]. Возможно это было связано с применением железа в качестве денег в виде четырехгранных прутьев оболлов в древнейшее время. В Боспорском царстве чеканка монет возникла в конце VI в. до н.э. и на протяжении почти двух столетий ограничивалась только серебром. Железные монеты могли здесь предшествовать появлению разменной бронзы в начале IV в. до н.э., однако из-за технических сложностей в изготовлении кружков-заготовок и быстрого изнашивания штемпелей сходилась на нет дешевизна железа как сырья, что и привело к быстрому свертыванию производства. В свою очередь не удивительно отсутствие находок подобных монет в раскопах Германассы, Фанагории, Пантикапея и других городов. Мелкие железные монеты в большинстве своем должны полностью разрушаться во влажной, насыщенной солями почве. Их небольшие размеры и непритязательный внешний вид не давали исследователям повода обращать на них внимание. Попав в менее агрессивную среду, они могли законсервироваться, пусть в качестве окислов с сохранившимися изображениями. Низкая покупательная стоимость железных монет не побуждала население хранить их в виде кладов. Применяющиеся в последнее время на раскопках металлодетекторы настроены так, что отсеивают мелкий черный металл как мусор. Тем не менее, о железных монетах знают некоторые краеведы и коллекционеры Таманского полуострова, в частности житель ст. Тамань Рудольф Фрайтаг. Задавшись целью, можно надеяться на новые находки железных монет Боспорской чеканки.

1. Молев Е.А. Эллины и варвары на северной окраине античного мира. – М., 2003.
2. Розов В.Н. Боспорские монеты VI – V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975–1980 гг.)// СА. – 1983. – № 2. – С. 109–116.
3. Шалобудов В.Н. О двух неопубликованных монетах Фанагории// Проблеми археології Подніпров'я. – Дніпропетровськ, 2000. – С.151–153.
4. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – К., 1986.
5. Зограф А.Н. Античные монеты// МИА. – М., 1951. – Вып. 16.

Шаповалов Г.І.

ДО ПИТАННЯ ПРО ДАТУВАННЯ ЧОВНА З с. ПІЩАНОГО

Унікальна знахідка комплексу бронзового посуду античного часу, зроблена в 1960-61 рр. в долині річки Супій (ліва притока Дніпра) біля села Піщане Гельмязівського району Черкаської області, продовжує привертати увагу науковців. Тоді в Піщанському торфовищі, випадково, на глибині 1,5 м було знайдено: п'ять гідрій, три амфори, стамнос, дві сітули та чотири лутерія виготовлених із бронзи і датованих V ст. до н.е. [1; 2].

Неподалік від скупчення бронзового посуду на відстані кількох метрів від нього працівниками-торфовидобувачами було також знайдено човен. Зараз він зберігається у Національному історичному музеї України. Загальна довжина цього човна, видовбаного з дубової колоди, складає 4,35 м. Нижня частина човна зовні має округлу, природну для стовбура дерева з якого він був виготовлений, форму. Човен має чітко виражену загострену носову частину. Його кормова частина значно пошкоджена. Борти у човна майже не збереглися і практично відсутні. Краще виглядає лівий борт, залишки якого збереглися на висоту 8-10 см.

Човен відразу було «прив'язано» до знайденого поруч комплексу речей з відповідними висновками, як про «єдиний випадок виявлення античних речей безпосередньо у проїмі ріки поруч із човном та залишками людського кістяку, можливо, грека» [2]. Відзначалося, що значення знахідки представляє великий інтерес для вивчення історії торгівельних та культурних зв'язків племен Середнього Придніпров'я з населенням Середземноморського басейну. Було також зроблено висновок щодо того, що вона є чудовим археологічним доповненням до письмових джерел і, зокрема, повідомлення Геродота про те, що Дніпро з його притоками, як водний торгівельний шлях, був відомий грекам далеко на Північ.

Не применшуючи значення знахідки біля с. Піщане античних бронз і, частково, висновків, вважаємо за необхідне зауважити відносно знайденого поруч човна наступне:

По-перше, автору вдалося з'ясувати, що ще у 1966 р. у Ленінградському відділенні Інституту археології СРСР було зроблено радіовуглецевий аналіз деревини човна. Нами знайдені відповідні записи у журналі реєстрації досліджень радіовуглецевої лабораторії.* Згідно них аналіз деревини човна свідчить про виготовлення його між 746-946 рр. н.е. [3].

По-друге, при огляді човна нами виявлено забитий в нього невеликий залізний цвях характерний для середньовіччя.

По-третє, ми вважаємо, що невеличкий за розмірами човен є конструктивно непридатним для транспортування такого доволі значного вантажу дуже об'ємних речей. Аналогічні знахідки подібних човнів-довбанок свідчать, що при довжині до п'яти метрів їх ширина не перебільшувала 50-60 см, а висота бортів не перебільшувала 30-40 см [4-7]. Головним призначенням таких човнів було рибальство та швидке пересування водою.

*Автор щиро дякує за надану інформацію колишнього працівника ЛВ ІА СРСР Ю.М.Маркова.

1. **Ганіна О.Д.** Античні посудини з торфовища на р. Супой (Попереднє повідомлення) // Археологія. – 1964. – Т. XVI. – с. 195-197.
2. **Ганіна О.Д.** Античні бронзи з Піщаного. - К.: Мистецтво, 1970. 98 с.
3. РУЛ-№ 356.
4. **Шаповалов Г.І.** Човен-довбанка з р. Ворскли // Пам'ятки археології Полтавщини. До 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. – Полтава, 1991. – с. 104-106;
5. **Шаповалов Г.І.** Подводные исследования судов X-XI и XIV-XV вв. у острова Хортица // ДСПК. – Запорожье. – 1991. - Т. II. – с. 174-179;
6. **Шаповалов Г.І.** Вироблення човнів на Полтавщині на річках Ворскла та Орель // Судова археологія та підводні дослідження. – Запорожье. – 1993. – №1. – с. 59-62;
7. **Шаповалов Г.І.** Човен-довбанка XIII ст. з басейну р. Оріль // Старожитності степового Причорномор'я та Криму. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – Т. X. – с. 223-225.

Щербакова Т.А. Тащи Е.Ф.

РОДОССКИЕ КЛЕЙМА СЕР. III – ПЕР. ПОЛ. II ВВ. ДО Н.Э. НА ПОСЕЛЕНИИ ЧОБРУЧИ В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ.

При исследовании многослойного памятника «Чобручи», расположенного на левом берегу Днестра у одноименного села [1.-С.231] была собрана коллекция амфорных клейм. Всего таких клейм, с учетом раскопок 1993-1996 гг., насчитывается 85 экземпляров. Они принадлежат различным центрам Средиземноморья и Причерноморья.

Из них на долю Родоса приходится 20 экземпляров, что в процентном отношении составляет 23,5%. Необходимо также отметить, что вся коллекция родосских клейм происходит из подъемного материала, тем не менее, они представляют определенный научный интерес.

Имеющиеся в наличии родосские клейма можно подразделить на эпонимные и фабрикантские. К сожалению, определить их сочетание из-за фрагментарности не представляется возможным.

Эпонимные:

1. Прямоугольное трехстрочное клеймо **ΕΠΙΚΑΛΛΙ ΚΡΑΤΕΥΣ ΑΡΤΑΜΙΤΥΟΥ**. Размер клейма: 4,3x1,7 см. Эпоним Калликрат, месяц Артамитий. Клейма этого эпонима известны в Северном Причерноморье, Тарсе, Линдосе, Пергаме и Делосе. В соответствии с хронологической классификацией В.Грейс данное клеймо относится к III группе и датируется 220-180 гг. до н.э. [2.-Р.46]. Однако, Шелов Д.Б. считает наиболее вероятной датировкой деятельность эпонима Калликрата (имя которого пишется в две строки) 200-150 гг. до н.э. [3.-С.56-57].

2. Прямоугольное двустрочное клеймо **ΕΠΙΚΡΑΤΙΔΑ ΥΑΚΙΝΘΙΟΥ**. Размеры клейма: 4,2x1,7 см. Эпоним Кратид, месяц Гиакинтий. Находки клейм Кратиды в Пергаме позволяют отнести это клеймо к III хронологической группе по классификации В.Грейс – 220-180 гг. до н.э. [4.-Р.195]. Однако, по комплексу находок в Тарсе, В.Грейс сузила датировку до начала II в. до н.э. [3.-С.69,80].

3. Круглое клеймо. В центре эмблема Родоса – цветок. Вокруг эмблемы поврежденная надпись: **Ε] ΠΙ [Κ] ΕΝ [ΟΦΑ] Η ΠΕΔΑΓΕ [ΙΤΟΝΔΣ**. Диаметр клейма – 3 см. Эпоним Ксенофан, месяц Педагейтний. Шелов Д.Б. относит деятельность этого эпонима к самому концу III в. до н.э. [3.-С.64].

4. Прямоугольное трехстрочное клеймо **ΕΠΡΙΤΙΜΑΕ ΓΟΡΑ ΔΑΛΙΟΥ**. Размеры клейма: 4,2x1,7 см. Эпоним Тимасагор, месяц Далий. Тимасагор упоминается среди эпонимов работавших с фабрикантом Филайнимом – 182-176 гг. до н.э. [4.-Р.172]. Однако, клеймо этого эпонима найдено в Медгидии (Румыния), и автором публикации датируется 220-180 гг. до н.э. [5.-Р.511]. К этой же датировке склоняется Шелов Д.Б. [3.-С.74].

5. Прямоугольное двустрочное клеймо **ΕΠΙΑΙΝ ΗΣΙΔΑΜΟΥ**. Размеры клейма: 3,7x1,2 см. На левой стороне клейма эмблема – голова Гелиоса. Буква Η в конце первой строки написана ретроградно. Клейма эпонима Энесидана, в соответствии с хронологической классификацией В.Грейс, относятся к III группе и датируется 220-180 гг. до н.э. [3.-С.31].

Фабрикантские:

6. Прямоугольное однострочное клеймо. **ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΕΥΣ**. Размеры клейма: 3,5x1,5 см. По углам рамки небольшие эмблемы – звезды. Клейма фабриканта Аристократа широко распространены и относятся к III хронологической группе по В.Грейс – 220-180 гг. до н.э. [3.-С.89;6.-С.200].

7. Два круглых клейма. **ΔΑΜΟΚΡΑΤ**. Диаметр клейм: 2 и 3 см. В центре клейм эмблемы – цветок. Оба клейма выполнены одним штампом. Фабрикант Дамократ один из самых известных родосских фабрикантов. Его деятельность относится к 220-180 гг. до н.э., что соответствует III хронологической группе по В.Грейс [3.-С.92-93].

8. Два прямоугольных однострочных клейма. **ΦΙΛΑΝΙΟ**. **ΦΙΛΑΝΙΟΥ**. Размеры клейм: 4,3x1,5 см. и 3,7x1,3 см. Фабрикант Филений. Шелов Д.Б. относит деятельность этого фабриканта к 220-180 гг. до н.э. [3.-С.121].

9. Прямоугольное однострочное клеймо. **ΔΙΟΥ**. Размеры клейма: 3,5x1 см. Клейма фабриканта Дия известны как в Причерноморье, так и в Пергаме, Делесе, Кипре. В соответствии с хронологической классификацией клейм Родоса, данное клеймо относится к III группе по В.Грейс и датируется 220-180 гг. до н.э. Шелов Д.Б. и Леви Е.И. также датируют деятельность данного фабриканта последней четвертью III – нач. II вв. до н.э. [3.-С.96;7.-С.225].

10. Прямоугольное однострочное клеймо. **ΔΩΡΟΦΕΟΥ**. Размеры клейма: 3,1x1,5 см. К сожалению аналогий к данному клейму обнаружить не удалось. Однако, Бадальянц Ю.С. относит деятельность фабриканта Дорофея (Доротей) к 220-180 гг. до н.э. [8.-С.12].

Хотелось бы также особо отметить круглое клеймо, оттиснутое на плавно изогнутой ручке и содержащее название первого месяца родосского календаря – Фесмофория, написание которого располагалось по кругу. В центре штампа находилось несколько слабо оттиснутых букв, не поддающихся прочтению. Основой для датировки клейма может служить тот факт, что до 240 г. до н.э. родосские клейма не содержали название месяцев [9.-С.11;11.-С.141].

Помимо вышеописанных клейм было обнаружено несколько штампов, которые не поддаются определению, но исходя из морфологических характеристик амфорного материала относятся к родосским. Среди них четыре прямоугольных и два круглых клейма, оттиснутых на резко изогнутых ручках. На одном из круглых клейм, диаметром 2,8 см. сохранилась эмблема Родоса – цветок. Из-за плохого оттиска буквы не подлежат прочтению. Второе круглое клеймо, диаметром 3 см., обращает на себя внимание тем, что эмблема и часть надписи преднамеренно были стерты в древности по сырой глине. Сохранившиеся четыре буквы не позволяют произвести реконструкцию.

В то же время известно, что практика изготовления родосских амфор с резким изгибом ручек берет свое начало, скорее всего в 40-х – нач.30-х гг. III в. до н.э. и бытует на протяжении всего II в. до н.э. [10.-С.548], поэтому не поддающиеся восстановлению клейма можно отнести к этому периоду.

Таким образом, рассмотренная коллекция родосских клейм укладывается в хронологические рамки сер. III – нач.II в. до н.э., что подтверждает активные связи Нижнего поднепровья с Родосом, который начинает занимать господствующие позиции на рынках Северного Причерноморья и Средиземноморья.

Так как период середины III – пер. пол. II вв. до н.э., по мнению ряда специалистов, отличается «крайней скудостью материала» [10.-С.532], введение в научный оборот новых данных керамической эпиграфики позволит в определенной мере закрыть эту лауну.

1. Щербакова Т.А. Новые материалы по археологии Нижнего Поднепровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. – Тирасполь, 1994.
2. Sztetyllo.Ż. Nea Paphos I. Les Timbres ceramiques (1965-1973). – Varsovie, 1976.
3. Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III-I вв. до н.э. М. 1973.
4. Sztetyllo.Ż. Timbres ceramiques des Fouilles polonaises a Alexandrie // Etudes et Travaux.XVI. Varsovie, 1992.
5. Popea A. Toarte de amfora stampilate de la Medgidia.//SCIV.3.tomul 18.Bucuresti, 1967.
6. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л. 1980.
7. Леви Е.И. Керамический комплекс III–II вв. до н.э. из раскопок ольвийской агоры //Ольвия.М.-Л. 1964.
8. Бадалянц Ю.С. Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм // НЭ – XIII.М. 1980.
9. Брашинский И.Б. Стандарты родосских амфор // КСИА,№156. 1978.
10. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.
11. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л. 1984.

Щербань А.Л.

ПОСУДИНОПОДІБНІ КРУЖАЛА НА ПАМ'ЯТКАХ ЛІВОБЕРЕЖНОГО ЛІСОСТЕПУ УКРАЇНИ СКІФСЬКОГО ЧАСУ

Кружала, які виявляють на пам'ятках початку раннього залізного віку Лівобережного лісостепу України за формою в осьовому перетині утворюють різні типи [1-рис.1; 23,табл.1]. Одними з найцікавіших серед них є посудиноподібні. До цього класу я

відніс кружала у формі посудини з виділеною шийкою (рис.,3,4,10) чи відігнутими вінцями (рис.1,2,5-9). Хоча тією чи іншою мірою для більшості форм кружал (конічні, зрізаноконічні, зрізаносферичні, біконічні) можна знайти аналогії серед форм посуду, але це тема іншого дослідження.

Спеціально кружала такої форми не вивчалися. Відзначаю лише статтю В.Є.Радзієвської, присвячену кружалам Східного Більського городища, у якій вона описала і продатувала кілька посудиноподібних виробів з цієї пам'ятки [1.–С.23-24].

Метою написання даної статті є спроба аналізу посудиноподібних кружал всієї території Лівобережного лісостепу України¹: техніки їх виготовлення, розповсюдження, датування, символики.

Кружала такої форми виготовляти складніше, ніж інші. Найчастіше їх виліплювали з біконічної заготовки. Вінця формували переважно двома способами. Перший – здавлюючи вершину на пальці або іншій поверхні, другий – доліплюючи до верхньої частини виробу вінець з іншого шматочка глини. За співвідношенням висоти і діаметру можна виділити три варіанти цих кружал: видовжені (висота більша за діаметр) (рис.,2,5,6,8,9), з висотою дещо меншою від діаметру чи рівною йому (рис.,1,4,7) і приземкуваті (висота значно менша за діаметр) (рис.,3,10). За формою варіантів багато, залежно від посудини, яку вони імітують: "корчагоподібні" (рис.,5,8,9), "кубкоподібні" (рис.,10), "горщикоподібні" (рис.,1,4,6). Найчастіше вони повторюють форми посуду, більш характерного для ранньоскіфського часу.

Як вважає В.Є.Радзієвська вироби такого типу на Східному Більському городищі характерніші для VII-поч. V ст. до н.е. [1.–С.24]. Хоча, за останніми дослідженнями, ймовірно вони поширилися на пам'ятках Лівобережжя лише в середньоскіфський час. Зокрема, знайдені у похованнях V ст. до н.е. Поворскля (К.№2/2002 Перещепинського могильника, розкопки експедиції Центру охорони і досліджень пам'яток археології Полтавської облдержадміністрації під керівництвом І.М.Кулатової), Посулля [2.–табл.ХХV:14; ХVІІ:2]. На поселеннях такі вироби трапляються порівняно рідко, але на пам'ятках усіх регіонів Лівобережного Лісостепу України. У Поворсклі їх знайдено на Східному Більському городищі (до кінця 1970-х років – 4 (1% від загальної кількості) [1.–С.23], поселеннях Глинське (Гуринівщина) [3. рис.3], Лісовий Кут (розвідки 1996 р., фонди Національного музею-заповідника українського гончарства в Опішному (далі НМЗУГ), №61) [4.–С.10-11], Царина (розвідки 1993 р., фонди НМЗУГ, №71). У Посуллі з Глинського городища їх відомо 2 (бл. 4%) [5.–рис.1:30,33], Басівського – 3 [6. табл.І:13, 9] (одне з них – у житлі III яке автор розкопок датує II пол. VI ст. до н.е.) [7. Арк.14; 5, рис.19:3]. У Припсіллі з Книшівського городища 6 (1,5 %) (Фонди НМЗУГ, НД, 4016-18, 7285, 7488, 7551) [8.–С.105, Рис.ХХVІІа]. 3 пам'яток басейну Сіверського Дінця посудиноподібні кружала опрацьовані з розкопок городища біля с.Городище [9. рис.7:18], поселення біля с.Шовкова [10. рис.3:5], підйомних матеріалів на Коломацькому городищі [Археологічний музей СШ. 168 (м.Харків)]. Проаналізувавши параметри отворів на таких кружалах, встановлено, що більшість їх надівалися на тонке веретено з циліндричним чи злегка конічним кінцем. Про те, що принаймні частина посудиноподібних кружал використовувалась на веретені при прядінні нитки, свідчать також відповідні сліди спрацьованості, розміщення у похованні на традиційному для кружал місці – нижче кисті випростаної руки.

Орнаментовано посудиноподібних кружал приблизно такий же відсоток, як і інших типів. У двох випадках насічки нігтем імовірно імітували наліплений валик чи прокреслений орнамент на тулубі [10. рис.3:5], валик на тулубі і насічки чи валик під вінцями [9. рис.7:18]. У двох виробів на вершині прокреслений хрест [11. рис.19:3] – поширене для всіх типів кружал зображення. Одне орнаментоване у верхній половині

¹ У роботі використовувалися опубліковані матеріали та речі з колекцій музеїв. Щиро вдячний П.Я.Гавришу, А.В.Гейку, І.М.Кулатовій, О.Б.Супрунєнку та іншим за надані для опрацювання матеріали.

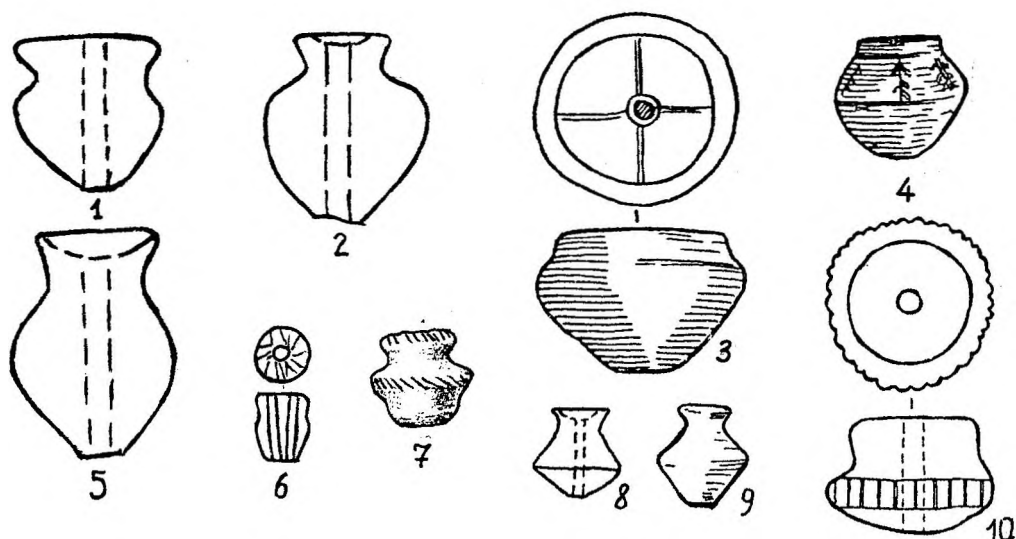
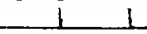

Рис. Посудиноподібні кружала з пам'яток Лівобережного Лісостепу України скіфського часу: 1, 5, 6 – зі Східного Більського (1,5 за Б.А.Шрамком [15. рис.42], 6 за В.Є.Радзієвською [1, рис.3:8]); 2 – Книшівського (розкопки П.Я.Гавриша); 3, 4, 9 – Басівського (за В.А.Іллінською [11. рис.19:3,11; 6, табл.І:13, 9]), 8 – Глинського городища (за А.В.Гейком [5. рис.І:30,33]), 7 – городища в ур.Городище (за П.Д.Ліберовим [9, рис.7:18]), 10 – поселення біля с.Шовкова (за Б.А.Шрамком [10. рис.3:5]). Масштаб: 1–5 , 6 , 7

8, 9 , 10

деревоподібними знаками [11. рис.19:11] і одне – вертикальними прокресленими лініями на всій поверхні, що починаються від отвору на вершині і закінчуються внизу [1. рис.3:8]. Дуже цікавим є орнамент на кружалі з Свиридівського городища, де поєднані прокреслені лінії і наліплення [повідомлення В.П.Білозора]. Окрім останнього кружала, всі інші орнаменти трапляються і на кружалах інших форм.

На поселеннях і у похованнях посудиноподібних кружал мало. У населення Лівобережного лісостепу України передскіфського та ранньоскіфського часу кружала такої форми не зафіксовані. Цей факт можна пояснити як недоцільністю такої форми при прядінні, так, імовірно, й недовгим періодом використання таких кружал у досліджуваному регіоні. Можливо вони з'явилися з новою хвилею переселенців, або "модю" (нагадаю, що у середньоскіфський час зміни помітні і у формах, декорові глиняного посуду та інших предметів матеріальної культури). Тому, на наш погляд, вони являються хронологічним індикатором. Такий вплив міг поширюватися з півночі та заходу, де населення використовувало посудиноподібні кружала з доби пізньої бронзи до раннього залізного віку. На півночі такі кружала знайдені на поселенні Пустинка [12. рис.37:11], а на пам'ятках милоградської культури вони одні з найчисельніших (122 шт. (34,4%)) [13.–С.190, рис.93:28-31, 41-47]. Більшість посудиноподібних кружал цього регіону мають видовжені і середні пропорції. На заході такі кружала зафіксовані на поселеннях трипільської [14. табл.ІІ:17; 16. мал.1:9], а після великої перерви – чорноліської культури Придністров'я [17. рис.38:11; 46:4; 18. рис.8:1,2,7; Рис.7:2; 19. рис.12:7], передскіфських пам'ятках України (Комаров-III, варіант (фонди НМЗУГ) і Центральної Європи [20. Tab.IV:6,6a].

У цьому регіоні посудиноподібні кружала середні та приземкуваті. Напевно, на появу посудиноподібних кружал у Поворсклі і басейні Сіверського Дінця переважаючим був західний вплив. Посуллі – північний і західний. Окремі посудиноподібні кружала

знайдені і на античних поселеннях Північно Причорномор'я. Зокрема, одне – на поселенні Маслини (околиця Херсонесської Хори) IV-II ст. до н.е. [21. рис.1]. Останнє повторює форму горщика, типового для лісостепу. Тому, ймовірно, воно пов'язане з не грецьким впливом.

Спробуємо проаналізувати причину надання кружалам посудиноподібної форми. Так як функціонально застосування таких кружал при прядінні не обгрунтоване, їх виготовити порівняно важче, ніж вироби інших типів, напевно їх використання пов'язане з місцевими віруваннями. На думку деяких дослідників [22.–С.220], в основі співвідношення «посудина-кружало» лежить знакова роль посудини як символу світу й веретена як символу світової осі, а кружало з фрагмента посудини у міфологічній моделі світу співвідноситься з його частиною. Якщо це так, то ця частина ймовірніше – небо, яке щодо спостерігача на землі постійно обертається (як і кружало при прядінні). З цього випливає можливість ототожнення у віруваннях хліборобського населення Лівобережного Лісостепу України символів неба і посудини-кружала. Зафіксовані народні повір'я українців, у яких розповідається, що відьми ховають зорі з неба, дощ (хмари) у глечики [22.–С.266, 289]. Посудина у віруваннях різних народів світу пов'язується з родючістю [22.–С.275, 285-290], яка також залежить від дощу, який іде з неба. Напевно, вісь гончарного круга у багатьох слов'янських народів називається "веретенном" також не дарма, адже посудина що формується на крузі обертається як кружало на веретені. Не виключено, що така форма кружал могла з'явитися у населення, яке якщо не використовувало поворотного столика чи гончарного круга, на якому обертається посудина як посудиноподібне кружало на веретені, то бачило роботу на ньому.

Таким чином, посудиноподібні кружала хоч і нечисельні, але цікаві для реконструкції процесу прядіння, етнокультурної ситуації, хронології, світогляду населення Лівобережного Лісостепу України скіфського часу виробу.

1. Радзівська В.Є. Техніка прядіння у населення Лісостепової Скіфії // Археологія. – 1979. – № 32. – С.19-26.
2. Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья: (Курганы Посулья). – К.: Наук. думка, 1968. – 188 с
3. Гейко А. Дещо про кераміку Глинського селища // Український керамологічний журнал. – 2002. – №2 (4). – С.133-135.
4. Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махорты С.В., Белозер В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой экспедиции в 1996. – К., 1997
5. Гейко А.В. Глинське городище скіфського часу в Посуллі // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи: Збірник наукових праць. – Полтава: ЦОДПА, вид. центр "Археологія", 1996. – С.242-249.
6. Іллінська В.А. Верхньосулська експедиція 1947 р. // АП УРСР. – 1952. – Т.IV. – С. 34-42.
7. Ильинская В.А. Новые раскопки на городище у с.Басовка в 1957 году // НА ІА НАНУ. – Ф.е. – 1957/11. – №2991.
8. Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). – Полтава: Археологія, 2000. – 232 с.
9. Либеров П.Д. Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца // МИА. – 1962. – №113 – С.5-85.
10. Шрамко Б.А. Поселення скіфського часу біля станції Шовкова // Археологія. – 1964. – Т.16. – С.181-190.
11. Іллінська В.А. Басівське городище // Археологія. – 1965. – Т.XVIII. – С.48-76.
12. Березанская С.С. Пустынка: Поселение эпохи бронзы на Днепре. – К.: Наук. думка, 1974. – 176 с.
13. Лашанкоў М.І. Грузікі мілаградскай культуры з усходнопалескіх гарадзішчаў // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – С.189-194.

14. Макаревич М.Л. Трипільське поселення біля с. Паволочі // АП УРСР. – 1952. – Т.IV. – С. 96-103.
15. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – К.: Наук. думка, 1987.
16. Пелешишин М. Проблеми історії трипільських племен Західної Волині, межиріччя Західного Бугу та Дністра // Записки НТШ. Праці Археологічної комісії. – Львів: Наукове товариство імені Шевченка, 1998. – Т.CCXXXV
17. Крушельницька Л. Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток). – Львів, 1998. – 224 с
18. Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (К вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ. – 1983. – С.60-72.
19. Смирнова Г.И. Поселение у с.Днестровка – памятник чернолесской культуры на Днестре // АС. – Ленинград: Искусство, 1985. – Вып.26. – С.5-29.
20. Staré F. Predzgodovinsko grobisce na Rifniku pri Celju // Arheoloski vestnik. Acta archaeologica. - Ljubljana, 1951. – II/2. – f. 185-203.
21. Латышева В.А. Прядение и ткачество на Северной окраине Херсонесской хоры // Вісник ХДУ, Історія. – Х, 1998. – Вип. 30. – С.17-24.
22. Полидович Ю.Б., Полидович Е.А. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. – Труды ГИМ. – М., 1999. – В.109. – С.217-223.
23. Щербань Анатолій. Класифікація кружал і важків VIII-III ст. до н.е. з лісостепу України // Український керамологічний журнал. – 2001. – №2. – С.14-16.
24. Пошивайло О. Етнографія українського гончарства. – К.: Молодь, 1993

Яценко С.А.

ГЛИНЯНЫЕ ФИГУРКИ ВСАДНИКОВ ДРЕВНИХ ИРАНСКИХ НАРОДОВ

Речь пойдет, прежде всего, о глиняных фигурках спокойно стоящих всадников на лошади, как правило – примитивной работы, находимых в крупных городских центрах резных частей иранского мира и его периферии. Всадники почти лишены атрибутов, детально у них может изображаться главный символ мужчин в иранских обществах – головной убор, реже – прическа (прежде всего – борода). При весьма детализированной передаче головы мужчины, фигура коня обозначена крайне схематично. Фантастических черт в изображениях нет. Установить назначение таких статуэток нелегко: обычно это случайные находки или обломки, оказавшиеся на свалках.

В древнем иранском мире *самая ранняя группа* этих терракот найдена в культурном слое городов западных сатрапий Ахеменидской империи (Вавилония, Киликия, Сирия, Палестина, Египет), где в известном количестве присутствовали и сами персы (в собственно Персиде и Мидии статуэтки пока не известны). По современным данным, все фигурки такого типа найдены в слоях именно *ахеменидского* времени и не имеют отношения к скифским походам на Ближний Восток в VII в. до н.э., как полагала В.А. Ильинская [ср.: 1. – С.42]. Эти изображения, возможно, иногда могли изготавливаться и для саков на персидской службе [ср.: 2. –С.306], но, прежде всего, они имеют отношение к *персам* (кстати, не забудем, что еще во времена Геродота 3 племени из 7 в собственно Персиде были кочевниками: Her. Hist. I. 125). Вряд ли это просто проявление любопытства различных народов в отношении завоевателей (в этом случае невозможно объяснить, почему они, не сговариваясь, стали изображать персов именно в виде глиняных статуэток сходного размера, с одинаковой позой коня и всадника и с особым вниманием именно к голове седока). Изображения головных уборов на фигурках этнографически точны и представляют большой интерес [3. –С.51, 64].

В следующую, парфяно-сарматскую эпоху подобные «простые» статуэтки спокойно стоящего всадника известны в двух совсем других регионах: в бассейне Амударьи (Бактрия) и в Северном Причерноморье (Боспор). Они относятся к I–III вв., когда в городских центрах оседали недавние кочевники (в обоих случаях – отчасти исходно *юэчжийского* происхождения). Собственно номады подобных глиняных фигурок явно не делали (во всяком случае, их не помещали в могилы): судя по фактам, приведенным ниже, можно полагать, что такие фигурки изготавливались ими из органических материалов. При всем сходстве фигурок Бактрии и Боспора, у них есть подчас и известные различия. Так, в Бактрии иногда на фигуре всадника, кроме головы, детально переданы запахнутые борта кафтана [Саксанохур: 4. – № 321; фото на с. 117], а в боспорских городах он изредка поднимает левую (!) руку в жесте адорации [5. – таб. 11, 5–6] или держит в правой пойманное ушастое животное – зайца [Там же: таб. 11, 7] (вспомним о ритуальной охоте на зайца у скифов и других иранцев: [6. – С.60–64]).

В литературе подобные изделия каждого из этих регионов принято рассматривать *изолированно*; соответственно, трактовки их назначения весьма разнятся. В *Бактрии* эти фигурки исследователи традиционно считают изображениями *предков* [7. – С.301–305; 8. – 1989]. Обычно имеется в виду «предок-герой», завоеватель, как полагал еще в 30-х годах С.П. Толстов [9. – С.216]. Истоки подобной трактовки можно обнаружить в известных работах М.И. Ростовцева, где рассматривались изображения конного бога и правителя-адоранта [10; 11]. Однако наши примитивные, иногда домашней лепки статуэтки по своей иконографии и атрибутам имеют с рассмотренными им парадными композициями *только одну* общую черту: всадник изображен спокойно стоящим.

Относительно таких фигурок на Боспоре существуют *четыре основных мнения*. Одни исследователи склонны связывать их с проникновением в боспорские города сарматов [12. – С.169; 13. – С.15]. Другие полагают, что распространение таких примитивных статуэток «отражает реальный быт» [14. – С.99], что они являются жанровой «зарисовкой с натуры» воина-всадника в условиях частых набегов кочевников на Боспор [15. – С.50]. Кроме того, специалисты-античники иногда видят в поздних лепных фигурках лишь *деградировавшую традицию* собственно *греческих*, изготовленных в форме терракот Аполлона Гиппия III–I вв. до н.э. Речь идет о фигурах стоящего или спокойно идущего всадника [16. – С.181–182]. Наконец, подчас все изображения стоящего всадника в боспорском искусстве римского времени (на монетах, статуях, в мелкой пластике) рассматривают как воплощение некоего синкретического божества, культ которого оформился под влиянием культа иранского Митры [17. – С.80–81].

К сожалению, осталось незамеченным, что у ряда индоиранских народов подобные фигурки спокойно стоящего всадника изготавливались (из органических материалов и несколько больших размеров) еще в начале XX столетия, причем их весьма архаичная языческая символика вполне *выяснена* этнографами. И во всех случаях – у кафиров Гиндукуша, осетин и памирцев – они связаны с циклом *поминальных обрядов*. Как и «археологические» статуэтки, они при этом *никогда не помещались непосредственно в могилу*.

Кафиры изготавливали подобные фигурки из дерева. Они изображали самого умершего мужчину с различными знаками его общественного ранга. Такие статуи ставили у дороги, на краю селения; перед выносом с ними устраивали особый танец [18. – С.138–139; см. там же библиографию]. В алано-осетинской и в памирской традициях куклу умершего в виде всадника устанавливали *над* могилой [19. – С.76–77]. Сам умерший на осетинских поминках иногда имитировался лучшим наездником общины в виде *всадника*, привезшего из иного мира подарки сородичам [19. – С.75]. Судя по анализу некоторых сюжетов осетинского нартского эпоса, изображение «мертвого» коня помогало покойному войти в иной мир [20. – С.45]. Сходные представления существовали у скифов. В Одесской области, у с. Виноградовка найдено уникальное пока надгробное каменное изваяние рубежа VI–V вв. до н.э., где умерший представлен в виде всадника [21. – С.5; рис. 1]. Типологически сходен

скифский обычай через год после смерти царя выставлять вокруг могилы 50 трупов лошадей с убитыми конюхами верхом (Her. Hist. IV. 72). У «поздних скифов» Крыма (Неаполь Скифский, склеп 8) известен каменный рельеф со стоящим всадником на стене над захоронением [22–таб. 44, 5].

В соответствии с распространенными у алано-осетин представлениями, человека (непременно – *всадника*, ибо для мужчины считалось позорным ходить пешком!), попавшего в мир мертвых, встречают либо сидящая на золотом троне богиня [23. –С.157-159], либо конный бог, имевший общие черты с Митрой (покровитель клятв, мужчин-воинов и т.п.) [24–С.129-130]. Они снабжают умершего всем необходимым. Возможно, именно этим объясняется поза сармато-аланских фигурок из боспорского Илурата II–III вв. – с поднятой вверх в жесте адорации рукой [14. –рис. 2, 2-3]. С поднятой рукой изображен и всадник на «позднескифском» надгробии из с. Фоти-Сала (Голубинка). На оборотной стороне этой плиты представлена голова Горгоны, ассоциировавшейся, по мнению Д.С. Раевского, со «змееногой богиней» – прародительницей скифов [22.–рис. 43, 1].

У кафиров зачастую на деревянных фигурках умерший восседает *на коне с двумя головами* и туловищами и держит в левой руке маленькую человеческую фигурку [18. –С.139]. Интересно сопоставить соответствие этих деталей изображения с уникальной серией вотивных терракот из парфянского святилища II–I вв. до н.э. в Масджид-и Солейман – одного из крупнейших культовых центров древнего Ирана [25. –pl. CXI, 1-3; CXII, 1-3]. Здесь также представлен всадник на *двухголовом коне, держащий перед собой миниатюрную фигурку* обнаженной богини с расставленными в стороны руками.

Почему конь умершего в этих случаях выглядит столь странно? У осетин сохранились представления о том, что попасть в мир мертвых на обычном коне нельзя. Покойнику предстояло поймать коня самому на волшебном лугу [см., например: 26. –С.78 сл.]. Вероятно, это конь из породы «авсург» из особого табуна «св. Георгия» – осетинского аналога Митры (в разных вариантах – с тремя ногами, одним глазом, с рыбьим хвостом и т.п.) [см., например: 27. – Пчелина, 1986: С.45-47]. По рассказам осетинских «колдунов», летая в иной мир, они видят души умерших, разъезжающих на козлах, собаках и др. [28. –С.162].

Верхом на копытном с двумя туловищами (баране) стоит обнаженная богиня с расставленными в стороны руками (подобно терракотам Масджид-и Солеймана) на знаменитой золотой чаше рубежа II–I тыс. до н.э. из североиранского Хасанлу [29 –рис. 1, правый нижний угол], которую сегодня есть основания связывать не с хурритами, а с индоиранцами [30.–С.72]. Обломок фигурки двухголового барана (видимо – со всадником) найден на кушанском городище Зартепа [31. –рис. 5].

Рассмотренные небольшие глиняные фигурки всадников без фантастических деталей, подчас примитивно сработанные в домашних условиях, были, вероятно, *атрибутами домашнего поминального культа*. Известно, например, что поминальные языческие обряды у такого иранского народа, как осетины, были сложными и дорогостоящими (речь идет о мужчинах). К умершему мужчине постоянно обращались за содействием в важных семейных делах. Интересно, что у осетин еще в XIX в. не угас полностью древний обычай приносить почитаемому персонажу *глиняные фигурки с его изображением*. (Речь идет, правда, лишь о домовом – Бинаты-хицау, который мыслился, среди прочего, в облике барана и которому жертвовались статуэтки баранов, чтобы в семье рождалось побольше мальчиков).

Сказанное ранее не означает, конечно, что *все* терракоты спокойно стоящего всадника автоматически должны рассматриваться как вотивы умершим. Повторю, речь идет лишь о простых лепных фигурках без атрибутов (у осетин душа покойного в момент путешествия в иной мир не имеет при себе ничего, кроме одежды). Так, *иным*, видимо, было осмысление фигурок мужчин-всадников, найденных в раннесредневековом Согде [32. –С.212-218; рис. 111-114]. У этих персонажей (подчас не на конях, а на каких-то иных животных) видим в руке особый скипетр, у них тщательно переданы золотая гривна на шее

и серьги, богато украшенный головной убор, иногда – наборной пояс и орнаментированная одежда. Вполне возможно, что их можно, вслед за Х.Ю. Махутдиновым, считать изображением конного бога – местного варианта Митры.

1. Ильинская В.А. Изображения скифов времени среднеазиатских походов // Древности степной Скифии. К. 1982.
2. Ставиский Б.Я. О культурных связях древней Средней Азии с домусульманским Египтом // Древний Восток. Вып. 1. М. 1975.
3. Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. Дисс...докт. ист. наук. М.: РГГУ. 2002.
4. Древности Таджикистана. Каталог выставки (Отв. ред. Е.В. Зеймаль). Душанбе.
5. Яценко С.А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ (Alanica-II). Владикавказ, Цхинвал. 1992.
6. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М. 1985.
7. Пугаченкова Г.А. Бактрийско-юэчжийский и согдийско-кангюйский синтез в искусстве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата. 1989.
8. Pugachenkova G.A. The Terra-Cotta Horses of Bactria-Tokharistan // Bulletin of Asia Institute. (New Series). Vol. 3. Bloomfield Hills. 1989.
9. Беленицкий А.М. Хорезмийский всадник – царь или бог? // Культура и искусство древнего Хорезма. М. 1981.
10. Ростовцев М.И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. СПб. 1913.
11. Ростовцев М.И.. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // Seminarium Kondakovianum. Вып. 1. Прага. 1927
12. Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М. 1961.
13. Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. (САИ. Вып. Г1-11). М. 1974.
14. Шургая И.Г. Изображения всадника и коня из Илурата // КСИА. Вып. 174. 1983.
15. Шелов Д.Б. Терракоты и античная скульптура // Тайны терракоты. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар. 1987.
16. Пругло В.И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // Искусство и археология античного мира. М. 1977.
17. Крыкин С.М. Культы всадников в античном Северном Причерноморье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых. М. 1986.
18. Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М. 1986.
19. Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе. 1987.
20. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М. 1976.
21. Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф., Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Препринт. К. 1992.
22. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму (САИ. Вып. Д1-7). М. 1991.
23. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989.
24. Миллер В.Ф. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 3. М. 1893.
25. Ghirshman R. Terrasses sacres de Bard-é Nechandeh et Masjid-i Solaiman // Memoirs de la Délégation archéologique en Iran. T. XLV. Vol. II. Paris. 1975.
26. Цховребов З.Л. К анализу надгробных памятников из Осетии // Межд. ассоц. по изучению культур Центральной Азии. Информ. бюллетень. Вып. 13. М. 1987.
27. Пчелина Е.Г. Ёртæкъахыг – осетинский мифологический конь (бронзовые фигурки VI-VII вв. н.э.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе. 1986.

28. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) (Сост. Б.А. Калоев). Орджоникидзе, 1967.
29. Курочкин Г.Н. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана // СА. № 2. 1974.
30. Курочкин Г.Н. Богиня с зеркалом и герой с секирой (к проблеме антропоморфизации скифского искусства) // Скифия и Боспор. Новочеркасск. 1993.
31. Пидаев Ш.Р. 1990. Археологические работы на юго-восточном холме Зартепа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 24. Ташкент.
32. Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе. 1989.

СТАТТІ, ПУБЛІКАЦІЇ

Сапожников И.В.

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА МИХАЙЛОВКА (БЕЛОЛЕСЬЕ):
ПРОБЛЕМЫ СТРАТИГРАФИИ И ДАТИРОВКИ

Интерпретация стоянки Михайловки (Белолесье), открытой почвоведом А.М. Кремером в окрестностях с. Михайловки Саратовского района Одесской области в 1957 году (Рис. 1), до настоящего времени является противоречивой. Сказанное относится не только к датировке ее основного слоя от конечных этапов финального плейстоцена до раннего голоцена, но и к ее стратиграфии и культурной интерпретации. Сразу же следует подчеркнуть, что такая ситуация возникла в первую очередь из-за неполной, во многом спорной и неоднозначной публикации материалов этого памятника – единственной стратифицированной финальнопалеолитической стоянки степной полосы от Дуная до Нижнего Днестра. Исходя из сказанного, актуальным представляется детальный анализ опубликованных и по возможности неопубликованных материалов Михайловки на основе новых материалов с учетом современных представлений и концепций.

История исследований

Итак, в августе 1957 года А.М. Кремер нашел на береговых осыпях русла р. Сараты обработанные кремни, а осенью того же года новая стоянка была более детально обследована им вместе с В.И. Красковским¹. Тогда на стрелке мыса, образованного правыми берегами долины реки и ее старицы (рис. 1; 2, 1) была заложена зачистка шириной 1,5 и глубиной около 2,4 м, по которой была описана стратиграфия (рис. 2, 2), а также проведены исследования по выяснению гомогенности культурного слоя (рис. 3, 1; рис. 6-7). В ходе этих работ была определена площадь поселения и собрано 162 кремневых изделия, 21 из которых имело вторичную обработку. Кроме этого, еще 5 патинизированных кремней (в том числе фрагмент микропластинки с притупленным краем) были выявлены на том же берегу старицы Сараты в 150 м к западу от стоянки. Этот пункт находок получил название Михайловка-А, но уже в 1960-х годах и позднее он ни разу не упоминался и не был включен в археологическую карту В.И. Красковского [3]. Место хранения этих материалов неизвестно, но скорее всего они вошли в основную коллекцию Михайловки.

Результаты этих работ описаны в ряде работ [4; 5; 6-С.31-32; 7.-С.260-261, Рис. 2, 1-14], но, к сожалению, из имеющейся в нашем распоряжении подборки иллюстративных материалов 1957 года [8] был опубликован лишь глазомерный, хотя и довольно точный, ситуационный план [4-Рис. 17] и фрагмент поперечного разреза зачистки [9.-Рис. 5-6]. Заметим, что другой разрез, приписанный В.Н. Станко В.И. Красковскому и приведенный в его статье уже после смерти последнего в 1981 году [10-Рис. 1, 1] имеет мало общего с оригиналом (Сравн. с рис. 2, 2), к тому же оба они были неверно датированы 1958 годом.

В 1965-1966 годах раскопки были проведены мезолитическим отрядом Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции ИА АН УССР (начальник Н.М. Шмаглей) под руководством В.Н. Станко². Тогда сплошным раскопом было вскрыто около 78 кв. м ее площади, в которую входили две зачистки (№ 1 и 2) длиной по 5,0 м и четыре раскопа (№ I-IV), а также заложено несколько шурфов. Судя по плану, в эту площадь вошла и зачистка

¹ Андрей Михайлович Кремер в 1949 - начале 1950-х годов был старостой археологического кружка в детском доме на 11-й станции Большого Фонтана в Одессе, которым руководил его воспитатель В.И. Красковский [1; 2].

² Отчетов об этих работах нет как в архиве ИА НАНУ, так и в фондах ОАМ НАНУ. Информация о них отсутствует и в соответствующих отчетах Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции ИА АН УССР.

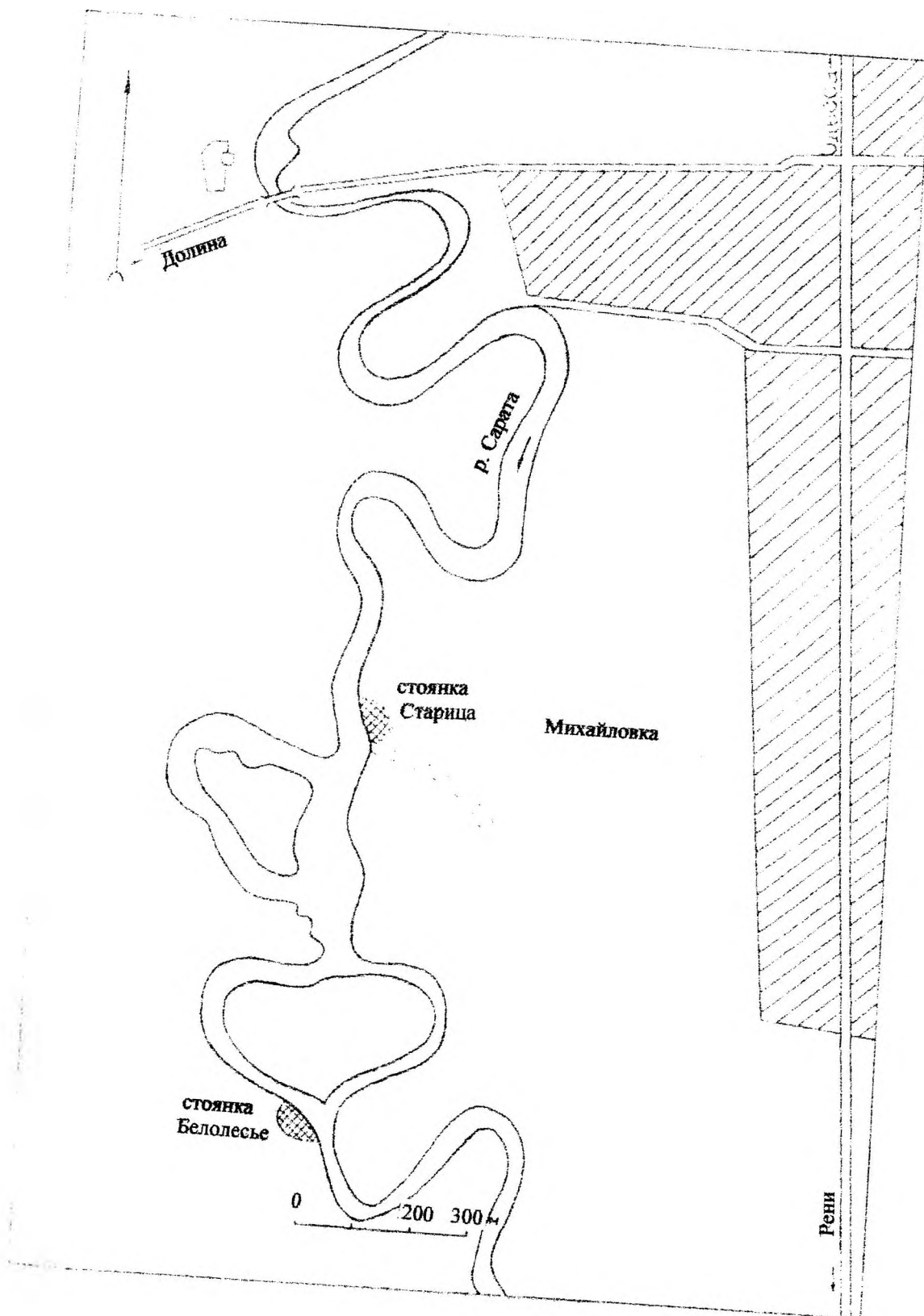

Рис. 1. План расположения стоянок Михайловка (Белолесье) и Старица [29.—рис. 32].

1957 года, но по непонятным причинам она, как и упомянутые шурфы¹ и зачистки 1965 года, на нем не отмечены. Исходя из отсутствия на плане В.Н. Станко находок на квадратах Б-8-9 и В-7-8, рискну предположить, что В.И. Красковский и А.М. Кремер заложили зачистку в этом районе (рис. 6). Для изучения стратиграфии большое значение имеет разрез очага диаметром 1,2 м, зафиксированный в южной стенке зачистки № 1 1965 года на границе квадратов В-9 В-10 и Г-9-10 (рис. 3, 2) [9.-Рис. 3, 5-а]. Особого внимания заслуживает информация о наличии на памятнике верхнего культурного слоя, находки из которого (трапеция с ретушированным верхним основанием, округлый скребок, два миниатюрных двойных скребка и несколько отщепов) были включены в состав основной коллекции Михайловки, общее количество кремневых изделий в которой составляло 487 экз. [9.-С.95,96]. План находок в этом слое не опубликован и, по-видимому, не составлялся, хотя его присутствие не осталось незамеченным другими исследователями [11.-С.20].

Логично заключить, что в коллекцию памятника вошли находки 1957 года, хотя сравнение рисунков нуклеусов и изделий со вторичной обработкой [4.-Рис. 18, 1-19; 7.-Рис. 2, 1-4] с более поздними рисунками В.Н. Станко не позволяет говорить об этом с полной уверенностью. В то же время, на рисунках Л.Л. Зализняка 1975 года, сделанных с натуры в ОАМ, часть этих кремней легко распознается (рис. 5, 9, 11, 13, 25, 38 и др.). Исходя из того, что В.Ф. Петруню для определения в 1967 году было представлено “всего 360 кремневых орудий, отщепов, нуклеусов, осколков”, в состав которых входили и “единичные обломки, переданные автору перед посещением памятника”, и “немногочисленные кремни, подобранные на промытых дождем отвалах грунта из основного раскопа” [12.-С.111], факт “объединения” коллекции можно считать доказанным. Дополнительным аргументом в пользу этого является и тот факт, что на плане находок 1965-1966 годов нанесено всего около 225 кремней [9.-Рис. 3].

Материалы археологических исследований 1965-1966 годов были опубликованы в единственной статье В.Н. Станко [9], информация из которой вошла в ряд сводок, монографий и публикаций [3.-С.47-48, № 48; 13.-С.68-73; 14.-С.118; и др.]. Примечательно, что в ходе этих работ стоянка была переименована в Белолесье без всякого объяснения причин² [15.-С.9], что почти сразу же вызвало недоумение ученых, в частности В.Н. Даниленко [16.-С.56]. Определение фаунистических остатков из этих раскопок было проведено В.И. Бибиковой [15.-С.10; 17; 18].

Кроме этого, важные наблюдения о геологии и петрографической *характеристике* обработанного кремня Михайловки были сделаны В.Ф. Петрунем, посетившим ее летом 1966 года. Принципиально подчеркнуть, что геолог *de visu* описал лишь верхнюю часть разреза, так как вся его нижняя часть (глубже 60 см) была на тот момент затоплена водой. Последняя была охарактеризована им “со слов В.Н. Станко” [12.-С.111]. Чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, скажем об упомянутом В.Н. Станко посещении стоянки геологом Г.И. Ивановым, который также изучал ее геоморфологию и стратиграфию [10.-С.32]. Но когда это было и к каким выводам пришел исследователь – неизвестно.

В 1977 году раскопки были продолжены мезолитическим отрядом Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР (начальник Л.В. Субботин) под руководством В.Н. Станко путем расширения раскопа к западу, причем его общая площадь достигла 180 кв. м.³ Коллекция кремневых изделий была увеличена до 1195 экз., в том

¹ Имеется упоминание о закладке по крайней мере еще одного стратиграфического шурфа в 1964 году [10-рис. 1, 2], но его привязка в публикациях также не приводится.

² Стоянка расположена в 800 м от южной окраины с.Михайловка, но в 2,5 км от северной окраины Белолесье. Последнее село находится на землях другого, уже Татарбунарского района.

³ Полевой дневник и другая документация 1975 года велась С.А. Дворяниновым, а не “Дворниковым” [См.: 10.-С.42]. В работах принимали участие Г.В. Григорьева, Г.Н. Тощев, Г.В. Сапожникова, Т.Н. Швайко и др. [19]. Примечательно, что работы 1977 года проводились по “Открытому листу” № 125/47, выданному В.Н. Станко “на раскопки мезолитических

числе и за счет сборов подъемного материала 1976 года. Среди них было 174 изделия со вторичной обработкой [20.-С.92-96]. Фаунистические материалы снова изучила В.И. Бибикова [21.-С.162-163; 22; и др.], Г.А. Пашкевич отобрала образцы грунта и провела палинологические анализы [23], а геолог В.А. Дубняк еще раз описал стратиграфию памятника. Выводы последнего очень бегло описаны В.Н. Станко [10.-С.32, Рис. 1, 3], но полный текст оригинала данного заключения присутствует в отчете о полевых работах [60.-С.2-3].

В конце 1970 – начале 1980-х годов каменные артефакты Михайловки методом трасологического анализа исследовала Г.Ф. Коробкова [24]. Тогда же Г.В. Сапожникова провела кремневыми орудиями Михайловки ряд экспериментов [25]. В целом же, итоги этих работ до сих пор остаются почти неосвещенными в литературе, а в имеющейся информации В.Н. Станко [10.-С.43-44] присутствуют ошибки и неверные цифры. Хотя этот вопрос выходит за рамки статьи, скажем, что, по подсчетам Г.В. Сапожниковой, общее число кремневых изделий, просмотренных под микроскопом, составляло тогда 1286 экз., 358 из них имели следы сработанности [26].

Из разведочных работ в низовьях р.Сараты, которые дали материалы так или иначе связанные с интерпретацией Михайловки, необходимо вспомнить разведки Г.Н. Тощева и С.А. Дворянинова 1973-1974 годов, в ходе которых были выявлены местонахождения и пункты Новоселицы I, Когильник и Белолесье [27]. Последний пункт вошел в карту В.И.Красковского под названием Белолесье-Следы [3.-С.48], а В.Н. Станко переименовал его в Белолесье IV [20.-С.97-98; Сравн.: 13.-С. 51]. В том же районе в 1982 году автор в составе Буго-Днестровской экспедиции ИА АН УССР открыл стоянку Старица. На этом памятнике был заложен шурф, в котором выявлен выразительный культурный слой мезолитического времени с фауной лошади (рис. 4, 5) [28.-С.53, Рис. 58; 29.-С.32-33].

В 1991 году, в связи с мелиоративными работами в долине р.Сараты, начатыми еще в предыдущем году, экспедицией Одесского археологического центра при Областном отделе охраны памятников истории и культуры под руководством Т.Н. Швайко на стоянке были проведены охранные работы. Тогда двумя раскопами была вскрыта значительная площадь прибрежной полосы основного русла реки к югу от раскопов 1965-1966 годов (кв. ЗС/1-5 и ЖР/6-15, то есть, не менее 147 кв.м; рис. 2, 1), но никакой информации об этих работах до сих пор не опубликовано. Отчет Т.Н. Швайко нами также не найден. В отчете о работах Причерноморской экспедиции ОГУ за 1991 год сообщается, что данные исследования “...практически не дали ожидаемых комплексов, выявленных здесь прежними раскопками. Отдельные кремни были найдены на кв. ЖК/7-15. Не удалось внести изменения и в общей структуре древнего поселения” [61.-С.3]¹. Заметим, что еще в 1990 году была частично уничтожена и засыпана отвалами грунта, вынутаго из основного русла, стоянка Старица, расположенная всего в 720 м к северу от Михайловки (Рис. 1).

Таким образом, в итоге описанных выше работ большая часть территории стоянки Михайловка, определенная В.И. Краковским и А.М. Кремером в 1957 году, была раскопана. Тем не менее, к счастью, культурный остаток сохранился на правом берегу старицы р.Сараты к западу от раскопа 1977 года. Общую площадь этого участка можно довольно приблизительно оценить в 100 кв.м (Рис. 2, 1), хотя нельзя не отметить сравнительно низкую плотность находок на прилегающей к нему территории раскопа.

В 1998 году группа исследователей под руководством В.Н. Станко в рамках проекта INTAS “Скифия до скифов” также провела на Михайловке какие-то исследования. Исходя из опубликованного отчета [30.-С.26-31], мы можем сделать вывод, что никаких раскопок тогда не проводилось, а полученные материалы по типологии кремня и геоморфологии не имеют прямого отношения к рассматриваемым нами проблемам.

памятников у с.Александровка Вознесенского района Николаевской области” (в районе Абузовой Балки)! [60.– С. 1].

¹ В отчете отсутствует общий план раскопов, а также нет описания упомянутых кремней, не говоря уже о рисунках.

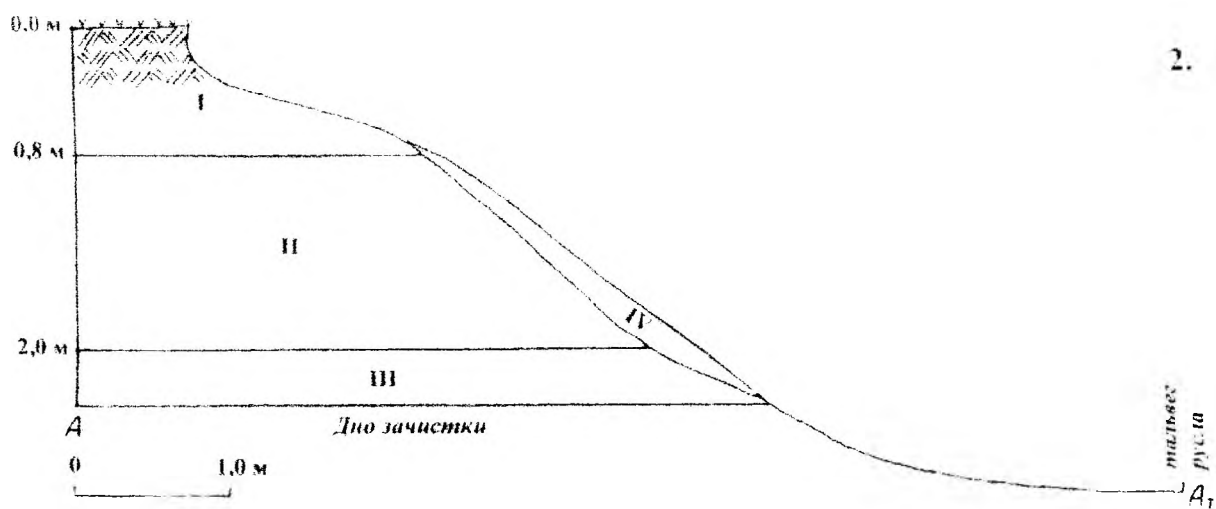
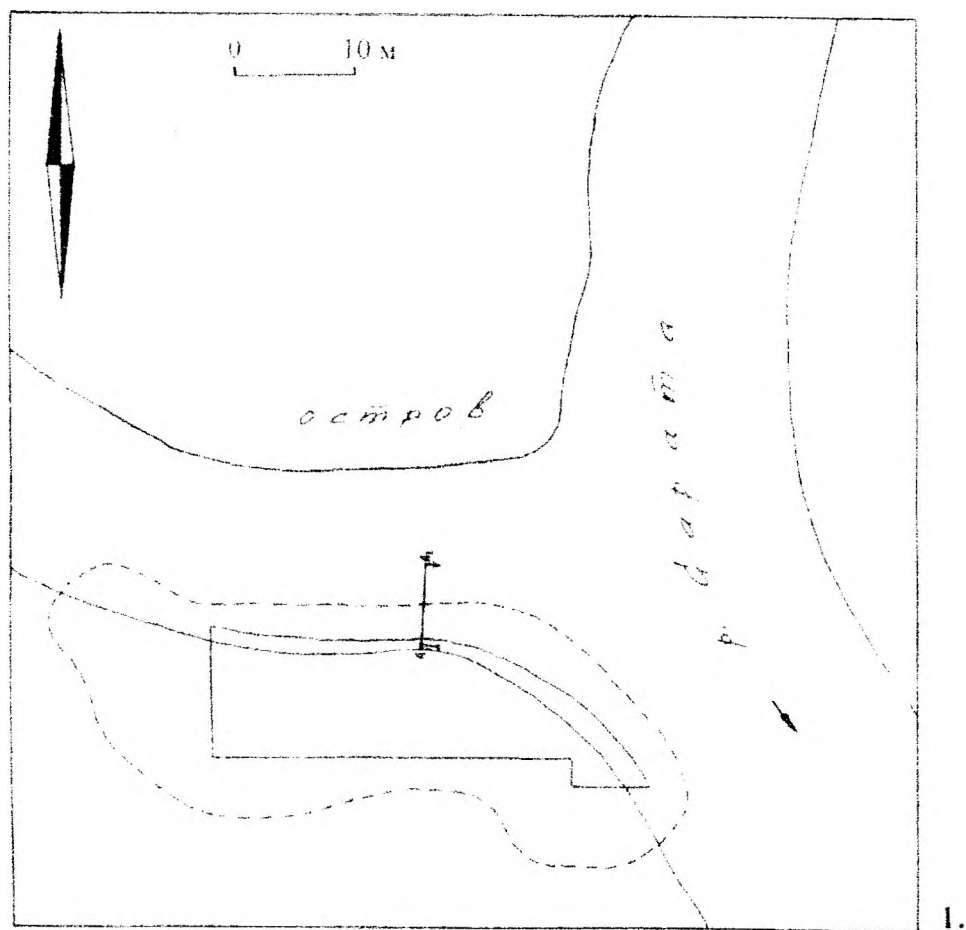

Рис. 2. Михайловка. 1.-Общий план распространения подъемного материала на стоянке в 1957 году (показаны зачистка и место разреза А-А₁, а также раскопы 1965-1966 и 1977 годов) [8.-Сх. № 2]; 2. Разрез А-А₁ 1957 года [8.-Сх. № 3].

И наконец, в 2003 году автор вместе с В.А.Манько с целью уточнения стратиграфии памятника и получения образцов для абсолютного датирования заложили зачистку шириной 1,2 и глубиной 1,35 м (рис. 4, 4) в районе западной стенки раскопа 1977 года (впритык к кв. А_{III}-31 раскопа 1977 года), а также провели другие рекогносцировочные работы, в частности, осмотрели место расположения стоянки Старица.

Стратиграфия

Первые стратиграфические наблюдения на Михайловке были сделаны А.М. Кремером и В.И. Красковским в 1957 году. Их ценность заключается в том, что исследователи имели возможность заложить зачистку тогда, когда уровень воды в реке был наименьшим, а в старице она отсутствовала вовсе (рис. 6)¹. Это обстоятельство дало им возможность наиболее полно проследить литологию стоянки и здесь уместно процитировать их лаконичное заключение: “Почвенный покров толщиной 0,8 м (горизонт А+В) переходит в лессовый суглинок, который в свою очередь на глубине около 2,0 м переходит в супесчаные тонкослоистые отложения палевого цвета (уходят под уровень дна русла). По вертикали материал распространен от 0,49 до 0,71 м, то есть в лессовом суглинке переходного горизонтов (горизонта В) почвы; причем наибольшая концентрация материала (около 45% всей численности найденного в зачистке) сконцентрирована на глубине 0,69 м” (рис. 2, 2; 7) [4.-С.126].

Мы имеем возможность проиллюстрировать сказанное и авторской диаграммой, составленной в 1957 году. На ней хорошо видны не один, а два пика концентрации материала (всего 40 экз. в зачистке), причем второй из них на глубине 0,49-0,51 м (Рис. 3, 1)² соответствует упомянутому выше верхнему (т.н. позднемезолитическому) слою, выделенному позднее В.Н. Станко. Последний сначала определил уровень его залегания как 0,4-0,6 м [9.-С.95]. В обобщающей статье того же автора о раннем мезолите степей Северного Причерноморья о нем умалчивалось [20], а в 1985 году уровень залегания верхнего культурного слоя был определен как 0,4-0,7 м [10.-С.32]. Такая позиция верхнего слоя, с существованием которого трудно не согласиться, противоречит уровню залегания основного культурного слоя на глубине около 0,7 м и это требует пояснений. При этом следует иметь в виду, что В.Н. Станко утверждал, что основной “культурный слой раннемезолитического времени залегает *in situ* на глубине 0,7-0,8 м на границе коричневого суглинка и подпочвы [В]” (рис. 3, 2) [15.-С.9; 9.-С.95; и др.].

Выводы В.И. Красковского и А.М. Кремера подтверждаются наблюдениями других авторов. Так, В.Ф. Петрунь (со слов В.Н. Станко) писал о том, что “главная масса” кремня была выявлена во втором горизонте его схемы (буровато-палевом суглинке), который залегал на глубине от 0,5 до 0,7-0,8 м (рис. 4, 2) [12– С. 111]. В 1977 году С.А. Дворянинов написал в полевом дневнике: “культурный слой шел в нижней части подпочвы коричневого цвета, [лежащей] с глубины 0,4 до 0,8 м. Основная масса находок [залегала] на гл. 0,4-0,7 м” [19.-С.5-об]. В том же году В.А. Дубняк так описал горизонт 2-б: “0,65-0,82 м - буровато-палевый с затеками гумуса, комковатый с зеленовато-бурым оттенком. Четко выделяется в разрезе как маркирующий горизонт культурного слоя. К верхам этого горизонта приурочено наибольшее количество находок кремней” (рис. 4, 3) [61-С.3]. Еще более узкие границы называет Г.А. Пашкевич – на глубине около 0,57-0,73 м во втором горизонте (Рис. 4, 6) [23-С.80].

По-видимому, настойчивость всех этих авторов заставила В.Н. Станко подкорректировать свою точку зрения. Теперь он утверждает, что “культурный слой *in situ*

¹ Еще более низкий уровень воды в реке в районе стоянки установился в 1990 году после проведения мелиоративных дноуглубительных работ, в результате которых основное русло было значительно спрямлено [29.-С.32-34, фото 10-15].

² В.И.Красковский и А.М. Кремер сами заметили эти пики, так как написали, что кремневый инвентарь Михайловки “залегает отдельными экземплярами или небольшими скоплениями на разной глубине” [4.-С.128, 130].

четко прослеживается по всей площади раскопа 1965-1966, 1977 годов на глубине 0,7-0,8 м в нижнем горизонте буровато-палевых суглинков (Phi) на границе с зеленовато-палевыми суглинками (“белоглазкой” – Pk)” [10.-С.32]. Однако, и с этой позицией В.Н. Станко нельзя согласиться, так как и при таком подходе мы не имеем ответа на принципиальный вопрос: “Где конкретно залегает основной культурный слой - в нижней части коричневого суглинка (второго горизонта всех литологических схем, которые не принадлежат В.Н. Станко. См.: рис. 4, 1-6) или все-таки на границе с подстилающим его лессовидным суглинком?”

Попробуем решить его, используя материалы самого В.Н. Станко. Так, в 1965 году в разрез южной стенки зачистки № 1 попал упомянутый выше очаг диаметром 1,2 м. По опубликованным данным автора раскопок, он был зафиксирован на глубине 0,8 м на границе второго и третьего литологических горизонтов (рис. 3, 2). Однако, на оригинале того же чертежа, который хранится в фондах ОАМ НАНУ (№ 84160/2), второй горизонт назван “подпочва коричневого оттенка” (гл. 0,4-0,65-66 см), а третий – “суглинок коричневого цвета с примесью зеленоватой глины” (гл. 0,65-0,85 м)¹. Абсолютно ясно, что последний подгоризонт является ничем иным, как нижней частью того же (второго) горизонта, о чем свидетельствуют и реальные глубины.

Следовательно, искомым нами уровень залегания основного культурного слоя Михайловки, четко и надежно зафиксированный наблюдениями 1957 года (рис. 3, 1), разрезом 1965 года (рис. 3, 2, истинные глубины справа)² и даже шурфом 2003 года (рис. 4, 4) можно определить от 0,6 до 0,7 м и связать даже не с самой нижней частью второго горизонта Михайловки (так называемой подпочвы В или буроватого лессовидного суглинка). Сказанное согласуется с другим заключением В.Н. Станко: “культурный слой, хотя и не выделяется своей окраской, четко фиксируется по находкам кремней и костей в виде прослойки толщиной до 10 см” [10.-С.35]. Верхний культурный слой, который, судя по всему, был распространен главным образом в раскопе 1965 года, также залегал в этом горизонте, но в верхней его части (рис. 4, 1-6).

Но из этих выводов вытекает другой вопрос: “Чем было вызвано упорное стремление В.Н.Станко, если можно так выразиться, “опустить” уровень залегания основного культурного слоя Михайловки?”. Ответ на него находим как в опубликованных, так и в неопубликованных материалах. Так, еще в 1971 году В.Ф. Петрунь, опять же со слов В.Н. Станко, сообщил, что в верхней части третьего горизонта (зеленовато-палевого суглинка) встречались единичные обработанные кремни. Данный факт был предположительно связан геологом с деятельностью “землероев” [12.-С.111]. Сам В.Н. Станко позднее написал, что на западном участке стоянки ближе к берегу реки большое количество кремня найдено на уровне зеленовато-палевых суглинков (в верхней части третьего горизонта), причем этот факт объяснялся наличием в древности смывных процессов, частично разрушивших культурный слой [10.-С.37], хотя ни в одном из известных нам разрезов они не зафиксированы (рис. 4, 1-4).

Неоднократные подтверждения сказанному находим в собственноручном дневнике В.Н. Станко за 1965 год. Итак, читаем: “Здесь [в раскопе II] основная масса находок залегала на глубине 75-80 см в слое зеленоватой глины”; “Основная масса находок концентрировалась [в раскопе III] на глубине 80-85 см в очень влажном слое желто-зеленого суглинка с мелкими вкраплениями известковых конкреций”. Но особо

¹ Данный подгоризонт зафиксирован только В.Н. Станко. Подчеркнем, что С.А. Дворянинов также его не отмечал, о чем свидетельствует опубликованный разрез западной стенки раскопа 1977 года [10.-Рис. 1, 5]. А.В. Дубняк расчленил подпочву В на два подгоризонта, но нижний из них (собственно буровато-палевый суглинок - Phi) имеет отметки от 0,65 до 0,8 м (рис. 4, 3), что полностью соответствует нашим выводам.

² О том, что в данном случае речь идет лишь о простой правке глубин в сторону увеличения свидетельствует сам опубликованный разрез 1965 года. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно соотнести мощность 2 и 3 горизонтов по масштабу (Рис. 3, 2).

примечателен вывод: “Раннемезолитический слой залегает в слое зеленовато-желтого суглинка с примесью белоглазки” [31.-С.11, 12, 14]. Наличие патинизированной пластины, не связанной с кротовиной, на глубине 1,0 м в верхах третьего горизонта было отмечено в шурфе 2003 года (рис. 4, 4). Более того, о залегании значительной части находок в том же горизонте сказала и Т.Н. Швайко, добавившая, что в материалах раскопок 1991 года нет ни одного геометрического микролита (устное сообщение).

Как видим, приведенных данных слишком много для того, чтобы ими можно было просто пренебречь. Исходя из сказанного, нам не остается ничего другого, как заявить: на Михайловке, причем практически на всей ее раскопанной площади, присутствовал нижний культурный слой, залегающий в верхней части оливковато-желтого лессовидного суглинка (Рис. 4, 1-6).

Таким образом, мы вынуждены признать наличие на Михайловке уже не двух, а трех культурных слоев. Здесь, конечно, можно было бы не без пользы поговорить и о гомогенности коллекции этого памятника, и о единстве его фаунистического комплекса, и о правомерности известных планиграфических и даже палеоэкономических реконструкций¹, но, на наш взгляд, более важным сейчас является вопрос о датировке его слоев, так как само существование стратифицированного трехслойного памятника этого времени является уникальным явлением для всей территории Украины.

Проблемы датировки

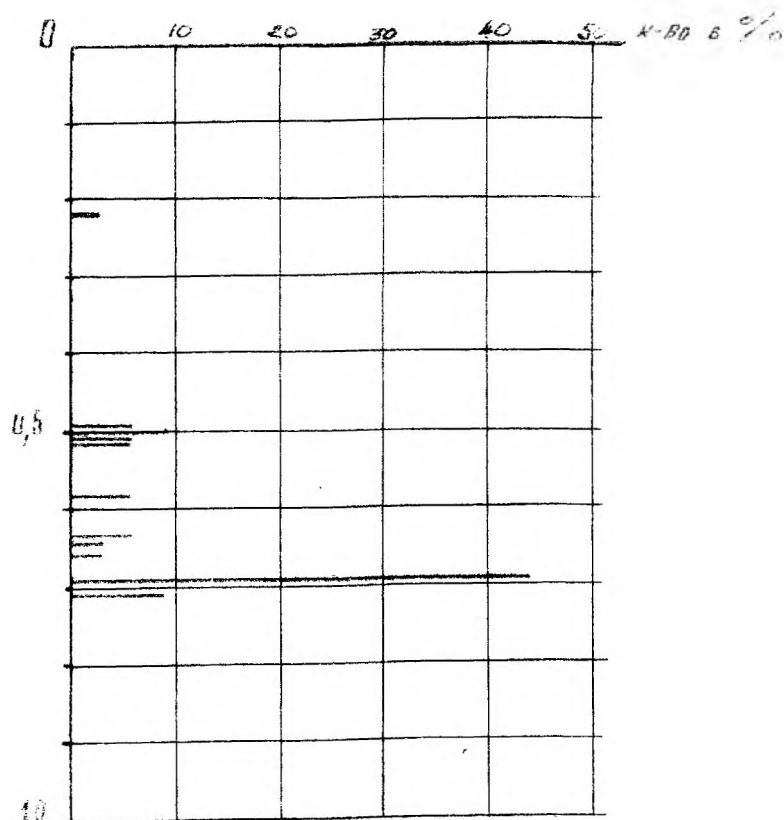
Нижний слой. Очевидно, что самый нижний культурный слой Михайловки следует связать со средним уровнем поздней (заклучительной) поры верхнего палеолита азово-причерноморских степей (примерно от 15,0 до 13,5-13,0 тыс. лет ВР), так как содержащий их лессовидный суглинок является ничем иным, как верхним подгоризонтом причерноморского горизонта схемы М.Ф. Веклича (р_{с3}). Поскольку находки нижнего культурного слоя весьма затруднительно вычленишь из основной коллекции Михайловки, материалы которой сами по себе отражают дальнейшее развитие тех же эпиграветтских традиций, мы можем с большой долей вероятности предположить, что они могут иметь эпиграветтский облик [32.-С.174-175; 33.-С. 230].

И действительно, в материалах памятника такие формы присутствуют. Это вытянутый прямоугольник, микропластины с притупленным краем, микроострие с двумя притупленными краями, острия со скошенным концом, сравнительно крупные концевые скребки на пластинах и отщепах и другие формы (рис. 5, 18, 21-22, 25, 30-31; и др.) [См. также: 10-Рис. 7, 7, 9, 14, 16, 18-19], хотя их нельзя признать ни яркими, ни датирующими. Территориально наиболее близкими к Михайловке (72 км по прямой) является стоянка Чобручи в Нижнем Приднестровье – один из наиболее поздних эпиграветтских комплексов региона, стратиграфия которой свидетельствует о ее синхронном или даже чуть более раннем возрасте, чем нижний слой Михайловки [34]. Здесь же следует сказать о том, что наличие Чобручей и нижнего слоя Михайловки позволяет уверенно поставить вопрос о местном происхождении индустрии ее основного слоя.

На основании данных Г.А. Пашкевич² мы можем описать природную обстановку того времени, которая характеризовалась абсолютным преобладанием пыльцы травянистых пород, представленных растительностью дерновиннозлаковых степей. Среди нее преобладали маревые, но было много злаков. Отдельные лесные участки состояли из сосны, березы и ольхи [23.-С.75,81-82, табл. 1].

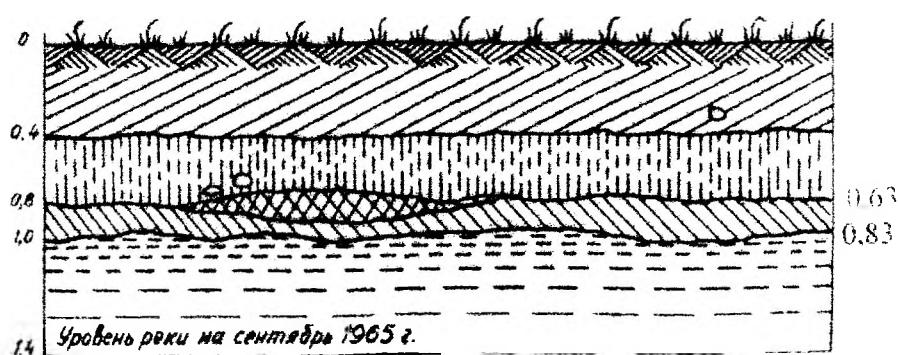
¹ Планиграфию отдельных слоев памятника, по крайней мере для территории раскопа 1977 года, вполне можно попытаться восстановить, поскольку С.А. Дворянинов, хотя и не нивелировал все находки, на общих планах раскопок (хранятся в фондах ОАМ НАНУ) отмечал разными значками кремни и кости из трех горизонтов снятия (от 0,4 до 0,85 м).

² Речь идет о так называемой первой фазе развития растительности Северо-Западного Причерноморья в голоцене, выделенной по четырем образцам (по 5 см) отобранных в Михайловке с глубины 0,86-1,07 м в 1977 г. В личной беседе в 2003 году Г.А. Пашкевич согласилась с отнесением этой и следующей фазы к финальными этапами позднего плейстоцена.

размеша
и М

1.

Условные обозначения:

- чернозем
- подпочва коричневатого цвета
- суглинок коричневатый с серо-зеленым оттенком
- суглинок зеленоватого цвета
- скопление углей, костей, кремней

2.

Рис. 3. Михайловка. 1. Диаграмма распространения материала по вертикали в зачистке 1957 года [8-С.5]; 2. Профиль южной стенки зачистки № 1 1965 года [9-Рис. 5-а].

Средний (основной) и верхний культурные слои. Хотя первые исследователи Михайловки А.М. Кремер и В.И. Красковский уже в первой публикации вполне определенно отнесли второй горизонт памятника и находки из него ко времени верхнего палеолита [4.-С.128], позднее датировка этих материалов стала предметом дискуссии. Уже в 1961 году под явным влиянием П.И.Борисковского Михайловка была названа раннемезолитической стоянкой [6.-С. 32]. Именно эта точка зрения была принята В.Н.Станко, который отстаивал ее в целом ряде работ, начиная с 1967 года [15.-С.10] и от которой не отказался до настоящего времени [35], несмотря на то, что уже в 1966 году имел заключение В.Ф. Петруня о том, что “время возникновения стоянки чуть-чуть предшествует или прямо совпадает с финглияльной эпохой (8000 лет до н.э.), когда на юго-западе степной зоны Украины происходило завершение формирования причерноморского (Q_3^{pts} или W_3 по М.Ф. Векличу) стратиграфического горизонта” [12.-С.115]. К сожалению, автор детально не обосновал своего вывода, но совершенно очевидно, что он рассматривал второй литологический горизонт разреза как гумусированную верхнюю часть лесса ($р\check{c}_3$), сформировавшегося (как минимум) во время дриаса-III.

Справедливости ради скажем, что сначала В.Н. Станко относил основной слой Белолесья к раннему мезолиту без уточнения его места в хроно-стратиграфической схеме Блитта-Сернандера [9: 15] и только позднее, получив результаты исследований Г.А. Пашкевич, он вполне определенно датировал его временем пребореала [10.-С.35].

Подчеркнем, что в конце 1960-х годов с датировкой Михайловки, предложенной В.И. Красковским и А.М. Кремером, согласился В.Н. Даниленко. Он отнес ее “к довольно ранней поре мезолита или, точнее, к эпипалеолиту (поздний азиль)” [16.-С.56].

Датировка В.Н. Станко была поддержана А.П. Чернышем, который отнес нижний слой Белолесья к среднему мезолиту (ранним мезолитом он датировал Большую Аккаржу), но следует иметь в виду, что ученый начинал мезолитическую эпоху с начала дриаса-III [11-С. 20,]. Не менее последовательно раннемезолитическую датировку основного слоя Белолесья отстаивал Д.Я. Телегин, который придерживался точки зрения А.П. Черныша о рубеже верхнего палеолита и мезолита (IX тыс. лет до н.э.). Он относил его к самому концу раннего мезолита или к завершающей фазе пребореального периода [36; 37.-С.68-73, Табл. 2; 38-С.90; 39-С.110-111; и др.].

Как видим, раннемезолитический возраст Михайловки (Белолесья) в 1970-1980-х годах отстаивали ведущие мезолитоведы Украины и на этом фоне смело и неожиданно прозвучало заявление С.А. Дворянинова, который в 1978 году напомнил о существовании заключения В.Ф. Петруня и связал ее с верхами причерноморского горизонта (другими словами, с дриасом-III), датировав ее IX тыс. до н.э. [40.-С.34].

Только в середине 1980-х годов, когда подавляющее большинство ученых начало связывать нижний рубеж мезолита с пребореалом и датой около 10,3-10,0 тыс. лет ВР (около 8,0 тыс. лет до н.э.), появляются работы, в которых пересматривались господствующие ранее схемы периодизации финального палеолита и мезолита Украины. Особенно много в этом направлении было сделано Л.Л. Зализняком [41; и мн. др.], но нас сейчас интересует прежде всего мнения относительно датировки Михайловки. Примечательно, что две работы на эту тему вышли в 1990 году. Мы имеем в виду тезисы доклада автора и Г.В. Сапожниковой, в которых Белолесье датировалось похолоданием дриас-II [42]. Тогда же А.А. Яневич склонился к его датировке чуть более поздним временем аллереда [43.-С.28].

После этого все датировки Белолесья, принадлежащие ряду авторов, сводились к высказанным ранее. Так, В.Ю.Коен [44.-С.17; 45-Р.381] и Е.В.Смынтина [46; 47.-С.57, 149-150] настаивают на ее датировке дриасом-III, даже концом этого периода. В свете сказанного, принципиально важной является датировка комплексов шан-кобинской культуры Крыма. Л.Л. Зализняк датирует их от аллереда до начала пребореала, хотя

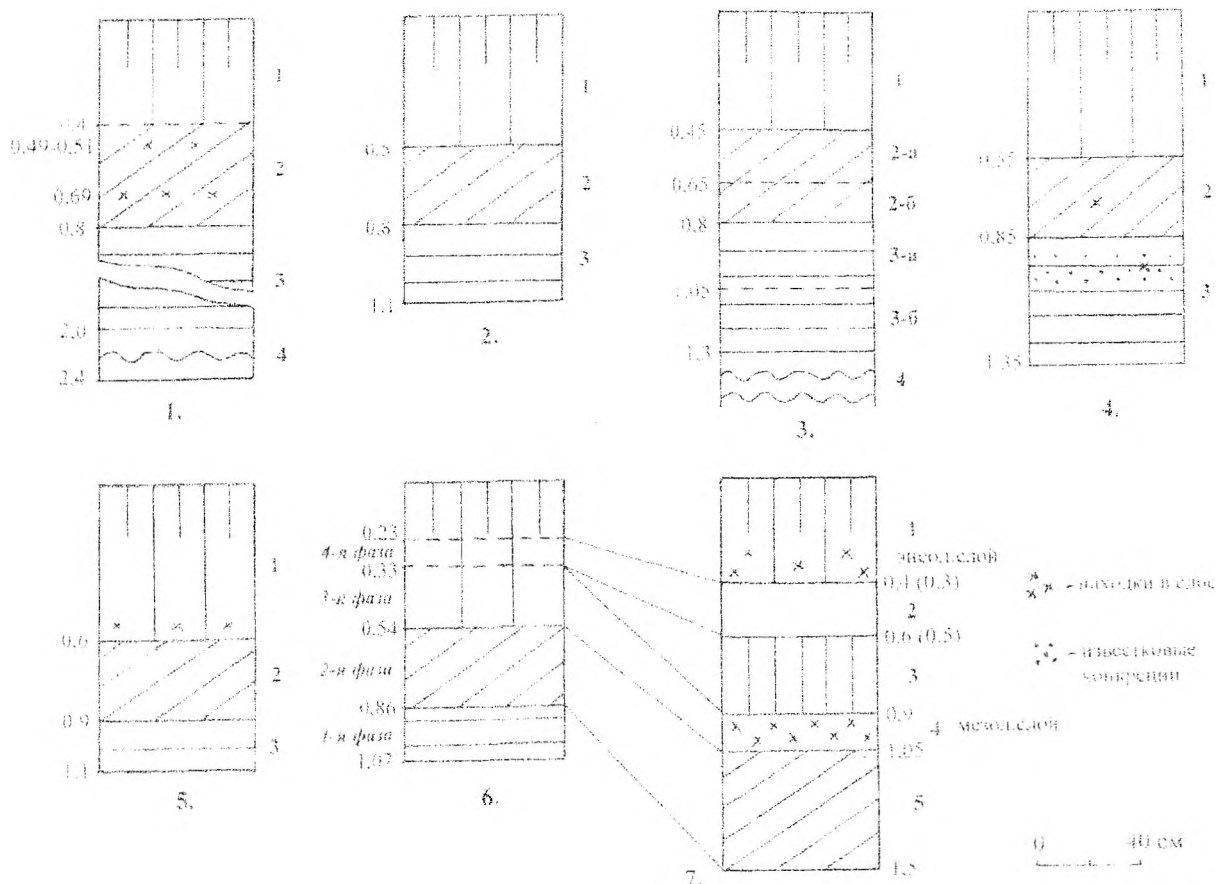

Рис. 4. Разрезы стоянок Дунай-Днестровского междуречья. 1. Михайловка (составлена И.В. Сапожниковым на основании рисунков В.И.Красковского и А.М. Кремера; См.: Рис. 2, 2 и 3,1; 1. — чернозем (гор. А); 2. — подпочва В; 3. — лессовидный суглинок; 4. — песок); 2. Михайловка по В.Ф. Петруню (1. — почва черноземная; 2. — суглинок буровато-палевый, иллювиальный горизонт вымывания голоценового почвообразования; 3. — суглинок зеленовато-палевый) [12]; 3. Михайловка по В.А. Дубняку (1. — почва, Н; 2-а. — суглинок с темно-серыми и палевами землероидами, НР; 2-б. — суглинок буровато-палевый, Нh; 3-а. — суглинок тяжелый палевый с зеленоватым оттенком и карбонатными включениями, Рк; 3-б. — суглинок зеленовато-палевый микропористый, слюдистый, Р; 4. — пески и супески) [10; 61-С. 2-3]; 4. Михайловка по И.В. Сапожникову и В.А. Манько (1. — чернозем; 2. — суглинок буро-палевый с ржавистыми прожилками в верхней половине, более желтый в нижней части; 3. — желтый лессовидный суглинок с оливковым оттенком сверху и с известковыми конкрециями на глубине 0,9-1,1 м; Старица по И.В. Сапожникову (1. — чернозем с культурным слоем на гл. 0,55-0,6 м; 2. — буро-палевый суглинок; 3. — лессовидный желтый суглинок); Белолесье по Г.А. Пашкевич (указаны климатические фазы) [23]; Мирное по В.Н. Станко и Г.А. Пашкевич (1. — современная почва; 2. — суглинок пылеватый, торфяниковый; 3. — суглинок светло-коричневый, погребенная почва; 4. — суглинок желтоватый; 5. — суглинок светло-коричневый с пятнами ожелезнения) [57; 58; 59]. Синхронизация горизонтов и климатических фаз Белолесья и Мирного выполнена по Г.А. Пашкевич [23].

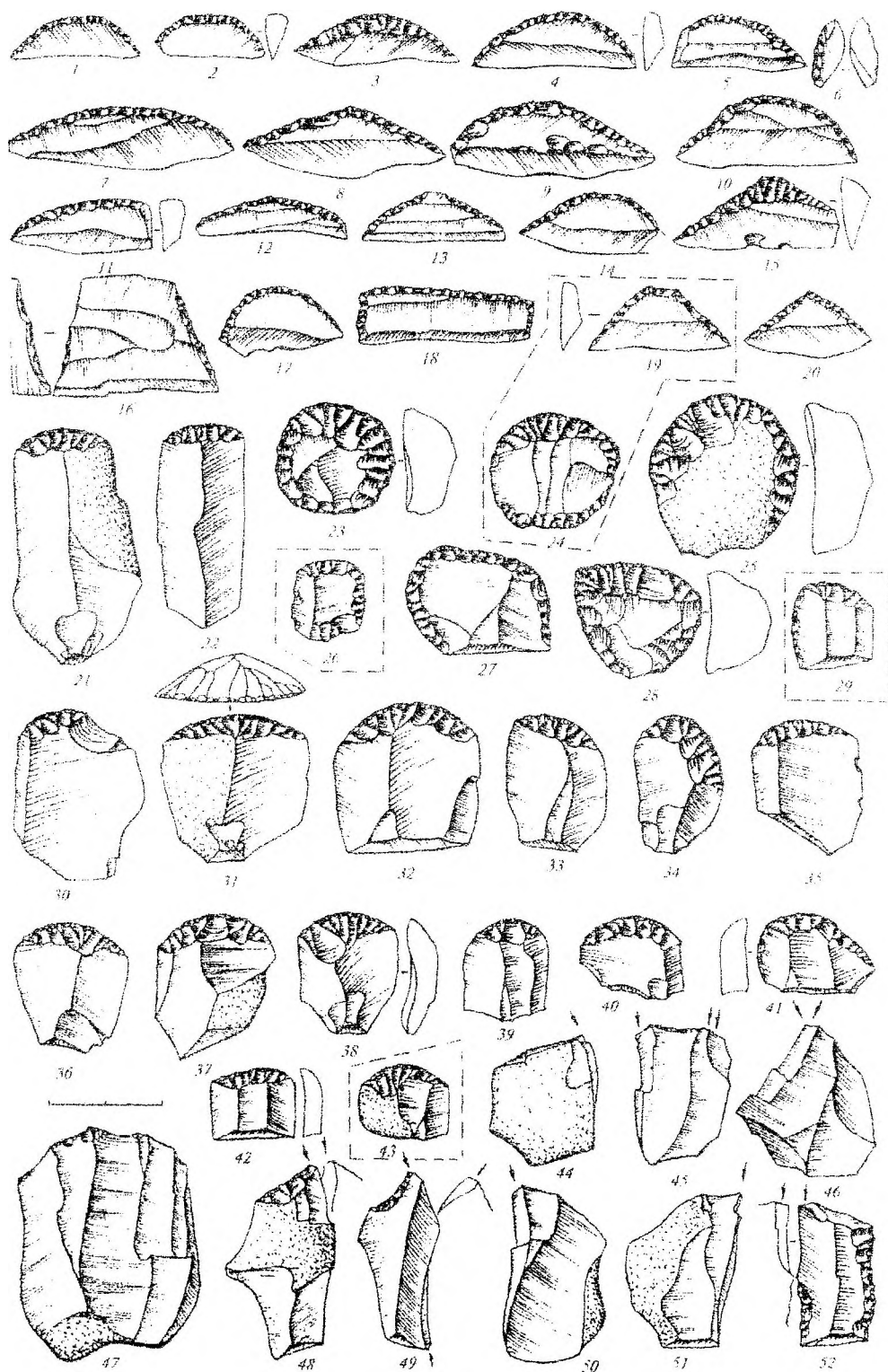

Рис. 5. Кремневый инвентарь стоянки Михайловка. (Рисунки Л.Л. Зализняка 1975 г.) [41-Рис. 44]; кремни верхнего культурного слоя (19, 24, 26, 29, 43) выделены по В.Н. Станко [9.-С.95].

допускает, что наиболее ранние памятники этой культуры, к которым он вместе с А.А. Яневичем отнес и Белолесье, вполне могут датироваться и дриасом-II [41.-С.131].

Итак, в настоящее время большинство археологов соотносят основной комплекс Белолесья (Михайловки) с финальными этапами позднего палеолита (от дриаса-II до дриаса-III включительно), о чем уже давно сказали геологи и почвоведы. Попытаемся уточнить эту датировку, используя методы естественных наук.

На основании образцов из второго литологического горизонта памятника и из пятого горизонта Мирного (горизонт под культурным слоем) Г.А. Пашкевич реконструировала еще одну фазу развития растительности региона (рис. 4, 6-7). Она характеризуется господством разнотравнозлаковых степей, в которых, по сравнению с предыдущей фазой, падает роль маревых и полыней и увеличивается присутствие злаковых. Леса были представлены небольшими участками, состоящими из сосны, березы и ольхи [23.-С.82, табл. 1]. Эти условия характерны и для времени существования обоих верхних слоев Михайловки, но данные палинологии, к сожалению, не дают возможности для подразделения этого литологического горизонта на два подгоризонта, как это не без основания сделал В.А. Дубняк (рис. 4, 3). В целом, мы можем сказать, что природные условия этой фазы были достаточно холодными, но заметно более теплыми, чем на протяжении предыдущей фазы развития растительности.

Дополнительные сведения о природе времени существования основного слоя памятника дают данные палеозоологии¹. Сначала В.И. Бибилова определила в материалах Белолесья кости тура (*Bos primigenius* - 6/2), дикой лошади (*Equus caballus* - 28/4), сайгака (*Saiga tatarica* - 3/1) и копытных, ближе не определимых (52 экз.) [18]. Вскоре она вместе с Н.Г. Белан пришла к выводу, что лошадь представлена здесь тарпаном [21.-С.162-163; 22], что отчасти меняет ситуацию, так как последний вид более характерен для засушливых степей.

В целом же, природную обстановку времени основного слоя Михайловки можно связать с беллингом и аллередом, но на этом фоне диссонансом выглядит присутствие дикого быка тура – типичного лесостепного животного, которого, кстати, в это время нет и в других регионах степи, в частности на Северском Донце [48-Табл. 28]. Важно, что второй горизонт Михайловки (по бурой окрашенности и следам ожелезнения в верхней части) находит прямую аналогию в аллередской (беллингско-аллередской) почве, зафиксированной в ряде разрезов стоянок Роголико-Передельской группы. На основании детальных стратиграфических наблюдений и анализов А.Ф. Горелик и Н.П. Герасименко пришли к выводу, что их большая часть их культурных слоев залегает в отложениях, перекрытых упомянутой почвой. Заметим также, что именно в аллереде на Северском Донце зафиксировано распространение разнотравно-дерновинно-злаковых степей и значительных участков осветленных березово-сосновых лесов [48.-С.26-27, 230-232; 49.-С.14, 44-46 и др.].

Данные о залегании комплексов финального эпиграветта и (или) азиля Аппенинского полуострова, Румынии (Куина-Туркулуй), Грузии (Гварджилас-Клде) и Крыма (Шан-Коба, 6-й слой; Скалистый, 3-й слой и др.), в круг которых следует включить и верхние слои Михайловки, в коричневых (желто-коричневых) или коричнево-красных глинистых отложениях теплых фаз финального плейстоцена собраны и опубликованы [50.-С.162-166]. Очевидно, что данный вывод следует распространить и на второй литологический горизонт Михайловки (рис. 4, 1-6). Парадокс ситуации заключается в том, что написав это, В.Н. Станко по сути прямо отказался от предложенной им ранее датировки Белолесья, а фактически не сделал этого до сих пор.

¹ При анализе этих материалов мы будем исходить из того, что большая их часть происходит из основного слоя, хотя нельзя исключить, что в коллекцию могли попасть кости и из нижнего слоя. О находках костей в верхнем слое В.И. Красковский, А.М. Кремер и В.Н. Станко не сообщали.

О том, что верхний культурный слой памятника не является позднемезолитическим свидетельствуют и найденные в нем изделия со вторичной обработкой (рис. 5, 19, 24, 26,

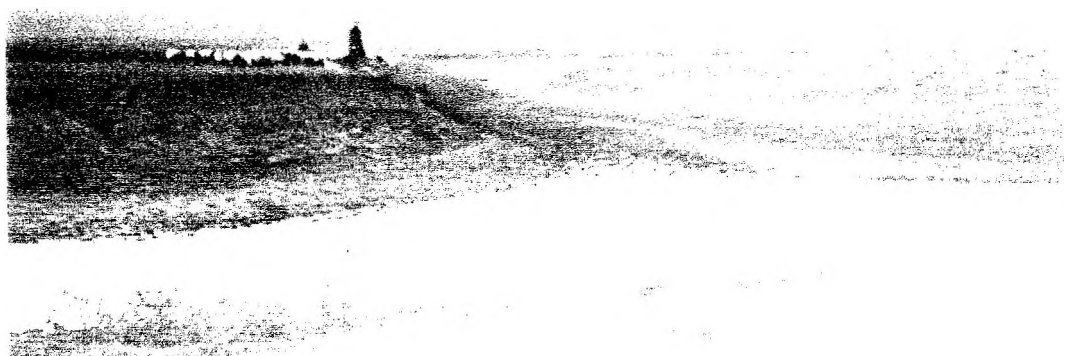

Рис. 6. Вид на Михайловку с востока (На стоянке стоит В.И. Красковский. Фотография А.М. Кремера 1957 г.) [8.-С.9].

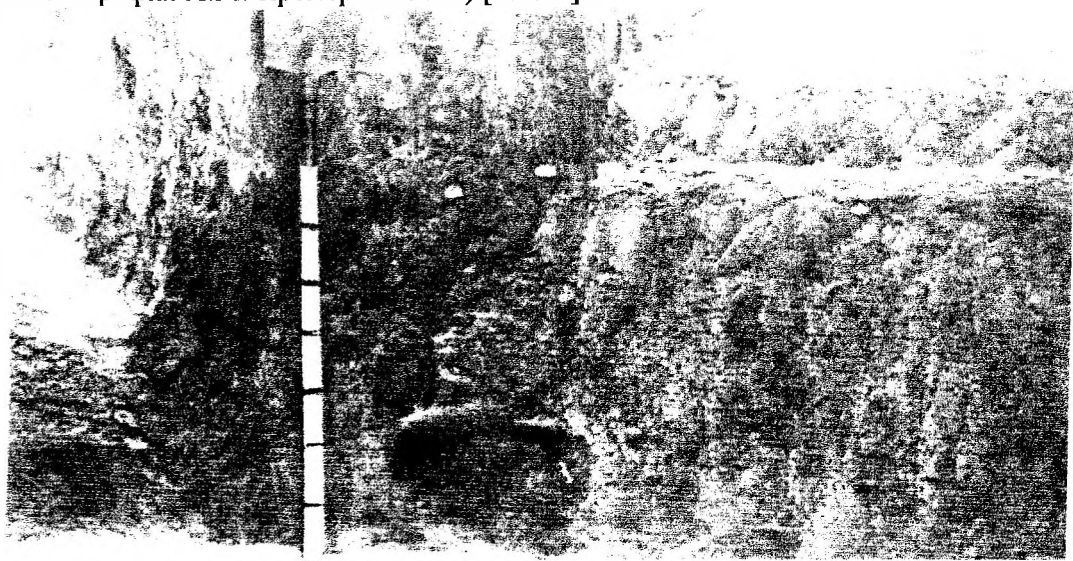

Рис. 7. Михайловка. Южная стенка зачистки (фотография А.М. Кремера 1957 г., видны кремни в слое) [8.-С.9].

29, 43, 20 и др.). Хотя данный вопрос выходит за рамки статьи, скажем, что такие изделия, как низкие симметричные и ассиметричные трапеции с ретушированным верхним основанием¹, треугольники и округлые скребки обычны в индустриях второго этапа шан-кобинской культуры Крыма [50.-Табл. IV, 3-5, 7-9, 11-13; и др.].

Выводы

Таким образом, автор вынужден признать, что методика, примененная при раскопках стоянки Михайловка в 1965-1966 и 1991 годах, оставляла желать лучшего, не говоря уже о качестве и достоверности полевой, а также отчетной документации (точнее, о почти полном ее отсутствии) и имеющихся публикаций. Ясно, что мы видим здесь ситуацию, поразительно напоминающую ту, которую ранее А.Н. Сорокин отметил при анализе хода исследований стоянки Мирное: “все изложенные факты заставляют считать, что в Мирном имело место элементарное механическое смешение разнокультурных и, вероятно, разновозрастных <...> материалов...” [62.-С.162]. Очевидно, что в обоих случаях полевые наблюдения и факты были скоррелированы В.Н. Станко в кабинетных условиях, применительно к его общим “концептуальным представлениям” того времени, которые позже подверглись критике со стороны многих отечественных и зарубежных ученых.

В целом же, на основании сказанного выше, нижний культурный слой Михайловки может быть предварительно связан с дриасом-I. Основной культурный слой можно сопоставить с беллингом (13,3-12,3 тыс. лет ВР) либо с дриасом-II (около 12,3-12,0 тыс. лет ВР), а верхний – с аллередом (около 12,0-10,8 тыс. лет ВР) [Даты некалиброванные; См.: 53.-Р.46-47], хотя более точная их привязка будет возможна только по получении серии абсолютных дат. Автор отнюдь не исключает возможность корреляции предложенной схемы в будущем, но уже сейчас можно уверенно сказать, что в Михайловке нет выразительных слоев, датированных временем раннего голоцена², а исходя из корреляционных построений Г.А. Пашкевич, ко времени пребореала следует отнести культурный слой Мирного (Сравн.: Рис. 4, 6 и 4, 7). Бесспорно, что такая датировка Мирного повлечет за собой и определенную ревизию всей периодизации мезолита Северного Причерноморья, и она не только давно назрела, но уже ведется [33; 41; 42; 52; 54; 55; 56; и мн. др.], хотя и далека от своего завершения.

1. Сапожников И.В. Из истории изучения каменного века Северо-Западного Причерноморья // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. - К.: Наук. думка: 1987. - С. 36-41.
2. Сапожников И.В. Пам'яті Валентина Івановича Красковського // Археологія. -1992. - № 1. - С. 117-119.
3. Красковский В.И. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья: археологическая карта. К.: Наук. думка, 1978.
4. Красковский В.І., Кремер А.М. Михайлівська епіпалеолітична стоянка // МАСП. -1959. - Вип. 2. - С. 126-130.
5. Кремер А.М. Материалы разведок памятников каменного века на р.Сарате // ЗОАО. - 1960. - Т. 1. - С. 224-225.

¹ Аналогичные единичные трапеции были найдены в 1968 г. Л.Л. Зализняком на местонахождении Беляевка II (коллекция в ОАМ НАНУ) [51] и в 1973 г. С.А. Дворяниновым на пункте Белолесье-Следы [27.-Рис., 21]. Что касается местонахождения Кантемир, то автор уже писал о том, что его материалы не связаны с Михайловкой и датируются более ранним этапом позднего палеолита [52.-С.10].

² В то же время, В.А. Манько полагает, что в смешанной коллекции Михайловки есть отдельные изделия, которые вполне могут датироваться бореалом и даже началом атлантикума (рис. 5, 15-16 и др.; устное сообщение), однако объяснить, как они в нее попали, сейчас не представляется возможным.

6. Борисковский П.И., Красковский В.И. Памятники древнейшей человеческой культуры Северо-Западного Причерноморья. О.: Одес. кн. изд-во, 1961.
7. Красковский В.И. Разведки позднего палеолита и эпипалеолита в Одесской области // СА. - 1962. - № 1. - С. 257-262.
8. Красковский В.И., Кремер А.М. Стоянка Михайловка: фотографии, иллюстрации и материалы по стратиграфии к статье, вышедшей в 1959 г. О., 1957.- 5 фотографий, 3 рис. разрезов и 2 плана. // Фонды ОАМ НАНУ. - Инв. № 84160/4.
9. Станко В.Н. Мезолит Днестро-Дунайского междуречья // МАСП. - 1971. - Вып. 7. - С. 93-110.
10. Станко В.Н. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья: по материалам поселения Белолесья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.: Наук. думка, 1985. - С. 31-45.
11. Черниш О.П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. К.: Наук. думка, 1975.
12. Петрунь В.Ф. О геологической позиции и обработанном кремне мезолитической стоянки Белолесье // МАСП. - 1971. - Вып. 7. - С. 110-117.
13. Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР: карта местонахождений. К.: Наук. думка, 1985.
14. Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР: 1958-1970 гг. Л.: Наука, 1984.
15. Станко В.Н. Мезолит Северо-Западного Причерноморья. Автореф. канд. дис. - К.: ИИ АН УССР, 1967.
16. Даниленко В.Н. Неолит Украины. К.: Наук. думка, 1969.
17. Бибилова В.И. Фауна копытных из мезолитических поселений Северо-Западного Причерномор'я // 150 лет Одесскому археологическому музею. Тезисы докладов юбилейной конференции. К.: Наук. думка, 1975. - С. 24-25.
18. Бибилова В.И. Фауна из мезолитических поселений Белолесье и Гиржево (Нижнее Поднестровье) // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К.: Наук. думка, 1978. - С. 17-29.
19. Дворянинов С.А. Дневник палеолитического отряда Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР 1977 г. - 19 с. // Фонды ОАМ НАНУ. - Инв. № 89574/1. - 29 с.
20. Станко В.Н. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья // Первобытная археология: поиски и находки. К.: Наук. думка, 1980. - С. 5-21.
21. Бибилова В.И. Териофауна поселения Мирное // Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. К.: Наук. думка, 1982. - С. 139-164.
22. Бибилова В.И., Белан Н.Г. Тарпан эпохи мезолита Северного Причерноморья // Материалы каменного века на территории Украины. К.: Наук. думка, 1984. - С. 73-75.
23. Пашкевич Г.А. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене и его изменения под влиянием человека // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.: Наука, 1981. - С. 74-86.
24. Коробкова Г.Ф. Технология и функции орудий труда в условиях региональной адаптации: на примере верхнего палеолита-мезолита Северо-Западного Причерноморья // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Тезисы докладов советско-американского симпозиума. Л.: Наука, 1989. - С. 48-52.
25. Кизь Г.В. Экспериментальное изучение функций кремневых орудий мезолитической стоянки Белолесье // Актуальные прблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. - К., 1981. - С. 17-18.
26. Сапожникова Г.В., Сапожников И.В. Внесок Г.Ф. Коробкової у дослідження кам'яної доби України: до 70-річчя з дня народження // Кам'яна доба України. - 2004. - Вип. 6. - (друкується).

27. Дворянинов С.А. Предварительные итоги разведок памятников каменного века в Татарбунарском районе Одесской области // МАСП. - 1976. - Вып. 8. - С. 154-157.
28. Черняков И.Т., Добролюбский А.О., Дзиговский А.Н., Сапожников И.В., Чернов С.И., Агбунов М.В. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. О., 1983. / Архив ИА НАНУ. - № 82/76.
29. Сапожников И.В. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1990 г. - О., 1991. - 124 с. / Архив ИА НАНУ. - № 90/6.
30. Станко В.Н., Долуханов П.М., Сефериадес М., Смынтина Е.В., Пилипенко Г.П., Голобородова Е. Мезолит Южной Бессарабии // ЗІФ. - 1999. - Вип. 8. - С. 8-67.
31. Станко В.Н. Дневник мезолитического отряда ОГАМ 1965 г. // Фонды ОАМ НАНУ. - Инв. № 84160/1. - 16 с.
32. Сапожников И.В. Причерноморские степи в позднем палеолите: природно-хозяйственная и культурная специфика // Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. О.-С.Пб., 1995. - С. 149-176.
33. Сапожников И.В. Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины. К.: Шлях, 2003.
34. Сапожников И.В. Стоянка Чобручи и периодизация заключительного этапа позднего палеолита причерноморских степей // Stratum plus. - 2003. - № 1. - (в печати).
35. Станко В.Н. Эпоха мезоліту // Давня історія України. Т. І: Первісне суспільство. К.: Наук. думка, 1997. - С. 114-156.
36. Telegin D.J. Fragen der Chronologie und Periodisierung des Mesolithikums in der Ukraine // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. - 1980. - Band 14/15. - S. 315-322.
37. Телегін Д.Я. Мезолітичні пам'ятки України: IX-VI тисячоліття до н.е. К.: Наук. думка, 1982.
38. Телегін Д.Я. 1985. Мезолитическая эпоха // Археология Украинской ССР. Т. 1: Первобытная археология. К.: Наук. думка: 83-108.
39. Телегін Д.Я. 1989. Мезолит Юго-Запада СССР: Украина и Молдова // Мезолит СССР. М.: Наука: 106-124.
40. Дворянинов С.А. О типах древнейших трапецевидных микролитов на юге Украины // Орудия каменного века. К.: Наук. думка, 1978. - С. 32-35.
41. Залізняк Л. Передісторія України X-V тис. до н.е. К.: Бібл. українця, 1998.
42. Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. Проблемы раннего мезолита Северного Причерноморья // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции. Ч. I. Херсон, 1990. - С.25-26.
43. Яневич А.А. К проблеме западных генетических связей раннего мезолита горного Крыма // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов конференции. Ч. I. Херсон, 1990. - С. 27-28.
44. Коен В.Ю. Некоторые новые данные о культурно-историческом процессе в Азово-Черноморском регионе в X-XI тыс. до н.э. // СА. - 1992. - № 2. - С. 5-19.
45. Cohen V. The Population of South Russian Plain after the Maximum of the Second Pleniglacial // FQ. - 1999. - № 70. - P. 363-384.
46. Смынтина Е.В. Палеоэкологическое районирование степной Украины в эпоху раннего мезолита // Stratum plus. - 2000. - № 1. - С. 463-476.
47. Сминтина О.В. Зональність ранньопервісних культур: дослідження, факти, теорії. О.: Астропринт, 2001.
48. Горелик А.Ф. Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. К.-Луганск, 2001.
49. Герасименко Н.П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене: по материалам палеогеографического изучения археологических памятников // АА. - 1997. - № 6. - С. 3-64.

50. Бибииков С.Н., Станко В.Н., Коев В.Ю. Финальный палеолит и мезолит горного Крыма. О.: Весть, 1994.
51. Залізник Л.Л. До палеолітичної карти Нижнього Подністров'я // Археологія. - 1979. - Вип. 30. - С. 47-50.
52. Сапожников И.В. Картографирование памятников каменного века в степях Дунай-Днестровского междуречья // История и археология Нижнего Подунавья. Тезисы докладов семинара. Рени, 1989. - С. 10-11.
53. Djindjian F., Kozłowski J., Otte M. Le paléolithique supérieur en Europe. Paris: Armand Colin, 1999.
54. Сапожникова Г.В., Взаимоотношение культур и хозяйственных комплексов финального палеолита и мезолита Южного Побужья. - Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН ССР, 1986.
55. Сапожникова Г.В., О культурно-исторической и хозяйственной интерпретации Царинки // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов III-й конференции молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. - С. 132-133.
56. Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. О.-С.Пб., 1995.
57. Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. К.: Наук. думка, 1982.
58. Пашкевич Г.А. Палеоботаническая характеристика поселения Мирное // Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. К.: Наук. думка: 132-138. - 1982.
59. Бурдо Н.Б., Станко В.Н. Энеолитические находки на стоянке Мирное // Древности Северо-Западного Причерноморья. К.: Наук. думка, 1981. - С. 17-22.
60. Станко В.Н. Отчет о раскопках мезолитической стоянки Белолесье в Одесской области. О., 1978. - 7 с. / Архів ІА НАНУ. - Інв. № 1977/46.
61. Станко В.Н., Старкин А.В. Отчет о работе Причерноморской экспедиции ОГУ в 1991 г. О., 1992. - 71 с. / Архів ІА НАНУ. - Інв. № 1991/130.
62. Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья: проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука, 2002.

Sapozhnikov I.V.

THE MULTILAYERED SITE MIKHAILOVKA (BELOLES'E): SAME PROBLEMS OF STRATIGRAPHY AND DATINGS

SUMMARY

The article deals with stratigraphic analysis and dating of the Mikhailovka (Belolesie) site in the Danube-Dniester inter-river area, discovered by A.M. Kremer in 1957 and excavated by V.N. Stanko in 1965-1966, 1977 and T.N. Shvaiko in 1991. On the grounds of published and archive records the authors have established the geological-stratigraphic position of the 3 cultural layers. The earliest of them is situated in the upper part of late-prichernomorsky subhorizon, according to the scheme of M.F. Veklich (рѣз) and belongs to the end of the middle level of the latest period of the upper paleolithic of steppes zone (approximately from 15,0 until 13,3 thousand of years B.P.). The second (main) cultural layer is in the belling (about 13,3-12,3 thousand of years B.P.) or drias-II deposits (about 12,3-12,0 thousand of years B.P.), and upper layer – in the allered's deposits (about 12,0-10,8 thousand of years B.P.). Both upper layers belongs to the upper level of the latest period of the upper paleolithic (final paleolithic), and its stone industries may be defined as a final-epigravettic with geometric microliths, sinchronic with industries of the first and second phases of the Crimea's Shan-Koba's culture.

СТАРОДАВНІ «ФАЯНСИ» ЯК ІСТОРИЧНЕ ЯВИЩЕ У ПАМ'ЯТКАХ ЕПОХИ БРОНЗИ – ПОЧАТКУ ЗАЛІЗА НА ТЕРИТОРІЇ СХІДНОЇ ЄВРОПИ

(III – перша половина I тис. до н.е.)

Завдяки інтенсивним археологічним розкопкам, що проводилися в останні десятиліття на півдні Східної Європи, значно просунулося й вивчення старожитностей епохи бронзи – початку заліза. Серед знахідок, що зустрічаються в пам'ятках цього часу, певне місце займають й вироби із «фаянсу». Вони є надзвичайно інформативним джерелом для вивчення історії ремесел, економічних зв'язків та ідеологічних поглядів стародавнього населення регіону. Але у вітчизняних дослідженнях цій категорії артефактів приділяється мало уваги [1. – С. 78-91; 2. – С. 97-99].

Назву цього матеріалу досить часто супроводжує епітет «єгипетський». Обидва складники терміну є умовними. Назва «фаянс» походить від італійського міста Фаенца, де у XV-XVI вв. було налагоджено виготовлення особливого варіанту глазурованого матеріалу, основу якого складає **каолінова глина**. У стародавніх «фаянсів» немає керамічної основи, що визначає сутність сучасних фаянсів. Не зовсім правомірно стародавні «фаянси» мають і назву «єгипетських». Це непорозуміння виникло тому, що довгий час «фаянс», як і скло, вважалися винаходом єгиптян. В наш час доведено, що перші «фаянсові» вироби з'явилися у Північній Месопотамії ще у V тис. до н.е. Звідси вони вивозилися у інші країни Стародавнього Сходу, включаючи Єгипет. Власне виробництво «фаянсів» у долині Нілу налагодилося лише наприкінці IV тис. до н.е. У II тис. до н.е. «фаянсові» майстерні існували не тільки у Дворіччі та в Єгипті, але й в Егеїді, на Британських островах, в Середній Азії та в Індії. Висувалися гіпотези й про їх наявність у цей час на півдні Східної Європи [1. – С. 67; 3. – Р. 37-85; 4. – С. 254-256; 5. – С. 45, 357; 6. – С. 82-84; 7. – Р. 286-301; 8].¹

Як і інші артефакти, «фаянс» є одним із складників давнього **техноценозу**. В свою чергу, техноценоз входить до терміносистеми **технетики** – **науки про технічну форму існування матерії**. У більш вузькому розумінні технетика – це частина технічної реальності, котра як цільність включає техніку, що функціонує, технологію й матеріали, що використовуються, речі, що виготовляються й відходи виробництва [10; 11. – С. 6; 12. – С. 106]. Таким чином, термін послуговує для визначення широкого об'єкту дослідження. «Фаянс» розглядається і як матеріал, і як елемент виробничої діяльності, і як пам'ятка художньої та ідеологічної культури епохи. Як і інші археологічні джерела, «фаянс» досліджується на трьох рівнях. На першому рівні артефакти вивчаються існуючими в класичній археології методами: форма та її особливості, декор і його особливості, функція, хронологія й ареал подібних речей тощо. Другий рівень – це дослідження джерела методами природничих та технічних наук для розкриття техніки й технології виробу. На третьому рівні проводиться історико-узагальнюючий аналіз отриманої інформації на першому та другому рівнях. Це дозволяє дослідникові відслідкувати динаміку процесів в історії ремесел та культури, які безпосередньо в археологічному матеріалі не фіксуються [13-15].

Дату появи «фаянсів» у Східній Європі остаточно ще не визначено. Мабуть, вони з'явилися тут одночасно із скляними прикрасами, у пізньотрипільський час. Маємо на увазі намісто, що походить із кетрошицького кладу в Придністровській Молодові. Він відноситься до пам'яток *бринзенського типу*, синхронних ранньоусатівським (друга чверть – середина III тис., у межах другої половини IV тис. до н.е. різних варіантів «календарних» хронологій) [16. – С. 111-119; 17. – С. 115-116; 18. – С. 70-81].²

Скарб випадково знайдено у 1964 р. при земляних роботах на місці пізньотрипільського поселення. До його складу входили дві посудини культового

призначення. У меншій з них (Рис. 1) було 196 намистин, виготовлених із зубів оленя, а також 73 намистини із «білої пасти». Цікавим є висновок В.Ф. Петруня: «Матеріал бісеру – *штучного походження*, надзвичайно тонкозернистий, з непостійною оптичною характеристикою (показник заломлення змінюється від 1,570 до 1,610 навіть у сусідніх ділянках однієї і тієї ж намистини), що вказує на різну температуру спікання вихідної шихти, частково близької до *мулліту* (мінералу складу $3\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2 - \text{A.O.}$)» [19. – С. 84-87.]. В даному випадку ми, мабуть, маємо справу з «примітивним склом» А. Лукаса, або інакше фритованим склом. У IV-II тис. до н.е. вироби із подібного штучного матеріалу побутували у багатьох регіонах – на Близькому Сході, в Єгипті та на Кавказі. Ця знахідка перегукується з відкриттям «єгипетської сині» в одній із могил Усатова [4. – С. 705. Ан. № 5; 18. – С. 71; 20. – С. 98].

Вироби із власно «фаянсу» на теренах Східної Європи спорадично, або більш менш регулярно починають зустрічатися з пізньоямного часу. Одним з найбільш ранніх є пізньоямне пох. 10 кург. № 9 біля с. Верхньотарасівки, на півдні Дніпропетровської обл. [21. – С. 56-62.].

Висота кургану 4 м, діаметр 42 м. Першу насип зроблено над основним енеолітичним пох. 7; пох. 10 перекривалося третім насипом (рис. 2). Могильна яма мала прямокутну в плані форму й була орієнтована по довгій вісі південний захід – північний схід. Її розміри: 3,4 x 2,0 м. На глибині 0,1 м від рівня похованого чорнозему в ямі залишено уступ шириною 0,5-0,8 м. На ньому збереглися залишки дерев'яних плах й прошарок камки. Нижче уступу яма також мала прямокутні обриси розміром 1,9 x 1,0 м. Дно нижче уступа на 1,2 м. Похована – жінка років 30-40, лежала у скорченому стані на правому боці, головою на північний схід. *На шийних хребцях зафіксовано розвал «фаянсового» й скляного намиста, а також кістяних пронизок* (рис. 3).

Аналізоване поховання є одним з найбільш пізніших ямних могил кургану й безпосередньо передусє катакомбному часові. Про це ж свідчать й псевдовиті пронизки. Вони хоч зрідка й зустрічаються у ямних комплексах, але більш характерними є для катакомбного періоду, де побутують поряд з молоточкоподібними шпильками. Деякі дослідники вважають, що останні були сакральними речами, атрибутами служительниць культу [22. – С. 16; 23. – С. 4-57; 24. – С. 229].

«Фаянсове» намисто репрезентовано двома типами: 1) багатодольчаті прикраси довжиною до 1 см й діаметром до 0,3 см; 2) у вигляді «зірочок», діаметром до 0,3 см. Колір бірюзово-блакитний.

Багатодольчатє «фаянсове» намисто було широко розповсюдженє на Близькому Сході, в Єгипті, Середній Азії та в Європі й датується у широких межах. Так, в долині Нілу воно з'являється за часів VI династії (2423-2263 рр. до н.е.). М. Гімбутас стверджує, що на європейських теренах подібні прикраси відомі починаючи з XIX-XVIII ст. до н.е. й побутують на протязі всього бронзового віку. Рідше зустрічаються «зірочки». Вони є характерними для синхронних пам'яток Балкано-Дунайського регіону й Егейського світу [25. – Р. 45-46; 26. – С. 62-65. – Рис. 31].

Значно збільшується споживання «фаянсів» населенням Східної Європи в часи середньої й пізньої бронзи, а також на початкових етапах доби заліза. В цей час вироби із «фаянсу» зустрічаються у носіїв ККІС й КБК [1 (за даними В.В. Отрошенка, поховання біля с. Кампанійці відноситься до к.б.к.); 27. – С. 79. – Рис. 34,1, 37,7; 28. – С. 100; 29. – С. 99; 30. – С. 15; 31. – С. 65. – Рис. 69,6-7; 32. – С. 257; 33. – С. 278; 34. – С. 37-39; 35. – С. 67-72], середньодніпровської (Рис. 4), 4³ зрубної [37. – С. 108-111], білозерської,⁴ чорноліської [40. – С. 39. – Рис. 106, 5.],⁵ ранньоскіфської⁶ (Табл. 1) й інших [46. – С. 26. – Рис. 5,1,3-6, 8] культур. Тут в комплексах X-VIII ст. до н.е. знаходять «фаянсовий» бісер, біконічне й бочкоподібне намисто тощо. Якісно новий етап у розповсюдженні «фаянсів» на території, що досліджується, розпочався в античний час. Тоді значно розширюється не тільки асортимент прикрас, але й з'являються посуд, статуетки тощо. *Кінцевою датою побутування античних «фаянсів» у регіоні є II ст. н.е.* [9; 44; 47-48; 103].

Асортимент «фаянсових» виробів, що побутували на східноєвропейських теренах в епоху бронзи – напочатку раннього заліза, був вкрай обмеженим. Він репрезентований виключно прикрасами: намистом, пронизками та підвісками. *Знахідки посуду нам поки що невідомі*, хоч в Єгипті та на Близькому Сході, в цей час така категорія «фаянсових» виробів була досить буденним явищем.

Найбільшим розмаїттям вирізняються прикраси ККІС-КБК-ранньозрубного часу. Типовим, наприклад, є набір намиста із жіночого поховання 11 кург. № 5 біля с. Соколово у Новомосковському р-ні на Дніпропетровщині. Поховання впускне. Яма прямокутної форми (1,52 x 0,95 x 0,3 м); орієнтована по довгій вісі С-З. Могили перекривали 7 плах, що лежали поперек. На дні – залишки постилки із кори. Доросла жінка на правому боці, з підігнутими ногами. Права рука зігнута, кисть під підбородком, кисть лівої руки покладено на лікоть правої руки. *На поховану надіте монисто, із «фаянсових» прикрас. Їх знахідки концентрувалися у районі черепа та грудної клітки* (Рис. 5) [50. – С. 91. – Рис. 2,5].

В цей час побутували короткоциліндричний бісер, намисто біконічної й бочкоподібної форм, дворожкові прикраси багатодольчаті й циліндричні пронизки, іноді з випуклинками на зовнішній поверхні тощо. Із індивідуальних знахідок слід відзначити підвіску (Рис. 6,4) із катакомбного комплексу «інгульського типу» 2/17 біля с. Новорозалівки на півночі Миколаївської обл.⁷

Надзвичайно цікавими є знахідки в катакомбних похованнях «фаянсових» скарабеїв. Нам відомі два таких випадка. Один скарабей походить із поховання біля с. Вороб'ївки під Курськом [25. – Р. 45-46]. Другий – із курганного поховання 8 біля с. Вознесенка в Мелітопольському р-ні Запорізької обл. [51. – С. 308; – С. 64-65. – Рис. 1,6.]. Повідомлення

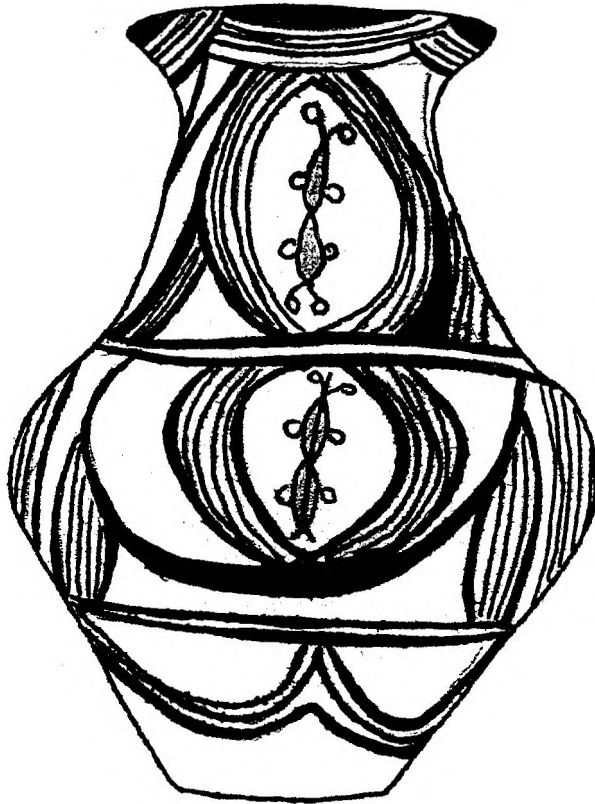

Рис. 1. Розписна амфора з кладом прикрас із пізньотрипільського поселення Кетрошика в Молдові (за Г.П. Сергеевим)

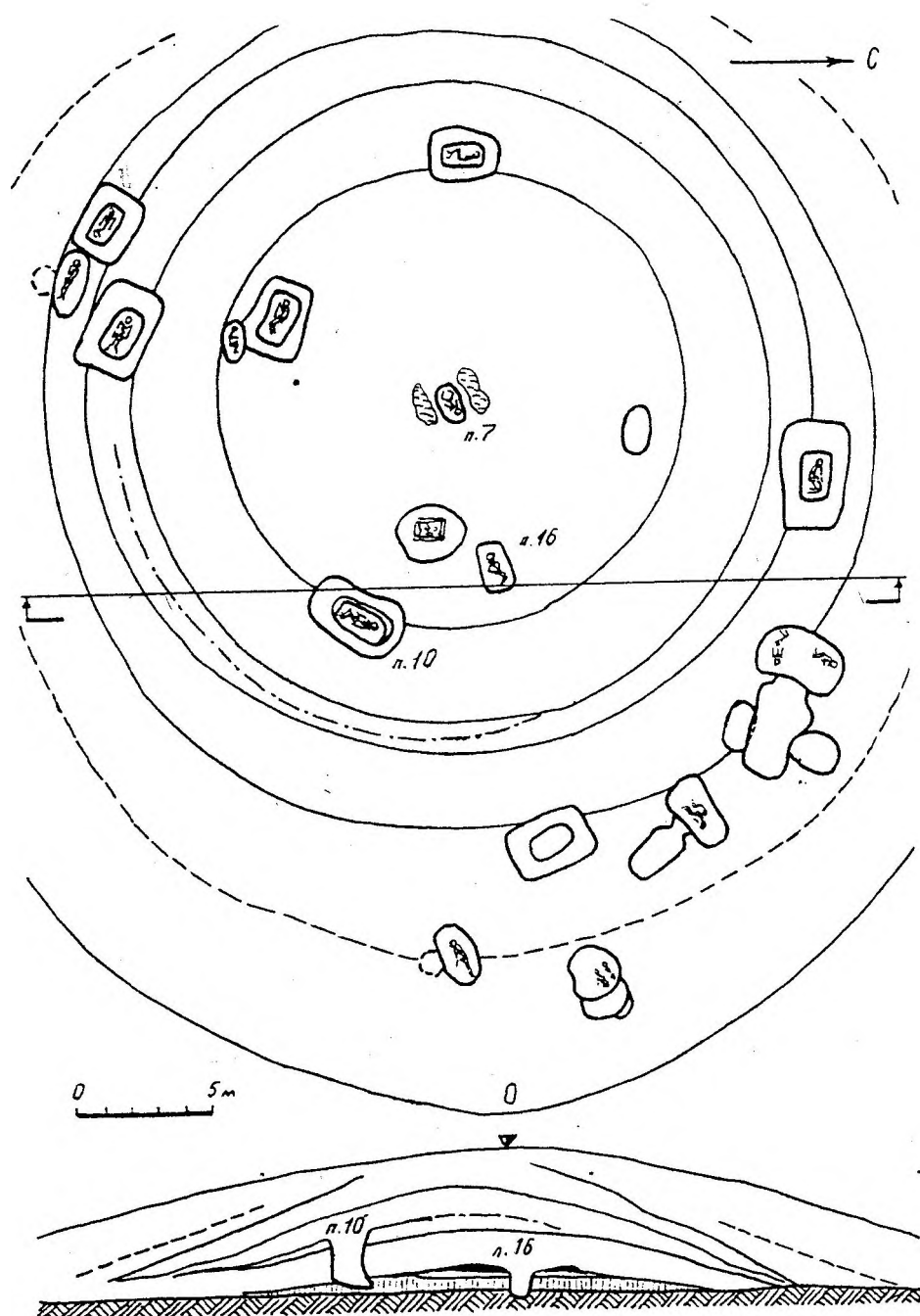

Рис. 2. План і розріз кург. 9 біля с. Верхньотарасівки й стратиграфія пох. 10.

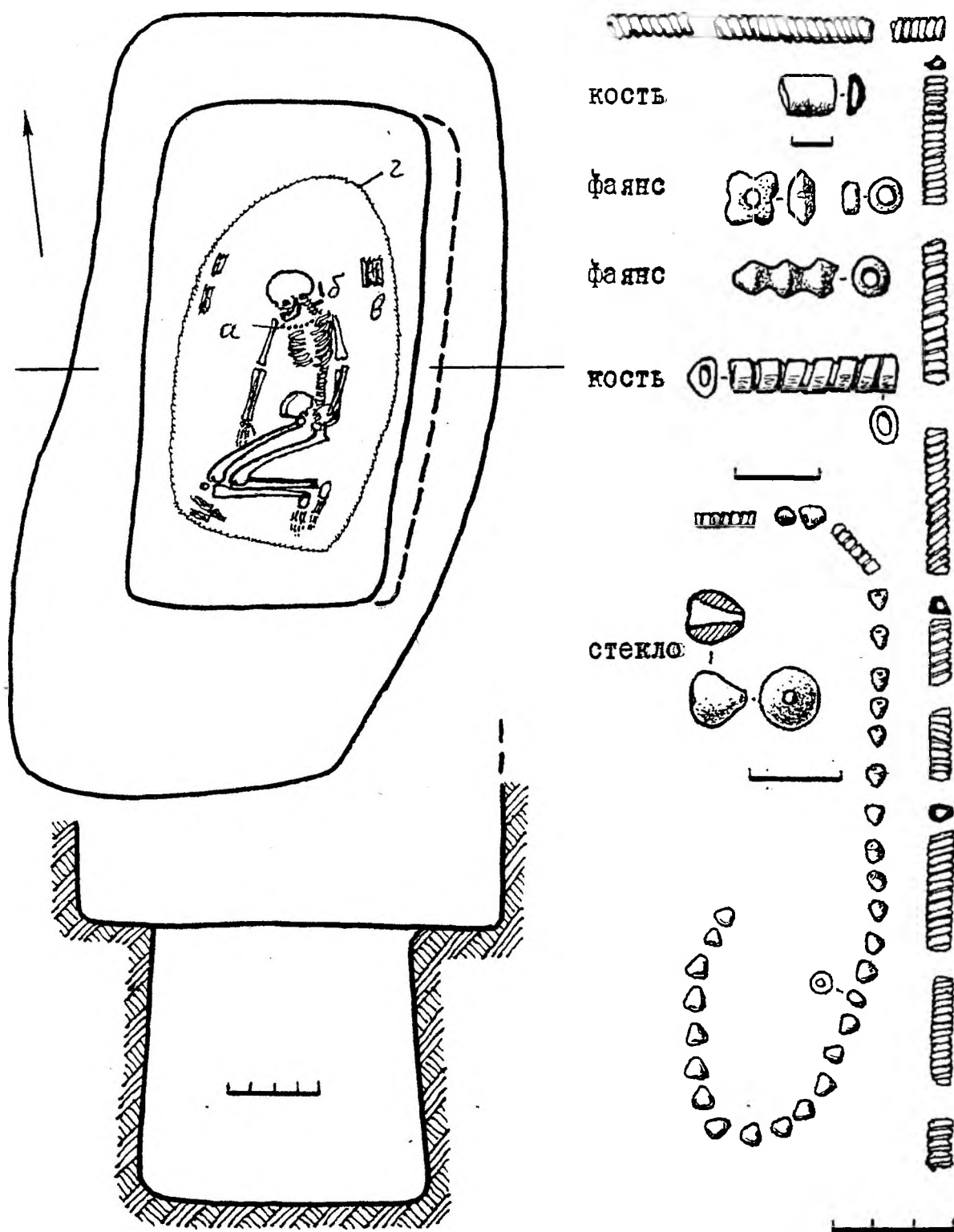

Рис. 3. Пізньоямне поховання 10/9 біля с. Верхньотарасівки й знахідки з нього:
 1 – «фаянсове» й скляне намисто; б – пронизки; в – дерево; г – контури підстилки

про знахідки «фаянсових» скарабеїв в катакомбних комплексах викликали сумнів. Але після розгорнутої публікації Молочанського кургану й ознайомленням з умовами знахідки (форма й колір скарабея і відсутність в кургані впускних сарматських поховань), застереження що до аутентичності цього артефакту, у нас зникли.

Зупинимось детальніше на опису умов знахідки амулета у Вознесенці (рис. 7). Впускне поховання 8 знаходилося у східній частині невисокого (1,2 м) кургану. Вхідна яма мала округлу у плані форму діаметром 1,1 й глибину 1,4 м. За допомогою двох сходинок й короткого дромосу, вона з'єднувалася з поховальною камерою напівовальної форми й розмірами 1,8 x 1,2 м x 0,9 м. Кістяк лежав у випростаному стані, головою на схід.

*Скарабей знайдено у заповненні вхідної ями на глибині 0,3 м. Розміри: довжина 1,8 см; ширина 1,2 см; висота 0,7 см. Жук простої конструкції: з плоскою основою, виокремленою голівкою й спинкою, розчленованою на два крила. Лапки ледь виділено. Циліндричний отвір для підвішування - вздовж тулуба. З огляду на не досить досконалий малюнок, можна гадати, що на внутрішньому боці амулета є якась повздовжня хвиляста заглиблена лінія (змія ?). Зовні скарабей покрито *коричневим шаром* (глазурі ?). На жаль, автор не вказує колір й фактуру основи, що могло б дати додаткові матеріали для датування.*

Скарабеї подібної форми в Єгипті та суміжних з ним регіонах, побутували з IV тис. до н.е. до римського часу включно. Як вважав В.М.Ф. Пітрі, червоний фаянс (**варіант С**) від цеглянисто-червоного до каштанового кольору є більш характерним для ранніх часів, особливо, для епохи Ехнатона. На думку А. Лукаса, для виготовлення подібної суміші, до перетертого кварцу й соди, додавали вохру. Досить часто основа також має червонуватий віддітинок. Це трапляється тому, що під час обпалу до поверхні підтягуються не усі з'єднання барвника [4. – С. 263-264; 44. – С. 24, 41-43. – Табл. 9-11; 53. – Р. XXVIII; 54. – Р. 23. – Табл. VII, 89].

Не виключено, що скарабей має не єгипетське, а близькосхідне походження. На користь цього припущення свідчить той факт, що в епоху бронзи – початку заліза центри виробництва скляних імітацій червоного каміння – так званих «печінок», зосереджувалися не в Єгипті, а у Дворіччі. В цей час «печінка» вивозилася у різні кінці стародавнього світу, в тому числі і до Єгипету, не тільки у вигляді готової продукції, але і у якості напівфабрикатів [136. – С. 62; 137-138]

Виникнення цього варіанту «фаянсу» було пов'язане з ідеологічними уявленнями. Стародавні ремісники додавали до розплавленої міді мінерали червоного кольору – ауріпігмент (As_4S_4), реальгар (As_2S_3) й інші подібні мінерали, з метою чарівництва [130. – С. 153]. В Європі та в деяких інших місцях стародавнього світу, таким мінералом була **червона вохра**. Давні люди намазували вохристими фарбами тіла померлих, шматочки цієї речовини клади до могил, а вусатівці додавали цей мінерал до тіста глини, із якого виготовлялися ритуальні статуетки [17. – С. 103].

Червоний колір у первісних народів був символом вогню, життя, відродження. В індоєвропейських мовах він має єдиний корінь: санскрит. **raudhira**, лат. **ruber**, готск. **rauds**, ірланд. **ruad**, фр. **rouge**, англ. **red**, нім. **rot**, церковносл. **ръдр**. Цікавою є ще одна лінгвістична паралель. Термін «**мідь-руда**», близький за вимовою у багатьох індоєвропейських мовах, має близькосхідне походження, від протошумер. «**urud**» [131. – С.178; 132. – С. 25; 133. – С. 85-86]. Слово «**красный**» у російській мові з'явилося у XVI ст. Етимологи з'ясували, що воно споріднене із давньослав'янським **кръсь** – **полум'я, вогонь**. В свою чергу, Ф.І. Буслаєв, дослідивши слово **крес**, прийшов до висновку, що воно походить від санскритського кореня **kr-**, який означає найбільш твердий камінь, який здатний висікати вогонь. На думку цього вченого, місяць вогню й світла небесного, а також відповідне їм свято у східних слов'ян також мали назву крес. «... И доселе употребляются слова кресиво и крес, как остатки древнего быта и верования: кресиво в значении огнива, а крес – жизни и здоровья...». До подібних висновків незалежно від Ф.І. Буслаєва, прийшли О. Гільфердинг та О.О. Потебня. Останній надійно встановив зв'язок слів крес, красота, вогонь, світло, душа, життя, воскреснути [134. – С. 29; 135. – С. 111-120].

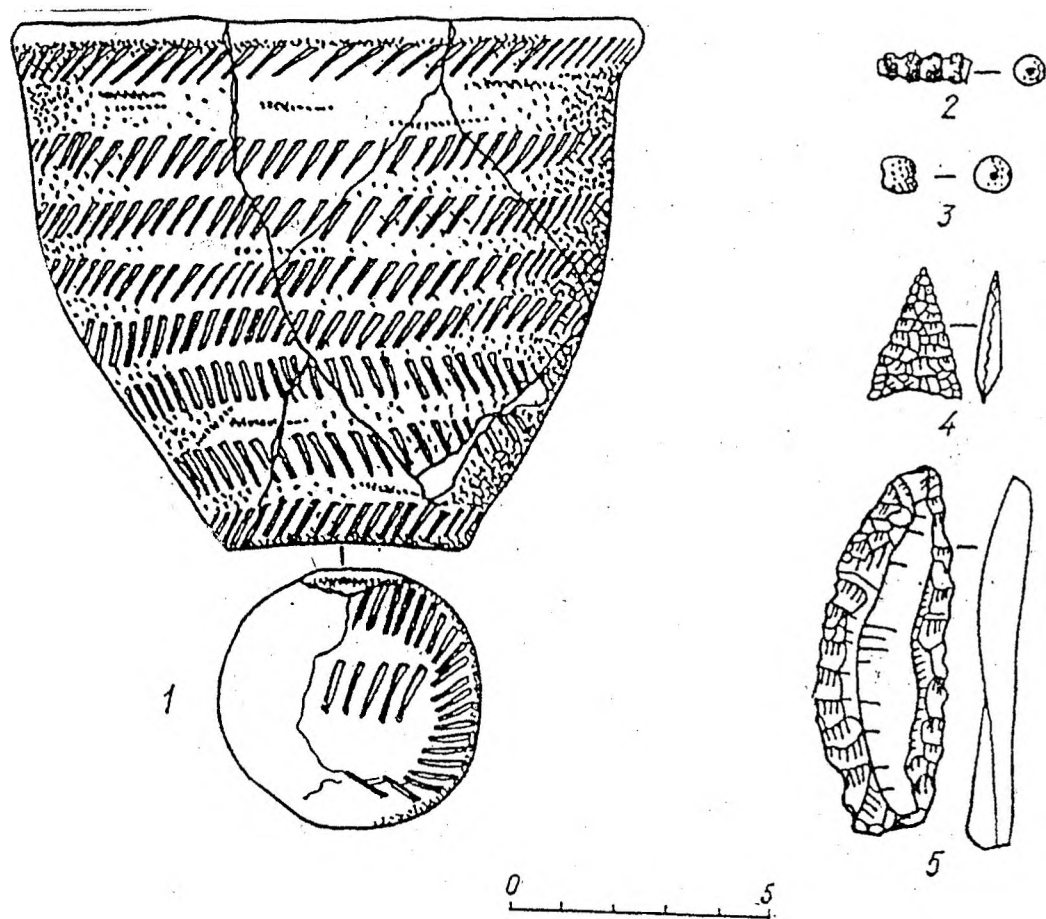

Рис. 4. Інвентар із поховання 40 могильника середньодніпровської культури Стреліца: 1) глиняний горщик; 2 – «фаянсова» чотирьохдільна намістина; 3) округла скляна намістина; 4) крем'яний наконечник стріли; 5) крем'яний ніж.

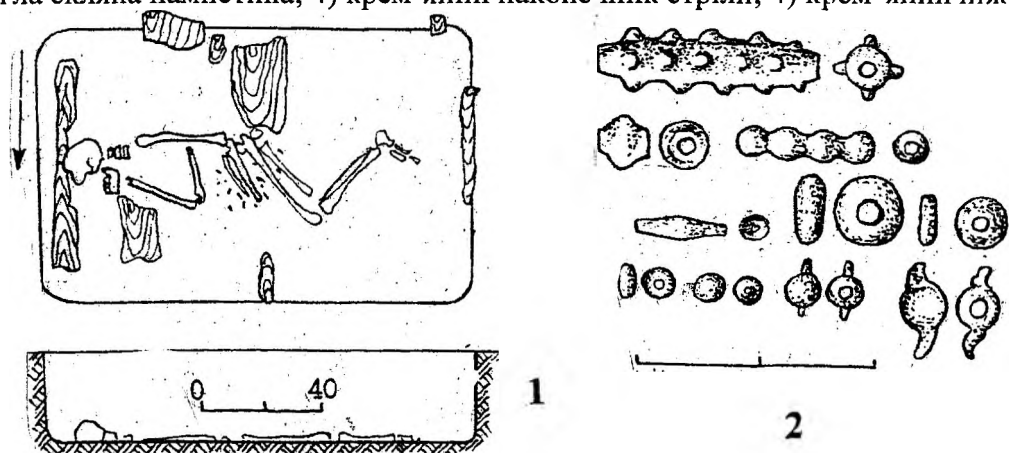

Рис. 5. Жіноче поховання з набром «фаянсового» намиста із поховання 11/5 к.б.к. біля с. Соколово на Дніпропетровщині: 1) план і розріз поховання; 2) набір намиста (за Н.В. Чернявською).

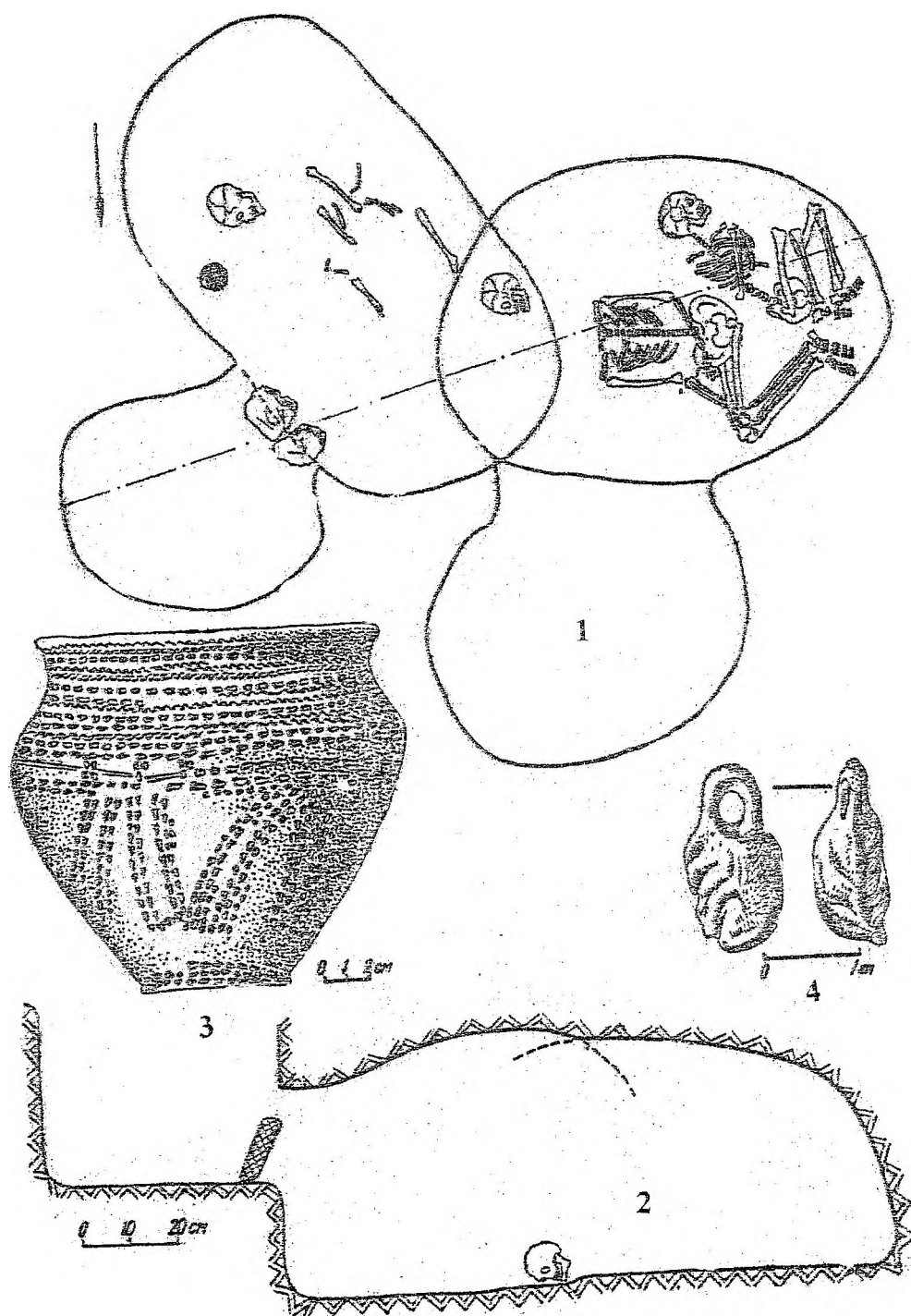

Рис. 6. Катакомбний комплекс з фаянсовою підвіскою 2/17 біля с. Новорозанівки
(за О.Г. Шапошниковой й Г.П. Ребедайло)

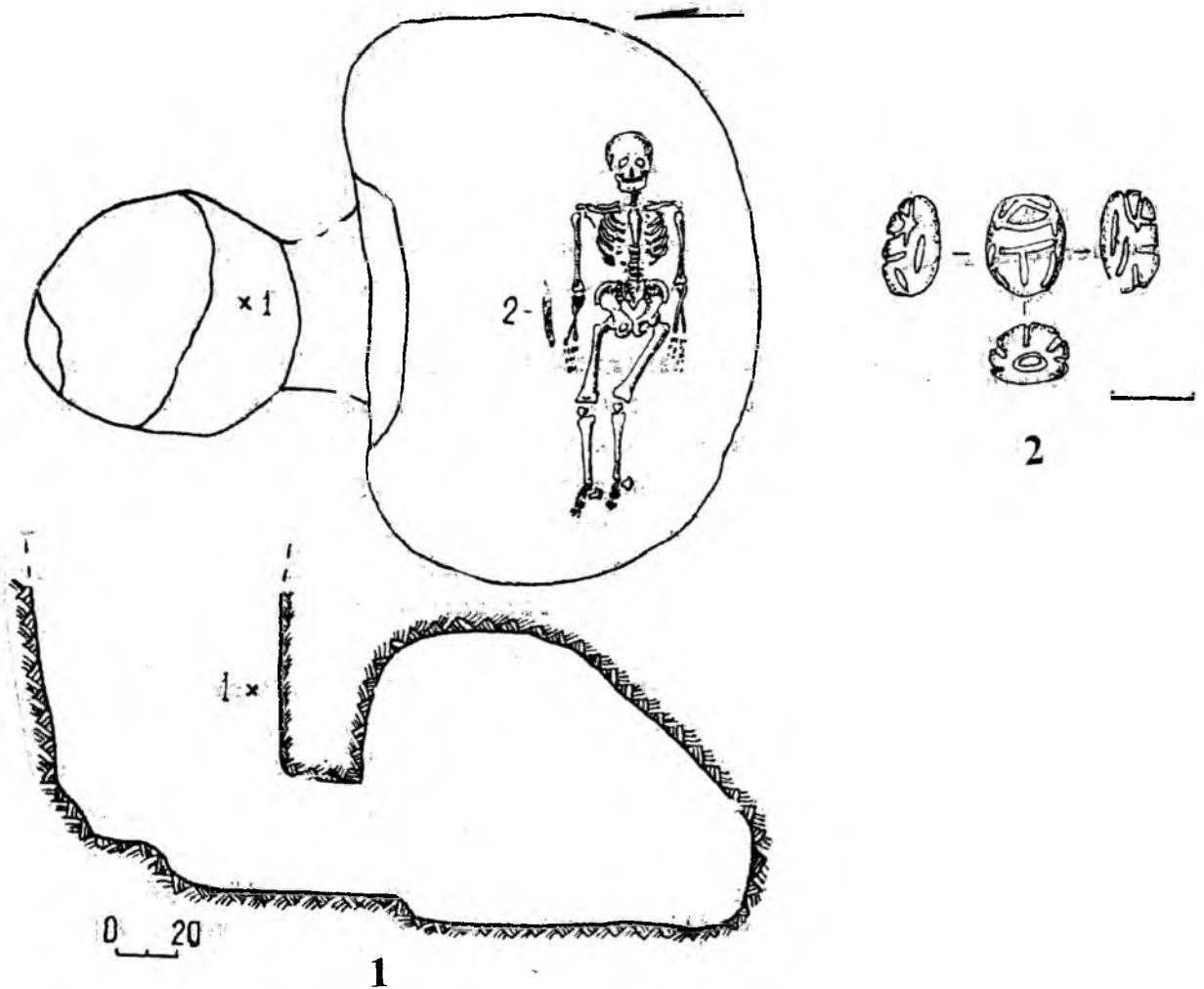

Рис. 7. Катакомбне поховання зі скарабеем на р. Молочній (за Б.Д. Михайловим)

Цікавим є питання про причини попадання такої, здавалось би специфічно єгипетської прикраси, як скарабей, до катакомбної могили. Знахідка її в засипці вхідної ями свідчить про те, що скарабей було використано у якості **поховального амулету**. За В.М.Ф. Пітрі, подібні **апотропеї** [гр. *Ἀποτρόπαιος* – той, хто захищає від нещастя] мали гарантувати відродження після смерті, були охоронцями й захисниками померлих від злих демонів в потойбічному світі. Але чи мало якесь сакральне значення зображення жука у катакомбного населення?

В долині Нілу скарабеї були амулетами універсальної дії. Сам термін скарабей (*scarabaeus*) має латинське походження і в зоології означає рід жуків, самиці яких відкладають яйця у попередньо скатані кульки з гною. Давньоєгипетська назва комахи **hpr** – **Хепрі**. Це було найдавніше **солярне й хтонічне** божество, що мало самостійні функції. Амулети із зображенням скарабея мали супроводжувати покійника в потойбічному світі, про що свідчать розділи 7 та 90-й «Книги померлих». **«Ця комаха у всі часи історії Єгипта відігравала надзвичайно велику роль в релігії та міфології; вона була втіленням життя, самовідродження»** [55. - С. 24]. Із Єгипту амулети із зображенням жуків розповсюдилися по всьому стародавньому світу. Особливо характерним це явище було для античної доби. В цей час скарабеї побутують в Середземномор'ї та на Близькому Сході, але й на Середньому та Далекому Сході [56. – С. 61].

З приводу побутування амулетів єгипетського типу у Східній Європі, існують різні погляди. Б.Б. Піотровський та В.Б. Виноградов вважали, що амулети із зображеннями єгипетських богів, попадаючи в інше культурне середовище, губили свій первинний зміст й набували значення звичайних апотропіїв. На думку М.О. Коростовцева та М.М. Кобиліної, Чорноморське узбережжя було частиною античного світу, у якому релігійні погляди єгиптян були надзвичайно популярними, як і речі єгипетського культу. Л.К. Коровіна, проаналізувавши матеріали Боспору, прийшла до висновку, що єгипетські амулети клали до могил лише тих дітей, рідні яких поклонялися єгипетським богам. Не виключають можливості розповсюдження єгипетських вірувань на північних берегах Чорного моря М.О. Романовська та В.М. Корпусова. При цьому, В.М. Корпусова вважає, що подібні амулети в контексті поховального обряду мали полісемантичне значення [47- 48; 57. – С. 28, 30; 58. – С. 39; 59. – С. 111; 60. – С. 82].

На нашу думку, найбільш вдалою й близькою до «катакомбної» ситуації, є інтерпретація А.В. Едаковим знахідок скарабей у скіфських могилах. Як вважає цей дослідник, єгипетські скарабеї у контексті арійського поховального обряду, втілювали зовсім іншу, але не ворожу арійській релігії, космогонію та міфологію. Для арія скарабей також був хтонічним символом світового значення, близьким до символу створення світу [61. – С. 7-8].

При спробах історико-культурної інтерпретації знахідок виробів із «фаянсу», потрібно враховувати той факт, що в той час населення степів Східної Європи знаходилося ще на стадії родо-племінного укладу, в якому панувала традиційна культура. Така культура є стабільною, вона створюється колективно й відбиває досвід багатьох попередніх поколінь. В подібних культурах речі були «фокусом, видимим зосередженням різних більш або менш абстрагованих істин» [62. – С. 3; 63].

Населення краю використовувало «фаянсові» прикраси як у низках намисто,⁸ так і у якості самостійних поодиноких амулетів. У традиційних суспільствах *есе* намисто мало сакральне призначення. Його дія була універсальною й визначалася за принципом: сакральність форми, матеріалу та кольору.

Всі речі, що мали форму кільця (намисто, перстні, каблучки, браслети, або навіть нитки, накручені навколо будь-якої частини тіла тощо) мали магічні властивості [67. – С. 235-236; 68. – С. 233-235; 69. – С. 18-19; 70. – С. 42].

В традиційних суспільствах носіями інформації, символами, були не тільки речі і їх форма, але й **колір**. Предмети матеріальної культури, що розглядаються поза кольором, не можуть бути сприйнятими у всій повноті та виразності, тільки з урахуванням кольору можна більш повно зрозуміти їх семантику. У свідомості архаїчних колективів «достатньо експліцитно співвідносяться сторони світу, боги й тварини, пори року, стихії, частини тіла, **колір**, інколи геометричні форми, деякі географічні терміни, соціальні ранги, спеціальні атрибути... Тому близькі поняття можна передати у кодї «геометричному», «календарному», «кольоровому», «анатомічному» тощо» [63. – С. 157-162; 71. – С. 233, 236].

Кольорова гама «фаянсів» у нашій вибірці обмежена. Кольори репрезентовано бірюзово-блакитним, зеленим, й коричнево-червоним. Наявність серед східноєвропейських знахідок артефактів саме цих кольорів, є досить показовою. Вона спростовує розповсюджену думку про те, що первісні люди, особливо в периферійних зонах, мали недостатньо розвинутий кольоровий зір, не відрізняли синього, блакитного, бірюзового та зеленого частин спектру [72-74]. Дослідження показали, що у вищих приматів й первісної людини кольорове сприйняття не відрізняється від сприйняття кольорів у сучасної людини. Причину цього явища, мабуть, треба шукати в іншому. Серед природних мінералів досить рідко зустрічаються сині, блакитні, бірюзові й зелені матеріали, які можна було б використовувати у якості барвників. Навпаки, джерела білої (крейда), чорної (сажа, вугілля тощо), червоної й жовтої (вохра), були значно доступнішими.

Кольори асиціювалися з певними металами та самоцвітами, які вважалися носіями тих же якостей: блакитний та зелений - з лазуритом і бірюзою, червоний - з гематіоном, рубіном, коралами, міддю; білий - з перлами, сріблом, жовтий - з золотом, бурштином, сердоліком тощо [75; 76. - С. 217-218; 77. - С. 29-30; 78. - С. 102-103; 79. - С. 45; 80; 81. - С. 116-117].

У системі сакральних цінностей традиційних суспільств надзвичайно велику роль відігравали самоцвіти. Давні народи вірили в їх особливі властивості, які могли проявити себе у всіх царинах людської діяльності й певним чином вплинути на долю та характер людини. З цього питання існує безмежна література [деякі найбільш доступні видання: 76. - С. 210-217; 82-87].

У тому разі, коли відчувався дефіцит натуральних самоцвітів, то використовувалися їх штучні замінники - кольорове скло й «фаянси». Надзвичайно раннє налагодження виробництва «фаянсів» й скла було спрямоване якраз на ліквідацію цього дефіциту. Найчастіше ремісники імітували бірюзу та лазурит. Бірюзовий й зелений кольори у більшості традиційних культур були символом воскресіння після смерті. Недарма зеленими фарбами написано знамениті Тексти Пірамід. Все зелене самоцвітне каміння у Месопотамії мало назву «*iashpu*», в Давній Греції «*ῥασπίς*» - «вилікову»». З нього виготовляли філактерії - амулети, спрямовані проти демонів - носіїв хвороб [87. - С. 183-185; 88. - С. 37; 89].

Одним із найбільш популярних каменів зелено-блакитного кольору у стародавніх народів була бірюза. Пліній Старший повідомляє грецьку назву бірюзи - *καλλαίτης*: «Колір має блідо-зелений. Народжується за Індією, у мешканців Кавказьких гір, у саків та дагасів... Найкращі її зразки гублять свій колір від масла... й міцного вина...». Каллаїт почали називати бірюзою з XIII ст. Слово виводять із персидського «*фирузе*» - «перемога», або ж із назви країни, де добували цей камінь - Персії. Є й інші назви самоцвіту, наприклад, «*туркис*», хоч на території Туреччини покладів бірюзи немає. Ця назва виникла тому, що починаючи з XIV ст., до Західної Європи бірюзу завозили головним чином турецькі торгівці.

Бірюзі приписували багато надприродних властивостей. Їх досить повний опис, наприклад, є у середньовічній східній книзі «Скарбниця ліків»: «Носіння її [бірюзи] укріплює серце, гонить страх, подає перемогу над ворогом, попереджує від затоплення й ударів блискавки. Бірюза захищає від змій та скорпіонів. Якщо бірюзу перемішати зі стибієм й намазати цією сумішшю вії, то для очей буває велика користь. Оглядання бірюзи зранку сприяє збереженню зору й збільшенню його сили. Якщо маючи при собі бірюзу, побачити новий місяць, то це є знаменням щастя й благополуччя у наступному місяці». Нізамі повідомляв, що бірюза була каменем закоханих й використовувалася для прикрашання весільного одягу. Самоцвіт гостро реагував на невірність одного із них. Бірюзою прикрашали вуздечні набори коней. Це мало зробити їх сильними й вірними [74. - С. 283 сл.; 86. - С. 183-185; 90. - С. 35-36].

Не менш популярними були самоцвіти блакитного й синього кольорів. Найбільш відомими були лазурит, сапфір та аквамарин, між якими у стародавні часи чіткої градації не було. Усі самоцвіти синього кольору у Єгипті визначалися словом «*Chesbet*». Дослідники вважають, що воно має вавилонське походження. У Греції та в Римі таке каміння мало назву сапфір [гр. *σαπφύρες* - блакитний камінь]. Деякі дослідники виводять слово із вавилонського «*sirgu*» - «той, хто царпає». Інші вбачають у ньому семітський корінь. У сучасній гемологічній літературі під сапфром розуміють синій прозорий корунд.

Відомий знавець дорогоцінного каміння архієпископ Марборд Реннський [1035-1123], дав таку характеристику «сапфіру»: «Цей камінь має велике значення як для чоловіків, так і жінок - він надає силу немичному тілу, відновлює зморені члени й робить їх знову здоровими. Він звільняє людину від заздрощів й підступності. Він звільняє людину із темниці. Той, хто носить його, ніколи й нічого не буде боятися».

Найбільш розповсюдженим в епоху бронзи був **лазурит**, або інакше **лапис-лазур**. «Лазурит» – це середньовічна латинізована форма від арабського «азул» – «небо, блакить». В комплексах Близького Сходу вироби із лапис-лазурі зустрічається з IV тис. до н.е. Лазурит був предметом торгівлі, вважався одним із найбільш цінних самоцвітів й був мірилом цінності. У напису часів XVIII династії читаємо: «... Цар подарував храму Амона у Фівах поля й сади..., золото, срібло й *лазурит* у великій кількості». Із лапис-лазурі виготовлялися фігурки богині істини Маат, яку носили верховні судді Єгипту. За біблійською легендою, «закони Моїсея» також було вирізано на дошках із лазуриту. Великий синій камінь прикрашав корону Клеопатри: «Цей камінь... присвячено Афродіті, колір його – колір неба, із золотавими прожилками, завдяки чому його називають хризосапфіром – золотавим сапфіром» [76. – С. 268; 77. – С. 30; 90. – С. 81-82; 91. – С. 467 сл.].

«Фаянси» варіанту С імітували каміння червоного кольору. Одним із найбільш популярних був **гематіон**. Його поршок має червонуватий відтінок, звідкіль пішла й назва мінералу *μαρνάτινος* – «**кривавий**». Євріпід повідомляє, що мінерал отримав свою назву за іменем гори Магnezія у Малій Азії. За версією ж Плінія Старшого, камінь названо за іменем легендарного пастуха Магнуса. На горі Іда він знайшов камінь, який притягнув до себе залізний наконечник його гирлиги й цвяхи сандалій. За Феофрастом, гематіон – це закам'яніла кров. Індійці називали його «**humbaks**» – той, хто цілує. На Русі гематіон називали «**кривавиком**».

Цей камінь наділявся багатьма багатьма апотропеїчними властивостями. В трактатах повідомляється, що «магнатисом» діставали з ран залізні наконечники стріл. Лікувальні властивості кровавика описував у трактаті про самоцвіти Азшалиас Вавілонський. Цей трактат було спеціально написано для Митридата VI Євпатора (132-63 до н.е.) – великого знавця й цінителя самоцвітів. Гематіону, як і кожному каменю червоного кольору, приписувалася властивість зупиняти кровотечу тощо [87. – С. 99-105; 178-179].

Намисто мало і певне естетичне навантаження, але його роль по відношенню до першої функції завжди була вторинною [64. – С. 37-40]. Ця «вторинність» зовсім не означає, що естетичні уподобання були зовсім поза увагою давніх мешканців Східної Європи, але ці уподобання були упідпорядковані головній меті. Більш чи менш широке використання «фаянсового» й скляного намиста, дозволяє порівнювати східноєвропейські культури епохи бронзи з синхронними культурами Середземномор'я і Близького Сходу, де побутування подібного намиста розглядається як *прикмета особливого історико-культурного явища* [65. – Р. 190 ff; 66. – Р. 9-16].

Крім сакральної, «фаянси» мали свою споживацьку й суспільну вартість [92. – С. 17-18]. В стародавніх суспільствах цінність цього матеріалу прирівнювалась до цінності скла [порівняй: 93. – Р. 134, 151; 94. – С. 187-188], самоцвітів, золота та срібла. На Близькому Сході і в Єгипті ним платили податки (див. далі). Вироби із «фаянсу» використовувалися у якості засобів накопичення багатств і входили до складу скарбів. На теренах Східної Європи найбільш раннім є Кетрошикський клад. У межах визначеного нами хронологічного періоду, його завершує Суботівський клад. Цю традицію було продовжено і в скіфо-античну епоху [95. – С. 363-369].

Специфіку споживання «фаянсів» населенням Східної Європи в епоху бронзи – напочатку заліза, можна визначити наступним чином:

Розповсюдженість	Система цінностей	Царина культури	
		Духовна	матеріальна
Спорадична	Цінність	сакральна	дорогоцінність

Намальована картина відповідає найбільш раннім етапам споживання «фаянсів» і скла й є характерною для досить архаїчних суспільств.

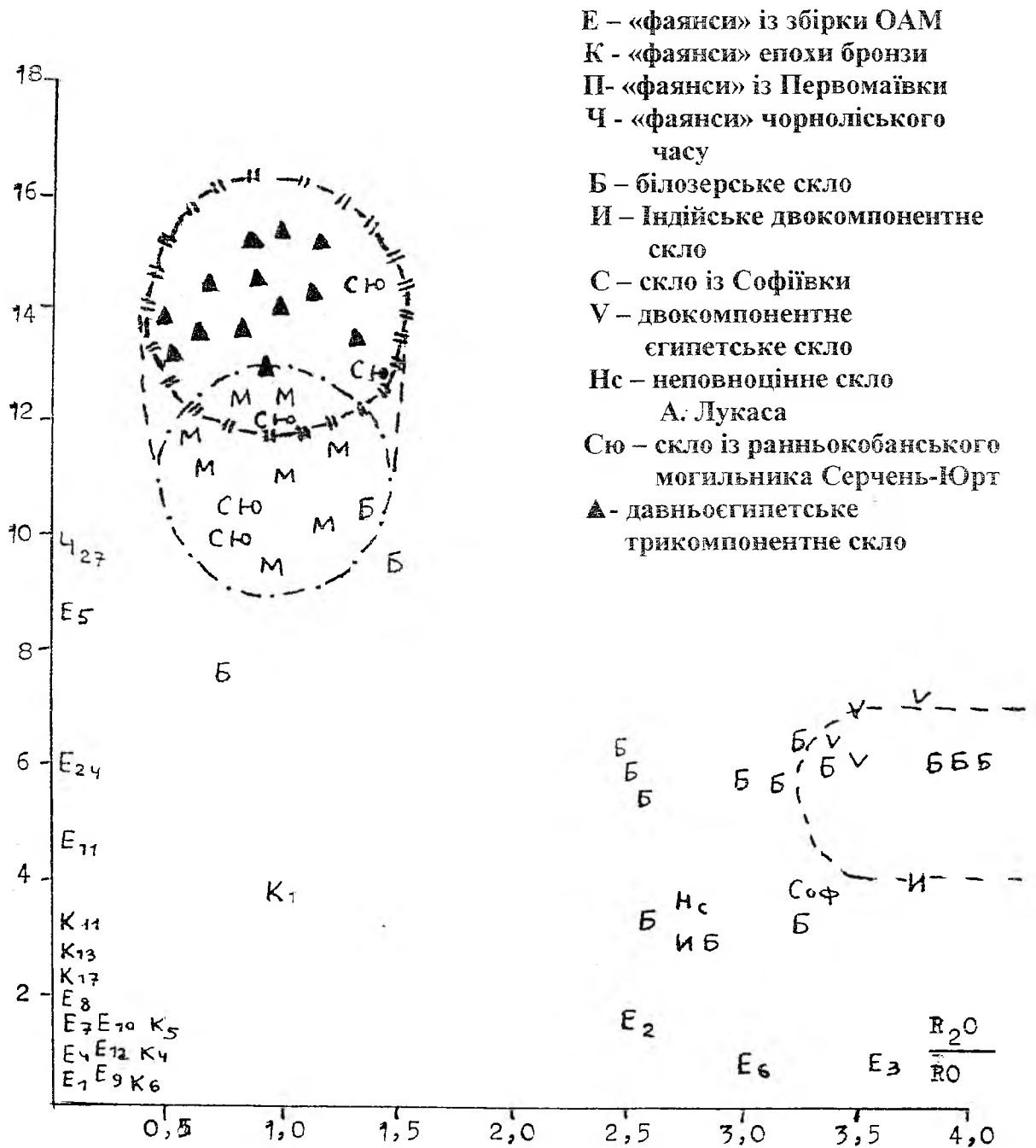

Рис. 8. Кількісно-якісна характеристика «фаянсів» й найдавнішого скла.

Цікаві висновки випливають із спостереження за ареалом розповсюдження знахідок «фаянсових» прикрас.⁹ Подібні вироби майже невідомі у Буго-Дністровсько-Дунайському межиріччі. Їх кількість значно зростає в комплексах на схід від Дніпра. Особливо багато намиста зустрічається в пам'ятках Донбасу, Подоння та Північного Кавказу. Це дозволяє висловити припущення, що майстерні знаходилися у східному ареалі культур бронзового віку, або ж на Кавказі, або ж ці вироби поступали по караванним торговим шляхам із Закавказзя, Месопотамії, чи навіть Єгипту. Не можна виключати і прямих зв'язків Єгипту з Північним Надчорномор'ям. Про це, наприклад, можуть свідчити знахідки у давньоєгипетському св'ятилищі на березі Червоного моря. Як свідчать написи, св'ятилище було споруджене на честь плавання на Понт єгипетських мореходів. Ця видатна подія відбулася за часів правління фараона Сестетріса I (1971-1927 рр. до н.е.) [52. - С. 65; 96. - Р. 283].

Значна кількість інформації зосереджується у глибинах археологічних джерел. *Властивість матеріалів зберігати у своєму складі інформацію*, В.О. Галібін назвав їх *ерудицією* [97. - С. 11, 95]. Хімічний склад «фаянсів» містить в собі інформацію про рівень і специфіку «фаянсового» виробництва в окремі історичні періоди й в окремих країнах. Він вивчається спеціальними дисциплінами й має власні основи інтерпретації, в контексті яких, хімічнісклади речовин розглядається як своєрідні тексти що складаються й розвиваються у царині діяльності виробництв. Але спираючись виключно на дані про хімічний склад, можна зробити лише технологічні та геохімічні спостереження. Тому таку інформацію потрібно розглядати на широкому історико-культурному фоні. Негуманітарне за своїм характером знання необхідно переводити до системи історичних координат. «Тільки в історичному аспекті можна оцінити значення тих технологічних відкриттів, які у сучасному виробництві звичайні або ж відіграють роль скромну роль «приватних» випадків» [97. - С. 60; 98; 98. - С. 2-3].

Основи інтерпретації хімічного складу «фаянсів» були закладені А. Лукасом. Автор прийшов до висновку, що «єгипетські фаянси» - це не що інше, як «неповноцінне» скло... Він зробив спробу обґрунтувати виникнення «єгипетського» варіанту склярства по лінії розвитку звичайних «фаянсів» (тип F) через склоподібний «фаянс» (Тип E) до скла. На думку дослідника, відмінності між склом й «фаянсом» криються у різному співвідношенні компонентів: кремнезему й лугів. У звичайному «фаянсі» лугів біля 1%, у склоподібному – біля 6%, у склі – 20-30%. Але самого механізму переходу від «фаянсів» до скла, передумови появи цього якісного скачка він не розкрив [99; 4. - С. 256, 266-267, 282, 705].

З часу виходу монографії А. Лукаса, колекція поповнилася не досить великою кількістю аналізів. Серед найбільш відомих, є 70 напівкількісних аналізів середземноморських «фаянсів» епохи бронзи [PPS. - Vol. XX. - N.S.], даних про хімічний склад 20 (XIV – VII ст. до н.е.) найдавніших «фаянсів» (7 намистин й 11 ушебті), знайдених на території Грузії [100. - С. 67-69. - Табл. 4-5], 14 прикрас часу середньої бронзи із поховань Донбасу та Полтавщини [34-35; 37], намистини білозерського часу [39], середньазіатських «фаянсів» епохи пізньої бронзи із Сумбарських могильників, й виробів із пам'яток раннього залізного віку Західного Сибіру [101. - С. 224-234. - Табл. 1; 102], прикрас із архаїчних комплексів лісостепової Скіфії [45], а також античних «фаянсів» із збірки ОАМ [103. - С. 109-119].

Роботи з удосконалення методики інтерпретації, було продовжено Ю.Л. Щаповою. Базуючись на спорідненості скла й «фаянсів», авторка запропонувала розповсюдити на останні правила інтерпретації хімічного складу скла й висунула свою гіпотезу походження склярства «єгипетського типу».

Авторка порівнює скло й «фаянси» за кількісними відмінностями у наявності легкоплавких фракцій. Якщо показати їх на графіку $R_2O + RO$, то між матеріалами утворюється «вільна» зона, яка лиш частково заповнюється виробами із «неповноцінного скла». Дослідниця пропонує один із вірогідних шляхів перетворення «фаянсу» у скло: «Шлях перетворення фаянсів у скло почався із дослідових змін у шихті або помилок у її

складанні. Закріплюючи знайдені результати й продовжуючи експеримент з постійним збільшенням кількості легкоплавких фракцій, майстер... повинен був підійти до отримання маси не тільки пластичної, але навіть текучої у розплавленому стані. Із такої гарячої маси можна було витягнути нитку або стрічку; гарячу масу можна було залити у форму, поверхня відливки була гладенькою, а після відпалу й блискучою...». Поява скла не була наслідком суто еволюційних змін, а являла собою діалектичний процес [11. - С. 64, 89 сл.; 104. - С. 81-91].

З цією теорією погоджуються далеко не всі фахівці. Так, на думку В.О. Галібіна, «фаянсове» ремесло й склярство виникли й розвивалися самостійно, незалежно один від одного. Як вважає цей дослідник, значно більше спільних рис «фаянсова» техніка має з гончарством (формування пластичної маси у холодному стані, обпалювання, глазурювання поверхні тощо) [97. - С. 14-15].

Виникла тупикова ситуація. Вихід із неї вбачаємо у визнанні «синкретичності», відносній єдності давніх виробництв, пов'язаних з високотемпературними режимами – металургії, гончарства, склярства, «фаянсового» ремесла тощо. У рамках цієї єдності могли існувати більш чи менш повні, або ж урізані цикли. Наприклад, не у всіх «синкретичних» комплексах функціювали склярні, або ж «фаянсові» майстерні. Але там, де ці виробництва існували, вони були діалектично пов'язані зі спорідненими майстернями [18. – С. 77-78; 38; 105. – С. 14; 106].

З точки зору розуміння природи «фаянсів», велике значення мало відкриття у 1932 р. «ефекту самоглазурування». Воно дозволило прийти до висновку, що «фаянси» з глазуррю виготовлялися іманентно: усі фізичні й декоративні властивості вони набували під час обпалювання основи, *на протязі однієї термічної операції*. На думку В.О. Галібіна, подібний ефект можна спостерігати лише на незначній кількості виробів. Фаянси типу Е не можуть самоглазуруватися – для цього у них є надзвичайно мало легкоплавких компонентів, їх досить для спікання шихти, але занадто мало її плавління, навіть у поверхневому шарі [11. – С. 64; 44. – С. 23-26; 97. - С. 15; 107. – Р. 231-272; 108. – Р. 435-439; 109].

З метою визначення хімічного складу «фаянсових» виробів, що походять із комплексів епохи бронзи – початку заліза, досліджених на території України, в лабораторії археологічної технології ІМК РАН [аналітик В.О. Галібін] було проведено к.с.а. 35 навісок (Табл. 1).¹⁰ Для порівняння матеріалів, додаються дані к.с.а. 12 виробів із єгипетської колекції ОАМ НАНУ. Сумарно матеріали датуються III-I тис. до н.е. (Табл. 2) [110. – С. 70-215; 111. – С. 208-213].

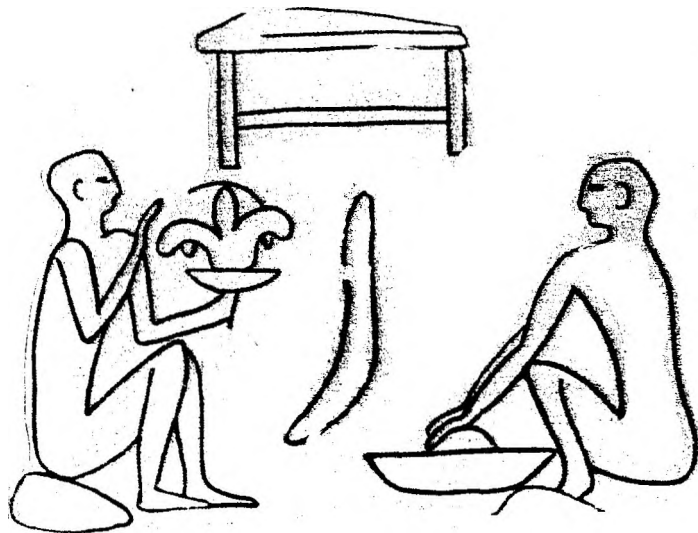

Рис. 9. Давньоєгипетський рельєф часу XVIII династії із зображенням ремісників, що приготавляють фриту й вироби із неї (за І.М. Лур'є).

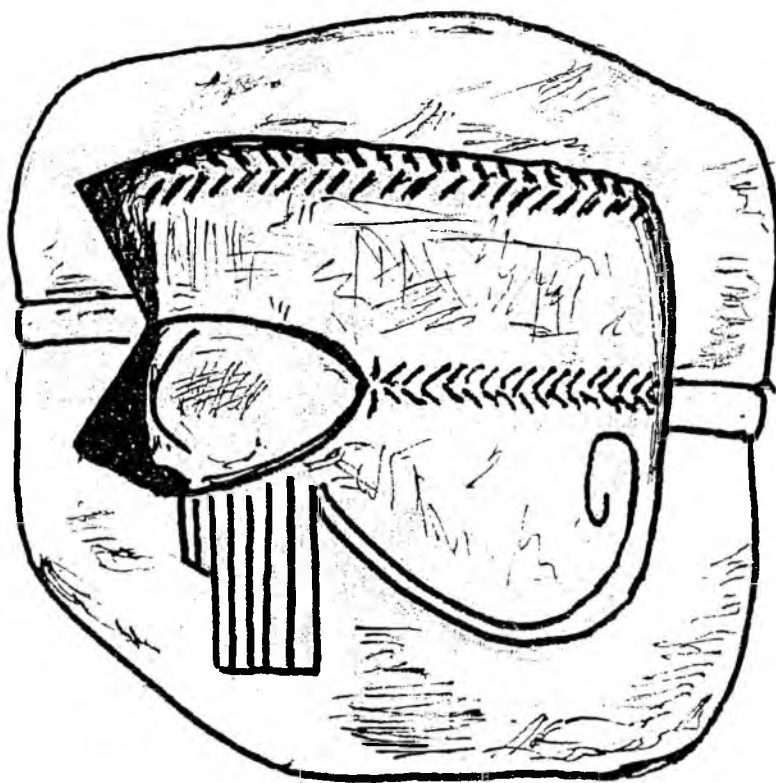

Рис. 10. Кам'яна форма часу Нового царства для виготовлення «ока Ушебті». Ермітаж. (за І.М. Лур'є).

Дані аналізів та вже відомі матеріали, було оброблено за методикою, запропонованою Ю.Л. Щаповою (Рис. 8). На графіку досить чітко простежуються дві лінії в розвитку виробництва «фаянсів». Одна група спостережень лягає вздовж горизонтальної вісі й тяжіє до «неповноцінного скла» А. Лукаса, двокомпонентного содового єгипетського, попільного білозерського й індійського скла. В даній ситуації експерименти велися на шляху збільшення абсолютної й відносної кількості лугів, за рахунок «заморожування» або ж зменшення кількості лугових земель у шихті [11. – С. 60. – Рис. 9].

Спостереження, що концентруються вздовж вертикальної вісі, характеризують другий шлях розвитку «фаянсів». Це так звана фрита, або інакше «єгипетська синь» (**Egyptian Blue Glaze**). Вивченням цього штучного матеріалу, близького за якість до глухого скла й самоцвітів, займалося не одне покоління стародавніх й сучасних вчених.

Теофраст (*Theophr.*, *De lapid.*, 55, 63) повідомляє: «... й кюанос [*κῦανος*], один сорт якого природний, а інший – *штучний, виготовлений у Єгипті*. Насправді є три сорти кюаносу – єгипетський, скіфський, третій – кіпрський. *Єгипетський штучний*, й ті, хто писав «Анали царів» згадують й ім'я першого царя, який зробив штучний кюанос, що імітує природний. Ним [тобто кюаносом] платять податки, й Фінікія платить один натуральним кюаносом, а інший – штучним».

На думку Н.З. Куніної [112. – С. 152] у Давній Греції під *κῦανος* розуміли різновид кольорового скла, який імітував лазурит або ж бірюзу. З огляду на полізначність античної матеріалознавчої й технологічної термінології [113. – Р. 84-85; 11. – С. 63], ця гіпотеза має право на існування.

В традиційних суспільствах виникнення того чи іншого ремесла або матеріалу, подається зовні міфічною, напівреальною істотою (культурним героєм, царем), колективним героєм – реальним чи казковим етносом, кланом тощо. Особливо чітко це простежується у відношенні ремесел, що спеціалізувалися на виготовленні артефактів сакральної спрямованості [114. – С. 87-88; 115. – С. 25-28; 116. – С. 104-105]. З цитованого уривку також видно, що у стародавньому світі існували перекази не тільки про міфічних винахідників бронзи, заліза, скла тощо, але й «фаянсу». У даному випадкові, таким першопроходцем є один із єгипетських фараонів.

Вітрувій (*Vitr.*, *De archit.*, VII, II, 1) називає «єгипетську синь» **caeruleum** й вважає, що її було винайдено в Олександрії. Автор повідомляє, що матеріал виготовлявся шляхом сплавлення піску, мідних опилок та натуральної соди. *Пліній Старший* (*Plin.*, N.H., XXXII, 57-58) також згадує *caeruleum*, але визначає його як особливий різновид піску. Крім цього, *Псевдо-Скілак* (*Ps.-Scyl.*, 112) повідомляє, що карфагенські купці вивозили вивозили із Єгипту на західний берег Африки «єгипетський камінь», під яким, мабуть, малися на увазі виробу із «фаянсу» [117. – С. 79].

Сучасними дослідженнями встановлено, що «єгипетська синь» – це тетрасилікат міді й кальцію $\text{CuO} \cdot \text{CaO} \cdot \text{SiO}_2$. Такий матеріал відноситься до категорії найпростішого скла. Його отримували із кварцевого піску, погашеного вапна, натуральної соди і міді. Вихідні матеріали спершу зпікали, потім розтирарали (Рис. 9-10) до порошкоподібного стану. З цього матеріалу отримували або ж шлікер, або ж формували із нього виробу. Метод формовки виробів із фрити у різних частинах стародавнього світу мав свою специфіку, але він обов'язково вимагав використовувати масу бідну на луги й багату на вапно. На думку А. Лукаса, для виготовлення фрити довгий час використовувалося вуглекисле вапно, так як вважалося, що до епохи Птолемея I [323-285 рр. до н.е.] погашене вапно в Єгипті ще не було відоме.

Найдавніші зразки фрити в Єгипті знайдено в комплексах VI династії (2723-2563 рр. до н.е.), у Месопотамії – II тис. до н.е. Пізніше її широко використовували на протязі багатьох століть й у різних регіонах, особливо на теренах Римської імперії. «Єгипетська синь» йшла також на виготовлення мінерального барвника. За твердженням *А.П. Лопі*, ця фарба зникла з набору малярів десь приблизно між II – VII ст. н.е. [4. – С. 520-521; 118. – С. 220. – Рис. 107-108; 119. – Р. 33-44; 120. – С. 19; 121. – Р. 619А-629А; 122. – С. 160-164; 123].

У Східній Європі «єгипетська синь» з'являється у пізньотрипільський час. Саме нею було пофарбовано череп в одному із поховань 1 Усатівського могильника [18. – С. 71.]. Фаянси, близькі за своїм складом до фрити, зустрічаєм серед катакомбних і зрубних виробів Донбасу. «Єгипетською синню» репрезентоване намисто із Субботівського кладу. Значно розширюється використання цього штучного матеріалу в античний час. Тут були широко розповсюджені виробу із фрити [97. – С. 15; 103]. Митці широко використовували штучну блакитну фарбу [124. – С. 279-280]. Знахідки шматочків «єгипетської сині» в деяких античних містах Північного Надчорномор'я, особливо в Ольвії, на наш погляд можуть свідчити про місцеве її виробництво [125].

Табл. 1. К.С.А. ФАЯНСІВ ЕПОХИ БРОНЗИ – ПОЧАТКУ ЗАЛІЗА
ІЗ АРХЕОЛОГІЧНИХ ПАМ'ЯТОК УКРАЇНИ

№ п/п	Пам'ятник	Культура	Форма прикраси	Колір глазурі й фактура основи	Al	Na
1	Верхньотарасівка, 9/10	Пізньюмйна	двобольна	Бірюзовий; Тип Е	-	0,1
2	-“-	-“-	«зірочка»	-“-	-	0,08
3	Олександрівськ, 1/20	Катакомбна	двобольчата	Тип F	10	4
4	-“-	-“-	тридольчата	пatina	-	-
5	-“-	-“-	циліндрична	пatina	-	-
6	-“-	-“-	-“-, з заглибл.	Тип F	0,9	0,13
7	Олександрівськ, 1/50	-“-	Пронизка «рогата»	-“-	0,9	0,55
8	-“-	-“-	-“-, з валяками	-“-	0,5	0,24
9	-“-	-“-	циліндрична	пatina	-	0,06
10	Олександрівськ-2 (фортеця), пох. 18	-“-	Циліндрична з валяками на кінцях	Тип F	0,9	0,16
11	-“-	-“-	бочкоподібна	-“-	0,4	0,13
12	Бараниківка, 2/5	-“-	багатоцольчата	-“-	0,4	0,11
13	-“-	-“-	бочкоподібна	-“-	0,4	0,25
14	Компаніїці	К.б.к.	двобольчата	Тип С	0,4	0,04
15	-“-	-“-	бісер	Тип F	1,9	0,06
16	-“-	-“-	«рогата»	-“-	1,1	0,09
17	-“-	-“-	біконічна	-“-	0,2	0,04
18	-“-	-“-	бісер	-“-	0,9	1,8
19	Новоолександрівка, 3/5	-“-	дворожкова	-“-	2,8	0,45
20	-“-	-“-	двобольчата	-“-	1,6	0,35
21	-“-	-“-	циліндрична	крейда	0,2	-
22	Миколаївка-1, 9/5;	Зрубна	біконічна	Тип F	0,8	1
23	Миколаївка-1, 9/4	-“-	двобольчата	-“-	0,3	0,05

Табл.1

24	Войтово-3, 3/4	-“-	біконічна	-“-	0,8	0,35
25	Петрівка-2, 1/10	-“-	бочкоподібна	Тип Е	-	-
26	Первомаївка, 5/3; Великорогачевський	Білозерська	бісер	Основа коричнева; бірюзова глазур	5	0,35
27	Ювілейне, 1/8	-“-	-“-	Тип F	1,6	0,25
28	-“-	-“-	-“-	-“-	0,5	0,08
29	Суботівське городище, клад 1955 р.	Чорноліська	-“-	«египетська синь»	1,3	0,07
30а	Матусів, Реп'яховата	Р а н н і с к і ф и VII-VI вв.	Бісер	Біла мілкозерниста основа	-	-
30б	Могила, гроб. 1;			Тип Е	-	-
31	Черкаська обл.		розетка	Тип Е		
32			бісер	Тип Е	0,2	0,2
33			-“-	Тип Е	-	0,03

Примітки: Основу франків складає кремнезем і вираховується за різницею (100% мінус сума всіх елементів, зазначених в таблиці).

№ п/п	K	Ca	Mg	Fe	Pb	Cu	Sn	Sb	Co	Примітки
1	-	-	0,07	1,4	0,01	1	-	-	-	ІМК РАН, ан. № 137/25; [Евдокимов, Островерхов, 1994]
2	-	-	0,06	0,55	-	0,8	-	-	-	ан. № 137/26
3	-	3,3	0,55	1,4	-	0,75	-	-	-	ЛугАЕ-68; 240/23; польовий шпат
4	-	-	-	0,18	-	0,04	-	-	-	240/24
5	-	-	-	0,19	-	0,03	-	-	-	L = 7 мм; Д = 3 мм; 240/25
6	-	1,3	0,22	1,1	-	0,4	-	-	-	240/26; Ti = 0, 12
7	-	1,1	0,16	0,6	-	0,7	-	-	-	ЛугАЕ-72; 240/27
8	-	0,66	-	0,66	-	0,66	-	-	-	L = 22 мм; Д = 4 мм; 240/28
9	-	-	-	0,19	-	0,05	-	-	-	L = 11 мм; Д = 4 мм; 240/29
10	-	0,7	0,14	1,2	-	0,4	-	-	-	ЛугАЕ-1968; П/о № 357; 240/30
11	-	0,45	0,08	0,35	-	0,9	-	-	-	З кільцевими виточками; 240/31
12	-	0,17	0,12	0,35	-	0,7	-	-	-	ЛугАЕ-1976; 240/32
13	-	0,1	3,2	0,9	-	0,24	-	-	-	240/33
14	-	1	0,07	0,45	-	0,03	-	-	-	240/43; [Михно, Братченко, 1974]
15	-	2,5	0,17	0,9	-	0,05	-	-	-	240/44
16	-	1,4	0,13	0,3	-	0,6	-	-	-	240/45
17	-	0,6	0,06	0,4	-	0,03	-	-	-	240/46
18	-	1,3	0,2	0,5	-	3,3	-	-	-	240/47
19	-	1,8	0,9	1,2	0,01	4	0,03	-	-	285/37; МКЕ-80; Баштанський р-н
20	-	1,4	0,13	0,55	-	2,5	-	-	-	285/38
21	-	13	0,06	0,16	-	-	-	-	-	L = 15 мм; 285/39; Крейда ?

22	-	2,7	0,4	0,4	0,09	5,5	-	1,3	-	ДонАЕ-80; 240/41; Ni = 0,7 !
23	-	0,6	0,07	0,35	Сл.	0,75	-	-	-	Станично-Луг. р-н; 240/42
24	-	1,1	0,29	0,6	0,09	6	-	0,75	-	240/11; Ni = 0,7 !
25	-	-	0,12	-	0,05	-	-	0,12	-	240/14; кварц
26	-	4,5	1,6	3,5	0,03	0,6	0,02	-	-	Ni= 0,3; пісок з польовим шпатом; 212/20
27	-	0,8	0,18	0,65	0,01	0,28	-	0,03	-	Цюрюпінський р-н; 212/23
28	-	0,75	0,19	0,55	0,01	0,75	-	0,02	-	212/24
29	-	10	0,1	0,8	0,5	6	0,2	0,02	-	Розк. 3, кв. 144, п/о 152; 288/44
30а	-	-	-	0,25	-	1	0,02	-	-	Шполянський р-н; 238/49; Кварц і барвник
30б	-	-	-	0,3	-	3	0,02	-	-	238/50
31	-	-	-	0,12	-	0,02	0,01	-	-	238/51; кварц
32	-	0,08	-	1,4	0,8	-	-	0,4	-	Sb+Pb; 238/52
33	-	-	-	0,35	-	0,5	0,01	-	0,05	Cu+Co; 239/14

Цікавою є гіпотеза про можливість налагодження власного виробництва «фаянсів» на теренах Східної Європи за доби середньої бронзи, яку у свій час запропонував *С.Н. Братченко*. Чи має вона якесь історико-технічне підґрунття? Нам здається, що так.

У Північному Надчорномор'ї, Донбасі та в Криму виявлено понад 30 поховань часу середньої бронзи, які належали майстрам-металургам. На думку деяких вчених, у східноєвропейських племен в катакомбно-зрубний час існували вже досить розвинуті вагові й мірні системи, які можна порівнювати з близькосхідними. Кінець першої половини – середина II тис. до н.е. позначені також утворенням значного гірничо-металургійного центру в Донбасі, який функціонував на протязі кількох століть. Досить розвиненим було й керамічне виробництво [126. – С. 192-207; 127. – С. 39-54; 128. – С. 22-29; 129].

З огляду на досить нескладну технологію виробництва найпростіших «фаянсів»,¹¹ у цьому регіоні у межах «синкретичного» ремесла могли існувати й «фаянсові» майстерні. Всі необхідні матеріали для такої діяльності (різноманітні кварцити й польові шпати, кухонна сіль, мідь, вохра тощо) у Донецькому регіоні були у достатній кількості. Специфікою донбаських фаянсів є підвищені у деяких випадках концентрації **нікелю** (Табл. 1. – Ан. № 22, 24, 26). Не виключено, що таїни «фаянсової» майстерності були запозичені донбаськими ремісниками у своїх кавказьких колег, з якими населення Східної Європи за доби середньої бронзи підтримували сталі контакти [37. – С. 109].

ПРИМІТКИ

¹ Досить часто до виробів із «фаянсу» та глухого скла вітчизняні й зарубіжні археологи використовують термін «паста». Під пастою фахівці розуміють прозоре скло з великим коефіцієнтом заломлення. Використання подібної термінології досить часто приводить дослідників до помилкових й некоректних висновків [4. – С. 307; 9. – С. 96. – Прим. 30].

² Нами за літературою, візуально й методом кількісного спектрального аналізу (далі к.с.а.) перевірено декілька десятків комплексів з прикрасами, що датуються більш раннім часом. Ні «фаянсових», ні скляних виробів у них не виявлено.

³ Складне та «фаянсове» намисто знаходять у найпізніших пам'ятках середньодніпровської культури. Показовим у цьому плані є пох. 40 (Рис. 4) могильника Стрелиця поблизу с. Рудня-Шлягінська Ветковського р-ну Гомельської обл. Білорусі. Воно датується другою чвертю II тис. до н.е. [36. – С. 69-96]. З огляду на відносно багатий, як для цієї культури реманент, поховання належало представникові знаті, можливо, жерцю-воїну.

⁴ У білозерських комплексах домінує скляне намисто [38. – С. 3-21]. Нам відомий лише два комплекси, де зустрілися прикраси із «фаянсу». Одним із них є кург. 5/3 біля с. Первомаївки у Верхньорогачівському р-ні Херсонської обл. В могилі було поховано юнака. *Розвал фаянсового й скляного намиста знайдено в районі черепа* [39. – С. 109, 122-123. – Рис. 2, 6-7. – Табл. 2] Друга намистина також походить з Херсонщини (Табл. 1. – Ан. №26-27). «Фаянс» із Первомаївки має ті ж хіміко-технологічні характеристики ($Ni = 0.3\%$), що і вироби із зрубних поховань Донбасу.

⁵ Субботівський клад окрім бронзових прикрас містив 14 бісеринок із блакитної «пасти». Аналіз (Табл. 1. – Ан. № 29) показав, що це фрита.

⁶ Для лісостепової Скіфії архаїчного часу характерними були бісер й конічні «розетки» [41. – С. 31-63. – Рис. 6, 7, 20]. Останні зустрічаються на Північному Кавказі та в Закавказзі. Деякі дослідники [42. – С. 128] вважають, що «розетки» є єгипетськими за походженням й пов'язують їх появу з передньоазійськими походами скіфів й їх просуванням до Єгипту. З огляду на те, що серед матеріалів Навкратісу такий тип прикрас не зафіксовано [43], і що він не відомий в архаїчних некрополях античних міст Північного Понту [44]), ми вважаємо, що «розетки» [ан. № 31] мають передньоазійське походження [45. – С. 128-132].

⁷ Парне поховання. Скелети поряд, спиною один до одного. В районі *переміщеної* голови від першого скелету, знайдено підвіску, «зроблену із каменю» [51. – С. 77-78. – Рис.

7,5]. Після ознайомлення з матеріалами комплексу в фондах ІА НАНУ, ми зробили висновки, що прикрасу зроблено з глазурованого «фаянсу», але глазур зруйнувалася.

⁸ Інколи кількість намистин в таких наборах сягає досить великих розмірів. Так, у неопублікованому похованні к.б.к. біля с. Любимівки на Херсонщині (розкопки Каховської еспедиції ІА НАНУ у 1968 р. Начальник О.М. Лесков), у жіночому похованні, знайдено 61 «фаянсову» намистину, частина з яких була дворожковими, частина – бісер. ФІА НАНУ, шк. 115, ящ. 1-2.

⁹ Нам відоме виключення. Це катакомбне пох. 9 в кург. на р. Кагильник. [Изв. АН МССР. – 1955. - № 5 (25)].

¹⁰ Користуючись нагодою, хочу подякувати В.О. Галібіну за клопітку працю і консультації зі спеціальних питань. При роботах по відбірці матеріалів у фондах ІА НАНУ й консультацій з приводу питань розповсюдження «фаянсів» в пам'ятках культур бронзового віку, надзвичайно корисними були поради С.Н. Братченка, зроблені у свій час за дружнім часпиттям у келіях Видубецького монастиря.

¹¹ Технологія виробництва найпростіших «фаянсів» у різних районах стародавнього світу у II тис. до н.е. була універсальною й зводилася до прокалювання товчених кварцевих порід, змочених у розчині натуральної соди, або ж навіть звичайної кухонної солі [10%] з додаванням крейди й барвників (з'єднань міді або ж вохри) [4. – С. 254-256; 101. – С. 224].

1. Махно Є.В., Братченко С.Н. Пастове намисто з катакомбного поховання на Кампанійському могильнику // Археологія. – 1974. - Вип. 24.

2. Островерхов А.С. Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур Северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. - Тез. докл. конф. – Ереван, 1982. - С. 97-99.

3. Stone J.F.S. and Tomas L. The Use and Distribution of faïence in ancient East and prehistoric Europe // PPS. – 1956. - Vol. 22.

4. Лукас А. Материалы и ремесленное производство Древнего Египта. - М., 1958. – С. 254-256;

5. Качалов Н.Н. Стекло. - М., 1959. – С. 45, 357;

6. Сайко Э.В. Среднеазиатская глазурированная керамика XII–XV веков. – Душанбе, 1969. – С. 82-84;

7. Kerell H.Mc. On the Origin of the British faïence beads and some aspects of the Wessex-Mycenae relations // PPS. – 1972. – Vol. XXXVIII. – P. 286-301;

8. Foster Gf.K.P. Aegean faïence of the Bronze Age. – New-Haven, 1979.

9. Островерхов А.С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. – 1985. – № 3.

10. Кудрин Б.И. Введение в технетику. – Томск, 1993.

11. Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы}. – М., 1983.

12. Щапова Ю.Л. Введение в вещьведение. Естественнонаучный подход к изучению древних вещей. Учебное пособие. – М., 2000.

13. Клейн Л.С. Археологические источники. – Л., 1978.

14. Колчин Б.А. Археология и естественные науки // МИА. – 1965. – № 129;

15. Щапова Ю.Л. Древнее стекло: морфология, технология, химический состав. - М., 1989.

16. Дергачёв В.А. Памятники позднего Триполья. – Кишинёв, 1980.

17. Петренко В.Г. Усатовская локальная группа // Э.Ф. Патокова и др. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. - К., 1989.

18. Островерхов А.С. Найдавніше археологічне скло у Східній Європі // Археологія. – 1997. - № 2.

19. Сергеев Ю.П. Позднетрипольский клад женских украшений из с. Кетрошика // Тр. ГИМ Молодовы. – Кишинев, 1969.
20. Бахтадзе Р.А. К изучению грузинских археологических стекол. -Тбилиси, 1964.
21. Евдокимов Г.Л., Островерхов А.С. Древнейшее погребение с набором украшений из кургана у с. Верхнетарасовка в Нижнем Поднепровье // ДП КС ОАО. - Одесса, 1994.
22. Ковалёва И.Ф. Социальная и духовная культура племён бронзового века. – Днепропетровск, 1989.
23. Кияшко В.Я. К вопросу о молоточковидных булавах // Донецкие древности. – Азов, 1992. – Вып. 1.
24. Бритюк А.А. Заметки о семантике молоточковидных булавок // Тез. докл. конф. «Древние культуры Восточной Европы». – Луганск, 1996.
25. Gimbutas M.A. Cultures in Central and Eastern Europe of Bronze Age. – Paris-London, 1965.
26. Sarnowska W. Kultura Uneticka w Polsce. – Wrocław-Warszawa-Krakow-Gdansk, 1975. – S. 62-65. – Рис. 31;
27. Марковин В.И. Культура племён Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. – 1960. - № 3.
28. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К., 1976.
29. Зельдина В.Я. Ажиновские курганы // АО-1976. – М., 1977.
30. Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. – Саратов, 1979.
31. Нечитайло А.Л. Суворовский курганный могильник. – К., 1979.
32. Ковалёва И.Ф. Работы экспедиции Днепропетровского ун-та // АО-1980. – М., 1981.
33. Ковалёва И.Ф. Работы в степном Приорелье // Там же.
34. Островерхов А.С. Химико-технологическая характеристика фаянсов из катакомбного погребения у с. Кампанийцы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. – Полтава, 1989.
35. Островерхов А.С. Фаянсы катакомбного времени // Тез. докл. семин. «Проблемы изучения ККИО». - Запорожье, 1990.
36. Артёменко И.И. Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица // Энеолит и бронзовый век Украины. – К., 1976.
37. Островерхов А.С. Химико-технологическая характеристика катакомбных и срубных фаянсов из Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1989. – С. 108-111.
38. Островерхов А.С. Складність білозерського часу // Археологія. – 2001. – № 2.
39. Евдокимов Г.Л. Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. – К., 1987.
40. Тереножкин А.И. Предскифский период в Днепровском Правобережье. – К., 1961. – С. 39. – Рис. 106, 5.
41. Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. – К., 1980.
42. Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. – М., 1985.
43. Petrie W.M.F. Naukratis. – London. – Vol. 1. – 1886. – Vol. 2. – 1888.
44. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. - Г1-12. - 1975. - Т. 1.
45. Островерхов А.С. Фаянс и стекло лесостепной Скифии: архаика // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. - III семінар. - Полтава, 1990.
46. Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. – Махачкала, 1967. – С. 26. – Рис. 5,1,3-6, 8.
47. Коростовцев М.А. Древнеегипетские находки в СССР // ВИМК. – 1957. - № 2.
48. Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. – 1958. – № 1.

49. Чернявская Н.В. Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепровском Левобережье // Курганные древности Степного Поднепровья III – I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1979.
50. Шапошникова О.Г., Ребедайло Г.П. Курганная группа у с. Новорозановки // Древности Поингуля. – К., 1977.
51. Михайлов Б.Д. Раскопки на р. Молочной // АО-1973. – М., 1974.
52. Михайлов Б.Д. Курган эпохи бронзы на Мелитопольщине // ДСПК. – Запорожье, 1991. – Т. 2.
53. Petrie W.M.F. Glass and Glazing // Exhibition of the Art of Ancient Egypt. - Burlington Fine Arts Club, 1896.
54. Petrie W.M.F. Amuletes, illustrated by the Egyptian collection in University college. – London, 1914.
55. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. – М., 1976.
56. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М., 1984.
57. Пиотровский Б.Б. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // СГАИМК. – 1931. - № 6.
58. Виноградов В.Б. Место египетских амулетов в религиозно- магической символике // Археолго-этнограф. сб. – Грозный, 1968.
59. Коровина А.К. Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории // ВДИ. – 1972. - № 1.
60. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. – К., 1983.
61. Эдаков А.В. К вопросу о культурных связях Египта со Скифией // Междунар. отнош. в бассейне Черного моря в древности и средн. века. – Тез. докл. V семинара. – Ростов-на-Дону, 1990.
62. Массон В.М. Культурный прогресс в эпоху палеометалла // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. - Тез. докл. симпозиума. – Ереван, 1982.
63. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М., 1988.
64. Островерхов А.С. Стекло и фаянс как источник для изучения экономических связей и идеологических воззрений скифов V-II вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. - Тез. докл. конф. - Кировоград, 1987.
65. Haevernich Th.E. Mycenaean Glass // Archaeology. – 1963. –Vol. 16. (3).
66. Yalouric N. An unreported Use for some Mycenaean Glass Glass Paste Beads // JGS. – 1968. – Vol. 10. – P. 9-16.
67. Бобринский А.А. О некоторых символических знаках, общих первобытной семантике всех народов Европы и Азии. – М., 1902.
68. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М., 1986.
69. Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // МНМ. – 1992. - Т. 2.
70. Бауэр В., Дюмотт И., Головин С. Энциклопедия символов. - М., 2000.
71. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М., 1976.
72. Петрушевский Ф.Ф. Цветощущение древних народов // Вестн. изящных искусств. - 1889. - Т. 7. - Вып. 4.
73. Кравцов С.В. Цветовое зрение. - М., 1951;
74. Канаев И.И. Очерк по истории проблемы физиологии цветного зрения от античности до XX в. - Л., 1971.
75. Хартридж Г. Современные успехи физиологии зрения. - М., 1952.
76. Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. – М., 1954. - Т. 1.
77. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. - М., 1980.
78. Тернер В. Символ и ритуал. – М., 1983.

79. Рабинович В.Л. Цвет в системе средневекового символизма. - Природа. - 1976. - № 6.
80. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. - М., 1978.
81. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психо-лингвистического анализа. - М., 1984. - С. 116-117.
82. Патканов К.П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. - СПб., 1873.
83. Семёнов А.А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов // Мир ислама. - СПб., 1912
84. Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. - М., 1974.
85. Ферсман А.Е. Занимательная минералогия. - М., 1975.
86. Супрычев В.А. Самоцветы. - К., 1980.
87. Супрычев В.А. Занимательная геммология. - К., 1984.
88. Тураев Б.А. Египетская литература. Т. 1. Исторический очерк древне-египетской литературы. - М., 1920.
89. Неверов О.Я. Магические амулеты императорской эпохи // Искусство и религия. - Л., 1981.
90. Куликов Б.Ф. Словарь камней-самоцветов. - М., 1982.
91. Смит Г. Драгоценные камни. - М., 1980.
92. Колеватов В.А. Социальная память и познание. - М., 1984. - С. 17-18.
93. Trowbridge M.L. Philolological studies in Ancient Glass. - University of Illinois, 1930.
94. Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Стеклоанная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени. - Одесса, 2000.
95. Островерхов А.С. Торговля стеклянными бусами на Юге Восточной Европы в скифо-античное время // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. - Полтава, 1996.
96. Frost H. Stone anchors as clues to Bronze age trade routs // Tracia-Pontica. - Sofia, 1982. - Vol. 1.
97. Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. - СПб., 2001.
98. Щапова Ю.Л. История стеклоделия в древности и средневековье (по материалам долины Нила, Ближнего Востока, Средиземноморья и Европы): Автореф. диссерт. ... докт. истор. наук. - М., 1982. - С. 2-3.
99. Lukas A. Ancient Egyptian materials and industries. - London, 1948.
100. Бахтадзе Р.А. Некоторые вопросы технологии древнего стекла // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. - Тбилиси, 1980. - Т. 2.-С. 67-69.-Табл. 4-5
101. Галибин В.А. Спектральный анализ находок из Сумбарских могильников // И.Н. Хлопин. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. - Л., 1983.
102. Галибин В.А. Особенности состава фаянсовых и стеклянных украшений из памятников Южной Сибири V в. до н.э. - I в. н.э. // КСИА АН СССР. - 1985. - Вып. 184.
103. Левина Э.А., Островерхов А.С. Античные фаянсы в собрании ОАМ // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. - Одесса, 1989.
104. Щапова Ю.Л. Об эволюции в стеклоделии древнейших эпох // Естественные науки и археология в изучении древних производств. - М., 1982.
105. Иванов Вяч.Вс. История славянских и балканских названий металлов. - М., 1983.
106. Островерхов А.С. Технология античного стеклоделия: архаика (по археологическим материалам Северного Причерноморья). - К., 1993.
107. Bimms C., Klem M., Mott H. An Experiment in Egyptian Blue Glaze // JACS. - 1932. - # 15.
108. Noble J.V. The Technique of egyptian Faïence // AJA. - 1969. - # 4.
109. Новости Юнеско. Информационный бюллетень. - 1968.

110. Тураев Б.А. Описание египетского отдела Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. – 1912. – № 30.
111. Доконт Н.Г. Древнеегипетские памятники ОАМ // ВДИ. – 1965. – № 2.
112. Кунина Н.З. Стекло и цветной камень в античности // ВДИ. – 2001. – № 2.
113. Derooy L. Linguistique et histoire du verre antique // Ann... du 8 CAHV. Liège. – 1981.
114. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Проблема функций кузнецов в свете семиотической типологии культур // Матер. Симп-ма по вторичным моделирующим системам. – Тарту. – 1974. – Т. 1 (5).
115. Мелетинский Е.М. Культурный герой // МНМ. – 1992.
116. Кирилук А.С. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Миф. – Одесса, 1996.
117. Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. – М., 1980.
118. Лурье И.М. История техники Древнего Египта // Очерки по истории техники Древнего Востока. – М.; Л., 1940.
119. Matson F.R. Ceramic archaeology // BACS. – 1955. – Vol. 34.
120. Безбородов М.А. Стеклоделие в Древней Руси. – Минск, 1956.
121. Wiedemann H.G. and Bayer G. The bust of Nefertiti // Anal. Chem. – 1982. – Vol. 54.
122. Ваганов П.А. Физики дописывают историю. – Л., 1984.
123. Seligman C.G. and Beck H.C. Far Eastern Glass: Some Eastern origins // The Museum of Far Eastern Antiquities. – Stockholm, 1938.
124. Кононов В.Н. К вопросу о технике боспорской живописи // Археология и история Боспора. – Симферополь, 1962.
125. Островерхов А.С. «Єгипетська синь» із Ольвії // Знання та праця. – 1987. – № 9.
126. Татаринов С.И. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе // СА. – 1977. – № 4.
127. Кубышев А.И., Черняков И.Т. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. – 1985. – № 1.
128. Нечитайло А.Л. Особливості впливу металовиробництва Кавказу на Північне Причорномор'я за доби середньої бронзи // Археологія. – 1992. – № 2.
129. Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине / под ред. С.С. Березанской. – К., 1994.
130. Пазухин В.А. О происхождении древнейшей мышьяковистой меди // Известия АН СССР. Metallургия и горное дело. – 1964. – № 1.
131. Шрадер О. Сравнительное языкознание и первобытная история / Пер. с нем. СПб., 1886.
132. Панфилов В.Г. Некоторые черты эстетического мировоззрения древнерусского общества // ВИМК. – 1958. – № 5 (11).
133. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976.
134. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. – Харьков., 1914.
135. Кузьмичёв И.К. Лада. Эстетика Киевской Руси. – М., 1990.
136. Безбородов М.А. Химия и технология древних и средневековых стекол. – Минск, 1969.
137. Newton R.C. Glass Trade Route in Iron Age // Communications artistiques at historiques. IX Congres International du Verre. – Paris, 1972.
138. Brill R.H. and Cahill N. Red Opaque Glass from Sardis and some thoughts on red opaques in general // JGS. – 1988. – Vol. 30.

ANCIENT «FAÏENCE» AS HISTORICAL PHENOMENON ON THE MONUMENTS OF BRONZE – BEGINING IRON AGE IN THE EASTERN EUROPE AREA (III – FIRST HALF I MILLENIUM B.C.)

Summary

This article is about the integrated description of ancient «faïence» which were existed in the territory of Eastern Europe in III – the first half of 1st millenium B.C. The author comes to the conclusion that the ancient «faïence» are very famous thea. They are represented an only as beads and amulets. From the material point of viev they were the values which could be compared with gold, silve and precious stones. From the chemical point of viev is represented by simple varieties – E, F, C (by A. Lukas). The products are of import origin. They were imported from Caucasus. Near East and Egypt. Out the question that the part of products of middle bronze epoch was produced in Donbass workshop.

Зубарь В. М.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ХЕРСОНЕСА В КОНЦЕ VI – СЕРЕДИНЕ I В. ДО Н. Э.

Впервые государственное устройство Херсонеса стало предметом специального исследования В. В. Латышева [1], который позднее, в ходе публикации новых эпиграфических памятников, неоднократно возвращался к различным аспектам этой проблемы [2; 3; 4]. Без преувеличения можно сказать, что до настоящего времени большинство принципиальных положений, сформулированных этим выдающимся исследователем, не потеряло своего научного значения. Впоследствии они лишь корректировались и дополнялись [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28 и др.]. Однако, несмотря на то, что сейчас в той или иной степени изучены практически все аспекты политической системы Херсонеса, до настоящего времени отсутствует обобщающий очерк, посвященный государственному устройству этого центра в конце VI - в середине I вв. до н. э. Восполнить этот пробел и является целью настоящей работы. К сожалению, имеющаяся сейчас достаточно ограниченная источниковая база не позволяет его охарактеризовать во всех деталях. Можно лишь только в самых общих чертах наметить основные тенденции развития государственного управления Херсонеса в классический и эллинистический периоды. В дальнейшем, когда будут обнаружены новые эпиграфические памятники, в предлагаемую схему, естественно, должны быть внесены необходимые изменения.

В Херсонесе, как и в большинстве античных полисов, государственное управление осуществлялось законодательными и исполнительными органами власти. Высшим законодательными органами являлись Народное собрание и Совет, а исполнительными - коллегии, которые регулировали повседневную жизнь херсонеситов [1. - С. 16 -17; 5. - С. 69; 12. - С. 11; 16. - С. 64; ср.: 29. - С. 227 - 228; 30. - С. 13 - 16; 31. - С. 362]. Постановления от имени Совета и Народа, как называлось в херсонесских декретах Народное собрание [ср.: 32. - С. 253], по эпиграфическим памятникам известны не ранее рубежа IV - III вв. до н. э. Однако находки при раскопках в ранних слоях Херсонесского городища черепков с прочерченными именами - остраконов, которые были сделаны на фрагментах сосудов V - начала IV вв. до н. э. [22. - С. 48 - 74; 23. - р. 85 - 119; ср.: 33; 34. - С. 138 - 151; 35. - С. 100 - 105] свидетельствуют, что Народное собрание функционировало в Херсонесе с момента его основания. Причем уже на самом раннем этапе существования Херсонеса его государственное устройство было демократическим [36. - С. 38 - 39; ср.: 12. - С. 11; 18. - С.

18; 32. - S. 277 - 279; 37. - С. 30 - 33; 38. - С. 74 - 78; 39. - С. 61], а не аристократическим, как думала в свое время Р. А. Новикова [7. - С. 106; ср.: 40. - С. 95]. Ведь остракизм, который проводился на Народных собраниях, был сугубо демократической мерой [см.: Arist. Polit., III, 8, 2; V, 2, 5; Diod., XI, 87; Plut. Arist., 22; 32. - S. 66, 162, 167, 233, 302], которая предпринималась в отношении лиц, угрожавших целостности гражданского коллектива [36. - С. 40 - 43].

Остракизм применялся херсонесской гражданской общиной и позднее, о чем свидетельствует, по мнению Ю. Г. Виноградова, текст херсонесской Присяги [21. - С. 343], а также находки в ходе раскопок Херсонесского городища черепков с процарапанными именами на фрагментах керамики, близкой по времени изданию Присяги [21. - С. 38; 41. - С. 122 - 123; 42. - С. 26, № 215; 43. - С. 72, 77, прим. 22; 44. - С. 240] (Рис. 3). В данном случае, вероятно, остракизму были подвергнуты сторонники олигархического управления из элитарных семей, о чем косвенно свидетельствуют их имена [подр. см.: 43. - С. 77, прим. 22].

Народное собрание, судя по херсонесской Присяге [45. - № 401, пункт 9], являлось собранием всех полноправных членов гражданской общины - полиса [39. - С. 61; 46. - С. 219], которые владели землей, могли избирать и быть избранными в полисные органы власти. Уже достаточно давно предполагалось, что гражданская община херсонеситов делилась на три филы, как это было в Гераклея Понтийской и Мегарах [12. - С. 12; 13. - С. 127; 14. - С. 24; 16. - С. 64; 19. - С. 36; 20. - Р. 234 - 237], где они носили названия Гиллеев, Памфилов и Диманов [подр. см.: 24. - С. 61, прим. 1; 47. - С. 60; ср.: 32. - S. 29, 54, 57, 82; 48. - С. 109 - 112]. Но только сравнительно недавно было получено эпиграфическое подтверждение этого. В крайне фрагментированном фрагменте надписи, датирующимся рубежом IV - III или самым началом III в. до н.э., Ю. Г. Виноградовым было восстановлено наименование пританов, а перед этим должно было стоять название фил, от которых были избраны эти должностные лица [24. - С. 64].

В свое время А. Н. Щеглов на основании изучения системы размежевки Маячного полуострова предположил, что херсонесская гражданская община, как в Мегарах и Гераклея Понтийской [Aen. Tact., XI, 1a - 11; 19. - С. 37 - 39; 49. - Р. 21; 50. - С. 205], делалась не только на три дорийские филы, но и на гекатосии (сотни), которые являлись кровнородственными подразделениями общины и, вероятно, были ее военно-политическими подразделениями [21. - С. 317; 51. - С. 158 - 159]. Это предположение развил С. Ю. Сапрыкин, который полагает, что и в Херсонесе есть основания говорить о таком же делении гражданского коллектива [19. - С. 61; 20. - Р. 234 - 237; 47. - С. 60 - 61; 52. - С. 97 - 99; 53. - С. 138, 141; 54. - С. 77 - 79]. Следует подчеркнуть, что, если исходить из того, что Херсонес осваивал земли на Гераклеяском полуострове в перманентной вооруженной борьбе с таврами, а размежевка этой территории и застройка города носили строго регулярный характер, то деление херсонесской гражданской общины на гекатосии (сотни), которые являлись, как предполагается, военно-политическими подразделениями гражданского коллектива [49. - Р. 20 - 21], представляется вполне вероятным.

Происходило Народное собрание, скорее всего, на агоре или в театре. В нем были представлены все полноправные члены гражданского коллектива, решением которых принимались законодательные решения [17. - С. 140]. От имени Народа издавались декреты, касавшиеся важнейших государственных дел [10. - С. 13 - 17, № 110; 21. - С. 363 - 369; 45. - №№ 401, 402, 403, 439; 55. - С. 79 - 99], даровались права гражданства, проксении [10. - С. 11 - 13, № 109; 45. - №№ 340, 341, 345, 349, 351], награждались за выдающиеся заслуги херсонеситы [45. - №№ 344, 418] (Рис. 7) и иностранцы [10. - С. 11 - 13, № 109, с. 13 - 17, № 110; 16. - С. 64; 17. - С. 139 - 149; 45. - №№ 349]. Высший законодательный орган контролировал государственные финансы и принимал постановления об их расходовании на те или иные нужды [45. - №№ 344, 349, 352], а также вводил налоги, как это было, например, в Ольвии [56. - С. 38].

Органом законодательной власти являлся также Совет, который в херсонесских декретах с III в. до н. э. [45. - №№ 340, 344, 349, 351, 352, 353], упоминается перед Народным собранием [ср.: 1. - С. 16 - 17; ср.: 29. - С. 227]. Совет был инстанцией, которую проходили проекты решений, которые выносились на обсуждение в Народное собрание, и, следовательно, он имел пробулевтические функции [Arist., Polit., IV, XII, 8; 1. - С. 16 - 17]. В него избиралось определенное количество представителей от каждой из фил. К сожалению, нельзя ничего определенного сказать о количественном составе херсонесского Совета в эллинистический период [ср.: 20. - р. 234 - 237; 47. - С. 56 - 62; 52. - С. 97 - 99; 54. - С. 75 - 80; ср.: 18. - С. 14], так как по этому вопросу отсутствуют какие-либо надежные данные. Опора же на надписи II в. н. э. и ретроспективное перенесение этих данных на предшествующий этап исторического развития вряд ли оправданны [ср.: 11. - С. 181, прим. 61; 24. - С. 61 - 63]. Ведь в I в. до н. э. в Херсонесе произошла реформа государственного управления [1. - С. 22, 29 - 30; 7. - С. 107 - 108; 11. - С. 175; 16. - С. 63 - 65; 47. - С. 128; 48. - С. 24 - 25; 57. - С. 31 - 33], а количественный состав гражданской общины вырос. Все это не могло не отразиться на численном составе Совета, роль которого в государственном управлении в сравнении с Народным собранием возросла.

В состав Совета, помимо его членов, входил секретарь, который упоминается в надписях наряду с другими должностными лицами [1. - С. 22 - 23; 9. - С. 16 - 19, № 2; 10. - С. 31; 18. - С. 14 - 15; 45. - №№ 352, 402]. Это позволило Л. А. Пальцевой предполагать, что в эллинистический период секретарь был одним из достаточно высоких постов в государственной структуре, а в дальнейшем его роль выросла еще больше [11. - С. 176].

Значительная роль Совета в государственном управлении Херсонеса эллинистического периода, которая фиксируется эпиграфическими памятниками, позволяет предполагать умеренный характер херсонесской демократии, в сравнении, например, с Афинами, где гражданам было обеспечено широкое право участия в обсуждении и принятии решений [Thuc. II, 40, 1 - 3; Ps.-Xen. Athen. Pol. I, 6]. В Херсонесе, напротив, решения выносились на утверждение Народного собрания лишь после предварительной подготовки в Совете [1. - С. 16 - 17; ср.: 29. - С. 226 - 227]. Вероятно, в этом следует видеть одну из особенностей дорийского менталитета, так, как из сообщения Фукидида известно, что один из спартанских эфоров заявил, что длинные речи афинян ему непонятны [Thuc. I, 86, 1]. С другой стороны, такая модель политического устройства хорошо согласуется со строгой регламентацией жизни и военным бытом херсонеситов, связанными с постоянным военным противостоянием "окрестным варварам", а также с возросшей ролью Совета в первые века н. э. [16. - С. 64 - 67].

В самом раннем дошедшем до нас эпиграфическом памятнике – Присяге граждан, датирующейся рубежом IV-III или началом III в. до н. э., упоминаются дамиурги, которым граждане были обязаны сообщать о заговорах против существующего строя [45. - № 401] (Рис. 2). Дамиурги упоминаются и в других надписях эллинистического периода и первых веков н. э. [45. - № № 420, 423, 424, 429]. Они известны в целом ряде полисов, в том числе и дорических [1. - С. 31 - 35; 16. - С. 77; 30. - С. 11 - 13; ср.: 32. - С. 61, 73, 264, 256]. Но их функции в государственной системе Херсонеса интерпретируются исследователями по-разному.

Одна группа считает их общим названием выборных должностных лиц [1. - С. 35 - 36; 5. - С. 135; 6. - С. 83; 39. - С. 61] или просто почетным названием, дававшимся государством особенно отличившимся гражданам [46. - С. 225, прим. 4]. Другая - видит в дамиургах определенную магистратуру [подр. см.: 16. - С. 77]. А А. А. Владимиров на основании анализа надписей с упоминанием дамиургов и наличия в Херсонесе коллегии архонтов, по крайней мере, с III в. до н. э. [16. - С. 73; 45. - № 346], которая хорошо известна по эпиграфическим памятникам первых веков н. э. [14. - С. 29; 16. - С. 73 - 74], предположил, что высшие должностные лица Херсонеса в источниках разного типа обозначались как дорическим термином "дамиурги", так и более часто используемым греками наименованием "архонты" [25. - С. 96 - 102]. Таким образом, он полагает, что этими

терминами обозначалась высшая государственная магистратура в Херсонесе на протяжении всей античной эпохи [25. - С. 103 - 104; 28. - С. 73 - 75].

Однако наиболее приемлема в настоящее время точка зрения Л. А. Пальцевой, которая на основании анализа надписей первых веков н. э. из Херсонеса пришла к заключению, что дамиургами назывались члены херсонесского Совета [11. - С. 179 - 181]. Это подтверждается не только значительным количеством аналогий, но и текстом херсонесской Присяги [45. - № 401]. В этом документе, кроме дамиургов, не упоминаются иные должностные лица. Поэтому в них нет оснований видеть определенную магистратуру, а вполне вероятно, что здесь упомянуты лишь высшие лица власти, которыми являлись члены Совета, избиравшегося Народным собранием. Именно на них лежала обязанность охраны конституционного строя на протяжении всей античной истории. Следовательно, если принять точку зрения Л. А. Пальцевой, то снимается дискуссионный вопрос о месте дамиургов и архонтов в государственной системе Херсонеса.

Ранее считалось, что функции дежурной части Совета в Херсонесе выполняли эсимнеты [1. - С. 18-21], но находка фрагмента надписи, где Ю. Г. Виноградовым восстанавливаются пританы (Рис. 4), позволяет несколько иначе реконструировать государственный строй Херсонеса рубежа IV - III вв. до н. э. [24. - С. 64 - 65; ср.: 27. - С. 13]. Пританы были самым тесным образом связаны с полисными филами и в греческих полисах поочередно исполняли функции дежурной части Совета, где готовили документы для их рассмотрения и утверждения в главном органе законодательной власти - Народном собрании [58. - Sp. 791 - 798].

На основании анализа этого документа Ю. Г. Виноградов считал, что булевтическая пританея была заимствована херсонеситами из Гераклеи Понтийской, которая не позднее 425 г. до н. э. вошла в состав Афинской Архэ и скопировала этот институт с демократической модели Афин [24. - С. 65; ср.: 18. - С. 12; 31. - С. 360]. А это в свою очередь позволяет поставить под сомнение вывод о том, что в Херсонесе пританские функции в IV - начале III вв. до н. э. выполняли эсимнеты. Видимо, к ним эти функции перешли позднее, о чем косвенно свидетельствует упоминание проэсимнета в эпиграфических памятниках не ранее II в. до н. э. [45. - №№ 352, 690], что предполагает изменения в государственном устройстве Херсонеса, имевшие место между первой четвертью III и концом II в. до н. э. [ср.: 24. - С. 65]. На основании имеющихся сейчас эпиграфических источников трудно сказать, когда именно это произошло, так как такая трансформация могла иметь место в любой год или месяц в рамках указанного периода [ср.: 31. - С. 358].

В связи с этим интересно обратить внимание на коллегия номофилаков, которая известна в эпиграфических памятниках с III в. до н. э. [1. - С. 38; 45. - №№ 342, 343, 351, 691]. Эта коллегия, состоявшая в Херсонесе из трех человек, следила за написанием и соблюдением законов гражданами [7. - С. 105; 10. - С. 26, 31 - 32; 16. - С. 75 - 76; ср.: Cic. De leg., III, 20, 46], а также, видимо, осуществляла контроль за монетными эмиссиями [59. - С. 43 - 44, 48]. Не исключено, что они давали предварительное заключение о проекте постановления перед внесением его на голосование в Народном собрании [Arist. Polit., IV, II, 9]. Судя по содержанию надписей, в которых упоминаются номофилаки, они обладали законодательной инициативой [45. - №№ 342, 343, 351, 691]. Но так было не всегда. Р. А. Новикова полагала, что в надписях первой четверти - первой трети III в. до н. э. законодательная инициатива исходила уже не только от частных лиц, как, видимо, было ранее [45. - № 340, 344, 345; 60. - С. 112], но и от номофилаков [7. - С. 107; 45. - № 343; 60. - С. 111; ср. для Ольвии: 31. - С. 370; 61. - С. 223]. В противоположность этому, Ю. Г. Виноградов полагает, что о переходе законодательной инициативы к коллегии номофилаков можно говорить не ранее начала II в. до н. э. [61. - С. 225; ср.: 45. - №№ 347, 349, 351, 352, 691] и такой порядок сохранялся вплоть до середины I в. до н. э. [7. - С. 107; 16. - С. 75 - 76].

Исходя из своих наблюдений, Р. А. Новикова сделала вывод об аристократизации государственного управления Херсонеса, связанного с возрастанием варварской угрозы, что привело к выдвижению на первый план представителей богатых и знатных семей [7. - С. 107]. Но в тоже время, предполагая аристократический характер коллегии номофилаков, с чем вряд ли можно согласиться [16. - С. 74], Р. А. Новикова полагала, что государственный строй Херсонеса еще назывался демократическим, но фактически уже не имел ничего общего с демократией [7. - С. 107]. Однако понятие "демократия" применялось греками к различным типам республик [подр. см.: 61. - С. 224; ср.: 31. - С. 366, 379], поэтому вряд ли на основании имеющегося материала можно говорить о кризисе, а не об определенной трансформации демократической системы управления, связанной с развитием конкретно-исторической обстановки вокруг Херсонеса.

Следовательно, можно констатировать, что в первой половине III в. до н. э., как думала Р. А. Новикова, или в начале II в. до н. э., как полагал Ю. Г. Виноградов [см.: 61. - С. 224 - 225], происходят определенные изменения в государственном строе Херсонеса [ср.: 27. - С. 15], в частности законодательная инициатива переходит от граждан к коллегии номофилаков [12. - С. 11]. Безусловно, права Р. А. Новикова, связывая это с изменением военно-политического положения Херсонеса в связи с угрозой со стороны "окрестных варваров" [7. - С. 107]. Естественно, в условиях варварских нападений и мер, предпринимаемых в ответ на это гражданской общиной, должна была возрасти роль в государственном управлении лиц, располагавших финансовыми возможностями и способными помочь своему полису справиться с надвигающейся опасностью [ср.: 31. - С. 366]. Но, как представляется, дело не только в этом.

Новые условия, сложившиеся вокруг Херсонеса, потребовали не только увеличения финансовых затрат, но и строгого исполнения законов государства, за соблюдением которых следила коллегия номофилаков, к которой перешла законодательная инициатива, что значительно повысило ее статус в системе государственной власти. Видимо, в этом следует видеть не признак аристократизации государственного строя, а определенное укрепление и усиление централизации полисного управления, необходимое в сложившихся обстоятельствах.

Показательно и то, что пританов, как дежурную часть Совета, если восстановление фрагмента надписи с их упоминанием Ю. Г. Виноградовым правомерно, в Херсонесе сменяют эсимнеты [ср.: 24. - С. 65; 50. - С. 70]. К сожалению, трудно сказать, когда это произошло, но эсимнеты пока зафиксированы в эпиграфических памятниках не ранее конца II в. до н. э. [45. - №№ 352, 690; 62. - С. 65; ср.: 9. - С. 16 - 19, № 2], что также позволяет предполагать определенную динамику структуры государственного управления Херсонеса.

Эсимнеты, выполнявшие обязанности дежурной части Совета, известны в целом ряде греческих центров, включая Мегары [1. - С. 18 - 20; 32. - С. 62, 256, 258], и могут рассматриваться как традиционно дорийский институт [подр. см.: 50. - С. 62 - 70]. Поэтому смена названия дежурной части херсонесского Совета, если таковая имела место, может служить показателем изменения содержания деятельности этой магистратуры. Эсимнет - это судья-устроитель, а позднее судья-правитель в сложных политических обстоятельствах, в том числе и социальный посредник в упорядочении гражданских дел [62. - С. 67 - 68]. Исходя из этого, можно предполагать, что замена пританов эсимнетами была в Херсонесе продиктована определенной трансформацией не только военно-политической обстановки вокруг города, но и положением, сложившимся в самой гражданской общине. Сказанное хорошо согласуется с содержанием ольвийского декрета первых десятилетий II в. до н. э. в честь Никерата, сына Папия [45. - № 34, 6-10], который был призван третьей судей в Херсонес и ликвидировал там гражданские волнения [61. - С. 196; 63. - С. 35].

Следовательно, определенные изменения в государственном строе Херсонеса есть достаточно веские основания связывать с ухудшением как военно-политического положения вокруг города, так и социальной нестабильностью в гражданском коллективе,

связанной в первую очередь с военной активностью "окрестных варваров". В сложившихся условиях, вероятно, гражданская община ужесточила требование к соблюдению законов государства и наделила дежурную часть Совета - эсимнетов, дополнительными правами по урегулированию социальной стабильности внутри гражданского коллектива, вызванной разорением варварами сельскохозяйственных угодий и связанными с этим кризисными явлениями в экономике. Естественно, что в сложившихся условиях должна была возрасти роль государственного управления, а в нем зажиточных граждан, располагавших средствами. Но это, как представляется, не может свидетельствовать исключительно об аристократизации [ср.: 12. - С. 15] или элитаризации [см.: 61. - С. 220 - 227; ср.: 27. - С. 12] государственного строя Херсонеса в целом. Ведь вряд ли в условиях варварских набегов, экономической и социальной нестабильности херсонесская элита могла получить от своего положения в органах государственной власти ощутимые выгоды и преимущества [ср.: 61. - С. 226 - 227].

На основании дополнения А. Беком надписи в одном из венков на постаменте статуи Агасикла, сына Ктесия [45. - № 418], который датируется рубежом IV-III или началом III в. до н. э. [21. - С. 335; ср.: 64. - С. 182 - 184], считалось, что в Херсонесе существовала коллегия стратегов [1. - С. 27 - 31; 5. - С. 69; 6. - С. 83; 8. - С. 192 - 209; 10. - С. 30; 65. - С. 48; 66. - р. 75; 67. - р. 207; ср.: 29. - С. 277 - 283], которая после упразднения передала свои функции коллегии архонтов [14. - С. 26; 16. - С. 73].

В противоположность этому Э. Миннз полагал, что здесь следует дополнять должность дамиурга, которую исполнял Агасикл [68. - Р. 646]. С таким чтением согласился Ю. Г. Виноградов, который указал, что восстановление в этом венке должности стратега "несколько противоречит симметрии строк в других венках" [21. - С. 351, прим. 203] а кроме этого стратеги, в противоположность дамиургам, ни разу еще не засвидетельствована в эпиграфике Херсонеса, что вряд ли можно объяснять простой случайностью [ср.: 26. - С. 237-240]. Исходя из этого, вероятно, можно согласиться с Э. Миннзом и следующим за ним Ю. Г. Виноградовым, что пока нет веских оснований говорить о наличии в Херсонесе коллегии стратегов, которая осуществляла функции военного командования [ср.: 32. - С. 168 - 170, 192 - 195 и др.]. Эти функции, как и функции гражданского управления, видимо, с III в. до н. э. выполняла коллегия архонтов [16. - С. 73; 45. - № 346; ср.: 29. - С. 261 - 277], роль которой продолжала оставаться достаточно значительной и в первые века н. э. [14. - С. 29; 16. - С. 73 - 74].

Высшим эпонимным магистратом в Херсонесе, как и в ряде дорийских центров, был басилевс [царь] [50. - С. 205, прим. 295; ср.: 1. - С. 24 - 27; 29. - С. 256, 301 - 302; 31. - С. 344], который впервые фиксируется в эпиграфических памятниках рубежа IV-III вв. до н. э. [45. - № 410, 414, 415]. Однако в эллинистический период "царь" уже не имел какой-либо реальной власти. Его именем обозначался год, датировались документы, принимаемые Народным собранием [45. - №№ 357, 358, 359, 360, 361, 365, 384, 699]. Он, как и в других дорийских центрах [подр. см. 69. - С. 177], выполнял религиозные функции от имени гражданской общины [1. - С. 27; 15. - С. 10 - 11; 16. - С. 67; 70. - С. 38; ср.: Arist., Polit. 1285 b 10 sqq; 1322 b 20 sqq]. Видимо, последняя была главной, так как на основании трех надписей из Херсонеса можно теперь достаточно уверенно говорить, что "басилевс" одновременно являлся и жрецом богини Партенос [69. - С. 177 - 178; ср.: 71. - С. 254].

В первые века н. э., видимо, в связи с отсутствием желающих занимать должность царя-эпонима в виду того, что это требовало значительных материальных затрат, его функции периодически переходили непосредственно к "царствующей" богине Деве [15. - С. 11 - 13; 16. - С. 69 - 73; 70. - С. 38; 72. - С. 160 - 161; ср.: 31. - С. 378]. Хотя в эпиграфических памятниках первых веков сохранилась практика более раннего времени, когда имя жреца в постановлениях Народного собрания располагалось после богини Девы [45. - №№ 357 - 362, 384, 386; 69. - С. 178].

В херсонесских надписях III - конца II в. до н. э. упоминается коллегия симмнамонов [45. - №№ 344, 346, 349, 352, 353]. Ее члены, насколько можно судить по имеющимся

надписям, выполняли функции провозглашения о награждении выдающихся деятелей венками [45. - № 344.11] и заботились об установке чествуемым статуй [45. - № 352.51], т. е. осуществляли на практике пожалованные почести и запись принятых декретов в честь особо отличившихся лиц [1. - С. 43; 7. - С. 103 - 104]. После реформы государственного управления Херсонеса в середине I в. до н. э. симмнамоны в эпиграфических памятниках уже не упоминаются, из чего следует, что эта коллегия была ликвидирована, а их функции перешли к другим магистратам [7. - С. 103].

Решения, связанные с расходованием финансов, принимались Советом и Народным собранием, а контролировались, наряду с диойкетом [казначеем], специальным должностным лицом, названным в декрете в честь "несения Диониса" первой четверти III в. до н. э. "стоящим во главе управления" [1. - С. 39 - 40; 16. - С. 81], видимо, финансами [45. - № 343; 60. - С. 110 - 111; ср.: 31. - С. 374] (Рис. 12). Эта должность существовала в Херсонесе и в первые века н. э. [45. - № 423], хотя законодательных предложений лица, занимавшие эту должность, уже не вносили [16. - С. 81]. Помимо государственной, в Херсонесе существовала и священная казна, которая, вероятно, была связана с храмом Партенос [5. - С. 69; 16. - С. 81]. Ею заведовало специальное должностное лицо, известное в по эпиграфическим памятникам с III в. до н. э. как "казначей священных сумм" [45. - №№ 344; 349, 352]. Из этой казны по постановлению Совета и Народа были отпущены средства для сооружения статуи полководцу Митридату VI Евпатора - Диофанту [45. - № 352], так как, видимо, в связи с херсонесско-скифскими войнами, государственные финансовые ресурсы были истощены [16. - С. 81].

Не исключено, что на основании расположения лиц в преамбуле декрета в честь "несения Диониса" (Рис. 12), где Гераклит, сын Парменонта, "стоящий во главе управления", и казначей Бабон, сын Афиней [45. - № 343; 60. - С. 121], названы раздельно, можно предполагать наличие в Херсонесе специальной коллегии во главе с председателем, ведавшей финансами. В этом отношении весьма показательно, что, судя по декрету в честь Диофанта и другим памятникам II в. до н. э. [45. - №№ 352, 439; ср.: 9. - С. 16 - 19, № 2; 10. - С. 13 - 17, № 110], "казначеев священных сумм" было несколько, и они могли составлять соответствующую коллегия. Но ограниченная источниковая база не позволяет на этом настаивать.

Из надписи в одном из венков на постаменте статуи Агасикла, сына Ктесия, известно, что он выполнял обязанности агораномом [45. - № 418]. Но, вероятно, эта должность в государственном аппарате существовала и раньше, так как она хорошо известна в Мегарах и ее колониях [16. - С. 78; ср.: 1. - С. 38 - 39; 29. - С. 298 - 299; 31. - С. 364]. Основной обязанностью агораномов было наблюдение за благоустройством рынков и торговых мест на них, уплатой рыночных сборов, контроль за ценами на ряд товаров, они также улаживали возникавшие в процессе торговли споры и т. д. [16. - С. 78; 74. - С. 93; 73. - С. 145; 75. - С. 58]. В Херсонесе, вероятно, на агораномов лежала обязанность снабжать население зерном [16. - С. 78; ср.: 9. - С. 10], так как, в отличие от Ольвии [31. - С. 368 - 369], здесь в эллинистический период не известна коллегия ситонов, специально ведавшая этим вопросом в целом ряде греческих центров.

По своим должностным обязанностям с агораномом были связаны астиномы [ср.: Plato., Legg. 760; Strabo., XV, I, 51; 75. - С. 60 - 61], известные в Херсонесе по клеймам на продукции керамического производства [76. - С. 20]. Несмотря на то, что конкретные обязанности астиномов никак не отражены в лапидарных надписях этого центра, об этой коллегии можно судить на основании аналогий, так как во всем греческом мире эти должностные лица имели сходные функции [76. - С. 16-17]. Астиномы избирались, как правило, на год. Они ведали коммунальным хозяйством, водоснабжением, надзирали за состоянием городских построек и оборонительными стенами, дорогами, улицами, гаванями и являлись блюстителями морали [75. - С. 55 - 57]. За нарушение порядка они могли арестовывать и наказывать провинившихся [Plato., VI, 758; Arist. Ath. Pol., 50; 73. - С. 143]. Одной из обязанностей астиномов был надзор за ремесленниками, которые должны были

выставлять на продажу только клейменные изделия установленного образца [75. - С. 58 - 59].

На основании данных керамических клейм можно говорить, что коллегия астиномов, которая, видимо, была одной из самых низших в структуре государственного управления [73. - С. 148; 75. - С. 61 - 62], существовала уже в 30-х гг. IV в. до н. э. и функционировала, по крайней мере, до первых десятилетий II в. до н.э., когда в Херсонесе прекратилось клеймение керамической продукции [76. - С. 20; 77. - С. 75]. Упоминание в клеймах около 130 астиномов свидетельствует, что в Херсонесе они осуществляли надзор за керамическим производством, а также за соблюдением установленных мер веса и объема [73. - С. 147; 77. - С. 26; 75. - С. 59 - 60; 78. - С. 109; ср.: 76. - С. 16]. Судя по ряду легенд клейм, такой контроль периодически осуществляли и агораномы [75. - С. 61; 77. - С. 51; 79. - С. 145], так как на них была возложена обязанность наблюдения за торговлей на рынках [73. - С. 145].

После прекращения клеймения керамической продукции астиномы в Херсонесе не известны. С середины I в. до н. э., когда была проведена реформа государственного строя, и сужена его коллегияльность, функции астиномов, вероятно, перешли к агораномам. Скорее всего, это объясняется общими тенденциями в развитии политических структур целого ряда античных государств в первые века н. э. [16. - С. 82 - 83; 74. - С. 93].

Среди других магистратур следует назвать гимнасиархов. Эта должность упоминаются впервые в почетной надписи в честь Агасикла, сына Ктесия [45. - № 418]. По мнению В. И. Кадеева, гимнасиархи, как и в ряде других греческих полисов, в Херсонесе были определенной магистратурой [14. - С. 29; 16. - С. 82]. Это вполне вероятно, если учесть, что одной из основных обязанностей гимнасиархов было следить за физической [см.: 9. - С. 57 - 61, № 20], интеллектуальной и моральной подготовкой граждан [ср.: 9. - С. 59 - 60; 10. - С. 99; 80. - С. 56 - 58]. В условиях непрекращающихся военных стычек с варварами это было особенно важно и должно было рассматриваться как задача государственной важности. Хотя, если исходить из расположения венков на постаменте статуи в честь Агасикла, эта магистратура была одной из первых среди тех должностей, которые на протяжении своего жизненного пути занимал этот государственный деятель [1. - С. 43]. Причем не исключено, что материальные расходы, связанные с исполнением обязанностей гимнасиарха, по крайней мере, частично, в данном случае нес сам Агасикл [ср.: 16. - С. 81 - 82].

В полисах с демократическим устройством несение литургий было обычным явлением и всячески поощрялось гражданским коллективом [ср.: Demosth., XVIII, 113; Lis. VII, 31; XXV, 12 - 13]. Ибо полис представлял собой объединение общинного типа, и одобрение сограждан являлось достаточно весомым стимулом для такого рода деятельности [подр. см.: 81. - С. 314 - 317]. В эпиграфических памятниках Херсонеса отсутствуют данные о хорегах, но наличие в городе археологически засвидетельствованных остатков театра позволяет предполагать, что именно они участвовали в организации театральных представлений.

* * *

С момента своего основания политический строй Херсонеса базировался на демократических началах. Основной его особенностью было то, что полномочия Народного собрания были ограничены Советом, члены которого, а не все полноправные граждане, готовили постановления и тем самым выступали в качестве органа, который регулировал повседневную жизнь полиса. Эта специфика политической системы была обусловлена тем, что расширение и освоение сельскохозяйственных территорий на Гераклеяском полуострове происходило в условиях постоянного военного противодействия варварам, что требовало высокой степени централизации, организованности и строгой дисциплины всех членов гражданского коллектива. Это вело к тому, что, вероятно, уже с момента возникновения Херсонесского полиса сложились объективные предпосылки для определенной элитаризации государственного строя

Херсонеса, которые наиболее ярко появились уже после его реформы в середине I в. до н. э. Богатые и влиятельные семьи в таких условиях должны были играть ключевую роль в государственном управлении, о чем в частности свидетельствует наличие в политической структуре Херсонеса коллегии номофилаков, к которой уже в III в. до н. э. перешла законодательная инициатива.

Следовательно, есть все основания говорить, что конкретно-исторические условия, складывавшиеся в Таврике в классический и эллинистический периоды, наложили весьма заметный отпечаток не только на историческое развитие Херсонеса, но на его государственное устройство, особенности которого в той или иной мере отражали перманентное противостояние греков-херсонеситов сначала таврам, а затем скифам. Видимо, этим, а не специфически дорийским путем развития, следует объяснять то особенное, что было присуще государственному устройству гражданской общины Херсонеса в условиях Таврики и отличало его от других античных социальных организмов северопричерноморского региона.

1. Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического //ЖМНП. - 1884. - Июль. - Отдельный оттиск. - С. 3 - 45.
2. Латышев В. В. Херсонесские надписи //МАР. - 1892. - Вып. 9. - С. 1 - 45.
3. Латышев В. В. Гражданская присяга херсонесцев // PONTIKA. - СПб., 1909. - С. 142 - 167.
4. Латышев В. В. Новый гимн в честь Гермеса // Латышев В. В. PONTIKA.— СПб., 1909. - С. 311 - 313.
5. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. - Л., 1948. - 147 с.
6. Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья (Краткий очерк) // АГСП. - М. - Л., 1955. - С. 23 - 147.
7. Новикова Р. А. Символы и номофилаки Херсонеса Таврического // ВДИ. - 1961. - № 2. - С. 102 - 108.
8. Новикова Р. И. Эпиграфические данные о стратегах Херсонеса Таврического // Исследования по истории феодально-крепостнической России. - М.- Л., 1964. - С. 192 - 209.
9. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. - К., 1964. - 196 с.
10. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. - К., 1973. - 284 с.
11. Пальцева Л. А. О должностных лицах херсонесского Совета в первые века н. э. //ВДИ. - 1977. - № 3. - С. 175 -181.
12. Пальцева Л. А. Проблемы политической истории Херсонеса Таврического в V - I вв. до н. э. - Автореф. ... канд. ист. наук. - Л., 1980. - 21 с.
13. Кадеев В. И. К вопросу о составе херсонесского Совета в первые века н. э. //ВДИ. - 1971. - №3. - С. 127 - 129.
14. Кадеев В. И. Про державний лад Херсонеса в перших століттях н. е. //УІЖ. - 1971. - № 9. - С. 23 - 31.
15. Кадеев В. И. К вопросу о "царствовании" Девы в Херсонесе //КСИА. - 1976. - Вып. 145. - С. 9 - 13.
16. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. - Харьков, 1981. - 144 с.
17. Новицкая Н. И. К вопросу о Народном собрании Херсонеса Таврического //Античные государства и варварский мир. - Орджоникидзе, 1981. - С. 139 - 149.
18. Новицкая Н. И. Государственное устройство Херсонеса Таврического в античности. - Автореф. ... канд. ист. наук. - Екатеринбург, 1992. - 18 с.
19. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. - М., 1986.- 248 с.
20. Saprikin S. Khersonesos Taurike: New evidence on greek city-state in the Western Crimea // Proceeding of the first international congress on the Hellenic Diaspora from antiquity to modern times. - Amsterdam, 1991. - P. 229 - 244.

21. **Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.** Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, история и культура. - М., 1990. - С. 310 - 371.
22. **Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.** Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII - V вв. до н. э. Письменные источники и археология. - Тбилиси, 1990. - С. 48 - 74.
23. **Vinogradov Ju. G., Zolotarev M. I.** La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont- Euxin vu par les Grecs. - Paris, 1990. - p. 85 - 119.
24. **Виноградов Ю. Г.** Дорийские филы в Херсонесе Таврическом //ВДИ. - 1993. - № 4. - С. 61 - 66.
25. **Владимиров А. А.** К вопросу о структуре государственного управления Херсонеса Таврического //Античный мир. - Белгород, 1999. - С. 96 - 104.
26. **Владимиров А. О.** Адміністративна реформа у Херсонесі Таврійському в останній чверті I століття до н. е. в світлі можливих варіантів реконструкції однієї епіграфічної пам'ятки // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. - Запоріжжя, 2000. - 8. - С. 237 - 242.
27. **Владимиров А. О.** Інститути синедрів в Ольвії та проєдри у Херсонесі Таврійському в римський період //Археологія. - 2000. - № 3. - С. 11 -18.
28. **Владимиров А. О.** До питання про вищу магістратуру Херсонеса Таврійського // Vita Antiqua. - 2003. - № 5 - 6. - С. 72 - 75.
29. **Латышев В. В.** Исследования по истории и государственном строе города Ольвии. - СПб., 1887. - 314 с.
30. **Иванов Е. Э.** Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. - Симферополь, 1912 (ИТУАК. - Т. 46). - 376 с.
31. **Анохин В. А, Русяева А. С.** Государственное устройство Ольвии. История развития государственной власти в VI - I вв. до н. э. // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999. - С. 342 - 380.
32. **Welwei K-W.** Die griechische Polis. Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. - Stuttgart, 1998. - 332 S.
33. **Золотарев М. И.** Херсонесская архаика. - Севастополь, 1993. - 98 с.
34. **Золотарев М. И.** Херсонесская архаика //ВДИ. - 1995. - № 3. - С. 138 - 151.
35. **Золотарев М. И.** К хронологии древнейшего Херсонеса// Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, 1995. - С. 100 - 106.
36. **Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.** Год рождения Херсонеса Таврического // Хсб. - 1998. - Вып. 9. - С. 36 - 46.
37. **Суриков И. Е.** К интерпретации острака с северного склона Акрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. - 1998. - Вып. 6. - С. 30 - 33.
38. **Суриков И. Е.** Из истории находок острака в Афинах // Из истории античного общества. - 2003. - Вып. 8. - 121 - 131.
39. **Доманский Я. В., Фролов Э. Д.** Присяга граждан Херсонеса (опыт исторической интерпретации) // Скифы, Хазары, Славяне, Древняя Русь. - Материалы научной конференции. - СПб., 1998. - С. 59 - 64.
40. **Павличенко В. И.** Херсонесская присяга и проблема политического устройства Херсонеса в конце V - начале IV вв. до н. э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1997. - С. 93 - 96.
41. **Соломоник Э. И.** Некоторые группы граффити из античного Херсонеса //ВДИ. - 1976. - № 3. - 121 - 141.
42. **Граффити античного Херсонеса.** - К., 1978. - 139 с., 31 табл.
43. **Соломоник Э. И.** Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках //ВДИ. - 1984. - № 3. - С. 72 - 81.
44. **Кадеев В. И.** Раскопки в Херсонесе //АО за 1984 г. - М., 1986. - С. 239 - 240
45. **Latyshev V.** Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. - Petropoli, 1916. - Vol. 1. - 594 с., 4 табл. [IOSPE, I²].

46. Жебелев С. А. Херсонесская присяга // Северное Причерноморье. - М. - Л., 1953. - С. 217 - 247.
47. Сапрыкин С. Ю. Херсонесская проксения синопейцу //ВДИ. - 1998. - № 4. - С. 41 - 65.
48. Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества [Родос IX - VII вв. до н. э.]. - Л., 1951. - 340 с.
49. Burstein S. An outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. - Barkeley, Los Angelos, 1976. - 143 p.
50. Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. - СПб., 1999. - 304 с.
51. Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. //Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии. - Л., 1986. - С. 152 - 176.
52. Сапрыкин С. Ю. Херсонесская буле //Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1988. - С. 97 - 99.
53. Сапрыкин С. Ю. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического //ВДИ. - 1994. - № 3. - С. 126 - 144.
54. Сапрыкин С. Ю. Херсонесская буле // Археология. - 1995. - №1. - С. 75 -82.
55. Соломоник Э. И., Николаенко Г. М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE, I², № 403) // ВДИ. - 1990. - № 2. - С. 79 - 99.
56. Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Каллиник, сын Евксена: проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. // ВДИ. - 1982. - №4. - С. 26 - 46.
57. Туровский Е. Я. О характере некоторых событий истории Херсонеса в I в. до н. э. //Иресиона. Античный мир и его наследие. - Белгород, 2002. - Вып. 2. - С. 31 - 33.
58. Gschnitzer F. Pritanis //RE. - 1974. - Suppl. XIII. - Sp. 730 - 816.
59. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. - XII в. н. э.). - Киев, 1977. - 174 с.
60. Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о "несении Диониса" IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию //ВДИ. - 1997. - № 3. - С. 104 - 124.
61. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII - I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. - М., 1989. - 286 с.
62. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса //Становление и развитие раннеклассовых обществ. - Л., 1986. - С. 8 - 99.
63. Виноградов Ю. Г. Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика// Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, 1995. - С. 5 - 56.
64. Яйленко В. П. Некоторые вопросы интерпретации херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла // Проблемы истории, филологии, культуры. - Москва-Магнитогорск, 2001. - Вып. 10. - С. 175 - 187.
65. Зубар В. М. З історії Херсонеса Таврійського другої половини IV - початку III ст. до н. е. //Археологія. - 1990. - № 1. - С. 39 - 50.
66. Saprikin S. J. Ancient Farms and Land-Plots on the Khor of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula - 1974 - 1990). - Amsterdam, 1994. - 154 p., 65 pl.
67. Saprikin S. J. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI - I centuries BC). - Amsterdam, 1997. - 336 p.
68. Minns E. H. Scythians and Greeks. - Cambridg, 1913. - 730 p.
69. Макаров И. А. Из эпиграфики Северного Причерноморья //ВДИ. - 2001. - № 1. - С. 175 - 178.
70. Пальцева Л. А. Культ богини Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. - Горький, 1979. - С. 30 - 46.
71. Пичикян И. Р. Алтарь Пасиада в Херсонесе //СА. - 1976. - № 3. - С. 248 - 255.
72. Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. - К., 1999. - 208с.
73. Борисова В. В. К вопросу об астиномах Херсонеса //ВДИ. - 1955. - № 2. - С. 143 - 148.

74. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.-V в. н. э. (на материалах Херсонеса).-Харьков, 1989.-134 с.
75. Павличенко Н. А. Коллегия астиномов в эллинистическом полисе //Античный мир и археология //Античный мир и археология. - 1990. - Вып. 8. - С. 52 - 62.
76. Цехмитренко В. И. О характере керамического клеймения в античную эпоху //КСИА. - 1971. - Вып. 128. - С. 15 - 20.
77. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. - Саратов, 1994. - 170 с.
78. Кац В. И. Динамика производства амфорной тары в эллинистическом Херсонесе //Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, 1995. - С. 107 - 111.
79. Борисова В. В. Херсонес: Керамическое производство //САИ. - 1966. - Вып. Г 1 - 20. - С. 13 -17.
80. Климов О. Ю. Военная организация городов Малой Азии в эпоху эллинизма //Античный мир и археология. - 1993. - Вып. 9. - С. 50 - 59.
81. Маринович Л. П. Гражданин на празднике Великих дионисий и полисная идеология // Человек и античное общество в античном мире. - М., 1998. - С. 295 - 362.

Zubar V.M.

STATE STRUCTURE OF CHERSONESOS IN LATE VI - MIDDLE I CENTURIES B.C.

Resume

Since foundation of Chersonesos its political structure had been based on the principles of democracy. Its main characteristic feature was that authorities of the Folkmoot were restricted by the Council. The members of the latter one, rather than all freemen, prepared resolutions and acted as a primary force that regulated everyday life of the *polis*. Such particularity of the political system was conditioned by the fact that expansion of new agricultural lands on the Herakleian peninsula took place under conditions of continual military opposition to the Taurians, what required high degree of centralization, order, and strict discipline among all community members. This resulted in formation of conditions for certain aristocratization of the state structure since the moment of foundation of the Chersonesan *polis*, and it manifested itself most clearly right after its reform in the middle of the 1st century A.D. Under such conditions wealthy and authoritative families must have played crucial part in the state administration, what is specifically ascertained by the presence of a college of *nomophylakon* within the political structure, which gained legislative leadership in the 3rd century B.C.

There is all ground to believe that specific historical situation having formed in Taurika in the Classical and Hellenistic periods had considerable influence not only upon historical development of Chersonesos, but also upon its state structure the peculiarities of which reflected permanent resistance of the Geeks-Chersonites first against Taurians, and later against Scythians. Apparently, we ought to explain the peculiarities of the state structure of Chersonesan freemen community in Taurian conditions and its difference from other ancient social systems of the Black Sea North Region by the abovementioned fact rather than by specifically Doric development pattern.

Колтухов С.Г., Тощев Г.Н.

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ У с. ПРИРЕЧНОЕ НИЖНЕГОРСКОГО РАЙОНА В КРЫМУ

Первые достоверные данные о раскопках в пределах современного Нижнегорского района относятся к 80-м гг. XIX в., когда у с. Жемчужина Ю. Кулаковским были исследованы курганные насыпи [1-№ 96; 2.-С. 64; 3]. После весьма длительного перерыва работы возобновились лишь с середины 60 гг., сотрудниками Северо-Крымской

экспедиции. На протяжении почти тридцати лет исследовались курганы у сел Изобильное, Емельяновка, Неженское, Ломоносово, Червонное, Акимовка, Буревестник, Черноземное [4; 5.—С.46; 6; 7.—С.6-7; 8; 9.—С.61-62]. Охранные работы эпизодически производили и сотрудники других научных учреждений. Так, в 1979 г. сотрудниками отдела охраны и учета памятников Крымского краеведческого музея исследован курган у с. Приречное¹, в 1986 г. экспедицией под руководством И.В. Ашкинази у с. Желябовка была исследована насыпь с захоронениями эпохи бронзы [10]. Материалы первого из них и вводятся в научный оборот.

Отметим, что в 1981 г. у этого села одна насыпь изучалась Северо-Крымской экспедицией под руководством В.А. Колотухина, материалы кургана (№ 23 согласно отчетной документации², получили недавно освещение в печати [11].

Двумя годами ранее сотрудники краеведческого музея С.Г. Колтухов и И.Н. Храпунов провели работы на почти полностью снесенной бульдозерами насыпи, которая находилась в выкорчеванном саду, в 1 км к западу от села.

К началу раскопок уцелевшая центральная часть достигала высоты 0,5 при диаметре 30 м. По словам сотрудника совхоза „Победа“, до сноса курган имел высоту 1 м и диаметр 60 м.

Охранными работами выявлено 19 разновременных захоронений, из которых 8 характеризуют ямную культуру - № 4,5,11,12, 14, 15,16, 19; 8 относятся к катакомбной культуре - № 6,7, 7, 8, 9,10,13,17,18, а три (№ 1-3) – к различным периодам эпохи средневековья. Таким образом, могильник функционировал на протяжении, главным образом, в эпоху ранней бронзы (рис.1).

Погребение 1 – средневековое (рис.2,1). Обнаружено в центре кургана на глубине 0,3 м от репера, установленного на самой высокой точке сохранившегося участка насыпи. Контуры ямы не прослеживались. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован на СВ. Кости ног срезаны бульдозером. Руки уложены вдоль туловища.

Под костяком отмечена древесная труха – остатки конструкции? Под правой половиной черепа находилось кольцо (1), у правой ключицы и в нижней части грудной клетки найдены две полые пуговицы (2), а в 10 см от правого плеча лежало кольцо (3). В 2–4 м к югу от погребения в отвале обнаружены кости ног и обломки железного клинка.

Инвентарь: 1 – височное кольцо из бронзовой проволоки диаметром 2,5 см (рис.2, 3).

2 – 2 полые бронзовые пуговицы (рис.2,2).

3 – бронзовое кольцо диаметром 3 см (рис.2,4).

Погребение 2 – позднесредневековое (рис.2, 5). Выявлено в 11 м к ЮВ на глубине 0,4 м. Погребальное сооружение не прослежено. Костяк лежал вытянуто на спине головой на З. Левая рука уложена вдоль туловища, кости правой согнуты в локте, кисть на грудной клетке. Кости ног сведены.

Погребение 3 – раннесредневековое (рис.2,7). Обнаружено в 18,5 м к ЮЗЗ на глубине 0,5 м. Костяк лежал вытянуто на спине, ориентирован на ЮЗЗ. Ноги подняты коленями вверх. Правая рука уложена вдоль туловища, кисть согнутой в локте левой на тазе. Слева от черепа стоял сосуд (1).

Инвентарь: 1 – грубый гончарный сосуд, орнаментированный двумя прочерченными волнистыми линиями. На внешней стороне дна сосуда – рельефный крест. Высота горшка 20,5 см, диаметр тулова 20 см (рис.2,6).

¹ Колтухов С.Г., Храпунов И.Н. Отчет об охранных раскопках у с. Приречное Нижнегорского района в 1979 г. Симферополь // Архив КОМ, КП-26172. Д 9920.

² Колотухин В.А. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства 11 очереди СКЭ канала в 1981 году. Симферополь, 1982 // Отдел АК, 126/1-6.

Погребение 4 – ямное (рис.3,1). Выявлено в 7,2 м к югу на глубине 0,8 м, уровне желтоватого суглинка. Яма в плане прямоугольной формы с закругленными углами, ее длина 1,9 м, ширина 1,1 м, вытянута по линии З-В. Отмеченная глубина ямы 0,3 м. В заполнении ямы находились обломки дерева от рухнувшего перекрытия.

Костяк взрослого человека лежал на спине, вероятно, с наклоном вправо, ноги коленями вправо. Ориентирован на СВВ, череп смещен грызунами на левое плечо. Руки уложены вдоль туловища. На костяке и под ним отмечен коричневатый тлен. Кроме того, на дне ямы под скелетом отмечен тонкий слой белой (мел?) подсыпки. На черепе и правой ключице небольшие пятна красной охры. В области таза на дне ямы зафиксированы следы совершенно разрушившегося деревянного предмета.

Погребение 5 – ямное (рис.3,3). В 8 м к ЮВ на глубине 0,5 м. Яма прямоугольной формы с округленными углами (0,65х0,38 м), вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ. Отмеченная глубина ямы 0,08 м. Костяк ребенка полностью истлел, в северной части ямы сохранились отдельные кости черепа. У западной стенки стоял небольшой лепной сосуд (1). Рядом с ним прослежено небольшое пятно красной охры. Большое пятно красной охры зафиксировано в южной части ямы, в месте расположения стоп.

Инвентарь: 1 – лепной плоскодонный сосуд, венчик и верхняя часть тулова отбиты в древности. Высота сохранившейся части 8 см, диаметр 12 см (рис.3,2).

Погребение 6 – катакомбное (рис.3,4). Входной колодец округлой формы диаметром 1 м выявлен в 8 м к СВ на глубине 1 м. Отмеченная глубина 0,1 м, заполнение состояло из чернозема. Погребальная камера овальной формы (2,35х1,75 м) располагалась к ЮЗ, ее дно ниже уровня дна входной ямы на 0,3 м. Прослеженная высота камеры 0,4 м.

Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован на ЮВ. Череп смещен грызунами к стенке камеры. Руки уложены вдоль туловища, кисть левой под тазом. На дне камеры под костяком отмечены следы белесого тлена.

Погребение 7 – катакомбное (рис.3,5). В 10 м к ЮВ на глубине 0,9 м. Выявлено по темному пятну заполнения входного колодца на фоне желтоватого суглинка. Колодец в плане прямоугольной формы с закругленными углами (1,1х1 м) прослежен на глубину 0,1 м. Погребальная камера бобовидной формы вытянута по линии СЗ-ЮВ, ее длина 2 м, ширина 1,3 м. Горизонтальное дно камеры на 0,6 м ниже дна входного колодца. Костяк взрослого человека лежал скорченно на спине, головой на ЮВ, ноги распались ромбом. Левая рука уложена вдоль туловища, кисть слегка согнутой правой у таза. Под костяком отмечен коричневатый тлен. Справа и выше черепа стоял вверх дном сосуд (1), под ним и черепом отмечено пятно красной охры. У плеча левой руки погребенного находилось навершие булавы(2), от него до кисти руки прослежен древесный тлен от ручки длиной 0,54 см, закрепленная в навершии бронзовыми скрепами (3).

Инвентарь: 1 крупный лепной сосуд с коротким прямым венчиком, широкими плечиками и маленьким донцем. Высота сосуда 18 см, диаметр плечиков 23 см, горловины 20 см, дна 8 см (рис.3,7).

2- каменное навершие грушевидной формы (рис.3,6).

3 – бронзовые скрепы плохой сохранности.

Погребение 8 – катакомбное (рис.4,1). В 10 м к ЮЮВ на глубине 0,9 м по черноземному заполнению погребальной камеры. Входной колодец, примыкавший с СВ к погребальной камере, не прослежен. Камера в плане имела форму неправильного овала (1,3х0,65 м) вытянута по линии СЗ-ЮВ. Отмеченная глубина 0,2 м.

Костяк подростка лежал скорченно на левом боку, головой на СЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая чуть согнута в локте, кисть на костях левой руки. Ноги согнуты под тупым углом, пятки у таза. Под костяк отмечен коричневатый тлен. Под коленями, стопами ног, кистями рук, между черепом и стенкой катакомбы – небольшие пятна охры. У ног погребенного стоял сосуд (1).

Инвентарь: 1 – двуручный лепной сосуд с высокой шейкой и низким туловом, полностью покрытый прочерченным геометрическим орнаментом. Цвет поверхности желтовато-красный из-за примеси охры в тесте. Высота сосуда 11 см, диаметр горла 9 см, тулова 12,5 см (рис.4,2).

Погребение 9 – катакомбное (рис.4,3). В 0,2 м южнее погребения 8. Входной колодец не прослежен, погребальная камера заполнена суглинком, ее размеры 1х0,6 м, отмеченная глубина 0,2 м. Вытянута по линии В-З. На дне выявлены отдельные косточки растащенного грызунами костяка ребенка. У южной стенки заполнения камеры на 7 см выше дна лежал сосуд (1).

Инвентарь: 1 – лепной горшок с коротким прямым венчиком, стройным туловом и небольшим плоским дном. Высота сосуда 9,5 см, диаметр плечиков 12 см (рис.4,4).

Погребение 10 – катакомбное (рис.4,5). В 3 м к ЮВ на глубине 0,8 м. Форма входного колодца, имевшего заклад из камня, точно не установлена. Он примыкал к погребальной бобовидной камере, расположенной к СЗ. Ее контуры проявились на глубине 1 м, размеры камеры 2,4х1,6 м, прослеженная в суглинке глубина 0,8 м.

Костяк взрослого лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Череп обращен лицевой частью кверху, руки уложены вдоль туловища. На теменной части черепа имелось круглое трепанационное отверстие диаметром 1,4 см. Под черепом, локтями и тазом пятна охры.

Погребение 11 – ямное, основное (рис.5,1). Выявлено в центре кургана под средневековым захоронением 1, на глубине 0,9 м. В разрезе бровки непосредственно над ямой могилы отмечен обломок деревянной плахи и материковый выброс, лежащие на поверхности погребенной почвы. Перекрытие снесено во время разрушения насыпи кургана.

Яма в плане прямоугольной формы с закругленными углами (1,85х1,3 м), отмеченная глубина 0,8 м, глубина от уровня древней дневной поверхности 1,5 м. Погребение потревожено в древности, у южной стенки ямы. выявлены покрытые охрой черепа трех взрослых и ребенка, Кости рук, ребра и позвонки лежали беспорядочно в центре, а кости ног в южной части могилы. *In situ* сохранились челюсть одного из погребенных и стопа ноги, судя по которым один из погребенных лежал скорченно на спине головой на В. На месте первоначального расположения черепов в В части ямы – большое пятно красной охры. В СЗ части могилы, непосредственно на костях, рядом, стояли два раздавленных сосуда (1,2).

Инвентарь: 1 – лепной сосуд с коротким слегка отогнутым венчиком и стройным туловом. Дно плоское. На плечиках имеются две вертикальные наклепные ручки с вертикальными проколами. Высота сосуда 11 см, диаметр тулова 12 см, горла – 8 см (рис.5,2).

2- лепной горшок с коротким прямым горлом имеет широкий венчик, орнаментированный короткими насечками. Плечики украшены пояском из трех прочерченных зигзаговидных линий. Высота сосуда 11 см, диаметр плечиков 12 см, венчика – 8,5 см (рис.5,3).

Погребение 12 – ямное (рис.5,4). Выявлено на уровне суглинка в 7 м к З на глубине 1 м. Яма в плане прямоугольной формы (1,9х1,1 м), вытянута по линии СЗ-ЮВ. Прослеженная глубина 0,75 м. В черноземном заполнении, вдоль ЮЗ и СВ стенок лежали обломки деревянных плах перекрытия толщиной 15 см и шириной 20 см. В СЗ части могилы вдоль длинной ее стенки стояли вертикально два обломка таких же плах и обломок бревна длиной 0,4 м. Судя по их положению, плахи и бревна перекрытия располагались вплотную друг к другу поперек ямы.

Костяк взрослого человека лежал на спине головой на ЮВ. Ноги коленями влево, левая рука уложена вдоль туловища, кисть чуть согнутой в локте правой на тазе. Под костяком отмечены следы коричневатого тлена, а в районе колен фиксировалось

большое пятно красной охры. Дно ямы покрыто тонкой меловой подсыпкой. В 5 см от колен погребенного лежала небольшая округлая галька диаметром 5 см.

В ЮЗ углу ямы выявлены в небольшой кучке обломки черепа и отдельных костей рук и ног, которые были разбиты рухнувшим перекрытием. Не исключено, что было совершенно подзахоронение.

Погребение 13 – катакомбное (рис.5,5). Контуры входного округлого колодца выявлены на глубине 1 м в 15 м к СЗЗ. Его диаметр 1,1 м, заполнение состояло из суглинка. В дне колодца сделана небольшая ступенька, которая вела в погребальную камеру на глубину 0,6 м.

Погребальная камера в плане бобовидной формы (2,05x1,2м), вытянута по линии СВ-ЮЗ.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на спине, головой на ЮЗ, ноги коленями влево. Руки уложены вдоль туловища. Череп слегка смещен грызунами, на месте его расположения небольшое пятно охры.

Погребение 14 – ямное (рис.6,1). В 9 м к ЮЮЗ на глубине 1,1 м выявлены контуры прямоугольной в плане ямы. Ее размеры 1,05x0,75 м, отмеченная глубина в суглинке 0,25 м. Заполнение черноземное. Костяк лежал скорченно на левом боку, головой на ЮВ. Правая рука слегка согнута в локте, кости левой истлели. Под костяком отмечены следы коричневого тлена, под черепом пятно охры. Дно ямы покрыто белесым налетом.

Погребение 15 – ямное (рис.6,2). В 11,5 м к СЗЗ на глубине 1 м. Яма в плане прямоугольной формы (1,9x1,2 м), отмеченная глубина в суглинке 0,7 м, заполнение состояло из чернозема. В нем встречены мелкие обломки дерева от рухнувшего перекрытия.

Костяк взрослого человека лежал на спине, ориентирован на СВ. Ноги коленями вправо. Правая рука уложена вдоль туловища, левая согнута под тупым углом, кисть на тазе.

Под костяком отмечены слабые следы коричневого тлена, под стопами ног пятно красной охры. На костяке и дне ямы лежат параллельно обломки пяти жердей шириной 7-10 см и толщиной 304 см, их длина достигает 45 см. Эти обломки, судя по их положению, не являются частью рухнувшего перекрытия, определить их назначение затруднительно.

Погребение 16 – ямное, основное (рис.6,3). В СЗ секторе на уровне древнего горизонта зафиксированы две линзы материкового выброса, между которыми на глубине 1,3 м выявлены контуры ямы. Она в плане прямоугольной формы со слегка закругленными углами, ее размеры 1,85x1,4 м, отмеченная в суглинке глубина 0,5 м. Заполнение состояло из чернозема. Вдоль СЗ стенки стояли наклонно четыре обломка плах провалившегося перекрытия. Их длина 0,6 м, ширина 0,2- 0,3 м. Отдельные обломки плах находились и у СВ и ЮВ стенок ямы на 5-10 см выше дна.

Костяк взрослого человека лежал на спине, головой на СВ. Череп обращен лицевой частью вверх, раздавлен рухнувшими плахами. Левая рука уложена вдоль туловища, правая согнута в локте под прямым углом, ее кисть на локте левой руки. Ноги коленями влево. На черепе и под ним следы красной охры. Под костяком отмечено большое пятно коричневатого тлена.

Погребение 17 – катакомбное (рис. 6,4). Выявлено в 15,5 м к ЮЗЗ на глубине 0,8 м по галечному заполнению входного колодца. Последний в плане квадратной формы с округленными углами (0,7x0,75 м) прослежен на глубину 0,5 м. Погребальная камера подпрямоугольной формы (1,55x1,05 м) примыкала к ЮВ. В нее вела ступенька высотой 0,8 м.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на спине с наклоном вправо, ориентирован на СВ. Правая рука уложена вдоль туловища, кисть слегка согнутой на тазе.

Дно погребальной камеры под костяком покрыто тонким слоем коричневатого тлена.

Погребение 18 – катакомбное (рис.6,5). В 19 м к СЗ на глубине 1,4 м выявлено пятно погребальной камеры катакомбы, входной колодец которой не прослежен. Камера в плане овальной формы, вытянута по линии СВ – ЮЗ, ее длина 1 м, ширина 0,8 м, отмеченная в материке глубина 0,3 м. Северо-западная длинная стенка вертикальная, здесь, скорее всего, и располагался входной колодец.

Горизонтальное дно могилы покрыто коричневым тленом, в СВ части небольшое пятно охры. В южной части могилы у стенки лежал каменный терочник (1), под ним обломок гальки. Кенотаф.

Инвентарь: 1 – каменный терочник усеченно-конической формы (рис.6,7).

2 – галька (рис.6,8).

Погребение 19 – позднеямное (рис.6,19). В 7,8 м к ЮЮЗ на глубине 1 м. Погребальная яма в плане прямоугольной формы с закругленными углами (1х0,7 м), прослеженная глубина 0,08 м. Костяк ребенка плохой сохранности лежал скорченно на левом боку головой на В. Левая рука согнута в локте, ее кисть у нижней челюсти, кисть согнутой правой под локтем левой руки. На черепе и под стопами ног небольшие пятна охры.

Дно ямы покрыто слоем мелкой гальки.

Основным в исследованной насыпи выступает ямное погребение 16, рядом с ямой которого выявлен выброс материковой глины. Возможно, исходя из расположения и наличие выброса, одновременно с ним и захоронение 11. Позже впущены захоронения как ямной, так и катакомбной, последующих во времени культур.

Курганы с двумя (даже – с тремя) основными ямными погребениями известны в Крыму. Это насыпи у с.Целинное (к. 1, 15), с. Кропоткино-93 (к.1).

Ямные захоронения располагались по широкой дуге (150-320 градусов), одной из длинной сторон к центру. Возможно, часть погребальных конструкций представляла яму с уступом, о чем свидетельствуют остатки деревянного перекрытия в заполнении могил. Отмечены позиции как скорченно на спине, так и на боку. Данные планиграфии указывают на близкое время их совершения, что еще раз подтверждает известные мнения о сосуществовании ямных групп населения с различным обрядом захоронения как в Крыму [12], так и на других территориях [13].

В погребении 19 отмечена сплошная подсыпка дна ямы слоем мелкой гальки. Подобные случаи подсыпки гальки или ракушек известны для ямных захоронений Крыма. Так, в п. 10 к. 1 у с. Филатовка дно ямы было покрыто камкой и измельченной ракушкой. Слой раковин находился и на дне впускных погребений в курганах у сел с. Крыловка. Целинное, Рисовое и др.

Отметим, что согласно А.А. Щепинскому, подсыпка дна ящика галькой, ракушками или камкой – один из признаков т.н. «кеми-обинской» культуры [14–С.9]. Новые материалы показывают достаточно широкое распространение такого обычая у населения Крыма в эпоху ранней бронзы [12; 15].

Инвентарь ямных захоронений представлен тремя сосудами, происходящими из двух захоронений (табл.1). Один из сосудов основного коллективного погребения 11 по своей форме и орнаментации (системы прочерченных треугольников) сопоставим с катакомбными материалами. Полное соответствие – сосуд из п.22 к.2 у. Холмское [16.–С.91, рис.90,5].

Катакомбные захоронения расположены на большем расстоянии от центра, нежели ямные, из 8 комплексов четыре компактно сконцентрированы в ЮВ секторе (№ 7-10), одно в северо-восточном и три вытянуты по линии С-Ю в западном полукруге камерами к высокой части кургана, к центру (№ 17, 13, 18). Если в ЮВ секторе совершены захоронения с погребенными в различной позе (вытянуто, скорченно на спине) то в 3 полукруге впущены катакомбы со скорченными на боку костяками.

Материалы как этого, так и других известных катакомбных могильников в различных физико-географических Крыма (Рисовое, к.1,5,7; Крыловка, Первомайского р-на, к.13; Акимовка; Богачевка, к.10; Мартыновка, к.1,2; Калинино; Рюмино, к.3, 8; Шалаши, к.10; Целинное, к.6; Суворовское, к.17 и др.) еще раз подтверждают наблюдения об отсутствии определенной системы в расположении катакомбных могил в могильниках Крыма.

Керамика катакомб находит соответствие в материалах как крымских [17.—Тошев, 1999], так и северопричерноморских памятников. Уникальной является находка двуручного сосуда с орнаментированным туловом и дном из погребения 8, аналогу которому нам не известны.

Навершия булав — довольно редкая категория инвентаря в катакомбных захоронениях. Они выявлены в основных и впускных захоронениях, как со скорченными на боку костями (Болотное, 14,8; Шалаши, 10, 1Б), так и вытянутыми на спине (Чкалово, 3,12; Филатовка, 12,2; Крыловка, Первомайский р-н, 7,9). Навершия булав различны по своей форме, среди них имеются округлые, грушевидные, некоторые имеют выступ в основании.

Навершие булавы обнаружено также и на поселение Планерское I, нижний слой которого исследователи рассматривают как катакомбный [17] наряду с древнейшими находками Каменки и Кирова.

Как ямные, так и катакомбные материалы Крыма сопоставимы с памятниками Северного Причерноморья, откуда в различные периоды и происходило расселение по территории полуострова.

1. Спицын А.А. Курганы с окрашенными костями // ЗРАО. — 1899. — Т.ХI. — Вып. 1-2. — 53-133.
2. Häusler A. Innenverzierte Steinkammergräber der Krim // JmV.— 48.-Halle (S.), 1964.-S.59-82
3. Häusler A. Die Gräber der älteren Ochergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten — Berlin, 1976. — 222 s.
4. Копьева Т.А. Курганы у села Акимовка в Крыму // ДСПК. - Т.1. - Запорожье, 1990. — С.128-136.
5. Колотухин В.А. О раскопках в степном Крыму // АДнУ 1991 року. —Київ, 1993. — С.46-47.
6. Scepinskiĭ A.A. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet // ZfA. № 28. 1994. — S.87-106.
7. Колтухов С.Г., Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма. II. (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993-1995 гг.). - Запорожье, 1998. — 195 с.
8. Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. — Симферополь, 2000. — 118 с.
9. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. “Ногайчинский курган” в степном Крыму // ВДИ. — 2003.— № 3. — С.61-99.
10. Гаврилов А.В., Тошев Г.Н. Курганы у села Желябовка в Крыму // Stratum plus. — № 2. - 1999 — С.160-166.
11. Гаврилов А.В., Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Курганы эпохи бронзы и скифский могильник V-III в. до н.э. у с.Приречное в Крыму // ССПК.-Т.Х.-Запорожжя. Изд-во ЗГУ. - 2002. — С.94-109.
12. Тошев Г.Н. Ранний период эпохи бронзы в Крыму // Interferențe culturale-cronologice în spațiul nord-pontic. Chișinău, 2003. — С.89-112.
13. Иванова С.В. Ямная культура Северо-Западного Причерноморья: стратиграфия и хронология // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия

- Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Часть 1. М., 2003. -С.87-89.
14. Щепинский А.А. Энеолит Крыма. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06.Киев, 1975.
 15. Тощев Г.Н. К вопросу о кеми-обинской культуре // Древности. – Харьков, 2004 (в печати).
 16. Тощев Г.Н. Западный ареал памятников катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991. – С.85-100.
 17. Тощев Г.Н. Средний период эпохи бронзы в Крыму (по материалам погребальных памятников) // Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. – Вип.5.-Запоріжжя, 1999.- С.16-36.

Koltuhov S.G., Toshev G.N.

BURIAL MOUND OF BRONZE EPOCH NEAR PRIRECHNOE VILLAGE OF NIZHNEGORSKIY REGION IN CRIMEA

Resume

Data of the barrow, explored in 1979 near Prirechnoe village of Nishnegorskiy region, are published. In the embankment 16 burials of Bronze epoch and 3 burials of Medieval epoch have been revealed.

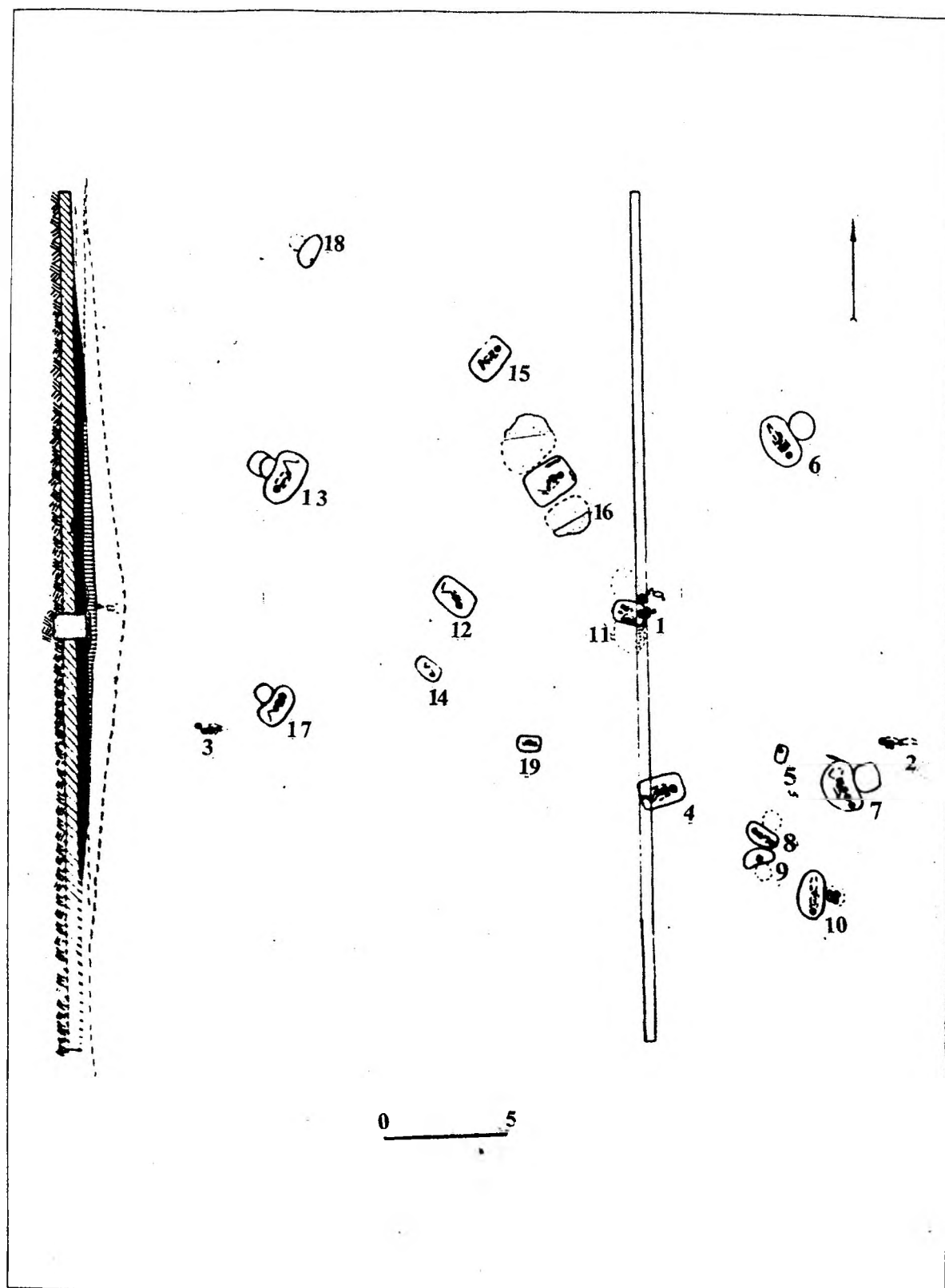

Рис.1 Общий план и разрез кургана у с. Приречное

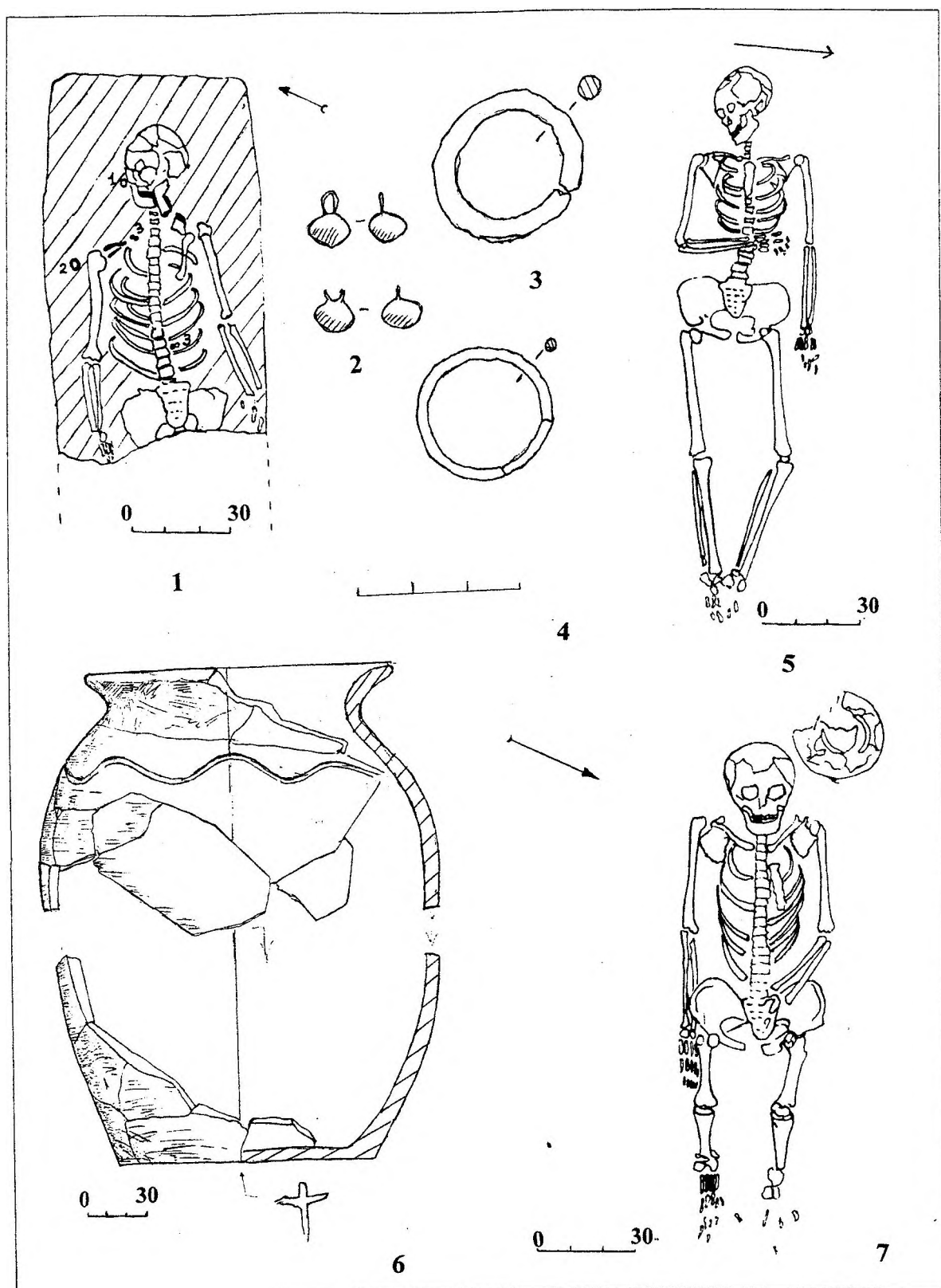

Рис.2. Планы и материалы погребений. 1-4 – п.1; 5- п.2; 6-7 – п.3.

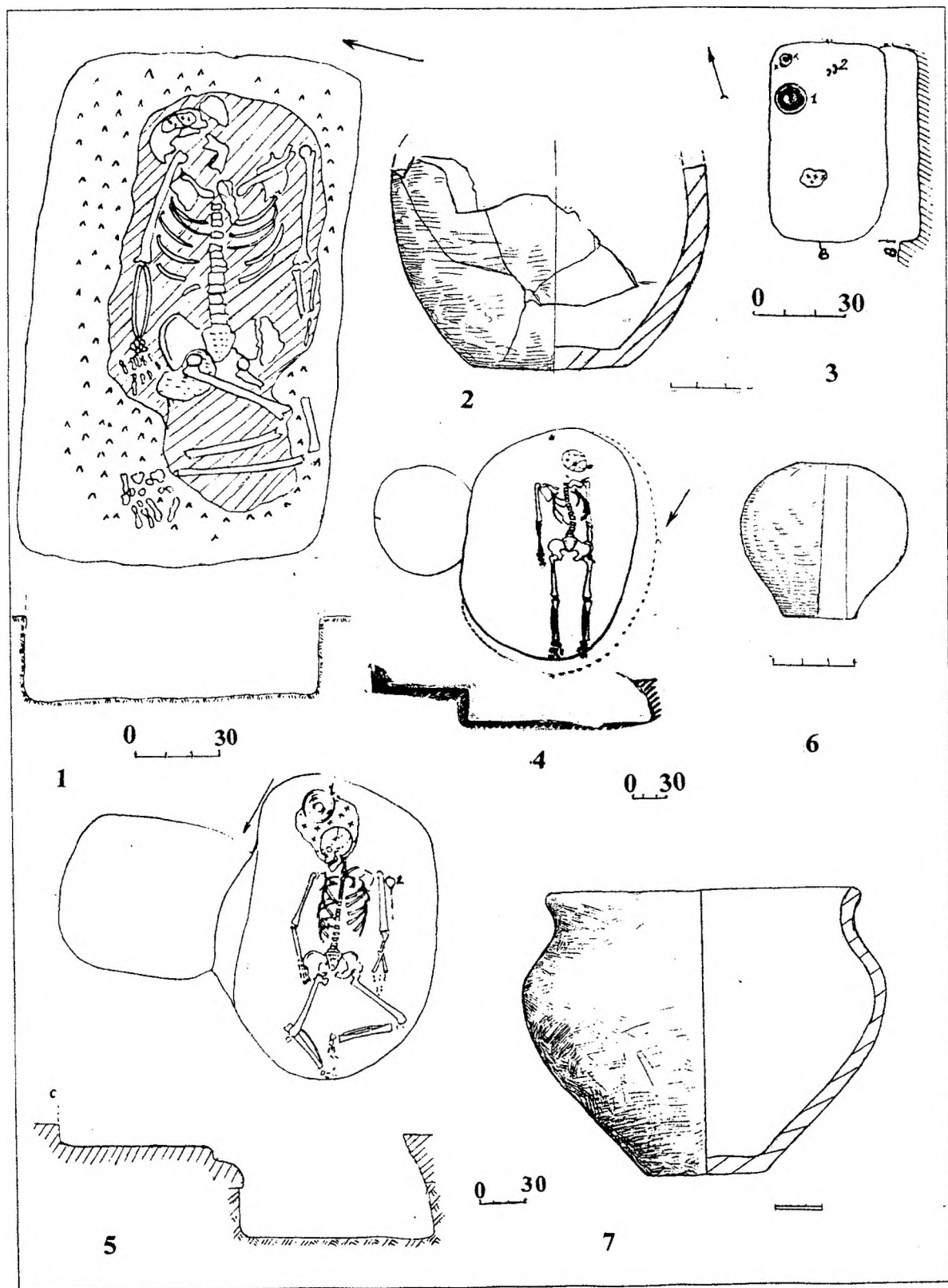

Рис.3. Планы и материалы погребений. 1-п.4; 2-3 – п.5; 4-п.6; 5-7 – п.7.

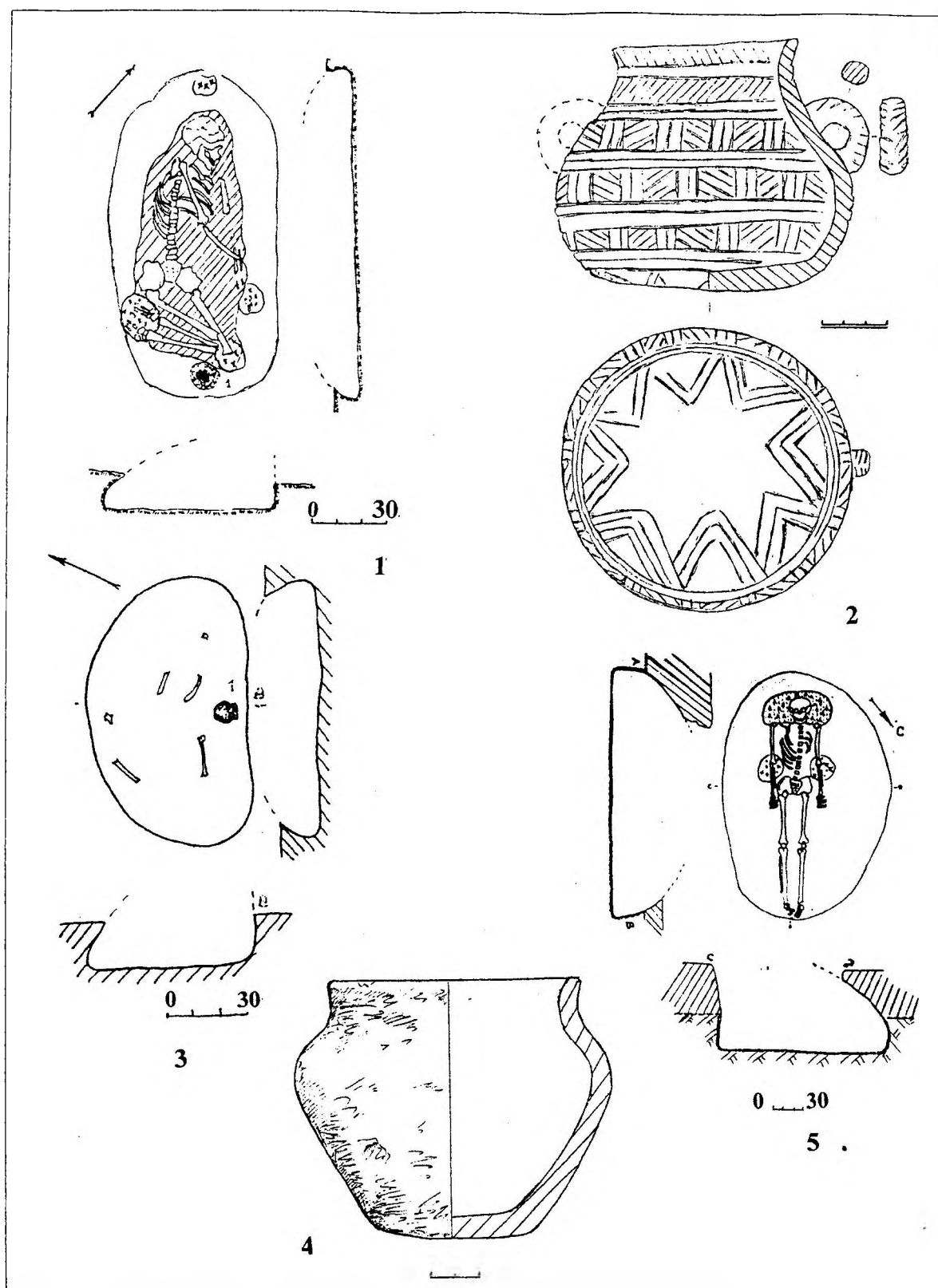

Рис.4. Планы и материалы погребений. 1-2 – п.8; 3-4 – п.9; 5- п.10.

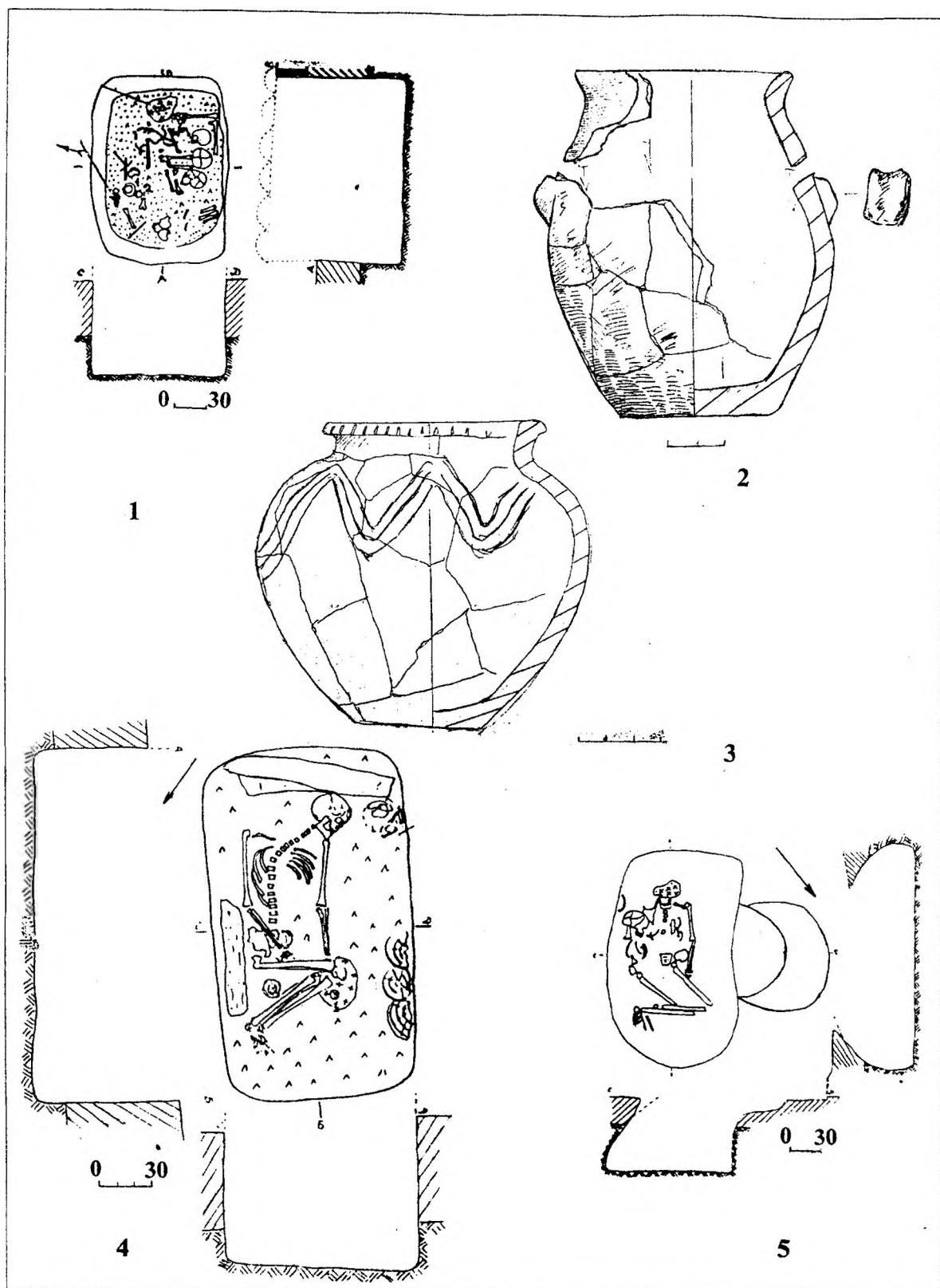

Рис.5. Планы и материалы погребений. 1-3 – п.11; 4-п.12; 5-п.13.

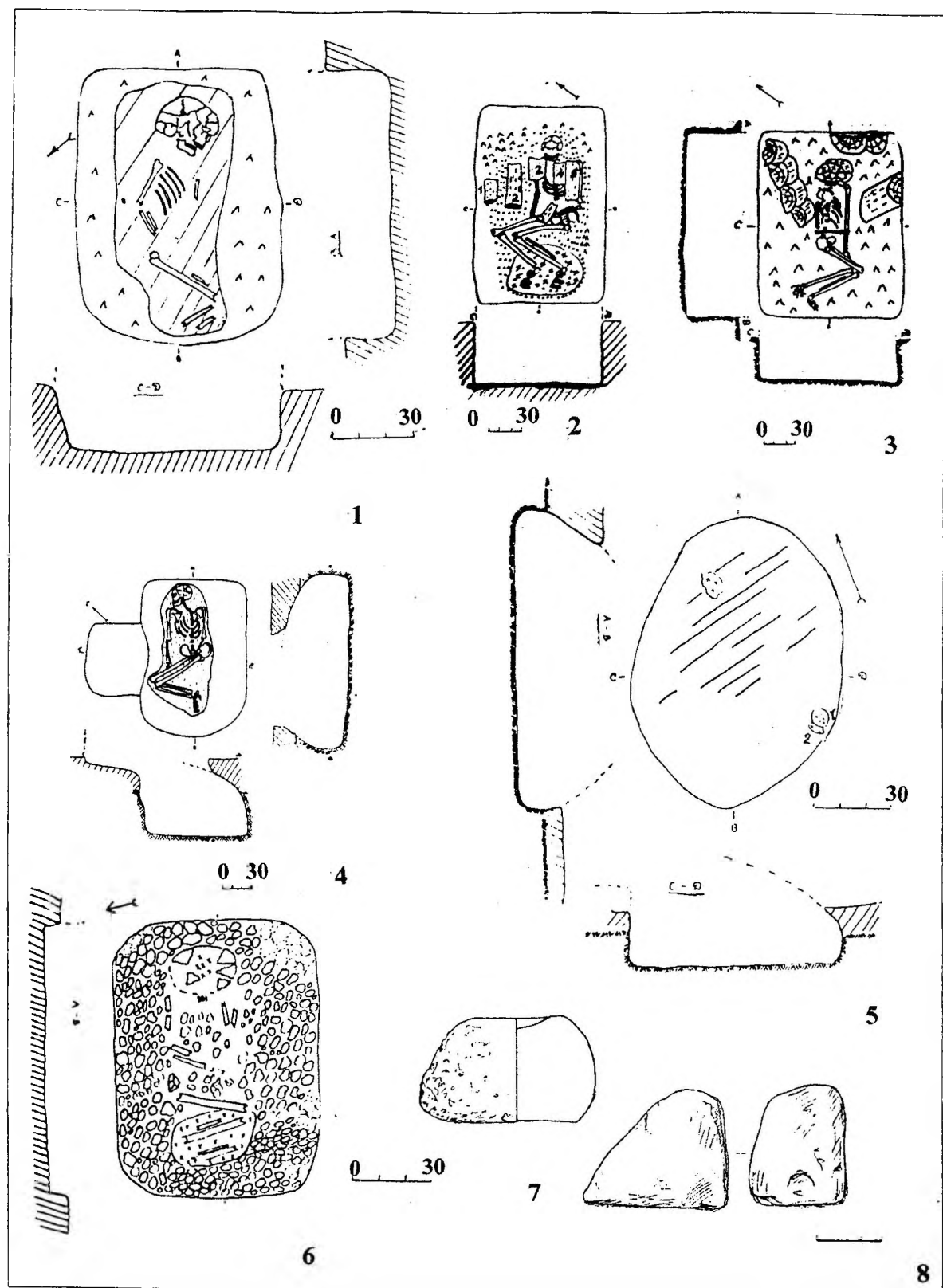

Рис.6. Планы и материалы погребений. 1-п.14; 2-п.15; 3-п.16; 4-п.17; 5,7-8 - п.18; 6 - п.19.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АА	–Археологический альманах
АВЛ -	– Археология восточноевропейской лесостепи
АГСП	– Античные государства Северного Причерноморья
АЛЛУ —	– Археологічний літопис Лівобережної України
АИУ	–Археологические исследования на Украине
АИМ	–Археологические исследования в Молдавии
АО	–Археологические открытия
АП	– Археологічні пам'ятки
АПВЗ	–Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья
АС	–Археологический съезд
АСГЭ	–Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БДИКМ -	–Белгород-Днестровский историко-краеведческий музей
ВДИ-	–Вестник древней истории
ВИМК -	–Вестник истории мировой культуры
ВУАК —	–Всеукраїнський археологічний комітет
ГИМ -	–Государственный исторический музей
ДА ..	–Донская археология
ДГС –	–Древности Геродотовой Скифии.
ДП КС ОАО	–Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества
ДСПК -	–Древности Степного Причерноморья и Крыма
ЖМНП	–Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО –	–Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗІФ -	–Записки Історичного факультету Одеського університету
ЗООА -	–Записки Одесского археологического общества
ЗООИД -	–Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК -	–Известия археологической комиссии
ИКИАИ -	–Известия Кавказского историко-археологического Института
ИТУАК	–Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЭ –	–Институт этнографии АН СССР
МНМ -	–Мифы народов мира
КАМ -	–Культура античного мира
КЗ ВУАК —	–Короткі звітлення Всеукраїнського археологічного комітету
КСИА	–Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАР	–Материалы по археологии России
МАСП -	–Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МИА -	–Материалы и исследования по археологии СССР
МНМ -	–Мифы народов мира
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института Археологии НАН Украины
НА ІА НАНУ	–Науковий архів Інституту археології НАН України
НА ЦОДПА	–Науковий архів Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації
НАМСП -	–Никоний и античный мир Северного Причерноморья
НАП -	–Нумизматика античного Причерноморья
НИО ПГУ	–Научно-исследовательский отдел Приднестровского государственного университета
НТ	–Новороссийский телеграф, Одесса
ОАМ -	–Одесский археологический музей
ПАЗ	–Полтавський археологічний збірник

ПАК –	–Проблемы античной культуры
ПАП	–Проблемы археологии Поднепровья
ПСА	–Проблемы скифской археологии
РА	–Российская археология
РЖВСЗП	–Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья
СА -	Советская археология
САИ -	–Свод археологических источников
СЗПКЗДК	–Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур
СА	–Советская археология.
САИ -	–Свод археологических источников
СГАИМК	–Сообщения Государственной академии
СМАА	–Сборник материалов по археологии Адыгеи
ССПК	–Старожитності Степового Причорномор'я і Криму
УІЖ	–Український історичний журнал
Хсб	–Херсонесский сборник
ЈАА -	–American Journal of Archaeology
Ann. Du.. l'CAIHV	–Annales du ... Congrès de l' Association Internationale pour l'Histoire du Verre
BACS -	–Bulletin of American Ceramic Society
BAR -	–British archaeological reports: Supplementary series
JACS	–Journal of American Ceramic Society
FQ -	–Folia Quartenaria. - Kraków
IOsPE I ²	– Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. - Petropoli, 1916. - Vol. 1
ISM -	–Inscriptiile din Scythia Minor
LIMK	–Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (München / Zürich 1981 - 1990)
PPS -	–Proceeding of Prehistoric Society
RE	–Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
SP	–Stratum plus, Кишинев-Санкт-Петербург-Одесса

НАШІ АВТОРИ

Агульников Сергей Михайлович - научный сотрудник Отдела Первобытной Археологии и Фракологии Института Археологии Академии Наук Республики Молдова.

Алексеев Алексей Алексеевич – заведующий отделом охранных исследований Запорожской областной инспекции по охране памятников истории и культуры.

Андрух Светлана Ивановна – доцент кафедры всеобщей истории ЗГУ.

Безматерных Александр Евгеньевич - аспирант кафедры археологии и истории древнего мира исторического факультета Воронежского Государственного Университета.

Берёзкин А.П. - зав. сектором Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника.

Бессонова Светлана Сергеевна – к.и.н., старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии ИА НАНУ.

Бруяко Игорь Викторович – д.и.н., сотрудник ОАМ НАН Украины.

Буйских Сергей Борисович – к.и.н., ст. н. с. отдела античной археологии ИА НАНУ.

Былькова Валерия Павловна – доцент кафедры всемирной истории и историографии Херсонского гос. университета

Васильев Александр Александрович – аспирант кафедры археологии и этнологии ОНУ им. И.И. Мечникова.

Власов Владимир Петрович - к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Вольная Галина Николаевна – сотрудник факультет социологии и психологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Высотская Татьяна Николаевна – д. и. н., старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины,

Гавриш Петро Якимович —доцент Полтавського державного педагогічного університету.

Гейко Анатолій Володимирович -мол. наук. співробітник Інституту керамології — відділення Інституту народознавства НАН України.

Глебов Вячеслав Петрович, научный сотрудник Археологического научно-исследовательск

ого бюро. г. Ростов-на-Дону.

Гузман Раиса Олеговна – студентка V курса ЗДУ.

Данилко Наталья – лаборант 1 категории, отдела энеолита-бронзы ИА НАНУ

Дараган Марина Николаевна - аспирант отдела скифо-сарматской археологии ИА НАНУ.

Ильюков Леонид Сергеевич – к. и. н. старший научный сотрудник Ростовского областного музея краеведения.

Зубарь Виталий Михайлович – д.и.н., старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии Института археологии НАНУ.

Кайзер Елке – доктор наук, научный исследователь Института преисторической археологии, Свободный университет, Берлин.

Калмыков Алексей Анатольевич - главный специалист ГУП "Наследие" министерства культуры Ставропольского края.

Канторович Анатолий Робертович – доцент истфака МГУ.

Кац Владимир Иванович – доцент кафедры истории Древнего мира Саратовского университета.

Кашуба Майя Тарасовна – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии АН Республики Молдова, к. и.н.

Кислый Александр Евгеньевич – к.и.н., старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины,

Ковалева Ирина Федоровна – проф. кафедры историографии и источниковедения ДНУ.

Кокорина Юлия Георгиевна – соискатель аспирантуры кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Константинов Олег Вячеславович – студент IV курса исторического факультета Одесского национального факультета им. И.И. Мечникова.

Кулатова Ірина Миколаївна — зав. відділом Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації,

Куприй Сергей А. – м.н.с..скифского отдела ИА НАНУ

Кутинова Т.М. – преподаватель школы 2 г. Энгельса, соискатель при той же при кафедре истории Древнего мира Саратовского университета;

Левицкий Олег Георгиевич – ведущий научный сотрудник Института Археологии и Этнографии АН РМ, д. и. н.

Манько Валерий Александрович - младший научный сотрудник Института археологии НАНУ.

Медведев Александр Павлович – профессор кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета.

Михайлов Борис Дмитриевич – директор заповедника «Каменная Могила».

Мурзин Вячеслав Юрьевич – д.и.н.

Охотников Сергей Борисович – к.и.н., сотрудник ОАМ НАНУ

Островерхов Анатолий Степанович – к.и.н., ст. науч. співробітник Одеського відділу ІА НАНУ

Папанова Валентина Анатольевна – к.и.н., доцент.

Парусимов Игорь Николаевич – научный сотр. Археологического научно-исследовательского бюро, г. Ростов-на-Дону.

Переводчикова Елена Владимировна – к.и.н., Государственный Исторический музей

Плешивенко Алла Григорьевна – ст. науч. сотр. областной гос. Инспекции охраны памятников

Полидович Юрий Богданович – к.и.н.

Попандопуло Зоя Харитовна – зав. отделом истории и этнографии ЗКМ

Потапов Вадим Валерьевич – научный сотрудник Археологического научно-исследовательского бюро, г. Ростов-на-Дону

Рудич Татьяна Александровна – младший научный сотрудник ИА НАН Украины.

Русяева Анна Станиславовна – д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии ИА НАН Украины

Сава Евгений Николаевич – д. и. н., ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова, Кишинев

Савельев Олег Костянтинович – аспірант кафедри археології та етнології України ОНУ ім. І.І. Мечникова

Саенко Валерий Николаевич – руководитель археологической экспедиции Токмакского городского музея.

Сапожников Игорь Викторович – к.и.н., старший научный сотрудник ИА НАНУ.

Сарачева Татьяна Григорьевна – старший научный сотрудник; кандидат исторических наук Государственный исторический музей

Синика Виталий Степанович – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровской государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь).

Супруненко Олександр Борисович — директор Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації, старший науковий співробітник, к. і. н. заслужений працівник культури України.

Субботин Леонид Васильевич – к.и.н., науч. сотрудник ОАМ НАН Украины

Тащи Е.Ф. – преподаватель кафедры Отечественной истории, научный сотрудник лаборатории «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь.

Тощев Геннадий Николаевич – доцент кафедры истории Украины ЗГУ

Туровский Евгений Яковлевич – к.и.н., научный сотрудник Херсонесского заповедника

Ушаков С.В. – к.и.н.; научный сотрудник Херсонесского заповедника, преподаватель Севастопольского технического университета.

Фатеев Олег Викторович – краевед (г. Никополь).

Фиалко Елена Евгеньевна – к.и.н., старший научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии ИА НАН Украины.

Фидельский Сергей Анатольевич – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь).

Филиппенко А.А. – научный сотрудник Херсонесского заповедника.

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Четвериков Игорь Анатольевич – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь).

Шалобудов Владимир Николаевич – н.с. лаборатории археологии Приднестровья при ДНУ.

Шапвалов Георгий Иванович – д.и.н., директор ЗКМ.

Щербакова Татьяна Александровна – старший преподаватель кафедры Всеобщей истории, научный сотрудник лаборатории «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко г. Тирасполь.

Щербань Анатолій Леонідович – аспірант Інституту археології, молодший науковий співробітник Інституту керамології – відділення Інституту народознавства НАН України.

Яценко Сергей Александрович – д. и. н., доцент каф. истории и теории культуры, зам. декана фак-та истории искусств Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

ЗМІСТ

Contents

Частина 1. Матеріали конференції.

	С.
Агульников С.М. Компоненты культуры Ноуа в белозерской погребальной обрядности.	3
Agulnikov S.M. Components of Noa Culture in Funeral Rites of Belozerskaya Culture	
Агульников С.М., Бруйко И.В., Кожокару В.М., Субботин А.В. Поселение гетов V в. до р.х. у с. Ново-Некрасовка на Нижнем Дунае	10
Agulnikov S.M., Bruyako I.V., Kozhokaru V.M., Subbotin A.V. Gettian Settlement of the Vth century B.C. near Novo-Nekrasovka village at Lower Danube	
Алексеев А.А. По следам Б.Н. Гракова в Приазовье. (по материалам Скифской степной экспедиции, 1950 г.).	13
Alekseev A.A. Follow in B.N. Grakov's Footsteps in Azov Sea Region (by Data of Scythian Steppe Expedition, 1950)	
Андрух С.И. Оружие скифских захоронений могильника Мамай-Гора	15
Andrukh S.I. Weapons from Scythian Burials of Burial Ground Mamay-Gora	
Безматерных А.Е. Античные амфоры из курганов скифского времени лесостепного Дона	19
Bezmaternyh A.E. Antique Amphoras from Burial Mounds of Scythian Period from Forest-Steppe Don Region	
Березкин А.П. Фотограмметрические методы в музейной практике	23
Berezkin A.P. Photogrammetric Methods in Museum Practice	
Бессонова С.С. Крылатый конь – гиппокамп – морской конек и скифский Посейдон	25
Bessonova S.S. Winged Horse-Hippocampus-Sea-Horse and Scythian Poseydonus	
Бойко Ю.Н. О связях населения Поднестровья, Побужья и Поворскля в VIII – VII вв. до н.э. (по материалам селища Вишенка-2).	31
Boyko U.N. To Interrelations of Population of Dniester, Bug and Vorskla Regions in the VIII-VII centuries B.C. (on Data of Vishenka-2 Settlement)	
Болтрик Ю.В. До питання про політичний центр Скіфії	38
Boltrik U.V. To Question of Political Center of Scythia	
Бруйко И.В. Обновлённая схема гальштатской хронологии Центральной Европы и памятники раннего железного века юга Восточной Европы	41
Bruyako I.V. Renewal Chart of Hallstätt Chronology of Central Europe and Monuments of Early Iron Age on the South of Eastern Europe	
Буйских С.Б. (Киев) Ольвия и варвары в VI-V вв. до н.э. (некоторые источниковедческие аспекты проблемы)	46
Buyskih S.B. Olbia and Barbarians in the VI-V centuries B.C. (Some Source Aspects of Problem)	
Былкова В.П. Предметы сарматского происхождения на Любимовском городище (раскопки 1988-1990 гг.)	50
Bylkova V.P. Objects of Sarmatian Origin at Lubimovskoe Hillfort (Excavations of 1988-1990)	
Васильев А.А. О времени появления пряжек с «почковидным» щитком у поздних сарматов	55
Vasilev A.A. To period of Appearance of Buckles with "Gemma-Shaped" Corymb in Late Sarmatian Culture	
Вольная Г.Н. Мотив животного с перекрученным туловищем в скифо-сибирском зверином стиле Кавказа	60
Volnaya G.N. Motif of Animal with Overwinded Body in Scythian-Siberian Animal Style of Caucasus	
Высотская Т.Н. Аграрный культ у поздних скифов	64
Vysotskaya T.N. Agrarian Cult in Late Scythian Culture	
Гавриш П.Я. Дофортечный период в истории Більського городища	66
Gavrish P.Y. Proto-Fortress Period in History of Bilske Hillfort	
Гейко А.В. Дослідження оборонних споруд Опішненського городища скіфського часу	69
Geyko A.V. Exploration of Defensive Works at Opishnenske Hillfort of Scythian period	

В.П. Глебов Тираспольская группа памятников Поднепровья – сарматы, сираки, скифы ...	74
Glebov V.P. Tiraspol Group of Monuments of Dniester river region – Sarmatians, Siraki, Scythians...	
Гузман Р. О. Відображення діяльності Б.М. Гракова за матеріалами обласної преси	77
Guzman R.O. Reflection of B.N. Grakov's Activity by Data of Regional Press	
Данилко Н.М., Куприй С.А. Курган у с. Малая.Лепетиха	79
Danilko N.M., Kupriy S.A. Burial Mound near Malaya Lepetiha village	
Дараган М.Н. Основы хронологии предскифского и раннескифского времени Северного Причерноморья	86
Daragan M.N. Fundamentals of Chronology of Proto-Scythian and Early-Scythian Period of Northern Black Sea Region	
Зубарь В. М. По поводу "земляночного" этапа домостроительства в Херсонесе в V - начале IV вв. до н. э.	92
Zubar V.M. Apropos of "Pit-Housing" Stage of House-Building in Chersonesus in the V-beginning of IV centuries B.C.	
Иванова С.В. Погребения эпохи бронзы - раннего железа из Одесской области	95
Ivanova S.V. Burials of Bronze-Early Iron Epochs from Odesskaya Region	
Ильюков Л.С. Бронзовые ножны с бронзовыми резцовыми пластинками	98
Ilukov L.S. Bronze Scabbard with Bronze Carving Plates	
Кайзер Елке, Сава Евгений. Новые исследования культуры Ноа в Молдове	99
Kayzer Elke, Sava Evgeniy New Explorations of Noa Culture in Moldova	
Калмыков А.А., Потапов В.В. Погребение из могильника Золоторевка I и некоторые вопросы генезиса черногооровской культуры	103
Kalmykov A.A., Potapov V.V. Burial from Burial Ground Zolotorevka I and Some Problems of Genesis of Chernogorovskaya Culture	
Канторович А.Р. «Пограничные» образы в искусстве скифского звериного стиля	109
Kantorovich A.R. "Boundary" Images in Art of Scythian Animal Style	
Кац В.И. Работа Б.Н.Гракова над III томом IOSPE	111
Katz V.I. B.N. Grakov's Work on the III Volume of IOSPE.	
Кашуба М.Т. Древности VII в. до н.э. в Днестро-Прутском междуречье	114
Kashuba M.T. Antiquities of the VII century B.C. at Dniester-Prut Interriver	
Кислый А.Е. Глейки II – новый памятник на археологической карте Крыма	116
Kisly A.E. Gleyki II – New Monument on Archaeological Map of Crimea	
Кишлярук В.М. Палеогидрология Днестра в районе поселения Чобручи	120
Kishlyaruk V.M. Palaehydrology of Dniester River in Area of Chobruchi Settlement	
Кишлярук В.М., Кравченко Е.Н. Каменный материал из сооружений поселения Чобручи	125
Kishlyaruk V.M., Kravchenko E.N. Stone Material from Buildings of Chobruchi Settlement	
Ковалева И.Ф. Скифские изваяния историко-археологического музея корпорации ВЭЭСВИ в г. Днепропетровске	130
Kovaleva I.F. Scythian Statues from Historic-Archaeological Museum of Corporation VEESVI in Dnepropetrovsk	
Кокорина Ю.Г. Ахеменидский меч из кургана Чертомлык: к проблеме использования скифами	133
Kokorina U.G. Ahemenidian Sword from Burial Mound Chertomlyk: To Problem of it's Usage by Scythian	
Константинов О. В. Подбойные могильные сооружения культуры Черногоровки-Новочеркасского клада	136
Konstantinov O.V. Niche Burial Structures of Culture of Chernogorovka-Novocherkasskiy Treasure	
Кузнецова Т.М. О времени правления в Скифии царя Скила	141
Kuznetzova T.M. To Period of Tzar Scylus Ruling in Scythia	

Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Старожитності доби раннього залізного віку Кременчуцького Подніпров'я	143
Kulatova I.M., Suprunenko O.B. Antiquities of Early Iron Age on Kremenchug Dnieper river region	
Кутинова Т.М. Синдская Афродита	149
Kutinova T.M. Afrodita Sindika.	
Левицкий О.Г. Курганный могильник позднегальштатского периода	
Тринка «Друмул Фетештилор»	152
Levitzkiy O.G. Burial Mound of Late Hallsstatt Period Trinka "Drumul Feteshtilor"	
Махортых С.В. Черногородские древности Крыма	158
Mahortyh S.V. Chernogorovskie Antiquities of Crimea	
Медведев А.П. О степени близости курганных некрополей скифского времени на Дону	163
Medvedev A.P. To Degree of Proximity of Burial Mound Necropolis of Scythian Time at Don river.	
Михайлов Б. Д. Надмогильные плиты эпохи энеолита в с. Новоданиловка на Запорожье	167
Mihaylov B.D. Tomb Stones of Eneolithic Epoch near Novodanilovka village in Zaporozhye Region	
Мурзін В.Ю. Ще раз про локалізацію міста Гелона	173
Murzin V.U. Once More to Localization of Gelon City	
Островерхов А.С. Две статуэтки римского времени из Тиры	176
Ostroverhov A.S. Two Statuettes of Roman Period from Tiras	
Островерхов А.С., Охотников С.Б. Римские орлы в памятниках прикладного искусства Тиры	184
Ostroverhov A.S., Ohotnikov S.B. Roman Eagles on Monuments of Applied Art from Tiras	
Папанова В.А. Алтари некрополя Ольвии	189
Papanova V.A. Altars from Olbia Necropolis	
Парусимов И.Н. К датировке кургана скифского времени могильника Новопалестинский II	198
Parusimov I.N. To Dating of Burial Mound of Scythian Period at Burial Ground Novopalestinskiy II	
Переводчикова Е.В. Курган Козел глазами кочевников разных эпох	200
Perevodchikova E.V. Burial Mound Kozel by Nomads' Eyes of Different Epochs	
Плешивенко А.Г. Защита "отеческих" могил	204
Pleshivenko A.G. Protection of "Paternal" Graves	
Полидович Ю. Б. Раннескифские зооморфно оформленные псалии как воплощение фигуры животного	206
Polidovich U.B. Early Scythian Zoomorphic Shaped Cheek-Pieces as Incarnation of Animal Figure	
Попандопуло З.Х. Конструктивные особенности скифских курганов Надпорожья	210
Popandopulo Z.H. Constructive Peculiarities of Scythian Burial Mounds of Over-Rapids Dnieper river Region	
Рудич Т.О. Сармати та черняхівська культура (за матеріалами антропології)	213
Rudich T.O. Sarmatians and Chernyakhovskaya Culture (by Anthropological Data)	
Русяева А.С. Древнейшее посвящение Афине в Ольвии	216
Rusyaeva A.S. The Most Ancient Dedication to Atheana in Olbia	
Русяева М.В. Надгробия римских легионеров из Херсонеса Таврического	219
Rusyaeva M.V. Epitaphs of Roman Legionaries from Chersonesus Tavricheskiy	
Савельев О.К. Сарматські поховання на Тилігульському лимані	222
Savelev O.K. Sarmatian Burials at Tiligulskiy Estuary	
Саенко В.Н. К вопросу о «греческом» в скифском зверином стиле	226
Saenko V.N. To Question of "Greek" Elements in Scythian Animal Style	
Сапожников И.В. Факты из истории описания и изучения курганов Северного Причерноморья	230
Sapozhnikov I.V. Facts from History of Description and Exploration of Burial Mounds of Northern Black Sea Region	

Сарачева Т.Г. Технология изготовления украшений узды из скифского кургана Козел	234
Saracheva T.G. Technology of Production of Harness Ornaments from Scythian Burial Mound Kozel	
Синика В.С. Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное	237
Sinika V.S. Horse in Funeral Rite at Burial Ground of Late Scythian Period near Glinoe village	
Скорый С., Хохоровски Ян. Курган Скифская могила в Днепро-ской Правобережной Лесостепи (некоторые предварительные итоги исследования)	239
Skory S., Hohorovski Y. Burial Mound Skifskaya Mogila in Right-bank Dnieper River Forest-Steppe Region (Some Preliminary Results of Exploration)	
Субботин Л.В., Островерхов А.С. Фигурный керамический светильник с изображением змея из Тиры	245
Subbotin L.V., Ostroverhov A.S. Figured Ceramic Oil-Lamp with Image of Snake from Tyras	
Тошев Г.Н. Погребальные памятники СКИО в Крыму	250
Toshev G.N. Burial Monuments of Srubnaya Cultural-Historic Community in Crimea	
Туровский Е.Я. О природе монетной типологии в нумизматике античного Херсонеса в IV-II вв. до н. э.	253
Turovskiy E.Y. To Character of Monetary Typology in Numismatics of Antique Chersonesus in the IV-II centuries B.C.	
Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Погребальный инвентарь могильника Карши-Баир (изделия из металла)	254
Ushakov S.V., Filippenko A.A. Burial Inventory of Karshi-Bair Burial Ground (Metal Objects)	
Фатеев О.В. Амфорные клейма Нижнего Поднепровья	255
Fateev O.V. Amphora Stamps of Lower Dnieper river Region	
Фатеев О.В. Херсонесский амфорный импорт на скифских поселениях Нижнего Приднепровья	262
Fateev O.V. Chersonesus Amphora Import at Scythian Settlements of Lower Dnieper river Region	
Федосеев Н. Методы датирования керамических клейм	265
Fedoseev N. Methods of Dating of Ceramic Stamps	
Фиалко Е.Е. Деревянные чаши - знаки воинской доблести у скифов	269
Fialko E.E. Wooden Bowls – Signs of Military Prowess in Scythian Culture	
Фидельский С.А. Сарматский курган у с. Чобручи на Нижнем Днестре	272
Fidelskiy S.A. Sarmatian Burial Mound near Chobruchi village on Lower Dniester	
Храпунов И. Н., Власов В. П. Могильник эпохи поздней бронзы в предгорном Крыму	277
Hrapunov I.N., Vlasov V.P. Burial Ground of Late Bronze Epoch in Foothill Crimea	
Четвериков И.А. О хронологическом разделении тираспольской группы	279
Chetverikov I.A. To Chronological Division of Tiraspol'skaya Group	
Шалобудов В.Н., Шульга А.Н. К вопросу о чеканке железных монет в городах античного Боспора	285
Shalobudov V.N., Shulga A.N. To Question of Minting of Iron Coins in Cities of Antique Bospor	
Шاپовалов Г.И. До питання про датування човна з Піщаного	287
Shapovalov G.I. To Question of Dating of Boat from Pishanoe village	
Щербакова Т.А., Таші Е.Ф. Родосские клейма сер. III – пер. пол. II вв. до н.э. на поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье	288
Sherbakova T.A., Tashi E.F. Rodoss Stamps of the middle of the III – first half of the II centuries B.C. at Chobruchi Settlement in Lower Dniester river Region	
Щербань А.Л. Посудиноподібні кружала на пам'ятках лівобережного лісостепу України скіфського часу	290
Sherban A.L. Vessel-Shaped Curve Pieces at Monuments of Left-Bank	

Forest-Steppe Region of Ukraine during Scythian Period

- Яценко С.А. Глиняные фигурки всадников древних иранских народов** 294
 Yatzenko S.A. Clay Figurines of Horsemen of Ancient Iranian Peoples

Частина 2

- Сапожников И.В. Многослойная стоянка Михайловка (Белолесье): проблемы стратиграфии и датировки** 299
 Sapozhnikov I.V. The multilayered site Mikhailovka (beloles'e): same Problems of Stratigraphy and Datings
- Островерхов А.С. Стародавні «фаянси» як історичне явище у пам'ятках епохи бронзи – початку заліза на території Східної Європи (III – перша половина I тис. до н.е.)** 317
 Ostroverkhov A.S. Ancient «faïence» as historical Phenómenon on the Monuments of Bronze – Begining Iron Age in the Eastern Europe Area (III – first Half I Millenium b.c.)
- Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса в конце VI – середине I в. до н. э.** 344
 Zubar V.M. State Structure of Chersonesos in Late VI - Middle I Centuries b.c.
- Колтухов С.Г., Тошев Г.Н. Курган эпохи бронзы у с. Приречное Нижнегорского района в Крыму** 355
 Koltuhov S.G., Toshev G.N. Burial Mound of Bronze Epoch near Pirechnoe village of Nizhnegorskiy region in Crimea

Перевод на английский О.С. Шейко

Наукове видання

Старожитності степового Причорномор'я і
Криму

Antiquities of Steppe Black Sea Region and Crimea

Т. XI

Редактор Г. М. Тошев
Художнє оформлення та макет Г. М. Тошева
Комп'ютерний набір авторів
Верстка С. І. Андрух
Коректор М. В. Єльницьков
Палітурні роботи виконав М. В. Єльницьков

Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Зб. наук. праць
/Ред.: П. П. Толочко (відп. ред.) та ін. – Запоріжжя, 2004. – Т. XI.

Археологічна лабораторія ЗДУ
Тел. 64-32-72; Skif@zsu.zp.ua, gent@comint.net

Здано до друку 14.06.2004.

Формат 90×60/8. Папір офсетний.

Гарнітура «Таймс». Друк різотрафічний.

Умовн. друк. аркушів 47,2. Наклад 300 екз. Зам. №419.

Надруковано в лабораторії видавничих технологій та комп'ютерної графіки ЗДУ.

Запорізький державний університет
63063, м. Запоріжжя, вул. Жуковського, 66

